

Памяти Людмилы Богословской

ЛИЦОМ К МОРЮ

Памяти
Людмилы Богословской

ЛИЦОМ К МОРЮ

ЛИЦОМ К МОРЮ

Людмила Сергеевна Богословская
1937—2015

Лицом к морю

Памяти Людмилы Богословской

Москва
2016

УДК 391/995(=1.140-17)082
ББК 63.5(2) + 28г
Л 65

Наследие Берингии. Выпуск 3

Составитель и отв. редактор
доктор биологических наук И.И. Крупник

Редколлегия:

Т.Ю. Ачиргина, Е.С. Богословская, М.М. Бронштейн,
И.И. Крупник, М.Е. Кулешова

Рецензенты:

А.В. Зименко, Центр охраны дикой природы, Москва;
А.А. Сирина, д.и.н., Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

Л 65 **Лицом к морю.** Памяти Людмилы Богословской. — Москва. 2016. — 648 с., илл., карты, библи.

ISBN 978-5-600-01365-0

Книга составлена из статей и личных воспоминаний коллег и научных соратников Л. С. Богословской (1937–2015) — замечательного российского биолога, специалиста по культурному и природному наследию Чукотки и Арктики. Авторы книги: ученые, работники служб охраны природы, активисты организаций коренных малочисленных народов, морские охотники, жители сел и городов Чукотки — рассказывают о своих научных работах и вкладе Л. С. Богословской в развитие знаний о природе и культуре Севера. Статьи охватывают широкий круг вопросов, связанных с современным положением жителей Севера, сохранением их народных знаний, традиций и языков; с общими вопросами охраны культурного и природного наследия в северных районах России. Ряд статей посвящен различным этапам истории Чукотки — от древности до относительно недавних усилий по созданию парка «Берингия» и проектов наблюдений за миграциями гренландских китов и других морских животных силами коренных охотников Чукотки. Книга предназначена для специалистов в сфере охраны культуры и природы Севера и широкого круга читателей, в первую очередь, жителей Чукотского АО.

УДК 391/995(=1.140-17)082
ББК 63.5(2) + 28г

На обложке книги использован рисунок С.А. Богословского (1981)

*«Вид с Китовой аллеи (о. Итыгран) на пролив Чечекуюм и остров Аракамчечен» из архива Е.С. Богословской
Стр. 2 – Л.С. Богословская. Фото Н.А. Перова (1980)*

ISBN 978-5-600-01365-0

© И.И. Крупник, тексты, редактирование, 2016
© П.Б. Аликулов, макет, верстка, 2016
© Е.С. Богословская, иллюстрации, обложка, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	8
<i>И. Крупник</i>	
Культура сохранит Природу: Дорогами Л.С. Богословской	11
<i>И. Крупник</i>	
Часть 1: Народные знания	39
Легендарные белые медведи-чудовища в устной традиции коренных народов Чукотки	41
<i>А. Кочнев</i>	
Работа с наблюдателями, коренными жителями Чукотки. Некоторые впечатления и размышления	68
<i>Н. Мыррин</i>	
Как надо сотрудничать странам и людям	87
<i>И. Загребин</i>	
Современные чукотские и эскимосские названия птиц района пролива Сенявина и бухты Ткачен	107
<i>А. Апалю, А. Боровик, Ю. Ятта, Н. Калюжина</i>	
О птицах, людях и народных знаниях. Глава «Птицы» из «Словаря лексики традиционного природопользования азиатских эскимосов-юпик»	120
<i>И. Крупник</i>	
Птицы Сиреников 1984 года (наброски к мемуарам)	150
<i>Н. Вахтин</i>	
Сезонные изменения ледового культурно-природного ландшафта в акватории села Уэлен	165
<i>В. Голбцева</i>	
Многолетние стационарные ледовые трещины у берегов юго-восточной Чукотки (Наблюдения за традиционным использованием ледового пространства)	175
<i>Н. Калюжина, А. Боровик, А. Апалю</i>	
«Смотри и учись»: молодые чукотские и эскимосские морские охотники сёл Лорино и Сиреники 2010-х гг.	191
<i>О. Яценко</i>	
Эскимосская топонимика района пролива Сенявина (юго-восточная Чукотка)	214
<i>М. Членов</i>	

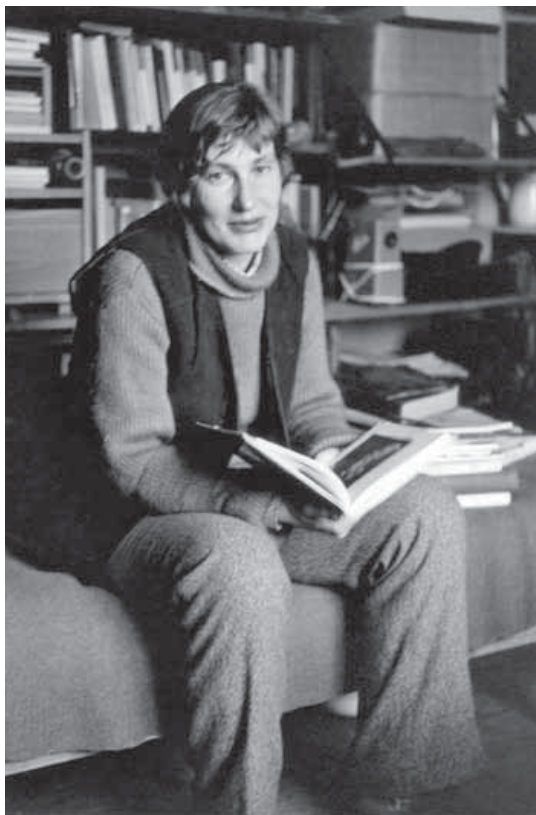
Часть 2: Культурное и природное наследие и его охрана	249
О некоторых противоречиях в сфере сохранения наследия. Подходы к решению конфликтов в современных культурных ландшафтах	251
<i>Ю. Веденин</i>	
Природно-культурный континуум наследия и формы его территориальной охраны	272
<i>М. Кулешова</i>	
Л.С. Богословская – научный руководитель разработки ТЭО Парка «Берингия» (1990–1991)	298
<i>Б. Вдовин</i>	
Традиционное природопользование поморов как фактор сохранения беломорского культурного ландшафта	317
<i>В. Спиридонов, Ю. Супруненко</i>	
Витамин D и здоровье северян	344
<i>А. Козлов, Г. Вершубская</i>	
Подходы к проектированию этно-экологических территорий.	363
<i>О. Штеле, П. Шульгин</i>	
Часть 3: Историческая память Чукотки	381
Воспоминания об Уэлькале.	383
<i>Л. Сальникова</i>	
«Новая Земля»: к истории образования группы уэлькальских эскимосов	396
<i>И. Крупник, М. Членов</i>	
«Всю ночь разглядываю скульптуру»: ритуальные предметы эскимосов о. Ратманова	422
<i>М. Бронштейн</i>	
К истории аборигенных собак Чукотки	447
<i>Д. Васюков, А. Савинецкий</i>	
Часть 4: Права коренных народов	475
Законотворчество в жизни Л.С. Богословской. Время надежд, успехов и утрат.	477
<i>О. Мурашко</i>	
Сотрудничество Л.С. Богословской с Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера	497
<i>Т. Семёнова, Н. Вронский, Р. Суляндзига</i>	

Часть 5: Воспоминания.	531
Ранние годы Людмилы Богословской – нейроморфолога (воспоминания коллег-биологов)	533
<i>Т. Голубева, З. Зорина</i>	
Людмила Евлампиева и ее дипломная работа: воспоминания 1959 г.	541
<i>И. Полетаева</i>	
Исследования моржей на острове Аракамчечен (Чукотка) (воспоминания о Людмиле Богословской)	545
<i>Т. Лисицына</i>	
Удивительные миры Людмилы Богословской	550
<i>Т. Ачиргина</i>	
Друг, учитель и наставник	555
<i>В. Голбцева</i>	
О нашей научной «маме»	563
<i>В. Нувано</i>	
Об ученом и человеке с благодарностью	568
<i>В. Леонова</i>	
Верность традициям (слово о Л.С. Богословской)	571
<i>В. Етылин</i>	
Памяти Людмилы Сергеевны Богословской, учёного и Человека.	575
<i>К. Сулимов</i>	
Путь вдаль ведет...	579
<i>Л. Аронова</i>	
Публикации	583
Л. Богословская – Вместе с эскимосами по следам эскимосов (1988).	585
Л. Богословская – Права коренных народов на земли (территории) как основу своего существования и этнической самобытности (2009).	606
Основные публикации Л.С. Богословской по Чукотке, Российскому Северу и проблемам Арктики (1979–2015)	621
Коротко об авторах	629
Summary	639
Table of Contents.	645

От редактора

На Севере бытует поговорка: «Когда из жизни уходит старейшина — это как сгорает целая библиотека». Людмила Сергеевна Богословская (1937–2015), которой посвящается эта книга, не могла остановить уход старейшин. Но она старалась делать все, чтобы сохранять библиотеки и создавать новые. Она записывала рассказы, собирала народные знания и издавала книги. Результаты ее трудов могут составить библиотеку, в которой видное место займут ее собственные книги.

Поэтому, когда Людмила Сергеевна ушла из жизни в феврале 2015 г., ее ближайшие коллеги и друзья решили, что лучшим памятником ей будет новая книга в «библиотеку Богословской». В марте 2015 г. на памятном вечере в Государственном музее Востока в Москве мы объявили о таком решении. В короткий срок около 40 коллег, друзей и партнеров Богословской по работам на Севере прислали свои материалы для сборника. Его подготовку взяла на себя инициативная группа-редколлегия в составе Татьяны Ачиргиной (Анадырь), Екатерины Богословской (дочери Л.С., Москва), Михаила Бронштейна (Москва), Игоря Крупника (Вашингтон) и Марины Кулешовой (Москва). Потребовалось около года интенсивной переписки, звонков между Анадырем, Providения, Москвой, Санкт-Петербургом и Вашингтоном. Получилось так, что эта книга объемом в 650 страниц отражает, прежде всего, вклад Л.С. Богословской в изучение Чукотки, Арктики, охрану культурного и природного наследия, то есть представляет вторую, «северную» половину ее научной жизни. Мы надеемся, что ее коллеги-биологи и нейроморфологи последуют нашему примеру и расскажут о роли Богословской в других областях науки.

*Л.С. Богословская, 1979 г.
Фото С. Богословского*

Людмила Сергеевна была необыкновенным человеком — целеустремленным, решительным, очень смелым

и принципиальным в отстаивании своей позиции и, одновременно, внимательным к коллегам и партнерам, сдержанным, порой подчеркнуто скромным в публичных ситуациях, и очень теплым в общении с жителями Севера. У нее были оппоненты, даже противники, но намного больше друзей и искренних почитателей. Для всех нас уход Богословской — огромная, невосполнимая потеря.

Мы назвали свою книгу «Лицом к морю»; нам кажется, что это — образ самой Людмилы Сергеевны. Она любила море, лодки, особенно кожаную эскимосскую байдару, и морские путешествия. Но это название также — символ морских охотников Арктики, жителей ее особой части, Чукотки, которой Богословская посвятила сорок лет своей жизни. В одной из своих книг она поэтически написала об этом так:

«Люди Берингова пролива — величайшие в мире охотники на китов, моржей и тюленей. Весь их быт, культура и языки пронизаны ощущением своей неразрывной связи с природой и морским промыслом. Ветры, течения, льды, туманы, приливы и отливы — все это и есть бытие береговых жителей... Эти люди живут не для того, чтобы покорять природу, ...а для того, чтобы быть самими собой, сохранять свои традиции, свой взгляд на мир, свою общинную спаянность — редкие по нашим временам качества».

(Основы морского зверобойного промысла, 2007. С. 36)

Сборник включает 35 статей и воспоминаний, в том числе две не публиковавшиеся ранее статьи Богословской, а также список ее печатных работ по Чукотке, Арктике, охране природы и прав народов Севера. Они объединены в шесть тематических разделов: «Народные знания», «Охрана культурного и природного наследия», «Историческая память Чукотки», «Права коренных народов», «Воспоминания» и «Публикации». Около половины сборника составляют новые оригинальные статьи на темы, которыми много лет занималась или очень интересовалась Л.С. Богословская: экологические и исторические знания жителей Чукотки; формы сохранения природы и культурного наследия, передачи культурных традиций; новые материалы о прошлом Чукотки; питание и здоровье жителей Севера. Семь статей описывают разные стороны научного наследия Богословской, ее вклад в изучение природы Чукотки и охрану прав жителей Севера. Заключительную часть книги составляют воспоминания о Богословской ее партнеров и учеников, жителей Чукотки, коллег-биологов. В сборнике имеется более 100 иллюстраций, в том числе десятки черно-белых фотографий периода полевой работы Богословской на Севере в 1970–1990-е гг.

У такой книги будут два очень непохожих круга читателей: те, кто хорошо знали Людмилу Сергеевну, и те, кто не встречались и, возможно, даже не

слышали об этом замечательном человеке. Для первых статьи сборника станут возвращением в искрометный, захватывающий «мир Богословской». Вместе мы пройдем через основные этапы ее жизненного пути; снова увидим Люду, Людмилу Сергеевну, доктора Богословскую; вспомним то, что узнали благодаря ей. Для тех, кто лично не встречался с Богословской, эта книга — рассказ о жизни большого, яркого ученого — одновременно станет путеводителем по самым острым темам недавней истории Российского Севера. Собранные в книге статьи не только описывают жизнь северных охотников и оленеводов, но и отражают ее нелегкую трансформацию в условиях большого государства.

Богословская была свидетелем и участником этих перемен: от поздней советской эпохи с ее совхозами и плановой модернизацией до времени надежд и свершений 1990-х гг., а затем — до последних дней жизни — непрекращающейся борьбы за права коренных народов, охрану их земель, поддержку национальных культур. Читателям сборника предстоит узнать главные «уроки Богословской», которые Людмила Сергеевна — ученый, общественный деятель, тонкий и вдумчивый человек — оставила нам для осмысления. Что в науке — как и в жизни — нет искусственных разделений и все взаимосвязано; что родная Природа помогает сохранить культуру, но что Культура есть сама лучший защитник природы; и что гармоничное развитие Севера невозможно без знаний и участия его жителей. Эти ее уроки — своего рода читательский билет в библиотеку Богословской, которую она строила всю свою жизнь.

Благодарность

Три человека сыграли решающую роль в подготовке книги: Юлия Бенционовна Виниченко, наш литературный редактор; Павел Аликулов, графический дизайнер; Екатерина Богословская, дочь Людмилы Сергеевны и хранитель ее архива. Мы благодарны нашим рецензентам — Анне Сириной и особенно Алексею Зименко за исключительно полезные замечания к тексту. В сборнике использованы фотографии, снятые участниками ранних экспедиций Богословской: Пятрасом Блузмой, Сергеем Богословским (1932–2013), Борисом Звоновым, Николаем Конюховым и Николаем Перовым, и в последние годы — Артуром Апалю, Александром Боровиком, Викторией Голбцевой, Игорем Загребиним, Натальей Калюжиной и другими. Тираж книги был напечатан при финансовой поддержке М. Бронштейна, Ю. Веденина, И. Крупника, М. Кулешовой, О. Мурашко, В. Нувано, И. Полетаевой, М. Черкасовой, М. Членова, О. Штеле, П. Шульгина, О. Яценко. Сердечное спасибо всем!

И. Крупник

Культура сохранит Природу: Дорогами Л.С. Богословской

И. Крупник

В феврале 2015 г. не стало Людмилы Сергеевны Богословской, биолога, эколога, специалиста по традиционным знаниям и культурам народов Чукотки, руководителя Центра традиционной культуры природопользования Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия (Института Наследия). Человек необычной научной судьбы, автор многих книг и десятков статей, она была неутомимым исследователем, великолепным и разносторонним ученым и одновременно — активным защитником природы и национальных культур жителей Российского Севера. Мы познакомились с ней осенью 1977 г. и потом дружили, сотрудничали и были соавторами почти сорок лет. Цель этой вступительной статьи — описать ее путь в науке и развитие как ученого и предложить некое видение «наследия Богословской». Различные стороны этого наследия, научного и человеческого, рассматриваются далее ее коллегами, друзьями и учениками в этой книге.

Л.С. Богословская (вторая слева) в эскимосской байдаре во время плавания в пос. Кургу, октябрь 1979 г. Крайний слева – капитан Алексей Ухтыкак, в центре – Владимир Акка, справа – Владимир Анкалин. Фото И.И. Крупника

От нейроморфологии до Чукотки: 1959-1977 гг.

Когда мы впервые встретились с Л. С. Богословской поздней осенью 1977 г., ей было 40 лет. Она была уже состоявшимся ученым, старшим научным сотрудником, руководителем группы Института эволюционной морфологии и экологии животных им. А. Н. Северцова (ИЭМЭЖ АН СССР, ныне Институт проблем экологии и эволюции РАН — см. статью Т. А. Голубевой и З. А. Зориной). Наша встреча произошла в момент, когда Богословская стояла на пороге нового этапа своей жизни, который затем был целиком связан с Чукоткой и Арктикой. Поэтому «северная» часть ее пути мне известна хорошо, а первая, нейроморфологическая — лишь пунктирно.

Людмила Сергеевна, всегда общительный и доброжелательный человек, на удивление мало рассказывала о себе и своей семье и избегала как-либо фокусироваться на своей персоне. О многих деталях ее биографии и ранних шагах в науке я узнавал случайно, мимоходом, порой много лет спустя, а о некоторых — от нее самой никогда не слышал. После ее ухода обнаружилось, что у нас нет не только полной научной биографии (и библиографии) Богословской, но даже ее друзьям извест-

ны лишь отдельные периоды ее жизни, зачастую с большими разрывами.

Научный путь Л. С. Богословской совершенно необычен для привычных представлений о разделении гуманитарных и естественных наук и «несовместимости» гуманитарного и естественнонаучного мировоззрений. Л. С. Богословская родилась в Москве; в 1959 г. закончила кафедру высшей нервной деятельности Биолого-почвенного факультета МГУ. Была ученицей Г. И. Полякова, известного нейроморфолога и нейрогистолога (см. воспоминания Т. А. Голубевой и З. А. Зориной). В 1963–1965 гг. училась в аспирантуре Института мозга

*Л. С. Богословская в поморском селе
Нижняя Золотица, Белое море, 1971 г.*

АМН СССР (диссертация «Нейроны и межнейронные связи кохлеарных ядер мозга млекопитающих», 1968). В 1968 г. пришла работать в ИЭМЭЖ, сначала младшим, потом — старшим, затем ведущим научным сотрудником.

В ее личной страничке на сайте Института Наследия, где она работала с 1993 г. (см. ниже), говорится, что в 1968–1979 гг. она руководила в ИЭМЭЖе Беломорской научной группой по изучению акустической системы и поведения детёнышей гренландского тюленя. Эта деятельность предполагала работу на ледовых ценных залежках тюленей, а значит — частые поездки зимой на Белое море, выход на дрейфующий лёд и знакомство со зверобоями-поморами, которые промышляли тюленя.

Помимо изучения мозга морских и наземных млекопитающих, Людмила Сергеевна активно занималась также строением мозга и системой навигации птиц. С 1971 г. в составе группы (впоследствии лаборатории) сенсорных систем позвоночных ИЭМЭЖ она стала исследовать поведение и физиологию китообразных, с полевыми выездами на Дальний Восток, Белое море и Утришскую биостанцию на Черном море. В 1973 г. перешла в лабораторию экологии и управления поведением птиц (руководитель В. Д. Ильичев). В 1987 г. защитила докторскую диссертацию по специальности «эмбриология и гистология» («Закономерности морфологического прогресса специализированных и универсальных центров головного мозга высших позвоночных»). По этой тематике опубликованы три монографии: «Слуховая система млекопитающих. Сравнительно-морфологический очерк» (Богословская, Солнцева, 1979), «Пути морфологического прогресса нервных центров у высших позвоночных» (Богословская, Поляков, 1981) и «Слуховые центры продолговатого мозга наземных позвоночных» (Барсова, Богословская, Васильев, 1985).

Эта часть ее академической карьеры не предполагала никаких пересечений с гуманитарными науками и культурами аборигенных народов Севера. В данном случае мы имеем пример сознательного движения из одной области науки в другую, выбор нового пути, обретение нового круга знаний и контактов. Произошло это не сразу, и Людмила Сергеевна продолжала считать себя биологом до конца жизни. В своей новой «северной» сфере она была еще более успешна, постоянно расширяя свои интересы и сферы деятельности. В Приложении перечислены хронологически ее главные научные инициативы («проекты»), связанные с Чукоткой и Арктикой, осуществленные в 1977–2014 гг. В короткой

статье трудно рассказать обо всех; поэтому я останавливаюсь лишь на тех, с которыми хорошо знаком по совместной работе и публикациям. О сторонах ее жизни, лучше известных другим партнерам Богословской, подробно рассказывается в последующих разделах этой книги.

Чукотка, 1977-1988: От первых маршрутов до «Тревожного Севера»

Динамичный и ищущий человек, Л. С. Богословская открыла для себя новый мир в ходе своих первых поездок на восточную Чукотку, в район Берингова пролива. Начиная с 1977 г., вместе с сотрудниками созданной ею Чукотской зоологической экспедиции ИЭМЭЖ она проводила наблюдения за морскими млекопитающими и птицами в районе моржового лежбища на необитаемом острове Аракамчечен в проливе Сенявина (см. воспоминания Т. Ю. Лисицыной). Здесь в сентябре 1977 г. мы и познакомились с ее сотрудниками, приехав на вельботе на аракамчеченское лежбище во время обследования древних поселений вокруг знаменитой «Китовой аллеи» (Арутюнов, Крупник, Членов, 1982). Хорошо помню наш приезд в лагерь Богословской и «экскурсию» по древним памятникам из китовых костей рядом с палатками биологов, которую провели для нас ее сотрудники. Ее самой в тот момент на острове не было; в 1981 г. мы сделали для Богословской и ее команды ответную экскурсию по «Китовой аллее».

Капитан китобойного судна «Звёздный» Леонард Максимович Вотрогов (1929–1982)

В эти годы она познакомилась с новыми людьми, которые впоследствии стали ее научными партнерами, соавторами, участниками совместных экспедиций: ботаником Б. А. Юрцевым, этнографами М. А. Членовым и С. А. Арутюновым, капитаном китобойного судна «Звёздный» Л. М. Вотроговым и морскими охотниками из ближайшего чукотского посёлка Янракыннот, через который осуществлялись высадка и снабжение ее лагеря на острове.

*Лагерь на острове
Аракамчен.
Слева направо:
Пятрас Блузма,
Л.С. Богословская,
Катя Богословская.
Фото Н.А. Перова,
1978 г.*

*Остров
Аракамчен,
лето 1978 г.
Андрей Лемберг,
Л.С. Богословская
и Николай Перов
берут пробы
у первого моржа.
Фото П. Блузмы*

*Л.С. Богословская
с командой
сирениковской
байдары во
время плавания
в пос. Кургу,
октябрь 1979 г.
Слева направо:
Алексей Ухтыкак,
Владимир Анаклин,
Л.С. Богословская,
Николай Каваугье,
Владимир Акка.
Фото И.И. Крупника*

Наша первая встреча, как уже отмечалось, произошла осенью 1977 г. в Москве, после возвращения из экспедиции, когда она пришла на наш доклад в Географическом обществе, чтобы познакомиться с этнографами, работающими на Чукотке совсем «рядом» с ее группой. Мы мгновенно поняли друг друга и уже через год-два стали партнерами и соавторами по докладам и публикациям.

Первоначально работы на Аракамчечене были исключительно биологическими; они продолжились летом 1978 и 1979 гг. (см. Богословская, Лемберг, 1979). Но очень быстро видение Богословской стало меняться — от общения с охотниками, разговоров с коллегами-этнографами и, в первую очередь, под влиянием знакомства с капитаном Л. М. Вотроговым, который создал и поддерживал сеть наблюдателей из местных охотников в поселках Чукотки. Впоследствии Богословская напишет о Вотрогове и его вкладе в изучение китов и в поддержание промысловой культуры и знаний местных жителей (Богословская, 2003, с. 13–29).

Осенью 1979 г., уже после работ на Аракамчечене и «Китовой аллее», мы с Л. С. оказались вместе в посёлке Сиреники на берегу Берингова моря. Богословская занималась подготовкой срезов мозга моржей, добытых местными охотниками, а я ходил по домам и беседовал со стариками и старушками о старой жизни. Вскоре мне удалось договориться о поездке в несколько заброшенных эскимосских селений на кожаной лодке-байдаре с командой из местных охотников (Богословская, 2003, с. 26). Помню удивительное чувство, когда мы стояли вместе у развалин древних землянок, где жили предки охотников, которые привезли нас туда в своих лодках. Многие из них считали старые землянки частью своей традиции и помнили, что их предки были родом из этих мест. Возможно, Богословская впервые увидела тогда, что памятники природы и культуры на одной территории часто трудно различимы и имеют важное значение для местных жителей. Поэтому они требуют не только комплексного изучения, но и одновременной охраны (Богословская, Членов, Юрцев, 1979). Вся последующая ее деятельность по сохранению природного и культурного наследия стала развитием этого мировоззрения, весьма необычного для биолога.

С 1980 г. Богословская стала целенаправленно изучать миграции и поведение гренландских и серых китов в водах Чукотки, а также народные знания и аборигенную охоту на этих животных. Результатом

этих работ стала серия публикаций в трудах Международной китобойной комиссии (МКК) и Совета по морским млекопитающим Ихтиологической комиссии Министерства рыбного хозяйства СССР (Богословская, Вотрогов, 1981; Богословская и др., 1984; Bogoslovskaya et al., 1981, 1982a, 1982b; Krupnik et al., 1983; Votrogov, Bogoslovskaya, 1980; Yablokov, Bogoslovskaya, 1984). Одновременно она начала заниматься тем, что сейчас называют «политическим активизмом», то есть выступлениями, написанием научных статей и рекомендательных записок в поддержку традиционного природопользования коренных жителей Чукотки, их права на добычу морских ресурсов.

В серии текстов, в том числе докладах на МКК мы предлагали возобновить промысел гренландского кита силами местных охотников Чукотки, который был тогда запрещен правительством СССР (Богословская и др., 1980). В 1982 г. на заседании Ихтиологической комиссии Богословская вместе с Вотроговым обратилась с предложением начать такой промысел в соответствии с просьбами коренных жителей. Потребовалось много лет, чтобы аборигенный промысел гренландского кита на Чукотке был восстановлен в 1997 г., по выделенной МКК квоте для России; обоснование ее мы написали вместе с председателем Общества эскимосов Чукотки Л. И. Айнаной и биологом Н. И. Мымриным (Bogoslovskaya et al., 1997).

Страсть к путешествиям и жажда нового двигали Богословскую дальше. В 1981 г. она договорилась с Управлением сельского хозяйства Магаданской области о совместной экспедиции биологов и этнографов для обследования побережья Чукотки с кожаных байдар и вельботов с местными командами (см. статью Л. С. Богословской). Научные экспедиции регулярно пользовались в те годы подобным транспортом для коротких маршрутов, выездов в районы наблюдений и раскопок. Но длительные плавания на лодках с местными командами, обычные в 1940–1950-е гг., были тогда запрещены пограничниками и властями. Богословская сумела пробить этот барьер. Летом 1981 г. состоялось совместное плавание группы биологов (Л. С., орнитолог Б. М. Звонов, аспирант-ихтиолог А. С. Голубцов) на кожаной байдаре с командой сирениковских эскимосов (А. Анкалин, Н. Гальгаугье и В. Миенков) и этнографического отряда (М. А. Членов, И. И. Крупник, и художник С. А. Богословский, муж Л. С.) на деревянном вельботе с эскимосской командой из пос. Новое Чаплино (см. Богословская, 2003, с. 29–32; Членов, Крупник, 1984; Chlenov,

Крупник, 1984). Главным достижением совместной экспедиции стало открытие неизвестного до того варианта приморской культуры охотников на детёнышей серых китов в Мечигменском заливе («культура Масик»), ее древних памятников и исторической преемственности с промысловой традицией пос. Лорино, куда в 1950-е гг. были свезены потомки китобоев из соседних селений и стойбищ.

В 1985 г. Богословская совершила второе плавание на байдаре с другой эскимосской командой из Сиреников (Т. Панаугье, С. Нанухтак, В. Миенков, орнитологи Б. М. Звонов и Н. Б. Конюхов) и прошла через Берингов пролив до пос. Энурмино на мысе Сердце-Камень и по возвращении — далее на запад от Сиреников до бухты Преображения. На всем пути были описаны птичьи базары, сезонные концентрации китов и ластоногих и остатки древних аборигенных поселений. В 1987 г. она осуществила еще один маршрут на байдаре из Сиреников (капитан П. Тыпыхкак) на закрытый для посещения остров Ратманова в центре Берингова пролива. Богословская обследовала древние поля вертикальных камней-менгиров в центральной части острова и привезла небольшую коллекцию предметов, собранных вокруг старого поселка Имаклик (см. статью М. Бронштейна; Богословская, 2003, с. 33–34). В результате этих плаваний она приобрела детальные топографические знания расположения птичьих базаров, моржовых лежбищ, тюленьих залежек, участков концентрации серых и гренландских китов, а также древних аборигенных стоянок и районов промысла вдоль всего побережья Чукотского п-ова. Одновременно она познакомилась с охотниками и старейшинами во многих поселках. Эти знания оченьгодились ей в новых сферах ее деятельности в последующие годы.

В то десятилетие Богословская работала на Чукотке практически каждый год, часто по многу месяцев. Но к концу 1980-х гг. центр ее усилий опять сместился в Москву, когда с развитием перестройки наступила эра «политического активизма». В 1988 г. она была в составе членов-учредителей научной группы «Тревожный Север» (А. И. Пика, Б. Б. Прохоров, И. И. Крупник, Д. Д. Богдавленский, О. А. Мурашко и др. — см. статью О. А. Мурашко), сотрудничала с организаторами Первого съезда народов Севера (март 1990 г.), руководила экологической группой Государственной экспертной комиссии по проекту освоения газоконденсатных месторождений Бованенково и Харасавэй на п-ове Ямал (см. статью Б. Вдовина; проект был тогда отклонен экспертами как

Участники совместной биолого-этнографической экспедиции в пос. Лорино, август 1981 г. Первый ряд: Сергей Богословский, Геннадий Каяк. Второй ряд: Игорь Крупник, Николай Гальгаугье, Евгений Паулин, Михаил Членов, Дмитрий Агнагисяк, неизвестный мальчик из Лорино, Борис Звонов, Людмила Богословская, Александр Голубцов. Третий ряд: Николай Панагиргин, Андрей Анкалин, Юрий Ятта, Виктор Миенков, Владимир Тагутуткак

*Л.С. Богословская во время похода на байдаре 1985 г.
В центре – Виктор Миенков, справа – орнитолог Борис Звонов. Фото Н.Б. Конюхова*

несоответствующий экологическим и социальным требованиям). Новая деятельность стала продолжением того, что Богословская узнала на Чукотке за годы работы с местными охотниками и послужила толчком для дальнейшего ее движения в сторону современных проблем коренного населения Арктики и сохранения его наследия.

Традиционное природопользование и его охрана: 1990-е гг.

Уже с конца 1970-х гг. Богословская стала пропагандировать необходимость создания специальных охраняемых территорий на Чукотке, которые включали бы береговые и прибрежные экосистемы, а также культурные памятники коренных жителей (Богословская, Членов, Юрцев, 1979). К 1989–1990 гг. ее идея создания такого комплексного природно-культурного парка в районе Берингова пролива получила поддержку на самом высоком правительственном уровне, особенно после подписания летом 1990 г. совместного заявления Президентов СССР и США М. С. Горбачева и Дж. Буша об организации там советско-американского международного парка. В 1990 г. Богословская (совместно с В. А. Красиловым) возглавила научную работу по обоснованию российской части будущего парка для сохранения «региона планетарного значения» (Богословская, Красилов, 1991 — см. статью Б. И. Вдовина). Задачу эту удалось осуществить лишь частично в 1993 г., когда запланированный международный парк был образован декретом Администрации Чукотского округа как региональный природно-этнический парк «Берингия» (Загребин, 2013), без международного подчинения, действующего научного центра и, главное, участков охраняемых морских акваторий, критически важных для морских животных и местных охотников. Первый директор парка, биолог Н. К. Железнов, критически относился к идеям Богословской и сделал все, чтобы ее влияние на работу нового парка было минимальным.

В 1992–1994 гг. Богословская возглавляла работы по изучению миграций гренландских китов силами местных наблюдателей в национальных поселках Чукотки (см. статью Н. Мырина), а затем участвовала как научный эксперт в проектах наблюдений за китами, финансируемых отделом природных ресурсов округа Северного Склона (North Slope

Участники похода на байдаре 1985 г. Первый ряд: Николай Конюхов, Виктор Миенков; второй ряд: Л.С. Богословская, Тимофей Панагуье, Сергей Нанухтак, Борис Звонов

Воруж) штата Аляска (см. статью И. Загребина). В эти годы интересы Богословской все больше сдвигаются в сторону изучения морского промысла, народных знаний и культурных традиций коренного населения. В 1988–1992 гг. она руководила проектом «Аборигенные собаки Российского Севера» (Л. Богословская, Н. Носов, И. Фрадин, В. Беленький, Е. Богословская), в рамках которого была проведена перепись аборигенных собак и действующих собачьих упряжек во всех прибрежных поселках Чукотки (Богословская и др., 2007, с. 265–266). Так началась еще одна сторона ее деятельности, которая привела к разработке официального стандарта породы «чукотская ездовая» и возрождению традиции гонок на аборигенных собачьих упряжках на Чукотке (гонка «Надежда» — Богословская, 2011).

В начале февраля 1993 г. Богословская переходит на работу в только что созданный Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, где создает и возглавляет до своих последних дней Центр традиционных форм природопользования (с 1998 г.— Центр традиционной культуры при-

родопользования — см. статью Ю. Веденина). В новом институте среди коллег-географов, экономистов, социологов и чистых гуманитариев — историков, фольклористов, философов, искусствоведов, она чувствовала себя легко и естественно, с удовольствием осваивая методы и знания других дисциплин. В 1995–96 гг. мы участвовали как соавторы в международной монографии о роли аборигенного китобойного промысла в жизни эскимосов Аляски, Канады, России и Гренландии (Freeman et al., 1998), для которой она провела (совместно с Т. Ю. Ачиргиной и Л. И. Айнаной) социологический опрос о значении китообразных и китобойного промысла для коренных жителей Чукотки — эскимосов и чукчей.

Логическим завершением этого перехода стало обращение Богословской к теме законодательного статуса коренных народов Севера в системе Российской Федерации, охраны их прав на ресурсы и земли традиционного природопользования (см. статью О. Мурашко). С 1996 г. она сотрудничала с организациями коренных народов и администрацией Ханты-Мансийского автономного округа в разработке окружного закона о территориях традиционного природопользования (Богословская, Кривондасова, 1996; Богословская и др., 1999), а затем стала главной силой в разработке аналогичного федерального закона (Богословская, 2000; Богословская и др., 2000). Такой федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» был принят Государственной Думой 7 мая 2001 г. (см. полный текст закона: «Российская газета», № 88, 11.05.2001; <http://base.garant.ru/12122856/>). К концу 1990-х гг. Богословская входит в число наиболее известных российских ученых-специалистов по правам коренных народов, становится экспертом Государственной Думы и Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (см. статью Т. Семёновой, Н. Вронского и Р. Суляндзиги).

Время писать: 2000–2015 гг.

После 2000 г. в жизни Богословской начинается следующий период. Из-за частых болей в спине, поврежденной при падении в 1987 г. на острове Ратманова, она уже не могла ездить в экспедиции. И хотя Людмила Сергеевна постоянно стремилась на Чукотку, она стала

больше писать и, главное, начала активно издавать свои книги. В десятилетие между 2003 и 2013 гг. она опубликовала пять книг (Богословская 2003, 2011; Богословская и др., 2007, 2008; Богословская, Крупник, 2013), продолжая неутомимо работать, несмотря на ухудшающееся здоровье. При этом она освоила собственный новый жанр — книги, альбомы или «пособия», написанные популярным языком, с доходчивыми запоминающимися названиями («Киты Чукотки», «Тропой Богораза», «Наши льды, снега и ветры» и др.) и иллюстрированные рисунками, историческими и современными фотографиями. Такие книги предназначались, в первую очередь, для читателей на Чукотке. Богословская не только научилась относительно недорого печатать эти книги, преимущественно на средства чукотских организаций (окружного Института развития образования и повышения квалификации, Чукотского филиала Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ), Комитета по спорту и туризму правительства Чукотки), но и создала свою систему их доставки на Чукотку: с приезжающими оттуда гостями, едущими на Север коллегами или собственными бесконечными походами на почту с бандеролями. На это она никогда не жалела сил. Так она стала самостоятельным центром издания и распространения книг о Чукотке, для Чукотки и с участием многочисленных партнеров и друзей на Чукотке.

Ее последние книжки (Богословская, 2011; Богословская, Крупник, 2013) включали уже десятки цветных иллюстраций. Все книги становились событиями культурной жизни Чукотки, особенно для местной национальной интеллигенции. Составленный ею альбом о собаках Чукотки и гонках на собачьих упряжках (Богословская, 2011) был уже после ее кончины переиздан на английском языке на средства окружного правительства (Bogoslovskaya, 2014). Английский перевод другой книги — пособия «Основы морского зверобойного

Л.С. Богословская представляет только что вышедший альбом «Надежда» в Анадыре, апрель 2011 г. Фото В.В. Голбцевой

промысла» (Богословская и др., 2007), опубликован в 2016 г. на Аляске на средства программы «Общее наследие Берингии» Службы Национальных Парков США.

Я стал частью «издательства Богословской» в 2005 г., когда она пригласила меня помочь ей со сборником о культурном наследии Чукотки. Рукопись этого сборника первоначально готовилась Чукотским филиалом СВКНИИ к столетию исследований В. Г. Богораза на Чукотке в составе Джесуповской экспедиции в 1900–1901 гг. Но издание тогда не состоялось, и в очередной приезд Богословской в Анадырь ее попросили стать главным редактором книги под названием «Тропой Богораза» и довести ее до публикации (сообщение Н. И. Вуквукай). Летом 2005 г. был заключен договор между Чукотским филиалом и Институтом Наследия, и в сентябре 2005 г. Богословская предложила мне стать со-редактором книги, вместе с ней и директором филиала В. С. Кривощёковым. Тогда в рукописи было 10 статей; я согласился написать короткое предисловие о работах В. Г. Богораза и его учеников на Чукотке.

Богословская одновременно готовила для Чукотки еще одну книгу (Богословская и др., 2007), и еще мы вместе делали программу трехлетних исследований в рамках Международного полярного года 2007–2008 (Крупник, Богословская, 2007). Но несмотря на занятость,

Л.С. Богословская обсуждает проект СИКУ с работниками Парка «Берингия» Н.И. Калюжиной и А.В. Апалю. Лаврентия, апрель 2009 г. (фото из архива Н.И. Калюжиной)

она приступила к новой работе с присущей ей энергией. Первым делом она привлекла в книгу новых авторов, так что число помещенных в ней статей увеличилось с 10 до 43 (!), включая мемуары, архивные документы и исторические публикации. Вместе мы подобрали более 150 черно-белых фотографий-иллюстраций, в том числе — сделанные в ходе поездки Богоразы на Чукотку в 1900–1901 гг. (ныне хранятся в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке), снятые его учеником А. С. Форштейном в 1928–1929 гг. (хранятся в Музее антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге) и снимки из разнообразных личных коллекций жителей Чукотки. К ним она старательно собирала подписи-пояснения, часто с полными биографическими данными изображенных на них людей. Богословская была вообще чрезвычайно внимательна к памяти об ушедших исследователях Чукотки и местных старейшинах и стремилась сохранить память о них для молодых поколений.

За год интенсивной работы сформировалась большая и совершенно необычная книга (Богословская и др., 2008). Потом были еще месяцы редакторской правки, работы над художественным оформлением издания. В итоге в книге оказалось 39 авторов, в том числе 16 — из числа коренных жителей Чукотки, чьи статьи Богословская внимательно отредактировала. Все издание держалось на ее личной энергии, которой она заряжала авторов, в том числе, постоянными звонками из Москвы в Анадырь и местные поселки. В итоге она действительно сделала первую историческую книгу о Чукотке и В. Г. Богоразе, которая буквально наполнена голосами национальных авторов. Через несколько лет мы использовали ту же модель для книги по проекту СИКУ (SIKU — Sea Ice Knowledge and Use), «Наши льды, снега и ветры» (Богословская, Крупник, 2013; см. статью Калюжиной и др.), в которой было 16 участников из числа коренных жителей Чукотки.

«Неизданная» Богословская

Эта кипучая энергия была, пожалуй, самой яркой чертой личности Богословской. Она была в постоянном движении, в поиске, в работе. Как у всякого активного ученого, у нее было множество проектов, часто — одновременно. Рядом с ней всегда было интересно, и этот

вихрь как магнит притягивал к себе людей. Большое число ее начинаний были закончены и изданы в виде книг или статей; но естественно были и такие, что остались незавершенными. В этом разделе я расскажу о некоторых неизданных работах Богословской. Они были известны лишь узкому кругу ее друзей и коллег, но в полной мере являются частью ее научного наследия.

«Морская промысловая культура Чукотки». В декабре 1996 г. Национальная Океаническая и Атмосферная Служба США (National Oceanic and Atmospheric Administration — NOAA) открыла сбор заявок на научные проекты в рамках новой программы под названием «Арктическая научная инициатива» с упором на изучение современных глобальных изменений и их влияния на экосистемы Берингова моря. Я связался с Людмилой Сергеевной и предложил ей подать совместную заявку на проект по аборигенному промыслу Чукотки. Она сразу согласилась. Я написал заявку; и весной 1997 г. нам сообщили, что наш проект «Изменения экосистем и аборигенная охотничья нагрузка в регионе Берингова пролива» получил финансирование. Летом этого года Богословская провела полевые работы на Чукотке, базируясь в Уэлене и пользуясь уэленскими охотничьими вельботами для поездок вокруг Уэлена, Наукана и Инчоуна. Итогом нашего сотрудничества стал большой совместный отчет (Krupnik, Bogoslovskaya, 1998) и сводная статья (Krupnik, Bogoslovskaya, 1999), где впервые анализировалось влияние исторических колебаний ледовитости Чукотки в первой половине XX века на размеры аборигенного морского промысла.

Летом 1998 г. мы встретились с Людмилой Сергеевной в Москве для работы над отчетом. Практически сразу мы решили, что помимо английского отчета по гранту мы будем делать большую книгу на русском языке, посвященную морской культуре Чукотки, по своим полевым исследованиям и собранным историческим материалам. Быстро пришло название такой книги — «Морская промысловая культура Чукотки. Национальная традиция (в условиях) XX века». Был составлен проспект будущей книги из девяти больших глав; ядром должна была стать центральная глава, посвященная десяти промыслово-экологическим регионам Чукотки — от Анадырского лимана до мыса Ванкарем, с описанием местных ресурсов, истории и особенностей аборигенного природопользования. Главным источником для написания этой главы стали детальные знания Л.С., полученные ею в ходе походов на байдарках 1980-х

гг. и работы с местными наблюдателями по программам мониторинга миграций гренландского кита. Тогда же Богословская предложила взять в книгу третьего соавтора — биолога-охотоведа Н. И. Мымрина из пос. Провидения, вместе с которым она организовала эту систему мониторинга силами местных охотников (см. статью Н. Мымрина). Я связался с Мымриным и пригласил его в соавторы; он с радостью согласился.

Основную часть книги мы написали с Богословской в Москве в те летние недели 1998 г. и потом только исправляли, редактировали и дополняли текст. Лето 1999 г. она снова провела на Чукотке, работая по гранту. Весной 2000 г. мы закончили последнюю главу будущей книги — «Трансформация приморской культуры на пороге XXI века». К лету 2000 г. рукопись в 400 стр. была вчерне готова; Богословская планировала сдать ее в Институт Наследия для публикации. Но потом что-то произошло (сейчас трудно вспомнить); мы оба отвлеклись на другие работы, и рукопись так и осталась незавершенной. Конечно, этот труд не прошел впустую, потому что большие куски из рукописи вскоре вошли в книгу «Основы морского зверобойного промысла» (Богословская и др., 2007), частично в главу в другой нашей книге (Богословская, Крупник, 2008) и в ряд совместных и индивидуальных публикаций (Богословская, Крупник, 2000; Krupnik, Bogoslovskaya, 1999). Но главная и наиболее содержательная глава с описанием десяти эколого-промысловых районов Чукотки, к сожалению, так и осталась незавершенной.

И все же этот первый опыт нашей совместной работы над большой книгой об аборигенном промысле трудно переоценить. Он закрепил выработанное Богословской широкое видение аборигенной морской культуры — как географически, по локальным вариантам («промыслово-экологическим регионам»), так и исторически, по основным фазам развития аборигенного хозяйства на протяжении XX века. Такое видение резко выделяло Л.С. на фоне всех остальных ученых, работавших в те десятилетия на Чукотке.

В архиве Богословской сохранились еще три большие незаконченные рукописи. Об одной из них — «Словаре лексики традиционного природопользования чаплинских эскимосов» (Айнана, Богословская, б.г.) рассказывается в специальной главе (см. статью И. Крупника). Вторая — переведенный на английский язык отчет о социологическом

опросе о роли китобойного промысла в культуре и питании коренного населения Чукотки, проведенном в 1995–1996 гг. для Инуитского циркумполярного совета (ИСС — Bogoslovskaya, 1996). Лишь малая его часть вошла отдельными отрывками в коллективную книгу об эскимосском (инуитском) китобойном промысле (Freeman et al., 1998). Третья незаконченная рукопись, которую Богословская собирала и редактировала совместно с генетиком И. А. Захаровым-Гезехусом с 2009 г., называется «Аборигенные собаки России». Это — сборник статей о малоизученных породах собак, включая аборигенных собак Сибири и Российской Арктики, которых Богословская считала уникальным культурным и биологическим достоянием России.

Наследие Богословской: Культура сохранит Природу

Научное и человеческое наследие Л. С. Богословской обширно и очень разнообразно. Она была человеком большой души, широких интересов и неутомимой жажды нового. За 55 лет своей жизни в науке она проделала путь от молодого специалиста по мозгу позвоночных до ведущего российского и международного эксперта в области сохранения природы и культурного наследия Севера.

Благодаря своей активной нравственной позиции, биолог Богословская участвовала в разработке федеральных законов «О животном мире» (1995), «О континентальном шельфе РФ» (1995), «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (2001) (см. статью О. Мурашко). В течение многих лет она была экспертом Комитета Госдумы РФ по природным ресурсам и природопользованию, Комитета Госдумы по делам национальностей, членом Российского отделения Международной рабочей группы по делам коренных народов при ООН, научным консультантом Совета китобойных общин мира. С ее авторитетным мнением считались морские охотники Чукотки и депутаты Госдумы, коллеги-биологи и чиновники северных администраций, участники гонок на собачьих упряжках и сотрудники научных институтов.

С начала 1980-х гг. Л. С. Богословская стала экспертом, затем членом Совета по морским млекопитающим, тогда в составе Ихтиологической комиссии Минрыбхоза. В работу Совета она принесла не только свое знание морских животных и природы Севера, но и новую тематику, связанную с морским промыслом коренных жителей Российской Арктики. Именно благодаря ей в Совете сложилось понимание того, что специалистам-биологам необходимо поддерживать интересы коренных северян. Когда в 1995 г. Совет по морским млекопитающим восстановил свою работу как неправительственная научно-консультативная организация, Богословская была одним из ее членов-учредителей и бессменным членом правления. В 2014 г. за свой вклад в изучение морских млекопитающих и охрану экосистем полярных морей она была награждена медалью А. Г. Томилина, в честь выдающегося российского биолога А. Г. Томилина (1912–2000).

И все же главным в наследии Богословской я считаю не ее книги, статьи, публичные выступления или принятые благодаря ей законы, а пример ее жизненного выбора, ее духовного и профессионального развития. Многие биологи, занимающиеся охраной природы Севера, тесно работают с коренными жителями, записывают их знания, защищают права коренных народов на свои земли и ресурсы. Но, пожалуй, из всех известных мне случаев только Богословская проделала путь от понимания необходимости охраны природы как условия сохранения аборигенных культур к осознанию того, что нужно в первую очередь сохранять культуру, и тогда культура сбережет природу.

Такая философия, совершенно необычная для биолога, пришла к ней не сразу. Три человека, по ее рассказам, сыграли решающую роль в ее эволюции. Первым был эскимосский охотник из Сиреников Николай Гальгаугье (1935–1995), который был участником ее первого большого похода на байдаре летом 1981 г. В то лето и в последующие годы Богословская подробно записывала рассказы Гальгаугье и часто приводила в пример его видение взаимоотношений человека и животных. Вторым был хантыйский поэт, философ, хранитель национального фольклора *Леонтий Тарагупта*, с которым Богословская познакомилась на международном симпозиуме по знаниям коренных народов Арктики в Исландии в 1994 г. По ее рассказам, они много общались в той поездке, а по возвращении в Москву Богословская записала развернутое интервью Тарагупты, своего рода «философский манифест»

о понимании хантами их места в Природе и мире. Третьим человеком был российский этнограф *Владислав Кулемзин*. С ним Богословская познакомилась в середине 1990-х гг., когда ездила в Ханты-Мансийск для работы над окружным законом о территориях традиционного природопользования.

Выражением ее новых взглядов стал раздел о важности знаний коренного населения, который она включила в эпилог нашей книги по результатам проекта СИКУ (SIKU) на Чукотке (Богословская, Крупник, 2013, с.331–332):

«Общины коренного населения, чья повседневная жизнь и благосостояние основаны на использовании ресурсов окружающей среды, обычно стремятся к тому, чтобы их деятельность не подрывала уровень этих ресурсов, то есть основу их жизнеобеспечения. Поэтому биологическое разнообразие может быть реально сохранено только «на местах» и только в контексте поддержания культурного многообразия, под которым мы понимаем сохранение локальных вариантов национальной культуры каждого народа.

В таком понимании активное поддержание культурного наследия аборигенных народов есть наиболее эффективный способ сохранения и Природы, и Культуры. Как писал сибирский этнограф Владислав Кулемзин, «это приводит нас к признанию довольно необычного факта: человек проявляет бережливое, щадящее отношение к природе только в рамках соответствующих традиций. Образно говоря, природу бережет не человек, а традиция» (Koulemzine, 1999, p. 450).

В этом нам видится особая роль аборигенных народов в поддержании общепланетарного биологического и культурного разнообразия. Сохраняя и защищая свое культурное наследие, аборигенные народы исторически стремятся поддерживать разнообразие своей природной среды как основы своего существования и национальной самобытности. <...> Без аборигенных народов и их знаний планетарное разнообразие, как биологическое, так и культурное, будет утрачено безвозвратно и потери всего человечества будут необратимы».

Но, пожалуй, ярче всего философия Богословской отразилась в ее последней опубликованной статье с характерным названием «Будущее Российской Арктики — система культур или сумма технологий?» (Богословская, 2014), в которой она опять же цитировала Кулемзина и Тарагупту:

«По мнению автора данной статьи, этот процесс (экологической катастрофы в Российской Арктике.— И.К.) обусловлен, прежде всего, заменой пространственно динамичных, но медленных во времени ("спокойных") традиционных культур коренного населения Арктики на пространственно статичные, но чрезвычайно скоростные ресурсодобывающие технологии, представляющие лишь части культуры доминирующего постиндустриального общества, причём части, экологически самые "грязные".

Традиционные культуры Арктики и Севера в целом — это опыт адаптации человеческих коллективов к экстремальной природной среде, древний, успешный и принципиально иной, чем опыт европейской цивилизации последних веков. Тонкий знаток внутреннего мира коренных народов, ханты Леонтий Тарагупта так определяет различие между "северной" и "западной" культурами:

"Первый наш закон — абсолютное неприятие статики. Любое название, присвоение имени — это уже статика, это уже убивает наш дух, наши знания. Сам факт закрепления какого-то уровня знаний в соотношении с характером духовной жизни северянина сразу делает их вчерашними. А европейская традиция, ведь, какая — потом, опираясь на эти знания, власти будут прогнозировать нашу экономику, социальное развитие, программировать наш путь мировоззренческий. А это уже — отставший момент, как оставшаяся позади железнодорожная станция. <...> **Самое важное для нас — не знание о единстве мира, а умение войти в это единство мира и умение выйти из него**" (выделено Богословской; см. полный текст в статье см. статью Т. Семёновой, Н. Вронского и Р. Суляндзиги. — И. К.).

Это, безусловно, текст не биолога и даже не этнографа, а скорее философа или культуролога. Через тридцать пять лет после своих первых поездок в лодках с местными охотниками, бывший нейроморфолог, специалист по мозгу млекопитающих и навигации птиц напишет такие слова.

Кода

Летом 1981 г. вдоль берегов Чукотки вместе шли две лодки с двумя московскими экспедициями — зоологической и этнографической. Зоологической командовала Богословская; под ее началом была

кожаная байдара из Сиреников с лучшей командой эскимосских охотников (см. статью Л. С. Богословской). А у нас, этнографов, был старый деревянный вельбот из Нового Чаплина, с командой из развалистых мужиков в ватниках, тоже замечательных (см. Членов, Крупник, 1984). Сказать что лодки шли вместе будет преувеличением. Пока мы плелись на своем вельботе, кожаная байдара Людмилы Сергеевны рассекала волну и, как чайка, кружила вокруг нас и, казалось, над нами. Встречались мы вечером на берегу у костра, где команда Богословской щедро делилась своей свежей морской добычей.

Соревноваться с ними было бесполезно. Но потихоньку возникло дружеское ироничное противостояние между «этнографами» (как они называли нас) и биологами, или «зоолюдьми» (как мы называли их). Они были — суровые полевые натуралисты, которые понимали в море, птичьих базарах, морских млекопитающих и экосистемах. А мы, гуманитарии, понимали разве что в «человеческих отношениях». Так мы плыли вместе две недели...

Людмила Сергеевна была тогда воплощением всего лучшего, что подарили человечеству биологи-натуралисты — от Чарльза Дарвина и Джона Мюира до А. Н. Формозова и Жака-Ива Кусто: символом преданности своему делу, бесстрашия и несокрушимой оптимистической энергии. Она и оставалась такой все последующие годы. Но в какой-то момент она, видимо, глотнула из ручейка «гуманитарности». Оказалось, что человеческие отношения распространяются на всё — на животных, охотников-эскимосов, биологов и этнографов, малые и большие народы, и всю нашу жизнь. Это новое знание неслучайно привело ее из Института эволюционной морфологии и экологии животных в Институт культурного и природного наследия. Так Богословская стала новым символом — «самого гуманистического» биолога и «самого биологического» гуманитария.

Для такой профессиональной и человеческой комбинации, казалось, не было преград. Поэтому она могла так свободно и бесстрашно нарушать установленные границы, браться за невыполнимые дела, совершать невозможное и видеть то, что другие не могли или старались не видеть. И одновременно думать обо всех...

Примечательно, что первое практическое действие в память о Л. С. Богословской совершили ее друзья — каюры Чукотки. В марте 2015 г. они объявили, что посвящают ей самый трудный участок своей ежегодной гонки на собачьих упряжках «Надежда» по трассе вдоль Бе-

*Лагерь совместной биолого-этнографической экспедиции у мыса Халюсткаина, август 1981 г.
Фото С.А. Богословского*

рингова пролива, между поселками Энмелен и Инчоун (около 450 км). Во время ночевок в местных поселках участники гонки обещали устраивать вечера, посвященные Богословской, приглашать жителей и старейшин делиться своими воспоминаниями. В этой книге мы, коллеги и ученики Богословской, надеемся сделать следующий шаг и также рассказать об этом замечательном человеке и ее наследии.

Благодарность

Я признателен М. М. Бронштейну, Б. И. Вдовину, Ю. А. Веденину, Н. В. Вронскому, Н. И. Вуквукай, М. Е. Кулешовой и О. А. Мурашко за ценные дополнения и замечания по тексту статьи. Особой благодарности заслуживает помощь Т. Б. Голубевой, З. А. Зориной, Т. Ю. Лисицыной и Екатерины Богословской в воссоздании ранних этапов научного пути Л. С. Богословской, которые мало известны ее северным коллегам.

Литература

- Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. Китовая аллея. Древности островов пролива Сенявина. — М.: Наука, 1982.
- Барсова Л. И., Богословская Л. С., Васильев Б. Д. Слуховые центры продолговатого мозга наземных позвоночных. — М.: Наука, 1985.
- Богословская Л. С. Принципы традиционного природопользования коренного и старожильского населения Севера // Красная книга народов. — М.: Федерация мира и согласия, 1999. Ч. 2. — С. 66–72.
- Богословская Л. С. (сост., ред., авт.). Проблемы традиционного природопользования: Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации. — М.: Изд. Гос. Думы РФ, 2000. — 224 с.
- Богословская Л. С. Киты Чукотки. Пособие для морских охотников // Наследие Берингии. Вып. 1. — Москва–Провиденция–Анадырь: Институт Наследия, 2003.
- Богословская Л. С. (сост., ред., авт.). НАДЕЖДА — гонка по краю земли. О великой арктической гонке, каюрах Чукотки и их верных друзьях, ездовых собаках. — М.; Анадырь: Институт Наследия, 2011. — 112 с.
- Богословская Л. С. Будущее Российской Арктики — система культур или сумма технологий? // Культура Арктики / Ред. У. А. Винокурова. — Якутск: ИД СВФУ, 2014. Вып. 1. — С. 123–137.
- Богословская Л. С., Вотрогов Л. М. Массовые зимовки птиц и китов в полыньях Берингова моря // Природа, 1981. № 11. — С. 42–43.
- Богословская Л. С., Вотрогов Л. М., Крупник И. И. О возможности возобновления местного промысла гренландского кита на Чукотке // Сб.: Комплексное экономическое и социальное развитие Магаданской области в ближайшей и долгосрочной перспективе. Тезисы докладов. — Магадан, 1980. — С. 114–116.
- Богословская Л. С., Вотрогов Л. М., Крупник И. И. Гренландский кит в водах Чукотки: История и современное состояние популяции // Морские млекопитающие. — М.: Наука, 1984. — С. 191–212.
- Богословская Л. С., Красилов В. А. (научные руководители). Техничко-экономическое обоснование создания комплекса особо охраняемых территорий и акваторий в районе Берингова пролива. — СПб: Ленгипрогор Госкомархстроя РСФСР, 1991. Препринт. — 273 с.
- Богословская Л. С., Кривондасова О. Л. Российская Арктика и экологическое право: международные и национальные аспекты. // Российская Арктика на пороге катастрофы. — М.: Центр экологической политики России, 1996. — С. 158–164.
- Богословская Л. С., Кривондасова О. Л., Павлов П. Н., Мурашко О. А., По-

- Кривондасова О. Л., Павлов П. Н., Мурашко О. А., Покровская И. В.* Концепция проекта закона Ханты-Мансийского АО «О территориях традиционного природопользования» // Живая Арктика, 1999. № 1 (11). — С. 17–21.
- Богословская Л. С., Кривондасова О. Л., Павлов П. Н., Мурашко О. А., Покровская И. В.* Проект Федерального закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов и иных малочисленных этнических общностей Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации // Проблемы традиционного природопользования: Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации. — М.: Изд. Гос. Думы РФ, 2000. — С. 56–65.
- Богословская Л. С., Кривощёков В. С., Крупник И. И.* (сост., ред., авт.) Тропую Богораза: Научные и литературные материалы. — М.: Институт Наследия, 2008. — 354 с.
- Богословская Л. С., Крупник И. И.* Аборигенный промысел белухи на Дальнем Востоке // Морские млекопитающие Голарктики. — Архангельск, 2000. — С. 34–40.
- Богословская Л. С., Крупник И. И.* (сост., ред., авт.). Наши льды, снега и ветры: Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки. — М.: Институт Наследия, 2013. — 360 с.
- Богословская Л. С., Лемберг А. А.* Морфология головного мозга серых китов // Материалы Всесоюзной конференции «Состояние и перспективы развития морфологии». — М., 1979. — С. 238–239
- Богословская Л. С., Поляков Г. И.* Пути морфологического прогресса нервных центров у высших позвоночных. — М.: Наука, 1981. — 160 с.
- Богословская Л., Слугин И., Загребин И., Крупник И.* Основы морского зверобойного промысла // Научно-методическое пособие. — М.: Институт Наследия, 2007. — 480 с.
- Богословская Л. С., Солнцева Г. Н.* Слуховая система млекопитающих: Сравнительно-морфологический очерк. — М.: Наука, 1979. — 240 с.
- Богословская Л. С., Членов М. А., Юрцев Б. А.* Острова пролива Сенявина — уникальный природно-культурный комплекс // Природа, 1979. № 9. — С. 91–97
- Загребин, И. А.* 2013. Для природы государственных границ нет. <http://www.ks87.ru/21/3297.html> (просмотрено 14 августа 2015).
- Крупник И. И., Богословская Л. С.* Изменение климата и народы Арктики: Проект СИКУ в Берингии // Экологическое планирование и управление, 2007. № 4 (5). — С. 77–84.
- Членов М. А., Крупник И. И.* По следам древних культур Чукотки // Природа, 1984. № 6. — С. 86–97.
- Bogoslovskaya L. S.* Role of Whaling in the modern Life of Eskimos and Chukchi in Eastern Chukotka. Report to

- ICC (Inuit Circumpolar Conference). Preprint, 1996. 145 pp.
- Bogoslovskaya L. S.*, ed., comp. Nadezhda — Race on the Edge of the Land // English translation by V. Beregovoi and P. Aleinikov. Moscow and Anadyr: Heritage Institute, 2014. 124 pp.
- Bogoslovskaya L. S.*, *Votrogov L. M.*, and *T. N. Semenova*. Feeding habits of the Gray Whales off Chukotka // Rep. Intern. Whal. Commn. 31. 1981. Pp. 507–510.
- Bogoslovskaya L. S.*, *Votrogov L. M.*, *Krupnik I. I.* The Bowhead Whale of Chukotka: Migrations and Aboriginal Whaling // Rep. Int. Whal. Commn. 32, 1982a. Pp. 391–399.
- Bogoslovskaya L. S.*, *Votrogov L. M.*, *Semenova T. N.* Distribution and feeding of gray whales off Chukotka in the summer and autumn of 1980 // Rep. Int. Whal. Commn. 32, 1982b. Pp. 385–389.
- Bogoslovskaya L.*, *Ainana L.*, *Krupnik I.*, *Mymrin N.* The feasibility Study for the Quota of aboriginal Bowhead Whaling in Chukotka in 1998–2002 // Rep. Int. Whal. Commn. IWC/49/AS1. 1997.
- Chlenov, M. and I. Krupnik*. Whalebone Alley. A Site on the Chukchi Peninsula, Siberia // Expedition, 26, № 2. Pp. 7–15. Philadelphia, 1984.
- Freeman M. M. R.*, *Bogoslovskaya L. S.*, *Caulfield R.*, *Egede I.*, *Krupnik I.*, *Steven-son M.* Inuit, Whaling, and Sustainability // Walnut Creek: AltaMira Press, 1998. 208 pp.
- Koulemzine V. M.* Traditions et environment // Siberie II. Questions Siberiennes. Paris: Institut d'études slaves, 1999. Pp. 447–450.
- Krupnik I.*, *Bogoslovskaya L.* Ecosystem Variability and Anthropogenic Hunting Pressure in the Bering Strait Area / Project Report under the Grant from NOAA-CIFAR, 1998. 171 pp.
- Krupnik I.*, *Bogoslovskaya L.* Old Records, New Stories. Ecosystem Variability and Subsistence Hunting in the Bering Strait Area // Arctic Research of the U.S., 1999. Vol. 13. Pp. 15–24.
- Krupnik, I. I.*, *Bogoslovskaya, L. S.*, *Votrogov, L. M.* Gray Whaling off the Chukotka Peninsula: Past and Present Status. // Rep. Int. Whal. Commn. 33, 1983. Pp. 557–561.
- Votrogov L. M. and L. S. Bogoslovskaya*. Gray Whales off the Chukotka Peninsula // Rep. Intern. Whal. Commn. 30, SC/31/Doc 55. 1980. Pp. 435–437.
- Yablokov A. V. and L. S. Bogoslovskaya*. A review of Russian research on the biology and commercial whaling of the gray whale // M. L. Jones, S. L. Swam and S. Leatherwood, eds. The Gray Whale (*Eschrichtius robustus*). Academic Press, Orlando, FL., 1984. Pp. 465–485.

Примечания

Григорий Израилевич Поляков (1903–1982) — советский гистолог и нейроморфолог, доктор медицинских наук, заведующий лабораторией структуры нейрона Института мозга АМН СССР, лауреат Государственной премии СССР (1975) за цикл работ по изучению нейронной организации мозга человека и животных (1964–1973).

Борис Александрович Юрцев (1932–2004) — ботаник, специалист по арктической флоре, заведующий лабораторией растительности Крайнего Севера Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН, доктор биологических наук, лауреат Государственной премии и Премии им. В. Л. Комарова РАН, действительный член Российской академии естественных наук, соредактор многотомной серии «Арктическая флора СССР» (1960–1987, совместно с А. И. Толмачевым).

Леонард Максимович Вотрогов (1929–1982) — капитан дальнего плавания, работал в системе Дальневосточного управления китобойных флотилий Министерства рыбного хозяйства СССР. С 1969 по 1982 г. был капитаном китобойного судна «Звёздный», государственного китобойца, добывавшего серых китов для нужд коренного населения Чукотки. Прирожденный натуралист, прекрасный наблюдатель за китами, соавтор многих статей по биологии морских животных и птиц района Берингова пролива.

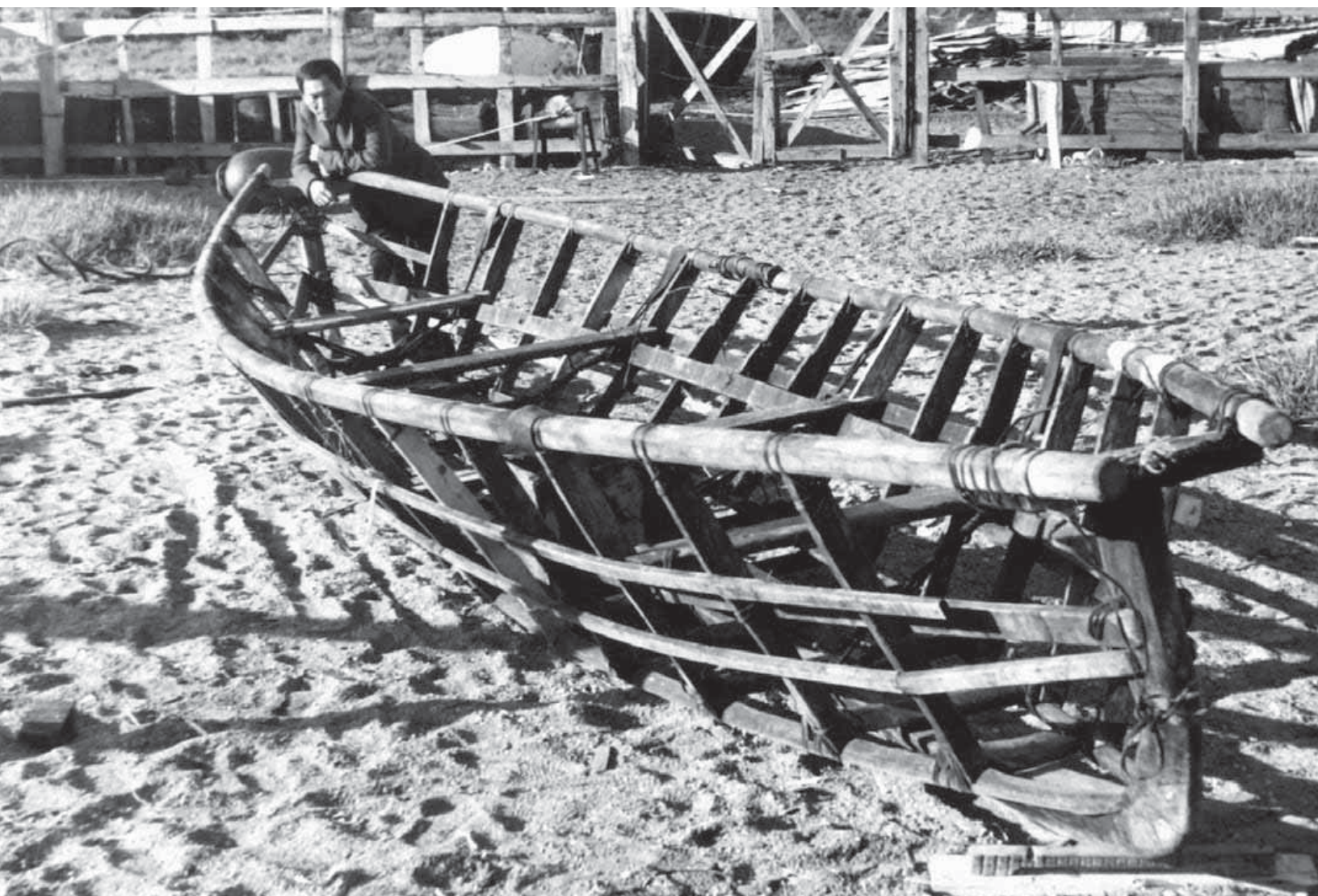
Леонтий Антонович Тарагунта — хантыйский поэт, фольклорист, пишет на языке ханты. Родился в 1945 году в юрте Норигорт д. Пословы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Живет в Салехарде. Работает в Научно-исследовательском институте обско-угорских народов. Доктор Будапештского университета. Член Союза писателей России. Переводит архаические хантыйские тексты.

Владислав Михайлович Кулемзин (р. 1938) — российский этнограф, доктор исторических наук, профессор Томского университета, специалист по культуре, шаманизму, народным знаниям хантов. Автор книг «Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX в.: Этнографические очерки», Томск, 1977 (в соавторстве с Н. В. Лукиной); «Человек и природа в верованиях хантов», Томск, 1984; энциклопедии «Мифология хантов», Томск, 2000 (в соавторстве с Н. В. Лукиной, Т. А. Молдановым, Т. А. Молдановой).

Приложение
Основные научные исследования («проекты») Л. С. Богословской
на Чукотке и в Российской Арктике (1977–2014)

Название	Годы	Партнеры / Соавторы
Наблюдения за моржами и морскими птицами района пролива Сенявина, Чукотка	1977–1980	Т.Ю. Лисицына, А. А. Лемберг, Б. А. Юрцев, Т. Н. Семёнова
Миграции и районы обитания гренландского и серого кита в водах Чукотки	1980–1985	Л.М. Вотрогов, И. И. Крупник, А. В. Яблоков
Обследования мест обитания морских млекопитающих и колониальных птиц вдоль побережья Чукотки	1981–1987	Б.М. Звонов, Н. Б. Конюхов, Н. Гальгаугье, А. Анкалин, В. Миенков, Т. Панаугье, П. Тыпыхкак
Роль серого кита в питании и культуре аборигенов Чукотки	1984–1985	А.Г. Вольфсон, В. В. Леонтьев, Т. С. Теин
Аборигенные собаки Чукотки и Российского Севера	1987–2010	Н.А. Носов, И.А. Фрадин, Е. С. Богословская, К. Т. Сулимов
Обследование колоний морских птиц островов и побережья Баренцева моря (Новая Земля, Вайгач, Шпицберген)	1988–1990	В.Н. Калякин
Разработка Технико-экономического обоснования (ТЭО) природно-экологического парка Берингия	1989–1992	Б.И. Вдовин, В. А. Красилов
Наблюдения за миграциями гренландских китов в водах Чукотки силами местных наблюдателей	1992–1997	Н.И. Мымрин, Л. Айнана, М. А. Зеленский, наблюдатели в национальных поселках
Опрос коренного населения Чукотки о значении промысла гренландского и серого кита	1995–1996	Т.Ю. Ачиргина, И. И. Крупник, М. Фримэн
Законодательство по защите прав коренных народов Севера на земли традиционного природопользования	1996–2014	М.К.Глубоковский, О. Л. Кривондасова, П. Н. Павлов, О. А. Мурашко, Н. И. Новикова
Морская промысловая культура Чукотки	1997–2000	И.И.Крупник, Н. И. Мымрин
Словарь лексики традиционного природопользования чаплинских эскимосов	1997–2013	Л.И. Айнана, П. А. Алейников, П. Тыпыхкак, И. И. Крупник
Киты Чукотки	2000–2003	–
Питание и здоровье коренных народов Российского Севера	2001–2005	А.И. Козлов, Г. Г. Вершубская, Е. Н. Андреева
Основы морского зверобойного промысла	2004–2007	И.А. Загребин, И. В. Слугин, И. И. Крупник
Тропюю Богораза	2005–2008	И.И. Крупник
СИКУ: Международный полярный год	2005–2013	И.И. Крупник, Б. И. Вдовин, В. В. Голбцева, В. Н. Нувано
Каталог-альбом «Надежда — гонка по краю земли»	2008–2015	В. Аронов, Е. С. Богословская
Традиционная культура и природопользование поморов Русского Севера	2008–2014	В.А. Спиридонов, И. Мосеев
Адаптация коренных народов Севера к современным изменениям климата	2010–2013	Н.В. Вронский, И. И. Крупник

Часть 1. Народные знания

Часть 1.

- Легендарные белые медведи-чудовища в устной традиции коренных народов Чукотки
А. Кочнев (Анадырь)
- Работа с наблюдателями, коренными жителями Чукотки. Некоторые впечатления и размышления
Н. Мырин (Вятка)
- Как надо сотрудничать странам и людям
И. Загребин (Провидения)
- Современные чукотские и эскимосские названия птиц района пролива Сенявина и бухты Ткачен
А. Апалю, А. Боровик, Н. Калюжина, Ю. Ятта (Янракиннот – Провидения – Н. Чаплино)
- О птицах, людях и народных знаниях. Глава «Птицы» из «Словаря лексики традиционного природопользования азиатских эскимосов-юпик»
И. Крупник (Вашингтон)
- Птицы Сиреников 1984 г. (наброски к мемуарам)
Н. Вахтин (Санкт-Петербург)
- Сезонные изменения ледового культурно-природного ландшафта в акватории села Уэлен
В. Голбцева (Анадырь)
- Многолетние стационарные ледовые трещины у берегов юго-восточной Чукотки (Наблюдения за традиционным использованием ледового пространства).
Н. Калюжина, А. Боровик, А. Апалю Янракиннот (Провидения – Янракиннот)
- «Смотри и учись»: молодые чукотские и эскимосские морские охотники сёл Лорино и Сиреники 2010-х гг.
О. Яценко (Провидения)
- Эскимосская топонимика района пролива Сенявина (юго-восточная Чукотка)
М. Членов (Москва)

Бригадир морских охотников Андрей Анкалин у остова промысловой байдары, на которую скоро натянут новую покрывку из моржовых шкур. С. Сиреники, 1980 г. Фото С. Богословского

Легендарные белые медведи-чудовища в устной традиции коренных народов Чукотки

А. Кочнев

Я пишу эти строки в маленьком балке на острове Колючин — самом северном участке национального парка «Берингия». Созданию этого парка Людмила Сергеевна Богословская отдала столько лет, сил и нервов, а ныне я работаю в нем научным сотрудником. Одно из многих пересечений моей жизни с деятельностью этой незаурядной женщины и замечательного ученого, которого теперь с нами нет...

Мое знакомство с Людмилой Сергеевной состоялось без малого 30 лет назад. К тому времени я уже читал ее статьи про китов и призывы к созданию охранной зоны на островах пролива Сенявина, а личная встреча впервые состоялась в поселке Лаврентия летом 1986 года. Тогда я, молодой инспектор «Охотскрыбвода», ждал вертолетного рейса в Инчоун, где должен был проводить мониторинг промысла и берегово-

Белый медведь прыгает с кромки припая на дрейфующую льдину

го лежбища моржей. В лаврентьевской гостинице мы ежедневно общались с магаданским археологом Тасяном Теином, науканским эскимосом по происхождению, с которым познакомились незадолго до того на Мысе Шмидта.

Очередной день ожидания вертолета ознаменовался приглашением Тасяна сходить с ним в гости к одной московской «даме-ученому», которая возвращалась с острова Ратманова и жила в той же гостинице, что и мы. Этой «дамой» оказалась Людмила Сергеевна Богословская. Она разложила на кровати изумительные изделия ратмановских эскимосов, которые ей передали служившие на острове пограничники (см. статью М. Бронштейна). Тасян тут же взялся фотографировать, а я разглядывал коллекцию и исходил белой завистью, потому что второй год пытался проникнуть на этот остров и собрать данные о местном моржовом лежбище. Пограничники не давали разрешения, и остров Ратманова выглядел недостижимым. Но Богословской удалось его посетить! Тогда я еще не подозревал о твердости характера Людмилы Сергеевны и ее таланте добиваться своей цели...

С этой встречи началось наше длительное знакомство, которое не прервалось даже в период моей жизни и работы на острове Врангеля. Я получил положительный отзыв от Людмилы Сергеевны на одну из первых своих статей для «Зоологического журнала», вступил в созданный при ее активном участии Совет по морским млекопитающим, членом правления которого она была до последних дней своей жизни. Во время моих редких отпусков мы встречались в Москве, и она всегда давала ценнейшие советы и информацию к размышлениям.

Именно в эти годы мы все чаще стали говорить о традиционных экологических знаниях коренных жителей Чукотки — охотников и зверобоев. Будучи полевым биологом, я поначалу скептически относился к этим знаниям, поскольку их трудно было выразить количественно и подвергнуть статистическому анализу. Но под влиянием Людмилы Сергеевны и по мере роста собственного опыта все больше задумывался, что научные исследования часто бывают ограничены пространственными и временными рамками. В то же время традиционные знания народов, жизнь которых тесно связана с природой, позволяют расширить эти рамки и получить огромный пласт информации, которая может быть использована для интерпретации научных результатов и в качестве базового ориентира для будущих исследований.

Белый медведь в культуре коренных народов Чукотки

Поворотный момент в моей работе наступил в 1999 году, когда я с головой окунулся в проект «Сбор традиционных знаний коренных народов Чукотки о белом медведе и среде его обитания», который выполняла Чукотская ассоциация зверобоев традиционной охоты (ЧАЗТО). Людмила Сергеевна с интересом следила за этой работой, дала множество полезных советов и высоко оценила итоговый отчет (Kochnev et al., 2003).

В ходе исследований стало ясно, что в 1990-х и начале 2000-х гг. на Чукотке невиданный размах приобрела нелегальная охота на белого медведя. Виной тому стал низкий уровень жизни коренного населения, а непродуманный и политически ангажированный запрет на охоту для традиционных нужд, введенный в СССР еще в 1957 году, не позволял работать с охотниками в поисках разумного компромисса. За полувековой период запрета коренные жители выработали целую систему поведения, позволяющую сохранять добычу белого медведя в тени, которая включала модификацию охотничьих и бытовых ритуалов, а также психологический блок, препятствующий обсуждению такой охоты. Одновременно с этим в природоохранной среде ученых, чиновников и общественников укоренился миф об отсутствии традиций охоты на белого медведя у народов Чукотки.

В этих условиях для сохранения чукотско-аляскинской популяции белого медведя требовалось сломать сложившиеся стереотипы, как на уровне охотников, так и на уровне природоохранных управленцев. Традиционных экологических знаний тут не хватало, необходимо было воссоздать систему взаимоотношений «человек — белый медведь», существовавшую до запрета на охоту, проследить эволюцию этой системы до современности, понять культурную ценность белого медведя для чукчей и эскимосов. Я стал понемногу вникать в этнографию и социологию, делая первые попытки общения на эту тему с охотниками и старейшинами.

Вероятно, похожие мысли возникли и у американских коллег, потому что уже в 2004 году Аляскинская комиссия по белому медведю «Нануук» с помощью Службы национальных парков США инициировала подобный проект на Аляске (Russell, 2005) и предложила своим партне-

рам, ЧАЗТО, сделать аналогичную работу на Чукотке. Проект получил название «Белый медведь в материальной и духовной культуре коренных народов Чукотки». Почти сразу мы с Людмилой Сергеевной стали обсуждать возможность сотрудничества в этом проекте, однако по разным причинам этого не произошло. Тем не менее, переписка и телефонные разговоры были интенсивными: мы намечали задачи и цели, которых следовало достичь в результате исследований, методы их достижения, обсуждали логику работы над проектом, организационные вопросы и многое другое.

Проект длился три года и состоял из двух больших и относительно самостоятельных разделов. Один из них заключался в интервьюировании коренных жителей, а второй — в поиске упоминаний белого медведя в хозяйственном и культурном контексте в литературных источниках и составлении соответствующей библиографии. Библиографическим разделом занималась моя супруга Светлана Кочнева, длительное время работавшая в библиотеке Зоологического института РАН, а позже в краеведческом отделе окружной библиотеки им. В.Г. Тан-Богораза в Анадыре.

Результатом проекта стал огромный материал, лишь незначительную часть которого к настоящему времени удалось проанализировать и обсудить в отчетах и публикациях (Кочнев 2004а, 2004б, 2014; Kochnev et al., 2005, 2006; Здор и др., 2006; Kochneva, 2007; Кочнев и др., 2008). Последней и наиболее важной публикацией по материалам этого исследования стала монография об охоте коренных жителей Чукотки на белого медведя с конца XIX века до современной нелегальной добычи (Кочнев, Здор, 2014). Уже будучи тяжело больной, Людмила Сергеевна нашла в себе силы стать официальным рецензентом книги. Преодолевая боль и сознавая короткий срок, отпущенный для жизни, она продолжала беспокоиться о судьбе коренных жителей Чукотки и их образа жизни. Позволю себе процитировать несколько строк из ее рецензии:

«В настоящее время белый медведь — биологический объект, на котором сошлись интересы защитников этого вида, порой доходящие до гротеска, и тысячелетние традиции промысла и одновременно почитания уникального зверя коренными народами Арктики. Книга о белом медведе в жизни эскимосов и береговых чукчей, предложенная к рецензированию в виде рукописи, — заметное и важное явление, как в решении данной проблемы, так и в нашей научной

литературе, поскольку современные поколения отечественных специалистов не приучены работать с населением и тем более — принимать во внимание исторически сложившиеся взаимоотношения между сообществами людей и животных.

...В целом, авторы рукописи смогли по крупицам составить сложную систему представлений охотничьих сообществ о древнем культе промыслового зверя. В своем роде будущая книга явится для многих исследователей образцом того, как надо работать с местным населением.

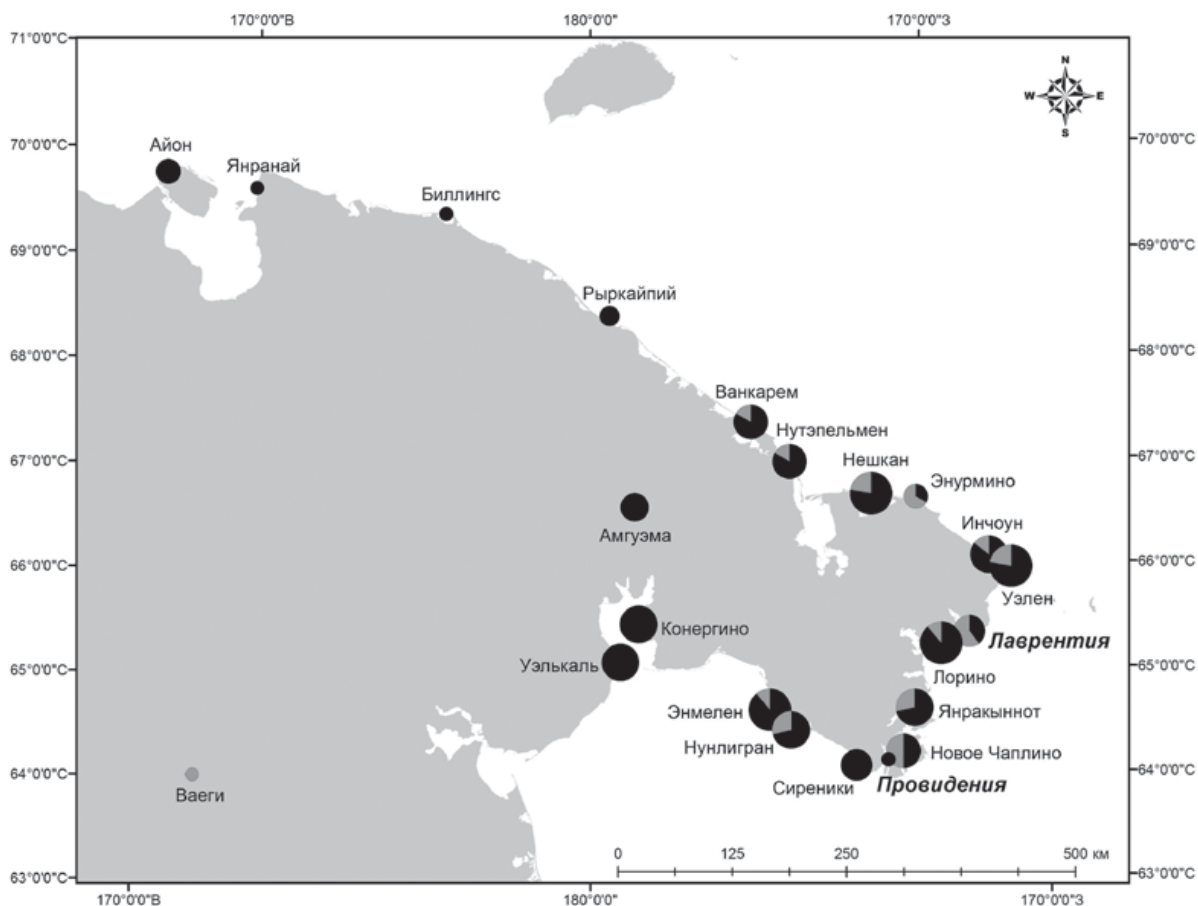
...Рецензент уверен, что книга привлечет внимание не только специалистов, но и самих коренных жителей, многие из них, возможно, впервые начнут прислушиваться к охотникам старших поколений и думать о белом медведе не только как о добыче, но и как о сотоварище по жизни».

Один из первых экземпляров отпечатанной в ноябре 2014 года монографии я приготовил в подарок с благодарной надписью на титульном листе своему рецензенту и вдохновителю Людмиле Сергеевне Богословской. Но она очень плохо себя чувствовала, и встретиться нам не удалось. А через два с небольшим месяца ее не стало...

Предлагаемая статья рассматривает один из вопросов фольклорной части нашего исследования по белому медведю, который ранее был лишь затронут в одном из рукописных отчетов. Горестно сознавать, что Людмила Сергеевна эту статью уже не прочтет...

Материал и методика

В основу исследований был заложен принцип интервьюирования, использованный в ходе проекта «Сбор традиционных знаний коренных народов Чукотки о белом медведе и среде его обитания» (Kochnev et al., 2003). Интервью строилось в виде свободной беседы на заданную тему, при этом разговор направлялся интервьюером с помощью ряда наводящих вопросов в рамках каждой темы. Отбор и интервьюирование наиболее активных и обладающих необходимым опытом и объемом информации охотников и старейшин осуществлялся во время поездок по национальным поселкам в 1999–2005 гг. В разное время в работе принимали участие 11 интервьюеров, большинство из которых

Распределение респондентов по населенным пунктам в разные периоды сбора информации в 1999-2005 гг. Размеры символов соответствуют относительному числу респондентов, красным цветом показана доля информаторов, затронувших тему легендарных медведей

принадлежали к числу коренных жителей и могли беседовать с информаторами на родном языке. Опрос респондентов проводился по специально разработанному плану работы в поселках и формату интервью, включающему основные наводящие вопросы (Kochnev et al., 2005, с. 28–32).

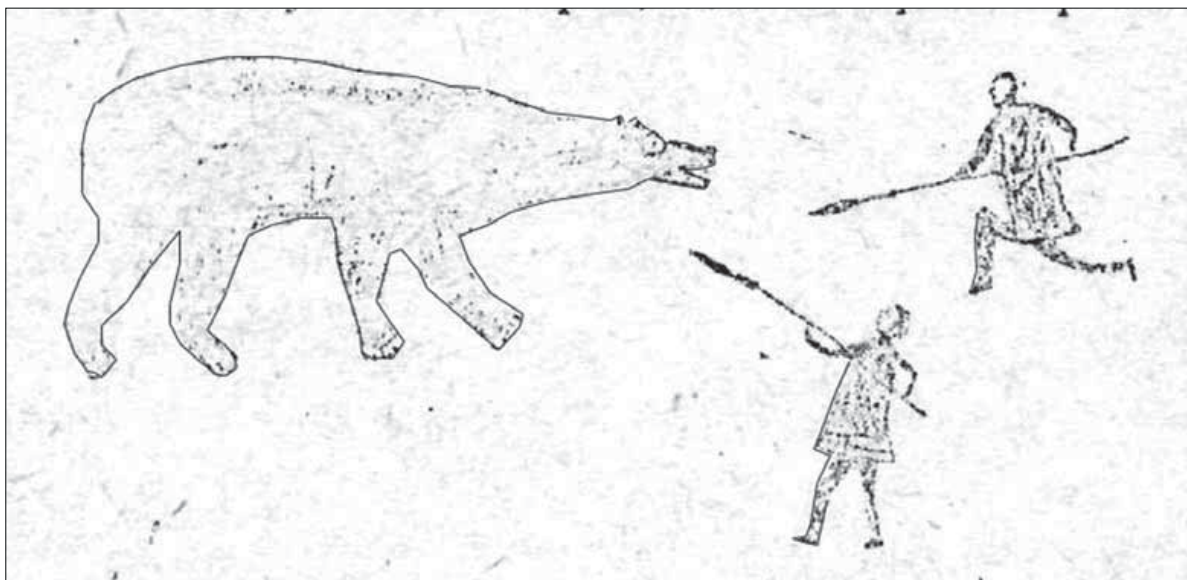
В общей сложности за весь период работы с 1999 по 2005 г. были взяты интервью у 115 человек из 22 национальных сел Чукотки, при этом 7 информаторов были опрошены дважды разными интервьюерами. Однако тема легендарных медведей была затронута лишь в 22 случаях, которые мы использовали для анализа. В эту выборку входят как фольклорные тексты, так и те интервью, где информаторы упоминают те или иные стороны биологии и экологии белых медведей, которые можно соотнести с легендарными медведеобразными чудовищами (см. Приложение).

Библиографическая часть работы заключалась в поиске и просмотре опубликованных литературных источников, где встречались упоминания о белом медведе как субъекте традиционной культуры. Итогом этой работы стал аннотированный библиографический указатель и обзор литературы, включившие 221 научную, научно-популярную, очерковую, художественную и фольклорную публикацию, а также изобразительные материалы, хронологически охватывающие период с 1742 по 2006 г. (Kochneva, 2007).

Результаты и обсуждение

Одним из широко распространенных и укоренившихся в фольклорной традиции образов является фигура свирепого белого медведя-чудовища. Наиболее ранние упоминания о фантастических медведях мы встречаем у В. Г. Богораза (1901, 1939). Он различает два типа медведеобразных чудовищ: «Kocatko» (Кочатко) и «Мьрг-умгы» (Мырг-умгы). Вот цитаты, в которых приведены основные характеристики этих монстров:

«Kocatko — гигантский белый медведь с телом из твердой кости. Иногда он изображается восьминогим. Он гораздо сильнее и свирепее обыкновенного белого медведя» (Богораз, 1939, с. 37).

Чукотский рисунок конца XIX – начала XX века, изображающий битву людей с к'ъочатко (по: Богораз, 1939: 37)

«Мьрг-умгь (буквально: «лысый белый медведь») — свирепый медведь-людоед. В непогожие ночи он ложится на брюхо посреди ледяного поля, машет лапами и приманивает к себе прохожих. Он зовет плачущим голосом, подражая путнику, потерявшему дорогу. Тот, кто услышит его голос и приблизится к чудовищу, тотчас будет схвачен и растерзан» (Богораз, 1939, с. 37).

О белых медведях, которых можно соотнести с этими чудовищами, в ходе исследования рассказали 22 информатора (см. Приложение). Некоторые сообщали о двух разновидностях необычных медведей, называя их по-разному. В девяти случаях информаторы напрямую называли этих зверей термином «*к'ьочатко*» (чук. варианты произношения *к'ьосатко*, *косатко*, *косаткон*; эск. *коксатку*, *кухсатку*, *к'увсутку*). Еще в двух случаях был использован термин «*мергу*» или «*мэргумк'эн*» и восемь раз — однокоренное слово «*мервыльин*» (варианты: *мэрвыльин*, *мэрвыльын*). Один раз был использован термин «*эйнеткулын*», и еще трижды упоминаются обычные белые медведи, особенности поведения и анатомии которых могут быть связаны с легендарными чудовищами, описанными В. Г. Богоразом.

Как видно из прилагаемой карты, эта тема чаще возникала при интервьюировании на восточной Чукотке, преимущественно в пределах Чукотского полуострова. На западной Чукотке респонденты не упоминали про легендарных медведей, хотя очень подробный рассказ был записан у оленевода в Анадырском районе (Приложение, п. 22). Скорей всего, это связано с незначительной выборкой информаторов в западных и южных районах. Кроме того, при интервьюировании на восточной Чукотке, особенно, в Провиденском районе, вопрос о легендарном медведе «*к'ьочатко*» использовался в качестве наводящего по инициативе интервьюера (Зои Тагриной). При интервьюировании в остальных районах такой наводящий вопрос не задавали. Тем не менее, можно предположить, что представления о медведьобразных чудовищах лучше сохранились именно на востоке Чукотки, где в наибольшей степени развит морской зверобойный промысел, а традиция охоты на белого медведя не исчезла даже после запрета в 1957 году.

Я свел все полученные сведения о медведях, для которых информаторы использовали специальные названия на родном языке, в две таблицы, по которым сделал попытку оценить характерные признаки

чудовищ и современные знания о них у представителей разных районов и этносов Чукотки (Табл. 1 и 2).

Наиболее часто повторяемые признаки *к'ьочатко*: особенные (длинные или толстые) лапы, использование их при имитации человеческих движений и специализация этого зверя на людоедстве. Остальные необычные черты — сросшиеся в виде панциря ребра, многолапость, длинная шея, которая также используется при имитации людей, издаваемые звуки, напоминающие человеческий голос — упоминались рассказчиками реже. Два респондента подчеркивают, что описываемого ими зверя лишь условно можно назвать белым медведем, на самом деле это животное совсем другой породы. Еще двое также противопоставляют «обычного» белого медведя (чук. — *умкы*, эск. — *нануук*, *нанок*) и «особого» *к'ьочатко*. В то же время в рассказах трех информаторов (из девяти) *к'ьочатко* выглядит просто как очень крупный старый белый медведь, осиротевший в детстве и опасный для людей.

Информатор, употребивший название «*эйнеткулын*», описал схожее с *к'ьочатко* поведение медведя при приманивании людей. И такое же поведение, включая характерный голосовой призыв, в одном случае было приписано медведю «*мергу*». Остальные 9 респондентов при упоминании медведей «*мэргумк'эн*» или «*мервыльин*» говорили о них, как об истощенных, голодных медведях, при случае нападающих на людей и потому опасных.

Рассмотрим этимологию всех четырех названий. В переводе с чукотского «*к'ьочатко*» звучит как «окликать голосом». «*Эйнеткулын*» берет начало от слова «*эйнев*» (зов, призыв) и, таким образом, является синонимом «*к'ьочатко*». Поэтому характерная вокализация — «плачущий» зов, которым зверь приманивает людей, приписанное В. Г. Богоразом чудовищу «*мэргумк'эн*», скорее должно относиться именно к *к'ьочатко* или *эйнеткулын*. Семь из восьми информаторов, которые рассказали о медведях, «специализирующихся» на приманивании людей, называли этих зверей именно этими терминами.

В свою очередь, корень «*мэрг*» или «*мэrv*», лежащий в основе слов «*мергу*» «*мэргумк'эн*» и «*мервыльин*» имеет значения «отощавший, исхудавший, шелушащийся, облезший». Только в одном случае *мервыльин* описан информатором как хитрый зверь, подстерегающий людей, застыв в неподвижности и притворившись ледяным торосом (Приложение, п. 6). Таким образом, эти термины вряд ли относятся к ска-

Игровое поведение этого белого медведя напоминает описание способа приманивания людей у к'ючатко (фото автора)

зочному чудовищу, описанному В. Г. Богоразом, и означают всего лишь голодного, в плохом физическом состоянии и опасного для людей белого медведя. Сам В. Г. Богораз (1939, с. 37) также дословно переводит его название как «лысый белый медведь», но при этом рассматривает его как легендарный персонаж, а не как реального зверя с определенными внешними признаками и поведением.

Надо сказать, что почти все информаторы говорят о *к'ючатко* как о реально существовавшем в недавнем прошлом животном. Некоторые из описываемых черт этого легендарного зверя, по-видимому, ведут свое происхождение от действительных повадок белого медведя. Для белых медведей довольно обычным является чистка шерсти о снег, когда медведь ложится на спину, задирая вверх лапы. Одновременно такое поведение является гимнастической разминкой и несет игровую окраску. Тем не менее, мне известен случай, когда на острове Врангеля аналогичные действия медведя завершились атакой на человека. В литературе описано похожее поведение белого медведя перед нападением на моржей (Перри, 1976, с. 59). В этих случаях игровое поведение медведей являлось, скорее всего, проявлением смещенной активности, когда зверь не может выбрать линию поведения.

Такой признак, как длинная шея, вообще отличает белого медведя от близкородственного бурого. Особенно хорошо это заметно у худых, мокрых и специально вытягивающих шею (например, при агрессии или разглядывании удаленного объекта) животных.

Даже такая, казалось бы, совершенно фантастическая деталь, как костяной панцирь из сросшихся ребер, могла возникнуть из реальных наблюдений. Например, при разделке добытых медведей охотники могли натолкнуться на несколько ребер, сросшихся между собой в результате давнего перелома или вследствие врожденной травмы или уродства. Об этом говорят свидетельства некоторых респондентов (Приложение, п. 3, 10). В то же время, если при сильном морозе медведь выбирался из воды на лёд, то, несмотря на обтряхивание, мокрая шерсть могла схватиться льдом. При охоте на такого медведя, которая обычно производилась с помощью копья, наконечник мог соскальзывать, и у охотника создавалось впечатление неуязвимости зверя. Вот как писал в 1891 году о буром медведе из бассейна реки Анадырь просветитель, краевед и литератор А. Е. Дьячков, чуванец по национальности:

«В зимние месяцы если случится быть около воды, то медведь сначала купается в воде, а по выходе из воды валяется на снегу; нальнувший на мокрую шерсть снег делается льдом; таким образом

Вытянутая шея у молодого самца, выходящего из воды (фото автора)

он как бы надевает ледяной панцирь, от которого пуля и копьё отскакивают» (Дьячков, 1982, с. 177).

Подобные случаи могли совместиться в народном сознании в представлении о «костяном панцире» *к'ьочатко*, который защищает его от удара копьем.

Сложнее объяснить приписываемую *к'ьочатко* способность приманивать людей звуками человеческого голоса, которые В. Г. Богораз (1939, с. 37) определяет как «плачущие» и подражающие заблудившимся путникам. Н. П. Сокольников связывает эти звуки с криком ворона:

«Рассказывали, что есть из медведей очень худые, с сильно желтоватой шерстью и сросшимися, как панцирь, ребрами. Такие, будто бы, умеют приманивать к себе добычу, ложась на спину, махая при этом лапами и «кукая», как ворон» (Сокольников, 1927, с. 143).

Действительно, коренные жители часто передают крик ворона звукоподражательным «ку-ук». В данном исследовании информаторы называли голос *к'ьочатко* воем (Приложение, п. 2), а при звукоподражании произносили «ок-ок-ок!» и «у-гу, у! гу-гу, гук!». И хотя они говорили, что это имитация оклика, которым охотники зовут друг друга на расстоянии (Приложение, п. 3, 4, 22), однако он очень схож со звукоподражанием ворону. Известно, что вороны, а также некоторые виды чаек и песцы быстро находят белых медведей, которые поедают добычу, а возможно, даже сопровождают хищников во время странствований по прибрежным льдам (Успенский, 1956, с. 45–46; 1989, с. 78–79; Рутилевский, Успенский, 1957; Фрейхен, Саломонсен, 1963). Таким образом, представление о «призыве *к'ьочатко*» могло возникнуть, когда охотники слышали голоса птиц, а приближаясь, видели белого медведя.

Особое строение лап (их длина и массивность) — признак весьма субъективный и, скорее всего, появился для объяснения, почему их можно было принять за человеческие фигуры. Впрочем, у худых медведей с намокшей шерстью лапы действительно выглядят длиннее, чем обычно. Наверное, для усиления эффекта зрительного обмана были придуманы и дополнительные пары лап, которых может быть и одна (Успенский, 1979, с. 27; 1989, с. 136. Приложение, п. 9), и две (Богораз, 1939, с. 37). Однако многолапость не является определяющим признаком *к'ьочатко*: среди информаторов лишь один упомянул об этом. Даже В. Г. Богораз (1939, с. 37), изучавший вопрос в конце XIX и начале XX веков, пишет, что восьминогим это чудовище изображается лишь «иногда».

Ворон рядом с белым медведем, поедающим добычу (фото автора)

Исходя из вышесказанного, можно даже до некоторой степени определить ситуацию, в которой происходила встреча людей и *к'ьочатко*. Скорей всего, легенда возникла и укреплялась по мере столкновения человека с крупным худым белым медведем, который в зимний период добыл тюленя или другое морское млекопитающее в трещине или разводе. При этом на морозе намокшая шерсть обледенела, в сам хищник, поев, катался по заснеженному льду на спине, задрав вверх лапы, чтобы очистить шерсть ото льда и крови. Остатки съеденной жертвы привлекли воронов, а при появлении людей медведь повел себя агрессивно, защищая добычу. Совпадение всех этих, вполне заурядных обстоятельств, по моему мнению, и привело к возникновению легенды о *к'ьочатко*. Если при столкновении погиб или получил травму кто-то из охотников, то возникал дополнительный мощный толчок для мифологизации события.

Современное воспитание, повсеместное образование и доступность средств массовой информации ведут к постепенному исчезновению или трансформации образа *к'ьочатко* в представлениях коренных жителей Чукотки. Встречи с белыми медведями в описанной выше ситуации, вероятно, продолжают происходить. Но пуля из современного стрелкового оружия легко убивает медведя с обледеневшей шерстью, и почва

для рассказов о костяном панцире страшного *к'ьочатко* давно исчезла. Недаром некоторые из информаторов говорят, что этот зверь уже вымер (Приложение, п. 3, 22), сросшиеся ребра попросту свидетельствуют о пережитых болезнях и голоде (Приложение, п. 10), а часть респондентов говорит о *к'ьочатко* всего лишь как о старом крупном медведе с пожелтевшей шерстью, который нападает на людей (Приложение, п. 18, 20, 21). Агрессивность и людоедство таких медведей объясняют не исключительным голодом, как в случае *мэргумк'эн* или *мервыльин*, а тем, что медвежонок рано осиротел и не сумел воспринять от матери «правильное» отношение к людям (Приложение, п. 20, 21). Аналогичное объяснение традиционно предлагается и для моржей-хищников «*ке-глючин*» или «*к'увликичьын*», в желудках которых находили останки теплокровных животных (Zdor et al., 2010, с. 27, 41. Приложение, п. 20). Такая же точка зрения высказывается эскимосскими и чукотскими авторами в литературе (Теин, 1992, с. 54; Вэкэт, 1997, с. 61).

Вероятно, по причине того, что *к'ьочатко* считался реальным животным, в фольклоре его фигура встречается исключительно редко. Среди опубликованных текстов было найдено лишь четыре, где упоминается *к'ьочатко* или медведи, которых можно соотнести с этим образом. Две из них записаны со слов чукотских сказителей: «Тынагиргин и Гитгилин» (Такакава, 1974, с. 21–26) и «О'равэтльан ынк'ам умк'эт» (Беликов, 1979). В первой из них белый медведь *к'ьочатко* («Кочатко» в публикации) — злой дух, которого вызывает шаман при помощи бубна. Во второй — это имя главного силача в стойбище белых медведей, которого убивает охотник, главный герой сказки. При этом каких-либо особенностей строения тела и поведения *к'ьочатко* в сказках не упоминается.

Остальные две сказки записаны у эскимосов Аляски (Маховский, 1981, с. 156–157) и Гренландии (Меновщиков, 1985, с. 471). В одной просто упоминаются шести- и десятилапые белые медведи, которых убивали герои сказки «Три брата», записанной в середине XIX века в Гренландии. Это упоминание приведено для того, чтобы подчеркнуть мужество и доблесть героев. Интересно, что в сказке аляскинских эскимосов белый медведь с десятью лапами является не грозным монстром, а скорее трагикомической фигурой («Десятилапый медведь»). Хотя он преследовал и напал на охотника, но запутался в лапах, застрял между льдинами и был убит.

Заключение

В подавляющем большинстве сказок, былей, легенд и преданий белый медведь предстает в качестве доброжелательного зверя, помогающего людям, попавшим в затруднительную ситуацию. Несмотря на свою физическую мощь, намного превышающую силу человека, он не выглядит опасным хищником. Людоедами бывают лишь особые категории белых медведей: специфические чудовища типа *к'ьочатко* и *эйнеткулын*, а также истощенные, голодные звери — *мэргумк'эн* и *мервыльин*. Недаром эти звери противопоставляются обычным белым медведям, а в некоторых случаях считаются животными совершенно другого вида. Несмотря на упадок фольклорной традиции, необходимо признать, что в современных знаниях коренных жителей в достаточной мере сохранились основные черты *к'ьочатко*, приписываемые ему легендами. При этом даже самые фантастические особенности этого сказочного медведя можно объяснить с позиций современной биологии, что я и попытался сделать в этой статье.

В 1960–70-х гг. попытку обнаружить легендарного гигантского медведя из рассказов оленных чукчей Чаун-Чукотки неоднократно предпринимали различные путешественники и журналисты (Куваев, 1968; Орлов, 1979, 1988). Оба автора не используют термин «*к'ьочатко*», но параллель между разыскиваемым ими медведем-исполином и фантастическим зверем из чукотских легенд проводит известный полярный биолог С. М. Успенский (1979) в комментарии к статье В. Орлова. Эта параллель хорошо прослеживается и в истории о белом медведе и охотнике И. Ульвелькоте, которая впервые вызвала интерес О. Куваева к чукотским гигантским медведям (Куваев, 1968). Таким образом, несомненно, что в основу этих поисков лег образ *к'ьочатко*.

Однако О. Куваев считал легендарного зверя крупным бурым медведем необычной светлой окраски, приходящим на Чукотку с американского континента. Он совместил рассказы оленеводов из центральных районов тундры и легенду канадских эскимосов ихалмютов (также внутриконтинентальных обитателей) о свирепом медведе *аклу*, которого они описывали именно как бурого медведя (Моуэт, 1983). В. Г. Богораз (1939, с. 37) тоже проводит параллели между *к'ьочатко* и *аклу* (*agdlak* по Богоразу), но при этом четко определяет первого как белого медведя, а второго — как бурого. Продолжил заниматься загадкой большого

медведя московский журналист В. Орлов (1979, 1988), который вслед за Куваевым предполагал, что гигантский медведь из рассказов коренных жителей встречается только во внутренних районах Чукотки. Поэтому он выдвинул гипотезу, что оленеводы и охотники, живущие в этих краях и никогда не выходявшие к морю, принимали за фантастического зверя белых медведей, забредающих с океанского побережья вглубь материка. Этот автор также не читал этнографических работ В. Г. Богораза и не проводил каких-либо специальных опросов среди коренных жителей. Материалы нашего исследования показывают, что *к'ьочатко* в представлениях чукчей и эскимосов является белым медведем или существом, очень близким к белому медведю, но никак не бурым, и тем самым подтверждают фольклорные записи В. Г. Богораза.

Для 1960-х гг. было модным повальное увлечение криптозоологией (снежный человек, Лох-Несское чудовище и прочие «динозавры»), поэтому неудивительно быстрое появление версии, что за чукотским легендарным зверем скрывается доживший до наших дней пещерный медведь (Куваев, 1968). Она была реанимирована и в последней по времени эпопее с поиском медведя «иркуйем» или «кайнын-кутх» в Корякии (Орлов, 1989; Сиволобов, 2008а, 2008б). Пропагандист этих поисков Р. Сиволобов также основывается на рассказах коренных жителей — коряков, которые родственны чукчам. И хотя коряки описывают другие особенности легендарного медведя, несомненна связь этих рассказов с чукотским *к'ьочатко*.

Известный исследователь медведей Северо-Востока М. А. Кречмар (2005) считает, что коренные жители порой сознательно вводят в заблуждение путешественников и журналистов. Я категорически отвергаю версию сознательной лжи. Многие чукчи и эскимосы, которых я знаю, любят розыгрыши, но не в этом случае. В основе криптозоологических спекуляций, скорее, лежит чрезмерный энтузиазм тех журналистов и краеведов, кому коренные жители доверили свои традиционные представления о природе. Сюда можно прибавить стремление к сенсационности на фоне пренебрежительного отношения к традиционной культуре, откуда возникли те или иные легенды. Чтобы избежать подобных казусов, нужно не отбрасывать традиционные знания и представления коренных народов, а наоборот, внимательно их изучать и анализировать. Пока эти знания живы, есть надежда на сохранение хрупкой гармонии между коренными охотничьими сообществами и окружающей их природой.

Благодарности

Автор приносит благодарность Аляскинской комиссии «Нануук» и особенно — ее бывшему исполнительному секретарю Чарли Джонсону (1939–2012) и председателю Чарли Брауэру за поддержку проекта «Белый медведь в материальной и духовной культуре коренных народов Чукотки» и организационную помощь в ходе его выполнения. Управление проектом находилось в руках исполнительного секретаря Чукотской ассоциации зверобоев и традиционной охоты (ЧАЗТО) Эдуарда Здора. Проект финансировался программой «Общее наследие Берингии» Службы национальных парков США, я благодарен персоналу Службы и, в особенности, Питеру Рихтеру. Неоценимую помощь оказали Геннадий Иннанкеуась (ЧАЗТО), Сергей Кавры (Союз морских зверобоев), Владимир Мясников (ЧукотГИНРО), Людмила Кислова-Панаек и многие-многие другие на Чукотке и Аляске. Ключевую роль сыграли районные координаторы проекта Владилен Кавры, Зоя Тагрина, Николай Мымрин, Дмитрий Эйнеучейвун, Анна Тнаныкват, Иван Танко, Владимир Етылин, Николай Калянто, Евгений Сивсив и Лилия Здор, которые наряду с автором проводили интервьюирование в селах.

В библиографической части проекта принимали участие Игорь Рига (Музейный центр «Наследие Чукотки») и Анна Комарова-Халина (Библиотека Российской академии наук). Большую помощь оказали сотрудники Чукотской окружной публичной универсальной библиотеки им. В. Г. Тан-Богораза (Анадырь), Библиотеки Зоологического института Российской академии наук и Библиотеки института этнографии Российской академии наук (Санкт-Петербург). Я благодарен моей супруге Светлане Кочневой за организацию библиографических исследований, а также анализ литературы и составление указателя.

Особую признательность автор выражает всем, кто поделился с нами своими знаниями и, в частности, рассказал о легендарных медведях. Это Людмила Айнана, Борис Альпыргин, Анатолий Анкатагин, Вуквувье, Иван Вуквун, Нина Вуэле, Федор Еленеут, Сергей Етынкеу, Пётр Икупчейвун, Зоя Кеучей, Владимир Насалик, Владимир Нинель, Федор Нотагыргин, Николай Нувано, Валерий Ныпевги, Анатолий Оттой, Василий Оттыном, Павел Росхином, Федор Теркуквун, Владимир Тнанкав, Константин Тынарентыят, Татьяна Тынарентыят, Владимир Эйнеучейвун.

Многих из этих людей уже нет живых, а теперь не стало и Людмилы Сергеевны Богословской, которая принимала живейшее участие в обсуждении плана исследований, схем интервьюирования и отчетов по проекту. Их след не зарастет...

Литература

- Беликов Л., сост. Лымн'ылтэ. — Магадан: Кн. изд-во, 1979.
- Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондатти, находящихся в Этнографическом музее Императорской Академии наук // Сборник Музея антропологии и этнографии при Императорской академии наук, 1901, Т. 1. Вып. 2. С. 1–71.
- Богораз В. Г. Чукчи. Т. 2: Религия. — Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939.
- Вэкэт В. Кагъегыргын. — М.: Гном-Пресс, 1997.
- Дьячков А. Е. Анадырский край: Рукопись жителя села Марково // Жихарев Н. А. Повесть об Афанасии Дьячкове. — Магадан: Кн. изд-во, 1982. С. 163–267.
- Здор Э. В., Кочнев А. А., Кавры В. И., Мырмин Н. И., Калянто Н. Л. Белый медведь в культуре коренных народов Чукотки: некоторые результаты исследований 1999–2004 гг. // Толерантность. Профессионализм. Результат. Информационный сб. матер. конф. — СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2006. С. 155–158.
- Кочнев А. Не все медведи отвечают на вопросы // Северные просторы, 2004а. № 1–2. С. 125–127.
- Кочнев А. А. Белый медведь на Чукотке: тревоги и надежды // Охрана дикой природы, 2004б. № 3. С. 7–14.
- Кочнев А. А. Роль промысловых обрядов и поверий в традиционном природопользовании коренных народов Чукотки (на примере белого медведя) // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов I междунар. научно-практ. конф. (Иркутск, 4–7 апреля 2014 г.). — Иркутск: Изд-во ИРГСХА, 2014. С. 42–46.
- Кочнев А. А., Здор Э. В. Добыча и использование белого медведя на Чукотке: Результаты исследований 1999–2012 гг. — М.: Пи Квадрат, 2014.
- Кочнев А. А., Здор Э. В., Кавры В. И., Тнаныкват А. С., Мырмин Н. И., Тагрина З. В., Калянто Н. Л., Эйнеучейвун Д. В. Разделка белого медведя и принципы распределения продукции среди коренных жителей Чукотки. Отчет по проекту «Белый медведь в материальной и духовной культуре коренных народов Чукотки». Подготовлен для Службы национальных парков США. — Анадырь: Исполнительный секретариат ЧАЗ-ТО, 2008.
- Кречмар М. Мохнатый бог. — М.: Бухгалтерия и банки, 2005.
- Куваев О. Очень большой медведь // Вокруг света, 1968. № 1. С. 4–9; № 2. С. 56–59; № 5. С. 66–68.
- Маховский Я., сост. Огненный шар. Легенды, предания, сказки эскимосов. — Магадан: Кн. изд-во, 1981.
- Меновицков Г. А., сост. Сказки и мифы эскимосов Сибири, Аляски, Канады и Гренландии. — М.: Наука, 1985.
- Моуэт Ф. Люди оленьего края. — Магадан: Кн. изд-во, 1983.
- Орлов В. Мой медведь с Энмываама // Вокруг света, 1979. № 4. С. 23–27.
- Орлов В. В краю большого медведя. — М.: Мысль, 1988.
- Орлов В. Неизвестный кайнын-кутхо // Вокруг света, 1989. № 4. С. 46–49.

- Перри Р.* Мир моржа. — Л.: Гидрометеоздат, 1976.
- Рутилевский Г. Л., Успенский С. М.* Фауна млекопитающих и птиц Центральной Арктики // Труды Арктического НИИ, 1957. Т. 205. С. 5–18.
- Сиволобов Р.* Медведи, которых мы не знаем // Охота и рыбалка: XXI век, 2008а. № 2. С. 90–92.
- Сиволобов Р.* Криптозоология — это не только снежный человек // Охота и рыбалка: XXI век, 2008б. № 2. С. 108–110.
- Сокольников Н. П.* Охотничьи и промысловые звери Анадырского края // Бюлл. МОИП. Отд. биол., 1927. Т. 36. Вып. 1–2. С. 117–162.
- Такакава М. К.,* сост. Кто самый сильный на Земле: Чукотские сказки. — Магадан: Кн. изд-во, 1974.
- Теин Т.* И было так...: Очерки традиционной культуры азиатских эскимосов. — Магадан: Центр народного творчества и досуга, 1992.
- Успенский С. М.* Позвоночные животные Центральной Арктики // Природа, 1956, № 8. С. 41–46.
- Успенский С.* «Кочатко» — кто это? // Вокруг света, 1979, № 4. С. 27.
- Успенский С. М.* Белый медведь. — М.: Агропромиздат, 1989.
- Фрейхен П., Саломонсен Ф.* Когда уходят льды. — М.: Географгиз, 1963.
- Kochnev A. A., Etylin V. M., Kavry V. I., Siv-Siv E. B., Tanko I. V.* Traditional knowledge of Chukotka native peoples regarding polar bear habitat use. Final report prepared for the U.S. National Park Service. Anadyr: ATMMHC Executive Secretariat, 2003.
- Kochnev A. A., Zdor E. V., Kavry V. I., Mymrin N. I., Kalyanto N. L.* Polar bear in material and spiritual culture of the native peoples of Chukotka. Progress activity report for 2004 prepared for the U.S. National Park Service. Anadyr: ATMMHC Executive Secretariat, 2005.
- Kochnev A. A., Zdor E. V., Kavry V. I., Tnanykvat A. S., Mymrin N. I., Tagrina Z. V., Kalyanto N. L., Eineucheyvun D. V.* The imagery of polar bear in modern folklore of Chukotka indigenous peoples. Progress activity report on the project “Polar bear in the material and spiritual culture of Chukotka native peoples” for 2005 prepared for the U.S. National Park Service. Anadyr: ATMMHC Executive Secretariat, 2006.
- Kochneva S.* Polar bear in material and spiritual culture of the native peoples of Chukotka: Bibliographical information. Final report prepared for the U.S. National Park Service. Anadyr: ATMMHC Executive Secretariat, 2007.
- Russell J. C.* Nanuq: Cultural significance and traditional knowledge among Alaska natives. Prepared for Alaska Nanuq Commission. EDAW, Inc., San Diego, California, 2005.
- Zdor E., Zdor L., Ainana L.* Traditional knowledge of the native people of Chukotka about walrus. Final report prepared for Kawerak Inc. Anadyr: ATMMHC Executive Secretariat, 2010.

Приложение

Тексты о белых медведях-чудовищах,
записанные в 1999-2005 гг.

1. *Мэрвыльын* — голодный, худой, истощенный медведь.
(Ванкарем, охотник 1915 г.р., чукча. Записано 9/05/1999)

2. В древней легенде говорится о белом медведе, которого называют «*к'ьосатко*» (множественное число — *к'ьосаткот*). Такой медведь, заведев человека, ложится на спину и, подняв лапы, начинает ими шевелить, имитируя движение (перемещение) людей. При этом орет (воет). Делает так, чтобы привлечь людей и напасть на них. В большинстве случаев люди гибли. Попадались на зов *к'ьосаткот* ловкие, выносливые люди. И начиналась борьба человека и этого зверя. Они перепрыгивали с тороса на торос. У *к'ьосатко* были необычные ребра, они были полностью сросшиеся друг с другом. Пронзить туловище копьём было невозможно. И человек выходил победителем только, если ему удавалось ловкими движениями перерезать копьём жилы, сухожилия на ногах, лишая *к'ьосатко* движения, а потом вонзал копьё в горло (перерезал горло).

(Нутэпэльмен, охотник 1940 г.р., чукча.
Записано со слов жены охотника 7/09/2003)

3. Сказок, связанных с белым медведем не знаю, скорее всего не помню. Но старые люди рассказывали, что очень и очень давно помимо обычного белого медведя, которого мы знаем, существовал *косаткон*. Его не считали белым медведем (*умкы*). Старики говорят, что *косаткон* был очень опасен, так как специально подманивал людей и нападал на них, он был людоедом. Этот *косаткон* ростом ниже обычного белого медведя, но тело его длиннее, шея и ноги тоже длинные, шкура очень желтая. Зверь был очень умным, хитрым. Он подметил, что во время работ, связанных с перетаскиванием тяжестей, или когда охотники переворачивают моржа или другую добычу, то кричат «*ок-ок-ок*». *Косаткон* стал подражать крику работающих охотников. Если *косаткон* замечал на море (на морском льду. — А. К.) человека, то начинал кричать «*ок-ок-ок*», ложился на спину, начинал шевелить но-

гами, вытягивал длинную шею и шевелил ею. У охотника складывалось впечатление, что какие-то люди заняты разделкой добычи и спешил им на помощь. Вот тут-то хитрый **косаткон** и нападал на человека. Я видел лет сорок назад на берегу очень старый скелет животного и обратил внимание на то, что ребра в скелете расположены крест-накрест. (Респондент показал на пальцах, каким образом расположены ребра: одно ребро прикрывает другое, и таким образом все ребра попарно скрещены, а каждая пара плотно прижимается к другой паре ребер.— *Прим. интервьюера*). Может быть это скелет **косаткон**'а, а может другого животного, жившего в древние времена.

(Нешкан, охотник 1941 г.р., чукча. Записано 10/11/2004)

4. Моя мать рассказывала легенду о белом медведе «**мергу**»: лежит медведь на спине вверх лапами и, приподняв морду, начинает шевелить лапами и мордой, при этом кричит, как бы зовя на помощь. Если смотреть издали, как будто несколько человек тянут какую-то добычу. Охотник подходит помочь, а в это время медведь вскакивает и нападает на него.

(Нешкан, охотник-оленеvod 1951 г.р., чукча. Записано в 2005 г.)

5. **Мервыльин** всегда нападает.

(Энурмино, охотник 1948 г.р., чукча. Записано 27/08/2002)

6. Отец рассказывал, что **мервыльин**, когда охотится на людей, в сумерках притворяется торосом и стоит неподвижно, ждет, когда охотник пройдет. Он рассказывал, что они с дедом заметили такого медведя и стали ждать, что будет дальше. Медведь стоял, стоял, догадался, что его заметили, и убежал.

(Энурмино, охотник 1961 г.р., чукча. Записано 30/08/2002)

7. Бывают медведи очень тощие, могут напасть. Такого называют «**мервыльин**».

(Инчоун, охотник 1944 г.р., чукча. Записано 16/08/2002)

8. Обычно нападает на человека голодный **мэрвыльин** — неудачливый охотник.

(Уэлен, охотник 1956 г.р., чукча. Записано 11/08/2002)

9. У чукчей и эскимосов Чукотки существует очень древний миф о шестиногом животном — **косатко** (чукотское название). **Косатко** — людоед. Чтобы приманить человека, обычно, охотника, **косатко** ложится на спину и делает движения ногами в разные стороны, как будто люди разделяют тушу моржа или другого зверя. А охотник, думая, что разделяющим добычу может понадобиться его помощь, спешит в сторону **косатко**, не подозревая, что его ожидает. Как и у нас, я знаю, что подобная легенда существует и у эскимосов Аляски, Канады и Гренландии.

(Уэлен, косторез 1954 г.р., чукча. Записано 18/11/2004)

10. Однажды на Пинакуле в октябре 2001 года мы разделявали белуху. С моря подплыл самец 2-летний, вышел на берег. Белуху разделявали 4 человека. Медведь пошел прямо к ним. Люди стреляли из карабина в воздух, спустили на него собак, но медведь не обращал внимания. Когда он подошел на 5–10 м, его убили. Когда разделали, то заметили, что четыре последних ребра у него сросшиеся. Старики говорят, что если ребра срастаются у медведя, то он долго голодал или болел. У него не было ни капли подкожного и внутреннего жира.

(Лаврентия, охотник 1960 г.р., чукча. Записано 31/07/2002)

11. Если перед миграцией на север (внутриконтинентальный переход вдали от побережья.— А. К.) белый медведь не накопил достаточно жира в теле и в желудке, то это **мервыльыт** — старые истощенные звери, которые готовы съесть мало-мальски съедобное. Но такие звери бывают очень редко.

(Лаврентия, оленевод 1942 г.р., чукча. Записано в 2005 г.)

12. Особенно агрессивны старые медведи «**коксамкут**». Шкура такого медведя становится желтой, он замечен издали. Кроме того, слух и обоняние притупляются, поэтому он не в состоянии выследить и поймать нерпу и начинает подстерегать одиноких охотников и собак. Старый медведь очень хитер. Издали заметив человека среди торосистых льдин, он ложится на спину, поднимает вверх лапы и начинает шевелить ими, а голову прячет за торосами. Охотник, издали заметив четырех человек (четыре лапы), разделяющих добычу, спешит к ним. Медведь, увидев, что человек подошел близко, выскакивает и нападает.

*(Лаврентия, родился и вырос в Наукане, охотник 1943 г.р., эскимос.
Записано в 2005 г.)*

13. **Эйнеткулын** — белый медведь, который ложится на спину, поднимает лапы вверх, шевелит лапами и головой. Издалека кажется, будто пять человек разделяют добычу или обсуждают что-то. Потом **эйнеткулын** набрасывается на подошедшего человека. Сам видел человека, пострадавшего от такого **умкы**. **Мервылын** — голодный, худой белый медведь. Как правило, нападает на людей.

(Лорино, охотник 1936 г.р., чукча. Записано 29/03/2004)

14. Сказок не знаю. Когда белый медведь сам по себе ложится на спину лапами вверх и играет, то считается, что такой зверь агрессивный. Он как бы предупреждает, что с ним шутки плохи. Это я слышал от стариков.

(Янракыннот, охотник-оленовод 1957 г.р., чукча. Записано в 2004 г.)

15. Только вот называют отощавших белых медведей — **мэргумк'эн**, они опасны.

*(Янракыннот, хозяйка яранги в береговом селе 1936 г.р., чукчанка.
Сейчас живет в поселке Провидения. Записано в 2005 г.)*

16. **Нанок** — обычный белый медведь. **Кухсатку** — очень большой белый медведь. Дед рассказывал, что этот **кухсатку** даже на молодой лёд не залезает (иначе провалится.— А. К.), а только по старому льду ходит. А какие большие следы! Один мужик рассказывал, когда увидел следы **кухсатку** и решил их измерить, то сел прямо в след, сложив ноги по-турецки. И полностью уместился в след! Говорят, что этот мужичок был небольшого роста, но все равно, выходит, что след был очень большой. Говорят, эти **кухсатку** могут приманивать охотников. Когда видит охотник, что там, вдали, вроде бы люди работают, он туда бегом бежит среди торосов по льду. Охотник думает, что там что-то добыли и разделяют, и торопится, чтобы мясо досталось. Выскакивает охотник из-за тороса, а это **кухсатку** его обманывает. Лежит на спине лапами вверх и шевелит ими. Получается, как будто люди шевелятся, работают. Медведь сразу вскакивает и бросается на охотника.

(Новое Чаплино, охотник 1938 г.р., эскимос. Записано в 2004 г.)

17. Белый медведь, скорее, морской зверь, чем сухопутный. Слышал, что у очень старого белого медведя грудь так окостеневаает, что он не способен вылезти на лёд. Поэтому живет в воде на плаву все время. Чем и как питается, не знаю.

(Новое Чаплино, охотник 1948 г.р., эскимос. Записано в 2004 г.)

18. С белым медведем были связаны некоторые заклинания. Есть медведь старый, по-нашему, *к'увсутку*. Это медведь-одиночка, очень крупный самец. Он — матерый хищник. Говорят, что на пасти и горле у него шерсть очень желтая. Ест он жир, вот у него вся передняя часть тела от жира и желтая. Поэтому заклинания были связаны с образом этого матерого медведя. Обычно говорили заклинание, когда у человека сердце больное. Тахикардия — современное название. Это когда сердцебиение учащается, и пульс прыгает у человека. Тогда надо себе сказать, что человек в образе этого медведя кладет лапу на область сердца, и что это настолько тяжелая лапа, что сердце успокаивается. Я, такой-то *к'увсутку*, кладу лапу на область сердца. Вот такое заклинание. Вообще-то с образом этого медведя много связано. Цель заклинаний была еще и в том, чтобы охранить детей, чтобы они выросли здоровенькие, крепкие. И поэтому опять связывали себя с образом этого медведя *к'увсутку*. Нужно рано утром выйти и сказать: «Вот я, такой-то медведь, кладу свои уши, правое в левое своих детей». И надо идти вокруг яранги. Идет человек и говорит, что если пристанет какая-нибудь болезнь, тогда болезнь — на шерсть и стоит только отряхнуться, как эта болезнь отлетает. И идет человек дальше вокруг яранги. И говорит, что если снова какая-нибудь болезнь пристанет, а этот медведь отряхивается и не может освободиться, то он тогда ныряет в морскую воду, потом вылезает, отряхивается и болезнь вместе с брызгами отлетает. Вокруг яранги ходят и такие заклинания говорят, а после каждого заклинания обязательно надо плюнуть. Тьфу! Ходят не просто вокруг яранги, а представляют, что идут по горизонту земли. И обязательно делали это утром рано. Вот такие два заклинания, связанные с образом белого медведя *к'увсутку*.

(Провидения, родилась и выросла в Старом Чаплино, учительница 1942 г.р., эскимоска. Записано в 2005 г.)

19. В январе 1997 года было в районе поселка много следов. Одного видели. Взрослый, средних размеров. Приходил ночью. Кормился от-

ходами около зверофермы. Этот медведь был худой, долго ничего не ел. Такой медведь, худой и голодный, называется «**мэрвилыын**». Его прогнали собаки. Я раньше слышал от стариков, что такие медведи нападают на оленей и даже на людей. Но уже давно нет таких случаев.

(Нунлигран, оленевод 1931 г.р., чукча. Записано 20/05/1999)

20. Я девочкой была, не разрешали об этом слушать, отправляли на улицу гулять. Я все равно подслушала. Говорят, **к'ьосатко** — это медведь-одиночка. Такое бывает. Морж-дикарь — **к'увликычыын** — тоже есть.

(Нунлигран, хозяйка яранги в оленеводческой бригаде 1944 г.р., чукчанка. Записано в 2005 г.)

21. **К'ьосатко** — медведь-шатун. Опасный. Один вырос, без матери.
(Энмелен, охотник 1949 г.р., чукча. Записано в 2005 г.)

22. **Умк'эт** — белые медведи, это хорошие медведи. А есть особый белый медведь, это **к'ьочатко** — белый медведь-крикун, чудовище. Он отдельно всегда. Это очень плохой белый медведь — **к'ьочатко-умкы**. Он словно человек: «**У-гу, у**», такие звуки делает. Огромные свои ноги вверх поднимет, и они похожи на людей, потому что очень толстые, гораздо больше, чем у простого белого медведя. Очень широкие ноги. И вот увидят люди их со стороны и думают: «О, вон там кто-то стоит». Подходят, оказывается, это **к'ьочатко**. Нападает и убивает. Где он сейчас, этот **к'ьочатко**? Еще в недавние времена про них слышал, а сейчас нет. А ведь были они. **К'ьочатко** навзничь ложится, лапы — будто четыре человека. Очень умный он. Словно человек кричит: «**Гу-гу, гук**». Так раньше окликали люди друг друга, не то, что сейчас: «**Гэ!**», очень грубо. А нужно как **к'ьочатко**, вот.

(Ваеги, оленевод 1934 г.р., чукча. Записано в 2005 г.)

Таблица 1. Признаки и качества к'ьочатко и зйнеткулын, упомянутые информаторами в разных селах Чукотки

Признак	Нутзэпльмен	Нешкан	Уэлен	Нунлигран	Энмелен	Ваеги	Лаврентия	Чаплино	Провидения	Лорино
<i>Название</i>	к'ьосатко	косаткон	косатко	к'ьосатко	к'ьосатко	к'ьочатко	кокшаткут	кухсатку	к'уусутку	зйнеткулын
<i>Вид</i>	БМ	Не БМ	Не БМ	БМ	БМ	БМ	БМ	БМ	БМ	БМ
<i>Возраст</i>	любой	любой	любой	любой	любой	любой	старый	любой	старый	любой
<i>Пол</i>	любой	любой	любой	любой	любой	любой	любой	любой	самец	любой
<i>Рост/размер</i>	обычный	ниже белого медведя	обычный	обычный	обычный	обычный	обычный	огромный	очень большой	обычный
<i>Форма тела</i>	обычная	вытянутая	обычная	обычная	обычная	обычная	обычная	обычная	обычная	обычная
<i>Шея</i>	обычная	длинная	обычная	обычная	обычная	обычная	обычная	обычная	обычная	обычная
<i>Число лап</i>	4	4	6	4	4	4	4	4	4	4
<i>Характеристика лап</i>	обычные	длинные	обычные	обычные	обычные	толстые, широкие	обычные	толстые, широкие	тяжелые	обычные
<i>Цвет шерсти</i>	белый	желтый	белый	белый	белый	белый	желтый	белый	желтый	белый
<i>Костяной панцирь</i>	есть	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
<i>Зов</i>	орет (воет)	ок-ок-ок!	нет	нет	нет	У-гу, У! гу-гу, гук!	нет	нет	нет	нет
<i>Имитация людей</i>	лапами	лапами и шей	лапами	нет	нет	лапами	лапами	лапами	нет	лапами и головой
<i>Специализированное людоедство</i>	да	да	да	нет	да	да	да	да	да	да
<i>Ум, хитрость</i>	нет	да	нет	нет	нет	да	да	нет	нет	нет

Признак	Нутзпэльмен	Нешкан	Уэлен	Нунлигран	Энмелен	Ваеги	Лаврентия	Чаплино	Провидения	Лорино
<i>Одиночка, шатун</i>	нет	нет	нет	да	нет	да	нет	нет	да	нет
<i>Осиротевший в детстве</i>	нет	нет	нет	нет	да	нет	нет	нет	нет	нет
<i>Перемещение по льду</i>	обычное	обычное	обычное	обычное	обычное	обычное	обычное	НЕ МОЖЕТ ХОДИТЬ ПО ТОНКОМУ / МОЛОДОМУ ЛЬДУ	обычное	обычное

Таблица 2. Признаки и качества мергу / мэргумк'эн / мервыльин, упомянутые информаторами в разных селах Чукотки

Признак	Банкарем	Нешкан	Энурмино	Энурмино	Инчоун	Уэлен	Лаврентия	Лорино	Янракын-нот	Нунлигран
<i>Название</i>	мэръвьльин	мергу	мервыльин	мервыльин	мервыльин	мэръвьльин	мервыльин	мервыльин	мэргумк'эн	мэръвьльин
<i>Вид</i>	БМ	БМ	БМ	БМ	БМ	БМ	БМ	БМ	БМ	БМ
<i>Число лап</i>	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
<i>Тощий</i>	да	нет	нет	нет	да	нет	да	да	да	да
<i>Голодный</i>	да	нет	нет	нет	нет	да	да	да	нет	да
<i>Неудачливый охотник</i>	нет	нет	нет	нет	нет	да	нет	нет	нет	нет
<i>Зов</i>	нет	да	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
<i>Имитация людей</i>	нет	лапами и ГОЛОВОЙ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
<i>Имитация торося</i>	нет	нет	нет	да	нет	нет	нет	нет	нет	нет
<i>Специализированное людоедство / опасность для людей</i>	нет	да	да	да	да	да	нет	да	да	да

Работа с наблюдателями, коренными жителями Чукотки. Некоторые впечатления и размышления

Н. Мыррин

Посвящается памяти Л. С. Богословской

Наблюдатель из пос. Сиреники пишет в дневнике: «Проплыла на восток беременная самка лахтака». Один из крупнейших тюленей Берингова моря — лахтак, или морской заяц, достигает веса свыше 300 кг. У спокойно плывущего по поверхности моря животного видны только нос, глаза и верхушка головы. Я задаю вопрос наблюдателю-эскимосу Анатолию Канихину (это он сделал такую запись): как он определил пол и физиологическое состояние тюленя при таких условиях наблюдения?

*Л.С. Богословская во время похода на байдаре вдоль берегов Чукотки, лето 1985 г.
Фото Н. Конюхова*

Охотник-зверобой объясняет. У плывущей беременной самки в чреве большой плод. При погружении в глубину зверь изгибается и у животного «чуть-чуть» выше, чем у других особей, поднимается спина над поверхностью воды. Оказывается, все дело в этом «чуть-чуть», доступном обладателю острого глаза на основе многолетних длительных наблюдений и регулярной добычи наблюдаемых зверей.

Вот такие высококлассные наблюдатели работали на Чукотке под руководством Людмилы Сергеевны Богословской. Впервые для наблюдений за морскими млекопитающими Берингова и Чукотского морей Людмила Сергеевна предложила привлекать охотников-зверобоев Чукотки. И не просто предложила, но и организовала финансирование таких работ (на средства тогдашнего Министерства экологии и природных ресурсов РФ. — *Ред.*) Эти работы начались с весны 1992 г. и продолжались потом целое десятилетие (см. статью И. Загребина). В моей жизни мне представилась удивительная возможность работать рядом с таким замечательным ученым, как Л.С. Богословская. Ниже представлены мои воспоминания и некоторые впечатления о работе под ее руководством. Моя роль в этом проекте сводилась к организации наблюдений на местах, сборе и обработке информации из дневников наблюдателей и некоторым обобщениям.

В пос. Сиреники наблюдения вел эскимос Пётр Тыпыхкак. В пос. Ян-ракыннот у северного входа в пролив Сенявина — наблюдатели-чукчи: Константин Кымыёчкин и Яков Рахтувье. В пос. Уэлен — наблюдатель Василий Иванович Ёорело; в пос. Энурмино — Михаил Степанович Кеутегин. Возраст этих наблюдателей составлял от сорока до пятидесяти лет и старше. Все они были опытные люди, легко различавшие виды морских животных и особенности их поведения.

И потекла к нам регулярная информация, доселе неведомая кабинетной академической науке. Ежедневно записывалась погода, состояние льдов на море, наблюдаемые морские млекопитающие, их численность, элементы поведения, направление миграции. Некоторые наблюдатели отмечали также миграции морских и водоплавающих птиц, птиц тундры. Появилась полноценная летопись природы с обширной территории побережья Чукотского п-ова, самого восточного региона России.

Мне представляется, что основой для организации такого вида работ были собственные наблюдения Л.С. Богословской за деятельностью коренных жителей, морских зверобоев из прибрежных селений

Чукотки. При посещении береговых селений часто обращаешь внимание на сидящих на берегу (обычно на возвышенных местах, иногда прямо в черте поселка) мужчин. У многих в руках бинокли. Взоры их обращены на море. Эти самодеятельные наблюдатели, обычно пожилые люди, пенсионеры, не участвующие в промысле, занимают позиции с раннего утра, и зимой и летом. Они встают рано; позавтракав и одевшись потеплее, направляются на берег. Препятствуют их наблюдениям только дождь, пурга и вообще плохая погода с ограниченной видимостью.

А на море всегда есть на что посмотреть, даже зимой. Вдоль южного побережья Чукотского п-ова простирается так называемая «Сирениковская полынья». Протянулась она от мыса Беринга на северо-западе до мыса Чукотского на востоке. На этом огромном пространстве моря ледовые поля зимой перемежаются с большими участками открытой воды. На воде всегда видны кормящиеся тюлени (акиба, лахтак), изредка — моржи, гренландские киты и белухи. Утки — обыкновенные гаги и гаги гребенушки, многотысячными стаями кормятся невдалеке от берега. С ранней весны множество птиц, тюленей, моржей и китов

Пётр Тытыхкак, капитан сирениковской байдары отряда Л.С. Богословской на о. Ратманова, лето 1987 г. Фото Н. Конюхова

начинают мигрировать вдоль побережья. Птицы летят к местам гнездовий и на кормежку в море. Тюлени и моржи весной движутся вдоль берегов полуострова в Арктический бассейн, меняя район своего зимнего обитания, Берингово море, на летний — в Чукотском море. С таянием и разрушением льдов в Беринговом море от его южных пределов, из тихоокеанских вод приходят к берегам Чукотки серые киты, малые полосатики, горбачи, финвалы. Из центральной части Берингова моря подходят гренландские киты, белухи, косатки. Всё это разнообразие видов и огромное множество зверей зверобой видят с берега, порой прямо в черте селений. Это теперь мы понимаем, что было так просто и очевидно: дать им в руки блокноты и ручки, чтобы они записывали хотя бы часть увиденного.

С весны 1992 г. к нам стали поступать ежемесячные отчеты охотников. Следует отметить, что информация, полученная от местных наблюдателей, не может быть сравнима с работами официальной науки, так как кабинетные и полевые ученые-биологи ничего подобного в регионе до того не выполняли. Они работали на лежбищах, наблюдали с кораблей, вели подсчеты животных с самолетов — но всегда в ограниченное время и по небольшому числу видов, на которых они специализировались.

Наблюдатели 1992 г.

1. Пос. Сиреники.

Наблюдатель — Пётр Тытыхкак

Особенности места наблюдения: морское побережье в окрестностях поселка Сиреники, как на запад, так и на восток, на десятки километров сравнительно однородно и тянется почти прямой линией, не имея каких-либо значительных бухт и заливов. Вследствие этого припайные льды здесь не образуются или бывают кратковременными и лишь на небольших участках. Лёд в течение осени, зимы и весны движется вдоль берега на восток, увлекаемый постоянным течением.

Период наблюдений в Сирениках составил девять месяцев: с апреля по декабрь 1992 г. За этот период ежедневных наблюдений были отмечены: гренландские киты, серые киты, косатки, белухи, моржи, лахтаки, акибы, ларги, сивучи. В весенние месяцы, с апреля по июль, большин-

Л.С. Богословская с янракыннотскими охотниками, лето 1979 г. В центре – капитан и будущий наблюдатель Константин Кымыёчкин. Фото Н. Перова

Старейшие охотники Сиреников (слева направо): Степан Каваквыргин (1930–1987), Николай Асыколян (1927–1989) и Андрей Кукульгин (1923–1985) – наблюдают за морем и охотой с берега, лето 1984 г. Фото Н.Б. Конюхова

ство китов и ластоногих двигались вдоль берега на восток, в сторону арктического бассейна. Серые киты и косатки перемещались в разных направлениях. Осенью и в начале зимы (октябрь-декабрь) была отмечена обратная миграция гренландских китов и белух на запад, в Анадырский залив.

2. Пос. Янракыннот.

Наблюдатель — Константин Васильевич Кымыёчкин

Особенности места наблюдения: поселок Янракыннот расположен у северного входа в пролив Сенявина. Здесь рано формируются и долго стоят припайные льды, обычно с октября по июнь.

Наблюдения осуществлялись только в октябре и ноябре 1992 г. Вследствие позднего начала наблюдений были отмечены только моржи, лахтаки, ларги, акибы и крылатки. Из необычного в результатах наблюдений: отмечены тюлени-крылатки в бухте Пенкигней, довольно далеко от открытого моря. Этот вид тюленя придерживается открытых частей моря и у берега, как правило, не наблюдается. Со слов других зверобоев, здесь же в бухте Пенкигней 25–26 ноября 1992 г. были отмечены 27–30 гренландских китов, которые кормились в бухте. Здесь также в изобилии кормились разные тюлени: крылатки, акибы, ларги и лахтаки.

Еще один наблюдатель — *Яков Рахтувье*, осуществлял сбор сведений о составе добываемых и доставляемых в поселок тюленей. В журнал записывались вид и пол тюленя, наполнение желудка, брались когти и клыки для определения возраста. Наблюдателем всего осмотрено 176 особей добытых тюленей.

3. Пос. Уэлен.

Наблюдатель — Василий Иванович Ёрело

Особенности места наблюдения: наблюдения велись как в самом поселке Уэлен, так и у южной оконечности полуострова Дауркина, в районе бывшего селения Дежнёво, т.е. южнее мыса Дежнёва. Из Уэлена в Дежнёво простирается понижение (депрессия), по которому охотники перемещаются с северного берега из Уэлена (Чукотское море) к югу — к Берингову морю и Берингову проливу. Оба места наблюдения — Уэлен и Дежнёво, примечательны тем, что находятся у самого схождения материков Азии и Северной Америки. Здесь, в акватории Берингова пролива концентрация китов, ластоногих, морских и водоплавающих птиц многократно возрастает по сравнению с другими, северными и южными прибрежными участками.

Ледовые условия, течения: в окрестностях Уэлена в осенне-зимнее время преобладают северные и северо-восточные ветры. Они прижимают вновь образованные льды к берегу. Образуется припай. За пределами кромки припая течение с северо-запада (вдоль берега) идет к Берингову проливу и движет заприпайные массы льда к востоку, к проливу. В районе Дежнёво и в целом в Беринговом проливе течение идет на север, в Чукотское море. При устойчивых ветрах северных направлений на этом участке наблюдений появляется открытая вода, чем пользуются морские животные и зверобои.

Наблюдения проводились в период апрель-ноябрь 1992 г., то есть 8 месяцев. За время наблюдений отмечены киты: серые, гренландские, косатки, белухи, а из ластоногих — моржи, лахтаки, акибы, ларги, сивучи. В апреле гренландские киты двигались на север; все виды ластоногих с апреля до середины июля также двигались на север, северо-запад. Моржи в летние месяцы мигрировали на север и перемещались в разных направлениях на кормежку и к лежбищам. Косатки регулярно охотились на моржей и серых китов. Осенняя миграция началась в сентябре. В обратном направлении, на юг двинулись лахтаки, акибы, моржи, белухи, серые киты. В октябре-ноябре все виды мигрировали в значительных количествах.

4. Пос. Энурмино.

Наблюдатель — Михаил Степанович Кеутегин

Наблюдения велись с июня по ноябрь 1992 г., то есть шесть месяцев. Место наблюдения — район мыса Неттен, в пяти-шести км западнее поселка Энурмино.

Особенности места наблюдения: главная особенность района — продолжительное стояние льда на море: с октября по июнь. Течение на море, как и в Уэлене, имеет генеральное направление на восток. В бухте Кенишхин у мыса Сердце-Камень в летне-осенние месяцы формируется крупнейшее лежбище моржей, на котором численно преобладают самки и молодняк и самки с новорождёнными моржатами.

За время наблюдений отмечены киты: серые, гренландские, косатки, дельфины (вид неизвестен), белухи, а из ластоногих — моржи, акибы, лахтаки. Отмечены значительные концентрации моржей на лежбище у мыса Сердце-Камень. В октябре встречены белые медведи. Неоднократно наблюдалась охота группы косаток на серых китов и моржей.

В июне-июле миграция серых и гренландских китов, моржей, лах-

таков и акибы шла на запад. С сентября серые киты, моржи, лахтаки и акибы начали мигрировать в обратном направлении — на восток. В октябре миграция усилилась. Появились в значительных количествах гренландские киты, белухи. Все виды двигались на восток. К концу ноября море полностью покрылось льдом, и наблюдения прекратились.

Итоги первого сезона наблюдений

Пять наблюдателей из числа коренных жителей прибрежных поселков Чукотского полуострова ежедневно наблюдали за морской акваторией и дали обширную информацию о морских млекопитающих огромного региона: от Анадырского залива до мыса Сердце-Камень в Чукотском море. Протяженность береговой линии от Сиреников до Энурмино — свыше 600 километров. Помимо морских млекопитающих некоторые наблюдатели отметили перелеты огромных масс водоплавающих и морских птиц. Отмечалось состояние моря, течения, ледовитость, особенности погоды. Из поселка Янракиннот получены сведения о питании тюленей, в том числе в местах наблюдений гренландских китов. Тюлени, добытые рядом с китами, кормились мойвой (*Mallotus villosus*). Собранные когти и клыки от добытых кольчатых нерп позволили определить их возраст.

Основные результаты наблюдений 1992 г. сводятся к следующему:

1. По отчетам наблюдателей сложилась четкая и ясная картина сезонных миграций многих видов морских млекопитающих: весной и в начале лета — на север, в арктический бассейн, а в осенне-зимние месяцы — в обратном направлении. Причем, как весной, так и осенью, перемещения животных носят массовый целенаправленный характер.

2. Впервые отмечены в больших количествах гренландские киты в нескольких точках побережья. Особенно интересен поворот китов весной после прохода мыса Дежнёва на северо-запад, вдоль арктических берегов Чукотки. Заслуживает внимания заход групп этих китов вглубь пролива Сенявина, в бухту Пенкигней, что также необычно для этих китов.

3. Отмечены многочисленные случаи охоты групп косаток на моржей и серых китов — как в Анадырском заливе, так и в Чукотском море. Похоже, это явление носит массовый характер и позволяет говорить

о существовании групп косаток, которые специализируются на питании морскими млекопитающими.

4. Наблюдателем Кеутегиным М.С. в поселке Энурмино отмечена значительная концентрация самок моржей с детёнышами на береговом лежбище у мыса Сердце-Камень. Биологи могут не согласиться; но фраза наблюдателя «...на лежбище, как и во льдах, весной и осенью много новорождённых, да и прямо на лежбищах идут роды, как и на льду весной» (орфография автора сохранена), наводит на размышление о способности (или вынужденности) самок моржей к родам на берегу. Официальная наука считает, что это происходит только на льдах.

5. Наблюдателем Ёрело В.И. (Уэлен) отмечены массовые перелеты уток гаг гребенушек с юга на север долиной (то есть над сушей) от селения Дежнёво к Уэлену, что также считалось несвойственным данному виду.

6. Впервые почти все наблюдатели собрали информацию о других, более редких китах. Появились сведения о пребывании китов-горбачей у многих точек побережья Чукотки. В наблюдениях появились малые полосатики Минке, финвалы, другие китообразные.

Дальнейшие наблюдения

В следующем 1993 г. работы под руководством Л.С. Богословской были продолжены.

Дополнительно в проект был принят наблюдатель Николай Кычи из чукотского поселка Нунлигран, у мыса Аччен в Анадырском заливе, западнее пос. Сиреники. Он вел наблюдения в октябре-ноябре 1993 г. Им отмечены киты-горбачи, в том числе с детёнышами, а также миграция сивучей вдоль берега на юго-восток в октябре и ноябре (всего 19 дней наблюдений сивучей), что также было ново и необычно для прибрежных вод Чукотки.

Киты-горбачи в значительных количествах (наблюдатель пишет «много», значит — не поддается подсчету) были отмечены и у Сиреников в октябре и начале ноября 1993 г. Киты плыли на запад. Наблюдатель Пётр Тыпыхкак в устном сообщении отметил, что раньше такого количества горбачей он никогда не видел. Надо полагать, китов было действительно необычно много.

В остальных пунктах наблюдений были отмечены те же виды и те же явления: массовые миграции животных на север в весенне-летние месяцы и обратная миграция осенью. В 1993 г. не отмечались наблюдателем заходы гренландских китов в пролив Сенявина. Таким образом, на протяжении двух сезонов наблюдений сложилась четкая картина, раскрывающая особенности жизнедеятельности многих видов морских млекопитающих на севере Берингова и в Чукотском морях.

В последующие 1994–2002 годы работы по наблюдениям за морскими млекопитающими с участием коренных жителей Чукотки финансировали: управление Охотскрыбвод (г. Магадан), Район Северного Склона (США, Аляска), Служба национальных парков США (Аляска — см. статью И. А. Загребина). Число наблюдателей возросло до двух десятков, в отдельные годы — и более. Была получена обширная информация о морских млекопитающих. Но первым исследователем на этом необычном пути была Л. С. Богословская. Надо отдать должное ее прозорливости и ее знаниям повседневной жизни коренных жителей прибрежных сёл Чукотки.

С зимы 1994 г. было оформлено соглашение между Обществом эскимосов Чукотки (пос. Провидения) и Районом Северного Склона (административный район на севере Аляски, США, пос. Барроу). Американская сторона финансировала работу наблюдателей на побережье Чукотки от селения Уэлькаль (залив Креста) на севере Анадырского залива до селения Нешкан в Чукотском море (см. статью И. Загребина). Научным руководителем группы наблюдателей от Общества эскимосов была приглашена Л. С. Богословская. В этих работах она участвовала дважды: в 1994 и 1995 гг. Главное внимание наблюдателей было в то время обращено на гренландских китов, поскольку они интересовали американскую сторону в наибольшей степени.

Мы вместе ездили с отчетами в Барроу и вели долгие дискуссии по итогам наблюдений наших зверобоев. Жили в соседних комнатах, завтракали и обедали за одним столом. В Барроу Людмила Сергеевна была принята в общество любителей мороженого, которое обильно предоставлялось в столовой американской стороной.

Главный вывод из наблюдений этих двух лет: часть популяции гренландских китов весной и в начале лета, проходя через Берингов пролив, идет далее на запад Чукотского моря и не фиксируется наблюдателями на Аляске, которые проводят специальный учет китов в апреле-мае.

В итоге получается, что гренландских китов фактически больше, чем их насчитывают аляскинские наблюдатели. Даже в июне-июле наши наблюдатели на Чукотке отмечали гренландских китов в Анадырском заливе. Л. С. Богословская справедливо отмечала, что это могут быть животные из отдельной группы (субпопуляции). При этом она ссылалась на опыт наблюдений китобойца «Звёздный» и капитана Л. М. Вотрегова, который отмечал этих китов в летние месяцы в Анадырском заливе в 1970-е годы (Bogoslovskaya et al., 1982). Возник вопрос о более сложном устройстве популяции гренландских китов и о возможном наличии внутривидовых группировок со своим ритмом жизни и особыми сроками и путями миграций (Bogoslovskaya, 2003). Дальнейшие наблюдения показали, что Богословская была близка к истине. В летние месяцы в Анадырском заливе также отмечались другие гладкие киты, но какие именно, еще предстоит исследовать.

Обсуждение

Идея, возникшая у Людмилы Сергеевны из наблюдений и работы с коренными жителями Чукотки, оказалась очень плодотворной и эффективной. Подобный метод наблюдений за морскими млекопитающими, а позднее — мониторинг природных процессов в регионе стал главным в деятельности регионального парка Берингия. На основе наблюдений и проектов, выполненных в последующие годы, и накопленных материалов стало возможным сделать важные выводы и поставить новые научные вопросы.

1. Наблюдения в поселке Янракиннот и в северной части пролива Сенявина дали информацию о значительных скоплениях гренландских китов в этом районе во время осенней миграции, обычно в октябре–декабре. Так, в 1994 г. в октябре–ноябре в бухте Пенкигней отмечено 17 гренландских китов. В 1995 г. в этой бухте в октябре были встречены два гренландских кита, а в ноябре — более 217 особей, среди них молодые и детёныши. В октябре 1994 г. 8 китов наблюдали южнее бухты Пенкигней, в проливе Чечекуйым. Получается, что киты шли через пролив Сенявина с севера на юг. В эти осенние месяцы киты отмечались в проливе Сенявина в 1996, 1997, 1998, 1999 и 2000 гг. Таким образом, движение определенной группы китов через пролив Сенявина в осен-

не-зимние месяцы (октябрь-декабрь) можно считать обычным явлением (Мымрин, 2012).

Полученная информация о гренландских китах в проливе Сенявина, собранная наблюдателями-зверобоями из селений Янракыннот и Новое Чаплино, особенно в проливе Чечекуйым достаточно полно раскрывает основы той ресурсной промысловой базы, на которой много веков назад могла возникнуть зверобойная культура, создавшая мощный культурный и ритуальный комплекс под названием «Китовая аллея» на острове Ыттыгран (Арутюнов и др., 1982). В ноябре-декабре в проливе Сенявина стоит лёд толщиной от 20 до 40 см. В прошлом с этого льда успешно добывали гренландских китов копиями. Владимир Тагитуткак (1922–1999) подробно рассказал, как это делали его отец и дед (Мымрин, 1999, с. 46).

Можно предполагать, что при высокой численности гренландских китов и соответствующей ледовой обстановке киты могли находиться в районе пролива Сенявина и в летние месяцы. Тот же В. Тагитуткак рассказывал, что в июне 1941 г. гренландские киты зашли в акваторию между мысом Чаплина и о. Аракамчечен (Мымрин, 1999, с. 42). Другой эскимосский охотник, В. Н. Насалик из пос. Новое Чаплино, ссылаясь на своего деда, отмечал, что на гренландских китов в прошлом охотились в августе напротив Сиклюка (бывшее селение на северном берегу острова Ыттыгран, рядом с комплексом «Китовая Аллея»). Как раз в августе там появлялись киты. Воспоминания зверобоев поселка Новое Чаплино указывают, что рядом с комплексом «Китовая Аллея» в прошлом существовала летне-осенне-зимняя охота с копиями на гренландских китов.

Современный рост и постепенное восстановление численности гренландских китов создает приблизительно ту же промысловую ситуацию в проливе Сенявина и у южных выходов из него. Но сейчас в этих местах нет той активной и развитой зверобойной культуры, которая могла бы воспользоваться новыми благоприятными условиями.

2. Идея, высказанная и осуществленная Л. С. Богословской по привлечению к исследованиям коренных жителей, продолжала выполняться восемь лет (и выполнялась далее в проекте СИКУ. — *Ред.*) Был накоплен большой объем информации о многих видах морских млекопитающих; собраны традиционные знания коренных жителей о белухе, гренландском ките, белом медведе (Мымрин, 1999; Хантингтон, Мымрин, 1996).

Но даже наблюдения за таким массовым видом, как кольчатая нерпа-акиба, дали неожиданные результаты. Автор, рассматривая материалы

*Гренландский кит в проливе Сенявина у входа в бухту Пенкигней.
Кита добыли охотники с. Янракыннот осенью 2005 г. Фото А.В. Апалю*

местных наблюдений за акибой и лахтаком, увидел, что весенняя миграция этих тюленей на север далеко не так хаотична, как представлялось ранее. При этом надо учитывать, что целью зверобоев-наблюдателей не был поголовный учет всех проплывающих китов, моржей и тюленей. Тем не менее, массовость собранного материала показала, что миграция этих двух видов тюленей имеет ряд закономерностей (Мымрин, 2007).

Во-первых, поток тюленей на север четко связан с интенсивным весенним разрушением и исчезновением морских льдов в Беринговом море. В мае-июне резко уменьшается количество льдов на море, и в этот же период происходит резкий рост числа мигрирующих животных, отмеченный наблюдателями в поселках Анадырского залива. Автор лично наблюдал в июне в селении Энмелен непрерывный поток мигрирующих вдоль берега тюленей. Животные плыли на юг-юго-восток, но направлялись они на север — в Арктику! Такова здесь особенность направления береговой линии.

Во-вторых, поток мигрирующих животных имеет определенный ритм, составляющий в среднем 3,1 дня. То есть каждые три дня наблюдается рост числа мигрантов. Затем численность их снова падает, но не прекращается. Так, за июнь отмечается в среднем девять пиков миграции. Такая периодичность особенно характерна для селения Энмелен, расположенного в северной части Анадырского залива. Рассмотрев миграцию акибы в Уэлене, мы обнаружили там очень сходную картину.

Здесь средний промежуток времени между пиками числа мигрирующих нерп составлял 2,7 дня. Сравнение миграции тюленей в Энмелене и Уэлене не дает абсолютного совпадения, что вполне понятно. Можно предположить, что в поток мигрирующих акиб возле Уэлена вливаются животные со стороны Аляски и вносят свои особенности.

Аналогичная картина наблюдается и в отношении мигрирующих лахтаков. При этом сравнение кривых годовой миграции Энмелена и Уэлена дает очень высокий коэффициент корреляции (0,97) при высоком уровне достоверности (Мымрин, 2007). Общая численность этих двух видов в регионе может достигать 1,8 миллиона особей. Следовательно, описанные особенности миграции и выявленные ритмы весьма примечательны и важны как для охотников, так и для исследователей.

3. При документации традиционных знаний коренных жителей об экологии белух и гренландских китов выяснилась одна особенность. Как в случае белухи, так и гренландского кита, зверобои, со ссылкой на своих отцов и дедов, указывали, что наблюдалось, как беременные самки белух и китов рожали детёнышей на лёд. Охотники видели, как самка кита выставляет хвост и трется о край льдины. Затем на льдине оказывается детёныш белухи или гренландского кита. Зоологическая наука такие сообщения относит к «байкам» или сказкам.

Но вот сообщение Л.С. Богословской (Богословская и др., 1984). «Летом того же года (1976 г.) в Малом Чаунском проливе на льдине (!) был найден труп детёныша гренландского кита». Детёныш мог оказаться на льдине только одним способом — туда, на льдину, его родила самка кита. Но почему-то не смогла забрать в воду.

Этот же факт подтверждают эскимосские охотники. Тыпыхкак Пётр (Сиреники): «Старики говорили, на толстый лёд (самка. — Н. М.) выдавливают детёныша при родах, потом смахивает хвостом в воду». Насалик В. (Новое Чаплино): «...видели, как китиха рожала детёныша. Хвост вверх поднимает, о край льда надавливает, и китёнок выскакивает из утробы матери. Крови много при этом. Если охотники видят и могут

Н.И. Мымрин

взять (убить) китёнка, то стараются его забрать немедленно. Быстро бегут и, обхватив веревкой, тащат китёнка в сторону по льду. Он длинной как белуха (3–4 метра). У новорождённого китёнка гренландского кита кожа («мантак») в два раза толще, чем у взрослого кита, и мягкая. Очень ценится по своим вкусовым качествам. Быстро тащат китёнка в сторону. Китиха после освобождения от плода сначала уходит на короткое время в сторону, так как сразу после родов, наверное, больно и она должна прийти в себя. Потом возвращается и высовывает голову из воды и смотрит. Потом начинает хвостом лёд ломать. Если заметит охотников, то не спрятаться от нее» (Мымрин, 1999).

Николай Гальгаугье (Сиреники) рассказывает:

«Энурминские охотники рассказывали (пос. Энурмино, северное побережье Чукотского полуострова. — Н. М.), что один охотник видел, как гренландский кит несколько раз выставлял хвост и тёрся о льдину и был какой-то звук. И вдруг, охотник видит — на льдине остался детёныш гренландского кита, у края льдины.

Таким необычным способом самка гренландского кита родила детёныша на льдину. Охотник схватил верёвку, зацепил новорождённого китёнка и еле-еле потащил дальше от края льдины. Кит-самка несколько раз выставляла хвост и делала движения, как бы смахивала хвостом с льдины детёныша. Но его уже там не было. Охотник тащил детёныша дальше и дальше. Кит-самка начала ломать лёд хвостом, а потом не смогла это делать — лёд был уже толстый. Охотник тащил дальше и дальше. Кит-самка ходила туда-сюда вдоль края льда и не могла ничего сделать. Охотник разделал китёнка и отнёс домой» (Хантингтон, Мымрин, 1996).

Все детали и подробности, рассказанные зверобоями о случаях родов детёнышей гренландских китов на лёд, свидетельствуют о реальности событий.

4. Другие гренландские киты — *Агвысяк*. Пётр Тыпыхкак: «Такие же киты, как гренландские, только короче. Я не видел, чтобы их добывали при мне. Они проходят весной самые последние, когда все гренландские киты уже прошли на восток у Сиреников. «Агвысяк» тоже идут на восток. Это такой же, как гренландский кит, но немного другой» (Мымрин, 1999, с. 37).

Из наблюдений охотниками гладких китов в июне-августе в Анадырском заливе можно предположить, что это могут быть настоящие глад-

кие киты (*Eubalena glacialis*), не гренландские (*Balaena mysticetus*). На карте, показывающей распространение гренландских китов по материалам непосредственных наблюдений (Богословская и др., 1984, с. 196) указаны пять случаев встречи с гладкими китами в Анадырском заливе в июне и июле 1971 и 1974 гг., по наблюдениям с китобойного судна «Звёздный». Автор лично наблюдал группу гладких китов ориентировочно в 6–8 особей против мыса Чирикова 9 июля 1983 г. Наблюдатели из поселков Энмелен и Нунлигран в летние месяцы неоднократно отмечали одиночных гладких китов. Например, возле села Энмелен в 1997 г.: 24 и 31 мая, 16 июня, 21 и 22 июля. С большой долей вероятности, это были японские гладкие киты (Ainana et al., 1999). Такие летние наблюдения гладких китов в Анадырском заливе имели место в предыдущие годы (1995, 1996) и в последующие (например, в 2002 г.) Из приведенной краткой информации следует, что работы местных наблюдателей предположительно выявили наличие настоящих гладких китов (японских гладких китов) у берегов Чукотки. Важная информация для науки.

5. Как-то мне пришлось обсуждать с Людмилой Сергеевной несколько необычную тему: легенды эскимосов пос. Новое Чаплино и физические основы этих легенд. Морские акватории южнее и, особенно, севернее мыса Чаплина расположены над несколькими разломами земной коры. Свидетельствует об этом множество выходов на поверхность высокотемпературных источников и холодных минерализованных вод. В регионе ежегодно происходят небольшие землетрясения. Можно предположить, что постоянное нахождение людей в зоне разломов и землетрясений, обусловленных подвижками земной коры, может вызывать у них различные ощущения, в том числе и тревожные. Эти ощущения могут быть связаны с мощными выплесками низкочастотных инфразвуковых волн. Одними подобными случаями ощущаются как некие сказочные события и явления; у других — возникает тревога и даже паническое поведение. Людмила Сергеевна подтвердила, что при нахождении у озера Ярви на южном берегу о. Аракамчечен часто возникает чувство тревоги. «Словно кто-то в спину смотрит», — таковы были ее слова. Собранная нами информация (Мымрин, 2014) подтверждает эти необычные ощущения.

6. Благодаря интуиции и энергии Людмилы Сергеевны Богословской были востребованы обширные и разнообразные знания, наблюдательность и навыки коренных жителей. Благодаря ее публикациям,

стали известны имена замечательных наблюдателей, исследователей природы. Из поселка Энмелен: Ким Рутькай, Геннадий Гыргольнаут, Валерий Анкарольтин. Из поселка Нунлигран: Николай Кычи, Эдуард Рале. Из поселка Сиреники: Тимофей Панаугье, Анатолий Канихин, Пётр Тыпыхкак, Николай Каваугье, Николай Гальгаугье и другие. Из поселка Новое Чаплино: Владимир Ятта, Павел Люнеут, Юрий Ятта. Из поселка Янракыннот: Альберт Ашкамакин, Константин Кымыёчкин, Леонид Кутылин. Из поселка Уэлен: Василий Ёорело, Яков Вуквутагин. Из поселка Инчоун: Евгений Сивсив, Николай Лестников. Из поселка Энурмино: Михаил Кеутегин и многие другие жители и охотники. Многие из этой плеяды зверобоев-наблюдателей уже нет с нами, но их имена остались в науке о природе Чукотки.

Не всем эта деятельность Богословской нравилась. Л. Айнана (председатель Общества эскимосов Чукотки «Юпик») однажды прямо спросила во время нашего визита в Барроу в 1995 г. «Господин N! Почему во время нашего пребывания в Барроу вы как ученый все время общаетесь с нами, учителями (сама Айнана, И. Загребин, В. Бычков — по профессии учителя. — Н. М.), но никогда с нашим научным руководителем, доктором Богословской?» Внятного ответа на ее вопрос не последовало. Да и понятно: эрудиция и глубина знаний Людмилы Сергеевны были несравнимо шире и глубже знаний местного биолога, ориентированного на однозначный ответ в поставленной задаче.

Таким образом, начинание Л. С. Богословской в 1992 г. по привлечению к наблюдениям за природой коренных жителей Чукотки вылилось в обширную программу с реальными результатами. По итогам местных наблюдений на Чукотке Россия получила квоту на аборигенную добычу пяти гренландских китов ежегодно (см. «Предисловие» И. И. Крупника). Это сыграло большую роль в поддержке культурных традиций коренных жителей региона. Множество материалов, собранных наблюдателями в 1990-е гг., еще до конца не обработано и не осмыслено. Слава первопроходцам!

Вместо эпилога: «Потлак» в Барроу на Аляске
(из личных воспоминаний)

«Русские прилетели» — говорят встречающие нас в Барроу аляскинские эскимосы. Но кто выходит из маленького девятиместного

самолета? Переводчик, Людмила Сергеевна и автор — русские. И шесть коренных жителей, эскимосов и чукчей с Чукотки. Все равно мы для них — русские (Russians); так нас воспринимали аляскинцы.

Во время пребывания в Барроу местные жители угощали нас своими промысловыми деликатесами: мороженым мясом гренландского кита, «мантак» — кожей с подкожным слоем сала. Кожа гренландского кита абсолютно черная и толщиной около 2–3 см. И вместе с ней — тонкий слой подкожного сала «всего» 3–5 см толщиной. «Всего» — потому что полный слой подкожного сала на ките достигает толщины 40–50 см. Далее из местных деликатесов — мороженая рыба из семейства сигов.

«Потлак» (potluck — американское слово для обозначения совместного угощения. — *Ред.*), или пиршество, мы устраивали, по общему согласию, вечером, когда все рабочие дела были закончены. Выбирали из наших комнат одну побольше. Кто пошустрее, сбегали на задний двор кухни и тащат картонку: на ней будут разделяваться деликатесы. Пока не закрылась столовая, надо успеть взять соль, красный соус и перец. Дали чуть отойти с мороза мясу и рыбе, и начали!

Из рыбы делается строганина: мороженая рыба режется острым ножом тонкими пластинками. Эта пластинка потом макается в соль, в соус и перец — и в рот. На языке тает. Мясо кита тоже режется тонкими пластинками и каждый вкушает в меру своих пристрастий к соли, перцу и соусу. Наши старшие зверобои потребляли по старинке, без приправ. И только поддаваясь нашим уговорам, изредка макали мясо и мантак в соус и перец. Вообще, этот процесс должен быть организован и спланирован. Если слишком много нарезать рыбы, мяса и мантака, то тонкие пластинки быстро оттаивают и теряют свои вкусовые качества, которыми обладали в мороженом виде. Резкой занимался обычно один опытный человек. Часто им была наша глава группы, председатель Общества эскимосов Чукотки Людмила Айнана. Она едва успевала нарезать: 6–7 взрослых мужчин и две женщины уплетали рыбу и мясо за обе щеки.

Людмила Сергеевна, если была свободна, непременно участвовала в этих пиршествах. На самом деле, все было вкусно! И, главное: вся продукция чрезвычайно высококалорийна, особенно мясо и кожа кита. Съешь несколько кусочков, и сразу становится жарко, и ты сыт. Так еще раз убеждаешься, как важно в Арктике для коренных жителей есть вы-

сококалорийную пищу — мясо и жир китов, моржей и тюленей. Съел кусочек мяса с жиром, и уже не замерзнешь, не обморозишься, и сил сразу прибавляется. После еды — всегда обильное чаепитие. Все разгорячились, покраснели лица, идет непринужденная беседа. Так обычно заканчивался наш рабочий день.

Литература

- Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. «Китовая Аллея»: Древности островов пролива Сенявина. — М.: Наука, 1982.
- Богословская Л. С., Вотрогов Л. М., Крупник И. И. Гренландский кит в водах Чукотки: История и современное состояние популяции // Морские млекопитающие. — М.: Наука, 1984. С. 191–212.
- Мымрин Н. И. Традиционные экологические знания сибирских эскимосов о гренландском ките. — Киров, 1999.
- Мымрин Н. И. Особенности миграций ластоногих в северной части Берингова моря // Известия ТИНРО. Сборник научных трудов. — Владивосток, 2007. С. 155–162.
- Мымрин Н. И. Гренландские киты (*Balaena mysticetus*) в проливе Сенявина, Чукотка // Морские млекопитающие Голарктики. Сборник научных трудов. 2012. Том 2. По материалам VII международной конференции (Суздаль. 24–28 сентября 2012 г.)
- Мымрин Н. И. Геофизика земли и легенды эскимосов. Прошлое, современное состояние и прогноз развития географических систем // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 2–4 октября 2014 г. — Киров, 2014.
- Хантингтон Г. П., Мымрин Н. И. Традиционные экологические знания о белухе. ICC, Анкоридж, США, 1996.
- Ainana L., Mymrin N., Zelenskii M., Bychkov V., Zagrebin I. 1999. Preservation and Development of the Subsistence Lifestyle and the Traditional Use of Natural Resources by Native People (Es-kimo and Chukchi) in Several Coastal Communities (Inchoun, Lorino, New Chaplino, Sireniki, Enmelen) of Chukotka in the Russian Far East During 1997. Submitted to: Shared Beringian Heritage Program U.S. National Park Service. 2525 Gambell Street, Anchorage, Alaska, USA 99503 and Department of Wildlife Management, North Slope Borough. Box 69. Barrow, Alaska USA 99723.
- Bogoslovskaya L. S. The Bowhead Whale off Chukotka: Integration of Scientific and Traditional Knowledge // Indigenous Ways to the Present. Native Whaling in the Western Arctic / A.P. McCartney ed. Studies in Whaling, 6. Edmonton: CCI Press, 2003. Pp. 209–254.
- Bogoslovskaya L. S., Votrogov L. M., Krupnik I. I. 1982. The Bowhead Whale of Chukotka: Migrations and Aboriginal Whaling // Report. Int. Whal. Commn. 32. Pp. 391–399.

Как надо сотрудничать странам и людям

И. Загребин

Начало 1990-х годов, наверное, памятно многим развитием добрососедских отношений между двумя странами — СССР, позже Россией, и США. Понятие народной дипломатии перестало быть только понятием — оно обрело жизненные формы.

Одним из ярких примеров международного сотрудничества стала совместная работа общественных организаций Чукотки и Района Северного Склона Аляски (North Slope Borough) на протяжении почти целого десятилетия, с 1992 по 2000 г.

Предистория

Кооператив «Наукан»

Кооператив «Наукан» был создан в 1987 году в поселке Лаврентия Чукотского района как объединение людей, желающих заниматься традиционными промыслами коренных жителей и обеспечивать себя пищей, к которой аборигены этих мест привыкли за многие сотни лет. С началом перестройки в СССР, появлением Закона о кооперации, позже — Закона о частном предпринимательстве у коренных жителей появилась возможность создавать негосударственные объединения по промыслу и переработке продукции добычи морского зверя. Инициатором создания такого объединения стал Александр Григорьевич Вольфсон, в то время научный сотрудник Института биологических проблем Севера в Анадыре, который в 1987 г. предложил организовать предприятие коренных жителей в поселке Лаврентия.

Доктор Вольфсон более тридцати лет проработал врачом на Чукотке. Его хорошо знали и уважали жители побережья и оленеводы тундры. Он понимал их жизнь, обычаи и проблемы. Зная о тяжелых условиях, в которых оказались переселенцы из прибрежных поселков, их

желании возвратиться к традиционному образу жизни, он предложил организовать кооператив. В кооператив вступили двадцать пять человек, были избраны совет предприятия и его председатель. В честь поселения, в котором с древних времен на побережье Берингова пролива жили эскимосы, его назвали «Наукан». Кооператив смог приобрести два вельбота для охоты; оружие и снаряжение использовались личные.

Становление кооператива сопровождалось многими трудностями, прежде всего — финансовыми. Где взять деньги на покупку топлива для моторов, боеприпасов для промысла? Экономической выгоды от продажи мяса морзверя нет, да и продажа была не в традициях чукчей и эскимосов. Мясом делились, особенно с пожилыми людьми, многодетными семьями, всеми, кто не мог себя прокормить. Одним из выходов виделось развитие туризма, в том числе и с привлечением визитёров из-за рубежа. Но помощь пришла со стороны международного научного сотрудничества.

16–20 августа 1991 г. в пос. Провидения работал международный семинар «Экологические, социально-экономические и правовые аспекты формирования международного парка "Берингия"». В работе семинара приняло участие свыше 100 учёных, специалистов и представителей государственных служб и деловых кругов СССР и США. Одним из итогов работы стало решение создать парк уже в начале 1993 года. В работе семинара принимал участие председатель кооператива «Наукан» Михаил Антонович Зеленский, в то время работавший журналистом в отделе чукотского вещания «Радио Чукотка». В пос. Провидения состоялась встреча Михаила Зеленского с доктором Томом Албертом (Thomas Albert), сотрудником Отдела управления живой природы Района Северного Склона в пос. Барроу (Department of Wildlife Management North Slope Borough Barrow Alaska). Это было началом плодотворного многолетнего сотрудничества коренных жителей Чукотки и Аляски.

Доктор Алберт проявил интерес к работе кооператива и увидел возможности в организации совместных работ по изучению миграции гренландских китов (*Balaena mysticetus*) в водах Берингова и Чукотского морей. Заинтересованность американской стороны была понятна: нужны были дополнительные сведения о популяции этого вида китов, помysel которых ведут эскимосы Аляски. Посёлки Района Северного Склона и, в частности, Барроу — крупнейшие китобойные общины Аляски. Свою выгоду получал и кооператив «Наукан» — материальное

снабжение, финансирование сети наблюдателей, выход на международный уровень. Во многом начало и успешное продолжение данного проекта было заслугой Тома Алберта, который испытывал личную симпатию к жителям Чукотки после её первого посещения летом 1989 года.

На той встрече присутствовала также Людмила Сергеевна Богословская, доктор биологических наук, активно работавшая с коренными жителями в изучении живой природы Чукотки и истории заселения территории. Ещё один участник той памятной встречи — старший научный сотрудник Тихоокеанского океанологического института ДВО РАН кандидат биологических наук Владимир Васильевич Мельников из Владивостока. В результате этой встречи была подписана декларация о намерениях, а также предварительный меморандум о наблюдениях за миграциями гренландских китов. В меморандум были внесены расчеты необходимого количества наблюдателей, указаны места возможного расположения наблюдательных пунктов (см. статью Н. Мырина). Обе стороны приняли решение провести еще одну встречу весной 1992 г. в Барроу (Аляска) для того, чтобы более подробно обсудить программу.

В июне 1992 г. в Барроу прибыла делегация из трёх представителей кооператива «Наукан». Во время визита на Аляску был подготовлен окончательный текст соглашения о сотрудничестве по наблюдению миграций гренландских китов в Чукотском и Беринговом морях с береговых наблюдательных пунктов на побережье Чукотского полуострова. 12 июня 1992 г. документы были подписаны и вступили в силу.

Общество эскимосов «Юпик»

Общество эскимосов Чукотки «Юпик» было образовано на основе решения первого схода эскимосов, состоявшегося в поселке Провидения 2 августа 1990 г. Создание общества было продиктовано нуждами одного из самых небольших по численности народов России — эскимосов.

Существовавшая на тот момент в Чукотском автономном округе «Ассоциация малочисленных народов Чукотки» представляла все коренные народы Чукотки — чукчей, эскимосов, эвенов, чуванцев и юкагиров. Эскимосам Чукотки необходимо было решать ряд специфических проблем, которые, как казалось, возможно было решить путём создания этнического общества. История показала правомерность та-

кого решения: создание обществ по этническому признаку имеет право на жизнь.

Аргументов для создания общества было несколько. Во-первых, большинство коренного населения составляют чукчи: в составе Ассоциации их было около 80%. Создавалось впечатление, что Ассоциация обращала основное внимание на самую большую этническую группу жителей округа, чукчей. Во-вторых, традиционное занятие чукчей — преимущественно оленеводство, тогда как эскимосы занимаются исключительно охотой на морских млекопитающих. Поэтому сохранению традиционного образа жизни у эскимосов уделялось недостаточно внимания. Еще одной проблемой, которая касается как эскимосов, так и береговых чукчей, было закрытие в 1940–1960-х гг. большинства прибрежных поселков, расположенных в местах, наиболее богатых морским зверем и удобных для промысла (Кивак, Чаплино, Аван, Аккани, Наукан, Чегитун, Сиклюк и др.) Примечательно, что из всех эскимосских поселков, только один — Сиреники — остался на прежнем месте.

Таким образом, несмотря на общие для коренных народов Чукотки проблемы, у эскимосов имелись собственные проблемы, которые они хотели бы разрешить без промедления:

- 1) сохранение окружающей среды и традиционного природопользования, прежде всего — охоты на морского зверя, рыболовства и собирательства;
- 2) возрождение традиционного китобойного промысла;
- 3) сохранение и развитие традиционной эскимосской культуры;
- 4) возрождение национальных поселков и возвращение на свои традиционные охотничьи угодья.

Такая ситуация побудила эскимосов к созданию общества, целью которого было бы воссоединение народа юпик (самоназвание азиатских эскимосов), живущего в разных местах Чукотки. Эскимосы-юпик, кроме тех, которые живут в Сирениках, по сути являются переселенцами. Они утратили свою «малую родину» в годы переселений 1940–1970-х гг. и вынуждены были приспособливаться к своему новому месту жительства. Сейчас эскимосы-юпик живут компактно в Новом Чаплине, Сирениках (Провиденский район) и поселке Уэлькаль (Иульгинский район). Науканские эскимосы (в общей сложности 300 чел.) живут небольшими группами в поселках Уэлен, Лорино, Лаврентия, Провидения и в г. Анадыре.

Во время заседаний 1-го съезда (схода) эскимосов Чукотки. Провидения, август 1990 г. В первом ряду слева Л. Гаймисина, рядом с ней З.Н. Ненлюмкина, за столом И.И. Ашкамакин. В третьем ряду в центре Л.С. Богословская. Музей Берингийского наследия, Провидения

*Людмила Ивановна Айнана и Людмила Сергеевна Богословская. Провидения, октябрь 2004 г.
Фото И.А. Загребина*

Был создан организационный комитет нового общества, в который вошли жительницы пос. Провидения Людмила Айнана, Надежда Судачкова, Алла и Ольга Панаугье. На первом сходе («съезде») присутствовали 40 делегатов из разных районов Чукотки, которые встретились в пос. Провидения 2–3 августа 1990 г. Впервые за многие десятилетия потомки эскимосов с острова Врангеля посетили родные места своих предков. В заседаниях также участвовали ученые из Москвы и Ленинграда (ныне Санкт-Петербург) и представители местной власти разного уровня. Новая организация стала называться Обществом эскимосов Чукотки «Юпик».

На втором сходе Общества эскимосов Чукотки, проведенном в пос. Провидения в феврале 1994 г., его председателем была избрана Людмила Айнана. Общество включило также представителей общины Нувукагмит, состоящей из эскимосов-науканцев. На 1994 год в Общество эскимосов Чукотки входили девять общин. К первым шести общинам (общины пос. Провидения, Новое Чаплино, Сиреники, Уэлькаль, г. Анадыря и объединенная община Мыса Шмидта и с. Ушаковского) присоединились общины пос. Уэлен, Лаврентия и Лорино. Второй сход внес некоторые изменения в устав и принял несколько важных резолюций. Впервые за всю историю эскимосы Чукотки официально потребовали возвращения своих исконных земель с их природными ресурсами, необходимыми для традиционного природопользования.

Главными задачами Общества были объявлены сохранение языка эскимосов, их образа жизни, земли их предков и особенностей природопользования. Упор был сделан на традиционном китобойном промысле, строительстве байдар и сохранении культурного наследия. В 1992 г. Общество эскимосов Чукотки (ОЭЧ) «Юпик» стало членом Арктической (Циркумполярной) конференции инуитов (ИСС — ныне Инуитский циркумполярный совет, Inuit Circumpolar Conference).

Естественно, работа общества не замыкалась на этнических эскимосах. В береговых посёлках население смешанное, и в деятельности общества активно участвовали и представители другого народа — чукчи, особенно при работах по Совместному соглашению с Районом Северного Склона (штат Аляска).

ОЭЧ «Юпик» начало участвовать в работе по изучению распределения гренландского кита в водах Северной части Тихого океана с 1994 г. по приглашению доктора Алберта. Район работы наблюдателей коопе-

ратива «Наукан» охватывал побережье от пос. Нешкан до пос. Лорино, т.е. северо-восточную часть Чукотского полуострова. ОЭЧ «Юпик» должно было создать сеть наблюдателей в юго-восточной части полуострова, в пределах Провиденского и Иультинского районов. Таким образом, всё побережье и прибрежная акватория Чукотки оказались под внимательным взглядом наблюдателей — представителей чукчей и эскимосов, по большей части активных морзверобоев или людей, вышедших на пенсию.

Общество эскимосов Чукотки получило финансовую помощь в организации сети наблюдателей, работы офиса общества в пос. Провидения, материально-техническое обеспечение работ.

Совместное соглашение

22 марта 1994 г. в пос. Барроу общественными организациями Чукотки — Национальным смешанным товариществом «Наукан» (преемником кооператива «Наукан») и Обществом эскимосов Чукотки «Юпик», с одной стороны и Правительством Северного Склона пос. Барроу, Аляска — с другой был подписан документ под названием: «Совместное соглашение между Правительством Северного Склона, штат Аляска, США и Национальным смешанным товариществом «Наукан», пос. Лаврентия, Чукотского АО / Обществом эскимосов Чукотки «Юпик», пос. Провидения Чукотского АО, Россия для документации распределения гренландских китов, *Balaena mysticetus*, в водах Берингова и Чукотского морей, омывающих Чукотский полуостров России, и развития участия коренных жителей в управлении природопользованием».

Основными задачами программы сотрудничества по Совместному соглашению были следующие:

1. Укрепление региональных организаций коренных жителей Чукотки (таких, как Национальные товарищества «Наукан», «Унпенер», «Нувукагмит», Общество эскимосов Чукотки «Юпик» и др.):

а) расширение возможностей представлять интересы коренных жителей;

б) развитие традиционного природопользования как способа поддержания традиционного образа жизни коренных жителей;

Участники встречи по соглашению о сотрудничестве в наблюдении за гренландскими китами, Барроу, Аляска, июль 1994 г. Первый ряд (слева направо): Н.И. Мымрин (Провиденция), И.А. Загребин (Провиденция), Л.С. Богословская (Москва), Р. Армаыргын (Уэлен), В. Алексеева (Якутск), В.В. Мельников (Владивосток), Л.И. Айнана (Провиденция), М. Давенпорт (переводчик, Анкоридж). Второй ряд: Э. Рале (Нунлигран), С. Кымыльгин (Лаврентия), М.А. Зеленский (Лаврентия), А.А. Алексеев (Якутск), В.В. Бычков (Провиденция), Т. Алберт (Барроу). Третий ряд – переводчики Дж. Тихоцкий и М. Кор (Анкоридж). Музей Берингийского наследия, Провиденция

Участники встречи по соглашению о сотрудничестве в наблюдении за гренландскими китами, Барроу, Аляска, июль 1994 г. Первый ряд (слева направо): Дж. Тихоцкий, М. Давенпорт, В.В. Бычков, В. Алексеева, С. Кымыльгин, Л.И. Айнана, Э. Рале, Л.С. Богословская, А.А. Алексеев. Второй ряд: М. Кор, В.В. Мельников, Р. Армаыргын, М.А. Зеленский, Т. Алберт, Н.И. Мымрин, И.А. Загребин. Музей Берингийского наследия, Провиденция.

в) расширение участия коренных жителей в принятии решений, связанных с управлением живыми ресурсами и окружающей средой, которые имеют большое значение для них.

2. Расширение участия местных и региональных организаций коренных жителей в сборе данных о животном мире и среде обитания и использовании этих данных в управлении природными ресурсами.

3. Содействие накоплению у коренных жителей-охотников опыта по сбору информации, связанной с управлением животными ресурсами (численность и распределение животных, уровень их промысла).

4. Развитие у коренных жителей навыков сбора данных о животном мире на примере исследований гренландских китов в водах, омывающих Чукотский полуостров, и в частности:

а) определить возможность их весенней миграции вдоль берегов Чукотского полуострова и, если это так, установить: идут ли эти киты к мысу Барроу (Аляска), или остаются в российских водах;

б) определить, как далеко на юг спускаются гренландские киты в период осенней миграции в Беринговом море вдоль российских берегов, а также характер их питания в этот период.

5. Расширение связей между национальными охотничьими организациями Чукотки и Аляски.

Как это работало

В разные годы наблюдателями по программе работали 43 жителя береговых посёлков от Нешкана до Уэлькаля (Табл.)

Людмила Айнана вместе с Людмилой Сергеевной Богословской подобрали кандидатов на роль наблюдателей за морскими млекопитающими. Айнана многих знала с детства, а Богословская познакомилась с ними во время работы в Чукотской экспедиции АН СССР в 1977–1991 гг.

Богословская особенно любила морзверобоев из поселка Сиреники, заслуженно считая их лучшими мореходами и охотниками среди морзверобоев береговых посёлков. Ее связывала давняя дружба с сирениковскими капитанами Петром Тыпыхкаком, Андреем Анкалиным и Тимофеем Панаугье, с которыми она совершила морские переходы от Сиреников до о. Ратманова. Янракиннотцы Леонид Кутылин и Константин Кымыёчкин, новочаплинец Юрий Ятта также работали с учёными и специалистами на протяжении ряда лет. Остальные кандида-

*Л.С. Богословская выступает в Провидения на заседании, посвященном созданию международного парка «Берингия» в июле 1990 г. Фото К.А. Лукашевича.
Музей Берингийского наследия, Провидения*

Наблюдатели из числа коренных жителей поселков Чукотки (1994–2002)

Поселки	Имена наблюдателей
Нешкан	Калянто Николай Львович, Нетепкир Юрий Петрович
Энурмино	Кеутегин Михаил Степанович, Эреткелеринтин Борис Лясевич, Тнеуги Владимир Петрович
Инчоун	Лестников Николай Леонидович, Сивсив Евгений Борисович, Агранат Алексей Петрович
Уэлен	Армаыргын Роман, Вуквутагин Яков Леонидович, Тагъёк Яков Сергеевич
Лаврентия	Кымыльгин Сергей Алексеевич, Вуквун Иван Васильевич, Эйнеувчейвун Владимир Дмитриевич
Аккани	Емельянов Александр Дмитриевич
Лорино	Инанкеуясь Геннадий Васильевич, Эттон Яков Иванович
Янракыннот	Ашкамакин Альберт, Кутылин Леонид, Кымыёчкин Константин
Новое Чаплино	Ятта Владимир Николаевич, Ятта Юрий Владимирович, Рентин Сергей, Тынелькут Виктор, Люнеут Павел
Сиреники	Тыпыхкак Пётр, Панаугье Тимофей, Канихин Анатолий, Тыпыхкак Михаил
Аван (на месте древнего селения)	Кавратагин Геннадий, Мумихтыкак Дмитрий, Гальгаугье Николай, Рахтылыкун Анатолий, Утыхтыкак Анатолий
Нунлигран	Рале Эдуард, Кычи Николай, Ранавтагин Альберт
Энмелен	Рультикай Ким, Гыргольнаут Геннадий, Акакле Юрий, Анкарольтин Валерий
Уэлькаль	Анана Артур, Апкан Михаил

ты были из семей потомственных морзверобоев: прекрасно знающие природу побережья, имеющие острый глаз и прекрасно разбирающиеся в особенностях жизни морских обитателей.

Не менее опытные наблюдатели были подобраны и на севере — Михаилом Антоновичем Зеленским и Владимиром Васильевичем Мельниковым. Среди них были и имеющие опыт работы по сбору научных данных, например, Михаил Кеутегин, работавший по заданию Тихоокеанского океанологического института с 1990 г. Великолепным наблюдателем и прекрасным человеком с природным чувством юмора был Роман Армаыргын из Уэлена.

Руководили работами по проекту Михаил Зеленский (от организаций Чукотского района) и Людмила Айнана (от Общества «Юпик»). Каждая общественная организация имела в рамках проекта научного консультанта проекта, специалиста по морским млекопитающим, специалиста-консультанта/переводчика и секретаря.

Научный консультант проекта отвечал за обработку, научный анализ данных наблюдений за морскими млекопитающими, в первую очередь — гренландским китом. Также научный консультант готовил научную часть ежегодного отчёта по работам над проектом. Научным консультантом ОЭЧ «Юпик» на протяжении трех лет работы стала Л. С. Богословская. При подготовке научной части она использовала свой богатый опыт и наработки предыдущих лет.

Научным консультантом товарищества «Наукан» стал кандидат биологических наук, специалист по китообразным, В. В. Мельников, участвовавший в проекте с самого начала.

В роли специалиста по морским млекопитающим выступал биолог-охотовед Николай Иванович Мымрин (см. статью Н. Мымрина), который осуществлял первичный контроль за сбором информации от наблюдателей и начальную обработку данных. В товариществе «Наукан» эту работу проводил Владимир Ринтеймит. В обязанности специалиста-консультанта входили: поддержка связи с Районом Северного Склона, перевод на английский язык технических отчётов, помощь в подготовке отчётного доклада о проведённой работе. Специалистами-консультантами были Олег Ветер, Владимир Валерьевич Бычков.

Кроме двух общественных организаций к проекту был привлечён и Провиденский краеведческий музей. Сотрудники музея участвовали в сборе информации о материальном и духовном наследии коренных

И.А. Загребин и Л.С. Богословская в Москве летом 2010 г. Фото из архива И.А. Загребина

жителей, традиционном природопользовании, а также рассказывали об этом жителям территории. В проекте участвовал сотрудник музея И. А. Загребин, который привлекался к подготовке ежемесячных технических и отчётных докладов по наблюдениям за китами.

Работы по проекту осуществлялись следующим образом (см. также статью Н. И. Мымрина). Наблюдатели в посёлках и наблюдательных пунктах по побережью вели визуальный учёт морских млекопитающих в прибрежных водах. Конечно, основное внимание уделялось гренландскому киту, но учитывались и другие виды китов, моржи и тюлени. Все данные заносились в специальные таблицы по единой форме. До 10 числа следующего месяца формы передавались в пос. Лаврентия и Провидения для подготовки ежемесячного технического отчёта. После подготовки этого документа он переводился на английский язык и отправлялся д-ру Алберту в Барроу. Таким образом осуществлялся контроль за выполнением работ по проекту. Наблюдения на юго-востоке полуострова велись круглогодично, на северо-востоке — с перерывом на зимние месяцы.

Кроме наблюдений за морскими млекопитающими, велся учёт добытых китов, моржей, нерп, собирались сведения о традиционном природопользовании береговых жителей. Формы (журналы) наблюдений

предусматривали наблюдения не только за китами, но и за погодными условиями, ледовой обстановкой. В целом наблюдения имели комплексный характер, что позволяло получить общую картину как особенностей миграции и биологии морских млекопитающих, так и традиционного природопользования.

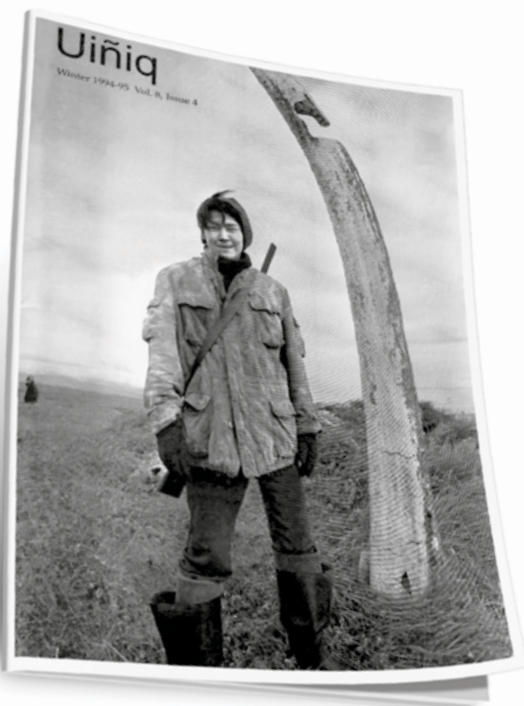
По завершении года все собранные данные обрабатывались и анализировались научными руководителями проекта и специалистом по морским млекопитающим. На основе анализа собранных данных готовилась научная часть отчётного доклада.

Ежегодный доклад готовился участниками проекта и включал в себя ряд разделов. Основным, конечно, был раздел о наблюдении гренландского кита в прибрежных водах, но и другие части представляют интерес. Это информация о ходе работы, исполнителях, особенностях традиционного природопользования. В качестве приложений к докладу добавлялись опубликованные статьи, документы и фотографии.

Доклад готовился на русском языке, переводился в пос. Барроу на английский и печатался одним томом на двух языках. Всего по программе наблюдений в 1994–1997 гг. было подготовлено шесть больших отчетов (Айнана и др., 1995, 1997а, 1997б; Зеленский и др. 1995, 1997а, 1997б). Практически весь тираж докладов посылался на Чукотку для свободного распространения. Для подготовки доклада и его перевода делегации ОЭЧ «Юпик» и товарищества «Наукан» выезжали в пос. Барроу. Это был не только деловой, но и дружеский визит. В составе делегации всегда были наблюдатели, которые имели возможность посмотреть на жизнь коренных жителей Аляски, пообщаться, вместе поохотиться и отдохнуть.

Все расходы по осуществлению работ по проекту несла американская сторона. Наблюдатели получали материально-техническое обеспечение для работ: бинокли, полевую одежду, палатки и спальные мешки, радиостанции, рыболовные сети, запчасти и инструменты, подвесные лодочные моторы. Для организации работы офисов в пос. Лаврентия и Провидения были получены принтеры и копировальные машины.

В течение двух лет также велись переговоры о получении в виде технической помощи китобойного оружия — *darting guns* (датинганов), использование которых является необходимым условием получения квоты от Международной китобойной комиссии (IWC). И в 1997 году чукотским морзверобоям было передано 20 комплектов датинганов.

Обложка специального номера журнала «Uiniq» (1994), посвященного визиту делегации Северного Склона на Чукотку

В сентябре 1996 г. на Чукотку была привезена и установлена дизельная электростанция из пяти дизелей. Эта станция была передана жителям пос. Новое Чаплино в качестве технической помощи администрацией Северного Склона.

Развивались не только научные контакты, но и культурный обмен. Ансамбли с Чукотки (ансамбли «Уэлен» из пос. Уэлен, «Солнышко» из пос. Новое Чаплино) посетили пос. Барроу и приняли участие в традиционном песенно-танцевальном фестивале «Kigviq».

В 1994 г. делегация Района Северного Склона посетила Провиденский и Чукотский районы.

Делегацию из 10 человек возглавлял глава Района Северного Склона Джордж Амаогак, старший. Во время своего визита делегация посетила национальные посёлки (Новое Чаплино, Сиреники) и наблюдательные пункты, организованные товариществом «Наукан» (Аккани и Пинакуль). Везде проходили встречи с коренными жителями Чукотки, шёл обмен мнениями. После визита делегации Северного Склона резко изменилось отношение руководства Чукотского автономного округа, Провиденского и Чукотского районов к совместной работе национального товарищества «Наукан» и Района Северного Склона. Прохладное до визита отношение к этому сотрудничеству сменилось теперь большим пониманием и доброжелательностью. Визиту делегации Района Северного Склона на Чукотку был посвящён специальный выпуск издаваемого в Барроу иллюстрированного журнала Uiniq (1994–1995, т. 8, вып. 4). Название журнала по-эскимосски означает «открытая вода, полынья между припаем и паковым льдом». Журнал широко распространялся и на Чукотке, что также способствовало пониманию важности и взаимовыгодности совместной работы коренных жителей Чукотки и Аляски.

Итоги сотрудничества

В результате работ по Совместному соглашению в 1994–1997 гг. был собран обширный материал о морских млекопитающих в прибрежных водах Чукотского полуострова: их численности, сроках миграции, распределении, статусе их пребывания. Особое внимание уделялось гренландскому киту. Анализ результатов наблюдений позволил подойти к решению вопроса о доле «чукотских» китов в чукотско-беринговоморском стаде (Богословская, 2003; Bogoslovskaya, 2003; Melnikov et al., 1998).

Полученные материалы использованы при обосновании необходимости выделения квоты на добычу серого и гренландского китов для аборигенного промысла.

Результатом проведенных работ стали и дальнейшие проекты по изучению популяций гренландского и серого китов. Весной 1999 года впервые на Чукотке были организованы работы по учёту с береговых наблюдательных пунктов гренландских китов, мигрирующих у побережья Чукотского полуострова. Учёт был организован на двух постоянных наблюдательных пунктах — около пос. Сиреники и в районе м. Дежнёва. Научным руководителем проекта стал к.б.н. В. В. Мельников (Тихоокеанский океанологический институт ДВО РАН, Владивосток). Товарищество «Наукан» и Общество «Юпик» обеспечили подбор наблюдателей из числа морзверобоев посёлков Сиреники, Инчоун и Уэлен, оказали помощь научному руководителю проекта В. В. Мельникову в проведении весеннего учёта гренландского кита. Это был пробный учёт. На следующий год был проведён основной учёт и дополнительный — в 2001 году.

Развитием проекта по изучению гренландского кита стал следующий четырёхлетний проект (1997–2000) «Сохранение и развитие традиционного природопользования и образа жизни коренных жителей (эскимосов и чукчей) некоторых береговых посёлков (Инчоун, Уэлен, Лаврентия, Лорино, Новое Чаплино, Сиреники, Нунлигран и Энмелен) на Чукотке, Российский Дальний Восток» (см. Айнана и др., 1999, 2000, 2001; Ainana et al., 2000). Целями данного проекта, который осуществлялся по гранту от программы «Общее наследие Берингии» Службы национальных парков США (“Shared Beringia Heritage Program”, National Park Service), являлись:

1. Обоснование важности морских животных для коренных жителей, стремящихся вернуться к традиционному образу жизни:

- проведение подробного документирования добычи морского зверя специально подобранными охотниками из числа коренных жителей (эскимосов и чукчей);
- сбор информации о том, как распределяется и используется продукция морского зверобойного промысла, добытая охотниками;
- определение участков прибрежной полосы вокруг шести посёлков Чукотки, которые наиболее часто посещаются морским зверем и поэтому являются особо важными для природопользования коренных жителей.

2. Укрепление контактов между государственными и общественными природоохранными организациями Аляски и Чукотки:

- характеристика (цели, членство, организационная структура и т.д.) Союза морзверобоев и других организаций коренных жителей в береговых посёлках Чукотки;
- документирование участия Союза морзверобоев в международном управлении ресурсами гренландских китов, моржей, белых медведей.

3. Поддержка экспозиции предметов материальной культуры и искусства в Провиденском краеведческом музее, рассказывающих о традиционном образе жизни и природопользовании коренных жителей Чукотки, а также развитие образовательного направления деятельности музея и научно-исследовательской работы. Данная задача включала подготовку каталога предметов материальной культуры и искусства коренных жителей в фондах музея (Бычков и др., 1999).

4. Документирование примеров того, как оборудование, переданное в качестве технической помощи (прежде всего — подвесные лодочные моторы и радиостанции), помогло местным охотникам обеспечить себя традиционным питанием; сделало труд охотника более безопасным.

5. Стимулирование строительства и использования байдар для традиционной охоты на морского зверя, включая документирование использования байдар, построенных по проекту, и подготовку пособия о байдарках, в котором указана соответствующая литература, необходимые строительные материалы и основная информация о строительстве такой лодки.

6. Документирование возвращения коренных жителей на прежние места проживания и охотничьи угодья (например, Пинакуль и Акка-

ни), которые были покинуты ими в советское время; определение мотивов возвращения охотников в эти районы.

Результаты работ по изучению морских млекопитающих в 1990-х годах легли в основу многих научных отчётов, докладов, монографий и широко используются исследователями (см. Богословская 2003; Богословская и др. 2007; Мельников 2014; Bogoslovskaya 2003; Melnikov et al., 1997, 1998a, 1998b; 2000). В. В. Мельников стал доктором биологических наук, а Н. И. Мымрин защитил кандидатскую диссертацию.

Коренные жители Чукотки получили возможность непосредственно участвовать в обсуждении заявок на выделение и распределение квоты на аборигенный промысел китов через свои общественные организации. В 1997 г. была создана общественная организация морских охотников — Союз морзверобоев Чукотки, позднее переименованный в Чукотскую ассоциацию зверобоев традиционной охоты (ЧАЗТО).

Морские охотники Чукотки широко участвуют в различных проектах и в начале XXI века — в изучении отдельных видов морских млекопитающих, традиционного природопользования, развития туризма. Востребованность знаний, умений и опыта коренных жителей, их непосредственное участие в сборе данных о дикой природе и традиционном промысле поднимают самооценку людей, показывают важность сохранения традиций, налаживают отношения между наукой и практикой жизни чукчей и эскимосов.

Вместо заключения

Годы работы по совместным чукотско-аляскинским проектам дали неоценимый опыт международного и межкультурного обмена. Было много тёплого человеческого общения, знакомств, установления деловых и дружеских связей. Не всё получалось с первого раза, и не всё получалось хорошо, но работа была очень интересна и способствовала лучшему пониманию друг друга.

Чем не пример для подражания?!

«Меня всю жизнь учили, что вы — наши враги, мы должны вас бояться и быть готовыми к войне. А оказалось — вы такие же люди, как и мы. Хотим просто жить — мирно и спокойно» (Том Алберт, из личной беседы с автором летом 1989 года, пос. Новое Чаплино).

Посвящение

Многие участники совместных проектов ушли из жизни еще в 1990-е годы и уже в настоящее время. 2015 год принёс ещё одну утрату — умерла научный консультант проекта Л.С. Богословская. Наверное, мы до конца не понимаем, что было сделано лично Людмилой Сергеевной, другими исследователями, исполнителями работ по изучению биоразнообразия, традиционного природопользования, образа жизни и культуры коренных жителей. Лучшим памятником стали их книги, которые можно найти во многих домах в поселках и на дальних промысловых базах — зачитанные почти до дыр десятками внимательных читателей.

Л.С. Богословская на встрече с жителями пос. Провидения в районной библиотеке 21 сентября 2009 г. Фото И.А. Загребина

Литература

Айнана Л., Зеленский М. А., Бычков В. В. Сохранение и развитие традиционного природопользования и образа жизни коренных жителей (эскимосов и чукчей) некоторых береговых посёлков (Инчоун, Уэлен, Лорино, Лаврентия, Новое Чаплино, Сиреники, Нунлигран, Энмелен) на Чукотке, Российский Дальний Восток в 1999 году. Отчёт подготовлен для Shared Beringian Heritage Program U.S. National Park Service и Department of Wildlife Management North Slope Borough, март 2001 г. 505 с. (на русском и английском языках).

Айнана Л., Мымрин Н., Богословская Л. Роль общества эскимосов Чукотки

в развитии традиционного природопользования коренных жителей Чукотки. Результаты береговых наблюдений 1994 года распределения гренландских китов (*Balaena mysticetus*) в прибрежных водах юго-восточной части Чукотского полуострова (Россия) в 1994 году. Отчет подготовлен для Department of Wildlife Management North Slope Borough, Box 69 Barrow, Alaska USA 99723, март 1995 г. 254 с. (на русском и английском языках).

Айнана Л., Мымрин Н., Ветер О., Богословская Л. 1997а. Роль общества эскимосов Чукотки в развитии традиционного природопользования ко-

- ренных жителей Чукотки. Результаты береговых наблюдений 1995 года распределения гренландских китов (*Balaena mysticetus*) в прибрежных водах юго-восточной части Чукотского полуострова (Россия) в 1995 году. Отчет подготовлен для Department of Wildlife Management North Slope Borough, март 1997 г. 220 с. (на русском и английском языках).
- Айнана Л., Мыррин Н., Богословская Л., Ветер О. 1997б. Роль общества эскимосов Чукотки в развитии традиционного природопользования коренных жителей Чукотки. Результаты береговых наблюдений 1996 года распределения гренландских китов (*Balaena mysticetus*) в прибрежных водах юго-восточной части Чукотского полуострова (Россия) в 1996 году. Отчет подготовлен для Department of Wildlife Management North Slope Borough, март 1997 г. 240 с. (на русском и английском языках).
- Айнана Л., Мыррин Н. И., Зеленский М. А., Бычков В. В., Загребин И. А. Сохранение и развитие традиционного природопользования и образа жизни коренных жителей (эскимосов и чукчей) некоторых береговых посёлков (Инчоун, Лорино, Уэлен, Новое Чаплино, Сиреники, Энмелен) на Чукотке, Российский Дальний Восток в 1997 году. Отчёт подготовлен для Shared Beringian Heritage Program U.S. National Park Service и Department of Wildlife Management North Slope Borough, март 1999 г. 576 с. (на русском и английском языках).
- Айнана Л., Мыррин Н. И., Зеленский М. А., Бычков В. В., Загребин И. А. Сохранение и развитие традиционного природопользования и образа жизни коренных жителей (эскимосов и чукчей) некоторых береговых посёлков (Инчоун, Уэлен, Лорино, Лаврентия, Новое Чаплино, Сиреники, Нунлигран, Энмелен) на Чукотке, Российский Дальний Восток в 1998 году. Отчёт подготовлен для Shared Beringian Heritage Program U.S. National Park Service и Department of Wildlife Management North Slope Borough, март 2000 г. 514 с. (на русском и английском языках).
- Богословская Л. С. Киты Чукотки: Пособие для морских охотников. — М.: Институт Наследия, 2003.
- Богословская Л., Слугин И., Загребин И., Крупник И. Основы морского зверобойного промысла: Научно-методическое пособие. — М.: Институт Наследия, 2007.
- Бычков В. В., Загребин И. А., Загребина Т. М., Тагрина Е. В., Журавков В. В. Каталог предметов материальной и духовной культуры чукчей и эскимосов Чукотского полуострова из собрания Провиденского музея. Подготовлен для Shared Beringian Heritage Program U.S. National Park Service and Department of Wildlife Management North Slope Borough. Сентябрь 1999 г. 207 с.
- Зеленский М. А., Мельников В. В., Бычков В. В. Роль национального смешанного товарищества «Наукан» в развитии традиционного природопользования коренных жителей Чукотки, а также результаты береговых наблюдений 1994 года распределения гренландских китов (*Balaena mysticetus*) в водах, омывающих Чукотский полуостров (Россия) в 1994 году. Отчет подготовлен для Department of Wildlife Management North Slope Bor-

- ough, апрель 1995 г. 192 с. (на русском и английском языках).
- Зеленский М. А., Мельников В. В., Бычков В. В., Загребин И. А. Роль национального смешанного товарищества «Наукан» в развитии традиционного природопользования коренных жителей Чукотки, а также результаты береговых наблюдений 1995 года распределения гренландских китов (*Balaena mysticetus*) в водах, омывающих Чукотский полуостров (Россия) в 1995 году. Отчет подготовлен для Department of Wildlife Management North Slope Borough, март 1997 г. 226 с. (на русском и английском языках).
- Зеленский М. А., Мельников В. В., Загребин И. А., Бычков В. В. Роль национального смешанного товарищества «Наукан» в развитии традиционного природопользования коренных жителей Чукотки, а также результаты береговых наблюдений 1996 года распределения гренландских китов (*Balaena mysticetus*) в водах, омывающих Чукотский полуостров (Россия) в 1996 году. Отчет подготовлен для Department of Wildlife Management North Slope Borough, март 1997 г. 304 с. (на русском и английском языках).
- Мельников В. В. Китообразные (*Cetacea*) Тихоокеанского сектора Арктики: История промысла, современное распределение, миграции, численность. — Владивосток: Дальнаука, 2014.
- Ainana L., Zelenskii M., Bychkov V. Preservation and development of the subsistence lifestyle and the traditional use of natural resources by Native people (Eskimo and Chukchi) in selected coastal communities (Inchoun, Uelen, Lavrentiya, Lorino, Yanrakynnot, New Chaplino, Sireniki, Nunligran, Enmelen) of Chukotka in the Russian Far East during 2000. Report submitted to Shared Beringian Heritage Program U.S. National Park Service and Department of Wildlife Management North Slope Borough, March 2002, 326 pp.
- Bogoslovskaya L. S. The Bowhead Whale off Chukotka: Integration of Scientific and Traditional Knowledge // Indigenous Ways to the Present. Native Whaling in the Western Arctic / A.P. McCartney ed. CCI Press, Studies in Whaling # 6. Edmonton, 2003. P. 209–254.
- Melnikov, V., Zagrebin I., Zelensky M., and L. Ainana. 2000. The minke whale (*Balaenoptera acutorostrata*) in offshore waters of the Chukotka Peninsula. 15 p. Paper SC/52/OS2 for the Scientific Committee of the International Whaling Commission.
- Melnikov V., Zelensky M., and Ainana L. 1997. Results of shore-based observations of gray whales in waters adjacent to the Chukotka Peninsula. 26 pages. Paper SC/49/AS8 presented to the Scientific Committee of the International Whaling Commission.
- Melnikov V., Zelensky M., Ainana L. 1998a. Distribution and migration of the Belukha (*Delphinapterus leucas*) in the Chukchi Sea and northern Bering Sea. 20 pages. Paper SC/50/SM4 presented for the Scientific Committee of the International Whaling Commission.
- Melnikov V., Zelensky M., Ainana L. 1998b. Observations on distribution and migration of bowhead whales (*Balaena mysticetus*) in the Bering and Chukchi Seas. 31 pages. Paper SC/50/AS3 for the Scientific Committee of the International Whaling Commission.

Современные чукотские и эскимосские названия птиц района пролива Сенявина и бухты Ткачен

*А. Апалю, А. Боровик,
Ю. Ятта, Н. Калюжина*

Идея составить список современных чукотских названий птиц района пролива Сенявина была подсказана нам И. И. Крупником для сравнения с соответствующими названиями в языке чаплинских эскимосов, записанными Л. С. Богословской вместе с Л. И. Айнаной и П. Тыпыхкаком в конце 1990-х — начале 2000-х гг. для неопубликованного «Словаря лексики традиционного природопользования азиатских эскимосов-юпик (чаплинский диалект)» (см. статью И. Крупника). Артур Апалю, житель с. Янракыннот согласился сделать такую работу для настоящего сборника памяти Л. С. Богословской. Первоначально он составил список из 39 чукотских названий птиц, работая совместно со старейшина-

*Серебристые чайки (чук. к,эльпэрийяк, эск. наг,уя).
Фото А. Боровика*

*Кайры на базаре у мыса
Халюсткаина. Фото Н. Калюжиной*

ми села — охотником Гематагиным Тимофеем Сергеевичем и оленеводом Омри Виктором Константиновичем. Впоследствии он добавил еще пять названий и короткие тексты с описанием видов птиц и их роли в современном питании и природопользовании жителей села Янракыннот Провиденского района Чукотки. Таким образом, общий список Артура Апалю насчитывает 44 названия (Таблица).

Одновременно житель села Новое Чаплино Александр Боровик опросил чаплинских охотников об употребляемых ими названиях птиц для сравнения с названиями янракыннотских охотников. Чаплинцы, которые добывают морских зверей как в районе бухты Ткачен, так и в районе пролива Сенявина, поначалу утверждали, что в основном пользуются сейчас во время охоты русским языком и, соответственно, всеми названиями животных и птиц по-русски. Однако затем охотник Юрий Ятта (1961 г. рожд.), увидев список Апалю, подтвердил, что помнит эскимосские названия птиц, которые он слышал от своего отца, Владимира Ятта (1933–1997) и охотников старшего поколения, и что они иногда употребляют эскимосские названия в повседневной жизни и во время выхода в море. Таким образом, было записано еще 28 эскимосских названий птиц, которые применяются современными чаплинскими охотниками, а также комментарии Юрия Ятты и Александра Боровика по некоторым видам птиц. Примечательно, что в списках как чаплинских, так и янракыннотских охотников отсутствуют названия некоторых видов птиц; в комментариях к этим видам большей частью указывается, что им сейчас «не придают значения». Так, например, объясняют отсутствие национальных названий для всех мелких птиц у чаплинцев, а также для канюги и утки-каменушки у янракыннотцев.

Фразы и выражения на чукотском и эскимосском языках, связанные с названиями птиц, сейчас уже нечасто встречаются в обиходе жителей сёл и даже охотников (по их же собственным словам). Артуру Апалю удалось записать несколько чукотских предложений, связанных с птицами, от жительницы села Янракыннот Енкау Светланы Константиновны:

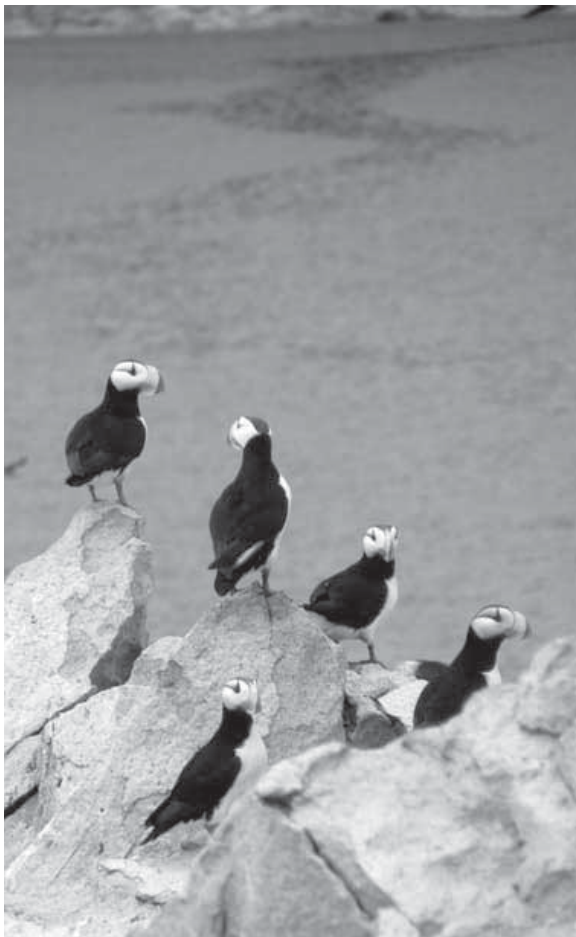
Гал'бгамкыт гал'агат орамнон'эты.— Много суток утки пролетали с моря на землю.

Туквек эвэнема пыкиргэт гал'гат.— Находясь на кромке, (видно) прилетели утки.

Йаяк'ыт, гал'гат нумэк, етк'инет.— Чайки, утки в куче собрались (сидят большой кучей).

Шилохвость (чук. асыэк, эск. ак, фасюк). Фото А. Апалю

*Ипатки (чук. паннаек, эск. пагругак).
Фото А. Апалю*

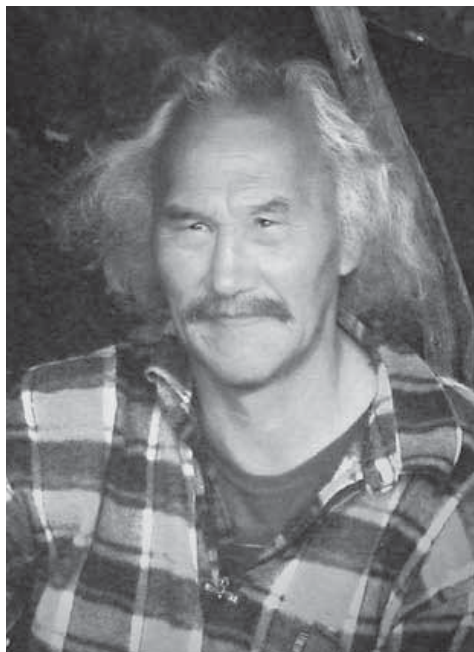
*Берингов баклан (н. ылък, ак).
Фото А. Боровика*

К'этчанрот нил'ул'эtk'инет нытипэйн'эtk'инет рэн, аньяма.— Журавли кружат, поют (курлычат) над селом.

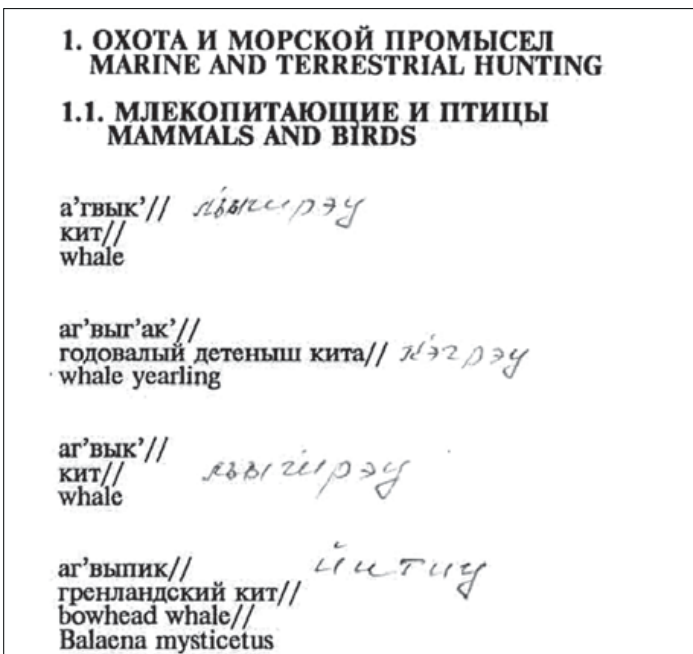
Мытл'унет нутек к'этчанрот гытгыгк'ача.— Мы увидели в тундре журавлей около озера.

Неожиданно наша работа над этой статьей приобрела новое звучание, когда один из старейшин с. Янракыннот, Танко Иван Васильевич, 1949 г. рожд. передал нам через А. Боровика несколько листков с заполненными названиями птиц на чукотском языке. Он рассказал, что был вместе с Людмилой Сергеевной Богословской в пос. Барроу на Аляске в 2002 или 2004 году (точной даты он не помнит) и что она дала ему 43 листа мелкого отпечатанного текста в виде списка названий животных и птиц на русском языке и попросила вписать туда соответствующие чукотские названия. И. В. Танко рассказал, что вместе с участвовавшими в поездке чукотскими охотниками из Лорина они тогда с огромным интересом взялись за работу и сразу заполнили первые 14 из 43 листов, где было много названий птиц и всего более 350 чукотских слов по разным темам. Впоследствии, разъехавшись, охотники не возвращались к этой работе, да и, вероятно, Людмила Сергеевна посчитала, что задуманное ею участие чукотских охотников в составлении словаря не состоялось. Но, по мнению И. В. Танко, оно имеет большое значение. Он предложил собраться в Янракынноте вместе с охотниками и старейшинами и дописать пропущенные слова, поскольку считает составление списка чукотских названий птиц и промысловых животных очень полезным и интересным.

По нашей просьбе, И. И. Крупник проанализировал материалы, полученные от И. В. Танко. Там всего 15 листов. Первый лист — рукописный алфавитный список из 35 чукотских названий птиц, без указания автора. Список этот похож на тот, что составил А. Апалю, хотя в них есть некоторые различия. Остальные 14 листов, сохранившихся у И. В. Танко, — заготовки для «Словаря лексики традиционного природопользования азиатских эскимосов-юпик», над которым Л. С. Богословская работала тогда вместе с Л. И. Айнаной (см. статью И. Крупника). Более точно — это часть первого варианта 2004 г., куда рядом с эскимосскими названиями морских и наземных животных и птиц от руки вписаны карандашом соответствующие чукотские названия. В этом втором списке есть несколько чукотских названий для птиц, которые отсутствуют в списке А. Апалю.

Иван Васильевич Танко,
пос. Янракыннот, 2014.
Фото Н.И. Калюжиной

Фрагмент первой страницы компьютерного «Словаря традиционной лексики природопользования», раздел «Охота и морской промысел. Млекопитающие и птицы» с вписанными от руки чукотскими названиями основных животных и птиц. Получено от И.В. Танко, 2015

Находка рукописного списка Танко показывает, что в 2002–2004 гг. Л. С. Богословская пыталась дополнить эскимосский словарь «традиционной лексики природопользования» также и чукотскими названиями и что она привлекала для этого знакомых ей чукотских охотников и знатоков языка, хотя, очевидно, не на уровне длительной систематической работы, как с Л. И. Айнаной и П. Тыпыхкаком. Впоследствии она использовала чукотские названия для морских млекопитающих в коллективной книге «Основы морского зверобойного промысла» (2007, с. 449–458), хотя там сказано, что чукотские названия даны «группой береговых чукчей, среди которых (были) Ю. Тототто, В. Райхлин, Рахтыргин и др.» и что в окончательном виде их написание было выверено Ю. Тототто (с. 449). Была ли это та самая группа, которая работала со списком в 2004 г. (?) в пос. Барроу, мы не можем сказать.

Конечно, чукотское и эскимосское видение многообразия птиц гораздо шире, чем в приводимых ниже списках и в прошлом явно не было организовано по принципу современного видового или алфавитного определителя. Собранный список чукотских и эскимосских названий птиц (Таблица) приводится ниже в порядке первоначальной рукопис-

1) Чоьэжэ	- морская (вид утки)
Вэлавэйт	- морская казарка
Вэты	- вернок
Гатае	- птица, утка
Гатгалыкын	- егале птица, утка
ёкбаё	- гагара
Итуит	- серый гусь, обыкновенный
йбаяйэ	- чайка
Канчалыкын	- морской, разбойник
капстатт	-
кафаа капстатт	- буревестник
Ксакайтэак	- малая чайка
Кчаа чээчэ	- маленькая чайка
Купоуки	- гага (вид уток) самка
Кэрукур	- кобра
Кэчачуыр	- леурава
Кытлыг	- яичо (птица)
Лыпээт	- белый гусь, с белой шеей
Нэжэанэ	- крак озерная утка
Нэрчуэ	- лебедь
Нойныпэк	- грациозка
паннаек	- топорок (род утки)
пэркал	- малая чайка с черной шеей
пэкалгы	- птица

Рукописный список
чукотских названий
птиц.
Составлен около
2002–2004 гг.; получен
от И.В. Танко

ной записи Артура Апалю, без разделения на биологические отряды и семейства. Эскимосские названия птиц, записанные со слов Юрия Ятты, приведены параллельно списку Апалю; они могут быть сопоставлены с более ранними материалами Л. С. Богословской, проанализированными ниже в статье И. И. Крупника. Всё это отредактировано Натальей Калюжиной. Свои фотографии некоторых упомянутых в тексте видов птиц, которые были сделаны на протяжении разных лет во многих точках юго-восточной Чукотки, представили Александр Боровик и Артур Апалю.

Выражаем искреннюю благодарность старейшинам с. Янракынтот — Гематагину Тимофею Сергеевичу, Омри Виктору Константиновичу, Енкау Светлане Константиновне за помощь в работе, и Танко Ивану Васильевичу — за предоставленные рукописные записи. Хочется верить, что подобные «находки» еще не раз встретятся в процессе работ, связанных с именем Людмилы Сергеевны Богословской! Мы благодарны также И. И. Крупнику, который обратил наше внимание на важность документирования национальных названий птиц и постоянно помогал нам в работе.

Большая конюга (сюкильпа). Фото из архива Н.И. Калюжиной

* * *

Несколько слов об авторах этой статьи.

Артур Аналю родился в с. Янракыннот в 1964 г. Его род считается основателем села Янракыннот. Активно занимается традиционным природопользованием для обеспечения своей семьи, родственников, жителей села. С юных лет ходил с охотниками в море, учился мастерству морских зверобоев, неизменно соблюдает традиции и обычаи своего рода. В настоящее время является одним из лучших морских охотников и наставником в бригаде, избран председателем местной родовой общины морских зверобоев. Отлично знает все места на юго-восточном побережье Чукотского п-ова, является одним из лучших проводников. Участник международной программы по мониторингу популяции тихоокеанского моржа, экспедиций вдоль восточного побережья полуострова на лодках и байдарках. Работая по проекту СИКУ в рамках Международного полярного года 2007–2008, собрал информацию о национальных терминах для морского льда, которые морские зверобои Янракыннота используют во время охоты. Работает участковым государственным инспектором национального парка «Берингия»; отличный фотограф.

Артур Аналю. Архив Н.И. Калюжиной

Александр Боровик. Архив Н.И. Калюжиной

Александр Боровик родился в селе Наукан в 1954 г. (эскимосское имя Инн,аун). Отец — работник полярной станции, член экипажа гидрографического судна, мать — науканская эскимоска. После закрытия Наукана семья переехала в пос. Провидения. С 17 лет начал трудовую деятельность, отслужил в армии. После армии работал водителем автомашины, крановщиком, водителем вездеходов в «Сельхозтехнике», на Провиденской гидробазе, инспектором в Рыбинспекции. В 1985 г. переехал в с. Новое Чаплино, где работал водителем автомашин, кранов, вездеходов. Отлично знает тундру, поведение животных, может ориентироваться в самых сложных погодных условиях. Принимал участие во многих научных экспедициях орнитологов, археологов, геологов, этнографов в качестве проводника; участник проекта по изучению народных знаний о морском льде (СИКУ) Международного полярного года 2007–2008. Л. С. Богословская очень ценила не только его талант ориентации на местности, но и сохранившиеся в памяти и полученные из жизненного опыта народные знания, а также его искусство фотографа. Проживает в пос. Провидения, работает участковым государственным инспектором национального парка «Берингия».

Юрий Ятта (эскимосское имя Уйгапак) родился в 1961 г. в с. Новое Чаплино. Профессиональный охотник с 20 лет, бригадир территориальной семейной общины морских зверобоев с. Новое Чаплино. Учился в Провиденском сельскохозяйственном профессиональном училище по специальности охотник-судоводитель. Опытный мореход — один из

Юрий Ятта. Архив Н.И. Калюжиной

Наталья Калюжина. Архив Н.И. Калюжиной

немногих, кто умеет и знает, как пройти сложный по особенностям течения и внезапной смены погоды морской путь из Чаплино до о. Святого Лаврентия (США) на лодках (этим маршрутом пользовались издревне). В таких поездках всегда является переводчиком между командами чаплинцев, говорящих только по-русски и говорящими по-эскимосски жителями острова, так как хорошо владеет родным эскимосским языком. Знаток местных эскимосских названий приметных мест, мысов, гор, течений, ветров.

Наталья Калюжина родилась в Белоруссии в 1963 г. в семье военнослужащего. С юных лет мечтала о Севере. На Чукотку в с. Новое Чаплино приехала в 1985 г. по всесоюзному распределению студентов после окончания Тамбовского педагогического института; по образованию — учитель иностранных языков; преподавала в сельской школе с. Энмелен. С 2006 по 2011 г. работала директором природно-этнического парка «Берингия», активно участвовала в международных конференциях «Дни Берингии», координировала в парке работу по проекту СИКУ в рамках программы Международного полярного года 2007–2008. В настоящее время живет в п. Провидения, работает старшим государственным инспектором национального парка «Берингия». Занимается сбором информации о современном традиционном образе жизни коренных жителей сел Новое Чаплино и Янракыннот.

Чукотские и эскимосские названия птиц, употребляемые современными охотниками в селах Янракыннот и Новое Чаплино Провиденского района, Чукотского авт. округа

	Чукотские названия			Русское название	Эскимосские названия, употребляемые охотниками с. Новое Чаплино (написание Ю. Ятты; выверенное написание см. в статье И.И. Крупника)
	Употребляемые охотниками села Янракыннот (запись А. Апалю)	По рукописному списку И.В. Танко	Вписанные в словарь Богословской, с русским уточнением (2004 г.)		
1	иурвин	ивырвин	эвырвельгин	берингов баклан	нылькак
2	нерк,ук,	нерк,ук,	нерк,ук,	лебедь	к'ук
3	лельк,ы	–	ильгылэвыт	гуменник	–
4	ил'гылевыт	–	ильгылэвыт	гусь-белошей	лахлык
5	вельвитун	вэлв'ит	–	черная казарка	
6	неннет	–	–	белолобый гусь	
7	л'ыпет	лып'эыт	лып'эт	белый гусь	–
8	велюк,	–	асэк,	шилохвость	–
9	вылпат'ёк,	–	–	широконоска	–
10	к,упыкэт; л'гэгалэ	к,упыкы	к,упыкы; мэукупык (самка)	обыкновенная гага	таг'ра
11	ек,агалэ	–	–	гага-ребенушка	к'налик
12	лылек,эль	–	лыг,эг,алэ	очковая гага	ийг'атылик
13	эттыгрок,; альгын	–	–	сибирская гага	–
14	ачек,ат	ачэк,; ич'эк	–	морянка	кан'вахак
15	леллет	–	–	крохаль	–
16	тык,ыль	тык,ыль	тык,ыль	белая сова (полярная)	анипа
17	тымкытелек,эй	–	–	маленькая сова	–
18	ремыррев	рэвыррэв	рэумрэу	куропатка	акыльг'егак'
19	к,эчанрот	к,этчаныр	к,этсаныр	журавль	сатыльг'ак'
20	туллик,	–	–	турухтан (все виды)	–
21	пикун,н,ы	–	пекысыт; пикун,нэт	плавунчики (все виды)	суг'мат
22	терезгыт	–	–	песочники	турик
23	ревылын	–	–	сапсан	к'авахпак
24	йетьин	–	йэтты (ястреб)	кречет	–
25	тильмытиль	тилмытил	тильмытиль (бело-плечий орлан)	орел	
26	кан,ольгын	кан,олгын	канольгын	длиннохвостый поморник	юн'аг'ак'
27	ан,к,акан,ольгын	–	–	средний поморник	–
28	к,асек,	к,аач'эк (маленькая чайка)	–	моевка	–
29	йаяк,	йв(?)аяк	йяк (белая чайка)	чайка	к'аксун'ег'ак
30	к,атйаяк,	к,аач'эк,	–	молодая чайка	наг'уя
31	гноняк, к,анаяк,	–	гынонийяк, (бургомистр)	глупыш	ахколюк

Комментарии А. Апалю (по номерам в таблице на с. 116)

1	Этот вид на любителя, в селе Янракыннот около 5 человек могут их есть. Жительница Вовна Нина Михайловна (старейшина) просит добыть тех, которые весной родились, молодых. С детства привыкла к таким	17	(Возможно, имеет в виду меньшую по размеру болотную сову, <i>Asio flammeus</i>). Сам лично не встречал, оленеводы говорят, что встречали часто
2	Раньше добывали часто. Сейчас знают, что из Красной Книги, не берут. Оленеводы редко бьют, для смены рациона	18	Янракыннотские охотники редко добывают, маленькая очень, почти нечего есть, жалко патроны тратить даже. И оленеводы не станут сегодня на них пули тратить. В 1980-е годы жило много приезжих в селе, они часто добывали по осени – в начале зимы
3	Всегда добывают весной, на пролёте. Много не берут, 1-2, их не часто встретишь, как гуся-белошея	19	Редко добывают, оленеводы – для смены рациона питания, население – 1-2 птицы только весной. Мясо жесткое, если долго варить, получается наподобие тушёнки
4	Добывают во время линьки. Очень популярны. Бьют в два хода. Тех, которые на гнездования идут дня 4 подряд. Берут, как повезёт но не больше 3-4 в один раз	20	Не добывают. Оленеводы встречают иногда, живёт на возвышенности
5	За время пролёта берут пару птиц, из-за малого размера не очень популярна	21	Не пугливые, в детстве из рогаток стреляли по ним. Среди нынешних детей нет такого. Нет особого желания быть похожими на охотников
6	Во время полета, как повезёт, они летают по 1-2 особи, за весну если 5 добудет один человек, это уже хорошо, обычно 2-3. Мясо вкусное, как у всех гусей	22	Также в детстве из рогаток стреляли по ним из любопытства и для развития охотничьих навыков
7	Сейчас реже стали их видеть	23	Не добывают. Всем известны места их постоянного гнездования. Ребята 12-13 лет из баловства могут разорять их гнёзда. Надо останавливать их, учить. Пока не остановишь, так и продолжают разорять
8	Чаще берут, когда подолгу сидят на базе в ожидании промысла. Бьют для смены рациона	24	Не употребляют в пищу
9	Добывают очень редко. Не обращают внимания большей частью на них	25	(Вероятно, Артур имеет в виду белохвостого орлана, который обитает в их краях) Видел в апреле 2005 г. на скалах его гнездо, а в конце августа видел самого орла, сидящего напротив этого гнезда на скалах. Жители помнят, в 1990-е годы ловили двух птенцов орла
10	Одна из самых популярных птиц, большая, мясо вкусное, потому что питается моллюсками. Заготовкой не занимаются. Среди охотников любителей немного, за одну охоту 5-6 птиц берут, из них 1 себе, остальные раздают как помощь бабушкам (семьям, где нет охотников)	26	В детстве видел на звероферме – что песцы не съедят, эти (в том числе чайки) всё подберут. Сейчас поморников в округе нет, в море и тундре можно встретить. В детстве тоже били их ради развития охотничьих навыков
11	Для охотников они чаще всего как смена рациона питания	27	Часто на море встречается, держится с моевками, его видно там, где рыба уёк идет
12	В Янракынноте добывают редко, чаще в Лорине	28	Только яйца собираем
13	Маленькая по размеру, мясо плотное. Добывают наравне с гагой обыкновенной в июне 1-2 птицы. С 20 мая по 15-18 июня прекращают добывать	29	В основном собирают яйца чаек. Во время долгого ожидания на базе в непогоду мясо нерпы надоедает, гагу не добудешь, а чайки всегда есть, для смены рациона. С базы обычно уходим в конце апреля–середине мая
14	В основном молодые охотники 15-17 лет тренируются в стрельбе, добудет одну, молодец. Мясо не очень вкусное	30	Мясо вкусное и нежное, намного популярнее, но чаще их добывают чаплинские охотники
15	Крохалей добывают во время линьки. В основном в п. Лаврентия, Лорине, Чаплине, а в Янракынноте не очень. 1-2 птицы за сезон, мясо на любителя	31	Не добываем
16	Встречается в окрестностях, старейшины помнят 1-2 случая, чтобы сову убили, и то в 60-е годы, ни разу не слышал, чтобы её ели. Вшивая очень		

32	тин,о	капоталгын	капотальгын (тонкоклювый буре- вестник)	малый буревестник	капутаг'ак
33	тык,ытчек,	–	какытэк (полярная крачка)	крачка	
34	панаек,	паннаек	панратъек,	топорок, ипатка	купшог'ак
35	к,эрут	к,эрук,эр (ед.ч.)	к,эрук,эр (тонкоклювая кайра)	кайра	–
36	чыпын,гал'гак,айте	–	–	чистики (разные)	–
37	вельвы	вэтлы	вэльлы	ворон	матыхлюк
38	макапчек,ал'гын	–	–	каменка	–
39	лыпчек,альгын	–	–	лапландский подо- рожник	–
40	к,анн,ыргальгын	к,энн,ыргэт	к,анн,ыральгын (любая воробьиная птица)	пуночки (мелкие птицы)	катыг'бег'ахак
41	умк,ынчек,ат	–	–	желтый певун	–
42	н,ойн,ыпчекал'гын	н,ойн,ыпчен	макаторон,нальгын	белая трясогузка	–
43	–	–	–	конюга-крошка	самсыхат
44	–	–	–	конюга	сукыльпа
45	ёкваё	ёкваё	ёкваёв (только краснозобая гагара)	средняя гагара	юг'аю
46				большая гагара	н'унк'алик
47	ванн,к,ытёкваё	–	ван,ькытисквы	белоклювая гагара	–
48	-	–	сипэт	каменушка	к'аин'ихат
49	лигыт			яйцо	маниг'ыт
50	к,ай; к,эй			маленький, молодой	–
51		мэйн,ырэвывын	–	коршун	
52		рэвыльын	–	сокол	
53		и,туи,т	–	серый гусь	
54		нэлянэл	–	серая озерная утка	
55		эк,ычалгын	–	розовая чайка	
56		паркал	–	маленькая чайка (с черной головой)	
57		–	к,эльпэрийак	серебристая чайка	
58		к,аак,ытъэк		мелкая чайка (?)	
59		эмн,ээм		гага, турпан	
60		–	терезсын, серык,у	длинноклювый кулик	
61		пэкычын	–	морской кулик	

Комментарии А. Апалю (продолжение)

- 32 Не употребляется в пищу
- 33 Не употребляется в пищу ни мясо, ни яйца, ими особо не интересуются. Они людей атакуют всегда, больно клюют. В последнее время стали гнездиться на поляне в 500–700 м от села
- 34 Только яйца едят, мясо пробовали – не понравилось. Их чаще не трогают
- 35 Собирают яйца. За всю весну добыли 5 птиц, для смены рациона
- 36 В пищу не употребляют
- 37 Не едят их, не убивают, иногда по ним можно определить, что где происходит в тундре или на льду, может – полуживое животное
- 38–42 Все мелкие птицы для еды не представляют интереса, большей частью на них не обращают внимания
- 43, 44 Не помнит, чтобы название было у этих птиц. Им не придавали значения
- 45–47 Особо не употребляют в пищу, на любителя мясо, пахнет рыбой
- 48 В районе с. Янракиннот этих птиц почти нет, они ближе к чаплинцам
- 49 Особо не различают
- 50 К названию птицы прибавляют это слово и понятно, что это или птенец или молодая птица
- 51 Не встречал здесь никогда
- 52 Не знаем такого, не встречали
- 53 Здесь серых гусей почти не бывает, в основном белолобые. Охотники не очень их различают и из-за преобладающей серой окраски называют их «серыми гусями» по-русски, а по-чукотски – «неннет»
- 54 Тундровики-оленоводы не очень их различают, а морские охотники не знают этих названий.
- 56 Чайки у нас не различаются, только для мовки и глупыша есть названия
- 59 За всю жизнь один раз в видел в 2005 г.
- 60 Не знаю такого названия.
- 61 Вероятнее всего, это плавунчик плосконосый, по-чукотски «пикун,н,ы»

Комментарии Ю. Ятты

- 1 Употребляют в пищу. Старики говорили, из берингова баклана раньше шили что-то типа дождевика
- 2 Иногда добывают, очень редко
- 3 Не интересуются
- 4–7 Для всех гусей и казарок у нас (сейчас) одно название. Птиц мало добывают для еды, раньше охотники больше уделяли им внимания
- 10–13 В основном всех гаг едят
- 14 Добывают очень редко
- 15 Добывают очень редко
- 16 Её варили. Когда я молодым был, начинал охотиться, их много было, сейчас очень мало. Очень любил Николай Кутылин, он говорит, что много сов было в 1970-80-е, в 90-е уже меньше, били на Старом Чаплине, до 50 сов, позже – до 10. Били на еду. Ездили на Старое Чаплино на южной косе охотились на песцов, на сов, гусей, выезжали за капустой, крабами. Что-то делали из лапок и перьев, не помню
- 18 Добывают очень редко
- 19 Мясо жесткое, не очень популярное
- 22 Кулики
- 23 Одно название (осталось) для всех хищных птиц
- 25 Не добывают, названия не слышал
- 29 Чаек (раньше) было около 7 названий, но уже их не помню
- 30 Добываем часто, называем их ещё «мартынами»
- 34 Возле Сиклюка белые скалы называют «Купшок'ыт – топорковые». Так старики называли эти места
- 35 Едят, добывают. Яйца собирают
- 38–42 На мелких птиц не обращают внимания и никогда не слышал для них названий
- 49 Чтобы назвать яйцо конкретной птицы, сначала называют вид и прибавляют это слово

О птицах, людях и народных знаниях

Глава «Птицы» из «Словаря лексики традиционного природопользования азиатских эскимосов-юпик»

И. Крупник

Эта статья посвящена одному из незаконченных начинаний Людмилы Сергеевны Богословской (далее — Л.С.) — словарю «лексики традиционного природопользования» языка чаплинский юпик. Я не раз слышал от Л.С., что она начала записывать эскимосские слова и выражения, относящиеся к морским животным, птицам, ориентации в пространстве, в период плаваний с морскими охотниками в 1980-е гг., в особенности от Николая Гальгаугье (1935–1995). В середине 1990-х гг. она вернулась к этой идее. Возможно, смерть Гальгаугье и другого ее эскимосского спутника по походам на байдарках, Тимофея Пана-

Участники совместной биолого-этнографической экспедиции 1981 г. на берегу в с. Лорино. В первом ряду слева Л.С. Богословская, рядом с ней Николай Гальгаугье. Автор — крайний слева во втором ряду. Фото С.А. Богословского.

*Тимофей Панаугье.
Фото С.А. Богословского, 1980*

*Пётр Тытыхкак, Сиреники,
1984. Фото Н.Б. Конюхова*

*Людмила Айнана.
Фото И.А. Загребина, 2007*

угье (1939–1995) — оба погибли в море в один день в разных местах — подтолкнула ее к действию. П. А. Алейников, сотрудник Богословской в Институте Наследия, вспоминает, что около 1996 г. она попросила его выписать эскимосские слова, связанные с природопользованием из «Эскимосско-русского словаря» Е. С. Рубцовой (1971). Постепенно задачи расширились, и работа растянулась почти на двадцать лет.

По словам Алейникова, словарь сразу готовился как четырехязычный: эскимосский (чаплинский юпик) — русский — английский, плюс латинские таксономические названия для видов животных и растений. Около 2004 г. Л.С. предприняла попытку добавить в него еще чукотский язык (см. статью Апалю и др.). По-видимому, у нее не было исходного словника, то есть списка терминов; но когда был составлен список названий из словаря Рубцовой, она стала систематически работать в пос. Провидения с Людмилой Ивановной Айнаной в то время главой Общества эскимосов «Юпик» и автором учебников и программ преподавания родного языка. Айнана включила в работу еще одного эскимосского капитана из Сиреников, Петра Тытыхкака (1933–2000), с которым Л.С. плавала на байдаре в 1987 г. В конце 1990-х гг. во время своих приездов на Чукотку она подолгу работала с Айнаной и Тытыхкаком, проверяя термины из словаря Рубцовой и «Практикума» Н. Б. Вахтина и Н. М. Емельяновой (1988). К тому времени она подобрала латинские

названия для видов животных и растений, а Алейников подготовил английские переводы слов.

Всерьез об издании словаря мы заговорили с Л.С. около 2000–2001 гг. Уже тогда он назывался «Словарь лексики традиционного природопользования азиатских эскимосов-юпик (составители Л.И. Айнана и Л.С. Богословская)». Богословская хотела напечатать его через Институт культурного и природного наследия, где она работала. Она загорелась этой идеей и включила словарь в план институтских изданий на 2003 (или 2004?) год.

В январе 2004 г. Л.С. прислала мне содержание и файлы имеющихся глав словаря с таким примечанием:

«Приятно было получить от Вас высокую оценку наших трудов по Словарю. ...Копируюсь в своих дневниках, все время ощущая рядом Гальгаугье, потом лезу в Словарь и книгу по фольклору Рубцовой (1954. — И.К.) — у нее нахожу правописание практически всех слов. Гениальная женщина!!!

Посылаю Содержание, думаю, что слишком углубляться в традиционные одежду, обувь и жилище не стоит, а вот пищу хорошо бы дать как можно более подробно. Предполагаю дать в начале общую статью и перед каждым разделом — короткий комментарий. Очень надеюсь на помощь, Вашу и эскимосов Св. Лаврентия. Нужны будут дополнения по многим разделам, особенно по ландшафту — от сирениковцев я не могла добиться названия ручейков, бугорков, гор различной высоты: они называли мне *имена собственные* деталей рельефа и не понимали, что еще надо. Безусловно, придется разбираться с традиционным календарем — у меня больше названий месяцев, чем у Вас. Наверное, существовали параллельные названия. Но мне одной в Москве этого не выявить»

(23 января 2004 г.)

К письму было приложено содержание словаря из 14 частей (Охота и морской промысел, включая названия животных и птиц; Рыболовство; Собирачество; Лодки; Ездовое оленеводство; Собаководство; Пища; Одежда и обувь; Жилище; Место, пространство, положение в пространстве; Погода, ветры, осадки; Ландшафт; Время суток; Времена года, традиционный календарь). В каждой части предполагались свои внутренние тематические разделы. Например, часть 1 — «Охота и морской промысел» — должна была включать десять разделов: кито-

образные, ластоногие, наземные звери, птицы, группировки и поведение зверей и птиц, части тела и продукция от зверей и птиц, охотничье снаряжение, люди, участвующие в охоте и т.п.

Л.С. очень хотела сделать свой словарь иллюстрированным, с рисунками и фотографиями (в отличие от словаря Рубцовой и «Практикума» Вахтина-Емельяновой). Над этим тогда работала вся ее семья — художник С. А. Богословский и дизайнер Е. С. Богословская. В сохранившемся проспекте заявки на издание словаря в 2004/2005 г. говорилось, что он будет включать более 1500 терминов. Л.С. явно «горела» этой темой и продолжала забрасывать меня новыми подробностями:

«Вот небольшое, но на мой взгляд, крайне интересное добавление к разделу 10. Место...

- 1) *уявак*, — даль (вообще), то дальнейшее место;
- 2) *уявак,ак*, — то дальнейшее место; 2а) *уявак,а:к*, — место дальше чего-либо;
- 3) *уявак,аг,ак*, — то дальнейшее место, находящееся дальше, чем *уявак,ак*;
- 4) *уявалък,и:нак*, — то дальнейшее место, находящееся дальше, чем *уявак,аг,ак*;
- 5) *уяванлъых,пиг,ак*, — то дальнейшее место, находящееся дальше, чем *уявалък,и:нак*;
- 6) *уявантылъых,пиг,ак*, — то самое дальнейшее место.

Номера 1, 2а, 3, 6 я записала от Гальгаугье, который сказал, что отцы и деды знали больше таких слов; много позже эти и остальные номера нашла у Рубцовой (1954, с. 129–130. — И. К.) в примечаниях к одной из сказок.

После долгих расспросов Айнаны я поняла, что женщины, и она в частности, редко употребляли столь дробные подразделения пространства, а вот мужчины, идущие на байдаре вдоль берега, когда мысы и сопки выдвигаются друг из-за друга целыми рядами, должны были обозначать всю панораму сразу. Айнана по поводу всех пространственных обозначений сказала, что это все очень сложно и уже почти не употребляется. В Словаре Рубцовой целая россыпь «далеких мест и действий» с этим корнем»

(29 января 2004 г.)

К сожалению, издать Словарь тогда не удалось, и Л.С. переключилась на подготовку других своих книг — «Основы морского зверобой-

ного промысла» (2007) и «Тропюю Богораза» (2008). В 2008 г. мы снова вернулись к идее напечатать словарь, используя грант программы «Общее наследие Берингии» (Shared Beringia Heritage Program) Службы национальных парков США. Теперь его решили сделать пятиязычным*, добавив написание всех терминов на языке юпик острова Св. Лаврентия. Эту работу мы попросили сделать учителя-эскимоса из пос. Гэмбелл Криса Кунуку, который прислал в 2010 г. слова для некоторых разделов (птицы, морские животные, виды льда и проч.) Кроме того Л.С. хотела снять Л.И. Айнану и сиреникского охотника Виктора Татыгу на видео, чтобы зафиксировать «женское» и «мужское» произношения важнейших терминов. Предполагалось, что это сделает в пос. Провидения И.А. Загребин; а диск с записанным видео будет потом приложен к напечатанному словарю.

К 2008 г. Л.С. изменила структуру словаря; он состоял теперь из 28 тематических глав, объединенных в пять частей: животные и растения; традиционная промысловая деятельность; традиционный транспорт; дом; окружающий мир (см. Приложение 1). Предполагалось добавить два новых вступительных раздела на русском и английском языках: Предисловие и «Как пользоваться словарем», а также Алфавитные указатели на русском и чаплинском юпике и список литературы. Тексты этих разделов не сохранились; скорее всего, они не были написаны. Полная рукопись глав словаря на 2008 г. насчитывала 175 стр. и включала более 2000 слов и грамматических конструкций.

Но и эта попытка закончить и напечатать словарь не удалась. Татыга умер в 2009 г., а планируемая запись Айнаны на видео в Москве в 2011 г., в студии Института Наследия, по разным причинам не состоялась. Мы продолжали работать над книгой «Наши льды, снега и ветры» (Богословская, Крупник, 2013) и Л.С. вновь решила отложить словарь «на потом». А через год пришло сообщение, что она тяжело больна. Почти двадцатилетняя работа в итоге так и осталась незавершенной... В короткой статье трудно сделать полный анализ словаря Айнаны–Бо-

* К тому времени у Л.С. уже был опыт публикации одного из разделов, «морские животные» в виде пятиязычного словаря: чаплинский юпик–русский–английский–чукотский–науканский юпик (Богословская и др. 2007, 449–458). Для этого она привлекла целый коллектив соавторов: Е.А. Добриеву, Б.И. Альпыргина, В.Г. Леонову – для науканского языка; Ю.М. Тототто, В. Райхлина и др. – для чукотского. Совсем недавно обнаружили и другие разделы Словаря, для которых Богословская собирала чукотские термины (см. статью Апалю и др.)

*Птичий базар на мысе Халюсткаина.
Фото Н.Б. Конюхова, 1985*

*Канадские журавли в тундре.
Фото А.Г. Боровика*

гословской (далее «А–Б»). Поэтому ниже я рассматриваю его небольшую, но очень важную часть — главу «Птицы». Л.С. хорошо знала и любила птиц, много ими занималась в годы работы на Чукотке, проводила обследования птичьих базаров (Богословская, Вотрогов, 1981; Богословская и др., 1988; Конуikhov et al., 1998). В составе ее полевых отрядов много лет были профессиональные орнитологи — Б. М. Звонов и Н. Б. Конюхов. Три ее эскимосских партнера: Л. И. Айнана, Н. Гальгаутье и П. Тыпыхкак — первоклассные знатоки родного языка, на котором они говорили с рождения. В 1990-е гг. трудно было найти лучших экспертов для составления словаря эскимосских названий птиц; сейчас собрать подобную группу уже невозможно.

Структура главы «Птицы»

В первом известном варианте словаря А-Б 2004 г. в главе птицы насчитывалось 66 терминов. Более полный вариант 2008 г. включал уже 77 терминов, за счет добавления лексики о поведении и группировках птиц (см. Прил. 2). Список 2010 г. с включенным написанием на юпике о-ва Св. Лаврентия содержит те же 77 слов.

Первый естественный вопрос: 77 слов для птиц — это много или мало? Что вообще отражает эскимосский список птиц? Знают ли эскимосы птиц лучше, чем специалисты-орнитологи? Меняются ли эскимосские знания и слова для птиц? На эти и другие вопросы можно ответить, используя методику сравнения списков национальных терминов для морского льда и снега, выработанную в ходе проекта СИКУ в 2010 г. (SIKU, Sea Ice Knowledge and Use — Богословская, Крупник, 2013; Крупник, 2010; Krupnik et al., 2010; Krupnik, Müller-Wille, 2010).

Для анализа списка птиц в словаре А–Б прежде всего его надо разделить на тематические группы, или категории терминов. Очевидно, что слова, обозначающие биологические виды птиц (например, *альпа*, толстоклювая кайра, *Uria lomvia*), отличаются по смыслу и функциям от слов для половозрастных категорий внутри одного вида, например: *к,ава:хпага́г,ак*, — орленок (беркут), *к,ава:хпага́г,ах,ак*, — маленький птенец орла беркута, *к,ава:хпак аг,на́нык*, — орлица (беркут) и т.п., а также слов общих для всех видов птиц (самец, самка, крыло, клюв, гнездо, яйца и т.п.), терминов для птичьих группировок (*лыхлгы́г,ьяк* — стая гусей) или движений/действий, связанных с птицами (*нали́югак,ук*, — приземляется, о птице).

Если провести такое разделение, оказывается, что в списке А–Б имеется 50 названий для отдельных видов птиц, причем некоторые слова

Толстоклювая кайра (эск. *альпа*).
Фото Н.И. Калюжиной

употребляются для обозначения нескольких биологических видов. Еще 15 слов обозначают половозрастные категории внутри видов, 9 — термины для обозначения группировок и поведения птиц (они повторяются в специальной главе «Группировки и поведение зверей и птиц», где имеется еще 7 новых терминов), и 3 термина относятся к общим понятиям (яйцо, гнездо и гнездо с яйцами). Последняя группа — очевидно неполная; в ней нет таких известных эскимосских слов как *як,ук*, — крыло, *силюк* — перо (птичье), *сюгрук* —

клюв, *паныкульютак*, — хвост (птицы), *кан,ык*, — пух, *пувьяк*, — зоб, *сюлон,ак*, — плюмаж, *к,антах,к,уак*, — яичная скорлупа, *иинтак,ук*, — линять, о птицах (ср. *иин,так*, — птица во время линьки; *iingtaq* — линяющий гусь в юпике о. Св. Лаврентия), а также терминов, связанных с охотой на птиц (*авлык,ых,тат* — бола, *лбюк*, — праща, *анавак* — сачок или сеть для ловли птиц, *мытх,ак*, — парка из птичьих шкурок и т.п.). По какой-то причине эта лексика осталась незаписаной или вошла в другие разделы словаря.

Наиболее интересен, конечно, анализ эскимосских названий видов птиц (50 терминов). Его можно оценить по нескольким параметрам: по отношению к другим известным спискам эскимосских названий птиц Чукотки; относительно списков видов птиц у соседних эскимосских групп, особенно у близкородственных эскимосов-юпик о-ва Св. Лаврентия; и относительно списков орнитофауны Чукотки, составленных учеными-орнитологами. В первых двух случаях, это дает возможность судить о степени знаний чаплинских эскимосов о птицах своей среды обитания, а также об уровне сохранения у них таких знаний. В третьем случае мы можем сопоставить народные экологические знания с научными типологиями птиц Чукотки и региона Берингова пролива. В этой последовательности мы и рассмотрим далее список А–Б.

Список А–Б в сравнении с другими списками эскимосских названий птиц Чукотки

Помимо списка А–Б, сведения о названиях птиц в чаплинском эскимосском языке можно почерпнуть из трех источников. В хронологическом порядке это: словарь эскимосского языка Е. С. Рубцовой (1971), где они разбросаны среди примерно 19 тыс. других эскимосских слов; монументальная двухтомная монография Л. А. Портенко о птицах Чукотки (1972, 1973), где приведены некоторые эскимосские названия птиц в порядке по отрядам и семействам, и в очень приблизительной фонетической транскрипции; и «Практикум по лексике эскимосского языка (Вахтин, Емельянова, 1988), где имеется специальный раздел «Птицы» организованный в алфавитном порядке (с. 53–54). Как мы знаем по воспоминаниям Алейникова, Богословская активно использовала словарь Рубцовой (далее Р), а также список Вахтина — Емельяновой (далее В–Е).

Если сопоставить эти четыре списка, организовав их согласно орнитологической классификации (как у Портенко; см. также: Томкович, Сорокин, 1983, с добавлениями), а не в алфавитном порядке, как сделано у Рубцовой, в «Практикуме» Вахтина–Емельяновой и в словаре Айнаны–Богословской, то они немногим отличаются друг от друга, разве что в сторону лучшей фонетической записи у Рубцовой, В–Е и А–Б, по сравнению со списком Портенко. У Рубцовой приведены лишь общие русские переводы эскимосских слов для птиц (баклан, чайка, гусь, и пр.), но не видовые названия. К тому же ее список — самый короткий: в нем всего 32 названия, по сравнению с 41 у Портенко, 47 — у В–Е и 50 в А–Б.

Рост числа названий, разумеется, объясняется систематической работой составителей списков и их лучшим знанием видового состава птиц Чукотки. Например, Рубцова (1971, с. 584) дает лишь один термин для гагары, *югъаю*. В–Е (1988, с. 54) уточняют, что *югъаю* — это «любая гагара, кроме белоклювой», и приводят другой термин, *нан,к,у́áлык* для обозначения белоклювой гагары (*Gavia immer adamsii*). А–Б повторяют разделение *нан,к,у́áлык* и *югъаю* («любая гагара, кроме белоклювой») и дают еще видовое название для краснозобой гагары (*Gavia stellata*). Добавлю, что в близком языке юпик острова Св. Лаврентия имеется четыре слова для разных видов гагар: *eghqaag* (*Gavia stellata*), *melqurak* (*Gavia arctica*), *yugayu* и *nangwalek* (*Gavia adamsii*); два последних переводятся как «белоклювая гагара» — Jacobson et al., 2008). Скорее всего, *югъаю* — общий термин для гагары, а *нан,к,у́áлык* обозначает именно белоклювую гагару.

Чернозобая гагара (*югъаю*)
в весеннем наряде. Фото Н.Б. Конюхова

Краснозобая гагара (*югъаю*).
Фото А.Г. Боровика

Гораздо показательнее сравнение чаплинских списков (П, Р, В–Е и А–Б) с выписанными мной названиями птиц из словаря близкородственного языка науканский юпик (Головко и др., 2004; Dobrieva et al., 2004). Примечательна не только относительная бедность науканского списка (в нем имеются слова лишь для 24 видов, хотя Майкл Краусс утверждает, что по всем опубликованным науканским текстам он нашел 44 названия), но также наличие в нем двух-трех «параллельных» названий для многих видов. Скорее всего, состояние науканского списка отражает начавшееся «выпадение» национальных терминов для птиц в науканском языке, на котором сейчас говорит лишь небольшая группа старейшин, преимущественно в районном центре, пос. Лаврентия. Люди еще помнят слова, но уже не знают (или колеблются), к какому именно виду они относятся (*амаг, улъык, к,атыпак, тыгменик* — гага?) Тот же процесс затронул и чаплинский юпик, как мы увидим ниже.

Таким образом, сравнение списка А–Б с другими списками чаплинских названий птиц приводит к следующим выводам. Во-первых, список А–Б дает наиболее полную номенклатуру чаплинских названий птиц, особенно с точки зрения биологического (видового) разнообразия, но не принципиально увеличивает известную лексику. Во-вторых, список А–Б, безусловно, недооценивает культурный элемент эскимосской лексики, связанной с птицами, которая может быть существенно расширена по другим источникам. В-третьих, список А–Б очень удобен для сравнения с эскимосской номенклатурой птиц в соседних регионах и языках, а также с биологическими классификациями, поскольку в нем, помимо эскимосских слов и их русских переводов, имеются также параллельные биологические (латинские) названия птиц и их английские эквиваленты.

Список А–Б на фоне эскимосских «словарей» птиц из соседних регионов

Начнем с ближайших соседей чаплинских эскимосов. Помимо уже упоминавшегося словаря языка науканских эскимосов (Головко и др., 2004; Dobrieva et al., 2004), известны три списка названий птиц в чукотском языке — шведского орнитолога Йохана Пальмена (Palmen, 1887), Л. А. Портенко (1972–73) и из неопубликованного элек-

тронного словаря Г. И. Ранаврольтына (2005)*. К сожалению, сопоставлять их с чаплинскими названиями не вполне корректно, поскольку все они относятся к другим регионам. Список Пальмена, сделанный по материалам зимовки шведской экспедиции на судне «Вега» в 1878–79 гг., а также список Портенко записывались на северном побережье Чукотки, а словарь Ранаврольтына относится ко всему ареалу распространения чукотского языка, от Колымы до северной Камчатки. Единственное, что видно из сравнения чаплинских и чукотских списков, это то, что в них имеется большое число заимствований, очевидно — в обоих направлениях (ср. Вахтин, Емельянова, 1988, с. 60). Все чукотские списки несколько короче (35–40 видов), кроме последнего списка из Янракыннота (см. статью Апалю и др.); в них больше повторных терминов, употребляемых для нескольких видов. Например, все виды гагар по-чукотски называются *йоквайо/ёкваяо*, что очевидно заимствовано от эскимосского *югъаю*. Работа с чукотскими списками требует продолжения и, видимо, отдельной статьи.

Гораздо информативнее сравнение видовых названий птиц на чаплинском юпике и близкородственном юпике о-ва Св. Лаврентия. Мы располагаем для этого тремя списками с острова: один составлен профессиональными орнитологами (Fay, Cade, 1958) по отрядам и семействам, подобно списку Портенко; второй сделан жителем пос. Гэмбелл Уиллисом Уалянгой, признанным знатоком местной истории и языка (Walunga, 1986, p. 49–50); а третий выписан мной в алфавитном порядке из двухтомного словаря лаврентьевского юпика (Jacobson et al., 2008). В обоих регионах жители говорят на почти одинаковых вариантах языка юпик и свободно понимают друг друга. Но если их языки с лингвистической точки зрения почти не отличаются, то их социо-лингвистические статусы принципиально различны. На Чукотке на чаплинском юпике теперь свободно говорят лишь несколько десятков людей пожилого возраста, в основном женщины. Напротив, на о-ве Св. Лаврентия в двух поселках, Гэмбелл и Савунга, живет около 1000 активных носителей языка всех возрастов, включая несколько сотен стариков и мужчин-охотников. Этот массив носителей языка поддерживает и использует традиционную эскимосскую лексику, в том числе связанную с птицами.

* Пока готовилась эта статья, были найдены еще два списка чукотских названий птиц, собранных по инициативе Богословской, и составлен третий – названий, употребляемых в поселке Янракыннот (см. статью Апалю и др.)

Неудивительно, что оба списка с острова Лаврентия существенно больше списка А–Б: 70 названий видов по словарю (Jacobson et al., 2008), 64 — по списку Уалянги и 58 — по списку орнитологов. Лингвист Майкл Краусс вспоминает, что в начале 1970-х гг. мужчины-эскимосы на острове легко называли слова для 70–80 видов птиц и идентифицировали эти виды по книгам-определителям (личное сообщение, август 2015). Как уже отмечалось, в списке А–Б есть названия для двух видов гагары (из четырех), а на острове имеются слова для всех четырех видов. Подобное соотношение сохраняется для всех семейств и отрядов: как важных для жизнеобеспечения (пластинчатоклювые, чистиковые), так и тех, на которых активно не охотятся (чайки, ржанковые, овсянковые). В чаплинском юпике одно слово часто используют для нескольких близких видов, для которых на острове есть свои названия. Так, в А–Б рядом со словом *альна* (тонкоклювая кайра, *Uria aalge*) Л.С. пометила: «самостоятельное название этого вида утрачено [чаплинскими] эскимосами к началу 1980-х гг.» На острове эта кайра тоже называется *альна* (*alpa*); но есть и второе слово — *kuwaaq* (кувак, — Walunga, 1986, p. 49).

В самом полном списке из словаря лаврентьевского юпика для некоторых видов птиц указано по три и более названий, к сожалению, без объяснений. Так, для обыкновенной гаги (*Somateria molissima*) имеется сразу 5 (!) названий (*metghaq; metghapik; qatepak; tagrapak; uksulla*), из которых на азиатском берегу известны только первые два. В языке острова Св. Лаврентия также сохранилось больше слов, относящихся к биологии, поведению, группам птиц, их использованию, средствам добычи и т.п.

Богатство юпикского «словаря» птиц, как на Чукотке, так и на острове Св. Лаврентия, можно сравнить с числом названий видов птиц у других групп эскимосов на Аляске. Например, в языке центральный юпик (Central Yup'ik) в междуречье рр. Юкон и Кускоквим известны слова для почти 200 видов птиц, иногда по три–четыре названия для одного вида (Ann Fienup-Riordan, устное

Самка обыкновенной гаги (мытх,ак, или та:гра). Фото А.Г. Боровика.

сообщение, 27.06.2015). Для более детального сравнения со списком А–Б я использовал три источника: 1) список видовых названий в языке эскимосов-инуиат (диалект нунамиут) из поселка Анактувук-Пасс во внутренней части северной Аляски (Irving, 1953, 101 термин); 2) аналогичный список на инуиакском диалекте кобук в долине р. Кобук в северо-западной Аляске (Irving, 1958, 110 терминов); и 3) современный список из словаря инуиакского диалекта «северного склона» (North Slope), на котором говорят в поселках Барроу и Пойнт-Хоуп (176 терминов в алфавитном порядке — MacLean, 2014).

Все три инуиакских списка существенно детальнее юпикских, особенно чаплинских. Это подтверждает сделанный выше вывод, что богатство «птичьего словаря» отражает состояние языка или, точнее, число его активных носителей. Списки слов для птиц в диалектах нунамиут и кобук были записаны 60 лет назад (Irving, 1953, 1958), и тогда эскимосские эксперты имели названия соответственно для 94% и 90% видов птиц, известных орнитологам (Irving, 1958, p. 64 — см. ниже). Ирвинг справедливо назвал эти знания «превосходными». Еще больше список названий птиц из современного словаря (MacLean, 2014, около 140 видов). Напомню, что группа инуиат «северного склона» насчитывает около 5 тыс. чел. И хотя молодое и среднее поколение говорит уже преимущественно или исключительно по-английски, мощная когорта людей старшего возраста поддерживает богатый словарный запас, в том числе и старую лексику, относящуюся к птицам.

Сравнение народных и научных (биологических) знаний о птицах: как считать?

Ученые-натуралисты стали систематически записывать народные названия птиц еще в XIX в. (см. уже упоминавшийся чукотский список Пальмена — Palmen, 1887); но их изучение оформилось в особое направление лишь в 1950-е гг. (Irving, 1953, 1958). В 1960-е гг. оно называлось «народной биологией» (folk biology) или «народными таксономиями» (folk taxonomies — Berlin et al., 1966; Bulmer, 1967, 1974; Majner, Bulmer, 1977), а в последние годы получило название «этно-орнитологии» (ethno-ornithology — Tidemann, Gosler, 2010). Анализ списка А–Б и его сравнение с другими аборигенными словарями птиц

и научными классификациями — пример того, чем занимаются «этно-орнитологи».

Сопоставлять народные и научные (биологические) знания о птицах непросто, так как они построены по разным принципам. Биологические знания опираются на стандартные таксономические (линнеевские) классификации, где птицы организованы в строгом порядке по установленным поколениями ученых-зоологов отрядам, семействам и видам. У биологов имеются компьютерные базы данных, орнитологические журналы, музейные коллекции и международные правила описания и названия новых видов.

Научные знания о птицах неуклонно растут. На острове Св. Лаврентия, например, число известных орнитологам видов выросло с 60–70 в 1930-е гг. (Friedmann, 1932; Murie, 1936) до 120 в 1950-е гг. (Fay and Cade, 1959) и 150–160 видов в наши дни (<http://wingsbirds.com/tours/alaska-gambell/birdlist/>). Прирост идет в основном за счет обнаружения редких, залетных или расширяющих свой ареал видов. Очень осторожно можно считать, что в районе Берингова пролива, на территории обитания эскимосов-юпик «обычны» 80–90 видов птиц и еще 20–30 видов относятся к «редким» (случайным, залетным и т.п. — Богословская и др., 2007; Портенко, 1972, 1973; Томкович, Сорокин, 1983; Fay, Cade, 1959). На сопредельных территориях на Аляске также известно около 100–120 видов: 107 на мысе Принца Уэльского (Bailey, 1943), 122 в долине р. Кобук (Irving, 1958, p. 64), и лишь в Барроу их более 170, если не считать «случайные» и «гипотетические» виды (Norton et al., 1993).

Система народных знаний о птицах изучена гораздо хуже. Известные списки народных названий птиц построены либо по алфавиту (от А до Я), либо в соответствии с биологической (линнеевской) классификацией. Понятно, что традиционный лексикон, связанный с птицами, не был ни алфавитным, ни линнеевским; как он был организован у эскимосов — мы, к сожалению, не знаем. В нем явно существовали свои термины для групп птиц, вроде юпикских *югъаю* — общее обозначение гагар, *наг,уя* — общее слово для чаек, или сходных инуупиакских слов *tifmiaq*, *паууақ*, *nibliq* и *қаудақ*, соответственно для хищных, чаек, гусей и уток. Но аборигенная классификация птиц, если она существовала, не отражена ни в одном из списков и, теперь, вероятно, утрачена.

Анализ аборигенных списков птиц затрудняет наличие названий-синонимов для большого числа видов, значение которых не известно ни

Утка-морьянка (ааяк, или кан,г,ваак).
Фото А.Г. Боровика

биологам, ни часто самим носителям языка. Выше уже упоминались 5 (!) слов для обыкновенной гаги (*Somateria mollissima*) в юпике о-ва Св. Лаврентия. В том же языке имеется три слова для утки-морянки (*Clangula hyemalis*) — *aahaangwliq*, *kangghwaak* и *uyangsaq*, плюс отдельное слово для ее самца, *igeyiighaq*. В более полном «птичьим словаре» инупиакского диалекта Северного Склона при-

ведено по два-три названия для 1/3 различаемых биологами видов, а для языка центральный юпик Западной Аляски несколько названий для одного вида — обычное явление (А. Fienup-Riordan, личное сообщение, 2.07.2015).

Непонятно также, куда причислять виды, различаемые в народной классификации, но не отмеченные биологами в данном районе. Например, в диалекте инупиак Северного Склона (Барроу) имеются слова для семи (!) видов сов, включая тех, что живут в лесах; но вокруг Барроу нет лесов на десятки и сотни километров, и биологам известны только три гнездящихся здесь или пролетных вида сов. В том же диалекте есть слова для трех видов лесных дятлов, чьи ареалы находятся в сотнях километров от Барроу. В юпике о-ва Св. Лаврентия есть название для белоспинного альбатроса (*Diomedea albatrus*), *piyugraapak*, хотя эта птица не отмечалась на острове в XX в. и известна лишь по случайным наблюдениям в XIX в. и находкам костей в археологических стоянках (Fay, Cade, 1959, p. 101). На Чукотке названия для альбатроса нет ни в эскимосском, ни в чукотском языке; птица также встречается крайне редко, но кости ее попадают в слои при археологических раскопках, например, у мыса Дежнёва (сообщение А. Б. Савинецкого, сентябрь 2015).

И совсем неясно, как учитывать варианты названий птиц в диалектах одного языка, часто в соседних общинах. Например, птичьи словари чаплинского юпика и юпика о-ва Св. Лаврентия совпадают на 90%; но для некоторых видов в них есть свои названия — например, *альна* и *aqevgeghnaq* для толстоклювой гаги (*Uria lomvia*) или *к,увыхси*; *к,увумсиг,ак*, (В–Е, А–Б) и *tagneghruwaaq* для лапландского подорож-

ника (*Calcarius lapponicus*). В более полном списке диалекта Северного Склона (MacLean, 2014) приведено по несколько вариантов названий для десятков видов соответственно в говорах Барроу, Пойнт-Хоуп и Анактувук-Пасс (нунамиут). Но образцом вариативности, видимо, служит словарь языка атапасков-денайна (Kari, 2007), где для большинства из 140 перечисленных видов птиц приведено по два-три и даже четыре названия на четырех известных диалектах.

Наконец, в народных «словарях» есть названия птиц, для которых нет эквивалентов в научных классификациях. В каждой народной традиции присутствуют мифологические птицы (вроде русской «жар-птицы»), которые разговаривают друг с другом и с людьми, совершают магические действия, вступают в физические отношения с животными и людьми или поражают своими размерами. В эскимосской традиционной культуре и фольклоре такие птицы тоже были; от них сохранились отдельные названия, которые есть в словарях, но нет в списках орнитологов. Например, названия для легендарных орлов, способных охотиться на китов и мамонтов (Рубцова, 1954, с. 420–432), фольклорного «большого ворона» (*мытых, льюхльак*), или маленькой птички *qawaamsighaq* (Jacobson et al., 2008, p. 396), разговаривающей человеческим голосом, науканской *ōtn,ʔисак* — «сказочной птицы без заднего прохода» (Головки и др., 2004, с. 124) или инупиакской *mitibvik* — мифологической черной птицы с трехметровым размахом крыльев (MacLean, 2014, p. 861).

Поэтому сопоставлять народные и научные знания о птицах напрямую — трудно, если не бессмысленно. Создается впечатление, что полный аборигенный словарь птиц мог быть намного больше современных орнитологических списков для той же местности за счет большого числа параллельных названий для вариантов (поло-возрастных групп, сезонных состояний, окраски) одного вида. На самом общем уровне, в народных типологиях важные для жизнеобеспечения или культурной традиции животные и растения обычно различаются лучше, чем менее важные или совсем неважные. Крупные млекопитающие и птицы различаются детальнее, чем мелкие, и в целом лучше, чем рыбы и беспозвоночные (ср. Whiting, 2011). Виды и условия своей местности всегда известны подробнее, чем условия у соседей. У эскимосов нет общих знаний о «птицах Чукотского полуострова» (как у Портенко), но есть десятки слов для птиц вокруг своего поселка. С такими оговорками мы

Кулики-песочники (тури:к или сюхтувак).
Фото А.Г. Боровика

Желтая трясогузка.
Фото А.Г. Боровика

можем сравнивать народные и научные знания лишь по конкретным «блокам» или параметрам.

Орнитолог Лоренс Ирвинг (Irving, 1958, p. 66) был первым, кто заметил, что полнота знаний эскимосов о птицах различается по семействам в сравнении с номенклатурой орнитологов. Он обнаружил, что эскимосы в Анактувук-Пассе и долине р. Кобук на Аляске наиболее полно различали птиц из семейств утиных (Anatidae) и ржанковых (Charadriidae): до 95–100% видов, известных орнитологам. В то же время знания о семействах дятловых, ласточек и лесных певунов (Parulidae) были фрагментарны, и большинство имен для этих видов отсутствовало. Сравнение названий птиц по отрядам и семействам в современном словаре диалекта северного склона (MacLean, 2014) дает похожий разброс: 80–100% для бакланов, пластинчатоклювых, хищных, чаек и сов, но лишь 60% для воробьиных и ржанковых. В списке юпик о-ва Св. Лаврентия разница еще выше: 100% гагар, 75% хищных и чайковых, но лишь 35–38% ржанковых и воробьиных. В чаплинском юпике (список А–Б) «пострадали» все семейства, но мелкие кулики и воробьиные (ласточки, овсянки, трясогузки) — опять же больше, чем остальные.

Понятно, что эскимосы не различают птиц по классификации Линнея; но, повторяю, мы не знаем, как это происходило в системе традиционных знаний. Самая простая гипотеза, что птицы различались по размеру: большие — лучше, маленькие — хуже. Один орнитологический справочник (Бёме, Кузнецов, 1983) разделяет птиц по классам размера: большие («крупнее гуся»), величиной с гуся, с курицу или утку и т.п., вплоть до самых маленьких — с воробья и мельче. На примере слова-

Канадский журавль (сатыльгак).
Фото А.Г. Боровика

Американский лебедь (к,уук).
Фото А.Г. Боровика

ря юпика о-ва Св. Лаврентия эта зависимость в целом подтверждается: в нем различаются 75% средних и крупных видов (включая почти 90% самых крупных) и только 40% мелких — размером со скворца и/или воробья. В чаплинском юпике по списку А–Б, в последней категории осталось только 16% названий для известных видов; 60% — для средних и крупных видов (от гуся до галки); но слова для трех самых крупных птиц: канадского журавля, лебедя и беркута — сохранились.

Эти и другие сравнения списков, например, по степени различия морских и тундровых видов, подтверждают заключение Ирвинга об избирательности народных знаний (позже подтвержденное по другим народным «словарям» птиц, например у индейцев-тлинкитов — Hunn, Thornton, 2010, p. 204–206). Они показывают, что в языке чаплинский юпик наблюдается систематическое «выпадение» старых названий птиц, по сравнению с юпиком о-ва Св. Лаврентия и инупиакскими диалектами Аляски. Этот феномен требует специального обсуждения.

Словарь Айнаны – Богословской как отражение «языкового сдвига»

Всякий текст отражает состояние знаний и языка рассказчиков и их окружения на определенный период времени. Разумеется, дата определяется не годом на обложке или временем записи материала. Народные знания не остаются неизменными; язык постоянно обогащается, заимствует новые и теряет старые слова. В условиях контактов, школьного образования и печатных текстов на другом языке эти про-

цессы ускоряются, порой необратимо. Так возникает ситуация, которую лингвисты называют «языковым сдвигом» (Fishman, 1991; Вахтин, 2001).

Азиатские эскимосы-юпик последние 200 лет жили в условиях активных контактов с представителями других культур и языков (Krupnik, Chlenov, 2013). За последние 60 лет эти контакты усилились лавинообразно. В 1960-е гг. на Чукотке появилось первое поколение эскимосских детей, которые говорили уже в основном или исключительно по-русски. Теперь это уже немолодые люди, и их взрослая жизнь прошла в иноязычном окружении и в мире другого языка.

Поэтому, сравнивая разные списки экологической лексики, надо помнить, какой хронологический период народных знаний они отражают. Эскимосский словарь Е. С. Рубцовой, изданный в 1971 г., опирается на лексику и фольклорные тексты, собранные в 1940-е гг., часто от людей, родившихся в конце XIX в. или начале XX в. (Крупник, 2015). Словарь Рубцовой, таким образом, отражает «срез» народных знаний (к сожалению, весьма неполный), когда среднее и старшее поколение эскимосов еще говорили «по-старому». Примерно к тому же времени относятся эскимосские названия птиц, записанные Л. И. Портенко в бухте Провидения, вероятно в Уреликах в 1930-е гг.

Следующий по времени источник, «Практикум» Вахтина-Емельяновой (1988) отражает другую эпоху. Н. В. Емельянова записывала чаплинскую лексику в 1960–70-е гг. Когда Н. Б. Вахтин проверял словник Емельяновой в 1984 г. (см. статью Н. Вахтина), он работал в основном с носителями языка, родившимися в 1930–40-е гг.; число старейшин, помнивших старую лексику, сократилось до минимума.

Словарь Айнаны — Богословской можно датировать тем же периодом. Три главных информанта: Николай Гальгаугье (1935–1995), Людмила Айнана (1934) и Пётр Тыпыхкак (1933–2000) — были почти ровесниками; их знания отражали культурную лексику, которой владели 40-летние и старшие по возрасту люди в 1970-е гг. Тогда в охотничьих бригадах в Сирениках и в Чаплино было еще много людей, свободно говоривших по-эскимосски (Богословская, Крупник, 2008). К концу 1990-х гг. от этой когорты остались единицы.

Проведя такую датировку источников, мы можем проследить, как менялся набор эскимосских названий птиц и в целом культурная лексика азиатских эскимосов в XX веке под влиянием языкового сдвига.

Для сравнения мы также привлечем известные списки названий птиц у эскимосов и других коренных народов Аляски.

Исходная точка отсчета (ее можно назвать традиционным лексиконом) характеризуется следующими признаками: 1) очень широкими знаниями, с полной номенклатурой (более 100 единиц) для всех известных биологам видов птиц данной местности, многими синонимами или параллельными названиями для местных видов и названиями некоторых видов из соседних регионов; 2) развитой системой половозрастных терминов, особенно для крупных и знаковых видов птиц; 3) обширным пластом культурной лексики, связанной с охотой и использованием птиц; 4) важной символической ролью птиц в фольклоре и ритуальной традиции; названиями для мифологических птиц. У азиатских эскимосов названия птиц широко использовались также в качестве личных имен. В родословных начала XX в. известны: *Мытыльюк* (ворон), *Ийя-ика* (канюк), *К,авак*, (утка), *Наг,уя* (чайка), *Югъаю* (гагара), *Тагра* (гага), *Альпын*, *Альпавын* (от *альпа* — гага), *Гальган,а*, *Гальгата*, *Гальгауи* (от чук. *гальга* — чайка), *Тыглялявын* (от чук. *тыгля* — сова) и др. В этот период народная номенклатура намного богаче той, что используют ученые-орнитологи, в том числе за счет синонимов и связанной культурной лексики. Такое состояние отражают списки эскимосских названий птиц, записанные Л. Ирвингом на Аляске в 1950-е гг.; современные знания стариков-юпик в Западной Аляске, словарь атапасков-денайна (Kari, 2009), фольклорные тексты Рубцовой, записанные в 1940-е гг. и, отчасти, инупиакский список птиц из словаря Э. Мак-Лэйн (2014), в котором уже видны признаки следующей стадии.

Начало языкового сдвига можно проследить по следующим изменениям птичьего «лексикона». Уменьшается число синонимов для всех видов и начинают выпадать слова для мелких видов птиц, сначала для воробьиных, потом для ржанковых. Сокращается половозрастная номенклатура; одни и те же названия используются для обозначения нескольких видов, но крупные и «знаковые» птицы (хищные, гагары, совы, утки) пока не затронуты. Культурная лексика, связанная с птицами, остается богатой, с большим числом слов для старых реалий одежды, пищи, фольклора и т.п. Эту первую фазу языкового сдвига отражает список птиц в словаре языка юпик о. Св. Лаврентия (Jacobson et al., 2008), а в области культурной лексики (но не видовой!) — словарь Е. С. Рубцовой (1971).

С продолжением языкового сдвига лексикон национальных названий птиц сокращается до примерно половины известных биологам местных видов; при этом начинают выпадать названия не только для мелких, но и некоторых крупных и знаковых видов (гагары, совы, хищные и т.п.). Половозрастная номенклатура сильно сокращается и сохраняется лишь для отдельных видов. То же происходит с синонимами: информанты уже плохо их различают и затрудняются объяснить. Названия для мифологических птиц исчезают; но сохраняются элементы традиционной лексики и память о фольклорных текстах. Прежние видовые названия часто используются для целых групп птиц, вроде *к,авак*, («любая утка»), *к,авамсиг,ак*, («любая маленькая птичка»), *ту-рик* («любой кулик») Эту фазу языкового сдвига можно назвать продвинутой (*advanced*); она отражена в списках Вахтина — Емельяной (В–Е) и Айнаны — Богословской (А–Б), а на Аляске — в современном словаре названий птиц у индейцев-тлинкитов, где остались термины для 89 из 236 известных биологам видов, из которых 173 считаются «обычными» или «встречающимися» (*common*) (Hunn, Thornton, 2010, p. 205).

Следующая стадия характеризуется дальнейшим упрощением номенклатуры национальных названий для всего состава фауны; при этом могут выпадать целые группы или культурные категории. Взамен используются термины и классификации из другого языка, часто построенные по принципу переводов старых названий. Эта стадия языкового сдвига может быть названа активной (*active*). Ее отражением служит список названий птиц из науканского словаря (Головки и др., 2004) и по недавней записи от чаплинского охотника Юрия Ятта (1961 г. рожд.— см. статью Апалю и др.).

И, наконец, на заключительной стадии языкового сдвига большинство названий видов заимствовано из другого языка и сохраняются лишь единичные старые слова или их «переводы». У нас нет аборигенных списков птиц, отражающих эту ситуацию; но ее иллюстрацией может служить современная русскоязычная терминология для морского льда у эскимосов с. Новое Чаплино («припай», «кромка», «шуга» и т.п.), где лишь несколько старших охотников знают отдельные эскимосские названия. Так же выглядит список терминов для морского льда, записанный Дж. Висниевским (Wisniewsky, 2010) в пос. Шишмареф на Аляске, в котором заметную часть составляют английские термины.

Такое состояние может быть устойчивым. Когда люди переходят на другой язык, они оставляют одну лексику, но взамен обретают другую. Современные охотники, как и их отцы и деды, продолжают внимательно наблюдать за погодой, животными и птицами (ср. Боровик, 2013), пусть и передают свои наблюдения в основном или исключительно по-русски. Так в их лексикон входят русские «гаги», «крячки», «топорки», «утки» и «чайки», для которых в эскимосском языке были десятки названий. Поскольку местным охотникам нужны точные определения, неизбежен их переход к русской биологической терминологии («берингов баклан», «очковая гага» и проч. — см. статью Апалю и др.). Она не менее богата, чем старая эскимосская или чукотская, хотя и совсем другая.

Национальные знания при этом не становятся «русскими», поскольку специальная лексика или отдельные слова из старого языка, или даже их «следы» в форме переводов могут сохраняться длительное время. Этот факт известен на примере других областей эскимосских народных знаний, например, терминов для морского льда (Богословская, Крупник, 2013), символики экологического пространства (Krupnik, Vakhtin, 1997), ритуальной практики (Опарин, 2013). Поэтому составление словарей национальной экологической лексики, как и распространение ее в школьном образовании, публикациях по культурному наследию и в общественной сфере очень важны для ее поддержания в условиях языкового сдвига. Именно в этом значении словаря «традиционной эскимосской лексики природопользования», над которым Богословская работала до последних дней.

Что дальше?

Очевидно, надо приложить все силы, чтобы словарь Айяны — Богословской был напечатан, полностью или по частям, или стал доступен в электронном или другом варианте. Он нужен для молодого и среднего поколения эскимосов, педагогических работников, специалистов по культурному наследию, ученых-лингвистов и всех, кому интересны народные экологические знания и важно сохранение родных языков и культур Чукотки. Огромный труд, занявший почти двадцать лет, должен принести результаты!

Составленный Айнаной и Богословской словарь эскимосской лексики природопользования нужен и для широких культурных сравнений. Только имея такие детальные и четко датированные «срезы» народной лексики, мы можем анализировать структуру народных знаний, их соотношение с научными знаниями и сигналы «языкового сдвига». Замысел Л. С. ввести в словарь английские переводы терминов и латинские названия видов животных, птиц и растений позволяет сравнивать лексику азиатских эскимосов-юпик и других аборигенных групп Арктики. Без такого элемента анализ главы о птицах был бы невозможен и эта статья, скорее всего, не была бы написана.

Важный шаг, который предстоит сделать — это записать лексикон современных охотников Чукотки, эскимосов и чукчей (см. статью Апалю и др.), детей и внуков информантов Богословской, пра-правнуков информантов Рубцовой. В этом следующем словаре эскимосские термины будут перемежаться с русскими «гагами» и «топорками», хотя общий список известных охотникам названий птиц может насчитывать десятки видов. Но в нем уже не будет таких особых слов вроде *к, иг, унык*, (*qighuneq*) — «молодая гага, слишком жирная, чтобы летать» (Jacobson, 2008, p. 413), терминов для орлов, охотящихся на китов или птичек, разговаривающих человеческим голосом. Эти названия остались в мире прошлых поколений, как и 50 чаплинских слов для разных видов птиц, которые знали информанты Богословской в конце прошлого века.

Лексика, связанная с птицами, составляет огромный пласт народной культуры. Она дает богатый материал для широких сравнений, поиска культурных и языковых связей и закономерностей. В этой статье мне хотелось не только показать значение главы о птицах и в целом «экологического словаря» Айнаны — Богословской, но и продолжить работу над ним, пусть в ином направлении. Хочется верить, что без Л.С. жизнь ее любимого детища не закончится.

Благодарность

Идея провести анализ главы о птицах из экологического словаря Айнаны — Богословской возникла у меня в июне 2015 г., после чтения первого варианта статьи Н. Б. Вахтина, подготовленной для настоящего сборника. Я благодарен ему за этот творческий импульс, а также за последующие замечания и сведения о его работе в Сирениках в 1984 г. П. А. Алейников поделился со мной подробностями истории создания

словаря, Майкл Краусс — историей записи названий птиц у науканских эскимосов и на острове Св. Лаврентия, а Энн Фиенуп-Риордан (Ann Fienup-Riordan) — сведениями о возможном числе названий птиц у эскимосов Западной Аляски. А. Б. Савинецкий, А. В. Зименко и Р. И. Злотин прочли первый вариант этой статьи критическими глазами орнитологов. Для иллюстрации статьи использованы фотографии, которые любезно предоставили А. В. Апалю, Е. С. Богословская, А. Г. Боровик, И. А. Загребин, Б. М. Звонов, Н. И. Калюжина и Н. Б. Конюхов. Спасибо всем им за помощь. Во время работы над статьей больше всего мне не хватало участия Л. С. Богословской, ее знаний и доброжелательной критики. Она несомненно была бы ее соавтором и первым читателем. К сожалению, нам предстоит учиться писать такие статьи без нее. Светлая ей память!

Литература

- Бёме Р. Л., Кузнецов А. А. Птицы открытых и околоводных пространств СССР: Полевой определитель. — М.: Просвещение, 1983.
- Богословская Л. С., Вотрогов Л. М. Массовые зимовки птиц и китов в полыньях Берингова моря // *Природа*, 1981. № 11. С. 42–43.
- Богословская Л. С., Крупник И. И., ред., сост. Наши льды, снега и ветры: Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки // *Наследие Берингии*. Вып. 2. — Москва–Вашингтон: Институт Наследия, 2013.
- Богословская Л. С., Крупник И. И. Традиционный морской промысел Чукотки на рубеже веков: Смена поколений // *Тропюю Богораза: Научные и литературные материалы* / Ред., сост. Л. С. Богословская, В. С. Кривощёков, И. И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2008. С. 166–174.
- Богословская Л. С., Звонов Б. М., Конюхов Н. Б. Колонии морских птиц на восточном побережье Чукотского полуострова // *Изучение и охрана птиц в экосистемах Севера*. — Владивосток: Дальневосточный научный центр РАН, 1988. С. 24–27.
- Богословская Л. С., Слугин И. В., Загребин И. А., Крупник И. И., ред., сост. Основы морского зверобойного промысла. — Москва–Анадырь: Институт Наследия, 2007.
- Боровик А. Г. Записи наблюдений на участке «бухта Ткачен–бухта Провидения» 26 ноября 2007 г. — 30 июня 2008 г. // *Наши льды, снега и ветры: Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки* / Ред. Л. Богословская, И. Крупник // *Наследие Берингии*. Вып. 2. Москва–Вашингтон: Институт Наследия, 2013. С. 246–265.
- Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. — СПб: Дмитрий Буланин, 2001.
- Вахтин Н. Б., Емельянова Н. М. Практикум по лексике эскимосского языка. — Л.: Просвещение, 1988.
- Головки Е. В., Добриева Е. А., Джейкоб-

- сон С., Краусс М. Словарь языка нау- канских эскимосов. Фэрбенкс: Центр изучения языков коренного населе- ния Аляски, 2004.
- Крупник И. И. Сколько слов для льда у эскимосов (по материалам Между- народного полярного года 2007–2008) // *Studia Anthropologica*. Сборник ста- тей в честь М. А. Членова / Ред. А. М. Федорчук, С. Ф. Членова. — М.: Мо- сты культуры, 2010. С. 411–445.
- Крупник И. И. Сведения о рассказчиках Е. С. Рубцовой // Приложение к тек- стам Е. С. Рубцовой / Сост., ред. Н. Б. Вахтин. — СПб, 2015.
- Опарин Д. А. Поминальный обряд азиат- ских эскимосов и современное риту- альное пространство Нового Чапли- но и Сиреников // *Этнографическое обозрение*, 2013. № 2. С. 53–69.
- Портенко Л. А. Птицы Чукотского полу- острова и острова Врангеля. — Л.: Наука. Т. 1–1972. Т. 2–1973.
- Ранаврольтын Г. И., сост. Чукотско-рус- ский тематический словарь. Руко- пись. Анадырь, 2005.
- Рубцова Е. С. Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект). Часть 1. — М.-Л.: АН СССР, 1954.
- Рубцова Е. С. Эскимосско-русский сло- варь. — М: Советская энциклопедия, 1971.
- Томкович П. С., Сорокин А. Г. Фауна птиц Восточной Чукотки // *Распростране- ние и систематика птиц (Исследова- ния по фауне Советского Союза) / Тр. зоол. музея МГУ*, 1983. Т. 21. С. 77–159.
- Bailey, A. M. The Birds of Cape Prince of Wales, Alaska // *Proceedings of the Colorado Museum of Natural History*, 1943. Vol. XVIII, N. 1.
- Berlin B., Breedlove D. E., and P. E. Raven. Folk taxonomies and biological classifica- tion // *Science*, 1996. Vol. 154, N. 3746, P. 273–275.
- Bulmer R. Why is the Cassowary not a bird? A problem of zoological taxonomy among the Karam of the New Guinea Highlands // *Man*, n.s., 1967. Vol. 2, N. 1, P. 5–25.
- Bulmer R. Folk biology in the New Guinea Highlands // *Social Science Information*, 1974. Vol. 13, P. 9–28.
- Dorbrieva, E. A., Golovko E. V., Jacobson S. A., and M. E. Krauss. *Naukan Eskimo Yupik Dictionary*. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 2004.
- Fay F. H., Cade T. J. An Ecological Analysis of the Avifauna of St. Lawrence Island, Alaska // *University of California Publi- cations in Zoölogy*, 1959. Vol. 63, N. 2, P. 73–150.
- Fienup-Riordan A. n.d. “They Say They Have Ears Through the Ground: Human and Non-Human Relations in South- west Alaska”. Manuscript (цитируется с разрешения автора).
- Fishman J. *Reversing language shift: Theory and practice of assistance to threatened languages*. Clevedon: Multilingual Mat- ters, 1991.
- Friedmann H. The birds of St. Lawrence Is- land, Bering Sea // *Proceedings of the U.S. National Museum*, 1932. Vol. 80, N. 12, P. 1–31.
- Hunn E. S., Thornton T. F. Tlingit birds: An annotated list with a statistical analysis // Sonia Tidemann and Andrew Gosler, eds. *Ethno-ornithology. Birds, Indige- nous Peoples, Culture and Society*. Lon- don: Earthscon, 2010. P. 181–209.
- Irving L. The Naming of Birds by Nunamiut Eskimos // *Arctic*, 1953. Vol. 6, N. 1, P. 35–43.
- Irving L. On the Naming of Birds by Eski- mos // *Anthropological Papers of the*

- University of Alaska, 1958. Vol. 16, N. 2, P. 61–77.
- Jacobson S. A., Womkon Badten (Aghnagh-pik) L., Oovi Kaneshiro (Uqiitlek) V., Oovi (Uvegtu) M., Koonooka (Petuwaq) C., comps.* St. Lawrence Island/Siberian Yupik Eskimo Dictionary. Vols. 1–2. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 2008.
- Kari J.* Dena,ina Topical Dictionary. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 2007.
- Konyukhov N. B., Bogoslovskaya L. S., Zvonov B. M., Van Pelt T. I.* Seabirds of the Chukotka Peninsula, Russia // Arctic, 1998. Vol. 51, N. 4, P. 315–329.
- Krupnik I., Aporta C., Gearheard S., Laidler G. J., Kielsen Holm L.* SIKU: Knowing Our Ice. Documenting Inuit sea-ice knowledge and use. Dordrecht: Springer, 2010.
- Krupnik I., Chlenov M.* Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. Fairbanks: University of Alaska Press, 2013.
- Krupnik I., Müller-Wille L.* Franz Boas and Inuktitut Terminology for ice and snow: From the emergence of the field to the “Great Eskimo Vocabulary Hoax” // Igor Krupnik, Claudio Aporta, Shari Gearheard, Gita J. Laidler, and Lene Kielsen Holm. SIKU: Knowing Our Ice. Documenting Inuit sea-ice knowledge and use. Dordrecht: Springer, 2010. P. 377–400.
- Krupnik I., Vakhtin N.* Indigenous Knowledge in Modern Cultures. Siberian Yupik Ecological Knowledge in Transitions // Arctic Anthropology, 1997. Vol. 34, N. 1.
- MacLean E., comp.* Inupiatun Uqaluit Tanik-tun Sivuninit/Inupiaq to English Dictionary. Fairbanks: Alaska Native Language Center and University of Alaska Press, 2014.
- Majnep I. S., Bulmer R.* Birds of My Kalam Country. Auckland: Auckland University Press, 1977.
- Murie O. J.* The Birds of St. Lawrence Island, Alaska // Archaeological Excavations at Kukulik, St. Lawrence Island, Alaska/ Otto W. Geist and Froelich G. Rainey / University of Alaska Miscellaneous Publications 2. Washington DC, 1936. P. 361–376.
- Norton D. W. Brower J., Macy B.* 1993. Checklist of Birds, Barrow, Alaska. www.northslope.org/departments/wildlife-management/studies-and-research-projects/migratory-birds/more-bird-resources
- Palmén J. A.* Bidrag till kännendomen om Sibirska ishafkustens fogelfauna enligt Vega-Expeditionens // Vega-Expeditionens vetenskapliga iakttagelser. Vol. 5. Stockholm, 1887. P. 241–511.
- Tidemann S., Gosler A. G.* Ethno-ornithology: Birds, Indigenous Peoples, Cultures, and Society. London: Earthscan, 2010.
- Walunga W., comp.* St. Lawrence Island Curriculum Resource Manual. Gambell: Materials Development Center (manuscript), 1986.
- Whiting A., Griffith A. D., Jewett S., Clough L., Ambrose W., Johnson J.* Compiling Inupiaq and Scientific Knowledge. Ecology in Northern Kotzebue Sound, Alaska. Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, 2011.
- Wisniewski J.* Knowing about Sigu: Kigiqta-miut Hunting as an Experiential Pedagogy // Igor Krupnik, Claudio Aporta, Shari Gearheard, Gita J. Laidler, and Lene Kielsen Holm. SIKU: Knowing Our Ice. Documenting Inuit sea-ice knowledge and use. Dordrecht: Springer, 2010. P. 275–294.

Приложение 1

СОДЕРЖАНИЕ

«Словаря лексики традиционного природопользования
азиатских эскимосов-юпик»

(Составители Л. И. Айнана и Л. С. Богословская, 2008 г.)

Предисловие

(на русском и английском)

Как пользоваться словарём

(на русском и английском)

Часть 1. Животные и растения

Морские звери

Термины, связанные с моржом

Наземные звери

Птицы

Рыбы

Беспозвоночные

Группировки и поведение животных

Части тела животных

Растения

Часть 2. Традиционная промысловая деятельность

Охотники

Охотничье снаряжение

Рыболовство

Собирательство

Оленеводство

Продукция морского промысла, охоты,
олeneводства

Места обработки добычи

Часть 3. Традиционный транспорт

Ездовые собаки

Маломерные суда и лодки

Часть 4. Дом

Жилище

Пища

Одежда и обувь

Верования

Часть 5. Окружающий мир

Времена года. Традиционный
календарь

Сутки, время суток

Страны света

Ветры

Ландшафты

Место, пространство

Погода

Осадки

Ледовые условия

Состояние моря

Алфавитные указатели (Индексы)

Чаплинский язык; Русский язык

Научные названия растений

и животных на латинском языке

Литература

Приложение 2

СЛОВАРЬ ЛЕКСИКИ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ-ЮПИК (Составители Л. И. Айнана и Л. С. Богословская)

Раздел «Птицы»

Первое слово — чаплинский юник, затем русский перевод, затем английский перевод, затем латинское обозначение. [Добавлены обозначения в скобках: (В-Е) — Вахтин, Емельянова, 1988; (П) — Портенко, 1972–73; (Р) — Рубцова, 1971]

ааляк, (см. **ка́н,г,ва:к**) // утка-морянка // oldsquaw // *Clangula hyemalis* L.

аглы́кысыг,а́к, // сибирская гага // Steller's eider // *Polystrieta stelleri* Pallas (П; В-Е)

аг,на:нык, // самка птицы любого вида // bird female (В-Е)

акма́ли:г,ак, // конюга-крошка // least auklet // *Aethia pusilla* Pallas (В-Е)

ак,фа:сюк // шилохвость // northern pintail // *Anas acuta* L. (Р)

ак,ырги:к, // белая куропатка // willow grouse // *Lagopus lagopus* L. (Р)

альпа́ // 1) кайра толстоклювая // thick-billed murre // *Uria lomvia lomvia* L.; 2) кайра тонкоклювая // common murre // *Uria aagle* Pontoppidan (самостоятельное название этого вида утрачено эскимосами к началу 1980-х гг.) (Р; П; В-Е)

ани́па (см. **тыг,ля́**) // белая сова // snowy owl // *Nyctea scandiaca* L. (Р; П; В-Е)

атх,а:х,к,ук,аю́к // перелетная птица // bird of passage (Р)

ах,к,у́льюк // глупыш // northern fulmar // *Fulmarus glacialis* L.

кану́льга // поморник (любой вид) // jaeger // *Stercorarius* sp. (В-Е)

ка́н,г,ва:к (см. **ааляк**,) // утка-морянка // oldsquaw // *Clangula hyemalis* L. (Р; П; В-Е)

ка:н,у // канадская казарка // canada goose // *Branta canadensis* L. (Р)

капу́таг,а́к, // тонкоклювый буревестник // short-tailed shearwater // *Puffinus tenuirostris* Temminck (Р; П; В-Е)

куйку́на // утенок // duckling (Р)

куйку́на:г,ах,а́к, // маленький птенец гаги // eider chick (Р; В-Е)

ку́руги:г,ак; **ку́ругик;** **ку́руг,ьяк**, // белая чайка // ivory gull // *Pagophila eburnea* Phipps (П; В-Е)

к,агин,и:г,ак, // утка-каменушка // harlequin duck // *Histrionicus histrionicus* L. (В-Е)

к,ак,сю́н,ик, (см. **ю:н,ага́к**) // трехпалая чайка, или моевка // black-legged kittiwake // *Rissa tridactyla* L. (П; В-Е)

к,атыг,йи́г,ак, (см. **к,ава́мси:г,ак**,) // 1) пуночка // snow bunting // *Plectrophenax nivalis* L.; 2) любая воробьиная птица // any passerine bird (П; В-Е)

к,аты́пак // селезень обыкновенной гаги в брачном наряде // common eider male in nuptial plumage (Р; В-Е)

к,ава́к // любая крупная птица // any big bird (Р; В-Е)

к,ава́мси́:г,ак, (см. **к,атыг,йи́г,ак,**)
// 1) любая мелкая птица // any small
bird; 2) пуночка // snow bunting //
Plectrophenax nivalis L.; 2) мелкая во-
робьиная птица // small passerine bird
(P; B-E)

к,ава:пик // утка-кряква // mallard //
Anas platyrhynchos L. (P)

к,ава:хпага́г,ак, // орленок (беркут)
// eagle chick young (P)

к,ава:хпага́г,ах,ак, // маленький пте-
нец орла беркута // eagle nestling (P)

к,ава:хпак // 1) орел беркут // golden
eagle // *Aquila chrysaetos* L.; 2) любая
большая птица // any big bird (P; B-E)

к,ава:хпак аг,на́нык, // орлица (бер-
кут) // female golden eagle

к,увы́хси:(к,увумси́г,ак,?) // лапланд-
ский подорожник // Lapland longspur
// *Calcarius lapponicus* L. (П; B-E)

к,ук // 1) малый лебедь // Bewick's
swan // *Cygnus bewickii* Yarrell; 2)
американский лебедь // tundra swan //
Cygnus columbianus Ord (P; П; B-E)

к,ули́г,ьяк, // плосконосый плавун-
чик // red phalarope // *Phalaropus*
fulicaria L. (B-E)

к,упук,ша́к; купык,ша́к, // селезень
обыкновенной гаги // common eider
male // *Somateria molissima* L.

к,упшу́г,ак, // топорок // tufted puffin
// *Fratercula (Lunda) cirrhata* Pallas (P;
П; B-E)

к,ын,а́лык // самец гаги-гребенуш-
ки // king eider male // *Somateria*
spectabilis L. (P; B-E)

лью́:я́к, // 1) сокол-сапсан // peregrine
falcon // *Falco peregrinus* Turnstall
2) кречет // gyrfalcon // *Falco rusticolus*
L. 3) ястреб-тетеревятник // northern
goshawk // *Accipiter gentilis* L. (P; П; B-E)

лы́х,лъя́к, // гусь (любой вид?) //
goose (any?) // *Anser sp.?* (P; П; B-E)

ман,а:к, (см. **ун,лю́н**) // гнездо с яй-
цами // nest with eggs (B-E)

мани́к // яйцо // egg (P)

мытх,а́к, (см. **та:гра**) // 1) обыкновен-
ная гага // common eider // *Somateria*
molissima L. 2) самка обыкновенной
гаги // common eider female (P; П; B-E)

мыты́х,лъя́к // ворон // common
raven // *Corvus corax* L. (P; П; B-E)

наг,у́я // 1) чайка-бургомистр //
glaucous gull // *Larus hyperboreus*
Gunnerus 2) серебристая чай-
ка (см. **наг,уяпик**) // herring gull
(see **наг,уяпик**) // *Larus argentatus*
Pontoppidan 3) тихоокеанская чайка
// slaty-backed gull // *Larus schistisagus*
Stejneger (P; П; B-E)

наг,уя:г,а́к, (см. **угра:к,**) // птенец
серебристой чайки // herring gull
nestling (P)

наг,уяпик (см. **наг,у́я**) // серебристая
чайка // herring gull // *Larus argentatus*
Pontoppidan (P; B-E)

нан,к,ва́лык // белоклювая гагара
// yellow-billed loon // *Gavia adamsii*
Gray (П; B-E)

н,и:к,ак, // гусь-гуменник // bean
goose // *Anser fabalis* Latham (P)

н,ыльк,а́г,ак, // молодой берингий-
ский баклан

н,ыльк,а́к, // берингийский баклан
// pelagic cormorant // *Phalacrocorax*
pelagicus Pallas (P; П; B-E)

пагру́г,ак, // ипатка // horned puffin //
Fratercula corniculata Naumann (P; П;
B-E)

папы́хпальюк, // белая трясогузка
// white wagtail // *Motacilla alba* L. (P;
B-E)

сывьыйыг,ак, // птенец чайки // seagull nestling

сюг,мыг,ак, // плавунчик (любой вид) // phalarope (any) // *Phalaropus sp.* (P; П; В–Е)

сюкильпа // большая конюга // crested auklet // *Aethia cristatella* Pallas (P; В–Е)

сюкльюграк, // белобрюшка // parakeet auklet // *Cyclorhynchus psittacula* Pallas (П; В–Е)

сюхтүвак (см. **турик**) // любой длинноклювый кулик // any of long-billed shorebirds (*Charadriiformes*) (В–Е)

сямсых,аг,ак, // 1) обыкновенный чистик // *Cerpphus grylle* Pallas 2) тихоокеанский чистик // pigeon guillemot // *Cerpphus columba* Pallas (самостоятельные эскимосские видовые названия не установлены) (P; П; В–Е)

сятылгак, // канадский журавль // sandhill crane // *Grus canadensis* L. (P; П; В–Е)

та:гра // гага обыкновенная // common eider // *Somateria mollissima* L. (P; В–Е)

таги:тугик; **тагитугьяк**, // короткоклювый пыжик (название этой птицы встречается в заклинаниях) // Kittlitz's murrelet // *Brachyrampus brevirostris* Vigors (П)

ти:льма // белоплечий орлан // sea eagle // *Haliaeetus pelagicus* Pallas (В–Е)

турик (см. **сюхтүвак**) // любой короткоклювый кулик // any of the short-billed shorebirds (*Charadriiformes*) (P; П; В–Е)

тыг,ля (чукот.), **тык,ыл** (см. **анипа**) // белая сова // snowy owl // *Nyctea scandiaca* L. (P; В–Е)

тыг,ляг,ак, // совенок // snowy owl chick

тыкыйи:г,а // полярная крачка // arctic tern // *Sterna paradisaea* Pontoppidan (П; В–Е)

угра:к, (см. **нагуя:г,ак**) // птенец серебристой чайки // herring gull nestling // (P; П)

ун,люн (см. **ман,а:к**) // гнездо с яйцами // nest with eggs (P; В–Е)

ухтаг,ак, // птица, сидящая на льду или берегу // bird on the ice or on the shore (P)

югүаю (юваю) // 1) гагара (все виды, кроме белоклювой гагары) // loon (all species except the yellow-billed loon, *Gavia adamsii*) // *Gavia sp.* 2) краснотобая гагара // red-throated loon // *Gavia stellata* Pontoppidan (P; П; В–Е)

юн,аг,ак, (см. **к,ак,сюн,ик**) // трехпалая чайка, или моевка // black-legged kittiwake // *Rissa tridactyla* L. (P; П; В–Е)

ячик,а // зимняк // rough-legged hawk // *Buteo lagopus* Pontoppidan (В–Е)

ГРУППИРОВКИ

И ПОВЕДЕНИЕ ПТИЦ

атх,ах,к,уг,а:к,ут // улетают на юг (о птицах) // fly south (in ref. to birds) (P)

к,ава:гьяк // рассеянная стая уток // dispersed duck flock (P)

к,ава:лгун // плотная стая уток // compact flock of ducks (P)

лыхлтыг,ьяк // стая гусей // (P)

налюгак,ук, // приземляется (о птице) // lands (of a bird) (P)

як,укыхся:г,ак,ук, // хлопает крыльями // hovers (P; В–Е)

яхтаг,аг,а:к,ук, // парит // flaps the wings (P; В–Е)

Птицы Сиреников 1984 года (наброски к мемуарам)

Н. Вахтин

*То в памяти моей все птицы Наукана
слетаются ко мне,
слетаются ко мне!..*

Зоя Ненлюмкина

Людмилу Сергеевну Богословскую я впервые увидел, кажется, в Москве, в начале восьмидесятых, то ли в гостях у Игоря Крупника, то ли на каком-то заседании: следов этого события ни в памяти, ни в записях не сохранилось. Однако настоящее мое с ней знакомство произошло ле-

*Л.С. Богословская в Сирениках, май 1984 г.
Фото Н.Б. Колюхова*

том 1984 года, когда мы оказались вместе на Чукотке. От той поездки у меня осталось много записей: дневник, который я вел в течение всех трех месяцев, и письма домой, жене, в которых я описывал свою жизнь. На эти письменные свидетельства я и опираюсь, потому что надеяться на память, увы, не приходится.

Но сначала – немного о том, почему и зачем я поехал на Чукотку в 1984 году. В то время я работал в Институте языкознания АН, ныне – Институт лингвистических исследований, в Секторе палеоазиатских и самодийских языков. В мою задачу входил сбор полевого материала по языку азиатских эскимосов и описание этого языка – грамматическое и лексическое. Язык

этот относился в то время к категории недостаточно описанных: был большой словарь (Рубцова, 1971), была двухтомная грамматика (Меновщиков, 1962, 1967), но многие области языка оставались темны, и единственно, как можно было на эти области пролить какой-то свет – это задать соответствующие вопросы носителям этого языка, причем не любым, а тем, кто говорил на нем с детства и говорил хорошо. А для этого нужно было ехать туда, где эти носители жили – то есть на юго-восточное побережье Чукотки.

В тот год у моей поездки была тройная задача: во-первых, я должен был собрать материал по некоторым аспектам грамматики трех эскимосских языков – чаплинского, науканского и старосиренинского^{*}; во-вторых, у меня был заказ от издательства «Просвещение» на написание пособия по лексике чаплинского эскимосского языка (эта книга вышла через несколько лет – Вахтин, Емельянова, 1988); и, кроме того, я должен был обследовать как минимум один эскимосский поселок с социолингвистической точки зрения: оценить степень утраты языка его носителями. Я планировал поехать в хорошо знакомый мне поселок Новое Чаплино, провести там большую часть времени, и затем ненадолго съездить в поселок Сиреники, в поисках носителей старосиренинского языка, и на север, в пос. Лаврентия, чтобы добрать науканский материал.

Однако с самого начала все пошло не по плану.

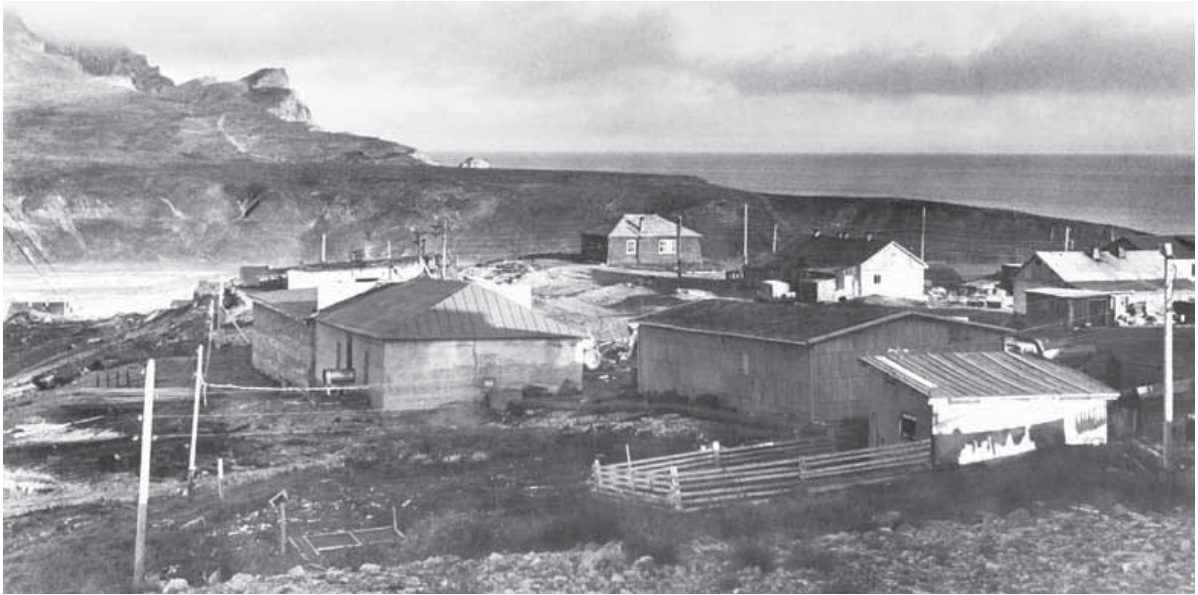
Из дневника, 10.05.1984:

«Был у Айнаны (Л.И. Айнаны. – Ред.), видел Богословскую и ее спутника Колю. Уговаривают меня ехать в Сиреники, если вместе с Айнаной – это имеет смысл».

Из письма жене 14.05.1984:

«Пришел к Айнане. Обнаружил у нее двух московских биологов – известную тебе, кажется, Людмилу Сергеевну Богословскую («Люси») и ее молодого сотрудника с редким именем Николай Борисович. Эта парочка собиралась на завтра выезжать в поселок Си-

* На западной (азиатской) стороне Берингова пролива в то время существовали три языка эскимосской группы: чаплинский (ун,азиг,мистун), науканский (нывук,аг,мистун) и (старо)сиренинский (ук,ых,льистун). Первые два относятся к группе юпик и довольно близки друг к другу, хотя и не полностью взаимопонятны; старосиренинский представлял собой осколок какой-то третьей ветви эскимосской группы, наряду с юпикскими и инуитскими. См. подробно: Вахтин, 2000.

Вид пос. Сиреники, лето 1980 г. Фото С.А. Богословского

реники, и уговаривать меня долго не пришлось. С точки зрения работы это все равно, могу там [в Чаплино], могу тут [в Сирениках]. А втроем веселее...»

Так я впервые оказался в Сирениках; как скоро выяснилось – это была большая удача. До этого работать с эскимосским языком мне доводилось только в Новом Чаплине (три года – в одиночку, и дважды – вместе с Евгением Головко), и там у меня сложился уже свой круг отличных помощников-информантов, людей, не просто хорошо владевших эскимосским языком, но и имевших то, что называется языковое чутье, вкус к обсуждению тонких оттенков речи и талант переводчика. Это, конечно, прежде всего, Федор Куяпа (1934–1996), прозванный нами «Федя – король информантов», с которым мы за предшествовавшие годы подружились и который очень многому меня научил – и в языке, и в жизни. В Чаплине я работал и с другими – с Мариной Сигунылик (1934–2000), с Глебом Наказиком (1943), с Владимиром Яттой (1933–1997)... Но того, что ждало меня в Сирениках, я, судя по дневнику и письмам, не ожидал.

Из дневника, 14.05.1984:

«Вчера был замечательный день. Часам к 11 пошел к Валентине Михайловне Выйе и сидел до двух часов – оказалось, что она может не только по-старосиреники, но и по-чаплински. Думаю прогнать с ней морфологическую программу, хотя бы десяток основ, и пере-

Эскимосские старейшины в пос. Сиреники на «празднике кита», лето 1988 г. Слева направо: У. Ухсима (1915 г. рожд.), Нунуна (1914), Пыну (1929), Пуззяк (1930), Анкана (1916), Панана (1919), В.М. Выйе (1917) и Сивугун (1916). Фото Н.Б. Конюхова

Арон Нутаугье (1941–2011) около 1980 г. Архив Н.П. Радунович

вести на старосиреникский язык. Это она может, как я вчера убедился. Затем работал с Ароном Нутаугье. Ему лет 40-45, человек, видимо, интересный; сделал с ним большой кусок пособия».

Из дневника, 16.05.1984:

«Чудесный сон продолжается. Этого не бывает, но вот уже четыре дня я работаю с полной нагрузкой: утром Асуйя (Ольга Мумихтыкак. – Ред.), с 11:30 до 13 – похозяйственные книги, потом обед, потом с 13:30 до 15:30 – Выйя, потом с 17 до 20 – Арон Нутаугье. Результаты: сегодня кончил переписывать [похозяйственную] книгу (полностью, всего 230 хозяйств). Имею практически полностью готовую первую часть морфологической программы + ее частичный перевод на старосиреникский + частично этот старосиреникский записан на (починенный радистом) магнитофон. Имею проверенными семь разделов части «Имена». В общем, какой-то бред. Такого не бывает».

В этом неожиданном для меня удачном старте не последнюю роль сыграли те два «московских биолога», которые и уговорили меня поехать в Сиреники, а не в Чаплино.

Из дневника, 16.05.1984:

«Бытовые подробности: живем втроем – Л.С. Богословская, Коля Конюхов и я – в комнате метров 16 квадратных, с двумя ок-

нами, тремя столами, шкафом и телевизором. Завтракаем чаем и хлебом с сыром; обедаю я в столовой, а они – опять чаем и хлебом. Ужин также не отличается разнообразием. Однако плитку я достал и на черный день держу (черный день – это воскресенье, когда не работает столовая). Мои сожители – люди приятные, весьма ненавязчивые, с утра уходят на берег на целый день – и я их не вижу до вечера. А они меня, ибо я целый день хожу по информантам».

Из письма 22.05.1984:

«Мне живется очень славно. Москвичи-биологи взяли на себя заботу обо всех бытовых делах, и я за их спинами живу аки падишах, вплоть до того, что они арендовали у совхоза помещение, в котором мы живем, а мне это ни копейки не стоит. Людмила Сергеевна – человек очень деловой и решительный, но, как ни странно, не раздражает этими своими качествами, так что мы друг друга легко переносим.

Началась морская охота. Это значит, что мои сожители с утра облачаются в сверхтеплые одежки и уходят на весь день со зверобоями «за моржой» – в буквальном смысле. Каждый вечер мы пожираем свежезаренную моржовую печенку в чудовищных количествах, запивая ее чаем. Это очень вкусно. Вчера был день рождения Коли, по каковому поводу норма печенки было удвоена, мы ее ели, ели, еле живы остались, и сейчас на полу в углу под телевизором (у нас есть телевизор!) стоит такой средних размеров таз, в котором плавают «остатки» – еще килограмма два приблизительно.

Работа моя двигается. Здесь есть несколько славных старушек, к которым я хожу по утрам и после обеда, есть очень толковый сорокатрехлетний эскимос по имени Арон... Здесь есть Айнана, а по слухам, сюда собирается приехать еще и Глеб Наказик из Чаплина – тогда мне просто незачем отсюда уезжать! Эти Сиреники – это такое лингвистическое Эльдorado. Мне тут нравится гораздо больше, чем в Чаплине. Пока поживу тут, а там видно будет».

Из письма 30.05.1984:

«Работа – очень интересная. Этот поселок сильно отличается от Чаплина, причем в лучшую сторону. Здесь народ как-то светлее, живее».

*Берег в пос. Сиреники с только что убитым моржом в прибойной полосе, лето 1980.
Фото С.А. Богословского*

Разделка моржей на берегу, Сиреники, лето 1980. Фото С.А. Богословского

*Сиреники, май 1984 г. В центре Н.Б. Вахтин, справа Л.И. Айнана и Л.С. Богословская.
Слева Валентина Юхак. Фото Н.Б. Конюхова*

Из дневника 24.05.1984:

«Темп работы несколько снизился, в основном по моей вине: я немного устал. Надо бы устроить себе воскресенье, но жаль, да и холодно – никуда не пойдешь. А так работа идет очень даже неплохо: вчера закончил раздел «Имена» в пособии, начал глаголы; по морфологической программе сделано больше половины, правда – первого этапа <...> Касательно прочей жизни: едим моржовую печень в неограниченных количествах, так как открылась морская охота. Пять бригад уходят в море каждый день, привозят моржей, лахтаков и нерп. Мои биологи ходят с ними, но, по-моему, им уже поднадоело, и скоро они снимутся с места. Как-то я без них?»

Из письма 30.05.1984:

«В моей жизни не происходит ничего особенного. Встаем рано, так как Коля уплывает с охотниками в восемь-полдевятого утра; потом он уходит в море, Богословская – в контору, а я сажусь работать или иду к информанткам (у меня есть три чудесных тётки, одна – особенное очарование, умница, не пьет, в очках и очень серьезная; ей под семьдесят, но быстрый ум, веселая – чудо, а не бабка! <...> Прихожу около четырех, обойдя всех, кого можно, и сижу вечер дома, обрабатываю то, что набрал за день. Сожители-биологи говорят, что у меня что-то с работоспособностью. Не знаю, возможно. Во всяком случае, пока я доволен результатами».

Я довольно быстро понял, как мне повезло, что я оказался в Сирениках, а не в Чаплине, и с биологами, а не один. По предыдущим поездкам на Чукотку (я впервые попал туда за десять лет до этого, в 1974 году, совершенно зеленым и неопытным аспирантом) я помнил, что самое тяжелое – это не холод, не бытовые трудности и не непривычная пища, а полное отсутствие нормального общения. Здесь этой проблемы не было совсем: даже после отъезда Людмилы Сергеевны (о чем см. ниже) остался Коля Конюхов, с которым мы подружились и жили душа в душу.

Все это, конечно, звучит идиллически – хотя на самом деле никакой идиллии не было. Вот запись в дневнике от 18 мая – одна из немногих записей, отражающих не мои тогдашние быт или работу, а скорее мои тогдашние мысли.

Из дневника 18.05.1984:

«Вчера крутили вечером по телеку кино «Государственная граница», про то, как это все начиналось. А чем кончилось – мы наблюдали поздно вечером на берегу. С утра в море ушли пять вельботов – но как ушли! Оказывается, теперь уходить или не уходить в море, решают пограничные власти, а им, естественно, спокойнее всего – запретить. Эскимосские бригады в этой ситуации попадают в положение заведомо виноватых школьников: их отпускают в море строго по часам, до 10 вечера; на берегу встречает пограничный наряд и отбирает судовую роль. Этот наряд (два худосочных вьюноша с рацией) переговаривались с заставой: «Десятый! Как меня получаешь? (пауза) У меня еще две калоши не пришли. Продолжаю патрулирование (пауза). До связи!» – и попозже: «Десятый! У меня все нормально, все вернулись, иду домой!».

Все это производит очень тяжелое впечатление: нечто вроде «военного поселения», где верховная власть, власть над всем и, прежде всего, над тем, что составляет смысл и содержание жизни эскимосов – над морем, – принадлежит людям, чей психический и культурный тип лежит просто в другом измерении. Они не понимают и не могут понять эскимосов, а те – не понимают и покоряются властям, как покорялись власти погоды, тугныгаков и хозяйки моря. По сравнению с этим резервации выглядят просто идиллией. И что интересно: ведь ситуация поправима! Нужно только, чтобы разные власти четко осознавали свои функции, чтобы пограничники не занимались регулированием морского промысла, а отдали бы это полностью во власть сельсовета, который быстро поймет, с какой стороны намазано масло, и будет вести себя в соответствии с выгодой. Но это невозможно, пока нами правит идея единства власти: есть «мы», народ, и «они», власть – одна, единственная и самодержавная, которой пишут (причем на самый верх) по любому поводу: от коммунальной склоки до пробивания рациональной новой технологии сквозь рутинеров-инженеров. И мысль «я – власть» (пусть «я» – всего лишь пограничный лейтенант) сразу тянет за собой эту вот пропагандой впечатанную фразу «за все в ответе», понимаемую не в первородном, моральном смысле, а впрямую: моя власть распространяется на все, до чего я могу дотянуться».

И почти через два месяца, уже в Чаплине, я к этому сюжету возвращаюсь.

Из дневника 8.07.1984:

«Куприн описывает, как зимой пришел в Балаклавскую бухту итальянский пароход с водолазами, поднимать со дна морского затонувший «Черный принц» с золотом, как сошли итальянские матросы на берег и, перемешавшись с греческими рыбаками, разошлись по пивным. Даже если бы существовало нынче правительственное соглашение, позволяющее иностранному судну спускать водолазов в нашей советской бухте, – воображаю, сколько бы скопилось на пристани пограничников, агентов в штатском и без, морской милиции и катеров, как протянули бы крепкие канаты, оттеснявшие толпу от пристани, как ни на минуту не спускали бы с происходящего глаз те, кто знает, как и что надо, что и кому можно! Как оттеснили бы, огородили запретами, канатами и рогатками толпу детей, которые сами не могут отвечать за свои поступки! Как оберегали бы их от неприятностей, от встреч, от «контактов с иностранцами»!

Если я кого и ненавижу в жизни, так вот этих вот знающих, что кому можно и что кому хорошо, доведших народ до положения покорных детей-имбецилов, знающих, что дядя директор и тетя воспитательница всё знают лучше них, всё объяснят и дадут, всему научат – и надо только тетю и дядю слушаться, и все будет хорошо. Рыбак, неделями сидящий на берегу, потому что не выправлены визы погранцов, освода, морфлота и еще черт знает чего. Эскимос, идущий в сельсовет за разрешением идти на рыбалку. Сотни примеров, которых я не могу вспомнить, потому что они в меня въелись. Они – как фон, как воздух».

Из дневника, 27.05.1984:

«Пришел пьяный мужик. Просил выпить, в обмен предлагал свой череп (!) для нужд науки. Он засек, что Коля собирает черепа птиц, и решил, что ему любые годятся».

Из дневника, 3.06.1984:

«Вчера – пьяная суббота, сегодня с утра ходят эскимосы, предлагают разные блага – меха, клыки, собственные черепа и свое тело

для нужд науки, а также во временное пользование. Они знают, что у биологов есть спирт, и вьются кругом, как мухи. От всего этого мы убежали, и сделали замечательную прогулку в бухту Кынлигак, где был когда-то старый поселок, а ныне только обвалившиеся мясные ямы, пограничный домик два на два метра, очень красивые обрывы и берега. История про зайца, умершего от страха, когда на него налетела машина <...> Заяц, испуганный со сна Людмилой Сергеевной и Колей, прыгнул, неловко перевернулся, упал и сломал себе хребет (этого зайца мы съели)».

Историю про зайца я хорошо помню, она достойна того, чтобы пересказать ее подробнее. Во время описанной выше прогулки в бухту Кынлигак мы действительно испугнули спавшего на тропе за камнем зайца, который взлетел свечкой метра на полтора и грянулся об землю – мертвый. Не знаю уж, что он там себе сломал или просто помер со страху от разрыва сердца, но зайца того мы положили в полиэтиленовый пакет и отнесли домой, и тем же вечером пошли в гости к жившей по соседству эскимосской семье. Хозяйка того зайца сварила, поставила на стол и другое какое-то угощение, мы уселись, стали есть – вкуснейшая зайчатина, свежая, нежная... Смотрю – хозяин налегает на хлеб и картошку, а зайца не трогает. «Почему, – говорю, – не ешь?» Он смутился: «Не могу, – говорит, – он травой воняет».

Это, наверное, было мое первое осознанное столкновение с культурным релятивизмом: нерпичий жир или мясо морского зверя ему, значит, не воняет, а свежайшая зайчатина – воняет... Я удивился, но промолчал – на это соображения хватило. Ну, не было у меня, лингвиста, никакого этнографического образования, и никто мне не объяснил в свое время, что у разных людей могут быть разные пищевые нормы... До всего пришлось доходить своим умом.

Из дневника 4.06.1984:

«Неделя прошла, как Людмила Сергеевна не может улететь. Каждый день с утра мы волочим рюкзаки на взлетную площадку военного вертолета, а затем начинается вскидывание на каждый звук любого мотора; на любой шум мы бросаемся наружу. Как правило, это трактор. Иногда мотоцикл. И вовсе редко – действительно военный вертолет, который присаживается на 10-15 секунд, выгружает несколько военных и, подняв жуткую желтую пыльную бурю,

улетает дальше. Мудрый Коля с утра ушел в море, а я только днем около двух с половиной часов работал с Выйе, а все прочее время участвую в этих очаровательных вскидываниях».

Из письма 2.06.1984:

«Мое к тебе третье письмо так и лежит у Богословской в сумке: берег забило льдом, кораблю не подойти, а на сопки лег плотный и низкий туман, так что и вертолет летает только пограничный, а он не берет пассажиров. Она никак не может уехать, сидит на рюкзаке и огорчается».

Из дневника 6.06.1984:

«Вчера, наконец-то, уехала на посудинке «Казанджи» Людмила Сергеевна. Пришел этот «Казанджи» в половине второго ночи, ушел – не знаю когда. Эффектное зрелище: белый пароход, трап, как хобот, спускается на льдину, а с этой льдины люди прыгают на берег».

Из письма 7.06.1984:

«Я как жил, так и живу. Единственное отличие – Богословская уехала, и теперь мы с Колей вдвоем остались. Признаться, за этот месяц она, Богословская, мне чуть-чуть надоела: она очень умная и приятная женщина, но вот беда – рот держать закрытым более пяти минут подряд она физически не способна. Месяц в одной комнате с радиоприемником, включенным в расчете на глуховатого пенсионера, – это немножко утомительно».

Из дневника 9.06.1984:

«...вчера пришлось долго не спать: приходил опять «Казанджи», и с ним передали нам с Колей привет от Айнаны и Людмилы Сергеевны: сгущенку, масло, зеленый огурец и пиво. Пир!»

Из письма 11.06.1984:

«...пошла рыба. Биолог-орнитолог Коля ездил с эскимосами за тридцать верст на вельботе на речку Курупку, привез семь рыбин примерно по два килограмма каждая – в тазу не помещаются! (Меня не пускают: для выхода в море надо специальный пропуск, у

меня его нет. То есть, конечно, можно было бы... но не хочется с пограничниками связываться: если накроют – будут неприятности)».

Из дневника 13.06.1984:

«Идет дождь... Мелкий, мерзкий, безнадежный. Настроение то-скливое, хотя оснований для тоски нет: работа движется, и очень неплохо. Еще и еще раз убеждаюсь: всё – и успех экспедиции, и количество, и полнота, и осмысленность собранного материала – зависит исключительно от степени предварительной подготовки. Тратя ежедневно два-три часа на тщательную подготовку того, что́ мне предстоит сделать сегодня, я собираю гораздо больше материала, чем если бы я шел к той же Выйе просто так, со смутной идеей, что́ именно я от нее хочу».

Из дневника 16.06.1984:

«Вчера закончил вторую проверку «Пособия»... Закончил полностью всю морфологическую программу по чаплинскому диалекту (плановую, то есть то, что планировал, и даже больше). Сделал полные сирениковские параллели ко многим формам, но не ко всем. Там работы дня на два. Еще надо расшифровать последние сказки постаросирениковски. А также еще масса прочих дел. Я очень доволен тем, как идет пока моя жизнь и работа, хотя погода оставляет желать. Постоянно, вот уже четвертый или пятый день, висит низкий, от 30 до 100 метров, туман, то поднимается, то падает; моросит мелкий дождь; на море сильный накат, а бухта, через которую ехать в пос. Провидения, еще толком не вскрылась. Поэтому мы сейчас отрезаны: ни вертолет, ни вездеход, ни «Казанджи» не ходят. Правда, сегодня из тумана выскочил военный вертолет, сел, увез больных и кассира за деньгами.

Вчера ели «копченую конюгу». Конюга – такая черненькая птичка с красненьким клювом, в очищенном и сваренном виде длиной сантиметров двенадцать. Копченая – потому что Коля перестарался, ее опалил. Съели по три штуки, вкусно, но перья и пух от них до сих пор летают по комнате.

Завелась мышь: маленькая, желтенькая, ест все подряд, включая сливочное масло, которое мерзнет на полу. Пришлось положить ей индивидуальный обед: кусочек масла и кусочек хлеба. Пусть жрет, только бы наше не трогала».

Из письма 18.06.1984:

«Орнитолог Коля натащил полную комнату мелких птичек с забавным названием «конюги». Головы он отрезал и сложил в банку с формалином, пух собрал в мешочек (он человек очень запасливый), перо пустил, к полному ужасу уборщицы, по всей комнате; вместе с пером он напустил еще полную хату какой-то ползучей мерзости, вроде тли; по его словам, это «орнитоклеши», и по его словам – не кусаются. Возможно... Будущее покажет».

Из дневника 23.06.1984:

«Того же числа был праздник «Спуск байдары на воду». Фабула: На берегу было «упорядочено» некое пространство: поставили буквой П с короткими ножками фанерную загородку, обтянутую красным, высотой до пояса, к ней гвоздем присобачили микрофон; все это лицом к морю. В две шеренги перпендикулярно встали пионеры в дикой смеси национальных камлеек и пионерской формы, и охотники – в обычно одежде, кто в национальной, кто в пиджаках. Сразу стало ясно, куда вставать, зрители встали за спины полукольцом, лицом к «президиуму». Зачитали приветствие: мол, впервые возрождается старинный праздник, полугодовой план выполнен на 105%, и т.п. – очень коротко. (Кстати, первое место – у бригады Анкалина, 2 – у Тыпыхкака, 3 – у Прохорова, 4 – у Каваугье и 5 – у «детей», у Каваквыргина. То-то Прохоров злится!) Честь поднять флаг под звуки гимна досталась старшему Тыпыхкаку, как старейшему морзверобою. Он поднял, но флаг, не дойдя до верха полметра, сорвался вместе с веревкой. Гимн умолк. Получился конфуз. Потом пионеры вешали на охотников ленты «Отважный охотник». Потом бригаду («семейную династию») Тыпыхкака наградили огромным красным заварным чайником плюс шесть пиалушек. Потом бригады выходили по очереди, получали грамоты (те, которые перевыполнили) и произносили стандартную клятву верности очередному пленуму ЦК и продовольственной программе. Потом под общий гомон выскочили танцоры и бабки с бубнами и спели «Танец моржа». Потом начали спускать байдару, но поскольку был сильный накат, то ее только обмакнули в воду. Тут к берегу пришла тетка в камлейке, с маленьким каютаком – «встречать моржа». И он появился: из моря обратно вытащили байдару, а в ней парень в очень неплохо

сделанной маске, явно современной. Его радостно привели, усадили на почетное место; тетка с каютаком надела ленту с надписью «Славная хозяйка» и стала моржа кормить. Потом начались общие танцы и песни, и все.

Впечатление: очень хотят, искренне хотят – но совершенно не умеют. Всю официальную часть с грамотами и наградами перенести в клуб. Охотников посадить в президиум (или поставить, если он стоячий). Потом дружно идти на берег, где несколько человек заранее все подготовят. Иначе получается все равно, что ни говори и ни пиши в газетах, что есть начальство, главные люди, которые занимают красный угол, и прочие, которых туда вызывают. Красавец Анкалин, бредущий по гальке получать грамоту и второй раз бредущий давать клятву – это довольно жалкое зрелище.

Продолжение: два анадырских деятеля из агиткультбригады... пригласили меня «отметить» удачное завершение праздника, который они приехали «освещать». Странное впечатление от этих людей: хорошие, добрые, толковые, но на каком-то этапе возникает блок: никак не хотят понять, что местное население самостоятельное, а не дети; что им надо помогать, а не тянуть и не делать все за них».

Из письма 27.06.1984:

«Как-то очень вдруг кончилась моя сирениковская жизнь. Двадцать пятого я довел, наконец, до победного конца то, что собирался там сделать, подчистил все хвосты и прочее, и двадцать шестого отправился в магазин купить пожрать. По дороге зашел в контору спросить, не ожидается ли в ближайшие дни какой транспорт на Провидения, а мне вдруг говорят: «Бегите, минут через сорок будет вертолет!» Я помчался домой, побросал вещи в рюкзак, прибежал на площадку, где он садится, и стал ждать. И впрямь – минут через десять прилетел. Я говорю: «Возьмите, а?» Он, натурально: «Нет мест». Я стою... Он говорит: «Больного должны привезти». А никакого больного нет. Просто в Провиденском аэропорту теткам захотелось свежей рыбы. Они позвонили в Сирениковский сельсовет, договорились, потом оформили вызов санрейса – вот и все. Я-то это знаю (вернее, догадываюсь), а пилот – нет. Честно ждет больного. Тут примчалась машина, погрузили мешок с рыбой (тяжелый, килограммов пятьдесят!) «А больной, – говорят, – выздоровел и пошел на работу». Я сел – и через

пятнадцать минут опустился в аэропорту Провидения (для сравнения: сюда мы ехали на вездеходе семь часов). Чудеса!»

Так кончилось мое первое (но не последнее) пребывание в Сирениках. Но не кончилась начатая там работа – ни у меня, ни у Людмилы Сергеевны.

Что касается меня, то работу над текстом «Практикума» я закончил довольно быстро, и в этом тексте хорошо видны следы консультаций с биологами. Людмила Сергеевна в то время занималась в основном морскими животными, Коля – птицами, и вот именно в соответствующих разделах «Практикума» явственно проступают следы их помощи: информация о птицах, китах, моржах и нерпах значительно точнее и подробнее, чем, скажем, о сухопутных животных. В предисловии я, естественно, выразил им благодарность, написав: «Большую помощь в определении названий морских животных, птиц и растений оказали биологи Л.С. Богословская и Н.Б. Конюхов», и это – чистая правда. Ну, как бы я без их помощи сообразил, что *к'ув'ыхси:пак* – это птица «лапландский подорожник», *акмали:г'ак'* – «конюга-крошка (птица из семейства чистиковых)», а *к'ун'вуг'ак'* – «кит минке, он же малый полосатик»? Я и слов-то таких не знаю...

Кажется, впрочем, что обогащение было взаимным. Со слов Игоря Крупника я знаю теперь, что Людмила Сергеевна в последние годы своей жизни занималась составлением (вместе с Л.И. Айнаной) «Словаря лексики традиционного природопользования азиатских эскимосов-юпик» (см. статью И. Крупника). Не исключено, что она задумала эту работу тогда же, в 1984 году, возможно – увидев, как этим занимаюсь я для «Практикума». Тогда, к моему удовольствию, оказывается, что не только я многому научился у биологов, но и, возможно, они у меня – и это исключительно приятно.

Литература

Вахтин Н.Б. Язык сиреникских эскимосов: тексты, грамматические и словарные материалы. — Lincorn Europa, 2000.

Вахтин Н.Б., Емельянова Н.М. Практикум по лексике эскимосского языка. — Л.: Просвещение (ЛО), 1988.

Меновицков Г.А. Грамматика языка азиатских эскимосов. — Л.: Наука. Том 1, 1962; Том 2, 1967.

Рубцова Е.С., сост. Эскимосско-русский словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1971.

Сезонные изменения ледового культурно-природного ландшафта в акватории села Уэлен

В. Голбцева

Статья посвящена лишь одному аспекту ледового культурно-природного ландшафта, а именно его образованию и сезонным изменениям с осени до конца следующей весны. Это — важная часть в изучении ледового ландшафта, но не единственная. Есть и другие аспекты той же темы, например: ориентирование охотников во льдах, национальные названия типов льдов, устная традиция (истории и воспоминания, связанные с охотой во льдах), соблюдение мер предосторожности и т.п.

Впервые видение морского льда как особого ледового «культурного ландшафта» было предложено И.И. Крупником в его выступлении в Российском институте культурного и природного наследия в феврале 2009 года. Далее эта концепция была им изложена в книге «Наши льды, снега и ветры» (Богословская, Крупник, 2013; Крупник, 2013, с. 10–11, 19–23). Таким образом, коллективная монография «Наши льды, снега и ветры» (Богословская, Крупник, 2013), по результатам проекта СИКУ (SIKU) Научной программы Международного полярного года 2007–2008 (МППГ 2007–2008)* открыла новое направление в изучении морского льда «...как особого культурного и природного ландшафта Арктики и связанных с этим народных экологических знаний жителей Севера». Такой подход «...требует новых методов исследования и взгляда на ледовые ландшафты как уникальный объект культурного или, точнее, культурно-природного наследия» (Крупник 2013, с. 18). При этом у проекта СИКУ была еще другая задача — показать локальное разнообразие ледовых ландшафтов и аборигенных культур Чукотки в условиях современного потепления Арктики.

* Проект СИКУ (SIKU – Sea Ice Knowledge and Use in the Arctic), начатый в 2006 г., проводился в рамках Международного полярного года (МППГ) 2007–2008. Сику - общее слово для обозначения морского льда в языках эскимосов, проживающих от Чукотки до Гренландии.

В развитие данной концепции группа авторов опубликовала полный список национальных названий для видов льда в языке науканских эскимосов (Крупник и др., 2013, с. 166–188). Они также рассматривают морской лёд как «особый культурный и природный ландшафт». В 2014 г. другая коллективная статья (Крупник и др. 2014, с. 72–88) представила основные результаты российской части проекта СИКУ на Чукотке, которые включали: анализ ледового пространства, используемого местными жителями как сезонный «культурный ландшафт»; организацию мониторинга ледовых и погодных условий наблюдателями из поселков Чукотки; составление словарей народной терминологии типов льда, снега и погодных условий; сбор народных примет предсказания погоды и методов поведения в экстремальных ситуациях...» (с. 72).

Как было сказано выше, данное направление требует новых методов изучения морского льда, которые должны включать следующее (Крупник, 2013, с. 22):

- документацию местных традиционных знаний о морских льдах «как элементе национального культурного наследия»;
- фиксацию в ледовом культурном ландшафте мест, важных для зимнего жизнеобеспечения местного населения, «опасных» («плохих», ритуально опасных) участков, известных в местном ледовом ландшафте, искусственных модификаций природного ледового ландшафта, в частности троп на льду, причальных мест и даже настоящих дорог, ежегодно создаваемых местными общинами для охоты и передвижения между поселками;
- картографирования и закрепления за общинами важных для их хозяйственной деятельности участков морских льдов.

Автором статьи взят за основу первый предложенный пункт в изучении морского льда — документация местных знаний о морских льдах «как элементе национального культурного наследия». Для примера мы возьмем пос. Уэлен Чукотского автономного округа и окружающую его акваторию в Чукотском море.

Село Уэлен — старинное чукотское поселение морских охотников с древними и богатыми традициями морского зверобойного промысла. В настоящее время здесь, как и много столетий назад, живут вместе представители двух коренных народов Чукотки — береговые чукчи и азиатские эскимосы. Как для одних, так и для других морской лёд — это природный «ледовый культурный ландшафт» и источник жизни.

Вид Уэлена. Фото С. Комиссарова, 2012

Именно эти народы в ходе многовекового (многотысячелетнего) развития и совершенствования своей уникальной морской зверобойной культуры создали особый ледовый ландшафт и превратили его в объект своего культурного наследия.

Морской лёд играет важнейшую роль в традиционной жизни прибрежных жителей Чукотского полуострова. Каждое поселение, расположенное по побережью Чукотского и Берингова морей, имеет свою многовековую историю развития морзверобойного промысла, свой вариант морской культуры. Одной из характерных черт местной культуры природопользования является хозяйственное освоение и включение в свое регулярно используемое пространство морских льдов (ледовых ландшафтов), сезонно возникающих и исчезающих каждый год. По мере прихода и установления льда, что связано с природно-климатическими условиями каждого поселка, происходит его сезонное использование, которое в каждом поселке имеет свои отличительные признаки.

Так, из года в год морской охотник запоминает особенности ледового ландшафта предыдущего года и учитывает то, что происходит в настоящее время. В связи с этим появляются термины для особых видов льдов, новые места охоты на льдах и среди льдов. Каждый морской охотник определяет для себя и находит наиболее удобные места для ловли нерпы или лахтака на припае. Он точно определяет места лунок

Скала Ёпын, место Ёпынвын – лучшее место для наблюдения в окрестностях Уэлена. Фото Т. Печетегиной, 2007

Сильный шторм. за которым Т. Печетегина ведет наблюдение из окна своего дома, сентябрь 2009

на припае, которые использует нерпа в течение всей зимы. Морзвербои, знающие названия морских льдов и связанные с ними правила поведения, соблюдают меры предосторожности, хорошо ориентируются в ледовом пространстве и, значит, вернутся домой. Ведь самое главное для охотника в морском промысле — это остаться в живых и вернуться в свою семью, даже если добыча по не зависящим от человека причинам была потеряна.

Среди льдов, точнее — в ледовом ландшафте, течет своя жизнь, отличная от жизни на суше. Ступая на лёд, человек осознает всю ответственность, которую берет на себя. Он знает, что остается один на один с ледовым пространством, которое в любую секунду может измениться под воздействием ветра или морского течения. Только опытные охотники могут выбирать дороги в торосах, которые затем становятся тропинками для всех остальных охотников. Люди, живущие на берегу моря, постоянно следят за морем. Местом наблюдения обычно выбирают наиболее удобную точку. Так, в Уэлене наблюдательным местом является скала Ёпын.

Со скалы и с территории поселка в хорошую погоду открывается прекрасный вид: на север, в сторону Чукотского моря и на юго-запад — на обширную уэленскую лагуну.

Образование ледового природного ландшафта в акватории Уэлена идет в несколько этапов, и прежде чем охотник ступит на лёд, обычно проходит немало времени. Еще до прихода первых льдов, с наступле-

нием осени (обычно в конце августа) под воздействием северного и северо-западного ветра и сопутствующего морского течения, начинается сильное волнение моря. Это затрудняет выход в море для заготовки мяса моржа на зиму. С сентября и до конца ноября волнение моря нередко перерастает в сильный шторм. Иногда волны достигают 5–6 метров в высоту и доходят до домов, расположенных вдоль берега.

Особенно сильно страдают от шторма дома, стоящие в восточной части поселка, то есть ближе к скалам.

Но природа щедра, и во время осенних штормов на берег волной выбрасывает сайку, морскую капусту, морских звезд, крабов, иногда туши моржей или китов, мореный моржовый клык, из которого мастера Уэленской косторезной мастерской делают сувениры.

Поздней осенью, теперь это конец ноября, северным ветром и северным течением пригоняет вязкую шугу (по-чукотски *к'ынъок'ын*) и мелкобитый, стертый в порошок лёд (*чемыгэл*). Шуга с мелкобитым льдом напоминает «ледяную кашу». Шуга способствует сдерживанию сильных штормов. Но если подует южный ветер, то тонкий слой шуги тут же уносит обратно на север и снова начинается шторм.

Сильным северным ветром и течением шугу волнами выносит на берег. Таким образом, на берегу образуется толстый слой намерзшей шуги. Шуга, уплотняясь, превращается в один сплошной крепкий лёд (*к'ынъогилгил*). Берег, покрытый толстым слоем шуги, становится высоким, скользким.

Бычков Г. собирает сайку после сильного наката. Фото С. Комиссарова, 2013

Берег из смерзшейся шуги. Фото С. Комиссарова, 2012

При хорошей и морозной погоде шуга становится толще, плотнее и может покрыть до половины видимой поверхности моря. Так появляется первый ледовый ландшафт — припай из замерзшей шуги (*к'ынъотуквэн*). По структуре он плотный. По нему можно ходить на охоту на кромку. Для предосторожности охотники надевают лыжи-ракетки «вороньи лапки» и соблюдают меры предосторожности. Припай качается на волнах.

Маленькие куски льда (*гилытбулти*), маленькие льдинки (*гилкэгти*), небольшие льдинки (*чимыгильытбулти*) сильным северным ветром и течением волной выбрасывает на берег, образуя непроходимую полосу из мелкого льда.

Следом за мелкими кусками льдин течением несет огромные глыбы льда. Эти огромные льдины-стамухи, зацепившиеся за дно и застрявшие на мелководье, становятся преградой для более мелких льдин. Стамухи, смешиваясь с мелкобитым льдом и шугой, постепенно превращаются в высокие, трудно проходимые торосы.

В 2006 г. из-за северного ветра и северного течения произошло сильнейшее сжатие льдов. По словам очевидцев, все началось поздно вечером в конце ноября. Жители слышали гул и скрежет надвигающегося льда. По мере приближения льдов к берегу Уэлена звук становился все сильнее. В одно мгновение все прекратилось. Наступила тишина. Проснувшись утром, вышедшие на берег люди, увидели нагромождение обломков льда при торошении на кромке ледяных полей у береговой линии. За одну ночь все море было забито льдом до самого горизонта. После сильного сжатия образовались высокие, крепкие торосы, по-чукотски они называются *иквыкээт*. Такой лёд усложняет охоту на нерпу.

Точно такое же явление наблюдалось в селе Энурмино Чукотского района в январе 2014 г., когда внезапно началась подвижка льда. Это называется ледовым штормом.

С установлением прочного ледового покрова на море (обычно в конце декабря) увеличивается ширина используемой прибрежной полосы. Порой она доходит до самого горизонта, и таким образом увеличивается площадь ведения охоты на нерпу и лахтака. Белое ледяное поле начинают осваивать морские охотники. Они прокладывают тропы между нагромождениями льдов, торосов и выходят к открытой воде или к дрейфующим льдам, или находят ровные ледовые «поляны», чтобы открыть сезон охоты на припайную нерпу.

*Первый ледовый ландшафт – припай из замерзшей шуги (кынъотуквэн).
Фото С. Комиссарова, 2012*

*Маленькие куски льда (гилытгьулти), маленькие льдинки (гилк,эгти), небольшие льдинки (чимыгилытгьулти), смешиваясь с мелкобитым льдом и шугой, постепенно превращаются в высокие, трудно проходимые торосы.
Фото С. Комиссарова, 2012*

Берег села Энурмино после ледового шторма. Фото З. Каетчай, январь 2014

Моржи используют льдины как плоты для передвижения или отдыха, рождения детёнышей. Фото С. Комиссарова, ноябрь 2012

Всю зиму и весну жители Уэлена пешней делают лунки и ловят самодельными удочками сайку. Чтобы лунка не замерзла за ночь, ее аккуратно закрывают ледяной крышкой и с боков присыпают снегом.

Ледовый природный ландшафт в зимнее время изменяется под воздействием морских течений и ветра, приливов и отливов. Каждый день происходит сжатие льдов, появляются трещины — небольшие, узкие и более заметные, широкие. За всеми изменениями ведут наблюдение охотники. Что видит охотник, наблюдая за морем? Попробуем увидеть морской лёд Уэлена глазами местного охотника.

Морские охотники, по мере освоения ледового ландшафта, наполняют его названиями, терминами на чукотском и эскимосском языках, ведут хозяйственную деятельность и как бы вдыхают в него жизнь. В результате этого ледовый природный ландшафт наполняется культурным содержанием. Так морской лёд, вид природного ландшафта, становится «культурным и природным ландшафтом». Выше я привела примеры нескольких названий для льда на чукотском языке, а всего было собрано, обработано и описано более 200 терминов на чукотском языке для разных видов льдов и ледовых процессов (Голбцева, 2013, с. 172–193).

Огромное значение ледовый ландшафт имеет не только для людей, но и для морских млекопитающих, обитающих в Чукотском море и Беринговом проливе. Среди льдов прячут своих детёнышей нерпы и лахтаки. Хищный морж-одиночка (*к'эглячьын*) строит себе жилище во льду, куда складывает добытую нерпу, лахтака. Белый медведь на припорошенном мягким снегом льду устраивает лежки. Весной на лёд выходят греться нерпы и лахтаки. Моржи используют льдины как «плоты» для передвижения или отдыха, рождения детёнышей. Перелетные птицы используют морской лёд как место для отдыха.

С приходом весны лёд начинает таять. Вместе с таянием льдов исчезает ледовый ландшафт, на котором охотники проложили тропинки между торосистыми льдами к открытой воде и дрейфующим льдам, где они всю зиму ставили сети на нерпу.

Уникальность ледового культурного и природного ландшафта в том, что он не вечен. С приходом весны он постепенно исчезает, а вместе с ним исчезает и вся человеческая деятельность на ледовом культурном ландшафте. Остается только память и знания охотников о льдах.

В заключение хочу отметить, что сезонное формирование ледового ландшафта начинается с крохотной льдинки и вязкой шуги и постепен-

но превращается в устойчивый ледовый покров, на котором морские охотники занимаются традиционным видом деятельности — охотой на ластоногих. Наблюдая за морем, охотник определяет наиболее удобные места для охоты на нерпу, решает, где и как проложить первые тропы на припае, чтобы дойти до кромки и дрейфующих льдов. Из рассказов и наблюдений охотников формируется терминология для описания морского льда, со своими неписаными законами и правилами поведения, как следует из записанных нами воспоминаний Р. Армаыргына и других старейшин Уэлена.

Ледовый природный ландшафт, который находится в тесной взаимосвязи с системой расселения и расположением поселений, ведением традиционного образа жизни, национальными языками (названия морских льдов, ветров и течений), с духовной культурой (истории, песни, танцы, легенды), превращается в ледовый культурный ландшафт, который с приходом весны начинает исчезать.

«Такие, не оставляющие зримых следов, сезонные культурные ландшафты полярных льдов практически «закрыты» для постороннего наблюдателя. Поэтому в еще большей степени, чем культурные ландшафты на суше, они должны документироваться «снизу вверх», то есть, прежде всего, на местном (общинном) уровне» (Крупник 2013, с. 23). В моей статье я старалась показать, как можно увидеть и описать морской лёд глазами жителей Уэлена и с позиций чукотской культуры.

Благодарности

Выражаю искреннюю благодарность всем коренным жителям пос. Уэлен и особенно — морским охотникам, участвовавшим в сборе материала по проекту СИКУ. Фотографии для иллюстраций любезно предоставили С. Комиссаров, Т. Печетегина и З. Каетчай. Отдельно хочу выразить огромную благодарность за практическую, методическую и консультативную помощь в моей работе: Армаыргыну (1933 г.р.), Т. А. Печетегиной (1948 г.р.), Л. С. Богословской, куратору российской части проекта СИКУ (которой уже нет с нами), и И. И. Крупнику, руководителю проекта СИКУ.

Литература

- Богословская Л. С., Голбцева В. В., Шаларёв А. А. Судьба традиционных морских культур Российской Арктики // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России / Мат. Первой междунар. научно-практ. конф. (СПб., 27–30.10.2010). — Калининград: Терра Балтика, 2011. С. 348–357.
- Богословская Л. С., Крупник И. И., сост, ред. Наши льды, снега и ветры: Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки. — М.: Институт Наследия, 2013. 360 с.
- Голбцева В. В. Виды морского льда в чукотской морзверобойной терминологии и меры безопасности во время охоты // Керекские педагогические чтения. Август 2009 года. — СПб.: Изд-во Политех. Ун-та, 2009. С. 33–43.
- Голбцева В. В. Морской лёд как источник жизни для жителей Берингова пролива // Берингия — мост дружбы / Материалы Международной научно-практической конференции. — Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. С. 39–51.
- Голбцева В. В. Ледовый словарь морских охотников села Уэлен (чукотский язык, восточный говор) // Наши льды, снега и ветры: Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / Сост., ред. Л. С. Богословская, И. И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2013. С. 172–193.
- Голбцева В. В. Новый взгляд на изучение морского льда как ледового культурного и природного ландшафта (на примере Чукотского моря в акватории села Уэлен) // Материалы научно-практической конференции «Этносы Чукотки: история и современность» / Информационно-методический журнал «Образование и культура Чукотки: от теории к практике». — Издательский отдел ГАОУ ДПО ЧИРО и ПК, 2015. № 4. С. 85–89.
- Крупник И. И. Морские льды как культурный и природный ландшафт. Особенности ледовых культурных ландшафтов // Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / Сост., ред. Л. С. Богословская, И. И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2013. С. 10–11, 18–23.
- Крупник И. И., Богословская Л. С., Альпыргин Б. И., Добриева Е. А. Науканский «ледовый словарь»: к реконструкции ледового культурного ландшафта. // Труды лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. И. Казанский. Т. I. Ч. 3. Сборник статей к 60-летию Евгения Васильевича Головки / Сост. и ред. Н. Б. Вахтин, Е. В. Перехвальская. — СПб.: Наука, 2013. С. 166–188.
- Крупник И. И., Богословская Л. С., Вдовин Б. И., Голбцева В. В., Калюжина Н. И., Нувано В. Н. К итогам проекта СИКУ на Восточной Чукотке в 2007–2013 гг. Роль народных знаний в эпоху «глобальных изменений» // Экологическое планирование и управление, 2014. № 2 (15). С. 72–88.
- Golbtseva V. V. Sea ice as a source of life for the inhabitants of the Bering strait // Beringia — Bridge of Friendship: Материалы Международной научно-практической конференции. — Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. С. 39–51.

Многолетние стационарные ледовые трещины у берегов юго-восточной Чукотки

(Наблюдения за традиционным
использованием ледового пространства)

Н. Калюжина, А. Боровик, А. Апалю

Вступление: как началась наша работа

Тот, кто на Чукотке не был лично знаком с Людмилой Сергеевной Богословской, наверняка слышал, что есть такой человек, учёный — «женщина, которая ходила на байдарках». Случай для этих мест — крайне редкий. Обычно на лодках или байдарках женщин перевозили только по необходимости, а вот «ходить» с охотниками по-долгу в море, разделять с мужчинами в походах сложности бытия — такое вряд ли кто вспомнит. На черно-белых снимках времен, когда Богословская работала на Восточной Чукотке, жители безошибочно узнают её: отважную, жизнерадостную, общительную, свою в любом кругу людей.

Людмила Сергеевна была автором идеи создания природоохранной территории в районе Берингова пролива (см. статью Б. Вдовина), что и было осуществлено в 1993 г., сначала как региональный природно-этнический парк «Берингия» (1993–2013 гг.), а затем — как национальный парк «Берингия» (с 2014 г.) Постоянно уделяя в своих статьях и докладах внимание жителям Чукотки: охотникам-морзв-

*Л.С. Богословская на Чукотке,
лето 1980 г. Фото С.А. Богословского*

робоям, оленеводам, инспекторам парка — она считала, что каждый из них хранит в себе опыт и мудрость старших поколений. Именно Богословская обратила внимание на важность того, чтобы инспекторами парка работали жители национальных поселков, которые не только грамотно наблюдали бы за состоянием природы и отлично знали свои участки, но также тесно общались со старейшинами посёлков, жителями, охотниками. Авторы этой статьи начинали работать в региональном и продолжают работать в национальном парке «Берингия». Но «инспекторы в области охраны окружающей среды» (так сегодня называется эта должность) имеют теперь другие обязанности и, к сожалению, не востребованы в той роли, в которой их видела Богословская.

Предложив нам в 2007 г. участвовать в международном проекте СИКУ, Богословская специально отметила роль А. Боровика и А. Апалю в документировании знаний жителей Чукотки о льдах и современных изменениях погоды и климата. На международной конференции «Дни Берингии» в октябре 2008 г. в г. Фэрбенкс (Аляска) состоялась первая встреча авторов статьи с руководителями проекта СИКУ — И. И. Крупником и Л. С. Богословской, и с тех мы продолжали это сотрудничество.

Работать с Богословской было необычайно интересно. У неё постоянно рождались идеи, которые выстраивались звеньями в цепи огромной задачи по сохранению народных знаний. Артур Апалю, говоря однажды о Богословской, подметил: «Многие приезжают сюда, планируют, красиво говорят и ничего не делают. Она говорила и делала». При встрече с ней охотники понимали, что они участвуют в важном деле. Старики чувствовали, что их воспоминания важны, и старались рассказывать как можно больше. Во время встреч с жителями Чукотки эта энергичная женщина призывала к тому, что надо самим сохранять культуру, язык, традиционные знания. Благодаря Богословской у молодежи Чукотки есть теперь учебники морского зверобойного промысла, которые основаны на практике живших ранее и работающих рядом опытных охотников.

В работе над проектом СИКУ в 2007–2010 гг. нам удалось собрать много фотоснимков и записей (см. Богословская, Крупник, 2013). Людмила Сергеевна предложила нам заняться особой темой — современным использованием ледового пространства. Она обратила наше внимание на малую изученность использования ледового пространства жителями сёл Новое Чаплино и Янракыннот. Был собран большой фотоархив,

Л.С. Богословская надписывает книгу участникам проекта СИКУ – Артуру Апалю и Александру Боровику (крайний справа). В центре – охотник и наблюдатель Николай Кычи из с. Нунлигран, слева – И. Крупник. Фэрбенкс, Аляска, октябрь 2008 г. Л.С. Богословская была инициатором участия инспекторов парка в международных конференциях и оказывала им помощь в оформлении этих поездок на международном уровне. Фото Н.И. Калюжиной

который частично представлен в наших статьях в книге «Наши льды, снега и ветры» (Апалю, 2013; Боровик, 2013; Боровик, Калюжина, 2013).

Однако собранного материала оказалось больше, чем можно было разместить в книге. В частности, туда не вошли знания местных жителей о стационарных трещинах как части ледового ландшафта. Например, А. Боровик в разговорах с охотниками и жителями с. Новое Чаплино собрал сведения о том, что ледовые трещины, которые образуются ежегодно в одних и тех же местах, традиционно использовались для добычи ластоногих (нерпы, акибы, лахтака) и лова рыбы. А. Апалю, проводя такую же работу по району пролива Сенявина, также неоднократно говорил об использовании жителями с. Янракыннот постоянных трещин. При сборе материала, помимо сведений о стационарных трещинах, накопилось немало записей, в которых жители вспоминают те или иные события из своей жизни, связанные с охотой на льду, или рассказы своих родных и знакомых. Время покажет, насколько будет востребована такая информация.

Появление и исчезновение стационарных (постоянных) ледовых трещин

В зимнее время на Севере резко увеличивается твёрдое пространство за счёт образования ледового покрова вдоль берега (припая), в бухтах и внутренних водах. С установлением прочного льда оно становится доступным как для промысла, так и для передвижения жителей на снегоходах, собачьих упряжках, колесной и гусеничной технике, и, конечно, пешком. Описываемый нами район юго-восточной Чукотки представляет собой фьордовую зону с обилием бухт, заливов и проливов, озёр и мелководных лагун. Все они ежегодно покрываются в зимнее время прочным льдом и становятся «ледовым пространством».

Стационарные ледовые трещины — разрывы ледяного поля, которые возникают под действием внутренних напряжений и разности скоростей морских течений. Их называют «стационарными» (или постоянными) потому, что они ежегодно образуются в одних и тех же местах, в отличие от временных трещин, которые возникают между припаем и берегом или между припаем и новообразовавшимся льдом. Образование стационарных трещин происходит вскоре после замерзания бухт, когда лёд становится более прочным. Оно происходит от действия приливно-отливных волн, ветровых или морских течений.

В последние годы, по сравнению с предыдущими десятилетиями, прочный припайный лёд образуется позже. Только в январе–феврале кромки припая идут от мыса к мысу и, следовательно, время существования постоянных трещин сокращается, как и, возможно, их количество.

Изменения, связанные с потеплением климата

По воспоминаниям жителей района, 20–25 лет назад, то есть в 1980–1990-е гг., прочный лёд устанавливался в бухтах Ткачен и Провидения в начале ноября. Кромка припая в районе бухты Ткачен, как правило, держалась от мыса Низменный до мыса Чаплина, протянувшись сплошной вогнутой дугой с южной стороны мыса Чаплина. В последние годы кромка держится только от мыса Черкасского до мыса Скобелева.

В бухте Провидения, по воспоминаниям жителей поселка Провидения, примерно 20 лет назад вокруг мыса Лесовского всегда обра-

Л. Кутылин ловит сайку в стационарной трещине у с. Янракыннот. Фото А.В. Апалю

Лов сайки в стационарной трещине в бухте Ткачен, декабрь 2014 г. Фото А.В. Кайнинана

Начало образования стационарной трещины от берега у с. Янракыннот до м. Кугуван (чукот. – К,уквэн), ноябрь 2008 г. Фото А.В. Апалю

Береговые трещины в окрестностях сёл часто используются жителями для лова сайки и наваги. С. Янракыннот, июнь 2009 г. Фото А.В. Апалю

зовывался прочный лёд, и мыс можно было обойти по льду пешком. Кромка обычно располагалась на самом выходе из бухты, от мыса Столетия к мысу Лысая Голова. Теперь не только обойти, но и приблизиться к крайней точке мыса невозможно, так как кромка идет лишь от косы Йен до мыса Гидрографии.

В районе от мыса Чукотский до мыса Лысая Голова также устанавливалось широкое ледовое поле, чего сейчас уже не наблюдается. Во всей акватории юго-восточного выступа Чукотского п-ова, от мыса Лысая Голова до о. Аракамчечен, открытая вода была видна лишь с двух точек:

Разные виды льда и открытая вода на входе в бухту Ткачен. В последнее десятилетие кромка льда под влиянием потепления отступила непосредственно к входам в бухты и даже иногда в их внутренние части. Фото А.Г. Боровика, март 2007 г.

Кромка от косы Йен идет дугой до м. Гидрографии. В 1990-е годы здесь в это время устанавливалось прочное ледовое поле, по которому до м. Гидрографии к угольному причалу грузы доставлялись на тяжелой технике. От мыса к мысу всегда образовывалась стационарная трещина. Фото А.Г. Боровика, январь 2009 г.

с мыса Лысая Голова, где виднелась открытая вода Сирениковской полыньи, и с мыса Кыгынин (о. Аракамчечен), где также находится стационарная полынья. В прежние годы в зимнее время всё пространство до горизонта было занято льдом; ни с мыса Сиволькут, ни с мыса Мертенца открытой воды не было видно.

В бухтах лёд держался очень долго. Невероятным сегодня покажется тот факт, что А. Боровик на снегоходе передвигался от мыса Навыхпак до с. Новое Чаплино напрямую по льду 22 июня 1990 г., а в 1989 г. выехал 15 июля (!) из с. Новое Чаплино в сторону бухты Аболешева через бухту Рамулет. Реки были вскрыты, но толщина снежного покрова была достаточной для передвижения. Работая водителем вездехода и машин в 1990-е годы, он и другие водители, в том числе трактористы, свободно возили грузы по льду бухт Эмма и Провидения от пос. Провидения и пос. Урелики до бывшего поселка Пlover (эск. *Аслъик*,) и затем к мысу Лесовского. Лёд вокруг мыса и далее вдоль берега выдерживал движение тяжелой техники, которая выходила на берег лишь в районе бывшей полярной станции (в районе угольного причала) на мысе Лесовского. Сегодня это сделать невозможно, как и невозможно повторить проезд тяжёлой техники по ледяной дороге от пос. Провидения до мыса Пылкина, как было во время строительства домов в пос. Провидения в 1970–80-е гг., когда самосвалы, нагруженные песком, передвигались прямо по льду бухты Эмма. В наши дни, например, в апреле 2013 г., один из вездеходов смог добраться до маяка на мысе Лесовского только берегом, а в 2015 г. тёплая погода не давала образоваться льду долгое время, и кромка стабильно держалась от мыса Кроуна до мыса Путятина и мыса Малыгина (см. подробнее: Загребин, 2013).

Во время функционирования Северного морского пути, то есть до конца 1980-х гг., ледоколы ежегодно вскрывали бухты Провидения и Эмма в конце мая — начале июня. Толщина вскрываемого льда составляла тогда от метра и больше. В последние годы, как правило, достаточно силы южного или юго-восточного ветра, несущего сырую погоду, чтобы сломать ледяную кромку. В 2015 г. произошло самое раннее в истории наблюдений вскрытие бухты Эмма — 15 мая в районе мыса Лихачёва. Именно в этом месте образуется стационарная трещина, что подтверждает наблюдения охотников о том, что весной лёд обламывается большей частью по стационарным многолетним трещинам.

Местные названия стационарных ледовых трещин

Из местных жителей, чья деятельность связана с охотой и с кем лично беседовал Боровик, эскимосское название для таких трещин, *кув,ныг,ак*, знает только житель с. Новое Чаплино, охотник Юрий Ятта. Других названий записать не удалось, так как коренные жители села сейчас мало используют родной язык.

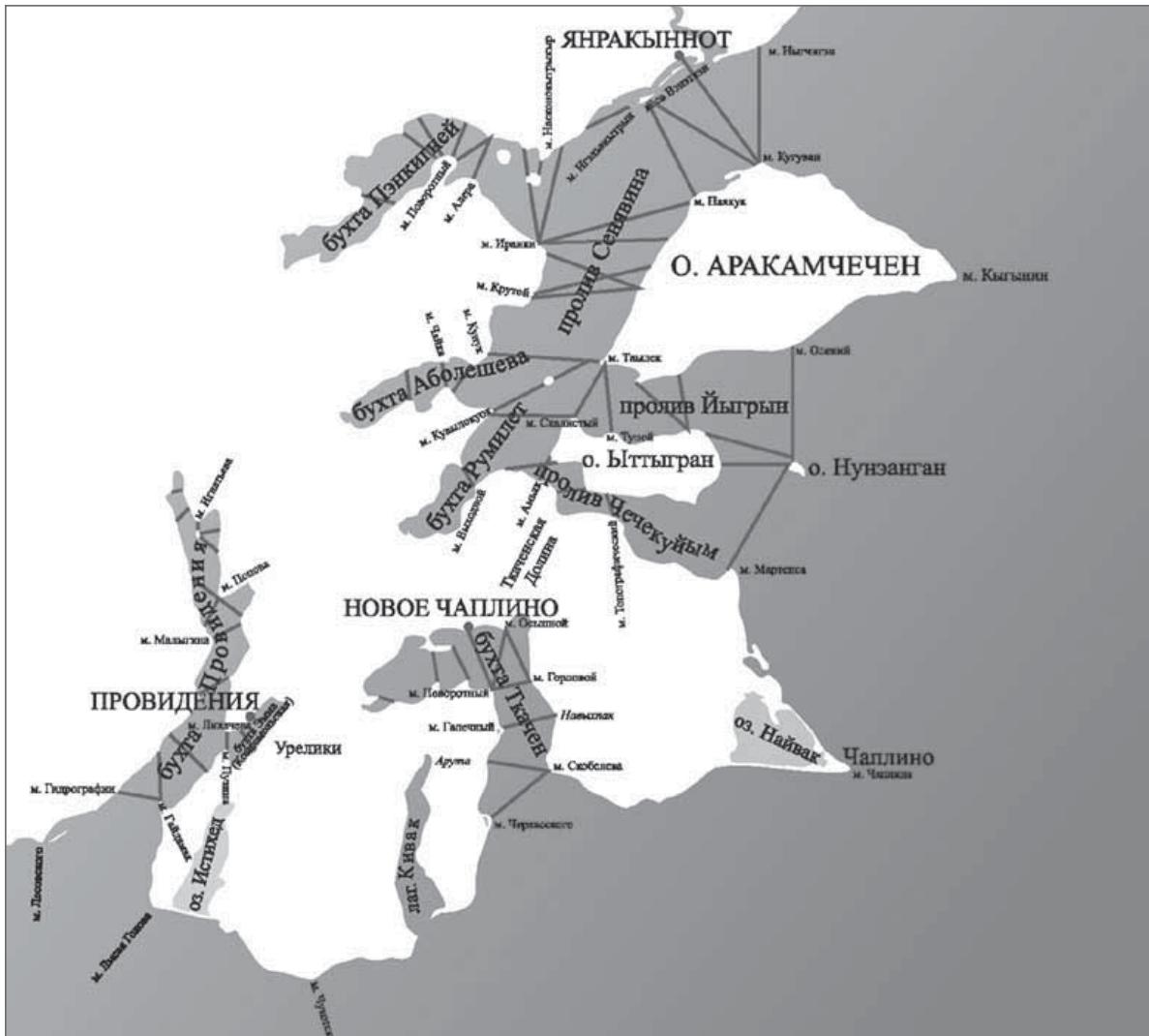
Не во всех эскимосских языках есть слова для стационарных трещин, так как не во всех местах они образуются. Например, чаплинец Юрий Ятта и сирениковец Арон Нутаугье используют одно слово *qughneghek* (*кувныг,ак*); но сирениковцы называют так приливно-отливные трещины во льду у берега (Нутаугье, Радунович, 2013, с. 77), а чаплинский охотник имеет в виду стационарную трещину, проходящую через бухту. Есть еще общее юпикское слово *quirun* (*к,уун*) — длинная трещина (там же) и близкое слово *quiraghneq* (*к,унаг,нык*); но какое из них относится к стационарной трещине, определить трудно. На о. Святого Лаврентия (США) также вряд ли есть термин для стационарных трещин, поскольку они там отсутствуют. Остров окружён водой со всех сторон, и на нём нет больших бухт и фьордов.

Охотники и жители с. Янракыннот используют для стационарной трещины чукотский термин — *рилэк*, (см. Апалю, 2013, с. 135, 137).

Использование стационарных трещин

Благодаря многолетним любительским съёмкам Боровика и Апалю, мы имеем возможность наблюдать многие процессы сезонного промыслового цикла сёл Новое Чаплино и Янракыннот, в том числе и те, которые отражают состояние и использование стационарных трещин и ледового пространства. Боровик составил карту встречающихся стационарных трещин в районе бухты Ткачен и пролива Сенявина. В данном разделе использованы комментарии ново-чаплинского охотника Юрия Ятты (эскимосское имя *Уйг,анак*), личные наблюдения А. Г. Боровика и некоторые факты из воспоминаний жителей, с которыми ему приходилось беседовать.

В бухте Ткачен с началом становления льда из года в год на одном месте образуется стационарная трещина от мыса Скобелева до места

Карта распространения стационарных ледовых трещин на юго-востоке Чукотского п-ова: от бухты Провидения до пос. Янракиннот. Составила Вероника Столяр (по материалам авторов)

Арута. Что означает название «Арута», никто из жителей села уже не помнит. Так называют место на ровной линии берега, которое является приметным для охотников из-за ущелья, конец которого выходит здесь к берегу. Когда весной становится теплее, нерпы располагаются здесь вдоль трещины одна за другой «в цепочку», издали напоминая нанизанные на нить бусины.

Стационарные трещины традиционно являлись для береговых жителей одним из главных мест добычи в зимнее время (в сёлах до сих пор употребляют слово «добывать» — если для еды, а «убить» — значит выбросить). В настоящее время лов ластиногих сетками в трещинах и лунках крайне редок. Здесь требуются не только определённые знания и навыки,

Стационарная трещина в бухте Ткачен от м. Скобелева (чапл. Ратван, коса, на которой находится зимняя база чаплинских охотников) до места Арута. Фото А.Г. Боровика, май 2009 г.

Житель села Новое Чаплино Анатолий Тагитуткак идёт со своей собакой по льду бухты на установку сети для ловли нерпы в трещине. Фото А.Г. Боровика, декабрь 2008 г.

но и выдержка, выносливость. Таким традиционным способом охоты сегодня пользуются на трещинах бухты Ткачен лишь два жителя с. Новое Чаплино. Анатолий Тагитуткак (эскимосское имя Аилин), 60 лет — единственный, для кого добыча акибы, ларги, лахтака является повседневным занятием. Зимой по бухте он неумоимо идёт пешком до трещины, часто на большие расстояния. Как только на бухте устанавливается молодой лёд, он первым делает попытку выйти на него; как правило, это семидневный лёд. Другой чаплинский житель, Сергей Кутылин, из «молодых» (ему 49 лет), также иногда ходит добывать нерпу в трещинах.

Добывая ластоногих в зимнее время, остальные охотники предпочитают пользоваться огнестрельным оружием с кромки припайного льда. Из трещин так добывать труднее, так как убитая или раненая нерпа, как правило, сразу соскальзывает в воду. Достать ее сложно: нерпа, утонув, находится на границе двух слоев воды, где сверху опреснённая вода, а ниже — более солёный слой. Требуется мастерство и терпение. В 1980–90-е гг. Александр Боровик вместе с Владимиром Насаликом, жителем села Новое Чаплино, пробовали охотиться так: стреляли, чтобы пуля попала в нерпу рикошетом от ледовой поверхности. Получалось успешно — раненая нерпа не успевала сползти в воду.

Пролив Сенявина (карта на с. 183)

Наибольшее количество стационарных трещин находится в проливе Сенявина. Многочисленные мысы и бухты, сквозное и местное тече-

ния создают условия для их образования. Так как пролив своими очертаниями напоминает подкову или полукруг (см. карту), стационарные трещины здесь образуются «веером», от мыса к мысу. В каждой бухте и в проливах между островами также образуются трещины.

На всём ледовом пространстве пролива Сенявина жители сёл Янракыннот, Новое Чаплино, Лорино, иногда — Сиреники издавна используют разные способы добычи традиционной пищи: подлёдную рыбалку, охоту на нерпу, ларгу, акибу, изредка — добычу белухи. Удобно расположенная стационарная трещина идет от мыса Наякук (о. Аракамчечен) до середины косы Вэнэткэн, вблизи с. Янракыннот. С поздней осени до начала лета она используется его жителями для рыбалки. Лёд на трещинах обычно намного тоньше и лунки удобно пробивать пешнёй (ледорубом).

Для добычи ластоногих чаще всего охотники ездят к другой трещине, идущей от мыса Иранхи до противоположной стороны берега о. Аракамчечен. Здесь трещина очень активна: постоянно сужаясь и расширяясь, она не дает образовываться толстому слою льда, что привлекает ластоногих, которым не приходится пробивать лунки в толще льда. Этим пользуются охотники, ставя сети на нерпу или используя огнестрельное оружие.

Стационарная трещина от м. Иранхи (чук. Тапэн, ыткын) до о. Ачинкинкан (чук. Эчьынкинк, эн). В этом месте прочный лёд держится обычно до середины июня. Фото А.В. Апалю, май 2008 г.

Артур Апалю — опытный охотник — вспоминает:

«В марте кромки нет, все закрыто, движения льда нет, образуются трещины. В них охотятся. Там нерпы выглядывают высоко три раза. Надо двигаться, не обращая внимания на них между их выныриваниями, и третий раз надо быть на расстоянии выстрела. Охотник должен быть опытным. Прабабушка давала прадеду 7 патронов. Он приносил 6 нерп и 1 патрон отдавал прабабушке. Это говорит о высоком мастерстве — ни одного мимо. Прадед был на море охотник хороший».

Вдоль пролива Сенявина проходит ежегодно единственная зимняя дорога, сохранившаяся с давних времён, для транспортного сообщения между «югом» и «севером» Чукотского п-ова, современными Providenским и Чукотским районами. Сегодня нагрузка на эту дорогу, как и на всё ледовое пространство пролива Сенявина, сильно уменьшилась из-за снижения хозяйственной деятельности в районах и появлением других возможностей доставлять грузы в поселки и к местам стоянок оленеводческих бригад.

Дорога проходит по прямой линии вдоль пролива только с момента установления прочного льда — обычно с февраля по март. В январе, до начала образования прочного льда, и в мае, в период его таяния, часто используют передвижение от мыса к мысу. Такие дороги называют «гуляющими», так как они проходят то ближе к берегу, то дальше от него. Здесь каждый водитель должен помнить о том, что стационарные трещины, идущие от мысов, представляют большую опасность. В 1970–90-е гг. грузы в поселки доставлялись с помощью тяжелых автомашин и вездеходов. Боровик и его коллеги-водители вспоминают:

«Мы раньше грузы начинали возить машинами в Сиреники, Нунлигран, Янракиннот, Лорино, Лаврентия до Нового года — по дороге от Кытляная до мыса Кувылокуок, затем до мыса Крутой. Дальше шли вдоль берега с ориентиром до о. Ачинкинкан, там — до мыса Насконокытрыкыр и вдоль косы — на Янракиннот. Если лёд не позволял, то делали круг вглубь бухты Пенкигней до о. Меркинкан, а там до поселка по косе. Берегом шли, так как в сторону пролива было постоянно торосистое поле. Ветер был в основном северный, бил со стороны Пенкигней и весь снег приносил сюда, снежный покров вырастал и трудно было увидеть трещины. Но в хорошую погоду их можно было заметить. Мы их закидывали снегом, и только

так машина могла проехать. Особенно часто это случалось у мыса Иранхи. Страшно было, когда проваливался трактор, вытащить было сложно. Бывало, уходили под лёд тракторы с санями, провалившись в трещину; вездеходы тонули, бывало с людьми. В проливе Чечекуйым, помнится, лоринская машина затонула, снегоходы лежат на дне пролива. Сейчас трудно представить все это — грузов практически нет, да и лёд только после Нового года начинает в проливе устанавливаться».

История этих мест подтверждает, что в районе пролива Сенявина больше десятка единиц гусеничной и другой техники лежит на дне в местах стационарных трещин и в районе банки Лебедева.

Наиболее опасными участками считаются место у мыса Пагелян (Паиляк) (отсюда уходит трещина), мыса Амьяк и острова Ыттыгран. Старейшина Владимир Ятта (Новое Чаплино) запрещал молодежи ездить на упряжках и снегоходах, ходить пешком по проливу после 15 апреля, даже в сильный мороз. Он объяснял: «Большой пролив, сильное течение именно на повороте Паиляка». Охотники старшего поколения хорошо знали эти течения, и обычно могли вычислить, куда море может «выбросить» убитого кита или моржа. Они передали эти знания современным зверобоям.

Район пролива Сенявина — одно из мест, где проходят маршруты кочевания оленеводческих бригад. Василий Тевлягиргин, в прошлом бригадир, рассказывал о том, что они часто кочевали с оленями по маршруту м. Мертенса — о. Ыттыгран — о. Аракамчечен — Гильмильские источники. Они останавливались подолгу в каждом месте и хорошо знали стационарные трещины: там добывали себе на питание рыбу и нерпу. Наиболее запомнились две из них — от м. Пыгылян (Паиляк) и от о. Ыттыгран, в районе старого селения Сиклюк.

В последних числах мая трещины представляют наибольшую опасность. Как говорят охотники, они «работают», то есть активнее расширяются и сужаются с приближением кромки и приливно-отливного течения. В апреле-мае вдоль трещин образуется много нерпичьих лунок.

Передвижение по льду пешком связано с определенными опасностями. Стационарные трещины нередко служат ориентирами при передвижении по ледовому полю. Чтобы не попасть в беду, необходимо рассчитать маршрут с учетом льда, по которому надо пройти осторожно. У каждого, кто связан в своей деятельности с ледовым пространством,

есть свои меры безопасности, приобретенные собственным опытом, хотя пользуются и общеизвестными правилами. Охотник всегда идет в путь с *иннеписеруненом* (чукотск.) — палкой с заостренным наконечником из кости пениса моржа, на другом конце которой железный крючок — *серунен* (чукотск.). Палка делается из лиственницы длиной 2 м, чтобы с ее помощью можно было вытащить нерпу из трещины. Чаплинские охотники называют это по-эскимосски *унг,ак* (щуп для льда). Артур Апалю советует:

«Если на неё (палку.— *Ред.*) опереться поперек трещины, то можно выбраться из-под льда, если такое случилось. На лёд можно выбраться также с помощью ножа. Когда проваливаешься, ноги уносит (течением) под лёд, надо их выровнять и потом действовать. Один раз ходил на нерпу на трещину, неширокую, посередине блинчатый лёд. Болела ступня. Туда шёл, наступил на «блинчик», успел перейти. Когда шел обратно с нерпой, допустил ошибку — наступил на этот же «блинчик», чего нельзя было делать, так как он уже надломлен был. Провалился наполовину боком — одна нога и рука подо льдом, получилось, как обхватил одну сторону трещины сверху и снизу. Нogu сразу уволокло под лёд. Запаниковал, хотел кричать, но собрался, подтянулся на руках, выровнял ногу и выбрался. Палка с нерпой лежала рядом, мог бы дотянуться, но растерялся. Главное — не паниковать».

Бухты Эмма и Провидения (карта с. 183).

Стационарная трещина, образованная от мыса Пузина до мыса Лихачёва (см. Богословская, Крупник, 2013, с. 311), используется жителями пос. Провидения для лова упы (асцидий, *Ascidiae*). Выловленная здесь упa значительно отличается по цвету и размеру от той, которую ловят в бухте Ткачен. Вероятно, сказывается близкое расположение сточных вод пос. Провидения: в 50 м от трещины. Однако постоянные жители пос. Провидения и те, кто переезжает сюда из национальных сёл и кому необходимо традиционное питание, не придают значения качеству упы и ходят на бухту Эмма с первых дней образования блинчатого льда, иногда вылавливая упу прямо с края льдины. Как только на бухте образуется постоянная трещина, перебираются туда, поскольку в трещине легче выдолбить лунку.

В былые годы немало техники застревало или уходило на дно в районе стационарной трещины от мыса Лихачёва до мыса Пузина. После

обильного снегопада, как правило, трещины не видны. Покрытая снегом в верхней части, трещина под толщей снега «играет», что делает опасным передвижение по льду. Опытные водители всегда знали эти места и знали, как правильно проехать через такой участок. Но случались неудачи и даже трагедии: ширина трещины доходит до 1,5 м, а высота ледового вала вместе с нанесенным снегом до 2 м. Вытащить провалившуюся в трещину технику в таких случаях очень сложно.

Из рассказов провиденцев-старожилов, которые помнят своё детство 40–50 лет назад, можно получить сведения об использовании стационарных трещин. Все помнят о сайке и бычках, которые там ловились. Стационарная трещина от мыса Попова до мыса Ендогурова считается линией раздела бухт Провидения и Всадник.

В этой статье мы смогли изложить лишь часть наблюдений за стационарными трещинами и их использованием жителями бухт Ткачен, Провидения и пролива Сенявина. Выражаем благодарность всем, кто поделился с нами воспоминаниями и информацией, и особенно Юрию Ятга, Игорю Макотрику, Максиму Агнагисяк, Леониду Кутылину, Анатолию Тагитуткак, Александру Шангину, Анатолию Ахсахтикак, уже ушедшим Владимиру Тагитуткак, Владимиру Насалик, Василию Сивухтыкак, Николаю Кутылину, а также другим чаплинским и январкинотским охотникам.

Посвящение

Людмила Сергеевна Богословская обладала уникальным свойством вложить в сердца людей понимание важности того, что они делают, найти место каждого в общем деле. С ее уходом мы потеряли ориентир. В память о ней мы решили завершить эту работу, начатую в годы проекта СИКУ, используя опыт общения с этим талантливым и неординарным человеком. Людмила Сергеевна была воодушевлена работой по ледовым трещинам, которую мы начинали делать вместе. Каждое её письмо, каждый звонок по телефону, личные встречи как в Москве (а мы всегда обязательно заезжали к ней), так и в пос. Провидения или в других поселках были обсуждением собранного нами материала, планированием, развитием новых идей. Мы с огромной благодарностью будем помнить нашего друга и учителя Людмилу Сергеевну Богословскую, романтика и борца, душевного и интеллигентного человека, отдавшего себя людям и природе Чукотки.

Литература

- Апалю А. Охота на кольчатую нерпу с кромки припая. Зимняя рыбалка. Ледовый словарь морских охотников села Янракыннот (чукотский язык) // Наши льды, снега и ветры: Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / Сост., ред. Л.С. Богословская, И.И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2013. С. 119–137.
- Богословская Л. С., Крупник И. И., сост., ред. Наши льды, снега и ветры: Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки. — М.: Институт Наследия, 2013.
- Боровик А. Г. Охота на кольчатую нерпу с кромки припая. // Наши льды, снега и ветры: Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / Сост., ред. Л.С. Богословская, И.И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2013. С. 105–107.
- Боровик А. Г., Калюжина Н. И. Записи наблюдений на участке «бухта Ткачен–бухта Провидения», 26 ноября 2007 г.— 30 июня 2008 г. // Наши льды, снега и ветры: Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / Сост., ред. Л.С. Богословская, И.И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2013а. С. 246–265.
- Боровик А. Г., Калюжина Н. И. Упалка (лов асцидий) // Наши льды, снега и ветры: Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / Сост., ред. Л.С. Богословская, И.И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2013б. С. 109–113.
- Загребин И. А. Краткая характеристика ледовых условий в бухтах Эмма и Провидения // Наши льды, снега и ветры: Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / Сост., ред. Л.С. Богословская, И.И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2013. С. 308–323.
- Нутаугье А., Радунович Н. П. Ледовый словарь морских охотников села Сиреники (на языке чаплинский юпик) // Наши льды, снега и ветры: Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / Сост., ред. Л.С. Богословская, И.И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2013. С. 72–82.

«Смотри и учись»: молодые чукотские и эскимосские морские охотники сёл Лорино и Сиреники 2010-х гг.

О. Яценко

Введение

Когда в 2011 году я собирала в селе Сиреники материал для своей магистерской работы (Yashchenko, 2013), мне продемонстрировали фотографии, на которых охотники вели добычу моржей годом ранее и использовали при этом традиционные поплавки из шкуры нерпы (пых-пых, по-чукотски). Удивительно, но за семь лет своей работы на Чукотке подобный элемент промыслового снаряжения мне довелось видеть лишь в музеях в посёлке Провидения и городе Анадырь. Чтобы больше узнать о нем, я отправилась к охотникам на берег. Здесь мне показали весь промысловый арсенал, который они всё ещё делают вручную: пики на кита и моржа — на случай, если не будет патронов; запас наконечников поворотного гарпуна; перевёрнутую кожаную лодку-байдару килем вверх и те самые пых-пыхи. Вместе со взрослыми охотниками 50–60 лет важным «рукоделием», по их словам, занималась и молодёжь.

Фотографии того дня стали частью плаката «Изобретательность современников и знания предков при изготовлении орудий труда морских охотников села Сиреники, Чукотка». Плакат был представлен на международной конференции «Дни Берингии-2011» в городе Ном, Аляска. Плакат демонстрировал древнее искусство морзверобойного промысла и его сохранение в начале XXI века.

В этой публикации я пишу об охотниках, которых Людмила Сергеевна Богословская могла бы причислить к новому поколению морзверобоев Чукотки — поколению «7» (Богословская, Крупник, 2008; см. также Krupnik, Vakhtin, 1997). Охотники этого поколения родились в период с 1980 по 1998 гг. и ведут промысел со своими отцами в настоящий момент. Анализ интервью, взятых у молодых морзверобоев в 2015 году в селах Сиреники и Лорино, позволил не только узнать, что

Сирениковские морские охотники разных поколений. Слева направо: Владимир Анкалин (1956, «поколение 5»), Александр Тытыхкак (1953, «поколение 4»), Владимир Акка (1922, «поколение 2»), Виктор Татыга (1943, «поколение 3»), Валерий Ляуляу (1949, «поколение 4»). Фото С.А. Богословского, лето 1980 г.

они переняли по части традиционных экологических знаний от своих предков, но и выявить охотников-лидеров прошлого из береговых чукчей и эскимосов. Настоящая публикация не может рассматриваться как полноценное обследование из-за малого количества информантов. Тем не менее, записанные интервью дали первые сведения о молодых охотниках XXI века. В тексте использована информация из полевых сборов 2011 г. (Yashchenko, 2013) и моих поездок по сёлам в 2013 и 2015 гг.

Свою предыдущую работу я также вела в двух сёлах Чукотки — Лорино и Сиреники, сравнивая эти две общины по нескольким признакам, таким как культурные праздники, владение родным языком, спортивные состязания и морской зверобойный промысел (Yashchenko, 2013). В данной публикации я использую несколько иные признаки, взятые из статьи Богословской и Крупника о смене поколений у морзверобоев Чукотки (Богословская, Крупник, 2008, с. 167–171). На основании указанных ими критериев был составлен опросник, который в основном касался умений и навыков морзверобоев начала XXI века. Игорь Ильич Крупник одобрил мой выбор признаков и рекомендовал его для опроса.

Статья об охотниках Лорина и Сиреников из «поколения 7» посвящается Людмиле Сергеевне Богословской, с которой я была хорошо знакома и слушала не один раз её рассказы об охотниках Чукотки. Пусть моё изложение продолжит её истории.

Географическая привязка

Мое небольшое обследование прошло в апреле 2015 г. на восточной Чукотке, одном из арктических регионов России. Его коренные жители — береговые чукчи и азиатские эскимосы — добывают по квоте Международной китобойной комиссии серых и гренландских китов; по их словам, именно этот промысел является жизненно важным для сохранения их культуры, языка и самоопределения. Собственно, умения и навыки, связанные с добычей крупных морских млекопитающих — китов, моржей, тюленей, стали объектом интервью для этой статьи.

Первым населённым пунктом стало самое большое село Чукотки, Лорино. Согласно последней Всероссийской переписи населения (Перепись 2010) там проживало 1267 жителей (628 мужчин и 639 женщин), хотя в 2011 в селе называли цифру 1400 жителей. Спустя четыре года на фестивале морских охотников «Берингия» уже говорили о 1800 лоринцах. Лорино — большое село не только количественно, но и с точки зрения пространства. Его можно разделить на несколько внутренних районов: «берег» — место, где у охотников стоят лодки, а в лагуне вельботы, в сарае каждой из четырёх бригад хранится снаряжение; «обрыв» — облюбованный старыми охотниками пункт для наблюдения с биноклем за морем днём, а молодёжью — для встреч и поцелуев вечером; «гаражи» — ряд строений для хранения личных вещей и провианта; «Шанхай» — здесь расположены несколько домов в отдалении от центра села; «застава» — место, где до начала 2000 г. располагались сооружения пограничников. В Лорине мне удалось взять интервью у четырёх молодых охотников в возрасте 18, 24, 26 и 35 лет. Захотел поделиться информацией и отец одного охотника, которому на тот момент было 55 лет.

В Сирениках удалось поговорить лишь с одним молодым охотником и его наставником, 33 лет и 51 года соответственно. Грядущий отпуск и летняя транспортная схема не позволили опросить большее число человек. Сиреники находятся недалеко от районного центра, посёлка Про-

«Берег» в Лорино – место причаливания лодок и вельботов с внутренней стороны Лоринской косы. Мальчишки используют любую возможность тренироваться в метании гарпуна. Лорино, 2011. Фото автора

Вид села Сиреники, август 2008. Современные дома новой постройки, крайний слева – белый двухквартирный дом, построенный в 1960-е гг. Фото автора

Взрослые охотники, юнги и дети охотников на промысловой базе в Аккани в сезон добычи моржа. Август 2011. Фото автора

видения, но попасть туда сложно. Это село, по мнению многих учёных и гостей, необыкновенное. Современные сирениковцы знают, что люди жили здесь около 2500 лет. Культурный слой на берегу богат древними предметами, которые находят после сильных осенних штормов. В селе есть понятие «берега» — места, где базируются охотники с их лодками и мастерской, но на этом географическая привязка заканчивается. Места там описываются по наличию социальных объектов: почта, школа, сельсовет, «вертолётка» и т.д. Согласно последней Всероссийской переписи населения (Перепись 2010) в Сирениках проживало 469 человек (239 женщин и 230 мужчин), однако в администрации села говорили о 508 жителях по состоянию на август 2011 г.

Оба села, Лорино и Сиреники, испытали на себе политику укрупнения и переселения, проводившуюся в прошлом советским правительством. В Лорино переехали жители из закрытых посёлков Яндогай, Аккани, Красная Яранга, Нунямо (в основном — морские и оленные чукчи). В Сиреники в 1950-е гг. переселили оленных чукчей, которые до того стояли на реке Курупка. В обоих сёлах сейчас есть ТСО КМНЧ — территориально-соседские общины (морских охотников) коренных малочисленных народов Чукотки. В селах их называют просто ТСО. Кроме ТСО, в Лорине есть оленеводческое хозяйство «Кэпэр»; в Сирениках подобного института нет.

ТСО в Лорине занимается добычей морских млекопитающих и хранением мяса; работает косторезная мастерская, и весь добытый клык моржа идёт на изготовление сувениров; взята на баланс звероферма по выращиванию голубых песцов в Лорине и Инчоуне. Лоринская ТСО также помогает сельскохозяйственному предприятию «Кэпэр» проводить забой и отбивку оленей, ведёт торговлю с оленеводами материковой Чукотки ремнями из лахтака. В ТСО четыре бригады морских охотников, которых по-русски называют «первачи», «второчи», «тройка» и «четвёрка». В первой пять человек, в остальных трёх по семь. У каждой бригады по две лодки — маленькая и большая. ТСО владеет косторезной мастерской, и мастера-косторезы также считаются сотрудниками общины и время от времени выходят в море «за вдохновением». Каждое лето в морские бригады приходят юнги по программе трудоустройства подростков на время летних каникул. Это мальчики и девочки, которые участвуют в охоте и помогают на охотничьей базе Аккани готовить, носить воду, таскать уголь и разделявать моржей. Кроме юнг, очень много

маленьких мальчиков до 12 лет (зачастую не являющихся родственниками никого из членов бригады) просят в Аккани и выполняют любую работу ради того, чтобы побыть рядом с настоящими охотниками. По словам охотников, именно они и юнги потом остаются в «своих» бригадах.

ТСО в Лорине каждые два года заготавливает шкуры на байдары. Когда идёт процесс постройки кожаной лодки — задействованы все охотники и их семьи: дети ходят с отцами на охоту в июне, женщины помогают завершить работу со шкурами на конечном этапе постройки, мальчики с детства помогают отцам и дядям готовиться к регате. Стоит заметить, что уже два года охотники Лорина сетуют на плохой ход моржа в их районе. Регата 2015 г. могла не состояться из-за того, что весь июнь не было моржей. Однако бригады охотников смогли найти выход, и недостающие шкуры моржа заменили шкурами лахтака. Некоторые шкуры на байдарках были сырыми, но соревнования состоялись.

ТСО в Сирениках занята в основном добычей морских млекопитающих и хранением мяса. В организации нет косторезов, и весь клык поставляют мастерам в посёлок Провидения. Зверофермы нет с 1990-х гг., отсутствует взаимовыгодное партнёрство с оленеводческими хозяйствами. Охотники села Сиреники известны тем, что когда-то они были самыми искусными строителями байдар на Чукотке — лодок из деревянного каркаса, связанного ремнями из шкур лахтака и покрытого обработанными шкурами самки моржа. По их словам, именно они научили лоринцев их изготавливать. Сирениковцы всё ещё строят байдары и учат этому новое поколение молодых охотников (Айнана и др., 2003). В 2011 г. они построили грузовую байдару (Yashchenko, 2013, p. 35), в 2012 г. покрыли её моржовой шкурой, но так и не выпустили в море из-за несогласований с Государственной инспекцией маломерных судов пос. Провидения. По словам охотников из Сиреников, они также получили заказ на постройку байдары для ИСС-Чукотка (Инуитский приполярный совет Чукотки), а потом и для провиденской команды женщин для участия в регате фестиваля морских охотников «Берингия».

В ТСО села Сиреники 12 охотников, которые делятся на четыре бригады (звена) по три человека. Число звеньев равно числу лодок. Дополнительно шесть сельчан работают по договору и выходят в море, когда им позволяет их основная работа, если это будний день. В 2015 г. в Сирениках в бригадах было четверо юнг.

Как ведётся работа с молодёжью в этих двух сёлах? Что они умеют и какими навыками обладают по сравнению с поколением своих отцов и теми, кого Богословская и Крупник называли «первым поколением», то есть людьми, родившимися в 1900–1925 гг., старейшинами в период их работы на Чукотке в 1970–1980-х гг. (Богословская, Крупник, 2008, с.167)?

Молодые охотники 2015 года

Все характеристики охотников, признаки, по которым различались молодые охотники, по предложению И. И. Крупника, были разделены на три группы: 1) мало заметные; 2) достаточно заметные и 3) ярко выраженные.

В первую категорию вошли такие понятия, как возраст первого выхода в море, знание имени первого наставника, всей цепочки обучения и имен всех охотников в своей первой бригаде.

Вторая категория включила в себя «потребность в море» (то есть осознанное желание быть в море, в лодке); знание линии берега и названий посёлков вдоль него; умение ориентироваться по компасу, береговой линии, направлению ветра и волне; умение водить лодку среди льда, в накат, в шторм, а также высаживаться в незнакомом месте; умение колоть моржей пикой на льду; знание терминологии ветров, названий животных и типов льдов на родном языке; знание промысловых ритуалов; наконец, прикладные навыки по изготовлению кожаных ремней, пых-пыхов из нерпы, умение расколоть шкуру моржа; комплекс знаний и навыков, необходимых для изготовления байдары.

Третья категория охватила такие знания, как история своей бригады и старых охотников (охотников, которые жили во времена их отцов и дедов), осведомлённость о морзверобоях из других береговых посёлков, владение родным языком и знания о старых поселках (хотя бы их названиях).

Молодые охотники Чукотки

18 лет на момент интервью.

Юный охотник села Лорино по имени Григорий ходит в море с бригадой своего отца Льва, содержит собачью упряжку и у него зачастую

нет времени, чтобы погулять — много работы. В Лорине на китовую охоту поднимаются рано и в четыре утра уже собираются «на берегу». Он помнит, что свой первый выход в море с отцом совершил в восьмилетнем возрасте, а постоянную вовлеченность в жизнь «тройки» — третьей бригады — датирует своим одиннадцатилетием. Гриша первым наставником считает своего старшего брата Артёма, а затем перечисляет своего дядю — бригадира Эдика Рыпхиргина, своего отца Льва Рыпхиргина и Владимира Пины. Свою первую бригаду перечислил в следующем порядке: Рыпхиргин Эдуард, Пины Владимир, папа, Шах (Чиной Владимир), Тыненеут Максим и Шкиду (Долгодушев Саша). Цепочку обучения начал словами: «Смотрели, учились, а потом сами». Делать поплавки «пых-пыхи» и раскалывать моржовую шкуру для её дальнейшего водружения на каркас байдары он пока не научился, и «не сильно» умеет строить байдару, но колол моржей на льдинах.

По словам Гриши, у него нет потребности в море. Он знает берег и перечислил такие места как Аккани, Яндогай, Энмык, Сульхеюм и Утаатап — старые посёлки, названия мысов и рек в радиусе собственного опыта работы. Гриша научился ориентироваться по берегу, компасу и глобальной позиционной системе (GPS), однако пока не освоил ориентирование по волне. Ледовые путешествия самостоятельно он не предпринимал, точнее «не рулил» и на лёд сам не высаживался, однако в «чужом» месте высаживался и если будет необходимо, сможет высадиться. На родном языке перечислил несколько видов морских млекопитающих — про птиц и рыбу я не спрашивала, однако названий типов льда и ветров по-чукотски не знает (см. Богословская, Крупник, 2013). По словам Гриши, он не знаком с охотничьими ритуалами на земле и воде.

История своей третьей бригады ему пока неизвестна, и истории о старых охотниках он, может быть, в силу возраста, ещё не слышал — не уточняла. Охотников из других посёлков Гриша не знает. Про родной язык ответил, что «не сильно» знает родной язык, но команды в лодке понимает.

25 лет на момент интервью

Максим живёт в настоящий момент в селе Лаврентия и работает главным инженером по промыслу в ТСО КМНЧ «Дауркин» у Владимира Эйнеучейвуна, хотя сам вышел из лоринской «тройки». Ему 25 лет

и он из лоринской тундры. По его словам, он первый морской охотник в семье, так как его родители — оленеводы, хотя двоюродные дяди работали охотниками и до него. В море пришёл в 13 лет, и первыми наставниками стали Эдуард Рыпхиргин и его брат Лев Рыпхиргин. Была перечислена традиционная цепочка становления морзверобоем: «Сидишь и наблюдаешь, кашеваришь и убираешь на Аккани, рубишь дрова и носишь воду из реки. Наблюдаешь со стороны. Потом тренируемся на берегу и бросаем гарпун в цель, чтобы руку набить, а в дальнейшем разрешают в ослабленного кита или моржа».

Мой 25-летний знакомый перечислил свою первую бригаду в следующем порядке: Рыпхиргин Эдик, Рыпхиргин Лев, Пины Вова, Чиной Вова, Пины Лёня, Рыпхиргин Вова, Анкарольтын Вася и Торбас (Аркадий Рыкват).

У Максима есть потребность в море: он говорит, что необходимо знать, как поведёт себя море во время охоты. Береговую линию он знает в следующем порядке: Лаврентия, Пинакуль, Нунямо, Чини, Дежнёво, Уэлен, Чегитун, Инчоун, Энурмино, Нешкан, Яндогай, Аккани, Лорино, пролив (пролив между Лоринской и Мечигменской косами), Халюскино. «А дальше — Провиденская сторона», — заключил молодой охотник. Он умеет ориентироваться всеми перечисленными выше способами, кроме линии берега. Наставники учили запоминать направление ветра и волны, а также ориентироваться по шуму моря в случае тумана. Ему приходилось водить лодку в шторм и в накат. Высаживаться в незнакомом месте он умеет, а вот водить лодку во льдах — нет.

На родном чукотском языке Максим может перечислить названия животных, но не знает термины для типов льда и различных ветров (Богословская, Крупник, 2013). Как о необходимом условии последующей удачной охоты рассказывает о ритуале поить нерпу после её добычи. Знает о необходимости кормления духов при высадке в новом месте. Прикладными навыками овладевал сам и при помощи наставников. Так, ремни из лахтака его учил делать Лев Рыпхиргин, пых-пыхи учился делать сам, раслаивать шкуру ни разу не пробовал и не колол моржей пикой, так как лежбищ в районе нет. Стоит отметить, что мой собеседник — знаменитый молодой строитель байдар и бывший капитан юношеской команды «тройки». Под его командой в 2011 году в Кижях в гонке на традиционных лодках молодые чукотские зверобои обыграли всех представителей других регионов России, несмотря на одно не-

предвиденное обстоятельство (Кижская регата 2011). Молодые лоринцы самостоятельно собрали байдару, а вот моржовую шкуру не смогли натянуть. Под воздействием тепла и длительной транспортировки на самолёте от Чукотки до Карелии она почти рассыпалась, и тогда команда Чукотки накрыла каркас лодки обыкновенной баннерной тканью.

Из истории своей бригады он помнит, что до Эдуарда Рыпхиргина бригадиром был Анатолий Анкарольтын, а до него — старик Кемлиль. Из охотников прошлого знает только Геннадия Инанкеуясь. По его словам, нынешние охотники рассказывали много случаев из прошлого, но вот имен героев этих рассказов он не запомнил. Современных охотников из других посёлков знает мало: Бычкова и Элькема из Уэлена, Пенечейвуна и Рыгнаута из Лаврентия. Из Провиденского района не знает никого. На родном языке не говорит, но всё понимает — Максим жил в лоринской тундре до пяти лет и каждое лето до 11 лет уезжал туда к бабушке в оленеводческую бригаду. По его словам, на охоте в ТСО КМНЧ «Дауркин» говорят и дают команды по-русски, но «когда взрослые говорят между собой, то делают они это на чукотском языке».

26 лет на момент интервью

Следующий собеседник из Лорино происходит из семьи потомственных морзверобоев из ныне закрытого села Аккани. Владимир в первый раз вышел в море в 12 лет, а уже в 14 стал частью 3-й бригады («тройки»). Своими наставниками считает дядю и отца — Эдуарда и Льва Рыпхиргиных. Основной метод обучения озвучил кратко — смотрели и работали. Свою первую бригаду описывает по порядку: Рыкват Аркадий, Пины Владимир, Рыпхиргин Эдуард, Рыпхиргин Лев, Чиной Владимир. Бригадиром был Эдуард Рыпхиргин.

По словам 26-летнего охотника, у него есть потребность в наблюдении за морем. Он берёт свой бинокль и ходит «на обрыв» смотреть, а ещё ездит на лодке. Вопрос про знание береговой полосы вызвал замешательство, однако Владимир умеет ориентироваться по компасу, линии берега и по волне в зависимости от ветра. Он также водил лодку во льдах и высаживался на лёд — учил Владимир Пины. Касаемо терминологии на родном языке, молодой морзверобой пояснил, что знает названия животных и льда, однако не может высказаться: «понимаю всё, когда говорят, объясняют, а говорить не получается». Про ритуалы поведал, что при добыче первого кита на берегу проводится обряд бла-

годарения (то есть «встреча кита»), а в первый приезд охотников в Аккани летом также проводят поминки по предкам недалеко от села, у речки. Из прикладных навыков владеет искусством изготовления ремней и строительства байдары. Делать поправки из нерпы и колоть моржей пикой не пробовал, а вот шкуру раскалывать пытался, но безуспешно.

Мой собеседник сообщил, что из истории своей бригады знает, что одним из бригадиров прошлого был старик Кемлиль — отец Славы Кемлиль. Из охотников прошлого знает Григория Оттой, Сергея Оттой и Геннадия Инанкеуась. Из современников он знает лишь Игоря Мако-трика старшего, известного больше как Макшик из села Новое Чаплино, а больше никого из Сиреников, Янракыннота, Лаврентия, Уэлена и Инчоуна. Из старых посёлков вдоль берега ему известны такие как Аккани, Яндогай, Наукан и Нунямо. В лодке на родном языке, по его словам, говорит бригадир.

33 года на момент интервью

Мой следующий знакомый из села Сиреники. Валере 33 года и он один из тех, на кого возлагают надежду на будущее его коллеги-охотники из этого эскимосского села. Впервые он выходил в море в возрасте девяти лет, а уже с 14 лет стал систематически выходить на охоту. К первым наставникам причисляет Александра Инмугье и Владимира Тальпуки. С первым начинал ездить, а второй учил. В его первой бригаде главным был Владимир Тальпуки, а главным методом обучения был призыв старших «смотри и учись» — улыбаясь, поведал молодой морзвербой. Он помнит своего первого бригадира Тальпуки Владимира и всех охотников: Вашурина Константина, Схаугье Валерия, Каваквыргина Юрия, Етгаут Владимира и Исакова Олега.

У молодого охотника есть физическая потребность наблюдать за морем и животными. Береговую линию он знает и перечисляет всё от мыса Шпанберга, что западнее Сиреников, и до мыса Чукотского — в ту сторону сирениковцы иногда ходят за моржами и китами. Он умеет ориентироваться всеми перечисленными в опроснике способами, а учили его этому все охотники из бригады, а также дедушка Николай Каваугье. Мой знакомый хорошо владеет лодкой, а в Сирениках иначе нельзя из-за постоянного наката, поэтому мои вопросы по управлению лодкой постоянно вызывали у него улыбку, а улыбается он, как Юрий Гагарин. На эскимосском языке знает названия морских млекопитающих, но на-

Валерий (справа) и его товарищ по бригаде строят байдару. Июнь 2012. Сиреники. Фото Валерия Схаугье

званиями разных видов льда не владеет. По его словам, никогда не слышал таковых. Из названий ветров знает слово *имах,лбюк* — шторм.

К обычаям и ритуалам, которые необходимо соблюдать охотникам, относит запрет охоты на косаток (они обычно помогают охотникам), а также необходимость разделать животное так, чтобы от него ничего не осталось. Бабушка учила его, что в каждом балке перед приёмом пищи необходимо сделать *ақышақ* — покормить духов места, но только

один раз в течение сезона (нет необходимости делать это каждый раз по приезду в то же место). Молодой охотник умеет делать лахтачьи ремни и пых-пыхи — учился у Колобка (Андрея Тальпугье). Моржовую шкуру раскалывать умеет, но несколько шкур уже испортил. Колол моржей на льдине у Анатыкока — место старого эскимосского поселения ближе к мысу Лесовского. Байдары делать умеет. Во время разговора, он напомнил что в 2011 г., когда я была в Сирениках, они построили большую грузовую байдару.

Вопрос об истории его бригады снова вызвал улыбку у Валеры: «Всех знаю,— ответил он,— это была бригада (Виктора) Миенкова, а до него — Алексея Тальпугье. Это мой дедушка по маме. А до него был, кажется, дед Ратхувье». Молодой зверобой перечислил следующих охотников прошлого: Ратхувье, Тынпугье, Татыга, Панаугье, Таранай, Тыпыхкак, Миенков. Слышал о Тыгренкеу из Нунлиграна и о Кутылине из Чаплино (село Новое Чаплино). Названия посёлков перечисляет не задумываясь: Имтук, Анатыкок, Сингак, Кургу, Курупка, Кынлигак. Родным языком на разговорном уровне не владеет. В лодке существуют некоторые команды на эскимосском, например *тапусик* — второй раз гарпунить. Утверждает, что происходит из группы «аватмит», то есть его предки — родом из древнего поселения Аван у бухты Провидения.

35 лет на момент интервью

Передо мной в селе Лорино в апреле 2015 сидел один из знаменитых молодых охотников, многократный чемпион традиционной гонки на собачьих упряжках «Надежда» и капитан команды «четвёрки» на гонках на байдарках «Берингия». Его мать родом из Яндогая, а отец из Аккани. В первый раз Владимир вышел в море в шесть лет с отцом Чайвыргинным Анатолием, а потом в 11 стал постоянно охотиться. Своим первым наставником считает Пины Владимира. Молодой охотник сначала был в «тройке». Бригадиром был тогда Кемлиль Сергей — брат Славы. Далее его наставником был Анканро Евгений из первой бригады. В то время в первой бригаде были Григорий Оттой, Сергей Оттой, Анканро Евгений, Сергей Оккей и Станислав Выквытке. Цепочка обучения начиналась с небольших работ: принести воды (в лагере охотников на Аккани), угля, дров. Потом в море учат: смотришь, запоминаешь, а потом дают кинуть в загарпуненного кита — «иди учись».

У Владимира есть потребность наблюдать за морем. Береговую линию представляет в следующем порядке (с севера на юг. — *Ред.*): Аккани, Горячие ключи, Раупелян, Оттоевская (изба), Халюскино. В море ориентируется прежде всего по берегу, по компасу, по волне, GPS. Водить лодку способен во всех условиях, на лёд высаживаться учились на лоринской речке летом — «нам дали байдарки и велели учиться самим». Высаживался во всех местах: «По северу и югу — везде был». На родном языке назвал всех животных, которые были предложены, учитывая половозрастные особенности: морж, нерпа, лахтак, кит, медведь, заяц, самка моржа, маленький моржонок с тонкими клыками, годовалый морж и взрослый морж. Из названий льдов на чукотском языке знает пайвытляген — «большущий лёд».

Из ритуалов Владимир перечислил следующее: учили, что когда добывают первого кита, надо кусочек в море кидать; на новом месте сначала кидают мясо духам, а потом можно самим есть; сивучей нельзя бить ... «их нет в квоте».

Владимир владеет навыками изготовления ремней, строительством байдары, умеет колоть моржей пикой, а вот пых-пыхи делать не учился, но видел как дед Эллы мастерил. Колоть моржовую шкуру не пробовал.

Из истории «тройки» знает, что там бригадиром был старик Кемлиль, который позже стал просто наставником. У «первачей» бригадиром был Григорий Оттой, а до этого их (Григория и Сергея) отец От-

той. Из охотников прошлого помнит Якова Эттон (провалился под ледовый козырёк в 2012), Геннадия Инанкеуясь, Виталия Гуванрольтат. Из современников знает (Артура) Апалю из Янракыннота, отца и сына Макотриков и Агнагисяк Максима из Нового Чаплино, Владимира Пенечейвуна и Максима Тыненеут из Лаврентия, Илькей Эдуарда из Инчоуна.

Что касается владения родным языком, то признался, что понимает всё, но говорит мало.

Дополнительно мне удалось опросить еще двух человек, которые оказались рядом в момент беседы с Валерой в Провидения и Владимиром в Лорине. Оба принадлежат к «пятому поколению охотников» по классификации Богословской–Крупника, то есть к людям, родившимся в 1950–60-е гг. (Богословская, Крупник, 2008, с.170).

Наставники из Лорино и Сиреников

51 год на момент интервью

Моего собеседника зовут Валерий и он представитель ТСО КМНЧ «Сиреники». Он аватми (то есть из потомков жителей Авана. — *Ред.*), но успел пожить в билибинской тундре и поработать оленеводом, когда отрабатывал «калым» за свою будущую жену. Валерий в первый раз вышел в море в шесть лет и начал свою систематическую охоту в 14. Его наставниками были Андрей Анкалин, Михаил Юхак и Пётр Тыпыхкак. Познавал морской промысел по принципу: «смотри и учись». В его первой бригаде были Анкалин Андрей, Миенков Виктор, Татыга Виктор, Паля Валерий, Юхак Михаил. По его словам, в селе было шесть бригад и 44 охотника до 1996 г. Потом «их кто-то сократил».

У Валерия есть физическая потребность наблюдать за морем. Он был почти во всех местах побережья: Анатыкоке, Имтуке, Сингаке, мысе Якун, Курупке и Кургу. Этот представитель старшего, «пятого» поколения охотников умеет ориентироваться всеми способами, кроме GPS. На родном эскимосском языке знает общее название льда *сику*, знает названия животных. Про ритуалы поведал, что нельзя добывать косаток и белого медведя. Из прикладных навыков умеет всё — от изготовления ремней до строительства байдары.

Из истории бригады поведал, что в ней были Тальпугье, Каваугье, Панаугье, Ратыгрувье, Намылин, Туглик и Анкалин. К знаменитым

охотникам прошлого отнёс Тыпыхкака, Панаугье, Каваугье, Анкалина, Юхака и Прохорова. Из нынешних соседей знает Кычи из Нунлиграна, Макотриков из Нового Чаплино и Апалю из Янракыннота. Из Лорино знает Оттой Алексея и Рыпхиргина Эдуарда. Про родной язык говорит, что очень хорошо его знал до 2000 г. Но сейчас уже «мало с кем разговаривать»: остались только Инна Исакова, Сергей Горбунов и некоторые другие.

55 лет на момент интервью

Мой следующий собеседник — Лев из Аккани опытный охотник, а ныне наставник молодёжи в селе Лорино. В море пошёл в первый раз в 14 лет и состоял в «четвёрке», а всего, по его словам тогда было шесть бригад. Говорит, что раньше было интересно охотиться и соревноваться по добыче, так как «было соцсоревнование». Геннадий Инанкеуясь стал его первым наставником. Процесс обучения проходил по уже привычной схеме — «смотри и учись». В его четвёртой бригаде тогда был старик Василий Кемлиль, Оттой Гриша, Тею Юрий и Геннадий Инанкеуясь.

Несмотря на болезнь, отлучившую его от ежедневной охоты, Лев ходит «на обрыв» и наблюдает за морем и Аккани вместе с другими не практикующими охотниками. Он ориентируется в море всеми известными способами и водит лодку в любых условиях. Береговую линию знает и перечисляет так: Яндогай, Гетлянен, Кыргыз, Кыкун, Аккани, Нунямо, Пинакуль, Наукан. Мой собеседник прекрасно владеет родным чукотским языком, знает названия животных и сумел быстро вспомнить два направления ветра: *хмельэтгын* — когда «отсюда» дует и *амгуатын* — западный. Из ритуалов называет запрет охоты на косатку и правило кормить духов в море, когда первый раз выходят на охоту после зимы. Из прикладных навыков умеет делать всё, что требуется охотникам на промысле, только не колол моржей на льдине.

Лев назвал всех бригадиров из шести бригад прошлого: бригада № 1 — старик Оттой, бригада № 2 — старик Анканро, бригада № 3 — Анкарольтын, бригада № 4 — старик Кемлиль, бригада № 5 — Эйнеучейвун (отец нынешнего председателя ТСО КМНЧ «Дауркин»), бригада № 6 — старик Эллы. Из современных охотников на всём севере и юге знает только Бегемота (Дмитрий Гематагин) и Апалю (Артура) из Янракыннота.

Анализ

В своей статье о шести поколениях охотников Богословская и Крупник (2008) пишут, что охотники второго поколения, т.е. родившиеся в 1925–1935 гг., в основном начинали ходить в море в шестилетнем или восьмилетнем возрасте. Если взять средний возраст пятерых сегодняшних молодых охотников, то это около 10 лет. Делать сильного акцента на этом нет смысла, так как мое исследование имело ограниченный характер и при большем количестве опрошенных эта цифра может измениться. Важно отметить, что в последние советские десятилетия постоянно усложнялись правила перевозки детей наземным, и тем более водным транспортом, включая полный запрет на их выход в море с промысловыми бригадами. Наличие пограничной заставы в селе Сиреники до сих пор оказывает влияние на присутствие (или точнее отсутствие) совсем маленьких охотников в лодках. Один из моих знакомых из Сиреников рассказал, что он так и не стал охотником, так как из-за своего высокого роста никогда не мог спрятаться в лодке от пограничников и пойти в море. В то же время в Лорине, после переноса заставы в районный центр Лаврентия, передвижение более свободное, и взрослые охотники могут возить «малышню» на свою базу Аккани.

Наличие промысловой базы охотников в Аккани способствует не только сохранению там мини-посёлка с чукотским разговорным языком, но и превращает его в ту языковую среду, где молодёжь постоянно слышит родной язык и вынуждена понимать и исполнять команды старших. База особенно загружена с началом периода навигации, обычно с мая. На Аккани постоянно находятся охотники из бригад и всегда чьи-то дети — не обязательно дети охотников. В период заготовки моржового мяса количество детей и юнг может превышать количество охотников. В селе Сиреники у охотников нет такой базы. Они часто уезжают, как говорят в селе, «на Курупку». Это — название большой реки, которая находится в 50 км западнее села и куда охотники могут уходить рыбачить или охотиться. По словам сирениковцев, на Курупке два балка (домика): один около моря, а другой — немного выше по реке. Первый используется во время рыбалки, а второй раньше использовали заготовщики пушнины, но в настоящий момент он пустует.

Своего первого наставника помнят все молодые охотники без исключения, а некоторые — даже двух или трёх, из которых один всегда

*Два поколения
современных морских
охотников Сиреников –
пятое и седьмое.
Фото Инны Исаковой*

родственник. Проверить знание прежней цепочки обучения в бригаде не удалось, так как ни один из опрошенных не называл юнгу, матроса, стрелка и моториста в качестве определённых позиций для роста. Все семеро опрошенных охотников отвечали одно: «смотрели и учились».

Свои первые бригады помнят все информанты. Первая бригада 51-летнего Валерия оказалась знакомой и мне — он назвал имена всех знаменитых сирениковских охотников из книг Богословской и Крупника о морском зверобойном промысле и истории Чукотки (Богословская, 2003; Богословская и др., 2007, 2008; Крупник, 2000). Рассказы молодых лоринцев более современные, и их первые бригады и бригадиры — ныне действующие и работающие социальные ячейки и люди.

Переходим к отличиям на тонком уровне. Потребности в наблюдении за морем пока нет только у 18-летнего Гриши. Предположу, что это из-за того, что он ещё молод и море для него как Чёрное море в сезон для жителей Сочи — оно есть, но они не купаются, так как нет времени. У Гриши своя упряжка и она занимает много его времени. Знание линии берега, а точнее названий посёлков вдоль побережья продемонстрировали все опрошенные. В свою очередь, они часто перечисляли вместе со старыми посёлками названия мысов и рек. Ориентироваться в море разными способами умеют все, однако Валерий (51 год) не владеет GPS, а Гриша (18 лет) не знает как ориентироваться по волне. У обоих это — вопрос времени и опыта: можно подучиться. В ледовых полях лодку не водили только два человека, а вот в шторм и накат высаживались все.

Вопрос о знании промысловой терминологии на родном языке, особенно названий льда и ветров, многих ставил в тупик. Здесь стоит

обратиться к категории «заметных отличий», поскольку вся молодёжь призналась в том, что понимает родной язык, только не может говорить. Мария Пупынина (2013) отмечала, что ещё возможно встретить 30–40-летних чукчей, хорошо владеющих родным языком. Во время своей работы в Лорине в 2011 г. я встречала таких людей. Одному было тогда 30 лет, и он живо беседовал с охотниками старше себя на 20 лет в Аккани. Аккани — это до сих пор территория чукотского языка. На нём говорят во время еды, игры в нарды и, конечно, много шутят. Поэтому молодые охотники — ученики и юнги, начиная с 8–12 лет, которых там очень много (на каждого взрослого по одному или два), постоянно слышат родную речь. Охотники старшего поколения переживают, что молодёжь не знает родного языка, но не теряют надежды и продолжают говорить по-чукотски. В 2011 году старшеклассницы из лоринской школы сказали мне, что стесняются разговаривать по-чукотски, так как их родители смеются над их фонетикой. «Нам говорят, что мы неправильно произносим слова, поэтому мы не говорим».

Никаких ритуалов, связанных с охотой, не назвал лишь Гриша. Может быть потому, что в лодке есть папа, дядя и брат, которые за этим следят.

Все молодые морзверобои могут делать то же, что и их предки из старших поколений: они режут ремни из лахтака и делают пых-пыхи, при этом обучились данному ремеслу самостоятельно. Различается ситуация с расколом шкуры. Валерий из «пятого поколения» говорит, что молодёжь («седьмое поколение») сейчас на берегу и учится: «Я им дал шкуры — не жалко». Поэтому мой 33-летний собеседник Валера из того же села уже раскалывал шкуры. В селе Лорино шкуры раслаивают, но это делают только старшие опытные охотники и далеко не все. За все три посещения села я слышала только про дедушку Эллы (Эллы Вячеслав) и про действующего председателя ТСО КМНЧ «Лорино» Алексея Оттой, которые умеют колоть шкуры.

Все пятеро молодых охотников умеют мастерить байдару. В XXI веке жители чукотских сел буквально поставили изготовление байдар на поток. Из-за своего стремления соревноваться и привлечь молодёжь к промыслу они один раз в два года меняют шкуру на своих гоночных байдарках, раз за разом проходя процесс ремонта каркаса, добычи самок и заготовки шкуры. Однако, они помнят, что в XX веке самые искусные строители байдар жили в селе Сиреники.

*Высадка
сирениковских
охотников на лёд у
мыса Столетия в
июне 2012. Фото с
мобильного телефона
Валерия Схаугье*

*Охотники
изготовили поплавок
из нерпы, так как
резиновые быстро
изнашиваются.
Сиреники 2011.
Фото автора*

*Строительство
байдары в
Сирениках, июнь
2012. Второй слева
Валерий Каваугье,
первый слева
Игорь Каваугье,
крайний справа
Андрей Тальпугье.
Июнь 2012. Фото
Валерия Схаугье*

Одним из неназванных навыков является метание гарпуна в кита или моржа. Картину «набивания руки» я видела в августе 2011 года на берегу в Лорине. Мы ожидали дополнительных пассажиров до Аккани в лодку Геннадия Инанкеуясь, а в это время его младшие дети бросали палку, имитируя гарпунёра. Этим же в свободное время занимались участники Кижской регаты, пока строили байдару (Кижская регата 2011). На фестивале морских охотников «Берингия-2015» проводился конкурс по метанию гарпуна на дальность. Мой знакомый Станислав из «первачей» говорит: «Вот был бы это конкурс на точное попадание, я бы выиграл — три раза попал в одно и то же место. Я ж небольшого роста и не могу далеко метнуть». Охотники из Сиреников говорят, что метать гарпун дают сразу в море и это всегда получалось.

Историю своей действующей бригады знает практически вся молодёжь. Трое молодых охотников из Лорина назвали старика Кемлиль, а самый старший собеседник Лев назвал бригадиров своего времени: Оттой, Анканро, Анкарольтын, Кемлиль, Эйнеучейвун и Эллы. Опытных охотников прошлого знают, но для молодых лоринцев опытным и самым известным является представитель пятого поколения Геннадий Инанкеуясь. Оба Валерия из Сиреников назвали всех охотников из книг Богословской и Крупника: Панаугье, Каваугье, Тыпыхкак, Анкалин, Миенков.

Охотников из соседних сёл мои собеседники знают не очень хорошо или совсем не знают. Лоринцы называют пару имён из села Янракыннот, а сирениковцы — из Нунлиграна и Нового Чаплина, т.е. ближайших к ним поселений. В 2011 году один из сирениковских морзверобоев посетовал на отсутствие встреч между общинами, в то время как в 80-е годы прошлого столетия, по его словам, подобные встречи практиковались.

Во время интервью молодые охотники почтительно и уважительно говорили о старших, о своих наставниках, которые научили их рабочему ремеслу, несмотря на то, что все начинали с малого: носили воду, помогали, работали юнгами и слушали. Летом 2011 года в промысловой базе Аккани мне пришлось несколько раз стать свидетелем сцены, когда старший охотник без выраженной просьбы и даже повышения голоса говорил куда-то в пустоту: «надо принести воды», «...помыть посуду», «...посмотреть, как там лодка», «...сходить на берег». На такие высказывания юнги или даже маленькие мальчики поднимались и бежали за водой, помыть посуду и проверить лодку.

Заключение

Данная статья не даёт полной картины поколения охотников, рождённых в 1980–1990 годы из-за малого количества опрошенных мной информантов. Исследование проходило в максимально сжатые сроки и в условиях ограниченного передвижения между посёлками. В апреле 2015 года многие молодые охотники из Лорина были за пределами села, помогая оленеводам, а из Сиреников — на охоте или рыбалке.

Тем не менее, даже эта небольшая зарисовка из двух береговых сёл Чукотки проливает свет на молодых, по-своему опытных мужчин, овладевающих навыками охоты на морских животных всё по той же тысячелетней цепочке обучения — «смотри и учись». Опрошенные молодые охотники, средний возраст которых 27 лет, не представляют свою жизнь вдали от моря, как не представляют и другого занятия, чем морской промысел.

Во время составления опросника многие детали не были учтены, в частности качество передаваемых знаний в случае использования русского языка и в отсутствие родного языка, как, например, знание национальной терминологии льда и названий ветров, которая ярко представлена в книге «Наши льды, снега и ветры» на чукотском и эскимосском языках с рисунками и фотографиями (Богословская, Крупник, 2013).

Кроме того, не ставилась задача выяснить количество наставников в каждом из сёл по отношению к общему количеству охотников и молодых охотников в частности. Оба взрослых представителя из Лорина и Сиреников говорили об уменьшении количества бригад, а значит — и об уменьше-

Время заготовки кымгытов (моржовых рулетов) – на одном уровне со взрослыми работают юноши, подростки и совсем мальчишки. Аккани, 2011. Фото автора

нии числа людей, занятых в морском зверобойном промысле. Пока неизвестно, как это может повлиять на дальнейшую передачу знаний, умений и навыков, способствующих сохранению исторического образа жизни.

Тему о молодых охотниках Чукотки, рождённых в 1980-х и 1990-х гг., нужно обязательно продолжить, чтобы зафиксировать информацию, которой придавала такое значение Л. С. Богословская.

P.S. К моменту сдачи этой статьи 25 сентября 2015 года в селе Сиреники произошло событие, которое очень по-доброму всколыхнуло всех охотников. Учителя и ученики местной школы организовали праздник «День охотника», который, согласно книгам «Пусть говорят наши старики» (Крупник, 2000) и «Наукан и науканцы» (Леонова, 2014), раньше проводили в сентябре. Они также приготовили фото-стенд «Связь поколений». Жёны охотников приготовили специальную песню.

Утром того дня я была на берегу, и один молодой охотник говорил, что это первый праздник специально для охотников с «Дня Кита» 1988 года. Кроме песен, стихов и слайд-шоу, демонстрирующего цветные фотографии современных охотников и чёрно-белые снимки их предков, прошла демонстрация навыков вязать морские узлы. На сцену пригласили в качестве наставника моего 33-летнего собеседника и его 15-летнего ученика.

Благодарность

Я благодарна всем знакомым из сёл Сиреники и Лорино, которые нашли время для встреч со мной в Провидения или принимали меня в Лорино. Спасибо Папе Эдику за его роль проводника по «молодым» в Лорино; Сидору из Сиреников за желание помочь в моем небольшом исследовании и за его рассказы о молодых эскимосских охотниках и их успехах. Отдельное спасибо всем, кто гостеприимно принимал в своих домах гостью из Провидения, согревал своим вниманием, теплом и горячим чаем.

Искренняя благодарность Игорю Ильичу Крупнику за приглашение войти в команду сборника памяти Л. С. Богословской, его подсказку темы и доброжелательную критику.

Самые тёплые слова моей признательности пусть прочитают Григорий Р., Владимир Р., Владимир Ч., Максим Т., Лев Р., Валерий К. и Валерий С. Во время всей работы над публикацией они уточняли и дополняли сведения о морском зверобойном промысле и людях в своих

посёлках. Если бы не вы — не было бы и этой статьи о молодых охотниках «поколения 7». Надеюсь, мы вместе ещё поработаем над этой темой, которую оценила бы Людмила Сергеевна!

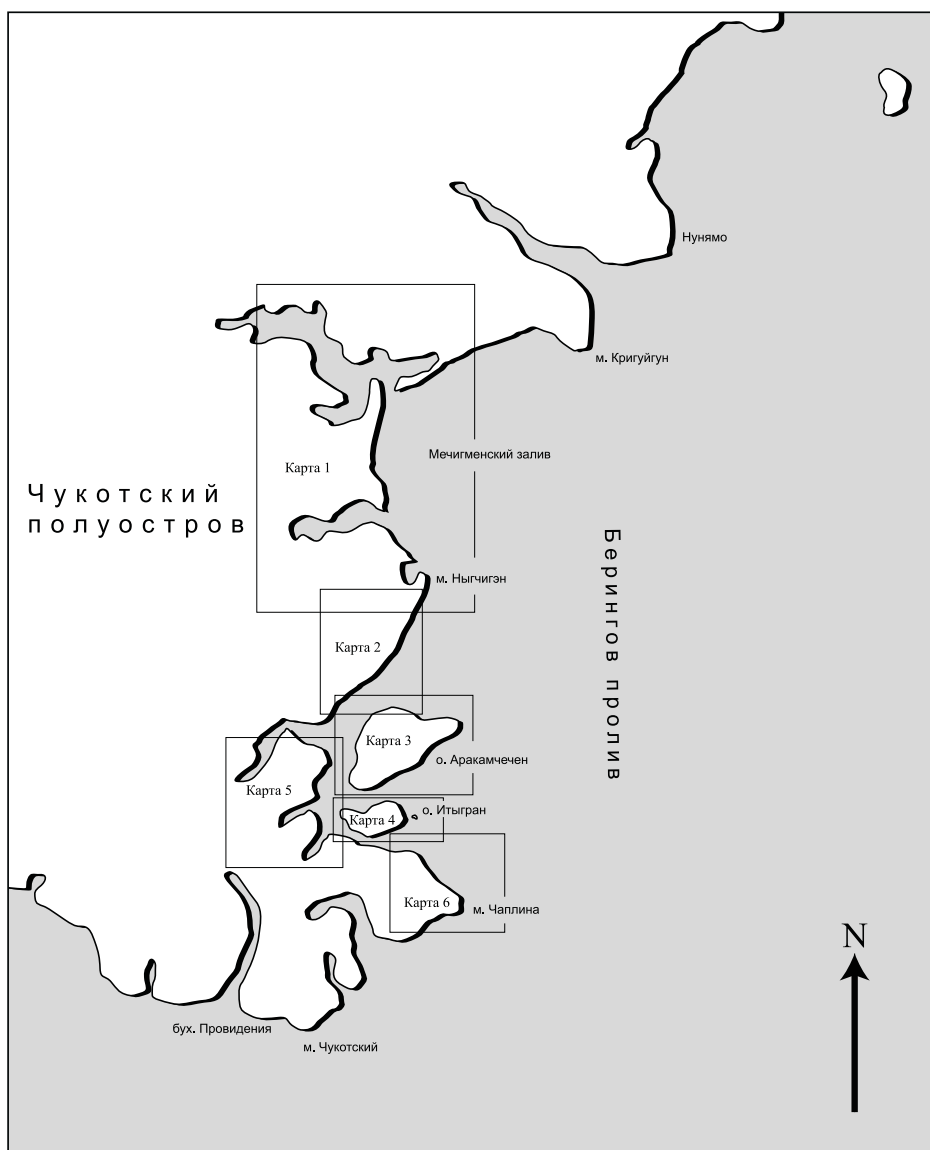
Литература

- Айнана Л. С., Татыга В., Тытыккак П., Загребин И. А. 2003. Байдара: традиционная кожаная лодка береговых жителей Чукотского полуострова. Посёлок Провидения — село Сиреники // Анкоридж: Программа «Объединённое Наследие Берингии».
- Богословская Л. С. 2003. Киты Чукотки. Пособие для морских охотников // Наследие Берингии. Вып. 1. Москва–Провидения–Анадырь: Институт Наследия.
- Богословская Л. С., Крупник И. И. 2008. Традиционный морской промысел Чукотки на рубеже веков. Смена поколений // В кн.: Тропую Богораза. Научные и литературные материалы. Л. С. Богословская, В. С. Кривощёков, И. И. Крупник, ред. Москва: Институт Наследия. С. 166–174.
- Богословская Л. С., Крупник И. И. ред. 2013. Наши льды, снега и ветры: Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки. — Москва: Институт Наследия.
- Богословская Л. С., Слугин И. В., Загребин И. А., Крупник И. И. 2007. Основы морского зверобойного промысла. Научно-методическое пособие. — Москва–Анадырь: Институт Наследия.
- Кижская регата. 2011 Кижская регата. Часть 2. http://www.youtube.com/watch?v=F7aqjYe2F74&list=FLmxVtduI6NTgKUK%20_5QUIRFw&index=5&feature=plpp_video Доступ 26.08.2015.
- Крупник И. И., сост. 2000. Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1975–1987 гг. — Москва: Институт Наследия.
- Леонова В. Г., сост. 2014. Наукан и науканцы / Нувук, ак, ынкам нувук, ак, мит. — Владивосток: Дальпресс.
- Перепись 2010. Результаты Всероссийской переписи населения http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm. Доступ 26.08.2015
- Пупынина М. Ю. 2013. Чукотский язык: география, говоры и представления носителей о членении своей языковой общности. // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанская. Т. IX. Ч. 3. Сборник статей к 60-летию Евгения Васильевича Головки / Сост. и ред. тома Н. Б. Вахтин, Е. В. Перехвальская. — СПб.: Наука.
- Krupnik I., Vakhtin N. 1997. Indigenous knowledge in modern culture: Siberian Yupik ecological legacy in transition // Arctic Anthropology, Vol. 34. № 1. Pp. 236–252.
- Yashchenko Oxana. 2013. Why are Lorino and Sireniki so different? Exploring communities through festivals, language use and subsistence practices in contemporary Chukotka. — Fairbanks: University of Alaska Fairbanks. MA Thesis.

Эскимосская топонимика района пролива Сенявина (юго-восточная Чукотка)

М. Членов

В данной статье идет речь о территории Провиденского и Чукотского районов Чукотского автономного округа. Это регион, где Людмила Сергеевна Богословская работала почти сорок лет и для которого она так много сделала.

Картограмма района островов пролива Сенявина (цифрами помечены сектора, по которым распределяются топонимы в прилагаемом ниже списке)

Реальная история этой части крайнего Северо-Востока России весьма сложна и отражена, в том числе, и в топонимии, т.е. в корпусе географических названий. К сожалению, несмотря на ряд предшествующих публикаций (Меновщиков, 1972; Леонтьев, Новикова, 1989; Krauss, 2004), многие десятки (сотни?) названий на местных национальных языках еще не собраны. Сегодня многие из них, увы, преданы забвению, вместе с другими элементами народных знаний, которыми уже слабо владеет молодое поколение коренных жителей Чукотки — чукчей и особенно эскимосов.

Владимир Тагитуткак (1922–1999) во время пребывания в заброшенном поселке Сиклюк, где прошли его детство и молодые годы, июль 1981 г. Фото С.А. Богословского

Топонимы, представленные в этой статье, были записаны мной в 1970–80-х гг. от нескольких эскимосских и чукотских старожил, для которых русский язык еще не был родным и которые были заняты в традиционных видах хозяйства: морском зверобойном промысле и оленеводстве. Особенно велик вклад двух человек: эскимоса Владимира Тагитуткака (1922–1999) и чукчи Виринеута (1925 — ?).

Тагитуткак родился в поселке Напакутак на острове Итыгран, затем переехал в поселок Сиклюк, а после его закрытия в 1951 г. переселился в Унгазик (теперь известный под названием Старое Чаплино), откуда вместе со всеми чаплинцами был переселен в 1959 г. в Новое Чаплино, где и жил на пенсии, когда мы встретились с ним летом 1981 г. Он принимал участие в нашем четвертом обследовании памятника «Китовая аллея» и его окрестностей в июле 1981 г. (Арутюнов, Крупник, Членов, 1982; Членов, Крупник, 1984), с последующим плаванием на вельботе до бухты Лаврентия (см. статью И. Крупника). Уже в то время Тагитуткак был самым старшим из оставшихся бывших жителей Сиклюка и считался неофициальным эскимосским «хозяином» Сиклюка и всего ре-

Виринеут (слева) и ново-чаплинский охотник Николай Панагиргин. Остров Аракамчечен, июль 1981 г. Фото С.А. Богословского

гиона пролива Сенявина. Мы провели с ним много времени, посетив оба острова, Итыгран и Аракамчечен, и примыкающие к проливу территории Ново-Чаплинского и Янракыннотского сельских советов. От него записана большая часть эскимосских топонимов, которые он помнил с детских лет и использовал в молодые годы, когда охотился здесь на морского зверя.

Виринеут, по прозвищу «Тамара», прожил другую жизнь. Он родился в Янракынноте в семье оленых чукчей, но оленей у них было немного, так что семья переезжала с место на место, сочетая оленеводство с морским промыслом. Его родной язык — чукотский, и во время нашей встречи в том же 1981 г. он плохо говорил по-русски, хотя и понимал русскую речь. В 1964 г., т.е. будучи уже немолодым мужчи-

ной по чукотским меркам, он вместе с семьей переехал на необитаемый остров Аракамчечен, где работал охранником самого крупного моржового лежбища Чукотки, а также охотился зимой на пушного зверя. История аракамчеченского лежбища связана с борьбой первых органов Советской власти с местными шаманами как «классовыми врагами» народов Севера. В 1910-х гг. чукотский шаман по имени Акыр установил контроль над этим лежбищем и провозгласил себя его «хозяином». В 1929 г. постановлением незадолго до этого созданного местного органа советской власти Акыр был выселен с лежбища (Арутюнов и др., 1982, с. 63; Krupnik, Chlenov, 2013, с. 232–234). Примечательно, что жена Виринеута, Зина была внучкой Акыра

Поразительно, насколько по-разному эти два человека, принадлежавшие к двум разным культурам, морской эскимосской и тундровой чукотской, воспринимали пространство. Тагитуткак перечислял то-

понимы, как бы мысленно проплывая вдоль берега. Пространство для него — это линия с приметными точками на ней, как он сам выразился, «чтобы легче было говорить, где был, откуда пришел, для этого давали названия». Его точка отсчета — берег, а он как бы смотрит на берег с моря. Для Виринеута остров — не береговая линия, а круговое пространство, в центре которого стоит он сам. Когда я попросил его перечислить известные ему чукотские названия Аракамчечена, он, на первый взгляд, стал давать их в совершенно хаотическом порядке, перескакивая с южного берега на северо-восточный, потом на северо-западный, совершенно не сообразуясь с «реальным» расположением и последовательностью этих точек на карте. Лишь позже я понял, что в его сознании все эти точки соединены радиусами круга, в центре которого стоит он сам.

Топонимика западного берега Берингова пролива вообще необычайно многослойна. Ее достаточно точно охарактеризовал человек, далекий от филологических изысканий, но попавший в те края и имевший дело в том числе и с местными географическими названиями, тогдашний директор уэленского совхоза «Герой труда» Владимир Семёнович Ляшенко, с которым я беседовал в 1986 г.:

«Существует несколько систем названий: почти забытая эскимосская, которую помнят 5—10 человек; довольно живая чукотская, бытующая среди чукчей; местная русская туристическая: 1-ая речка, 2-я речка, Долина смерти, Наукан, Старый Наукан и пр.; морская русская, где словом «Дежнёв» называют много разных пунктов: Наукан, пост Дежнёво, наконец, весь массив в целом. Любопытно, что никто не знает названия «мыс Пеэк», которое есть на всех картах».

Моей задачей в те годы была фиксация именно эскимосских названий (топонимов), которые, как я опасался (и, оказалось, справедливо), могут исчезнуть из памяти местных жителей, будучи заменены какими-то другими. Под «районом пролива Сенявина» я понимаю территорию на юго-востоке Чукотского полуострова, от северного берега мыса Чаплина на юге и до Мечигменской губы на севере, включая острова Итыгран и Аракамчечен и несколько окружающих более мелких островков. Сегодня этот район осваивается эскимосскими и отчасти чукотскими жителями села Новое Чаплино и чукотскими жителями села Янракыннот; оба они административно относятся к Провиденскому району Чукотского округа.

Еще, возможно, два и, безусловно, три века тому назад вся береговая линия на этом пространстве была ареалом обитания, пусть не сплошным, азиатских эскимосов. На протяжении последних веков исторические и этнические процессы привели к активной ассимиляции эскимосских общин чукчами, усвоению эскимосами чукотского языка и формированию в этом регионе новой общности — береговых чукчей. Еще в конце XVIII в. эскимосский язык был зафиксирован в Уэлене; топонимика указывает на эскимосский субстрат на всем пространстве от побережья Чукотского моря вплоть до Анадырского залива (Этнографические материалы., 1978; Леонтьев, Новикова, 1989, с. 21–23; Krauss, 2005, pp. 164–170; Chlenov, 2006).

Отдельный анклав на выступе скалистого мыса Дежнёва занимали науканские эскимосы, чье появление на азиатском материке следует отнести к намного более позднему времени, чем формирование «чаплинского» эскимосского языка (чаплинский юпик) (Членов, 1988; Krauss, 2005). Последний до появления береговых чукчей в зоне Берингова пролива и на побережье Чукотского моря занимал, по меткому выражению М. Краусса, Z-образный ареал: от Колючинской губы на северо-западе, далее — через все азиатское побережье Берингова пролива вплоть до бухты Провидения и, наконец, остров Сивукак, ныне известный как остров Св. Лаврентия (Krauss, 2005, p. 174). Иными словами, почти вся береговая зона Чукотского полуострова была занята носителями чаплинского юпика; они же, по всей вероятности, создавали и эскимосский топонимический комплекс этого ареала. На юго-западе они граничили с носителями старосиренинского эскимосского языка, на выступе мыса Дежнёва — с науканцами (Krauss, 2005, pp. 171–180). Но уже во второй половине XIX века «чаплиноязычное» эскимосское население было вытеснено в фьордовую зону юго-востока Чукотского полуострова, т.е. между современным поселком Сиреники на западе и островами пролива Сенявина на востоке.

Рассматриваемый нами регион, таким образом, делится на две части. Южная часть, включая мыс Чаплина, прилегающие к нему бухты Румилет, Инахпак и отчасти Аболешева, а также остров Итыгран, относилась до недавнего времени к эскимосскому топонимическому ареалу, а северная — остров Аракамчечен и материковый берег от бухты Пэнкигнэй до Мечигмена — к чукотскому. Переходной зоной можно считать южный берег Аракамчечена, который до середины XX в. ча-

стично осваивался чаплинскими эскимосами и где сохранилась эскимосская топонимика наряду с преобладающей уже чукотской. Во всем ареале взаимовлияние эскимосского и чукотского компонентов было весьма интенсивным. Но если в южной части эскимосский компонент доминировал еще совсем недавно, а чукотский компонент подвергался эскимосской адаптации, то в северном ареале эскимосские названия сохранялись только за крупными и приметными объектами, такими как Масик (современный Мечигмен), Нукак (современное Лорино) и пр., а все без исключения эскимосские подверглись чукотской адаптации или просто заменились чукотскими.

Отметим здесь несколько особенностей местной топонимии Чукотки. Ни эскимосы, ни чукчи не давали названий тем объектам, которые считались крупными и приметными для мореплавателей: морям, крупным островам, большим проливам и заливам. Мы не найдем в местной топонимике аналогов таких объектов, как Чукотка, Берингово море, Анадырский залив, Аляска и т.п. Но и более мелкие объекты часто не поименовывались, например, оба крупных острова пролива Сенявина, Аракамчечен и Итыгран, не имели своего отдельного названия как острова ни в чукотском, ни в чаплинском эскимосском языках. Они назывались по каким-то объектам на самих этих островах, населенным пунктам или приметным мысам.

Только после прихода европейских мореплавателей на картах стали появляться якобы «туземные» названия островов в целом: Итыгран, образованный от урочища Ыстыграк на северном берегу острова (см. ниже), Киги от крайнего восточного мыса Аракамчечена, Сивукак по западному мысу и стойбищу на острове Св. Лаврентия и др. Что касается островов, то отдельные наименования получали только ненаселенные островки, на которых обычно располагались птичьи базары: Нунан,их,ак, (Nunangighhaq), К,йх,к,ак, (Qiighhqaq) и др.

Наиболее характерными объектами эскимосской топонимии были населенные пункты, мысы и скалы на морском берегу, реки и ручьи, лагуны и то, что мы называем в нашем перечне топонимов «урочищами». Под этим термином мы понимаем участок берега между двумя мысами, или какими-либо иными приметными объектами, например, озерами или лагунами. Еще одна характерная особенность эскимосской топонимии в районе пролива Сенявина заключается в размытости грани между топонимом и апеллятивом. Нередко географический объ-

ект называется просто именем нарицательным. Хорошим примером этому может служить, например, название достаточно крупного озера на мысу Чаплина, которое называется просто Найвак, (Naayvaq), т.е. «озеро». Далее этот апеллятив адаптируется в чукотский язык в форме Найван и уже в этом виде появляется на современных географических картах. Основы эскимосских топонимов образуют, как правило, нарицательные апеллятивы, но в редких случаях встречаем и образованные от личных имен, например, Акатам пегивига, (Akatam pēghivigha).

На сложную картину двуязычной эскимосско-чукотской топонимии накладывается с середины XVII в. русская, также состоящая из нескольких слоев. Первый слой создавался русскими промышленниками и казаками в XVII—XVIII вв., примерами чего могут служить мыс Русская кошка в устье Анадыря, мыс Чукотский, видимо, два мыса Сердце-Камень (в заливе Креста и на побережье Чукотского моря) и т.п. Второй слой, более интенсивный, относится к названиям, которые давали русские мореплаватели XVIII—XIX вв., среди которых в нашем регионе особенно значительный след оставила экспедиция 1826—1828 гг. под командованием Ф.П. Литке на шлюпе «Сенявин», имя которого и получил сам пролив Сенявина. Со второй половины XIX в. начинают накапливаться многочисленные названия, присваивавшиеся различными гидрографическими, а в XX в. — топографическими и геологическими партиями, что, очевидно, продолжается и по сию пору. Среди последних топонимов есть произвольные названия, следующие принятой в тот или иной период топонимической моде (например, ручей Звонкий, мыс Острый и т.п.); есть названия, образованные от антропонимов (мыс Мертенса, гавань Глазенапа и т.п.); но особую группу составляют адаптированные русским языком чукотские, реже эскимосские топонимы, которые мы здесь рассматриваем как часть русского топонимического комплекса (мыс Амаго-Мельгот, мыс Кувылокуок, озеро Найван и т.п.)

Наконец, к этому топонимическому «вавилону» на Чукотке следует добавить еще и английские названия, данные английскими и американскими мореплавателями в XIX — начале XX в. Они в основном сосредоточены в районе бухты Провидения (сама бухта Провидения, бухта Хед (Head), урочище и гора Эстихед (East Head) и т.п.). В районе пролива Сенявина можно указать на анекдотический случай поименования нескольких горных вершин на Аракамчечене. Ф.П. Литке в 1828 г. назвал высочайшую гору острова именем Афос (Athos) по Афонскому сраже-

нию под командованием Д.Н. Сенявина. Следующая экспедиция под командованием американского мореплавателя Джона Роджерса составила в 1856 г. карту, которая послужила вместе с картой Литке основой всех последующих карт дореволюционного периода. Очевидно, решив, что гора Афос названа в честь героя романа Дюма, опубликованного в 1844 г., Роджерс дополнил топонимику острова еще тремя названиями гор: Арамис, Портос и Д'Артаньян и присоединил к ним также гору своего имени в юго-западной части Аракамчечена. Впоследствии на исправленной и дополненной карте лейтенанта М.Л. Онацевича 1876 г. гора Атос снова превращается в Афос, гора Портос исчезает, а Арамис и Д'Артаньян приобретают «чукотское» звучание Авамис и Артагнан.

Историческая реконструкция распространения эскимосских языков на азиатском берегу Берингоморья дает основание полагать, что в рассматриваемом нами регионе топонимический субстрат должен относиться к чаплинскому эскимосскому языку (Central Siberian Yupik — CSY). Так оно и оказывается — большинство топонимов сравнительно легко этимологизируются на основе чаплинского юпика. Тем не менее, есть и топонимы, производные из других эскимосских языков района Берингова пролива, прежде всего, старосиренинского и науканского. Это те, в которых присутствуют эскимосские основы, отсутствующие в чаплинском юпике. Названия мыса Ингилюк,ак, (Inghiluqaq) на Итыгране, как и горного массива Ингисягыт (Inghisaget) на Аракамчечене восходят к эскимосскому корню *iingghiq* – «гора», рефлекс которого не присутствует в современном чаплинском юпике, где гора звучит как *naayghaq*, но имеется в соседних эскимосских языках: *iingghiq* (науканский юпик), *ingghex* (старосиренинский), *ighiq* (инупиак п-ова Сьюард).

Тем не менее, оснований предполагать в этом случае влияние или субстрат именно науканского или других эскимосских языков нет. Логичнее предположить, что топоним возникал тогда, когда рефлекс этого корня бытовал в каком-то сегодня исчезнувшем диалекте чаплинского юпика. То же можно сказать и о названии мыса Пагилъык, (Pagilleq) на южном берегу Аракамчечена, явно восходящем к общеэскимосскому корню **ragi-* **ragu-* «баклан». Примечательно, что этот корень не представлен сейчас ни в чаплинском, ни в науканском юпике, однако присутствует как *ragelleX* в старосиренинском и *ragulluk* в инупиакском языках.

Не этимологизируются на базе чаплинского юпика, но могут быть объяснены при помощи других эскимосских языков Чукотки также

топонимы Инк,ытук, (Inqetuq), К,ылын,айын (Qelengayen), Нашк,ак, (Nashqaq), К,ыювахпак (Qeyuvagpak). Существенно, что в приведенном ниже списке топонимов района пролива Сенявина, нет ни одного случая, который этимологизировался бы из основ, специфичных исключительно для науканского, инуитского или старосиреникского языков.

Ниже представлен список из 160 топонимов, записанных мною в 1977–1981 гг. от чаплинских и сиреникских эскимосов, в том числе участвовавших в экспедиции 1981 г., в которой принимала участие вместе с бригадой сиреникских морзверобоев также и Людмила Сергеевна Богословская. Основными информантами были Тагитуткак и Виринут, о которых написано выше, а также другие бывшие жители поселка Сиклюк. Большую помощь в обработке полевых записей оказала Л.И. Айнана, известный общественный деятель, педагог и специалист по эскимосскому языку. При составлении этимологий я пользовался практически всеми имеющимися на сегодняшний день академическими словарями языков азиатских эскимосов (Рубцова, 1971; Меновщиков, 1975; Jacobson, 1987; Головки и др., 2004). В качестве особо ценных источников именно по топонимии Чукотки отмечу пионерную работу Г.И. Меновщикова (1972), фундаментальный «Топонимический словарь Северо-Востока СССР» (Леонтьев, Новикова, 1989) и топонимический раздел в словаре науканского языка (Краусс, 2004).

В качестве главного слова (выделенного жирным шрифтом) фигурирует эскимосское название, которое дано в латинице по орфографии юпика о-ва Св. Лаврентия (Jacobson et al., 2008), в скобках в кириллице по орфографии чаплинско-эскимосского языка (Рубцова-Меновщиков) и науканского (Головки и др. 2004; Dobrieva et al., 2004). Сложные кириллические диакритики χ η ζ κ заменены в списке на x , n , g , k . Каждый топоним сопровождается цифровым кодом в соответствии с его положением в шести выделенных мной секторах (участках) района пролива Сенявина (см. ниже).

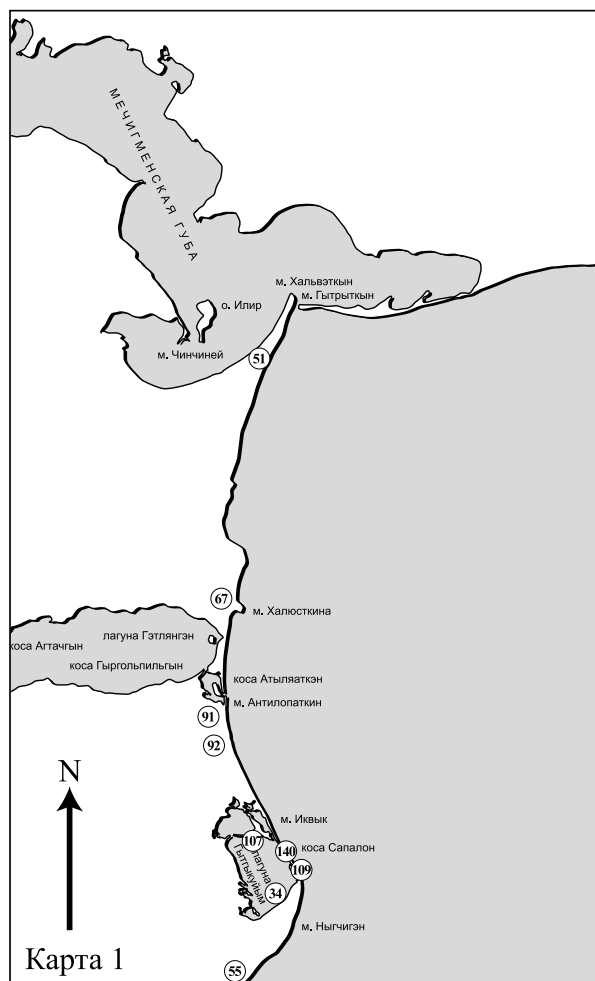
После главного названия дается предпочтительная этимология эскимосского топонима с указанием языка, к которому она восходит. В некоторых случаях приводится общеэскимосский корень без указания специфического языка. Он помечен знаком реконструкции *X и выделен курсивом. После этого приводятся чукотские и русские названия. В некоторых случаях приведены также и «международные» названия,

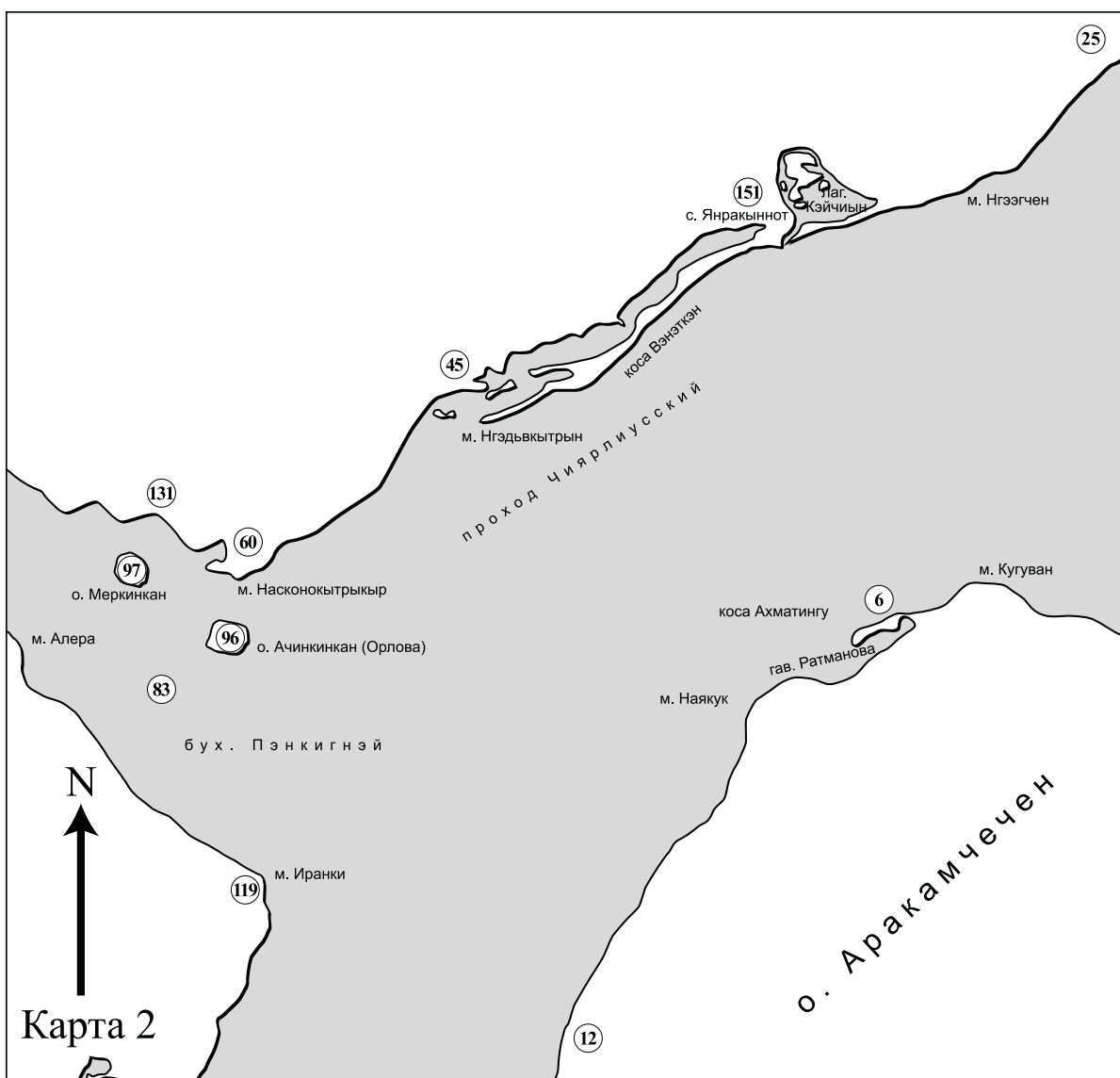
как правило, восходящие к топонимам на русских картах. В заключение словарной статьи приводятся мои короткие комментарии, а также реплики основного информанта по топонимии района пролива Сенявина, бывшего жителя Напакутака и Сиклюка Тагитуткака (помеченные знаком *T.*). В конце списка приведены соответствия между современными русскими топонимами, исходными эскимосскими и чукотскими названиями.

Алфавитный список топонимов района пролива Сенявина

Принятые языковые сокращения: **Межд.** — международные названия; **Чук.** — чукотский язык; **Рус.** — русский язык; **Эск.** — общеэскимосский корень; **CSY** — Central Siberian Yupik, чаплинский (центрально-сибирский юпик) эскимосский язык; **СУ** — Central Yupik — центральный юпик; **IN** — Inupiaq, инупиакский диалект эскимосского языка (сев. Аляска, о-ва Диомида); **NY** — Naukan Yupik, науканский эскимосский язык; **OS** — Old Sireniki, старосиреникский эскимосский язык;

Принятые обозначения географических секторов: 1 — побережье к северу от пролива Сенявина (от Мечигменского залива до с. Янракыннот); 2 — западный (материковый) берег пролива Сенявина; 3 — остров Аракамчечен; 4 — остров Итыгран; 5 — южный материковый берег пролива Чечкуюм до мыса Мартенса (включая остров Нунеанган); 6 — побережье к югу от пролива Сенявина до мыса Чаплина.

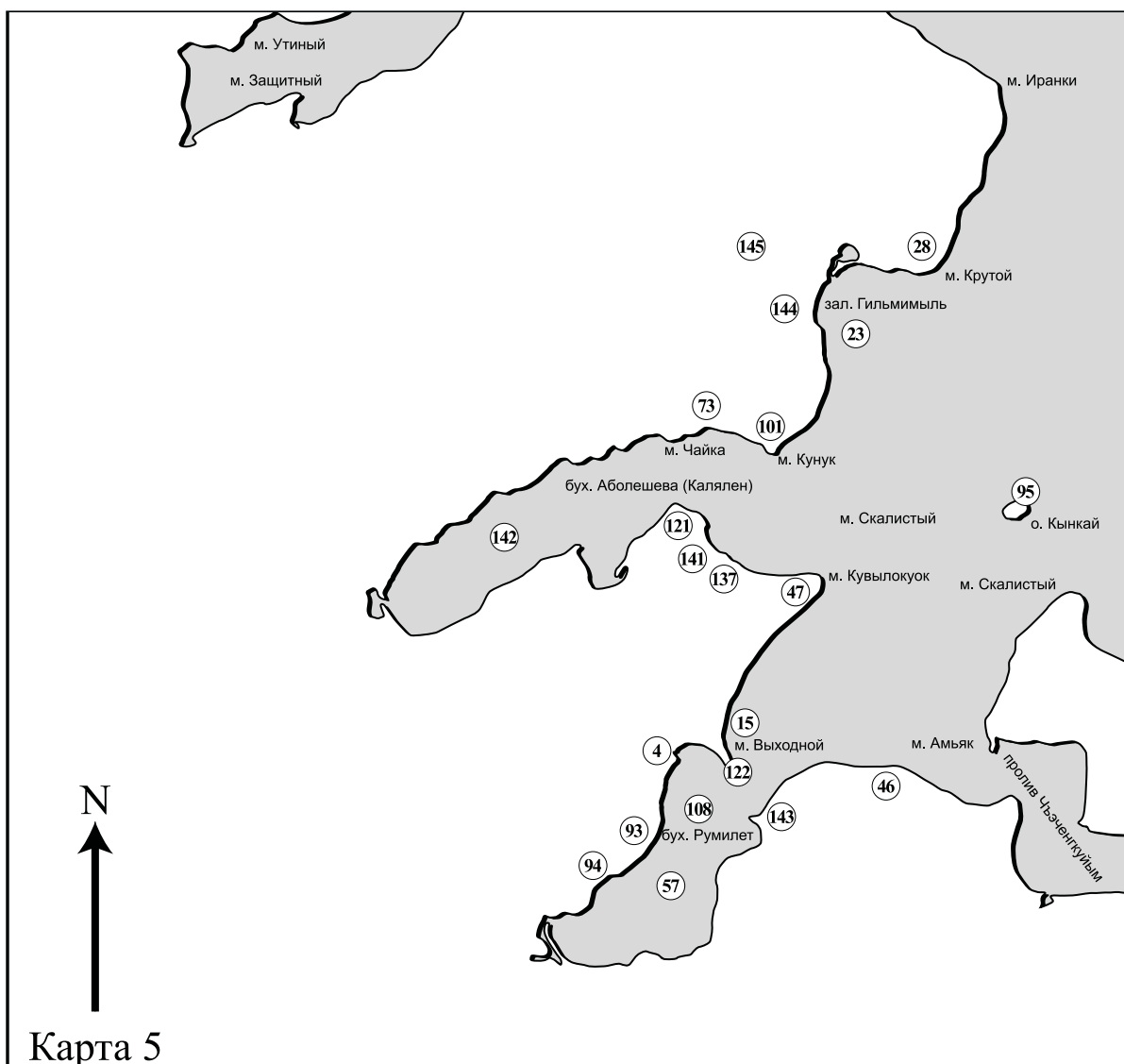
1. **Aghsuwalghii (Ах,сюўалг,й: 4)** — скалы на восточном берегу острова Итыгран к северу от Напакутака; «белеющие скалы», от *aghhsugh*, быть бледным, CSY.
2. **Aghnaghagham ana (Аг,наг,ах,ам ана: 4)** — одинокий камень в воде перед мысом Nuvuk на острове Итыгран; «девичий кал», от *aghnaghaghhaq*, девушка, *anaq*, кал, говно, CSY
3. **Aghnam ana (Аг,нам ана: 4)** — скалы в воде перед мысом Нувук (Nuvuk — см.) на острове Итыгран; «женский кал», от *aghnaq*, женщина, *anaq*, кал, говно, CSY.
4. **Aghvivik (Аг,вивик: 5)** — нерпичье лежище на левом (западном) берегу бухты Румилет; «на том берегу», от *aghvighaqui*, переезжать, переходить через водную преграду; *aghviquaq*, перешедший на дру-

гую сторону; *aghvighvik*, переправа; *-vik* (CSY, NY, IN), *-veh* (OS) — локативный суффикс, обозначающий место действия. *Т.*: не имеет перевода.

5. **Aghveghnaq** (Аг,выг,нак;: 5) — сопка на южном берегу пролива Чечекуюм, нависающая над бухтой Инахпак; «удобное место для охоты на китов, хорошее время для охоты на китов», от *aghveq*, кит, CSY; *-naq*, something that causes V-ing, *-нак*, *-нъак*, — суф., обозначающий время, благоприятное выполнению названного действия CSY. *Т.* «похожая на кита».
6. **Agtaten,ghu** (Ахтатынг,у;: 3) — коса у северного входа в бухту Ратманова на острове Аракамчечен, употребляется также для обозначения самой бухты Ратманова; «перегонная», от чук. *агтатык*, перегонять стадо. Рус. **коса Ахматингу, гавань Ратманова** (названа в честь мичмана И. Ратманова, участника экспедиции Ф. Литке).
7. **Akatam peshivigha** (Акатам пыг,ивиг,а;: 4) — скалы в конце косы Esnaghraq на острове Итыгран; «временное мясохранилище Акатака», от *peghwaghaqa*, засыпать, зарывать, *peghivighaq*, временная мясная яма, CSY. *Т.*: Там углубление в скале, говорят это было временное мясохранилище древнего человека Акатака, который прятал там мясо от медведей.
8. **Alpengit** (Альпын,ит;: 4) — мыс на северо-западной оконечности острова Итыгран; «кайровый», от *alpa*, кайра, CSY., м.б. тж. менее вероятно от *alpa* — проход, букв. «их проход». Рус. **мыс Скалистый**.
9. **Amaghalek** (Амаг,алык;: 4) — гора на северном берегу острова Итыгран; «сидящий на шее», от *amagh-* нести что-то на плечах, CSY. *Т.*: моржонок на матери.
10. **Amaghemlnguq** (Амаг,мылн,ук;: 4) — мыс на восточной оконечности острова Итыгран; «несущий на шее», от *amagh-* нести что-то на плечах, на шее, *amaghaqaа* поднимать на шею кого-либо, CSY. Рус. **мыс Амаго-Мельгот**. *Т.*: Налезающие друг на друга, как две доски прибитые.
11. **Amyak** (Амьяк;: 4) — мыс на юго-западной оконечности острова Итыгран; «раковина», от *amyak* створчатая раковина, CSY, которую мыс напоминает по рельефу. Рус. **мыс Амьяк**. *Т.*: Называется так, потому что много ракушек. Сиклюкские раньше на Амьяк ездили охотиться. Старались жить в землянках, а у кого не было, жили под байдарами.

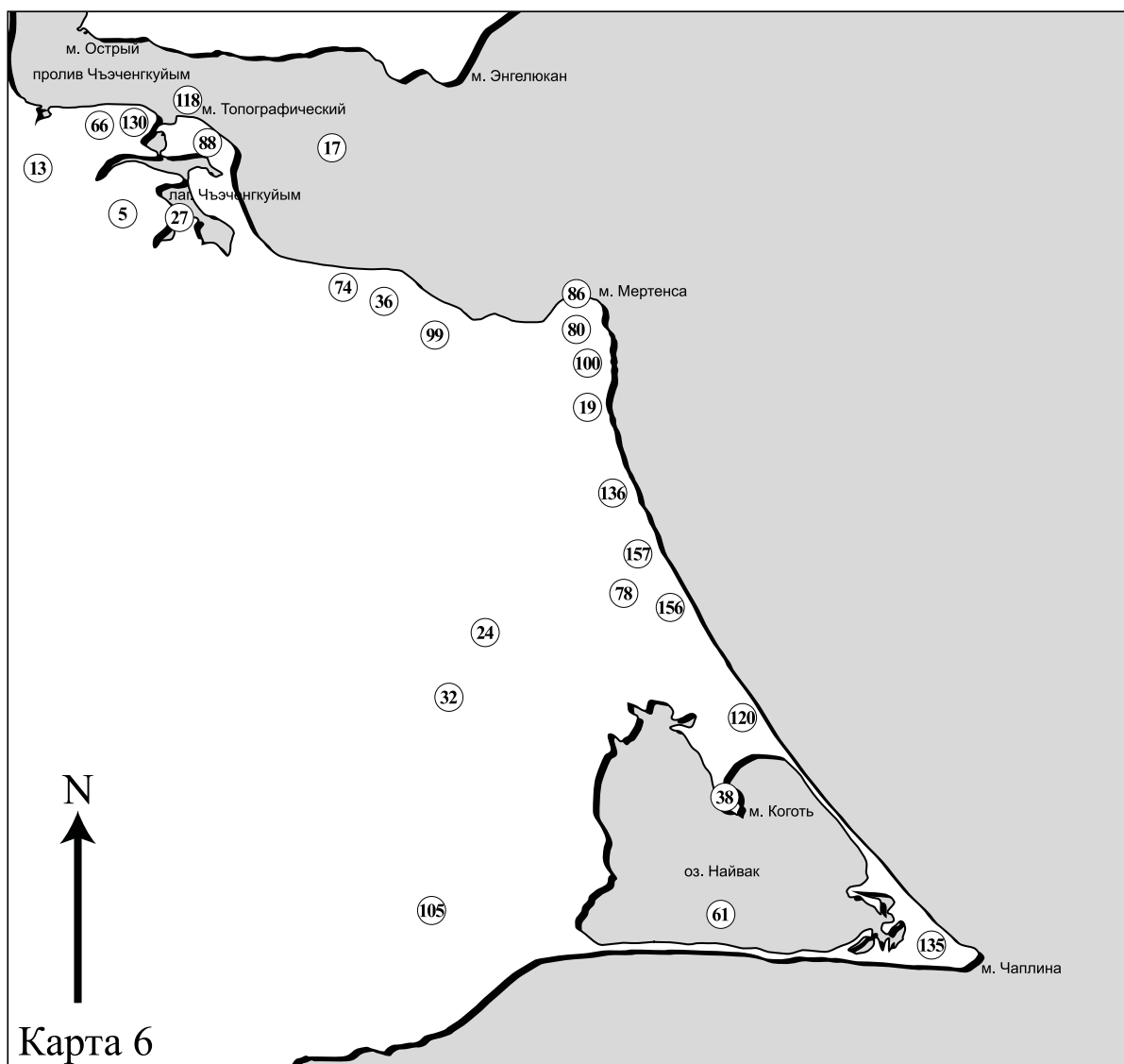
17. **Ѕёсеquует (Чечек,уйым: 5)** — пролив между островом Итыгран и северным берегом мыса Чаплина. **Чьэчен,к,уйым** «холодная морозная бухта», от чук. *чьэчен*, мороз, и *к,уйым* бухта, залив, (Леонтьев, Новикова, 1989, с. 411). Эскимосы этот топоним не употребляют, у пролива нет своего названия, при необходимости употребляется рус. **Чечекуюм**.
18. **Eftughtuk (Ыфтух,тук: 4)** — река на восточном берегу острова Итыгран; «много шумящая», от *eftuq* гул, залп, CSY. Т.: Потому что весной сильно шумит, водопад образуется.
19. **Egsugat (Ыхсугат: 6)** — урочище и бывшее стойбище на северном берегу мыса Чаплина. Этимология неясная, вероятно эскимосская, возможно «мутная вода», от *suughh-* мутный, CSY.
20. **Esnaghpaq (Ыснах,пак: 4)** — участок побережья на восточном берегу острова Итыгран; «большая коса», от *esnaq* берег, CSY.
21. **Estegraghvaq (Ыстыграг,вак,: 4)** — западный мыс бухты Сиклюк на острове Итыгран; «большой Ыстыграк, подобный Ыстыграку», CSY. Другое название *Qesiighyat* (см.). Рус. **мыс Тупой**.
22. **Estegraq (Ыстыграк,: 4)** — урочище и крайняя западная бухта на северном берегу острова Итыгран; «бедренный, мускулистый», от

Карта 5

estek бедро, мускул, CSY. Чук. **Ыттыгран**. Рус. **бухта Стыграк**. Русское название острова Итыгран, данное Ф.П. Литке, представляет собой чукотскую адаптацию этого топонима. Шлюп «Сенявин» подошел к Итыграну с северо-запада, так что именно бухта Стыграк была первым местом острова, который моряки увидели. Они спросили своего чукотского проводника, как называется остров, он же дал им названия бухты и урочища Ыттыгран, мимо которого они проезжали, естественно, по-чукотски.

23. **Gilmimel** (Гилмимыль: 2) — 1) залив на западном берегу пролива Сенявина. Название чукотское, «горячая вода», от чук. *гыл*- горячий, *мимыл* вода. Эскимосское название предположительно *Ingarasungaq* (см.). Рус.: **залив Гильмимыль**. Т.: В этой бухточке

Карта 6

рыбачили весной из Сиклюка, там заходит горбуша; 2) река, горячий источник и урочище на южном берегу острова Аракамчечен. Рус. река Пыльмыллан, река Гылмылгын.

24. **Guugungu** (Гуйгун,у: 6) — холм и развалины крепости на мысу Чаплина; «крепость», от *guugu*- дом, CSY.
25. **Ilghiniq** (Илг,иник,: 1) — урочище, в прошлом поселок на зап. берегу пролива Сенявина к северу от Янракыннота. Этимология неясная, сомнительно от *ilghi*- «прятаться», CSY. Чук. **А,ляёнвын** «вонючее место» (Леонтьев, Новикова, 1989, с. 63). Рус. **Аляво**.
26. **Пиwaq** (Илюёак,: 3) — часть высокого холма, окаймляющего с запада мыс Кыгынин на острове Аракамчечен; «подобный внутрен-

- ней части жилища», от *ilu*- внутренняя часть жилища, *-waq* — суффикс подобия CSY.
27. **Ingaghpak (Ин,ах,пак: 5)** — бухта и сопка на южном берегу пролива Чечекуом, место морзверобойной производственной базы села Новое Чаплино; «лежащая сопка», от *ingagh*- лежать на боку, укладывать(ся) спать, (CSY), *-pak* (CSY, NY) — увеличительный суффикс. Предположительная этимология «место для ночевки или отдыха» или «лежащая на боку большая сопка». Рус. **гора Инахпак, Инахтак; лагуна Чьэченгкуйым**. Межд. **Inagpak**. Т.: Раньше из Чаплино ездили туда охотиться.
 28. **Ingapasungaq (Ин,апасюн,ак,: 2)** — мыс у северного входа в залив Гильмимыль; «сопочка, захотевшая, чтобы ее отодвинули в сторону», т.е. лежащая отдельно от других гор, от *Ingapighqaghaqa* отодвигать, *-su-nga-q* результативный суффикс CSY. Рус.: **мыс Крутой**.
 29. **In,ghiluqaq (Инг,илюк,ак,: 4)** — мыс, юго-восточная оконечность острова Итыгран; «гористый», эск.**iingghiq* гора, в CSY этот корень не представлен, но присутствует во всех остальных эскимосских языках: *iingghiq* NY, *inggheX* OS, *ighiq* IN. Рус. **мыс Ангелюкан, мыс Ангелюкак, мыс Постельса** (назван по А.Ф. Постельсу, участнику экспедиции Ф. Литке).
 30. **In,ghisaget (Инг,исягыт: 3)** — горный массив центральной части острова Аракамчечен; «горы», от эск.**iingghiq* см. **In,ghiluqaq**. Т.: Перевода нет, название просто.
 31. **Inqetuq (Инк,ытук,: 3)** — урочище на южном берегу острова Аракамчечен. Вероятно, эскимосская адаптация чукотского топонима, ср. чук. *эныткын* «мыс, оконечность косы», *и,нныск,ын* пригорок, *и,ннун* холм. Менее вероятно — от эск.**iingghiq* гора, см. **Inghiluqaq**, или от *ingki* подставка, подпорка, NY.
 32. **Itghit kiwa (Итх,ит киўа: 6)** — река на мысу Чаплина; «река впусков, или входов», от *itgha*- входить, CSY.
 33. **Ittygran (Итыгран: 4)** — русское и международное название острова в проливе Сенявина. См. *Estegraq*. Рус. **Итыгран, Иттыгран, Ыттыгран**.
 34. **Ivghaq (Ивг,ак,: 2)** — залив, коса и урочище у входа в лагуну Гыткокуйым; «поворотный», от *ivgha*- входить в воду, CSY, *iivghaaq* поворот, NY, *ivghaq* место поворота (Меновщиков, 1972, с. 95). Чук. **Гыткокуйым**. Рус. **мыс Иквык, лагуна Гытгыкуйым, Гыткокуом**.

35. **Iwelqaq (Иўылък,ак,: 4)** — гора на южном берегу острова Итыгран; «где большой отлив», от *iiv-* отлив, *iivwaqiuq* отлив происходит, CSY. Рус. гора **Ивылькак**.
36. **Kangeghraq (Кан,ыг,рак,: 5)** — река, впадающая в пролив Чечекуюм западнее мыса Мертенса. Этимология неясная; *kangeq* кожа под перьями птицы, м.б. связано с *kangighaq* бухта, CSY.
37. **Kavilut (Кавилют,: 2)** — гора над мысом Тапик над южным входом в бухту Пэнкигнэй; «красная», от эск. **kavi-*, CSY *kavilnguq*, NY *kavilghii* красны. Рус. гора **Горячие ключи**. Т.: Здесь было только временное стойбище оленеводов, куда приезжали на время отела, а более крупное было на Горячих Ключах (см. **Uullghuk (Ўлъх,ук)**).
38. **Kenleghaq (Кынлыг,ак,: 6)** — мыс на берегу озера Найвак; «предельный», от *qenla* граница, предел, CSY. Рус. мыс **Коготь**. Т.: Не переводится.
39. **Kiigprak (Кйхпак,: 4)** — река на острове Итыгран; «большая река», от *kiwek* река, *-prak* — увеличительный суффикс CSY.
40. **Kiighaghheq (Кйг,ах,лъык,: 4)** — сопка возле горы Восточной на острове Итыгран; «промежуток», от *kiigha-* пространство между чем-либо, CSY. Т.: Маленькая сопочка возле Найрахпака, означает «расщепленный камень».
41. **Kilgaquviggaq (Килгак,увихак,: 4)** — река на острове Итыгран, приток реки **Kiigprak**; «маленькое место для тренировок», от *kiilgaqu* бег на длинную дистанцию, CSY. Т.: Бегали там по утрам для тренировки.
42. **Kiwalighhaq (Киўалих,ак,: 4)** — коса на южном берегу острова Итыгран, отделяющая озеро от пролива Чечекуюм; «место на западе», от *kiwalighneq*, *kigwani-* там, на западной стороне, CSY. Название, очевидно, возникло в Напакутаке, откуда родом наш информант Тагитуткак. Рус. озеро **Камаликах**. Т.: Землянок нынлеу там нет, только ямки — мясо класть, просто углубления.
43. **Kiwegpagek (Кйўыхпагык,: 4)** — река в восточной части острова Итыгран; «две большие реки», от *kiwek* река, дв. число, *-prak* — увеличительный суффикс. Две небольшие речки сливаются перед впадением в одно русло. Рус. река **Напакутак**.
44. **Kumlungqaghhaq (К,умлюн,к,ах,нак,: 4)** — холм в западной части острова Итыгран; «очень похожий на большой палец», от

- qumli* большой палец руки, — *ngqaghnaq* словообразовательный формант со значением высокой степени похожести CSY.
45. **Kurgaq (Кургак,; 2)** — урочище к югу от Янракыннота, между современным поселком Янракыннот и мысом **Насконокытрыкыр**, в прошлом оленеводческое стойбище и небольшой береговой поселок. Сомнительная этимология «веселый», от чук. *коргыльын* веселый, или чук. *курган* паук (Леонтьев, Новикова, 1989, с. 215). Чук. **Курган**.
 46. **Kurgaghhaq (Кургах,ак,; 5)** — сопка на западном конце южного берега пролива Чечекуюм; «маленький Кургак» (см. **Kurgaq**), *-ghhaq* — деминутивный суффикс CSY.
 47. **Kuuvelqughaq (Кувылък,уг,ак,; 5)** — мыс на западном выходе из бухты Румилет; «постоянно заливаемый», от *kive-* лить, заливать, *-llqughaq* — словообразовательный суффикс CSY. Рус. мыс **Кувылокуок**, межд. **Mys Kuvilokuok, Mys Kuvylokuok**.
 48. **Lliveghtayaq (Лъивых,таяк,; 4)** — холм, на котором располагалось кладбище Напакутака; «кладбище», от *lliveq* могила, CSY. Т.: Маленький каменистый холмик, кладбище, где клали покойника раздетого в кольцо из камней.
 49. **Макаваq (Макаўак,; 4)** — перевал между бухтой Стыграк и западным берегом острова Итыгран; «подобный подгузнику», от *така* клапан детской кухлянки, подгузник, *-waq* — суффикс подобия CSY.
 50. **Макукуq (Макукук,; 3)** — река на северо-восточном берегу острова Аракамчечен. Эскимосская адаптация чукотского топонима **Мъакок** «маленький котел». Рус. **река Мококу, ручей Звонкий (?)**. Т.: Просто Макукук,; не переводится.
 51. **Masiq (Масик,; 1)** — урочище и бывший поселок на южной косе Мечигменского залива. Вероятно, «теплый», от *masigh-* греться у огня, CSY. Чук. **Месигмэн, Мачигмэн** чукотская адаптация эск. *masighteng* «из Масика», или *masightmii* «в Масике». Рус. **Мечигмен**.
 52. **Maungiatggergen (Майн,иатхыргын,; 3)** — урочище на южном берегу острова Аракамчечен. Возможно эскимосская адаптация чукотского топонима «большой овраг», от чук. *майн,ы-/мэйн,ы* большой, *этык* спускаться, *этгыргын, аатгыргын*, «место спуска, овраг». Чук. **Мэйн,ыаатгыргын**. Т.: Там стоят столбы, жилья, вроде, не было.

53. **Maungeguq (Майн,ыгук,; 3)** — урочище и бывшее стойбище на южном берегу острова Аракамчечен. Эскимосская адаптация чукотского топонима «большой камень», от чук. *майн,ы-/мэйн,ы-* большой, *выквын* камень. Чук. **Мэйн,ыквын**. Рус. **Мейныгук, Мейнырук**.
54. **Maungengay (Майн,ын,ай: 3)** — гора на юго-западной оконечности острова Аракамчечен. Эскимосская адаптация чукотского топонима «большая гора», от чук. *майн,ы-/мэйн,ы-* большой, *-н,ай/-н,эй* гора. Чук. **Мэйн,ын,эй**, Рус. **Менынган**.
55. **Maungeraq (Майн,ырак,; 2)** — урочище на западном берегу пролива Сенявина между Янракыннотом и лагуной Гытгыкуйым. Эскимосская адаптация чукотского топонима **Майн,ыран** «большой дом», от чук. *майн,ы-/мэйн,ы-* большой, *-ран* жилье.
56. **Mekellaq (Мыкылъак,; 3)** — бугор на косе Yargem tekegha на острове Аракамчечен; «маленький», от *теке-* маленький, CSY. Чук. **Мыкыльан**. Рус. **мыс Мокляк**. Т.: Бугорок.
57. **Nangneltu (Нан,ныльту: 5)** — бухта, юго-западный вход в пролив Сенявина. предположительно «крайняя, конечная», т.е. последняя бухта, если ехать с севера, от *nangneq* конец, CSY. Рус. **Румилет** (Румлет, Ромулет, Румулет, Рамулет), этимология неясная, видимо, адаптация чукотского названия **Рулмылен/Рулмылыт** (Меновщиков, 1972, с. 144), также зафиксировано русское название **Бухта Ледяная**. Межд. **Bukhta Ledyanaya**.
58. **Nangyighhaq (Нан,ййх,ак,; 4)** — мыс на южном берегу острова Итыгран напротив бухты Инахпак; «маленький смельчак», от *nangyii-* смелый, CSY.
59. **Naraqutaq (Напак,утак,; 4)** — урочище и бывший поселок на о-ве Итыгран, существовавший до 1934 г.; «столбовой», от *paraqaq, paraqutaq* столб, *-taq* — суффикс вместилища (CSY). Рус. **Напакутак**. Т.: Напакутак старый над столбами, там Айилин жил. Это, собственно, Напакутак и есть. Но при мне называли его уже *Inghiluqaq*, а там, где мы жили, называется *Siighwaq* (см.).
60. **Naasqughneghuq (Наск,ут,ныгук,; 2)** — мыс у северного входа в залив Пэнкигнэй; «это есть голова», от *naasquq* голова, CSY. Чук. **Наскунукытрыкыр** от *-кытрыкыр* мыс. Рус. **Насконокытрыкыр**.
61. **Naayuqaq (Найвак,; 6)** — озеро на мысу Чаплина; «озеро», от *naayuqaq* озеро, CSY. Чук. **Найван**.

62. **Nashqaq (Нашк,ак,: 4)** — каменная осыпь на Сиклюке на острове Итыгран. Этимология неясная, возможно *paarquaque* лебедь (NY), или *parkaq* шкура с головы оленя (NY), или *paasquq* голова, CSY. В CSY отсутствует фонема *ш*, звук *š* представляет собой аллофон фонемы *p* — либо позиционный, либо в т.н. женском произношении. Поэтому в данном топониме, как и в ряде других в этом списке, следует усматривать лексему, не этимологизируемую непосредственно из CSY.
63. **Naughaghpak (Найг,ах,пак: 4)** — гора в восточной части острова Итыгран; «большая гора», от *naaughaq* гора, *-pak* увеличительный суффикс CSY. Рус. **гора Восточная**.
64. **Naayvaghhaq (Найвах,ак,: 4)** — лагуна в Сиклюке на острове Итыгран; «маленькое озерцо», от *nāyvaq* озеро, CSY.
65. **Ngayaquq (Н,аяк,ук,: 3)** — мыс у южного входа в бухту Ратманова на острове Аракамчечен. Этимология неясна, фонетически название похоже на эскимосский топоним, но может быть и эскимосская адаптация чукотского топонима, возможно от *ngayaqwell* стадо, похоже на заимствование из чукотского языка. Чук. **Н,утъэквын** «не-что, предохраняющее землю». Рус. **мыс Наякук**.
66. **Ngeelqat (Н,ылък,ат: 5)** — сопка и скала на южном берегу пролива Чечекуюм; «бакланы», *ngeellqat* CSY. Т.: Потому что там гнездятся бакланы.
67. **Negsiighaq (Ныхсйг,ак,: 1)** — мыс у северного входа в лагуну Гэтлянгэн в Мечигменском зал. Этимология неясная, мало вероятна связь с *neghsaq* нерпа, CSY. Чук. **Ныгчигэн**. Рус. **мыс Халюсткина, изба Ныгчигей**.
68. **Nunangighhaq (Нунан,их,ак,: 5)** — островок в Беринговом проливе к востоку от острова Итыгран, птичий базар; «маленькая земля», от *nina* земля, *-ngighhaq* деминутив CSY. Чук. **Нунэнэн**. Рус. **остров Нунэанган, Нунеанган**. Междун. **Ostrov Nuksagen**.
69. **Nuuvawalik (Нуваўалик: 4)** — урочище на южном берегу острова Итыгран к востоку от мыса Амьяк; «ослюнявленный», от *nuuvak* слюна, CSY. Т.: Воды нет там, на вельботе ездят, речка очень маленькая.
70. **Nuvuk (Нувук: 4)** — мыс на восточном берегу острова Итыгран; «конечный», от *nuvik* мыс, конец, CSY. Рус. **мыс Навак**.

71. **Pagilleq** (Пагилгык,: 3) — мыс на юго-западной оконечности острова Аракамчечен; «бакланий», от эск. **ragi-*, **ragu-* баклан. Примечательно, что этот корень не представлен ни в CSY, ни в NY, однако *pagelleX OS*, *pagulluk IN*. Менее вероятна этимология от CSY *ragii-* оставаться, ожидать, тогда «мыс ожидания». Чук. **Пагэлян**, Рус. **мыс Пыгылян**.
72. **Pagilleghem tekegha** (Пагилгыгым тыкыга,: 3) — коса на оконечности мыса Пыгылян на острове Аракамчечен; «Пыгыльская коса», от *Pagilleq* (см.) и *tekegha* коса, мыс, CSY.
73. **Pana** (Пана: 2) — гора на северном берегу бухты Аболешева; «копьевидная», от *pana* копье, CSY. Т.: Чаплинский эскимос Тина и его семья раньше ездили туда собирать растения и поэтому назывались *panaghmiit*.
74. **Pakfaltaq** (Пакфалтак,: 5) — сопка и скала на южном берегу пролива Чечекуюм между бухтой Инахпак и мысом Мертенса; «где дует юго-восточный ветер», *pakfalla* юго-восточный ветер, CSY.
75. **Pareghaq** (Папыгак,: 4) — западный отрог горы *Naughaghprak* на острове Итыгран; отрог, от *pareghaq* холм, примыкающий к горе, CSY.
76. **Pawaghvik** (Паўаг,вик: 4) — плоская и заросшая дерном вершина горы Коновак на острове Итыгран. Т.: От слова *pawaghluku*, что значит сушить нерпичью шкуру на растяжках *niillghek* на раме. Названа так, потому что много там нерпичьих костей.
77. **Pauysaq** (Паюхсяк,: 3) — высокий холм на мысу Кыгынин на острове Аракамчечен; «наблюдательный пункт», от *pauigte-* наблюдать, проверять, CSY.
78. **Pengut** (Пын,ут: 6) — гряда холмов на северном берегу мыса Чаплина от Уныирамкыта до Тыфляка; «холмики», от *pengut* бугры, холмы, CSY.
79. **Pennaghraq** (Пынъаг,рак,: 3) — мыс на берегу бухты Глазенапа на острове Аракамчечен; «не настоящая скала», от скала, утес, *pennaq*, *-raq* суффикс со значением чего-то ненастоящего, CSY. Рус. **мыс Таылек**.
80. **Pennaq** (Пынъак,: 5) — мыс у юго-восточного входа в пролив Чечекуюм; «скала, утес», *pennaq* CSY. Рус. **мыс Мертенса**, назван в честь естествоиспытателя в экспедиции Ф. Литке А.К. Мертенса.
81. **Piwatengu** (Пиўатын,у: 4) — коса, мыс на юго-западном берегу острова Итыгран; «отправление домой», от *piwaghraqiq* ехать до-

мой, CSY; м.б. эскимосская адаптация чукотского топонима Пыгатын от чук. *пыгатын* место всплытия чего-либо, место приспособления надувного поплавка пыг-пыг (Меновщиков, 1972, с. 139). Рус. мыс **Острый**.

82. **Pugneghem ullghitaghviga** (Пугныг,ым улъх,итаг,вига: 4) — гора, северный отрог горы Итыгран на одноименном острове; «как будто катятся катышки из вареного оленьего жира», от *pugneq* фарш из оленьего жира с мясом, *ulghhit* катить, CSY. Т.: как вареное белое сало катится, названа по белым меткам на склоне сопки.
83. **Qalareq** (К,алярык,: 2) — залив на западном берегу Сенявинского пролива. Этимология неясная. Эск. **qala* морской котик, или чук. *кальа* черт. Чук. **Каляракуйым**, Чук. **Пэн,кэн,эй** снежная гора. Рус. **Пэнкигнэй, Пенкигней, Пинкигней**, адаптация чукотского топонима. Т.: На Пэнкигнэй из эскимосов никто не ездил охотиться. До колхозов там стояли оленеводы и у каждого эскимоса там они держали оленей. Давали оленеводам жир и другое, а в августе, когда у оленей хорошая шкура, оленеводы приезжали на забой и к ним приезжали эскимосы. У моего отца Ямы вроде не было оленевода, с которым он постоянно менялся.
84. **Qamughtughvik** (К,амух,тут,вик: 4) — река, впадающая в бухту Стыграк на острове Итыгран; «место, где тянут волоком», от *qatiuq*- тащить, волочить на нартах или по земле, CSY. Т.: река, где растет ольха, от *qatighaqa*, что значит тащить нерпу на веревке, потому что давным-давно тащили лахтака через эту речку с южного берега.
85. **Qavraatat** (К,аврāтат: 4) — гора на острове Итыгран, высочайшая вершина острова (545 м); «ущелья», от *qavraatat* овраг, ущелье, CSY. Рус. гора **Итыгран**.
86. **Qayam maуuqaghfigha** (К,аям маюк,ах,фига: 5) — оконечность мыса Мертенса; «подъем каяка», эск. **qayaq*-, *maуughaqиq* лезть вверх, поднимать, *maуughvik* место подъема, *maуuq* подъем, CSY. Т.: Двое каякеров дрались друг с другом, а один потом выбежал на берег и ушел наверх в гору, а каяк на себе понес.
87. **Qayovenliptaten** (К,айовынлиптатын: 3) — река на южном берегу острова Аракамчечен, впадает в пролив Йыэргын между *Maуngiatggergen* и *Inqetuq*. Топоним чукотский, не имеет эскимосской адаптационной формы.

88. **Qelengayen, Qelengay** (К,ылын,айын, К,ылын,ай: 5) — урочище на южном берегу пролива Чечекуюм, временная морзверобойная база района пролива Сенявина (см. тж. Ingaghpak). Название чукотское, *к,ытл,ик* не мочь, не хотеть дойти, *-н,ай/-н,эй* гора. Чук. К,ытлин,ай, Рус.: **Кытлинай**
89. **Qesiighyat** (К,ысйг,ьят: 4) — см. **Esteghraghvaq**; «покрытый изморозью», от *qesiighaq* изморозь, CSY.
90. **Qesiighyaghwaq** (К,ысйг,ьяг,ўак,: 4) — маленький мысок в бухте Стыграк на острове Итыгран; «подобный Кысигьяту», CSY, см. **Qesiighyat**.
91. **Qevagem uusneghwagha** (К,ывагым усныг,ўаг,а: 1) — холм в урочище Qeva на входе в лагуну Гэтлянгэн в Мечигменском заливе; «Кывакский холм», от *uusnevaghaq* холмик, CSY.
92. **Qeva** (К,ывак,: 1) — урочище у основания южной косы на входе в лагуну Гэтлянгэн в Мечигменском заливе; «злой, сердитый», от эск. **qeve*- сердитый, *qevute* бить, CSY, *qevet* сердиться, злиться, NY. Возможно эскимосская адаптация чук. **Куван** камень. Рус. **гора Куван**.
93. **Qeuuvagpak** (К,ыювахпак: 5) — низкий холмик на западном берегу бухты Румилет; «большая зеленая горища», NY *qeuuq* зелень, трава, *-vak* CSY — увеличительный суффикс, *-pak* CSY, NY — увеличительный суффикс.
94. **Qeuuvagram pauva** (К,ыювахпам найва: 5) — маленькое озерцо под холмом **Qeuuvagpak**; «Кыювахпакское озеро», от *paauvaq* озеро, CSY.
95. **Qiighqaghhaq** (К,йх,к,ах,ак,: 2) — остров в проливе Сенявина между юго-западной оконечностью острова Аракамчечен и входом в бухту Аболешева; «маленький остров», от *qiighqaq* остров, — *ghhaq* — деминутивный суффикс CSY. Рус. **Кынкай**.
96. **Qiighqaghpak** (К,йх,к,ах,пак: 2) — остров у северного входа в залив Пэнкигнэй; «большой остров», от *qiighqaq* остров, *-pak* CSY — увеличительный суффикс. Чук. **Эчьынкинкэн** жирный. Рус. **Ачинкинкан, остров Орлова**, назван в честь участника экспедиции под командованием Ф. Литке.
97. **Qiighqaq** (К,йх,к,ак,: 2) — остров у северного входа в залив Пэнкигнэй; «остров», *qiighqaq* остров, CSY. Чук. **Мэрвыкинкэн** — тощий. Рус. **Меркинкан**.

98. **Qigi** (К,иги: 3) — 1) крайняя восточная оконечность острова Аракамчечен; «зеленый, покрытый зеленью», от *qig-* зелень, зеленеть, CSY. Менее вероятна связь с *qiighhqaq* остров, CSY. Возможно эскимосская адаптация какого-то чукотского топонима, но внятной этимологии для чук. **К,игинин,ыткын** (кроме мыс **Кыгынин**) тоже нет. Рус. **мыс Кыгынин**. 2) распространенное в CSY в последние десятилетия эскимосское название всего острова Аракамчечен. Чук. **Илир** остров. Рус. **Аракамчечен**. Межд. **Ostrov Arakamchechen**. Последний топоним дан участниками экспедиции Ф. Литке и являет собой образец фантастического поименования, когда какое-то чукотское словосочетание, очевидно, плохо понятое, было принято картографами экспедиции за название всего острова (В. Леонтьев дает как чукотский вариант Ы,р̄ыкамчечьын обманчивое место, где блуждают — Леонтьев, Новикова, 1989, с. 72). Сегодня именно название Аракамчечен, несмотря на свою чуждость эскимосскому, чукотскому, русскому и английскому языкам, стал наиболее распространенным обозначением этого крупного острова.
99. **Qikut** (К,икут: 5) — реки, впадающие с юга в пролив Чечекуюм между бухтой Инахпак и мысом Мертенса; «глиняные», от *qiku* серая глина, из которой делали жирники, CSY. Западная речка **Sivuli qiku** (Сивули к,ику) «передняя Qiku», восточная — **Kiwaliik Qiku** (Киуалик К,ику) «задняя Qiku».
100. **Qilaget** (К,илягыт: 6) — гора на северном берегу мыса Чаплина к югу от мыса Мертенса; «небесная», от *qilak-*, *qilaget* небеса, CSY. Рус. **гора Киягат**.
101. **Qunguq** (К,ун,ук: 2) — мыс у северного входа в бухту Аболешева; «могильный», от общеэск. **qunguq* хоронить, могила, мертвец (CSY, NY, IN, *qungeX* OS). Рус. **Кунук**. Т.: На этот мыс раньше часто ездил в сентябре-октябре мой отец Яма, у него была там избушка охотничья в виде землянки с деревянным покрытием. Охотились там на нерпу. В декабре обратно ехали уже на нартах в Напакутак.
102. **Qunguvak** (К,ун,увак: 4) — северо-восточный мыс острова Итыгран; «большое кладбище», от общеэск. **qiuR-* хоронить, могила, мертвец, *qungighaq* кладбище, CSY. Рус. **мыс Коновак**. Т.: могила, забросанная камнями.

103. **Qupr(sh)uqellaq** (К,упр(ш)ук,ыльъяк,: 4) — белые скалы в западном конце Сиклюкской бухты; «топорковые», от *qurrughaq* топорок, ипатка, CSY.
104. **Quwaq** (К,ууак,: 3) — северная оконечность острова Аракамчечен. Эскимосская адаптация чукотского топонима **К,уквен** «дровяной», от *quuk-* дрова, CSY и *-квэн* камень, чук. Рус. **мыс Кугуван, гора Круглая.**
105. **Regnaghraq** (Рыгнах,пак,: 6) — останец и крепость на мысу Чаплина. Сомнительная этимология «большой годовалый олень», от чук. *рыгна* годовалый олень и *-raq* увеличительный суффикс CSY.
106. **Reperen** (Рыпырын: 3) — мыс у входа в гавань Глазенапа на юго-западной оконечности острова Аракамчечен. Эскимосская адаптация чукотского топонима, возможно от чук. *рыпаттым* лопатка, жилище, прикрытое китовой лопаткой. Рус. **мыс Таылек.**
107. **Reqaq** (Рык,ак,: 1) — лагуна Гытгыкуйым на берегу Мечигменского залива. Эскимосская адаптация чукотского топонима **Рекан.** Этимология неясна, ср. чук. *рекен* ездовой олень.
108. **Rumilet** (Румилет: 5) см. Nangneltu.
109. **Sagayaq** (Сягаяк,: 2) — скалы у основания южной косы Ivghaq у входа в лагуну *Гытгык,уйым*; «развернутый», от *saag-* развернутый, беспорядочный, CSY. Рус. **коса Сапалон.**
110. **Saniighmelnguq** (Сяниг,мылн,ук,: 4) — холм на острове Итыгран; «поперечный», от *sanigh-* поперек, CSY.
111. **Siighwaq** (Сиг,уак,: 4) — бывшее эскимосское стойбище на восточном берегу острова Итыгран, часть Напакутака; «место, где рассеивается туман», от *siigh-* рассеиваться (о тумане), CSY. Т.: Там, где мы жили, называется Siighwaq, мы все назывались *siighwaghmiit paraqutaghmiit.*
112. **Singhaghhaq** (Синг,ах,ак,: 4) — коса на северном берегу острова Итыгран; «маленький Сингак», или «маленький бережок», от эск.**sin-* берег, *-ghhaq* — деминутив CSY. На этой косе расположен памятник «Китовая аллея» (см. ниже).
113. **Siqluk** (Сик,льюк: 4) — бухта, урочище и бывший эскимосский поселок, существовавший до 1951 г. на северном берегу острова Итыгран, иногда употребляется как альтернативное название для обозначения всего острова Итыгран; «мясная яма», от общеэск.**siqluk* мясная яма, жилище, *siqllugwaq* мясная яма, CSY. Чук. **Ся,алун.**

Вид с Китовой аллеи (о. Итыгран) на пролив Чечекуюм и остров Аракамчечен.
Фото С.А. Богословского, 1981 г.

Рус. Сиклюк, Секлюк. Межд. **Seklyuk**. На Сиклюке находится знаменитый культурно-исторический памятник «Китовая аллея». Т.: вся местность от Кунгувак до Напакахпак. Происходит от слова сик,лъюўак, потому что мяса много клали на осыпи. И недавно тоже охотники из Чаплино клали, а потом зимой возили на нарте.

114. **Siqluwrq** (Сик,лъуўрак, : 4) — урочище на северном берегу острова Итыгран к востоку от Сиклюка; «подобный Сиклюку», от *Siqluk*, название местности (см.), *-ra(q)* — суффикс подобия CSY.
115. **Sivughat** (Сивуг,ат: 4) — 1. скалы на южном берегу острова Итыгран; «передние», от *sivu-* перед, начало, CSY. 2. скала на восточном берегу острова Итыгран, этимология та же, CSY.
116. **Sulghaq** (Сулг,ак, : 4) — урочище на западном берегу острова Итыгран; «мутный», от *sulghii-* мутный, менее вероятно от *sulqu* серая кольчатая нерпа, CSY. Т.: бережок на западном берегу, место охоты на нерп. Там кладут нерпу зимой, на нее дождик падает.
117. **Suventatgergen** (Сувынтатхыргын: 3) — перешеек между озером Ярви и северным берегом острова Аракамчечен. Название чукотское.
118. **Talngighaq** (Талн,иг,ак, : 5) — холм на южном берегу пролива Чечекуюм; «не имеющий укрытия», общеэск. **tal-* прятать, скрывать,

-ngigha — суффикс отрицания CSY. Возможно рус. **мыс Топографический**.

119. **Tarı́k (Тапик: 2)** — мыс у южного входа в бухту Пэнкигнэй. Этимология непонятная, возможно, эскимосская адаптация чукотского апеллятива *тэик,эн* коса. Рус. **Иранки, Иранхи**, этимология непонятная, возможно от рус. яранги, название чукотских жилищ (Левонтьев, Новикова, 1989, с. 158).
120. **Tefleq (Тыфлгык: 6)** — бывший эскимосский поселок на озере Песчаном, существовавший в начале XX в. на северном берегу мыса Чаплина. Этимология неясная, возможно связано с *teve-/*tefe-* переваливать, подниматься вверх, *tevaquq* переходить, переваливать, CSY, тогда «большой перевал» (Меновщиков, 1972, с. 157). Рус. **Тыфляк**.
121. **Teghlawaquneq (Тыг,ляуак,унык,:2)** — скалистый мыс на южном берегу бухты Аболешева; «похожий на сидячую сову», от *teghla* сова, *-waq* — суффикс подобия CSY. Чук. **Таглявакун**
122. **Tekeghat (Тыкыг,ат: 5)** — две косы на выходе из бухты Румилет; «косы», от *tekeghaq* коса, мыс, pl. *tekeghat* CSY; см. *Auwaan tekegha*, *Ughhqan tekegha*.
123. **Tengtengahak (Тын,тыг,ак: 4)** — мысок к западу от бухты Сиклюк на острове Итыгран; «моржовый нос», от *tengtengahak* моржовый нос, CSY.
124. **Tevek (Тывык: 4)** — перевал между двумя сопками, нависающими над Сиклюком на острове Итыгран; «перевал», *tevek* перевал, CSY.
125. **Tevesugni (Тывысюгни: 3)** — перевал между горами Менынган и Афос на острове Аракамчечен; «похожий на перевал», от *tevek* перевал, *-sugni* — суффикс подобия CSY.
126. **Tevlighaq (Тывлиг,ак,: 4)** — перевал между северным и южным берегом острова Итыгран в западной его части; «маленький перевал», от *teve-*, *teva-* переваливать, подниматься вверх, *tevaquq* переходить, переваливать, *-ghaq* деминутивный суффикс CSY.
127. **Tırqenaquq (Тирк,ынак,ук,: 3)** — мыс на южном берегу острова Аракамчечен; «скрипучий», от *teřqi* скрипеть, CSY, вероятно также адаптация какого-то чукотского топонима. Другое эскимосское название этого мыса *Uwaliq* (см.). Рус. **мыс Олений**.
128. **Tuungliq (Тун,лик,: 3)** — коса на западном берегу острова Аракамчечен в 3-4 км к северу от *Pagilleq*; «следующий», от *tuungliq* следующий, CSY.

129. **Tutaq** (Тутак,; 4) — бухта и река на южном берегу острова Итыгран; «ударяющаяся об что-то», от *tutaqa* наступать на что-то, ударяться об что-то, CSY. Рус. бухта **Тутак**.
130. **Ugwinga** (Угўин,а: 5) — гора на южном берегу пролива Чечекуюм; «ее муж», от *igwi* муж, CSY. См. **Asagvek**.
131. **Ukaneq** (Уканык,; 2) — урочище на берегу залива Пэнкигнэй; «здешний», от *ika* здесь, сюда, CSY.
132. **Ukimaraguiq** (Укимарагук,; 4) — скалы в бухте Стыграк на острове Итыгран; «дырявые», от *ikimalleq* дыра, CSY. Т.: есть немного дырок, т.е. пещер, там.
133. **Umiruu** (Умирӯ: 3) — коса на юго-восточном берегу острова Аракамчечен. Эскимосская адаптация чукотского топонима **Мумирьун**, этимология непонятна. Рус. **мыс Умиру**.
134. **Umirum nauva** (Умирум найва: 3) — озеро на юго-восточном берегу острова Аракамчечен; «умирумское озеро», от *naauvaq* озеро, CSY. Чук. **Мумирьугытхын**. Рус. **озеро Ярви**.
135. **Ungaziq** (Ун,азик,; 6) — полуостров и бывший населенный пункт на восточной оконечности мыса Чаплина; «там лежащий», от *ungatam* дальше (Krauss, 2005, p. 169). Чук. **Ун,иин**. Рус. **Уназик, мыс Чаплина, Старое Чаплино**.
136. **Ungiyeramken** (Ун,ийырамкын: 6), **Ungiyeramka** (Ун,ийырамка), **Ungiyeramket** (Ун,ийырамкыт) — бывший эскимосский поселок на озере Песчаном, существовавший в начале XX в. на северном берегу мыса Чаплина; «унгазиковский народ», от чук. *Ун,иин* Унгазик, Старое Чаплино, *рамка* народ. Рус. **Уныирамкыт, Уныирамкыт**.
137. **Unuguteq** (Унугутык,; 2) — река, впадает в бухту Аболешева между мысами *Kuvelqughaq* и *Teghlawaquneq*; «место для ночевки, ночная», от *unuk* CSY, NY, CY, IN ночь.
138. **Uqfigaqegtaq** (Ук,фига,ыхтак,; 3) — мыс на северо-восточном берегу острова Аракамчечен; «древесный, где хорошие ивовые кусты с корнями», от *uqfigaq* съедобные корни ивы, *-qegtaq* суффикс устойчивого признака CSY. Чук. **Мъакокуквын** котел-камень, (Меновщиков, 1972, с. 125). Рус. **мыс Макокугван, Макокугуан**.
139. **Usugraq** (Усюграк,;1) — южная коса у входа в лагуну Гытгыкуйым на берегу Мечигменского залива; «похожий на пенис», от *usuk* пенис, CSY. Рус. **коса Сапалон**

140. **Usugram tapgha** (Усюграм тапх,а: 1) — косы у входа в лагуну Гытгыкуйым на берегу Мечигменского залива; «усюгракская коса», от *tapghaq* коса, CSY.
141. **Uugsit** (Ўхсит: 2) — нерпичье лежбище на южном берегу бухты Аболешева. От *uugsiq* «сухое место», *uugsilghak* лежбище морских зверей, CSY.
142. **Uugsit kangiiit** (Ўхсит кан,йт: 2) — бухта на западном берегу пролива Сенявина; «бухта, где есть лежбище», от *uugsiq* сухое место, *uugsilghak* лежбище морских зверей; *kangiiq* бухта, залив, CSY. Чук. **Калилинвын**. Рус. **бухта Аболешева**, названа в честь участника экспедиции под командованием Ф. Литке М.Н. Аболешева, **бухта Калялен** (адапт. чукотское название). Т.: В бухте этой охотились из Сиклюка. Сиклюкский эскимос Акугыка охотился на южном берегу. Уезжали из Напакутака байдарой, которая доставляла их и шла обратно, а они оставались с маленькими трехместными байдарками из моржовой шкуры для охоты на нерпу. Их тянули обратно собаки.
143. **Uughqan tekegha** (Ух,к,ан тыкы,а: 5) — коса на южном входе в бухту Румилет; «южная коса», от *uughqa* юг, *tekeghaq* коса, мыс, CSY.
144. **Uullghuk** (Ўльх,ук: 2) — горячие источники в долине реки Ключевой, впадающей в бухту Гильмимыль; «горячий источник», от *uullghuk* CSY. Чук. **Гилмимыл**. Рус.: **Сенявинские горячие ключи**, названы по проливу Сенявина, также **Чаплинские горячие ключи**, от названия поселка Чаплино. Т.: На Горячих ключах было крупное стойбище оленеводов, там стояли кочующие: Умругви, а до него Ятылин с Курупки. Умругви был из здешних янракыннотских кочевников.
145. **Uullghum kiiwa** (Ўльх,ум кй̄а: 2) — река, на которой расположены Сенявинские горячие ключи; «река у горячих источников», от *uullghuk* (CSY) горячий источник, *kiiwa* река, CSY. Рус.: **река Ключевая**.
146. **Uwaliq** (Уўалик: 3) — другое название мыса **Tirqenaquq** (см.); «восточный», от *uwalighneq* восток, CSY. Рус. **мыс Олений**.
147. **Vuveltu** (Вувельту: 4) — скала, отдельно стоящая рядом с мысом Ангелюкан (Постельса); «лемминг», от *vuveltu* лемминг, CSY.
148. **Wesugtan** (Ўысюхтан: 4) — река в восточной части острова Итыгран. Этимология неясная. Возможно от *suugh-* мутный, тогда «мутная речка», CSY. Возможно чукотский по происхождению топоним.

Вид с. Янракино
с прилегающих
сопок. Рисунок
С. Богословского.
Хорошо видно
изолированное
положение поселка
на возвышении,
удаленном от
материкового берега

149. **Wingqurasiq** (Ўин,к,урасик,: 4) — река на острове Итыгран, текущая между горами *Naughaghprak* и *Kiighaghhleq*; «неспешащий», от *wiinquin*- еще нет, пока, CSY. Т.: Не замерзает зимой, вода все время подо льдом.
150. **Wewtengay** (Ўыўтын,ай: 3) — коса на западном берегу острова Аракамчечен. Эскимосская адаптация чукотского названия косы **Вывтын,айэн,ыткын** от чук. *эныткын* мыс, коса, *н,ай*- гора. Т.: маленькая коса, на которой укрываются на западном берегу от северного ветра.
151. **Yagrakenutaq** (Ягракынутақ,: 2) — населенный пункт на западном берегу пролива Сенявина. Эскимосская адаптация чукотского топонима **Янракинот** от чук. *янра*- отдельно, *-кын*- твердый, *нот*- от *нутэнут* земля (Меновщиков, 1972, с. 174), т.е. «отдельно стоящий кусок земли». Рус. **Янракино́т, Яндракино́т, Янракэ́ннот.**
152. **Yarga** — урочище на южной оконечности острова Аракамчечен; «ровное место», эскимосская адаптация чукотского топонима от чук. *ергыйиквик* долина. Чук. **Ергын.**
153. **Yargem kangigha** (Яргым кан,иҕа: 3) — бухта на юго-западной оконечности острова Аракамчечен; «Яргинская бухта», от *kangighaq* залив, бухта, CSY. Рус. **гавань Глазенапа** (названа по имени мичмана Б. Глазенапа, участника экспедиции Ф. Литке).
154. **Yargem naauva** (Яргым наайва: 3) — озеро на юго-западной оконечности острова Аракамчечен; «Яргинское озеро», от *naauvaq* озеро, CSY. Рус. **озеро Горное.**

Ярга/Yarga (152) –
«ровное место».
Фото С.А. Богословского,
1981 г.

155. **Yargem tekegha (Яргым тыкыг,а: 3)** — коса на юго-западной оконечности острова Аракамчечен; «Яргинская коса», от *tekeghaq* коса, CSY. Рус. мыс **Йыэргын, мыс Мыэргын.**
156. **Yiillgaq (Ййльгахк,: 6)** — урочище на северном берегу мыса Чаплина, примыкающее к мысу Мертенса; «скрытое», от *yillggani* незаметно, скрыто, CSY.
157. **Yiillgam naauva (Ййльхам найва: 6)** — озерцо на северном берегу мыса Чаплина; «Йильхакское озеро», от *naauvaq* озеро, CSY.
158. **Yugaghtagghaq (Югах,тах,ак,: 4)** — 1. кекур на горе Коновак на острове Итыгран; «маленький, похожий на человека», от *yuiik* человек, *yugaq* похожий на человека, CSY. Т.: Камень в виде человека, такой стоит один на вершине сопки, толкали люди, чтобы стать сильнее. 2. менгирное поле на скале на склоне горы Ивылькак на южном берегу острова Итыгран. Т.: Они давешние, когда пройдешь на вельботе, как будто людей много, люди занимались физкультурой.
159. **Yughniq (Юг,ник,: 3)** — река, впадающая в бухту Ратманова на острове Аракамчечен. Вероятно эскимосская адаптация чукотского названия реки **Югнивээм** река, где растут съедобные растения, от чук. *вээм* река, *юн,и-* съедобные растения.
160. **Yughnivayam (Юг,ниваям: 3)** — река, впадающая в пролив Йыэргын на южном берегу острова Аракамчечен. Эскимосская адаптация чукотского топонима от чук. *вээм* река, *юн,и-* съедобные растения. Чук. **Югнивээм.** Рус. **ручей Каменистый.**

Русские топонимы

и их эскимосские соответствия

(Включая топонимы с русскоязычных географических карт и используемые местными жителями при общении на русском языке)

Аболешева, бухта — Uugsit kangiiit (2)	Ивилькак, гора — Iwelqaq (4)	Круглая, гора — Quwaaq (3)
Аляево, урочище — Ilghiniq (1)	Иквык, мыс — Ivghaq (2)	Крутой, мыс — Ingapasungaaq
Амаго-Мельгот, мыс — Amaghemnguq (4)	Инахпак, Инахтак, гора — Ingaghpaq (5)	Куван, гора — Qevaqa (1)
Амьяк, мыс — Amyak (4)	Иранки, Иранхи, мыс — Tariq (2)	Кувылокуок, мыс — Kuuvelluqhaq (5)
Аракамчечен, остров — Qigi (3)	Итыгран, гора — Qavraatat (4)	Кугуван, мыс — Quwaaq (3)
Ахматингу, коса — Agtaten,ghu (3)	Итыгран, Иттыгран, Ыттыгран, остров — Estegraaq (4)	Кынкай, остров — см. Qiighqaghaq (2)
Ачинкинкан, остров — Qiighqaghpak (2)	Йыэргын, пролив — Yarga (3)	Кытлинай, урочище — Qelengayen (5)
Восточная, гора — Nayghaghpak (4)	Йыэргын, мыс — Yargem tekegha (3)	Макокугван, Макокугуан, мыс — Uqfigaqegtaq (3)
Глазенапа, гавань — Yargem kangigha (3)	Калялен, бухта — Uugsit kangiiit (2)	Мейныгук, Мейнырук, урочище — Maungeguq (3)
Горное, озеро — Yargem naayva (3)	Камаликах, озеро — Kiwalighhaq (4)	Менынган, гора — Maungegay (3)
Горячие ключи, гора — Kavilut (2)	Каменистый, ручей — Yughnivayam (3)	Меркинкан, остров — Qiighqaq (2)
Гылмылгын, река — Gilmimel (2)	Ключевая, река — Uullghum kiiwa (2)	Мертенса, мыс — Qayam mayuqaghfigha, Pennaq (5)
Гытгыкуйым, Гыткокуюм, лагуна — Ivghaq (2)	Коготь, мыс — Kenleghaq (6)	Мечигмен, н.п., залив — Masiq (1)
Звонкий, ручей — Makukuq (3)	Коновак, мыс — Qunguvak (4)	

Мокляк, мыс — Mekellaq (3)	Пыгылян, мыс — Pagilleq (3)	Тугак, бухта — Tutaq (4)
Мококу, река — Makukuq (3)	Пэнкигнэй, бухта — см. Qalareq (2)	Тупой, мыс — Estegraghvaq (4)
Мыэргын, мыс — Yargem tekegha (3)	Пыльмымлан, река — Gilmimel (2)	Тыфляк, пос. — Tefleq (6)
Напакутак, н.п. — Napaqutaq (4)	Ратманова, гавань — Agtaten,ghu (3)	Умиру, мыс — Umiruu (3)
Напакутак, река — Kiiwegpagek (4)	Румилет, бухта — Nangneltu (5)	Уныирамкыт, н.п. — Ungiyeramken (6)
Насконокытрыкыр, мыс — Naasqughneghuq (2)	Сапалон, коса — Usugraq, Sagayaq (1)	Халюсткаина, Халюскина, мыс — Negsiighaq (1)
Наякук, мыс — Ngayaquq (3)	Скалистый, мыс — Alpengit (4)	Чаплина, мыс — Ungaziq (6)
Нунэанган, Нунэанган, остров — Nunangighaq (5)	Сенявина, пролив — нет эквивалента (2)	Чаплинские горячие ключи — Uullghuk (6)
Ныгчигей, изба — Negsiighaq (1)	Сенявинские горячие ключи — Uullghuk (2)	Чечеукуюм, лагуна — Ingaghpak (5)
Олений, мыс — Tirqenaquq (3)	Сиклюк, Секлюк, пос. — Siqluk (4)	Энгелюкан, Энгелюкак, мыс — Inghiluqaq (4)
Орлова, остров — Qiighqaghpak (2)	Старое Чаплино, пос. — Ungaziq (6)	Югнивээм, река — Yughnivayam, Yughniq (3)
Острый, мыс — Piwatengu (4)	Стыграк, бухта — Estegraq (4)	Янракыннот, н.п. — Yagrakenutaq (1)
Постельса, мыс — In,ghiluqaq (4)	Таылек, мыс — Reperen, Pennaghraq (3)	Ярви, озеро — Umirum payva (3)
	Топографический, мыс — Talngighaq (5)	

Литература

- Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. Китовая аллея. — М.: Наука, 1982.
- Краусс М. Введение в раздел «Названия мест (топонимы)» // Словарь языка науканских эскимосов / Ред. С. Джейкобсон. — Фербенкс: Центр изучения языков коренного населения Аляски, 2004. С. 319–330.
- Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. — Магадан, 1989.
- Меновщиков Г.А. Местные названия на карте Чукотки. — Магадан: Магаданское книжное издательство, 1972.
- Меновщиков Г.А. Язык науканских эскимосов. — Л.: Наука, 1975.
- Рубцова Е.С. Эскимосско-русский словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1971.
- Словарь языка науканских эскимосов / Ред. С. Джейкобсон. — Фербенкс: Центр изучения языков коренного населения Аляски, 2004.
- Этнографические материалы северо-восточной географической экспедиции 1785—1795 гг. / Ред. З.Д. Титова. — Магадан, 1978.
- Членов М.А. Экологические факторы этнической истории района Берингова пролива // Экология американских индейцев и эскимосов. — М.: Наука, 1988. С. 64–75.
- Chlenov, Michael A. “The Uelenski Language” and its Position Among Native Languages of the Chukchi Peninsula // Alaska Journal of Anthropology, 2006. Vol. 4. N. 1–2. Pp. 74–91.
- Jacobson, Steven A., ed. A Dictionary of the St. Lawrence Island / Siberian Yupik Eskimo Language. — Fairbanks: Alaska Native Language Center, University of Alaska, 1987.
- Krupnik Igor, Chlenov Michael. Yupik Transitions. Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. — Fairbanks: University of Alaska Press, 2013.
- Krauss, Michael E. Eskimo Languages in Asia, 1791 on, and the Wrangell Island — Point Hope Connection // Etudes/Inuit/Studies, 2005. Vol. 29 (1–2). Pp. 163–186.

Часть 2.

Культурное и природное наследие и его охрана

Часть 2.

- О некоторых противоречиях в сфере сохранения наследия. Подходы к решению конфликтов в современных культурных ландшафтах
Ю. Веденин (Москва)
- Природно-культурный континуум наследия и формы его территориальной охраны
М. Кулешова (Москва)
- Л.С. Богословская – научный руководитель разработки ТЭО Парка «Берингия» (1990–1991)
Б. Вдовин (Санкт-Петербург)
- Традиционное природопользование поморов как фактор сохранения беломорского культурного ландшафта
В. Спиридонов (Москва), Ю. Супруненко (Чува, Карелия)
- Витамин D и здоровье северян
А. Козлов, Г. Вершубская (Пермь)
- Подходы к проектированию этно-экологических территорий
О. Штеле, П. Шульгин (Москва)

*Спустить традиционную кожаную байдару на воду в сильный прибой требует согласованных действий и отработанной веками практики всей бригады охотников.
С. Сиреники, лето 1979 г. Фото Н.А. Перова*

О некоторых противоречиях в сфере сохранения наследия

Подходы к решению конфликтов в современных культурных ландшафтах

Ю. Веденин

Вместо вступления

Я познакомился с Л. С. Богословской в начале 1990-х годов. Она пришла в Российский институт культурного и природного наследия одной из первых. Иногда я задаю себе вопрос, почему она пришла в наш институт? Возможно, её привлекло само название института, в котором отразилась необходимость комплексного подхода к сохранению наследия при тесной взаимосвязи культуры и природы. Может быть, это была ориентация института на изучение ценных историко-культурных и природных территорий. Именно в это время Людмила Сергеевна активно занималась продвижением своего проекта: Российско-Американского национального парка «Берингия» в районе Берингова пролива (см. статью Б. Вдовина). И, наконец, как мне кажется, ей было интересно встретиться с новыми людьми, в том числе и с теми, кто занимался охраной классического культурного наследия — с архитекторами, историками, искусствоведами.

Сейчас я понимаю, как нам повезло, что Людмила Сергеевна пришла к нам в институт. Несмотря на своё биологическое образование, длительную работу в академическом биологическом институте, казалось бы, далёком от современных госу-

*Л.С. Богословская выступает на семинаре
в Институте Наследия, февраль 2009.
Фото Б.И. Вдовина*

дарственных и политических коллизий, она глубоко вникала в суть проблем, связанных с сохранением и использованием культурного и природного наследия, оценкой роли традиционной культуры в жизни современного человека. За сравнительно короткий срок (с 1992 до 2000 г.) она стала ведущим экспертом в областях законодательства, экономики и управления, касающихся жизни коренных народов Севера.

Именно Богословская умела сочетать в своей работе академическую фундаментальность с подвижничеством, желанием помочь коренным народам Севера, и не завтра, а сегодня.

Людмила Сергеевна была очень яркой личностью. При этом она никогда специально не демонстрировала свою образованность и интеллект учёного перед своими коллегами. Все знали её как умного, но, вместе с тем, скромного и доброжелательного человека. Я вспоминаю её выступления на Учёном совете института, где она умела очень просто рассказывать о самых сложных проблемах. Мне приходилось бывать с ней и в «казённых местах» — Государственной Думе, министерствах, присутствовать при её встречах с большими начальниками. И тогда я с удивлением и восхищением видел, что она может быть другой, не похожей на человека, с которым мы встречались в стенах института. Она оставалась очень спокойной и уравновешенной, но всегда убеждённой в том, что дело, о котором она говорит, является чрезвычайно важным, и его необходимо решать, причём немедленно. И часто ей удавалось убедить в этом своих собеседников. Иногда мне казалось, что чиновники её боятся, хотя она никогда не повышала голоса, была подчёркнуто вежливой, однако очень твёрдой и уверенной в правоте своих предложений.

Проблемы, о которых рассказывается в статье, мы не раз обсуждали с Людмилой Сергеевной. Как известно, деятельность по сохранению и использованию наследия сталкивается с множеством конфликтных ситуаций. Среди наиболее острых следует назвать противоречия между:

- сохранением наследия и процессами социально-экономического и социокультурного развития;
- сохранением наследия и необходимостью соблюдать права человека;
- материальной и нематериальной составляющими наследия;
- подлинностью и целостностью наследия;
- подлинностью наследия и туризмом.

Я рассматриваю далее эти возможные и реальные конфликты на примере культурного ландшафта, одного из актуальных видов наследия и, в то же время, важнейшего компонента окружающей среды (Веденин, Кулешова, 2001). Мой выбор объясняется тем, что в культурном ландшафте особую роль играет человек как носитель определённых культурных традиций, форм поведения и отношения к культурным и природным ценностям. Существует много классификаций культурного ландшафта (Кулешова, 2004). В нашем контексте особый интерес представляют три типа культурного ландшафта: городской, сельский, а также ландшафт, формирующийся в местах расселения народов, жизнедеятельность которых тесно связана с природой и традиционным природопользованием (Спиридонов, Богословская, Супруненко, 2010).

Сохранение наследия и процессы развития

Многие рассматривают сохранение наследия как альтернативу «прогресса», то есть преобразований, направленных на улучшение условий жизни человека, среды его обитания. В самом деле, развитие чаще всего сопровождается новым строительством, сносом или реконструкцией старых домов, проведением гидротехнических и мелиоративных работ, прокладкой коммуникаций (газо- и нефтепроводов, современных дорог) и т.д. Именно против этого чаще всего выступают защитники наследия, поскольку в результате таких действий наносится непоправимый урон уникальным культурным ландшафтам, памятникам и ансамблям, традиционным культурным ценностям.

Городские ландшафты. Существует много городов, хранящих память о прошлом, о людях, в них живших и оставивших материальный или нематериальный след в городском пространстве, который до сих пор влияет на многие процессы.

У таких городов очень разные судьбы. Некоторые из них всегда находились в центре активной политической, экономической и культурной жизни. Определяющим трендом в их развитии было постоянное преобразование городского пространства. Правда, в конце XIX века ситуация изменилась, и градостроители начали более бережно относиться к исторической среде, благодаря чему и в этих городах сохранились отдельные архитектурные памятники и ансамбли.

Другие города имели более сложную историю. Периоды расцвета сменялись длительной стагнацией, когда, казалось бы, жизнь в них останавливалась. Многие столичные и крупные города утрачивали свой статус в связи с военными или политическими событиями: это влияло на их привлекательность для инвесторов. На какое-то время темпы развития снижались, заметно сокращались масштабы нового строительства. Затем, по прошествии некоторого времени, город опять начинал активно развиваться. Но за это время общество уже успевало осознать ценность исторического пласта наследия и старалось сохранить уже не отдельные памятники, а весь старый город. Это могли быть исторические центры, нередко занимавшие значительную часть городского пространства, отдельные кварталы, относящиеся к определённым историческим эпохам — возрождению, барокко, классицизму или ампиру. Мы это можем наблюдать в Праге, Венеции, Флоренции, Санкт-Петербурге.

В России, во второй половине XIX века такая ситуация нередко возникала из-за того, что многие провинциальные города, например Великий Устюг, Суздаль, Каргополь и др., оказывались вне зоны влияния строившейся в это время железной дороги, что привело к их изоляции от активной социальной и экономической жизни страны.

Ныне города сталкиваются с необходимостью, с одной стороны, сохранить историческую и традиционную среду, а с другой — сформировать новое социокультурное пространство, соответствующее потребностям современного человека. Для решения этой проблемы используются определённые градостроительные приёмы, ориентирующие на установление некоторого равновесия между этими двумя разнонаправленными тенденциями.

Первый подход связан с внедрением инноваций в историческую среду, со строительством там современных зданий и сооружений. Одним из важнейших требований ко вновь возводимым сооружениям здесь является соблюдение определённого такта по отношению к уже сложившейся исторической застройке. В этом случае должен осуществляться постоянный контроль за новым строительством, за реконструкцией исторических зданий, за работами по благоустройству площадей, улиц и дворов. Такой путь развития выбрали многие европейские столицы, промышленные города Европы. В России по такому пути пошли например, Казань, Нижний Новгород, Самара. К сожалению, реализация этого, казалось бы, вполне здравого замысла, редко достигает задуманных

*Центр Санкт-Петербурга. Городские пейзажи вдоль канала Грибоедова.
Фото М. Кулешовой*

*Пейзажи, открывающиеся со стен Казанского Кремля – объекта Всемирного наследия.
Фото М. Кулешовой*

*Историческая застройка в старинном городе Елабуга.
Фото М. Кулешовой*

результатов. Как правило, масштабы нового строительства приводят к тому, что город начинает терять свою историческую составляющую. Он превращается в благоустроенное, комфортное для жизни поселение, но лишившееся своей истории, привычной для жителей исторической среды, где жили их родители и где они сами провели большую часть жизни.

Для городов, сохранивших значительную часть своей исторической застройки, относящейся к определённому архитектурному стилю (или стилям) и занимающей большие участки, чаще всего используется принцип создания города-дублёра или отдельно стоящих кварталов. В них создаются благоприятные условия для развития новых отраслей производства, формируется современное урбанизированное пространство, сеть дорог, открываются супермаркеты, торгово-развлекательные центры. В исторической части города, напротив, сохраняется историческая застройка, насыщенная памятниками истории и культуры, развивается туризм, организуется сеть прогулочных маршрутов. Исторические здания приспособляются для современного использования, создаются музеи, картинные галереи, продолжают работать издавна существовавшие рестораны и кафе. Особое внимание обращается на поддержание традиционных и развитие новых видов деятельности, не нарушающих историческую среду и, вместе с тем, позволяющих обогатить её информационную составляющую. На старинных улицах и площадях можно увидеть музыкантов и художников, мастеров прикладного искусства. Именно так развиваются Прага, Флоренция, Венеция, многие малые города Италии и Германии. В России такой путь развития выбрали для себя Санкт-Петербург, а также Елабуга, Городец и ряд других малых городов.

Сельские ландшафты. Сохранение историко-культурных сельских ландшафтов предполагает поддержание традиционных или развитие квазитрадиционных видов деятельности, обеспечивающих сохранность сложившейся структуры исторического ландшафта, сети исторических поселений, их планировки и застройки. При этом необходимо учитывать два противоположных пути развития сельских ландшафтов.

Ландшафты, находящиеся в зоне влияния крупных городов, быстро застраиваются, в них формируются новые функции, меняется характер землепользования, что ведёт к их деградации как объектов культурного наследия.

Для значительной части ландшафтов, расположенных вдали от больших городов, характерным процессом является исход сельского населения, сокращение числа сельских поселений, прекращение хозяйственного использования земель. В конце 1990-х — начале 2000-х годов выяснилось, что существовавшее до тех пор сельское хозяйство во многих регионах России было нерентабельным. Поэтому ещё недавно распахиваемые поля забрасывали, и на их место возвращался лес. Сегодня этот процесс уже трудно остановить. Часть территорий превратилась в зоны, где уже нет постоянного населения, зарастают поля, исчезают дороги.

Прежнее население в этих местах заменяется временными жителями — дачниками. Появление дачников способствует сохранению исторической системы расселения, традиционной архитектуры сельских домов, но не позволяет поддерживать расположенные вокруг этих поселений открытые пространства. Для этого необходимо возобновление сельского хозяйства, что в настоящее время едва ли возможно.

Для особо ценных сельских ландшафтов, включённых в национальные парки, музеи-заповедники или достопримечательные места, устанавливаются определённые режимы и градостроительные регламенты, касающиеся не только требований к системе расселения, инфраструктуре, но и возможностей развития на их территории разнообразных видов деятельности. Особое внимание должно быть уделено поддержке традиционных форм сельского хозяйства — полеводству, луговодству и животноводству, созданию оптимальных условий для жизни местного населения. Только это может обеспечить сохранность сельского культурного ландшафта как объекта наследия.

Конечно, реализация этих требований сталкивается с множеством проблем, поскольку притягательность этих мест для нового дачного и коттеджного строительства нередко оказывается более сильной, чем желание любителей старины сохранить исторический культурный ландшафт. В результате на территориях многих музеев-заповедников или национальных парков коренным образом меняется характер застройки в расположенных там сельских поселениях: расширяется их площадь и в то же время сокращаются размеры открытых пространств. Для того, чтобы сохранить пространственную структуру сельскохозяйственных угодий, необходимо развивать сельское хозяйство или включать работы по охране открытых пространств (полей, лугов, водоёмов)

Новая застройка на территории музея-усадьбы «Тригорское». Фото М. Кулешовой

в уставную деятельность этих учреждений. Именно такая проблема стоит сегодня перед многими музеями-заповедниками и национальными парками.

Земли коренных народов. Ландшафты, сформировавшиеся в местах проживания малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, хранят в себе память об очень далёких временах. Предметами охраны на этих территориях должны стать исторические поселения, расположенные там жилища, священные места, природные ландшафты, используемые для традиционного природопользования, а также нематериальное наследие — язык, культурные и социальные ценности, хозяйственная деятельность, прежде всего — разнообразные виды природопользования. К сожалению, на практике эти требования не выполняются. Более того, эти территории начинают использоваться для абсолютно иных целей — добычи нефти и газа, полезных ископае-

Культурный ландшафт заброшенного эскимосского поселка Наукан у мыса Дежнёва, закрытого властями в 1958 г. Развалины жилищ; на заднем плане виден белый маяк-obelisk – памятник Семёну Дежнёву. Фото С.А. Богословского, 1981

мых, геологоразведки и т.д. В результате этого сокращается сеть живых поселений, люди переселяются в более крупные поселки. Меняется характер деятельности, уменьшаются площади охотничьих угодий, пастбищ для выпаса оленей и т.д. Многие жители этих мест оказываются оторванными от традиционных нематериальных ценностей — теряется язык, прекращается традиционная социальная и хозяйственная деятельность.

К тому же нередко государство стремится как можно быстрее приобщить этих людей к «благам современной цивилизации». Это проявляется в попытках включения хозяйств, основанных на традиционном природопользовании, в современную рыночную экономику. Внедрение на этих территориях рыночных отношений уже привело к деградации не только расположенных там культурных ландшафтов, но и самих народов.

Необходимо, чтобы общество и государство взяли на себя определённые обязательства и сделали эту традиционную деятельность престижной и выгодной.

В ЮНЕСКО для территорий, на которых сохраняется тесная связь между человеком и природной средой, используют термин «естественное развитие», что предполагает невозможность переноса на них методов управления, применяющихся в современном обществе.

Сохранение наследия и права человека

Одно из самых существенных противоречий в сфере охраны наследия связано с обязанностью государства и общества обеспечить выполнение прав человека. Нередко это создаёт серьёзные конфликтные ситуации.

Например, люди хотят улучшить условия жизни, сделать своё жилище более комфортным, оптимизировать доступность мест работы, торговых и культурных центров, детских учреждений, парков и садов. Эти желания нередко наталкиваются на противодействие со стороны органов охраны памятников и градозащитников. С этим приходится встречаться во многих городах страны — Москве, Самаре, Казани, Нижнем Новгороде и др. Права человека в России никогда не рассматривались как приоритетные в системе государственных и общественных ценностей. Более того, Россия, как известно, имеет тяжёлый опыт подавления

прав человека, как в давней российской истории, так и относительно недавно, в двадцатом веке.

Сельские ландшафты. В течение нескольких веков в России господствовала система, которая закрепляла крестьян в собственности помещиков на конкретной территории («крепостное право»). В результате этого в России сформировался особый тип сельского ландшафта — усадебно-крестьянский. Невозможность изменить установившийся порядок и соответствующую ему организацию пространства определяла сохранность этого культурного ландшафта на протяжении нескольких столетий. Сохранялась и традиционная нематериальная культура, характер хозяйственной и культурной деятельности, в том числе традиционные формы сельского хозяйства, ремёсла, фольклор, народные знания, традиционные верования. Всё это воспринималось большинством населения как необходимые черты его жизненного уклада.

Кратковременные изменения, связанные с отменой крепостного права, земельной реформой, введением НЭПа не изменили радикально уклад жизни русского крестьянства.

В 1930-е годы в стране возникли колхозы. Крестьяне, ставшие колхозниками, фактически вернулись к временам крепостного права: у них не было паспортов, и они не могли менять место жительства. Единственное отличие заключалось в том, что их не могли продать. Но они должны были обрабатывать большие участки земель, которые порой почти полностью совпадали с контурами полей, установившимися ещё в прошлом веке. Сохранялась и сложившаяся ранее система расселения. В результате этого сложилась странная ситуация: нарушение или, точнее, отсутствие прав человека обеспечивало сохранность внешнего облика сельского ландшафта.

Начиная с конца 1950-х годов у сельского населения Советского Союза появилась возможность смены места жительства, были даны некоторые свободы в экономической деятельности. Наиболее серьёзные изменения произошли в 1990-е годы. Восстановление в России рыночных отношений коренным образом изменило пространственную структуру культурного ландшафта. Значительная часть сельского населения центральных и северных регионов России покинула свои деревни и переехала в город. На их место пришли дачники.

Конечно, никто не подвергает сомнению право человека на владение собственным загородным жильём, дачами или коттеджами. Но, вместе

с тем, строительство дачных посёлков вступило в конфронтационные отношения с охраной наследия и, прежде всего, ценными культурными ландшафтами. В этом отнюдь не всегда были виноваты сами дачевладельцы. Часто новые дачевладельцы — это жертвы противоправных действий региональных и муниципальных властей.

Таким образом, эти противоречия вызваны не столкновением между интересами людей и необходимостью сохранения наследия, а отсутствием разумной государственной политики, несовершенством действующего законодательства и его правоприменения и, что самое главное — недостаточным уровнем правосознания всех участников этого процесса.

Земли коренных народов. В местах, связанных с жизнью коренных народов на территориях традиционного природопользования, в основе всех действий по охране наследия необходимо исходить из права народа на сохранение своей самобытности и культурных ценностей. Иногда это не совпадает с правами отдельных людей, которые хотят сами выбирать свой собственный путь. А это не только продолжение традиционного образа жизни, но и возможность участия в современной городской жизни, получения новых специальностей, переезда в другие регионы и поселения. Чему же отдать приоритет? Исходя из представления о том, что эти территории вместе с населяющими их народами являются объектом культурного наследия, несомненно следует отдать предпочтение стремлению народа сохранить свои ценности, условия существования, традиционные виды деятельности и окружающую среду.

Вместе с тем, исторический опыт свидетельствует, что нельзя создать непреодолимую границу между культурными ландшафтами, одни из которых развиваются на основе сохранения культурных ценностей, в том числе и традиционного природопользования, а другие — в соответствии с ценностями индустриальной цивилизации. Необходимо, чтобы в районах традиционного природопользования людям были доступны современные условия жизни, особенно это касается строительства нового жилья и формирования современной инфраструктуры. Но это не должно вступать в конфликт с уже сложившимися традиционными формами природопользования.

В целом, когда мы говорим о том, что необходимо гармонизировать отношения между правами человека и охраной наследия, следует помнить о нашей ответственности перед последующими поколениями.

Мы не можем нарушить их права жить в среде, хранящей память об их истории; видеть ценности, которые создавали их предки, гордиться своим наследием.

Сохранение материальной и нематериальной составляющих наследия и среды обитания

Обычно, когда рассматривают объекты культурного и природного наследия, в том числе и культурный ландшафт, делают упор, прежде всего, на его материальной составляющей — исторической застройке, памятниках истории и культуры, сохранившихся фрагментах природного ландшафта. Однако главная ценность любого материального объекта заключается в заложенной в нем информации (Веденин, 2003).

Именно нематериальные культурные ценности являются одними из важнейших составляющих культурного ландшафта как объекта наследия. Это язык и традиции — культурные, социальные и хозяйственные, память об истории развития территории и проживающих там людей, о важнейших исторических событиях. Часть этих ценностей хранится не только в памяти местных жителей, но и людей, живущих в других регионах и странах. Они приходят к нам через литературные произведения, изобразительное искусство, научные книги и статьи. Мы узнаём красоту Центральной России через полотна Левитана и Поленова, книги Тургенева, Пришвина и Паустовского.

Многие нематериальные ценности связаны с сохранившимися до наших дней материальными объектами или специально установленными памятными знаками. Но нередко возникает ситуация, когда именно нематериальные ценности оказываются наиболее устойчивыми компонентами культурного ландшафта и сохраняются даже тогда, когда все материальные объекты, свидетельствующие об истории ландшафта, уже исчезли. Таким примером является город Пустозёрск, основанный в 1499 году по указу Ивана III на одном из рукавов реки Печоры. Сейчас там не осталось ни одного строения. Но, тем не менее, по сохранившимся чертежам и историческим описаниям можно хорошо представить образ этого города, каким он был в прошлом, его планировку и застройку, живших там людей и даже происходившие в нём события.

Современный ландшафт на месте города и крепости Пустозёрск в низовьях р. Печоры. Позднее кладбище и мемориальный знак. Фото И.Б. Барышева, 2007

Город Оксфорд – центр. Фото Т. Нефедовой, 2001

Часто возникает вопрос, можно ли сохранить ландшафт как объект наследия при полной потере памяти о его исторических функциях или полном преобразовании материальной среды? Мне кажется, что и то, и другое невозможно. Это можно решить только при сохранении определённого баланса между исторической функцией территории и ее материальной составляющей.

Городской ландшафт. Идеальным примером такого баланса может служить город Оксфорд в Великобритании, один из старейших университетских городов Европы, возникший ещё в X–XI веках. В городе сохраняется историческая среда, замечательные памятники архитектуры, в том числе относящиеся к XV–XVII вв., а также множество книжных магазинов, пабов, кафе и ресторанов, некоторые из которых существо-

вали ещё в XVIII–XIX веках. Но главной ценностью этого города как объекта наследия является то, что он уже в течение многих веков продолжает оставаться университетским городом.

Естественно, что за прошедшие годы здесь многое изменилось. Но вместе с тем многие традиции в жизни университета — торжественные обеды в стенах старинных колледжей, обряды, связанные с поступлением в университет и окончанием обучения, традиционные университетские праздники — сохраняются до сего времени. При этом следует иметь в виду, что Оксфорд не заповедник, не город-музей, а современный развивающийся город, в котором решаются многие актуальные проблемы в различных областях науки.

С другой стороны, сохранение материального наследия может сопровождаться кардинальной сменой его функций. Об этом свидетельствует история норвежского города Рёроса, когда бывший центр медеплавильного производства превратился во всемирно известный центр туризма. На примере этого города можно видеть, что, хотя бы частично, потерю исторической функции можно компенсировать. В том же Рёросе в магазинах продают книги, проспекты, сувениры, которые позволяют воссоздать историческую составляющую городского ландшафта. Город предстает как целостный историко-культурный и природный комплекс, включающий не только объекты материального наследия, но и его нематериальную составляющую.

Сельский ландшафт. Аналогичные проблемы возникают в связи с охраной ценных в историко-культурном отношении сельских ландшафтов. Это территории, на которых по традиционным технологиям выращиваются разнообразные сельскохозяйственные культуры, благодаря чему сохраняется характер пространственной организации ландшафта, достигается единство между функцией и внешним обликом местности. К таким ландшафтам относятся террасные поля или орошаемые земли в Юго-Восточной Азии, места традиционного виноградарства в Южной Европе, английские пастбища, используемые для овцеводства и т.д. Многие из таких ландшафтов включены в Список объектов всемирного наследия.

Вместе с тем, в некоторых музеях-заповедниках и национальных парках нередко возникают ситуации, когда установка на сохранение мемориального или традиционного сельского ландшафта сопровождается почти полным запретом на проведение там хозяйственной деятель-

Одна из улиц
норвежского города
Рёроса, где до сих
пор сохранились
старинные
дома и отвалы
медеплавильного
производства.
Фото М. Кулешовой,
1997

ности. Так, например, прекращение выращивания зерновых и выпаса скота ведёт к полному зарастанию полей и лугов, запрет использования сетей при добыче рыбы — к обмелению озёрных мелководий и исчезновению каналов и проток, а нередко и к заболачиванию местности. А всё это создаёт условия для деградации культурного ландшафта как объекта наследия.

Земли традиционного природопользования. Л. С. Богословская относила территории традиционного природопользования к сельским ландшафтам (Богословская, 2014). Что же является главным в сохранении мест проживания коренных народов, жизнь которых зависит от их традиционного природопользования? Что определяет возможность отнесения таких территорий к объектам наследия? Л. С. Богословская называла в качестве определяющего признака такого ландшафта нематериальное наследие — язык, социальные и культурные ценности, обряды и традиции, виды традиционной деятельности.

В соответствии с законодательством эти места определены как «территории традиционного природопользования». Уже само название свидетельствует о том, что одним из главных предметов охраны являются традиционные виды природопользования — морской зверобойный промысел, рыболовство, охота, оленеводство. Поэтому ограничение или запрет добычи каких-нибудь видов животных, например, китов, или сокращение угодий для выпаса оленей ведёт к деградации таких территорий как объекта наследия.

Подлинность и целостность наследия

Подлинность наследия предполагает высокую степень сохранности материальных носителей информации об истории создания, формирования и развития наследия. Это включает сохранение — за счет постоянного поддержания или консервации — созданных или сбережённых нашими предками объектов, явлений или элементов: искусственных, естественных и смешанных. Особую роль в охране культурных ландшафтов как объектов наследия играет непрерывность и сохранность исторических функций территории. Это проявляется, прежде всего, в продолжении хозяйственной деятельности, а также в том, что эти территории продолжают оставаться заселёнными людьми, живущими в соответствии со своими историческими традициями.

Когда мы говорим о подлинности, следует вспомнить слова Д. С. Лихачёва: «Отношение к прошлому может быть двух родов: как к некоторому зрелищу, театру, представлению, декорации и как к документу» (Лихачёв, 1984/2006. С. 178).

Дмитрий Сергеевич Лихачёв являлся сторонником рассмотрения наследия как документа, который позволяет зрителю более глубоко проникнуть в объект, поскольку «требуется от человека большего воображения, большей творческой активности» (Лихачёв, 1984/2006. С. 179).

Целостность наследия предполагает, во-первых, наличие исторически значимых визуальных, функциональных и экологических связей, как внутри объекта, так и вне его; во-вторых, сохранность исторической структуры пространства или его планировки, обеспечивающих возможность восприятия объекта наследия как единого системного образования. Когда мы говорим о целостности, то следует иметь в виду, что помимо пространственной целостности можно говорить и о временной целостности. Наследие должно обладать исторической репрезентативностью, то есть максимально возможной представленностью разных исторических слоёв или природно-естественных стадий, свидетельствующих о процессе создания, формирования и развития объекта (Веденин, 2013).

Чрезвычайно сложной проблемой в сфере охраны наследия и культурных ландшафтов является определение баланса между подлинностью и целостностью. Известно, что деятельность по сохранению целостного культурного наследия предполагает возможность воссоздания его отдельных элементов, ранее утраченных. Вместе с тем, этот под-

ход не всегда оправдан. В России очень многие памятники находятся в руинированном состоянии. Это, как правило, подлинные объекты наследия, но их целостность в значительной степени утрачена. В настоящее время распространена практика возвращения руинам их прежнего облика. Таким образом, воссоздаётся образ целостного памятника, но при этом теряется его подлинность.

Эта проблема актуальна для всех типов ландшафтов. Наиболее часто приходится сталкиваться с ней в *городах*, переживших изменения в результате войн, революций и тоталитаризма. В этом отношении наиболее ярким примером является Москва, которая потеряла в XX веке многие уникальные памятники и ансамбли. В конце XX века начался процесс воссоздания утраченных объектов: Храма Христа Спасителя, Казанского собора, часовни Иверской иконы Божьей матери на Красной площади, московских монастырей, где восстанавливаются не только отдельные храмы, но и целостные ансамбли. В результате этого целостность московского ландшафта была в какой-то степени восстановлена, но едва ли уже можно говорить о его подлинности.

Значительно реже мы встречаемся с такими противоречиями в *сельском ландшафте*, но и там возникают сходные ситуации. В формировании подлинных и, вместе с тем, целостных сельских ландшафтов чрезвычайно важную роль играли культовые сооружения. В течение многих веков нельзя было представить образ сельской России без маков церквей или вертикалей колоколен. Поэтому восстановление разрушенных в советское время церквей позволяет вернуть нам ощущение целостности сельского ландшафта. Вместе с тем, это не говорит о его подлинности.

Земли традиционного природопользования. Соотношение между подлинностью и целостностью актуально и для территорий традиционного природопользования. Однако здесь есть своя специфика, поскольку на этих территориях роль материальных объектов наследия проявляется не столь заметно, как в других ландшафтах. Конечно, и на этих территориях есть замечательные образцы материального культурного наследия — например, памятник «Китовая аллея» в проливе Сенявина (Арутюнов и др., 1982). На Чукотке в каждом прибрежном селении было множество культовых сооружений из китовых костей, черепов других животных и камней. Это были вкопанные в землю челюсти и ребра гренландских китов, а около селений существовали поля священ-

Древнеэскимосский памятник «Китовая аллея» на острове Итыгран в проливе Сенявина. Фото П. Блузмы, 1978 (из архива Л.С. Богословской)

ных камней-менгиров (Богословская, Веденин, 2004; Спиридонов, Богословская, Супруненко, 2010; Богословская, Голбцева, Шаларёв, 2011). Однако большая часть такого материального наследия уже давно стала объектом археологических исследований.

Истинная подлинность таких ландшафтов проявляется сегодня прежде всего в сохранности нематериальных культурных ценностей и традиций — языка, обрядов и обычаев, народных знаний о мироустройстве, медицине, природе, в мастерстве людей, занятых в традиционных промыслах и ремёслах.

Важнейшим компонентом культурного ландшафта на территориях традиционного природопользования являются угодья, используемые для рыбной ловли, охоты, для сбора дикорастущих растений. При этом могут измениться типы жилища, способы охоты, рыболовства и сбора лечебных растений, отношение к сакральным объектам. Но если сохраняется традиционное использование территорий, то можно говорить о подлинности этого ландшафта.

Л. С. Богословская всегда подчеркивала, что целостность культурного ландшафта на территориях традиционного природопользования достигается включением в него всего цикла хозяйственной, социальной и культурной деятельности. Это — сеть традиционных селений, земель, где захоронены предки, священные земли, заповедные земли и водные пространства, угодья, используемые для разнообразных форм природопользования. При этом следует иметь в виду, что, поскольку во вре-

мя охоты, выпаса оленей или рыбной ловли люди перемещаются на довольно значительные расстояния, то ареал их деятельности нередко охватывает огромные территории.

В настоящее время идёт процесс резкого сокращения подлинных и целостных ландшафтов, связанных с традиционным природопользованием и превращение их в маргинальное пространство, где традиционные виды деятельности фактически исчезли. Теперь туда пришли новые люди, своеобразные «временщики», занимающиеся добычей газа, нефти, других богатств, спрятанных в недрах земли.

Подлинность и туризм

Обычно туризм и сохранение наследия рассматриваются как два взаимодополняющих вида деятельности. Именно наследие является одним из основных ресурсов развития туризма. Однако между туризмом и наследием имеются очень серьёзные противоречия. Как уже говорилось, главным свойством культурного наследия является его подлинность. А для туризма важнее всего показать привлекательность объекта, его красоту, выразительность архитектурных форм, декора. Это видно в сравнении построенного в 2010 г. дворца Алексея Михайловича в Коломенском, реконструированных дворцово-парковых ансамблей Царицына в Москве и Стрельны под Санкт-Петербургом с сохранившимися, но почти не затронутыми реставрационными работами усадьбами, созданными по проектам замечательного русского архитектора Н. А. Львова (Знаменское-Раёк, Никольское-Ченчик в Тверской области). Первые воспринимаются как привлекательные туристские объекты и полноценный туристский «продукт», а вторые — как заброшенные или руинированные здания, не представляющие какой-либо туристской ценности.

Россия является мировым лидером по числу архитектурных памятников, находящихся в руинированном состоянии. Для того, чтобы туристы могли ощутить истинную красоту таких объектов, они должны быть подготовлены к их восприятию. А для этого следует уметь видеть прекрасное даже в полуразрушенном, не подновлённом памятнике. Несомненно, это «требует от человека большего воображения, большей творческой активности. Восприятие памятника искусства только тогда

полноценно, когда оно мысленно воссоздаёт, творит вместе с творцом, исполнено историческими ассоциациями» (Лихачёв, 1984/2006, С. 179). В том же Царицыне можно было сохранить руины дворца и найти иной путь включения в этот ансамбль музейных экспозиций.

Особый ущерб наносит туризм народному прикладному искусству и нематериальному наследию. В местах массового туризма зачастую рукотворные традиционные изделия народных мастеров заменяются обыкновенным ширпотребом. Во многих регионах, в том числе и в местах проживания коренных народов, создаются псевдотрадиционные ансамбли песни и пляски, которые выступают преимущественно перед туристами. Многие из них не имеют ничего общего с исполнителями аутентичных песен и танцев. Фактически под видом фольклора туристов развлекают «китчем».

В местах *проживания коренных народов* необходимо с особой осторожностью относиться к развитию туризма и вовлечению в него представителей этих народов. Превращение охотников и рыболовов в музейные и туристские экспонаты ведёт к упадку их основной деятельности и, соответственно, негативно влияет на сохранность культурных ландшафтов и традиционных культурных ценностей.

Заключение

Проблемы, которые затронуты в данной статье, актуальны для всех типов ландшафтов. Вместе с тем, имеются и серьёзные различия. Оказывается, что наибольшей устойчивостью обладает городской культурный ландшафт. Это связано с тем, что в нём определяющую роль играет недвижимое материальное наследие — архитектурные памятники и ансамбли. Разработано много градостроительных приёмов, позволяющих совместить наследие с современностью. Вместе с тем, в городском ландшафте роль наиболее ранимой составляющей наследия — нематериальной — сведена к минимуму. Лишь немногие городские ландшафты сохранили свою историческую функцию, традиционные виды деятельности и исторически значимые культурные ценности.

Сельские ландшафты значительно дольше, чем городские, сохраняли свою нематериальную составляющую, прежде всего — традиционное природопользование. К сожалению, в последние десятилетия это преимущество сельских ландшафтов резко пошло на убыль. Более того,

процессы разрушения сельских культурных ландшафтов приняли в настоящее время угрожающий характер, что связано в первую очередь с прекращением традиционной хозяйственной деятельности.

В особенно острой форме эта проблема проявляется на территориях традиционного природопользования коренных народов, где угроза исчезновения нависла не только над ландшафтом, но и порой над самими народами.

Литература

- Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. Китовая аллея. Древности островов пролива Сенявина. — М: Наука, 1982.
- Богословская Л. С. К концепции законопроекта «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов (и других малочисленных этнических общностей) Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» / Материалы парламентских слушаний 16.05.2014. — Москва, Совет Федерации (в рукописи).
- Богословская Л. С., Веденин Ю. А. Российская «Берингия»: национальные и международные аспекты // Межд. конф. «Дни Берингии-2003». — М., 2004. С. 10–22.
- Богословская Л. С., Голбцева В. В., Шаларёв А. А. Судьба традиционных морских культур Российской Арктики // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России / Мат. Первой междунар. научно-практ. конф. (СПб., 27–30.10.2010). — Калининград: Терра Балтика, 2011. С. 348–357.
- Веденин Ю. А. Информационные основы изучения и формирования культурного ландшафта как объекта наследия // Известия РАН. Серия географическая, 2003. № 3. С. 7–13
- Веденин Ю. А. Культурно-ландшафтный подход к сохранению наследия // Обсерватория культуры, 2013. № 1. С. 66–73.
- Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия РАН. Серия географическая, 2001. № 1. С. 7–14.
- Кулешова М. Е. Систематика культурных ландшафтов // Культурный ландшафт как объект наследия / Ред. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. — М.: Институт Наследия. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 145–163.
- Лихачёв Д. С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. — М.: Сов. Россия, 1984. — 64 с. Цитируется по: Лихачёв Д. С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. — Российский Фонд Культуры, 2006.
- Спиридонов В. А., Богословская Л. С., Супруненко Ю. С. Морские и приморские культурные ландшафты Беломорья и Чукотки как компоненты природно-культурного морского наследия России // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России: Материалы Первой международной научно-практической конференции (СПб, 27–30.10.2010). — Калининград: Терра Балтика, 2010.

Природно-культурный континуум наследия и формы его территориальной охраны

М. Кулешова

Преамбула

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия, созданный под руководством Ю. А. Веденина в апреле 1992 г., был в свое первое десятилетие явлением мирового уровня — других подобных научно-исследовательских центров, целенаправленно изучающих природное и культурное наследие в их совокупности и взаимосвязи, просто не было в мире. Изначальная ориентация на комплексный, системный подход к наследию означала, что привычное ведомственное разделение наследия на «природное» и «культурное», материальное и нематериальное, недостаточно для решения многих прикладных задач. От приглашенных специалистов требовались иные, нетривиальные подходы.

Людмила Сергеевна Богословская, пришедшая в Институт Наследия в феврале 1993 г., на тот момент была известным исследователем морских млекопитающих, в частности китообразных арктических морей, а автор настоящей статьи полагала себя специалистом по формированию систем особо охраняемых природных территорий. Пришедшие в институт исследователи оказались в плавильном котле новых идей и подходов, привнесённых в него самыми разными специалистами — биологами, географами, историками, археологами, филологами, этнографами, фольклористами, геоморфологами, картографами, экономистами, архитекторами, музыковедами и пр. В отчетах и высказываниях некоторых чиновных лиц нередко можно прочесть утверждение, что Институт создавался для выполнения Россией обязательств по Конвенции ЮНЕСКО о всемирном наследии. Это — узкая интерпретация. Институт действительно создавался для выполнения положений международной Конвенции о всемирном наследии, ратифицированной Россией (тогда СССР) в 1989 г., и полностью с этой задачей справился, применяя методы, подходы, методологию конвенции к объектам наследия само-

го разного уровня: провинциального, регионального, национального и международного.

Далеко не все специалисты, пришедшие в институт, смогли сразу понять эту задачу и начать работать с объектами наследия, учитывая всю сложность обстоятельств и взаимосвязей, в которых эти объекты находятся. Но работа над проектами людей столь разных специальностей, постоянные публичные обсуждения научных результатов, дискуссии, активный обмен мнениями способствовали формированию у исследователей нового понимания своих задач. И пониманию того факта, что культурное и природное наследие обладают континуальностью, взаимозависимостью, взаимообусловленностью.

Природное наследие как культурный феномен

Аксиология природных ценностей наследия есть производное определённой культуры — например, применяемый ЮНЕСКО к объектам природного наследия критерий vii («выдающиеся феномены красоты и эстетической ценности») есть в чистом виде культурная интерпретация природного достояния. Природное наследие — осмысленный и присвоенный человеком природный капитал, включая составляющие его генофонд, ценофонд и геофонд, то есть биологическое и ландшафтное разнообразие планеты (Кулешова, 1994). Этот капитал, с точки зрения его возможного использования, выполняет важнейшие функции: он является банком данных о процессах биосферы, источником возобновления ценнейших хозяйственных ресурсов, включая рекреационные, фактором стабилизации экологических параметров среды. Объекты природного наследия выполняют культурные функции, участвуют в процессах самоидентификации народов, нередко являются священными и тотемными и одновременно имеют огромное значение для науки.

Многие природные феномены обладают исключительной культурной ценностью и признаны культурным наследием (например, священные горы, рощи, источники вод), и, напротив, множество памятников культуры лишаются своей целостности и аутентичности, будучи лишены своего природного и ландшафтного контекста. Культурное наследие нередко «срослось» со своей природной субстанцией и неотделимо от

неё (например, пещерные монастыри, петроглифы, многие традиционные промыслы и даже целые системы жилищ, созданных из находящихся по месту селитьбы материалов).

Социокультурная деятельность тяготеет к узловым структурам природного каркаса (Кулешова, 1996, 2007) и очагам биоразнообразия: так, по результатам экспедиционных исследований Л. С. Богословской и её коллег выяснилось, что все аборигенные поселения Чукотского полуострова были приурочены к локусам повышенной продуктивности и разнообразия биоты, как флоры, так и фауны (Богословская, Веденин, 2004; Богословская и др., 1979). Некоторые формы социокультурной деятельности, в частности сакрализация пространства у многих сибирских народов, своим прямым эффектом имеют защиту природного наследия. Частным примером этого может служить собственный опыт автора по обследованию потенциала культурного наследия Тункинского района Бурятии, когда мои попытки поближе ознакомиться с флористическим богатством окрестностей ряда *обоо* (бурятское название культового места) пресекались сопровождающими меня спутниками из бурят просьбой не заходить на священную территорию. Подобные заказы-запреты на посещение экологически ценных сакральных мест отмечены у многих народов мира (Священные места Арктики., 2004; Conserving cultural., 2005).

Наконец, выявление, изучение и сохранение природного наследия во многих случаях опирается на традиционные знания коренных народов и выработанные системы взаимоотношений локальных сообществ

*Лечебные минеральные источники Хонгор-Уула в Тункинском национальном парке (Бурятия). Одно из наиболее популярных священных мест у бурят, менее известное как бальнеологический курорт.
Фото М.Е. Кулешовой, 2008*

со своей природной ресурсной базой, причем они могут носить не только экономический, но одновременно сакральный характер. Для коренных народов Севера вопросы жизнеобеспечения и духовные практики образуют единое целое. Методология наследия, логика жизни, собственная наблюдательность и исследовательская принципиальность привели Л. С. Богословскую, так много сил и времени посвятившую изучению морских млекопитающих, к признанию исключительной роли традиционных знаний и практик народов Берингии, составляющих не только богатейший пласт культурного наследия, но источник информации о биологических ресурсах ойкумены и окружающей среде в целом (Богословская, 2003; Богословская, Крупник, 2013).

Историко-культурное значение и роль охраняемых природных территорий в сохранении культурного наследия и культурного ландшафта

Граница между природным и культурным наследием достаточно континуальна, наследие — едино и его разделение оправдано лишь тем, что действующие системы управления опираются на отраслевые принципы. В природоохранном законодательстве, в частности в преамбуле федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях», зафиксирован культурный потенциал природных объектов, а именно указывается, что такие объекты «имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение». Термин «природное наследие» довольно редко используется в нормативных природоохранных документах национального уровня. Он более известен в связи с применением Конвенции о всемирном наследии. Однако это не означает, что природному наследию не уделяется должного внимания в отечественном законодательстве. Российская практика охраны природного наследия оперирует такими понятиями как «особо охраняемые природные территории», «Красные книги» исчезающих видов животных и растений, «биоразнообразие» и др. В Конвенции о всемирном наследии дефиниция природного наследия даётся через перечисление его составляющих, разделенных на три группы: природные феномены выдающейся эстетической либо научной ценности, представленные физико-географическими

или биологическими формациями и их совокупностями; геологические и физико-географические формации, а также локальные местообитания видов растений и животных, находящихся под угрозой исчезновения, имеющие выдающуюся универсальную научную и природоохранную ценность; природные местности и ареалы выдающейся универсальной ценности с точки зрения науки, охраны природы или красоты природы (Convention., 1972).

В преамбуле федерального закона № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (1995) дано их общее определение, которое вполне соотносится с содержанием понятия «природное наследие», зафиксированным в Конвенции о всемирном наследии. В частности, к ним относятся «участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, <...> которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны». Далее отмечено, что особо охраняемые природные территории относятся к объектам общенационального достояния и создаются в целях сохранения уникальных и типичных природных комплексов и объектов, достопримечательных природных образований, объектов растительного и животного мира, их генетического фонда, изучения естественных процессов в биосфере и контроля ее состояния, экологического воспитания населения. В п. 1 ст. 2 № 33-ФЗ, который был добавлен в 2013 г., обозначены условия принятия решений о создании охраняемых территорий. Следует подчеркнуть, что в этих «условиях» постоянно фигурирует культурная ценность природных объектов и впервые в природоохранном нормотворчестве нашей страны в 2013 г. появляется понятие о культурных ландшафтах. В частности, «при принятии решений о создании особо охраняемых природных территорий учитывается:

- а) значение соответствующей территории для сохранения биологического разнообразия, в том числе редких, находящихся под угрозой исчезновения и ценных в хозяйственном и научном отношении объектов растительного и животного мира и среды их обитания;
- б) наличие в границах соответствующей территории участков природных ландшафтов и культурных ландшафтов (здесь и далее выделено мною.— М. К.), представляющих собой особую эстетическую, научную и культурную ценность;

- в) наличие в границах соответствующей территории геологических, минералогических и палеонтологических объектов, представляющих собой особую научную, культурную и эстетическую ценность;
- г) наличие в границах соответствующей территории уникальных природных комплексов и объектов, в том числе одиночных природных объектов, представляющих собой особую научную, культурную и эстетическую ценность» (стр. 3).

На 2014 г. в России насчитывалось 103 государственных природных заповедника: 98 из них — в ведении Минприроды России, 1 (Галичья гора) — в ведении Минобрнауки России, 3 (Ильменский, Дальневосточный морской, Уссурийский) — в ведении РАН, а также 47 национальных парков и 69 государственных природных заказников федерального значения. В последние годы были созданы и национальные парки «Шантарские острова» (Хабаровский край), «Чикой» (Забайкалье), «Берингия» (Чукотка), «Онежское Поморье» (Архангельская область). Задерживается создание государственного Ингерманландского заповедника (Ленинградская область) и национального парка «Хибины» (Мурманская область), которые должны были быть созданы в 2013 г., но цели их создания вступили в конфликт с потребительской парадигмой современного ресурсопользования.

Л. С. Богословская, приложившая немало усилий к созданию охраняемой природной территории на Чукотке, упорно настаивала на необходимости включения в границы национального парка «Берингия» ряда этнических поселков ввиду их приуроченности к очагам биоразнообразия и выработанной веками устойчивости этно-экологических систем. К сожалению, ведомственные барьеры оказались сильнее здравого смысла, и существующая геометрия границ парка нарушает целостность природно-культурного комплекса наследия (см. статью Б. Вдовина).

Общая площадь всех охраняемых природных территорий России составляет около 12% от площади РФ, т.е. более 200 млн. га. По данным Минприроды РФ, 28% этой площади приходится на охраняемые территории федерального значения, 58% — охраняемые территории регионального значения и 14% — охраняемые территории местного значения (Госдоклад., 2013). По данным того же источника, многие виды животных и растений находятся под угрозой, требуют специальных мер охра-

Бывший эскимосский поселок Аван у входа в бухту Провидения. Фото И.А. Загребина, август 2003

Руины эскимосского поселка Наукан у мыса Дежнёва. На переднем плане: столбы из челюстей гренландского кита, использовавшиеся как стойки для байдарных сушил. За ними – кладки стен и фундаментов домов из крупных камней. Фото С.А. Богословского, 1981

Поле вертикальных камней-менгиров на плато над мысом Халюсткаина. Фото Н.Б. Конюхова, 1985

ны и вносятся в Красные книги — Российской Федерации и регионов (практически все регионы страны имеют такой учетно-правовой инструмент). Так, в Красную книгу России включены на 2013 г. 413 видов животных и 514 видов растений. Особо неблагоприятная ситуация сложилась с земноводными и пресмыкающимися — около 30% от общего числа их видов находятся под угрозой. Не намного лучше обстоит дело с млекопитающими и птицами — 20% и 17% соответственно числятся в Красной книге РФ. Для краснокнижных видов, многие из которых имеют особое хозяйственное значение в традиционных укладах жизни коренных народов России, исключительно актуальна задача сохранения местообитаний, а именно природных и культурных ландшафтов, к которым приурочены ключевые станции этих видов. Закон «Об охране окружающей среды» (2002) в п. 1 ст. 60 прямо запрещает деятельность, ведущую к сокращению численности таких видов и ухудшению среды их обитания.

Национальные парки как модели комплексного подхода к сохранению природно-культурного континуума наследия. Потенциал государственных природных заповедников в сохранении культурного наследия

На некоторые категории особо охраняемых природных территорий, в частности — на национальные парки, законодательством возложены задачи сохранения как природного наследия, так и «историко-культурных комплексов и объектов» (ст. 13, № 33-ФЗ); в ряду их функциональных зон предусмотрено выделение зоны охраны объектов культурного наследия и зоны традиционного природопользования коренных малочисленных народов (ст. 15 № 33-ФЗ). В 2011 г. Правительством РФ утверждена «Концепция развития системы особо охраняемых природных территорий федерального значения на период до 2020 г.», где задачи сохранения объектов культурного наследия выделены в самостоятельный раздел и состоят в следующем:

«...обеспечить выявление, обследование и оценку состояния памятников истории и культуры;

- осуществлять постоянное наблюдение за состоянием памятников истории и культуры, а также культурно-ландшафтных комплексов;
- разработать рекомендации по сохранению структуры культурных ландшафтов, восстановлению и использованию памятников истории и культуры;
- проводить работы по восстановлению и поддержанию в традиционном состоянии приоритетных культурно-ландшафтных комплексов;
- осуществить регламентацию режима особо охраняемых природных территорий с учетом интересов сохранения объектов культурного наследия;
- содействовать восстановлению и развитию традиционных промыслов и ремёсел;
- расширять практику включения мероприятий по сохранению объектов культурного наследия на территориях национальных парков в соответствующие федеральные и региональные целевые программы» (с. 14–15).

Для выполнения этих задач предусмотрен ряд мероприятий, в частности:

- «– подготовка и заключение соглашения между Минприроды России и Минкультуры России о сотрудничестве и взаимодействии по вопросам охраны, реставрации и использования объектов культурного наследия на особо охраняемых природных территориях федерального значения;
- разработка методических рекомендаций по вопросам сохранения культурных ландшафтов, реставрации, восстановления и использования памятников истории и культуры на территориях национальных парков;
- проведение инвентаризации, обследования, картирования, паспортизации и оценки состояния памятников истории и культуры на территориях национальных парков».

В утверждённой Концепции обращает на себя внимание подчёркнутый интерес к культурным ландшафтам, а также понимание важности живой традиционной культуры, в частности — промыслов и ремёсел. В соответствии с разработанной Концепцией за последние годы созданы национальные парки, выполняющие важные историко-культурные функции — Берингия, Земля леопарда, Онежское Поморье и др.

Географическое распределение особо охраняемых природных территорий федерального статуса по территории страны имеет свои особенности. Более равномерно и с достаточно высокой плотностью они распределены по основной части европейской территории, что связано с её высокой освоенностью, ведь выявление и постановка на охрану объектов наследия определяется не только критериями их ценности, но и уязвимостью под влиянием нерегулируемой антропогенной нагрузки и конфликтных видов природопользования. Вдоль Урала эти формы охраны наследия образуют явную концентрацию — не только в связи со значимой морфометрической структурой, но по месту прохождения важной исторической границы и культурного градиента. За Уралом федеральные охраняемые территории (и, в частности «Берингия») тяготеют к крупным приморским экотонам вдоль арктических морей и восточной оконечности евразийского континента, а также к горным барьерам юга Сибири, Дальнего Востока и тектонической впадине Байкала с окрестностями.

Методически наиболее интересны национальные парки, в которых природно-культурный континуум наследия выражен ярче, где выделяются культурно-ландшафтные комплексы наследия. Так, на крайнем севере страны, в национальном парке «Русская Арктика» наряду с популяциями белых медведей, северных оленей, крупнейшими птичьими базарами, лёжками многочисленных ластоногих, территория хранит следы первооткрывателей Севера (в частности Баренца, Русанова, Седова), далёких экспедиций, часто трагических, изобилует памятниками истории отечественной науки и объектами военной истории. В Сочинском национальном парке, крае водопадов, каньонов и пещер, наряду с уникальными для России рефугиумами колхидской флоры, местообитаниями леопарда и других редких видов биоты, находятся уникальные археологические комплексы дольменов, руины древнехристианских храмов, свидетельства древнего расселения и природопользования. В границах территории национального парка «Угра» в центре европейской России — не только уникальные реликтовые широколиственные леса и эндемичные виды биоты, но и монастыри (Оптина пустынь, Шамординский монастырь); река Угра в своём нижнем течении получила название Пояса Богородицы — здесь были остановлены орды хана Ахмата в 1480 г., что ознаменовалось массовым строительством богородичных храмов по Угре. Озеро Байкал, известное своими уни-

Шамордино-Казанская Амвросиевская женская пустынь, расположена при слиянии рек Серены и Жиздры в границах национального парка «Угра». Фото М.Е. Кулешовой, 2001

Долина реки Угры, по имени которой назван национальный парк. Различные стадии зарастания сельскохозяйственных угодий лесом угрожают культурному ландшафту, но придают живописность пейзажу. Фото М.Е. Кулешовой, 2014

Вкопанные группами черепа гренландских китов на древнеэскимосском памятнике «Китовая аллея». Фото И.А. Загребина, 2006

кальными гидробионтами, запасами и чистотой своих вод, биоразнообразием окрестных экосистем в границах целого ряда заповедников и национальных парков, одновременно является основным культовым объектом бурятского народа, окружающие его уголья плотно «заселены» персонажами локальных культов, здесь сохраняются древние традиции номадической культуры. В недавно созданный национальный парк «Чикой», помимо уникальных южно-таёжных биоценозов и местообитаний краснокнижных видов биоты, включены культурные пространства старообрядцев «семейских», зачисленные в международный список объектов нематериального наследия ЮНЕСКО (хотя Россия, к великому сожалению, пока не решается присоединиться к Конвенции о нематериальном наследии).

Национальный парк «Берингия» на Чукотском полуострове включает ключевые местообитания ластоногих, китов и птиц, но он начинался с регионального этно-природного парка, в котором ведущими задачами были не только охрана биоты, но и сохранение уникального этнического (эскимосов и чукчей) и археологического наследия, культуры древних охотников. В нём находятся места традиционного природопользования и святилища коренных народов, включая всемирно известную Китовую аллею (Арутюнов и др., 1982). В границах национального парка насчитывается сегодня несколько десятков объектов культурного наследия, связанных с историей коренного населения, включая древние поселения, становища, охотничьи стоянки, стойбища, могильники, памятники из китовых костей. Важной задачей является выявление и актуализация этнографического наследия с привлечением местных общин, а также расширение представлений о ценностях наследия данной территории на ведомственном уровне. Комплексный подход к сохранению наследия будет способствовать и разрешению многих регистрируемых сегодня проблем, ведь не одни только абразия берегов и глобальное потепление климата угрожают этой территории, но и неупорядоченный туризм, археологическое браконьерство, конфликты субъектов ресурсопользования и пр.

Наряду с национальными парками многие государственные природные заповедники также представляют исключительный интерес с точки зрения их историко-культурного потенциала, хотя действующее законодательство не учитывает этих аспектов и не оговаривает участие природных заповедников в сохранении культурного наследия. Так,

природный заповедник Шульган-Таш в Башкирии известен не только своими природными достопримечательностями, но и наскальными палеолитическими росписями Каповой пещеры, а также исторической традицией бортничества, позволившей сохранить здесь уникальные местообитания бурзянской бортовой пчелы. Для этой природной охраняемой территории готовятся документы по включению её в объекты всемирного наследия по категории «смешанное природно-культурное наследие», причём культурное наследие рассматривается в контексте культурного ландшафта.

В 1998 г. было предпринято первое и единственное систематизированное исследование историко-культурного потенциала государственных природных заповедников (Матюшкин, 1998). Из 99 существовавших на тот момент заповедников (а за прошедшие 15 лет их число увеличилось всего на 3, поскольку наступила «эра» национальных парков) для 60-ти были получены данные о наличии историко-культурных объектов (около 6 тыс. единиц). В их числе — древние поселения, памятники архитектуры, погребальные комплексы, следы древнего природопользования, объекты живой традиционной культуры.

Например, в Алтайском заповеднике (входит в объект всемирного наследия «Золотые горы Алтая») только благодаря включению в программы охраны наследия местных общин с их традиционными хозяйственными и культовыми практиками новому руководству заповедника удалось разрешить многие природоохранные конфликты на этой территории. Наряду с местными обычаями и традициями Алтайский заповедник известен своими археологическими памятниками, включая древние оросительные системы, могильники, святилища. В Жигулёвском заповеднике и сопредельном с ним национальном парке «Самарская Лука» находится целая серия уникальных памятников горной добычи известняка и битуминозных песчаников, включая штольни, карьеры, «гудронные озёра». В некоторых штольнях теперь расселились краснокнижные виды летучих мышей. Кроме того, эта территория богата памятниками археологии (из них наиболее известен Муромский городок), архитектуры и истории, исторические предания фиксируются богатой и разнообразной топонимикой. Заповедник «Убсунурская котловина», включенный в Список всемирного наследия ЮНЕСКО за исключительное разнообразие экосистем (от тайги и горной тундры до степей и пустыни) и наличие ключевых местооби-

Государственный заповедник Шульган-Таи (Башкирия), пчелиные бортни. Леса заповедника – уникальное место, где традиционное природопользование способствует сохранению популяций бурзянской пчелы. Фото С.В. Сокольского, 2013

Национальный парк «Самарская Лука». Молодецкий курган – одно из красивейших мест парка, овеянное легендами о волжской вольнице и Степане Разине, является местообитанием многих редких видов биоты. Фото А.Е. Губернаторова, 2011

таний редких видов биоты, одновременно представляет уникальный пример живого традиционного землепользования кочевых народов. Здесь сохраняется тувинское искусство горлового пения и наблюдается исключительная концентрация археологических памятников — курганных комплексов, наскальных рисунков, каменных изваяний. Эта территория имеет основания быть реноминированной в объект смешанного природно-культурного наследия ЮНЕСКО. Многие другие природные заповедники обладают значительными историко-культурными богатствами — Воронежский, Ильменский, Кавказский, «Кивач», Командорский, Мордовский, Тебердинский, Усть-Ленский, Чазы и др.

Природное и культурное наследие составляют феномены различного иерархического уровня — от общемирового до локального. Так, на мировом уровне объекты наследия фиксируют главным (но не единственным) образом в рамках Списка всемирного наследия. В настоящее время от России в состав объектов природного наследия ЮНЕСКО входят 10 территорий: Девственные леса Коми, Озеро Байкал, Вулканы Камчатки, Золотые горы Алтая, Западный Кавказ, Центральный Сихоте-Алинь, Убсунурская котловина, Остров Врангеля, Плато Путорана, Ленские столбы. Государственные гарантии их сохранности обеспечиваются статусом особо охраняемых природных территорий федерального уровня. Исключение составляют Ленские столбы — природный парк Республики Саха (Якутия), однако в настоящее время рассматривается вопрос о повышении статуса этой территории и отнесении её к национальным паркам России. Значительное число перечисленных объектов природного наследия обладает также историко-культурной ценностью. О заповедниках Алтайском и Убсунурской котловине, Сочинском национальном парке уже говорилось. Девственные леса Коми включают Печоро-Ильчский заповедник, национальный парк «Югыд Ва» и несколько заказников, представляющих тундровые и таёжные экосистемы Северного Урала с обилием водно-болотных угодий. Здесь же находятся интересные историко-культурные объекты — святилища народа манси, включая священные горы и каменные останцы, старинные дороги, тракты и просеки, палеолитические стоянки (Медвежья пещера), объекты традиционного природопользования — стойбища оленеводов, следы старообрядческих скиотов, старых лесных и горнодобывающих промыслов.

Озеро Байкал, где расположено нескольких заповедников и национальных парков, — не только природное наследие с общеизвестными уникальными запасами пресной воды, брендовыми видами биоты — байкальской нерпой и байкальским омулем, уникальными геосистемами и биоценозами, но и священное место бурят, сойотов и монголов, территория сохранившихся традиционных практик природопользования и следов древнего природопользования, а также средоточие разнообразных памятников археологии. Все эти сочетания разнообразных взаимосвязанных элементов в границах целостного территориального комплекса свидетельствуют о целесообразности применения ландшафтного подхода к наследию и использовании концепции культурного ландшафта для презентации подобных территориальных комплексов.

Представление о культурном ландшафте как основании целостности континуума природного и культурного наследия

Природное и культурное наследие в их совокупности понимаются нами как система ценностей и информационный потенциал, запечатленный в событиях, процессах, материальных объектах, морально-этических нормах, научных и философских представлениях, который востребуется человеческими обществами для своего существования и развития, и сохраняется для передачи последующим поколениям (Кулешова, 1994; Культурный ландшафт., 2004). Культурный ландшафт в качестве объекта наследия нередко соединяет в себе все эти аспекты, поскольку является природно-культурным территориальным комплексом, сформировавшимся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящим из характерных сочетаний природных и культурных компонентов в их устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности (Культурный ландшафт., 2004). Сформулированное и широко апробированное в Институте Наследия в 1992–2013 гг. представление о культурном ландшафте позволяет на практике соблюсти принцип континуальности природного и культурного начал в наследии, а также принцип территориальной целостности и подлинности среды бытования отдельных элементов наследия.

Культурные ландшафты, формально относимые руководящими документами ЮНЕСКО к культурному наследию, начиная с 1992 г. особо выделяются в Списке всемирного наследия. В определении ЮНЕСКО обозначено, что они представляют совместное произведение человека и природы (Operational., 2008); следовательно, несмотря на свою формальную принадлежность к культурному наследию, они являются сложными переходными формами, где природа и культура взаимообусловлены. Это не просто «смесь» из природных и культурных компонентов и ценностей, а целостные генетически неоднородные территориальные комплексы наследия.

В частности, к культурным ландшафтам, объектам всемирного наследия, отнесена Куршская коса — совместный объект России и Литвы, который на территории России находится под охраной одноименного национального парка в ведении Минприроды РФ. Это древний мигра-

ционный путь не только отдельных видов биоты, но и целых этнических общностей, с сохранившимися традиционными рыбацкими поселениями и уникальными дюнными комплексами, которые испытали негативное антропогенное воздействие в XIX веке и были дестабилизированы, а затем закреплены инновационными по тем временам способами и ныне представляют сформировавшиеся лесные псаммофитные сообщества.

Культурным ландшафтом следовало бы признать и Соловецкий архипелаг (с 1960-х годов здесь действует музей-заповедник и планируется создание федерального заказника). Об этом напрямую сказано в последнем отчете миссии ЮНЕСКО, проводившейся в августе 2013 г. (Report., 2013): «Основопологающим принципом всех управленческих решений должно стать понимание Соловецких островов — объекта всемирного наследия — как культурного ландшафта, включая взаимодействие человека с окружающей средой» (с. 5). Кроме того, подчеркивается, что «историко-культурный комплекс Соловецких островов может рассматриваться как живое наследие с поддержанием функции важнейшего духовно-культурного и природного места страны и места паломничества» (с. 5). Этим подчеркивается единство не только природного и культурного, но и материального и нематериального наследия в культурном ландшафте.

На основании концепции культурного ландшафта в 2013 г. были начаты работы по выдвижению в объекты всемирного культурного наследия новой номинации «Заповеданное Кенозерье» в границах особо охраняемой природной территории — национального парка «Кенозерский». Уникальное собрание часовен, святых рощ, шедевров деревянной храмовой архитектуры, крестьянских поселений с прилегающими хозяйственными угодьями в окружении таёжных лесов, многочисленных озёр и болот создало выдающийся крестьянский ландшафт северной России, ставший реликтом под влиянием необратимых процессов глобализации.

Берингия, столь любимая Богословской, также имеет несомненные основания для отнесения к объектам всемирного наследия, причем культурно-ландшафтный подход к этой территории мог бы представить её достоинства наиболее ярко, а многолетние фундаментальные разработки Л. С. Богословской и её коллег составили бы необходимую фактологическую базу для обоснования. Берингия — уникальный ланд-

*Восстановленный
Голгофо-Распятский
скит в центре о-ва
Анзер Соловецкого
архипелага.
Расположен на одном
из наиболее высоких
моренных холмов.
Фото М.Е. Кулешовой,
2015*

*Кенозерский
национальный
парк. Деревня
Зехново с часовней
Иоанна Богослова
и прилегающими
угодьями. Фото
М.Е. Кулешовой, 2001*

шафтный объект, который может быть номинирован по нескольким критериям «выдающейся универсальной ценности всемирного наследия». Этот гигантский «поворотный мыс», как его называла Богословская (см.: Богословская и др., 2007), и культурный перекрёсток содержит уникальные свидетельства древних культур, осваивавших ландшафт (критерий iii), служит выдающимся по своей репрезентативности примером традиционного природопользования коренных народов Севера, уязвимого под влиянием глобальных изменений окружающей среды (критерий v), ассоциируется с базовыми космогоническими представлениями коренных народов Чукотки (критерий vi), иллюстрирует один из важнейших этапов истории Земли: процесс формирования профиля материковой Евразии и её шельфа в условиях рифтовой зоны (критерий vii).

рий viii), включает важнейшие местообитания и пути миграций ключевых видов биоты (критерий х). Своеобразным аспектом традиционного природопользования является формирование сезонных ледовых ландшафтов (Крупник, 2013), исследование которых в качестве феноменов наследия началось именно с Берингии.

Территории традиционного природопользования и культурные ландшафты

Важная роль в сохранении местообитаний редких видов биоты и ландшафтного разнообразия страны может принадлежать территориям традиционного природопользования, поскольку традиционный хозяйственный уклад и культурные практики экофильных народов предполагают щадящие способы освоения угодий и поддержание биоразнообразия, о чем уже упоминалось выше. Территории традиционного природопользования (ТТП) концептуально очень близки культурно-ландшафтной парадигме, если понимать под ними не только правовую форму охраны определённых участков территории, но и ту содержательную основу, ради которой устанавливается правовой статус. Закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (№ 49-ФЗ) был принят в 2001 г. при активном участии Л. С. Богословской и ее коллег (Богословская, 2000; см. статью О. А. Мурашко). ТТП трактовались в нём как особо охраняемые природные территории, однако эта законодательная инициатива не повлияла на содержание другого закона «Об особо охраняемых природных территориях» (№ 33-ФЗ), где эта категория отмечена не была. Многочисленные нестыковки с корреспондирующими законодательными актами, буквальное «бойкотирование» закона о ТТП на федеральном уровне не позволили в полной мере использовать его для защиты жизненного пространства малочисленных народов Российского Севера. В 2013 г. в закон о ТТП были внесены изменения и из их определения «особо охраняемые природные территории» было изъято слово «природные», что весьма существенно с правовой точки зрения. Но мы обратим внимание не на правовую, а на сущностную сторону ТТП — на их фактуру.

Хотя основной массив нормативно-правовых документов по ТТП не содержит понятия «культурный ландшафт», их пообъектный состав

можно рассматривать в качестве аналога топосной структуры культурного ландшафта. Так, в соответствии со ст. 10 № 49-ФЗ, в составе ТТП выделяются три основных категории объектов, хотя этот список не закрыт. Во-первых, постоянные и временные (стойбища, стоянки оленеводов, охотников, рыболовов) поселения, которые лучше именовать местами проживания во избежание путаницы с понятийным аппаратом Градостроительного кодекса. Во-вторых, участки ведения хозяйственной деятельности и традиционного образа жизни (оленьи пастбища, охотничьи и иные угодья, участки акваторий, места сбора дикорастущих растений). Это основная «ткань» этнокультурного ландшафта, определяющая его мозаику. В-третьих, «объекты историко-культурного наследия, в том числе культовые сооружения, места древних поселений и места захоронений предков и иные объекты, имеющие культурную, историческую, религиозную ценность». В работах Л. С. Богословской (2000) компоненты ТТП даны более полно: 1) земля родного селения, 2) земли, где захоронены предки, 3) священные места — территории, водные пространства и природные объекты, часто отмеченные особыми ритуальными сооружениями, 4) заповедные земли и водные пространства, 5) охотничьи угодья, рыбопромысловые участки, оленьи пастбища, маршруты кочевков, традиционные транспортные пути, резервные земли.

Высокий уровень сакрализации пространства вкупе с системами расселения (поселками, стоянками и стойбищами) определяют структурные особенности ландшафта — его насыщение центрами социокультурной активности и, с другой стороны, заветными локусами пространства. Пути сезонных миграций, кочевков, иных перемещений формируют контактные оси ландшафта. В статье 9 № 49-ФЗ в числе условий, детерминирующих размеры и границы ТТП, названы сохранение биоразнообразия и сохранение целостности объектов историко-культурного наследия, что подтверждает наличие природно-культурного континуума наследия и вневедомственный характер такого феномена, как ТТП. То же самое подтверждает ст. 4 № 49-ФЗ, где обозначены цели закона: сохранение исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов, сохранение и развитие самобытной культуры, сохранение биоразнообразия.

Последние поправки в закон вносились в конце 2014 г., а перед тем проводились парламентские слушания в Совете Федерации, в материа-

лах которых был представлен и доклад Л. С. Богословской, значительную часть своей творческой биографии посвятившей совершенствованию законодательства о коренных народах Севера. В последних её работах всё чаще употребляется понятие культурного ландшафта, а в докладе, подготовленном к слушаниям, уже окончательно поставлен знак равенства между ТТП и культурными ландшафтами (Богословская, 2014): «Территории традиционного природопользования (ТТП) коренного населения Севера — это особый вид сельских культурных ландшафтов, неразрывно связанный с внутриэтнической и/или внутрипопуляционной структурой традиционных сообществ» (п. 1.2); «Пространственное воплощение локальных культур представляют культурные ландшафты, или ТТП,— освоенные людьми территории вместе с их флорой и фауной» (п. 3.2); «Принципиальное отличие культурных ландшафтов (ТТП) коренных малочисленных народов Севера от культурных ландшафтов других этносов — их визуальная неотличимость от окружающей нетронутой природы» (п. 4.4). Людмила Сергеевна Богословская первой обратила внимание на те особенности ТТП, которые в современной законотворческой практике ещё не вполне осмыслены, но которые наиболее адекватно определяют предмет защиты исконной среды обитания коренных народов. Практика создания ТТП регионального уровня в Якутии, Югре, Приморском крае показывает, что эта правовая форма охраны наиболее соответствует целям комплексной защиты природного и культурного, материального и нематериального наследия в его целостности и взаимообусловленности.

Сохранение природных ценностей на историко-культурных территориях

В системе охраны культурного наследия, так же как и в системе управления особо охраняемыми природными территориями, есть представление о культурной ценности природных объектов и зависимости многих культурных раритетов от состояния и характеристик вмещающего ландшафта. Наиболее важным положением федерального законодательства здесь следует признать установление такого вида объектов культурного наследия, как достопримечательные места, и возможность отнесения к ним таких феноменов, как культурные и природные ландшафты (статья 3 № 73-ФЗ). Для объектов культурного наследия

предусматривается создание зон охраны, в ряду которых — охранный зона, зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности и, наконец, зона охраняемого природного ландшафта, функция которой — «сохранение (регенерация) природного ландшафта, включая долины рек, водоёмы, леса и открытые пространства, связанные композиционно с объектами культурного наследия». Однако наибольшим управленческим потенциалом и опытом сохранения природных достопримечательностей обладает особый тип учреждений культуры, с 1960-х годов успешно контролирующими обширные территории с их природно-культурным континуумом наследия, — музеи-заповедники, деятельность которых ныне регулируется законом № 54-ФЗ «О музейном фонде и музеях в Российской Федерации».

От степени сохранности природных комплексов и достопримечательностей нередко зависит аутентичность историко-культурного ландшафта и культурного пространства в музеях-заповедниках. Например, для Ясной Поляны это — фрагменты старовозрастных широколиственных лесов, свидетельств засечной черты, древнейшего оборонного рубежа — Тульских засеков. Для Тихого Дона, Шолоховского музея-заповедника — участки ковыльных степей, меловой флоры речных крутосклонов, займищ и речных яров Дона, редких видов степной орнитофауны, сажёных сосновых боров. Для пушкинского Михайловского — колония серых цапель, «зуёв» на местном наречии, давшая название предшественнице Михайловского — деревне Зуево, сложные сосновые боры и дремучие хвойно-широколиственные леса, изгибы речки Сороти

Музей-заповедник Л.Н. Толстого «Ясная Поляна». Современные леса за речкой Воронкой унаследованы от некогда обширной Тульской засеки. Фото М.Е. Кулешовой, 2013

Окрестности Шолоховского музея-заповедника близ станции Еланской, место действия легендарного романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Фото М.Е. Кулешовой, 2009

Пушкинский музей-заповедник, вид с Савкиной горки на речку Сороть и оз. Кучане, на берегу которых разместились пушкинская усадьба «Михайловское». Фото М.Е. Кулешовой, 2012

Музей-заповедник «Куликово поле». По речным крутосклонам теперь – рефугиумы красочного степного разнотравья. Фото М.Е. Кулешовой, 2013

и живописные озёра с их водными и околоводными обитателями. Для Соловков — ключевые станции обитания беломорского кита — белухи, уникальные колонии крачек, места гнездования гаги и других редких водоплавающих, разнообразие форм водно-ледникового и морского рельефа, обилие озёрных систем и т.д. В музее-заповеднике «Куликово поле» основные усилия направлены на реконструкцию поля битвы, а именно: восстановление ковыльных степей с колками дубрав; здесь проводятся работы по восстановлению популяций целого ряда редких степных растений. В музее-заповеднике «Дивногорье» наряду с пещерными монастырями и древней Маяцкой крепостью основное внимание привлекают

Иоанно-Предтеченский монастырь на территории музея-заповедника «Дивногорье» является замечательным примером взаимодействия природы и культуры. Фото М.Е. Кулешовой, 2011

меловые останцы — «дивы», разноцветье степных балок и каньонов, широкие просторы заливных лугов Дона и Тихой Сосны.

Одной из ключевых функций музеев-заповедников, для которых культурные и природные компоненты наследия составляют единое неделимое целое, должны стать комплексная охрана ландшафтов и презентация природного разнообразия России в качестве её важнейшей культурной характеристики. Необходимо предпринять

специальное исследование этих форм организации охраны наследия для выявления их культурно-экологического, научного и средообразующего потенциала. Управление объектами природного и культурного наследия России должно исходить из условий их целостности и взаимообусловленности на основании межведомственных соглашений, совместных межведомственных программ по сохранению и использованию наследия и широкого участия тех, чьи предки веками создавали и поддерживали систему ценностей, определяемых сегодня как наследие.

Заключение

Выше были рассмотрены основные категории территориальной охраны наследия, позволяющие, невзирая на ведомственную принадлежность некоторых из них, всё же комплексно подходить к сохранению природных и культурных феноменов наследия в их взаимосвязи и целостности. Но эти территориальные формы охраны, будь то национальные парки или музеи-заповедники, территории традиционного природопользования или достопримечательные места, всегда узко локализованы, а наследие выявляется повсеместно, и никакой закон не может гарантировать его охрану, если сами люди не стремятся к тому. Людмила Сергеевна Богословская работала с людьми, с коренными жителями Севера, чтобы помочь им определить те ценности, которые составляют их культурное достояние и помогают жить в гармонии с землёй их предков. Она не часто бывала в институте, поскольку много занималась полевыми исследованиями или сражалась за права своих «подопечных» в органах власти различного уровня. Но её доклады на ученых советах всегда впечатляли обилием фактов, конкретностью и доскональным знанием предмета. Её книги способствовали диалогу между миром коренных народов Севера и прагматизмом западной культуры. Этот диалог сегодня утрачивается, поскольку интересы ресурсодобывающих корпораций аргументируются денежными знаками, в то время как гуманистически-экологические и оборонительно-этические доводы коренных народов мало убедительны для властных вертикалей.

Людмила Сергеевна нередко повторяла, что люди, сумевшие обжить столь суровый край, сами добывающие средства к существованию, ничего не требующие от государства, кроме позволения жить на

своей не изученной ещё земле — огромная ценность и гарант нашей общей безопасности. Государству, заботящемуся о незыблемости своих границ, выгодно поддерживать саморегулирующиеся этнокультурные системы коренных народов, поскольку они обладают чувством идентичности и родной земли, чего не скажешь о ресурсодобывающих компаниях. Людмиле Сергеевне приходилось заниматься воспитательной работой среди государственных чиновников, объяснять, почему и зачем надо сохранить традиционные системы жизнеобеспечения коренных северян, какова универсальная ценность их культуры, как практикуемые ими способы природопользования обеспечивают сохранение целостности наследия. Она прививала целостный взгляд на мироздание и тем начинающим исследователям Севера, что попадали в орбиту её деятельности. Будем надеяться, что её труды не пропали даром.

Литература

- Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А.* Китовая Аллея. Древности островов пролива Сенявина. — М.: Наука, 1982. — 176 с.
- Богословская Л. С.* К концепции законопроекта «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов (и других малочисленных этнических общностей) Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» / Мат-лы парламентских слушаний 16.05.2014. — Москва: Совет Федерации (в рукописи).
- Богословская Л. С.* Киты Чукотки. Пособие для морских охотников. — М.: Институт Наследия, 2003. — 324 с.
- Богословская Л. С.* Особенности традиционного природопользования народов Российского Севера // Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь, Дальний Восток Российской Федерации. Аналитические материалы. Правовые акты. — М.: Изд. Гос. Думы, 2000. — С. 14–20.
- Богословская Л. С., Веденин Ю. А.* Российская «Берингия»: национальные и международные аспекты // Межд. конф. «Дни Берингии» — 2003. — М., 2004. — С. 10–22.
- Богословская Л. С., Крупник И. И.* (ред., сост.). Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки. — М. — Вашингтон: Институт Наследия, 2013. — 360 с.
- Богословская Л. С., Членов М. А., Юрцев Б. А.* Острова пролива Сенявина — уникальный природно-культурный комплекс // Природа. 1979. № 9. — С. 91–97.
- Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Минприроды России на 2014 г. и плановый период 2015 и 2016 гг. Минприроды РФ, 2013.

- Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2012 г.» Минприроды РФ, 2013.
- Концепция развития системы особо охраняемых природных территорий на период до 2020 г. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 22.12.2011 № 2322-р. — 32 с.
- Крупник И. И. Об изучении ледовых культурных ландшафтов // Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / сост. и ред. Л. С. Богословская, И. И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2013. — С. 18–23.
- Кулешова М. Е. Понятийно-терминологическая система «Природное и культурное наследие»: содержание и основные понятия // Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов. — М.: РНИИ культурного и природного наследия, 1994. — С. 40–46.
- Кулешова М. Е. Особенности формирования природно-культурного каркаса о. Анзер (Соловецкий архипелаг) // Наследие и современность. Вып. 4. — М.: Институт Наследия, 1996. — С. 58–76.
- Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. — М.: Институт Наследия. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.
- Матюшкин И. Е. Памятники историко-культурного наследия на территориях государственных природных заповедников (краткий обзор). — М.: Экоцентр «Заповедники», вып. 1, 1998. — 41 с.
- Федеральный закон № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», 1995, в ред. 2013.
- Федеральный закон № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», 2001, в ред. 2014.
- Федеральный закон № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», 2002, в ред. 2013.
- Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», 2002, в ред. 2014.
- Conserving cultural and biological diversity: the role of sacred natural sites and cultural landscapes. UNESCO-MAB, Proceedings of the Tokyo Symposium, 2006. — 346 p.
- Convention concerning the protection of the world cultural and natural heritage. UNESCO, 1972. — 16 p.
- Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. Annex 3. UNESCO. WHC. 08/01, January 2008. — P. 85–92. Электронный ресурс: <http://whc.unesco.org/en/guidelines/>
- Report of the joint UNESCO-ICCROM-ICOMOS reactive monitoring mission to the cultural and historic ensemble of the Solovetsky Islands. Russian Federation, 5–14 August 2013.

Л. С. Богословская – научный руководитель разработки ТЭО Парка «Берингия» (1990–1991)

Б. Вдовин

Впервые Людмилу Сергеевну Богословскую я встретил во время конференции «Экология нефтегазового комплекса» в Надыме в 1988 г. Я тогда начал работать в институте Ленгипрогор в группе, разрабатывавшей природоохранные разделы проектов газо- и нефтепроводов на севере Западной Сибири. Запомнилось ее яркое выступление, которое произвело на меня сильное впечатление четкостью формулировок и активной позицией в защиту прав коренного населения при разработке проектов освоения газовых месторождений на Ямале.

Особенно важным было ее утверждение, прозвучавшее как в том выступлении, так и потом в дискуссиях, что во всех проектах освоения Севера задачи охраны природы необходимо решать, учитывая интересы традиционного природопользования коренных народов. К сожалению, зачастую в проектах промышленного освоения северных районов идея эта, хотя и провозглашалась, но, как и многое другое в те годы, не реализовывалась. Поэтому чрезвычайно важно было переломить ситуацию. Становилось очевидным, что для этого необходима разработка специальных мероприятий с участием этнографов и представителей коренного населения, проживающего на осваиваемых территориях, и реализация этих мер на практике.

В самом конце 1980-х гг. стали появляться первые методические материалы на эту тему, разработанные в Институте Ленгипрогор (см. Социально-экономические..., 1989). Постепенно при разработке природоохранных разделов в проектах для северных регионов, по крайней мере, проводимых в институте Ленгипрогор, начали включать специальные разделы, посвященные учету интересов малочисленных народов Севера — например, при проектировании и экспертизе трассы газопровода на полуострове Ямал в 1988–1989 гг. (Эколого-социальное исследование..., 1990; Предложения..., 1992 и др.) В этих разработках впервые приняли участие специалисты по коренным народам Севера (Б. Б. Прохо-

ров, А. И. Пика, Д. Д. Богоявленский, И. И. Крупник) а также экологи, среди них — Л. С. Богословская. Она руководила тогда «экологическим блоком» Государственной экспертной комиссии (ГЭК СССР) проекта по освоению нефтегазовых месторождений Бованенково и Харасавэй на п-ве Ямал (1988–1989). С конца 1980-х гг. постепенно начали входить в практику общественные обсуждения проектных предложений с самими коренными жителями территорий.

Берингия и ее значение

Вторая моя встреча с Богословской состоялась в начале осени 1990 года. Тогда я был назначен от Ленгипрогора главным инженером проекта разработки «Технико-экономического обоснования (ТЭО) создания комплекса особо охраняемых территорий и акваторий в районе Берингова пролива». Эта проектная разработка была поручена институту после того, как 3 июня 1990 г. Президентами СССР и США, М. С. Горбачевым и Дж. Бушем, было подписано совместное заявление о намерении создать международный парк в районе Берингова пролива. Предполагаемый советско-американский международный парк должен был объединить наземные и водные охраняемые территории на обеих сторонах пролива и способствовать активным контактам представителей двух стран — ученых, работников охраны природы, туристов и особенно — коренных жителей региона (Bush and Gorbachev, 1990; полный текст соглашения был опубликован как Приложение № 1 к ТЭО).

В последующих переговорах американская сторона согласилась включить в международный парк существовавшие тогда участки охраняемых территорий на северо-западной Аляске (национальные парк Bering Land Bridge, Cape Krusenstern National Monument и др.— Экологическая программа., 1991). На советской стороне надо было создавать новый парк, охватывающий азиатское побережье Берингова пролива, поскольку, за исключением государственного заповедника на острове Врангеля, здесь не было реально действующих охраняемых территорий.

Этот своеобразный регион, сегодня уже наполовину занятый морем, известен под именем Берингии. На протяжении последнего миллиона лет Северная Азия и Северная Америка неоднократно соединялись

здесь сухопутным мостом. 18 тысяч лет назад ширина этого сухопутного моста была более чем 1000 км. Это способствовало обмену флорой и фауной между американским и азиатским континентами и возникновению общей уникальной экосистемы, объединяющей полуостров Дауркина на Чукотке и полуостров Сьюард на Аляске в рамках одной ботанической зоны. Этот гигантский мост сыграл огромную роль в заселении Североамериканского континента (Богословская и др., 2007, с. 11–24; Наследие., 1989). По Берингийскому мосту, а затем и через Берингов пролив в течение тысячелетий проходили сложные переселения древних людей. Древние и ныне существующие народы оставили здесь гигантский комплекс археологических памятников — от палеолитических стоянок до более поздних жилых и ритуальных сооружений из костей китов.

Потепление климата, таяние ледников и подъем уровня океана, начавшиеся около 14 тысяч лет назад, привели к постепенному исчезновению сухопутного моста. В результате Берингов пролив разделил континенты Евразии и Америки. Исключительное географическое положение на стыке этих двух континентов и двух океанов превратило регион Берингова пролива в своеобразный миграционный коридор и перекресток миграционных путей наземных и морских организмов из различных областей Земли, а также в один из главных очагов формирования холодостойких видов флоры. Поэтому Берингоморские побережья отличаются уникальным сочетанием высокого биоразнообразия и высокой биопродуктивности. Шельф Берингова моря относится к числу наиболее продуктивных районов Мирового океана. Здесь располагаются крупнейшие в северном полушарии птичьи базары, лежбища моржей и других ластоногих. Это важнейшие районы обитания водоплавающих и околоводных птиц, белого медведя, тюленей, белухи, и наиболее высокий для всей Российской Арктики процент представителей растительного и животного мира, занесенных в Красную книгу. Богатством и разнообразием характеризуется абиотическая природа региона: уникальные лагуны, гидрологические и геоморфологические объекты, горные образования и ландшафты в целом (см. подробнее: Богословская и др., 2007; Наследие., 1989, с. 9–19).

Другим, не менее важным, аспектом является богатейшая живая культура коренных народов — эскимосов, живущих по обе стороны Берингова пролива, и чукчей на Чукотке, которая представляет собой важную часть мирового культурного наследия. Одним из ключевых

элементов этого наследия является культура морского зверобойного промысла, история которого насчитывает многие столетия (если не тысячелетия). Морзвербойный промысел является общим для этих двух народов традиционным видом хозяйственной деятельности. Очень важно при этом отметить, что за многие столетия использования природных ресурсов для жизнеобеспечения коренные жители приобрели богатый опыт бережного их использования (Богословская и др., 2007; Наследие., 1989).

Поэтому, начиная нашу совместную работу с Людмилой Сергеевной в 1990 г., мы очень быстро пришли к соглашению, что проектируемая особо охраняемая территория на Чукотке должна преследовать двоякую цель:

- сохранение природного своеобразия этого уникального региона, его животного и растительного мира;
- сохранение богатого культурного наследия эскимосов и чукчей: памятников истории и культуры, быта, традиций, промыслов, их живой культуры.

Предшествующие попытки охраны природы Берингии

В СССР история попыток создания на Чукотке особо охраняемой территории федерального уровня к тому времени насчитывала уже свыше 20 лет. Основой для этого стало советско-американское Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды от 23 мая 1972 г. Начиная с 1960-х гг. различными специалистами и представителями природоохранных органов, как американскими, так и советскими, высказывалась идея создания особо охраняемой территории в районе Берингова пролива с целью сохранения биологического разнообразия этого уникального региона (Браун, 1990).

В 1984–1985 гг. американский государственный деятель и пионер в сфере атмосферно-метеорологических исследований Вальтер Опп Робертс (1915–1990) предложил создать в районе Берингова пролива совместный советско-американский «научно-исследовательский парк» (Rossiter, 1985; Shared Beringia Heritage Program, 2013). Реализация такого проекта должна была также способствовать потеплению отношений

между нашими двумя странами. Идея создания приграничного международного парка в районе Берингова пролива и расширения научного сотрудничества нашла поддержку среди ученых, несмотря на существовавшую тогда атмосферу враждебности и подозрительности в отношениях между СССР и США.

В 1986 году в рамках советско-американского соглашения 1972 г. о сотрудничестве в области охраны окружающей среды была создана рабочая группа для решения вопросов «сохранения и управления объектами природного и культурного наследия». В 1987 г. она подготовила программу по теме «Исследования, управление и сохранение культурного наследия Берингии» (Blackford, 2007, с. 122; Shared Beringia Heritage Program, 2013). Эти же вопросы обсуждались в том же году на советско-американском семинаре по проектированию, организации и управлению национальными парками, проведенном Рабочей группой 02.04–20 («Сохранение и управление ресурсами наследия») в рамках того же соглашения (Иванов, Рыбаков, 1990). В 1989 г. советско-американская группа планирования во время ознакомительной поездки по поселкам коренного населения Северо-Западной Аляски и Чукотского полуострова предложила идею создания международного парка (Наследие.., 1989). В 1990 г. при Государственном комитете СССР по охране природы была создана специальная рабочая группа по организации международного парка «Берингия». В июне 1990 г. было подписано упомянутое выше совместное заявление о намерении создать международный парк в районе Берингова пролива. Идея создания международного парка уже широко обсуждалась на Чукотке, в частности на 1-м Съезде эскимосов Чукотки в Providения в августе 1990 г. (см. статью И. Загребина).

Начало работ: осень 1990 г.

В сентябре 1990 года Совет министров СССР издал Постановление о создании международного парка и поручил осуществление этой задачи Совету министров Российской Федерации. Руководство работами по созданию парка было возложено на Государственный комитет РСФСР по охране природы. Поскольку в восточной части Чукотки не было ни одного национального парка, Государственный комитет РСФСР по охране природы поручил разработку технико-экономиче-

ского обоснования (ТЭО) российской части международной особо охраняемой территории Ленинградскому государственному институту проектирования городов (Ленгипрогор). Главным инженером проекта, как уже упоминалось выше, назначили меня. Л. С. Богословская и владивостокский палеонтолог В. А. Красилов, работавший тогда в ВНИИ Природы, были назначены научными руководителями разработки ТЭО.

Я незамедлительно связался с ними, и Людмила Сергеевна пригласила меня в Москву. Поскольку тогда она чувствовала себя неважно, встреча состоялась у нее дома. Встретила она меня очень радушно, и наше первое личное знакомство прошло в самой доброжелательной атмосфере.

Уже первое общение показало, что наши представления об основных задачах, стоящих перед нами, полностью совпадали. У Людмилы Сергеевны практически были готовы основные положения концепции парка. Идея организации на Чукотке особо охраняемой природной территории обдумывалась ею давно (Богословская и др., 1979; см. вступительную статью И. И. Крупника). Она отдала много сил исследованиям на Чукотке и была тесно связана с ее жителями. В ее рассказах чувствовались восхищение этим удивительным краем и любовь к населявшим его людям; при этом ее чувства были основаны на реальных знаниях, полученных в ходе многолетних полевых выездов, и четком понимании существующих проблем.

Основные положения предложенной ею концепции особо охраняемой территории, очевидно, уже обсуждались среди специалистов. Особенно хочется отметить участие в таких обсуждениях биологов Б. А. Юрцева (БИН) и А. В. Андреева (ИБПС, Магадан), участника предварительного обследования территории будущего парка в 1989 г. Андреев сам подготовил ряд предварительных набросков к плану парка, которые он выслал Людмиле Сергеевне и которые она очень ценила.

В основу концепции ТЭО парка «Берингия» лег комплексный подход к задачам охраны и исследования природного и культурного наследия. Богословская убедила меня в том, что эти задачи невозможно решать без широкого участия представителей коренных народов и использования их многовекового опыта бережного природопользования. При этом подчеркивалась необходимость развития на современной основе традиционных видов хозяйственной деятельности, являющихся основой культурного наследия эскимосов и чукчей.

Концепция природно-культурной охраняемой территории

Ключевые положения концепции основывались на новых принципах охраны природного и историко-культурного наследия. При разработке и реализации такого проекта должны были быть решены три основных задачи (четко сформулированные Людмилой Сергеевной):

- сохранение природного наследия;
- сохранение культурного наследия;
- сохранение и развитие на новой социально-экономической основе традиционных форм природопользования и образа жизни коренных народов — эскимосов и чукчей.

Если охрана природы издавна была целью создаваемых в СССР заповедных (охраняемых) территорий, то сохранение культурного наследия явилось относительно новой задачей. Я имею в виду не только (и не столько) охрану памятников культуры, музейные комплексы, археологические раскопки, собирание фольклора и других свидетельств прошлого. На Чукотке сохранились в полной мере и живая культура и традиционное природопользование эскимосов и чукчей, которые не угасли под натиском мощного внешнего воздействия. По существу, практически вся территория восточной Чукотки была зоной традиционного (или «смешанного») природопользования. Внутренние территории использовались как пастбища оленеводами, а прибрежные районы и акватории осваивались местными охотниками-морзверобоями.

Поскольку прибрежные акватории являются важным элементом как природного, так и культурного наследия, встала необходимость охраны прибрежных акваторий. Поэтому в границы особо охраняемой территории, по мнению Богословской, должны были включать и прибрежные участки акватории Чукотского и Берингова морей.

Поскольку практически невозможно выделить участки традиционного природопользования из единой хозяйственной системы, на всей проектируемой территории парка предусматривалось сохранение традиционной хозяйственной деятельности. Задача сохранения и восстановления природных ресурсов, на первый взгляд, противоречит их использованию коренными народами. Однако в ходе многовекового освоения природных ресурсов у этих народов накопился огромный

опыт и понимание окружающей природы, выработалось уважительное и бережное отношение к ее ресурсам. Изучение и использование этих знаний должно было стать одной из основных задач, решаемых в ходе реализации проекта парка. Возникающие проблемы должны были решаться в тесном взаимодействии с организациями коренного населения, а их знания и опыт учитываться на дальнейших этапах проектирования. Таким образом проектирование и деятельность создаваемой охраняемой территории должны были осуществляться в сотрудничестве с организациями коренных жителей и при их участии.

Задача сохранения и развития на новой социально-экономической основе традиционных форм природопользования в свою очередь вызвала необходимость включения в состав проектируемой территории национальных поселков. Это в свою очередь вызвало необходимость решения проблем, связанных с реконструкцией устаревшей инженерной инфраструктуры, жилищным и культурно-бытовым строительством. При этом особенности различных участков должны были учитываться при зонировании территории.

Все эти новые подходы, содержащиеся в предложенной Людмилой Сергеевной Богословской концепции, были реализованы в ТЭО комплекса особо охраняемых территорий в районе Берингова пролива.

Очевидно, что в этом случае мог возникнуть вопрос о создании нового вида особо охраняемой территории, которая первоначально получила название «Этническая территория Берингия». Такой новый вид особо охраняемой территории позволял учитывать специфику проживания здесь коренных народов — чукчей, эскимосов и других малочисленных народов Севера. Этническая территория «Берингия», как нам тогда казалось, могла бы стать полигоном для организации подобных территорий в других районах Севера и Сибири, где проживало коренное население.

Все это было новым и, как всякая новизна, обещало много трудностей при согласовании и реализации проекта (как впоследствии и оказалось). Понимая это, мы, тем не менее, решили разрабатывать концепцию на основе этих идей.

Обговорив основные положения концепции, мы составили примерный план работы и в дальнейшем строго его придерживались. Так началось наше сотрудничество с Людмилой Сергеевной, продолжавшееся потом почти четверть века.

Работа над концепцией и ТЭО Парка «Берингия»

Работа над концепцией парка была проведена относительно быстро в конце 1990 г. В январе 1991 г. мы вместе с Людмилой Сергеевной вылетели в Анадырь и защитили свою концепцию парка перед главой администрации Чукотского автономного округа А.В. Назаровым, победив в конкурсе проектов. После этого было открыто финансирование и началась разработка ТЭО.

Людмила Сергеевна была прекрасным организатором, имела большой авторитет и известность среди научной общественности. Она сумела собрать вокруг себя команду из лучших специалистов. Возник большой коллектив единомышленников, душой которого была она сама. Это позволило создать ТЭО качественно и в рекордно короткие сроки. Людмила Сергеевна связала меня с ведущими учеными, специалистами по Северу; со многими из них впоследствии у меня сложились дружеские отношения.

Работая над ТЭО, я часто летал в Москву или через Москву в Магадан и на Чукотку и нередко бывал у Людмилы Сергеевны, ближе познакомился с ее семьей. Меня всегда поражало, что даже дома она продолжала активно работать, обсуждая и решая различные деловые вопросы по телефону или с проходящими коллегами (как часто бывало со мной). Иногда у нее на дому проходили настоящие совещания с участием нескольких человек.

Группа специалистов – участников проектирования парка «Берингия» во время путешествия по Аляске весной 1991 г. Вторая слева – Л.С. Богословская; первый слева – Б.И. Вдовин. Фото из личного архива Б.И. Вдовина

Руководителем она была, что называется, «от бога». Всегда внимательно и уважительно выслушивала мнение собеседника и вместе с ним рассматривала различные аспекты затронутой проблемы, что в итоге приводило к общему решению.

В мае 1991 г. в составе группы проектировщиков мы с Людмилой Сергеевной вылетели в США, где наша делегация знакомилась с организацией работы Службы национальных парков и ряда других

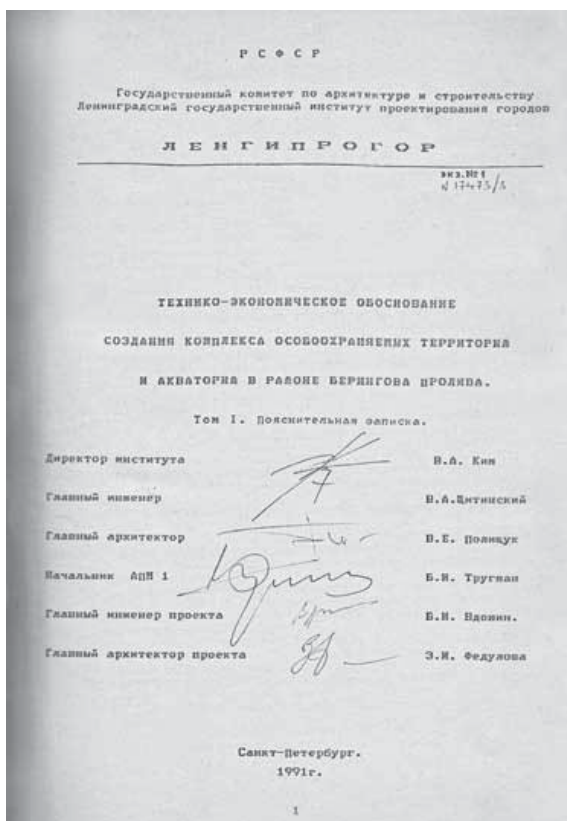
природоохранных служб на Аляске. Были у нас контакты и с организациями коренных жителей Аляски. Тогда представители этих организаций высказывали сомнения в необходимости международного парка. Они опасались возможных ограничений традиционного природопользования и доступа к ресурсам, а также того, что коренные жители России и Аляски будут исключены из процесса планирования и управления будущим парком. Богословская всегда подробно отвечала на все вопросы. Ее четкие и логичные формулировки, несмотря на тихий голос, приковывали к себе внимание и вызвали доверие. Это помогло снять большинство возражений. Она активно участвовала во всех мероприятиях и часто, как-то незаметно, становилась их ведущим участником, хотя держалась всегда очень скромно.

По возвращении из 23-дневной поездки в Провиденция была устроена пресс-конференция. Как всегда, Людмила Сергеевна скромно держалась в стороне, хотя большая часть вопросов задавалась именно ей.

В августе 1991 г. на совместном советско-американском совещании мы представили нашу разработку. Людмила Сергеевна неоднократно

«Круглый стол» группы специалистов, вернувшихся из поездки на Аляску, где велись переговоры по созданию международного национального парка «Берингия». Слева направо: Л.С. Богословская, Б.И. Вдовин, А.Г. Трусов, зам. начальника отдела международного сотрудничества ГК РСФСР по экологии и природопользованию, Н.И. Мырфин, руководитель Чукотской инспекции по охране морских млекопитающих. Июнь 1991. Фото В.И. Мостяева, Музей Берингийского наследия, Провиденция

Титульный лист первого тома ТЭО Парка «Берингия». 1991. Из архива Б.И. Вдовина

выступала с докладами и в прениях. В целом наш проект ТЭО получил одобрение, хотя окончание совещания было неожиданно сокращено произошедшим тогда в Москве путчем.

После совещания мы доработали ТЭО. В целом, оно отвечало требованиям международного и национального законодательства в отношении определения границ комплекса, степени изученности природных и культурных объектов, учета интересов коренного населения и функционального зонирования территории. Новым и интересным подходом являлось то, что коренные народы и местное население рассматривались в качестве полноправных участников создания российской части парка

и управления им, и что одной из главных задач парка было сохранение природопользования коренных жителей, чья преемственность прослеживается на протяжении многих веков. Многие из ключевых принципов организации российской «Берингии», изложенные в ТЭО, были впоследствии подтверждены на парламентских слушаниях 22 мая 1995 г.

Комплект проектной документации ТЭО включал в себя два тома («основные положения» и пояснительная записка), альбом и отдельные чертежи (Технико-экономическое обоснование.., 1991).

В пояснительной записке ТЭО был выполнен анализ природных условий, дан обзор флоры и фауны, выделены природные объекты, нуждающиеся в охране, их положение. Дан анализ экологической обстановки. Этот раздел выполнялся под руководством В. А. Красилова, который возглавил работу по природной теме. Раздел по растительности на территории парка был выполнен д.б.н., ботаником Б. А. Юрцевым, крупнейшим знатоком флоры Чукотки, вместе с сотрудни-

ками его лаборатории в БИН. Отдельные разделы были написаны с участием к.г.н. Ю.М. Бабаева (многие годы работавшего начальником Провиденской гидробазы), к.б.н. В.Н. Мельникова, специалиста по морским млекопитающим, члена-корреспондента АН СССР (впоследствии академика РАН) О.Г. Кусакина (Институт биологии моря), А.Н. Полежаева (Зональный институт сельского хозяйства, Магадан).

Важными и в принципе новаторскими были разделы, посвященные анализу и предложениям по охране культурного наследия. В разработке этих разделов участвовали специалисты с большим опытом работы на Чукотке и российском Севере: д.а. Ю.И. Курбатов (ЛенНИИградостроительства), археолог В.В. Питулько (Институт археологии ЛО АН СССР), лингвист Н.Б. Вахтин (Институт языкознания АН СССР), этнограф А.И. Пика (Институт социально-экономического прогнозирования), археолог С.В. Гусев (Институт археологии АН СССР). Конечно, главную роль в разработке всех разделов играла Людмила Сергеевна. Она, по сути, была не только автором некоторых частей, но и главным редактором этого раздела. Очень важно, что в обсуждении проектных предложений принимали участие и жители национальных поселков Чукотки, представители Ассоциации малочисленных народов Чукотки и Колымы (АМНЧК) и Общества эскимосов Чукотки — «Юпик», а также сотрудники музеев Анадыря и Провидения.

В третьей главе были рассмотрены этнический состав, возрастно-половая структура социально-демографические и этнические проблемы коренного населения. Этот раздел был написан к.и.н. А.И. Пикой, вместе с сотрудниками его демографической лаборатории.

Четвертая и пятая главы были посвящены анализу хозяйственной деятельности и последствий антропогенных воздействий на природную и культурно-историческую среду. Эта глава была написана группой сотрудников института Ленгипрогор. В 6-й главе был приведен комплексный анализ природных и историко-культурных ресурсов. 7-я глава была посвящена проектным предложениям и организации советской части будущего международного парка. Были приведены ориентировочные оценки масштабов инвестиций, необходимых для реализации проектных решений. Эти главы были также подготовлены группой специалистов разных институтов под руководством и при участии Л.С. Богословской.

В восьмой главе были рассмотрены правовые и административные вопросы, связанные с созданием этнической территории «Берингия» и организацией международного парка. Она была подготовлена специалистами института Ленгипрогор и содержала предложения по взаимодействию сторон. Подчеркивалась необходимость участия коренного населения в организации парка и управлении им, выдвинуты предложения по структуре управления и приведены проекты Соглашения об организации международного парка «Берингия» и Положения о международном парке «Берингия».

На следующих этапах проектирования предлагалось рассмотреть предложения о включении в территорию парка районов, примыкающих к поселку Уэлькаль (поскольку от жителей этого поселка пришла просьба включить и этот поселок в границы будущей охраняемой территории), и уточнить функциональное зонирование территории. Аналогичная просьба была получена и от жителей национального поселка Ванкарем на северном побережье Чукотки.

Поскольку в то время в российском законодательстве не существовало категории особо охраняемой территории, статус которой соответствовал бы характеру будущего парка, в ТЭО было предложено принять и законодательно оформить статус «этнической территории». Такой класс особо охраняемых территорий был впервые предложен в концепции экологической программы Приморского края (1989 г.). При организации этнической территории главное значение имеют цели сохранения объектов природного и культурного наследия.

В ходе поездок на Чукотку мы постоянно обсуждали и согласовывали содержание ТЭО с представителями организаций коренных жителей.

Сдача ТЭО и его последующая судьба

Ответив на полученные замечания и внося необходимые исправления, мы завершили работу над ТЭО и сдали его в администрацию Чукотского автономного округа в декабре 1991 г. Оно было принято за основу. Однако (и мы сразу это почувствовали), отношение администрации округа к проекту международного парка после путча августа 1991 г. изменилось. Неожиданно администрация округа организовала

голосование среди жителей национальных поселков о будущем статусе парка. Обсуждался один вопрос: будет ли парк региональным, то есть подчиненным окружной администрации, или федеральным. При этом, вопреки смыслу ТЭО, утверждалось, что в случае организации федерального парка будет нанесен вред традиционным видам хозяйственной деятельности. Естественно, большинство жителей проголосовали против федерального парка. Мы долго об этих действиях администрации не знали.

На основании результатов этого опроса с частичным использованием материалов ТЭО в январе 1993 г. был создан региональный Природно-этнический парк «Берингия», который в принципе не мог стать в соответствии с заявлением российской стороны частью первоначально задуманного международного парка (Загребин, 2013, с. 6). В заявлении о создании регионального парка прозвучали фразы из нашего ТЭО, правда, без ссылок на него.

Это было закономерным следствием ведомственной разобщенности и общей неразберихи, о чем Людмила Сергеевна искренне сокрушалась. Во время поездки на Чукотку в 1995 г. она выступила в местной газете «Крайний Север» с опровержением, но это было уже запоздалой реакцией.

В дальнейшем все произошло в соответствии с нашими опасениями. В прессе появились статьи обвинявшие проектировщиков ТЭО в разных «грехах». Пришлось давать опровержения. Прошла серия слушаний в Государственной Думе, на которых также были попытки обвинять проектировщиков. Один раз даже «привязали» ТЭО к широко обсуждавшейся тогда якобы передаче американской стороне участков акватории Берингова моря (в обмен на участки в Чукотском море). Но эти нападки тогда удалось опровергнуть.

Особенно памятливы мне были общественные слушания, на которых тогдашний президент Ассоциации малочисленных народов Севера Чукотского автономного округа А. А. Омпыпкыр неожиданно обвинил авторов ТЭО в том, что они не учитывали интересов коренного населения. Это обвинение было явно инициировано противниками нашей концепции в окружной администрации. Я напомнил, что мы проектировали «этническую территорию» и значительное внимание уделили как раз проблемам национальных поселков на территории парка и сохранению и развитию традиционной хозяйственной деятельности —

что мы с ним обсуждали в 1991 г. в Провиденция. Но он стоял на своем. Для нас это было тяжелым ударом.

Позднее на деньги местного бюджета во Владивостоке было разработано новое эколого-экономическое обоснование, которое во многом совпадало с нашей разработкой. Однако, основной упор в новом плане был сделан на развитие туризма, а не традиционного природопользования. Вопросы, связанные с интересами коренного населения, были практически обойдены. Но и эта работа также не получила развития. Парк первоначально существовал вообще без разработки проекта. Им руководил биолог Н. К. Железнов, наш бывший конкурент, выступивший в свое время со своей концепцией на конкурсе 1991 г.

После 1995 г.

Однако на этом наши связи с Людмилой Сергеевной не оборвались. Я в те годы сотрудничал с НПО «Бесконфликтный Север», занимавшимся помощью общинам малочисленных народов Севера, организовывал семинары. Мы часто обсуждали возникавшие при этом проблемы, и нередко я получал от Людмилы Сергеевны полезные советы. В свою очередь она рассказывала о своей работе, в частности, в качестве эксперта Государственной Думы по правам коренных малочисленных народов, традиционному природопользованию и биологическим ресурсам (см. статью О. Мурашко).

В 1995 г. Государственной Думой РФ был принят Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях». В соответствии со ст. 15.3 Закона, в национальных парках, расположенных в районах проживания коренного населения, допускается выделение зон традиционного природопользования. Естественно, что в разработке этого закона Богословская принимала самое активное участие. Это позволило на законном основании включать территории традиционного природопользования в границы парков в качестве особо охраняемых участков с особым статусом.

В результате развития отношений между аляскинским отделением Службы национальных парков и Администрацией Чукотского АО в 2002 г. было подписано соглашение с новым губернатором Чукотки Романом Абрамовичем о проведении ежегодных совместных конфе-

ренций «Дни Берингии» поочередно в Анкоридже и в Анадыре. Тогда же я получил приглашение приехать на Чукотку и занять пост директора парка «Берингия». Мне было уже 67 лет. Я понимал, что смогу работать недолго, но все же решился. Богословская поддержала моё решение, и наше сотрудничество получило новый импульс.

Вместе с Л.С. Богословской во время одного из ее приездов на Чукотку в помещении дирекции парка «Берингия». Фото из архива Б.И. Вдовина

Первое же знакомство с состоянием дел в парке произвело грустное впечатление. Инспектора месяцами, иногда по полгода, не высылали отчетов, а сами отчеты зачастую носили формальный характер и не содержали полезной информации. Материалы наблюдений не обобщались, и в результате парк, по существу, не приносил никакой научной пользы. Архив наблюдений состоял из разрозненных дневниковых записей. Когда я обратился к бывшему директору парка Железнову, он ответил, что материалы дневников использовал для своей монографии, а сами дневники не сохранились.

Ко всему добавились хлопоты по организации первой международной конференции «Дни Берингии» в Анадыре в 2003 г. Для меня многое тогда было ново, приходилось постоянно учиться. И тут Людмила Сергеевна мне очень помогла. Она и тогда, и в дальнейшем постоянно оказывала мне помощь в подготовке и организации таких конференций: активно в них участвовала, готовила доклады, приглашала интересных докладчиков и помогала решать организационные вопросы.

Отрадным был, пожалуй, тот факт, что самая затратная часть нашего ТЭО была практически реализована тогдашним губернатором Чукотки Р.А. Абрамовичем. Во всех национальных поселках на территории парка были построены и строились новые благоустроенные дома, котельные, школы, больницы. Жизнь местного населения заметно улучшилась.

За относительно краткий период моей работы в парке мне удалось наладить работу инспекторов, установить с помощью Людмилы Сергеевны контакты с рядом институтов и научных организаций, начать работу по описанию отдельных участков парка и по подготовке дневника

природы. Был налажен выпуск информационного листка «Берингия», начато формирование библиотеки и фондов парка. Проработал я в парке «Берингия» до середины 2006 г., но связи с парком не прерывал. Людмила Сергеевна также поддерживала тесные контакты с сотрудниками парка, его новыми руководителями — Н. И. Калюжиной и И. А. Загребинным.

Последние годы

Во время конференции «Дни Берингии» в Анкоридже осенью 2006 г. я неожиданно получил приглашение от И. И. Крупника (очевидно, с подачи Богословской) принять участие в проекте СИКУ по программе Международного полярного года (МПГ 2007–2008). Людмила Сергеевна руководила его российской частью. По ее приглашению я стал сотрудником возглавляемого ею Центра традиционной культуры природопользования Института Наследия в Москве.

К сожалению, к тому времени она часто болела, и нередко мы обсуждали планы и ход работы у нее дома. Мы постоянно поддерживали связь по телефону и обменивались текстами по электронной почте, готовясь к семинарам в Москве или подводя итоги очередного этапа работ.

В это же время на правительственном уровне было принято решение создать национальный парк «Берингия» федерального подчинения, как

Обсуждение проекта СИКУ с И.И. Крупником и Л.С. Богословской на ее квартире в Москве. 2008 г. Фото из архива Б.И. Вдовина

Л.С. Богословская и М.Е. Кулешова на семинаре по охране культурного наследия на территориях проживания народов Севера. Москва, Институт Наследия, февраль 2009 г. Фото Б.И. Вдовина

это предлагалось нами в 1990–1991 гг. За почти двадцать лет наше ТЭО в значительной степени устарело, да и страна изменилась радикально. Необходимо было разработать новую проектную документацию такого парка с учетом всех перемен. Разработка эколого-экономического обоснования национального парка «Берингия» была поручена группе под руководством к.б.н. Е. Е. Сыроечковского. На базе этого эколого-экономического обоснования в 2013 г. был создан ныне действующий национальный парк «Берингия». Однако теперь, по настоянию администрации округа, его концепция была существенно изменена. Был создан так называемый «кластерный» парк, отдельные участки которого отстоят друг от друга порой на десятки километров. Вопросы, связанные с охраной живого культурного наследия коренных жителей, ушли на задний план (Загребин, 2013). Это очень огорчало Людмилу Сергеевну. Она (впрочем, как и другие специалисты) выступила против такой схемы, принципиально отстаивая свою позицию.

Несмотря на тяжелую болезнь, которую она старалась скрывать, она всегда была активна. И лишь когда мне пришлось лететь в 2013 г. в Анадырь для презентации только что вышедшей книги по проекту СИКУ «Наши льды, снега и ветры» (Богословская, Крупник, 2013), стало очевидно, что она чувствует себя плохо. Книги в аэропорт мне доставила ее дочь Катя. 19 февраля 2015 г., обеспокоенный ее долгим молчанием, я позвонил в Москву, и Катя сообщила скорбную весть о ее кончине.

Людмила Сергеевна Богословская навсегда останется в памяти всех нас и, в первую очередь, жителей Чукотки, которой она посвятила многие годы своей яркой жизни.

Литература

- Богословская Л. С., Крупник И. И. (сост., ред., авт.). Наши льды, снега и ветры: Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки. — М.: Институт Наследия, 2013. — 360 с.
- Богословская Л. С., Слугин И. И., Загребин И. А., Крупник И. И. (сост., ред., авт.). Основы морского зверобойного промысла. Научно-методическое пособие. — Москва-Анадырь: Институт Наследия, 2007.
- Богословская Л. С., Членов М. А., Юрцев Б. А. Острова пролива Сенявина — уникальный природно-культурный комплекс // Природа, 1979. № 9. — С. 91–97.
- Браун В. Сохранение наследия Берингии // Национальные парки: опыт СССР и США // Отв. ред. И. Г. Ива-

- нов, А. В. Рыбаков. — М.: ВНИИТАГ, 1990. — С. 82–88.
- Загребин И. А. Для природы государственных границ нет / Крайний Север. — Анадырь. Февраль 2013, С. 6. <http://www.ks87.ru/21/3297.html>
- Наследие района Берингова пролива: Предварительное изучение. Программа международного парка / Beringian Heritage: Reconnaissance Study. International Park Program.— Denver: National Park Service, 1989.
- Национальные парки: опыт СССР и США // Отв. ред. И. Г. Иванов, А. В. Рыбаков. — М.: ВНИИТАГ, 1990.
- Предложения по созданию социально-экономического механизма рационального природопользования, охраны окружающей среды в свете новых социально-политических условий и перехода к рыночной системе хозяйствования. — СПб.: РосНИПИУрбанистики, 1992. — 78 с.
- Сохранение и управление ресурсами наследия // Отв. ред. И. Г. Иванов, А. В. Рыбаков. — М.: Госкомархитектуры, 1990.
- Социально-экономические, экологические требования к условиям жизнедеятельности коренного населения. — Ленинград-Донецк, 1989.
- Технико-экономическое обоснование создания комплекса особо охраняемых территорий и акваторий в районе Берингова пролива. Т. 1 — Пояснительная записка. Т. 2 — Основные положения. — СПб.: Ленгипрогор, 1991.
- Экологическая программа сохранения Берингии/Beringia Conservation Program. National Audubon Society, Alaska-Hawaii Regional Office.— New York, 1991.
- Эколого-социальное исследование особенностей жизни и обитания коренного населения вдоль трассы МГ и разработка возможных путей оптимизации комплекса социальных мероприятий. — Л.: Ленгипрогор, 1990. — 208 с.
- Blackford, M. G.* Pathways to the Present. U. S. Development and Its Consequence in the Pacific. — Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007. — 280 p.
- Bush, G. W. H. and Gorbachev M. S.* Joint Statement of the establishment of a Soviet-United States international park in the Region of the Bering Strait, June 1, 1990 // Foreign Policy Bulletin 1 (1): 8–9.— Washington, 1990.
- Rossiter Al, Jr.* Superpower Research Park Urged. August 15, 1985. http://articles.sun-sentinel.com/1985-10-15/news/8502140959_1_bering-sea-walter-orr-roberts-atmospheric-research
- Shared Beringia Heritage Program. History of the Program. 2013 <http://www.nps.gov/akso/beringia/about/programhistory.cfm>.

Традиционное природопользование поморов как фактор сохранения беломорского культурного ландшафта

В. Спиридонов, Ю. Супруненко

Введение

На рубеже XX и XXI веков мы стали свидетелями новой волны интереса правительств, военных, корпораций, средств массовой информации, ученых и просто любящих путешествовать людей к Арктике. При этом добыча углеводородов и минерального сырья далеко не единственный двигатель новой арктической экспансии. Новое массивное ресурсное, технологическое, военное и туристическое освоение Арктики представляется практически неизбежным: у современной цивилизации просто нет другого пространства для расширения. При этом Арктика — это уязвимая природа и дом для традиционных человеческих культур, для которых новая волна экспансии может оказаться отнюдь не благом.

Людмила Сергеевна Богословская как проницательный исследователь и человек с глубоким пониманием традиционных культур Севера видела глобальную проблему в замене «пространственно динамичных», но медленных во времени («спокойных») традиционных культур коренного населения Арктики на «пространственно статичные», но чрезвычайно скоростные ресурсодобывающие технологии, представляющие лишь части культуры доминирующего постиндустриального общества, причём части, экологически самые «грязные» (Богословская, 2014). Л.С. Богословская подчеркивала важность подхода к сохранению не отдельных компонентов природного и культурного наследия, а целостного культурного ландшафта с людьми, живущими в нем и организующими его как блок ноосферы. Когда мы обсуждали с ней эти вопросы, она неоднократно говорила, что впервые поняла, что такое исторический морской культурный ландшафт во время своих поездок и экспедиций на Белое море в 1960–1970-е гг. и благодаря знакомству с поморской культурой, которое предшествовало ее чукотским экспедициям. Так была инициирована наша первая попытка совместно осмыслить

общие черты морского культурного ландшафта Беломорья и Чукотки в контексте сохранения природно-культурного наследия (Спиридонов, Богословская, Супруненко, 2010).

Современное понятие культурного ландшафта ведет свое начало из 1920-х гг. от нескольких школ географии и культурологии (Krebs, 1922; Sauer, 1925, 1966). Сегодня понятие культурного ландшафта благодаря своей способности интегрировать представления из разных областей знания широко используется в отечественной и зарубежной географии, культурологии и социальной антропологии (Культурный ландшафт, 2004; Базарова и др., 2005; Пермиловская, 2010; Наши льды., 2013; Кулешова, 2014; Knottnerus, 2005). Оно используется в Конвенции о всемирном наследии (1972) и постепенно входит в международное и национальное законодательство, что делает его инструментом сохранения и развития культурного и природного наследия (Кулешова, 2014). Важно только понимать, как им правильно пользоваться.

Настоящая статья посвящена проблеме сохранения исторического морского и берегового культурного ландшафта и неотделимого от него традиционного природопользования в береговой зоне Белого моря как важнейших составляющих природного и культурного наследия нашей страны.

Концепция исторического морского культурного ландшафта

Морской культурный ландшафт складывается практически везде, где природопользование, экономика и культура населения адаптируются к жизни на морском берегу (Knottnerus, 2005). Большинство современных преобразованных морских и приморских ландшафтов имеют отчетливо техногенный характер. Их видимые всем компоненты — укрепленные и модифицированные человеком берега, берегозащитные сооружения, навигационные, портовые и оборонительные сооружения, рекреационная инфраструктура. Среди этих сооружений найдется немало памятников, связанных с морской культурой и историей, и являющихся, таким образом, объектами историко-культурного наследия. Однако сам ландшафт в целом непрерывно изменяется под влиянием природных, экономических и социальных факто-

Каменные выкладки на острове большой Робьяк, Карельский берег. Возможно, использовались для закрепления поморских крестов и навигационных знаков. Фото Ю. Супруненко, 2010 г.

ров и вряд ли может рассматриваться как наследие, которое нужно, да и возможно сохранить в сколько-нибудь целостном виде.

Исторические ландшафты, созданные морскими культурами с вековыми традициями и продолжающие — так или иначе — жить в наше время, представляют иной случай. Для России таким примером являются морские культурные ландшафты Беломорья и сопредельных районов, созданные поморами. Другой пример — береговые ландшафты Чукотки, сформировавшиеся в ходе тысячелетней совместной эволюции экосистем арктической береговой зоны и культуры палеоазиатских морских охотников и рыбаков (Арутюнов и др., 1982; Богословская, 2000; Богословская и др., 2010; Спиридонов, Богословская, Супруненко, 2010; Богословская, Крупник, 2013).

Формирование беломорского культурного ландшафта, дошедшего в том или ином виде до нашего времени, происходило с XIV века, когда на побережье Белого моря появились первые постоянные поселения выходцев из русских земель. Однако они, несомненно, впитали элементы более ранних связанных с морем культур северо-западной Европы, начиная с тех, которые оставили на берегах Балтийского, Баренцева, Белого морей и Онежского озера петроглифы со сценами мореплавания и охоты на морского зверя, часть которых может быть датирована периодом голоценового температурного оптимума 5–6 тысяч лет назад (Шумкин, 2001; Лебедев, 2005; Лобанова, 2008). Как осуществлялась эта культурная передача — вопрос чрезвычайной научной важности, который выходит за рамки нашей статьи.

В долгом процессе заселения Русского Севера организующими центрами были Великий Новгород и Двинская Земля (Ушаков, 1998а; Бернштам, 2009). Огромную роль в организации и развитии экономических отношений, социального устройства и духовной жизни Беломорья играли монастыри (Савич, 1927; Ушаков, 1998а, 1998б; Морозов, 2002; Базарова и др., 2005; Семушин, 2010). Существуют разные точки зрения на генезис слова «поморы» (Бернштам, 1978; Ануфриев, 2013), однако те уникальные, основанные на морских промыслах системы хозяйства и культуру, которые сложились на берегах Белого моря к XVII веку и включали в сферу своего влияния значительную часть побережья Баренцева и юго-западной части Карского морей, можно в широком смысле называть «поморскими». Подчеркнем, что, с нашей точки зрения, для характеристики поморов в широком смысле как культурно-этнической общности важна именно преемственность хозяйственной деятельности в береговой зоне моря, связь с приморским ландшафтом и определенная, связанная с непростой жизнью на берегах полярного моря культурная традиция.

Исторические обстоятельства и этногенетические особенности формирования тех или иных поморских (в широком смысле) сообществ могли быть очень разными. Так, широко признана роль карел, которые наряду с русскими сформировали исторические поселения на западных берегах Белого моря (Бернштам, 1978; Логинов, 2008; Семушин, 2010). Уже в относительно недавнее время (конец XIX — начало XX века) карелы, селившиеся на морском побережье, создавали там поселения с хозяйственным укладом и культурным ландшафтом, похожими на те, что сформировались в более старых селах и деревнях русских поморов (Александров и др., 2014). На Терском берегу Кольского полуострова рядом с поморскими деревнями находились погосты коренного населения — кольских саамов, которое тесно соприкасалось с поморами, частично смешиваясь с ними (Ушаков, 1998а, 1998б). Л. С. Богословская (2014) приводила пример исчезнувшей метисной группы поморов острова Колгуев, чей внешний облик (совершенно ненецкий!) сохранила картина художника Г. Семакова.

Само возникновение и пространственная структура культурных ландшафтов, созданных традиционными морскими культурами, обязаны определенным элементам природного ландшафта и особенностям экосистем прибрежной зоны. Носители морских культур на севере Ев-

*Село Гридино,
Кемский район,
Республика Карелия.
Фото Ю. Супруненко,
2010 г.*

ропы селились на границе между экосистемами моря, речного бассейна и тундры (или тайги — как в большинстве случаев на Белом море). Так, традиционные поселения при устьях рек, впадающих в Белое море, связаны не только с историческими обстоятельствами и необходимостью использования водных путей, но и с миграциями проходных и полупроходных рыб, в первую очередь — сёмги (Ушаков, 1998б; Лайус и др., 2010), а также беломорской сельди (Алексеева и др., 2010).

В формирование специфики хозяйственного уклада и культурного ландшафта поселений, расположенных в районах детных и линных залежек гренландского тюленя, миграционных путей белух, внесли вклад и особенности миграционных циклов морского зверя; но влияние распределения рыбных запасов на формирование поселений имело более общий характер. В то же время, географическое положение поморских поселений и местные рыболовные и зверобойные навыки играли, по-видимому, большую роль в формировании типа дальних промыслов — добычи моржа на Груманте (Шпицбергене) или на Печоре и рыбной ловли на Мурмане (Бернштам, 1979, 2009; Ушаков, 1998б; Старков, 2001; Базарова и др., 2005; Ануфриев, 2013).

Каждый морской культурный ландшафт Беломорья, складывавшийся на определенной природно-ландшафтной и ресурсной основе, характеризуется значительной индивидуальностью. Среди беломорских культурных ландшафтов выделяется своей уникальностью и значимостью ландшафт Соловецких островов, тесно связанный с комплексом Спасо-Преображенского монастыря и островных скитов (Морозов,

*Никольская церковь, село Гридино.
Фото Ю. Супруненко*

*Поморский крест, Кемские шхеры.
Фото В. Спиридонова, 2008 г.*

*Вид на Сельдяной мыс от стен крепости
Соловецкого монастыря. На берегу видны
амбар для гребных судов и Сельдяная изба,
где в 1881–1890 гг. находилась Соловецкая
биологическая станция.
Фото В. Спиридонова, 2014 г.*

*Рыболовецкие тони – узловые точки морского
культурного ландшафта Белого моря.
Тоня Тетрина, Терский район, Мурманская
область. Восстановлена А. Комаровым.
Используется для поддерживающего и
любительского рыболовства, в туристических
и образовательных целях. Фото А. Евграфова*

*Традиционная поморская тоня, район
Кемских шхер, Карелия.
Фото В. Спиридонова, 2008 г.*

*Традиционная тоня в районе деревни Летняя
Золотица, Онежский полуостров.
Фото В. Спиридонова, 2014 г.*

2002; Черенкова, 2014; Кулешова, 2015). Но все беломорские культурные ландшафты составляют единые для обширных участков побережья комплексы, имеющие определенные планы строения.

В природную основу, о которой было сказано выше, встроены рукотворные компоненты морского культурного ландшафта. Каждое крупное поморское село, обычно возникавшее при устье реки, имеет свою планировку и архитектурные особенности, окружено исторически связанными с ним более мелкими поселениями (Ушаков, 1998а, 1998б; Бернштам, 2009; Базарова и др., 2005; Пермиловская, 2009; Семушин, 2010). Вокруг центра группируются отдельно стоящие хозяйственные сооружения, судоходные пути, подходы к берегам, знаки (в роли которых часто выступали обетные кресты (см.: Окороков, 2005) и приметы местной навигационной обстановки, участки, на которых ведется рыбный промысел (тони), многие из которых используются в течение столетий, а может быть и дольше. Регулирование их использования в прошлом обеспечивалось благодаря сложным общинным механизмам (Цетлин, 2000; Лайус и др., 2010). Культурная память, традиционное знание о природе и ресурсах моря и побережья, топонимика, местная мифология, легенды, верования и представления о сакральном — духовные и когнитивные составляющие культурного ландшафта — организуют эти компоненты ландшафта в единую систему. Семантика и сакральная география беломорского культурного ландшафта — неистощимая тема исследований (Теребихин, 1999; Морозов, 2002; Базарова, 2005).

В нашей более ранней совместной работе (Спиридонов, Богословская, Супруненко, 2010) мы говорили и о древних рукотворных материальных элементах, вошедших в беломорский культурный ландшафт — лабиринтах, менгирах, каменных выкладках, принимая достаточно распространенную точку зрения об их происхождении в допоморские времена. В то же время накопление данных и география этих построек, расположенных преимущественно на морских террасах, в значительной степени находившихся в эпохи неолита и раннего металла под водой, делают более убедительной гипотезу об их средневековом происхождении, связанном с промысловой деятельностью поморского населения (Косменко, 2014).

Ценность исторического морского культурного ландшафта как особого объекта наследия несомненна. Он обеспечивает функционирование береговой экосистемы, в которую человеческая деятельность была

*Участки морского культурного ландшафта на Белом море. Менгиры на о. Робьяк.
Фото Ю. Супруненко, 2010 г.*

органично встроена в течение столетий, и теперь является хранилищем культурной памяти народа, основой исторической преемственности и бесценным образовательным ресурсом. В эпоху современных климатических изменений статистика традиционного промысла (такого, например, как промысел наваги в Онежском, Двинском и Мезенском заливе, техника которого сохраняется веками (см.: Стасенков и др., 2011), оказывается важнейшим инструментом мониторинга изменений в прибрежных морских экосистемах.

Факторы изменения и угрозы для исторического морского культурного ландшафта

Сложившийся морской культурный ландшафт существует только в условиях своего постоянного воспроизводства, которое зависит как от динамики природных компонентов, так и от целенаправленной человеческой деятельности. Основа воспроизводства культурного ландшафта беломорского побережья — поддержание исторического морского хозяйства и традиционных видов деятельности.

Если говорить об угрозах для материальной составляющей культурного ландшафта, не связанной прямо с состоянием дел в беломорских поселениях, то следует рассматривать как природные, так и антропогенные факторы. Изменение климата, остро проявляющееся в Арктике

в последние десятилетия, — общепризнанный факт, однако проявления его существенно различаются в различных морях. Для динамики морского культурного ландшафта важен ледовый режим, который в значительной степени определяется условиями зимы. Для Белого моря период с 1991 по 2009 г. характеризовался преимущественно западным типом атмосферной циркуляции с наиболее высокой долей теплых зим за предшествующее столетие (Думанская, 2012). Это обуславливало сдвиг сроков образования припая и покрова дрейфующих льдов на более поздние сроки.

Одна из серьезнейших современных угроз для многих береговых ландшафтов Арктики связана с повышением уровня моря и термоабразией (таянием) вечномёрзлых берегов. Белое море в этом отношении находится в несколько ином положении: западные берега повышаются в результате изостатического поднятия земной коры, а термоабразия и связанные с ней экологические и социальные проблемы характерны, в первую очередь, для северо-восточного побережья (Игловский, 2008).

На морской культурный ландшафт Беломорья безусловно оказывает влияние состояние запасов используемых водных биологических ресурсов, многолетние изменения которых определяются природными факторами и могут испытывать сильное влияние промысла или других видов человеческой деятельности. Если говорить об основных вылавливаемых на побережье Белого моря видах, то прежде всего нужно отметить, что такого массового и исторически важного объекта поморского промысла, как беломорская сельдь, сейчас вылавливается на порядок меньше, чем в первой половине XX века — 293 тонны в 2009 г. против максимального вылова 8260 тонн в 1928 г. (Стасенков и др., 2011).

Исследования по исторической экологии показывают, что поскольку промысел сельди носит сезонный характер, а его успех зависит от условий года, то уловы всегда испытывали значительные колебания, и в одном из исследований беломорских промыслов этот вид добычи был назван «лотерейным» (Алексеева и др., 2010). В период с XVIII до начала XX века происходили заметные изменения в сезонном характере, способах и доле разных районов Белого моря в общем улове сельди (Алексеева и др., 2010). С образованием колхозов в 1930-х гг. лов становился все более индустриальным. Резкое падение уловов произошло во второй половине 1960-х гг. (Стасенков и др., 2011), что связано с массовой гибелью в Белом море зарослей морской травы (Вехов, 1992), на которых нерестилась сельдь.

В данном случае совершенно очевидно, что упали запасы и, возможно, изменился и сезонный цикл тех или иных стад сельди.

В позднесоветские годы с некоторым восстановлением запасов характер промысла опять изменился: значительная часть сельди стала добываться судами, использование пассивных орудий сократилось (Стасенков и др., 2011; Стасенков, 2012), что имело особенно важные последствия для культурного ландшафта. В послесоветский период вылов сократился до минимальных исторических значений, что связано как с экономическими причинами, так и, возможно, с изменением миграционного цикла — уменьшением подходов на зимовку в устьевые области, отепляемые речным стоком (Стасенков, 2012). Считается, что запасы беломорской сельди позволяют добывать её в несколько раз больше, чем вылавливается сейчас, но восстановление традиционного экстенсивного лова с использованием неводов практически невозможно из-за отсутствия достаточного количества рыбаков с соответствующими навыками (Стасенков, 2012). В 2000-е гг. для лова осенней сельди донными тралами использовались средние траулеры. Очевидно, что к сохранению исторического морского культурного ландшафта такой промысел имеет в лучшем случае нейтральное отношение.

История промысла сёмги — наиболее ценного товарного продукта беломорского рыболовства — подробно описана; уловы испытывали значительные колебания, наиболее вероятно — связанные с действием природных факторов (Лайус и др., 2010). Используемые для лова системы сезонных сёмужьих заборов в устьевых частях рек составляли важный компонент беломорского культурного ландшафта, в настоящее время совершенно исчезнувший. С середины 1950-х гг. происходило снижение вылова сёмги, связанное со строительством плотин гидроэлектростанций, препятствующих проходу рыбы на нерестилища, молевым сплавом леса, загрязнением нерестилищ бытовыми и хозяйственными стоками, браконьерством (Лайус и др., 2010; Стасенков и др., 2011). Оценка на рубеже XX и XXI столетий показывала, что из 130 оцененных сёмужьих рек восемнадцать полностью лишились запасов; в основной массе рек популяции в той или иной степени подавлены; и только 7–9 популяций находятся в хорошем состоянии (Lajus et al., 2001). Особенно значительному ущербу подверглись популяции сёмги Кандалакшского залива, в частности такое исторически и культурно важное стадо, как популяция реки Кереть, упадок которой усу-

Забор для лова сёмги. Из книги: Данилевский Н.Я. Рисунки к исследованию рыбных и звериных промыслов на Белом и Ледовитом морях. Исследование о состоянии рыболовства в России. СПб.: Изданы Министерством Государственных Имуществ; Лит. Р. Гундризера, 1863

губился вселением паразитического червя гиродактилуса (Артамонова и др., 2011; Игнатенко, 2014).

В целом в Белом море сёмужьи тони, в основном морские, продолжают оставаться компонентом культурного ландшафта, но их значение заметно меньше, чем раньше. По добыче других проходных и полупроходных рыб, живущих в море или приустьевых районах и размножающихся в реках, данных немного. В основном их добывают для собственного потребления или продажи по соседству. Практически прекратился промысел миноги (Стасенков и др., 2011), но не ясно, произошло ли это из-за ухудшения запасов, утраты навыков лова или просто перехода этого вида добычи «в тень».

Ситуация с донными рыбами, в частности такими как навага, значительно лучше. Уловы и запасы испытывают колебания, связанные преимущественно с природной изменчивостью (Стасенков и др., 2011; Стасенков, 2012), что может свидетельствовать о «нормальном» режиме соответствующих компонентов прибрежной экосистемы.

Ледовые условия в горле и бассейне Белого моря в последние два десятилетия неблагоприятно отразились на условиях размножения (которое происходит на льду) и численности гренландского тюленя. Это сочеталось с активной кампанией против беломорского промысла молоди (бельков и серок) гренландского тюленя, проводившейся в конце 1990-х — начале 2000-х гг. организациями по защите животных, что в конечном

итоге привело к введению запрета на добычу молодых тюленей в Правила рыболовства Северного бассейна. Данное решение подвело черту под поморским зверобойным промыслом. Правда, к тому времени он уже был довольно далек от традиционного, поскольку прежде поморы добывали преимущественно взрослых тюленей, которых использовали целиком, а не бельков и серок ради продажи меха. Все же промысел сохранялся в тех же поморских селах, где когда-то вели добычу гренландского тюленя на льду (Светочев, Светочева, 2012). Закрытие беломорского зверобойного промысла до сих пор вызывает споры: защитники животных приветствуют прекращение добычи тюленей, а люди, понимающие и ценящие поморскую культуру, скорее сожалеют о том, что произошло.

Морские водоросли традиционно использовались жителями некоторых деревень (где развиты береговые выбросы, например, на Летнем берегу) для пережигания в золу. В советское время сложилась традиция массовой добычи фукусов, ламинарии и анфельции населением беломорских деревень для сдачи на перерабатывающие предприятия, прежде всего Архангельский водорослевый комбинат (Стасенков и др., 2011). Она сформировала новые особенности культурного ландшафта — береговые базы-избушки, места с вешалами для сушки водорослей и т.п. Запасы водорослей находятся в целом в хорошем состоянии, хотя в некоторых районах, таких как Соловецкие острова, они были подорваны дражным промыслом (Шошина, 2012). Тем не менее, объем заготовки водорослей в 1990-е гг. значительно снизился из-за отсутствия спроса на продукты из фукуса, малой экономической эффективности перерабатывающих предприятий (Стасенков и др., 2011) и как следствие — низкой оплаты тяжелого труда заготовителей (наши данные).

Весьма неоднозначно влияет на морской культурный ландшафт туризм. Белое море давно популярно как район самодеятельного туризма, захватывающего, в основном, Карельский и Кандалакшский берега с прилежащими островами. С самодеятельным туризмом связаны свои экологические проблемы, в частности загрязнение берегов бытовым мусором, вытаптывание растительности в районе береговых стоянок и частые лесные пожары (Корякин, Штильмарк, 2008; Спиридонов и др., 2008).

Однако водный туризм постепенно меняет свой облик. Хотя по-прежнему многие туристы используют байдарки и катамараны, появляется все больше катеров с мощными моторами, позволяющими

добраться до более удаленных островов. С этим обстоятельством орнитологи, работающие в Онежском заливе, связывают усиление фактора беспокойства и сокращение численности ряда видов птиц в последние годы (Семашко и др., 2012). Определенным вредом для культурного ландшафта можно считать деятельность туристов по созданию различных каменных новоделов и поддельных «сейдов» (лабиринтов), а также установку новоделных крестов в неподобающих местах. В результате подсчитать современные и более ранние объекты оказывается довольно трудно (Косменко, 2014).

Точных данных о потоках самодеятельного берегового и водного туризма и их динамике не существует; по нашим ориентировочным оценкам в 2007 г. на участке Карельского берега между губой Ругозерской и Керетским архипелагом (включая губу Чупа) в летний сезон побывало около 10.000 туристов (Спиридонов и др., 2008). Совершенно особая ситуация с туризмом складывается на Соловецких островах, куда стремится множество посетителей, которые прибывают как организованными группами, так и частным порядком. Туристический поток на острова стабильно рос все 2000-е годы и составил в 2010–2012 гг. около 80.000 посетителей в сезон, что, видимо, близко к пределу, определяемому транспортными возможностями (Фокина, 2012). Столь значительное количество туристов порождает серьезные экологические проблемы, которые вряд ли могут быть решены без учреждения на островах особо охраняемой природной территории — заказника (Черенкова, 2014).

Современная ситуация с беломорскими культурными ландшафтами

Беломорье на протяжении своей истории было достаточно динамичным регионом, в котором сохранение традиций и устойчивых черт природопользования в береговой зоне сочеталось с тем или иным видом модернизации и развития.

Многие элементы традиционного поморского уклада и морского природопользования сохранялись и в XX веке (Цетлин, 2000; Кулясов, Кулясова, 2008), хотя, конечно, войны, революции и репрессии 1920–50-х гг. (например, создание системы лагерей, начало которой было положено Соловецким лагерем особого назначения) нанесли огромный урон эко-

номике и культуре Русского Севера. Однако 1990-е гг. и переход от социализма к «дикому» капитализму также отразились на беломорском побережье очень тяжело. Социологические исследования начала 2000-х гг. фиксировали утрату традиций, знаний и навыков морского природопользования, миграцию населения, особенно активной молодежи, в крупные населенные пункты, пьянство, апатию и бедность среди остающихся (Плюснин, 2003). Ускорилось разрушение традиционной системы расселения жителей Беломорья: многие традиционные поморские поселения оказались оставленными или превратились в дачные поселки, а их хозяйственная инфраструктура разрушена (Богословская и др., 2010).

Хотя в 2000-е гг. общая экономическая ситуация в стране стабилизировалась, против сохранения традиционного уклада поморских поселений и, соответственно, морского культурного ландшафта продолжали работать отсутствие стратегии развития, слабость местного самоуправления, демографическая ситуация и деградация транспортной инфраструктуры. Последняя проявилась, в частности, в массовой отмене местного железнодорожного сообщения в Архангельской области и упадке морского транспорта на Белом море.

В ранней статье (Спиридонов, Богословская, Супруненко, 2010) мы иллюстрировали это на примере старинного поморского села Гридино на Карельском берегу Белого моря, упоминаемого в исторических документах с 1635 г. (Логинов, 2008). Это село замечательно своим необычным для поморского поселения расположением на берегу моря, а не реки, уникальной историей морских промыслов и историко-культурными памятниками. К 2010 г. взрослое население села составляло 70 человек, еще работала начальная школа, в которую ходил один ребенок. Лов рыбы играл большую роль в жизнеобеспечении населения, но легализация рыболовства — оформление рыбопромысловых участков (традиционно используемых тоней), получение квот, приобретение лицензий были для местных жителей сложны организационно и малодоступны финансово. Морской культурный ландшафт Гридина разрушался: в крайне неудовлетворительном состоянии находилась Никольская церковь, мародерство угрожало уникальному погребальному комплексу (Логинов, 2008), были разобраны старые рыбные амбары.

По информации создателя Гридинского поморского музея И. А. Филипенко, за прошедшие пять лет транспортные проблемы только усугубились, грунтовая дорога в таком состоянии, что сейчас до села предпо-

*Село Кереть.
Вид с открытки конца XIX в. (вверху)
и ныне в полузаброшенном состоянии
(внизу) в 2004 г. Фото В. Спиридонова*

*Рыбоприемный пункт в Подволочье, губа
Кузокоцкая, Карельский берег Белого моря.
Вверху: 1976 г., фото С.А. Богословского из
архива Л.С. Богословской.
Внизу: 2008 г. Фото В. Спиридонова*

*Село Гридино – старинное поморское селение, известное с XIV века.
Фото Ю. Супруненко, 2010 г.*

что дешевле добираться морем, зимует в нем около 40 человек. На бумаге создан региональный природный заказник «Гридинский». Особых изменений в реальном отношении государства к сохранению историко-культурных памятников не произошло. В общем, поморские поселения испытывают все те проблемы и беды, которые характерны для сельской России — слабость местных муниципалитетов, так называемые реформы и «оптимизация» систем здравоохранения и образования, катастрофический недостаток финансирования сохранения памятников культуры и охраны окружающей среды, усугубленные изолированностью и суровостью природных условий.

Помимо причин деградации морского культурного ландшафта, связанных с разрушением одного хозяйственного уклада и формированием другого, внешними факторами (природными, туризмом и т.д.), проблемы поморских деревень и морского культурного ландшафта Беломорья усугубляются состоянием современного российского законодательства. Л. С. Богословская (2013) подчеркивала, что в соответствии с Конституцией РФ (ст. 72.1., п. «м») поморы имеют право быть отнесены к «малочисленным этническим общностям», что должно давать общинам поморских деревень законодательные гарантии сохранения прав на исторически используемые ими рыбные ресурсы, рыболовные участки, применение традиционных орудий лова и способов реализации продукции рыболовства (Богословская, 2013). Однако федеральный закон 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» эти вопросы практически игнорирует в угоду обеспечению бюрократически удобного унифицированного подхода ко всем прибрежным промыслам на побережье 13 российских морей, а федеральный закон 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов» рассматривает только ту категорию этнических общностей, которые представляют «сохранившиеся до наших дней древние сообщества аборигенных охотников, рыболовов и собирателей» (Богословская, 2013).

Поморы (в любом понимании этого слова), конечно, не могут быть причислены к таким сообществам. При сохранении традиционного хозяйственного уклада и самобытности культуры они в течение столетий были интегрированы в общероссийскую товарную экономику, внутри-российские и международные хозяйственные и культурные связи и, в известном смысле, были движущей силой экономического развития Русского Севера. Для российских законодателей и чиновников тради-

ционное рыболовство — это только такое рыболовство, которое ведется малыми народами Севера, а традиции и историческая практика ведения рыбного промысла и другого морского и приморского хозяйства русскоязычным населением Беломорья, коми, старожильческим русскоязычным населением Сибири, якутами как бы не существуют. Попытки некоторых общественных активистов добиться для поморов статуса коренного малочисленного народа Севера выглядели бы курьезом, если бы не были отражением серьезных проблем с законодательными гарантиями сохранения материальной основы существования сельских сообществ на берегах Белого моря.

Реальная жизнь в России, конечно, отличается от той, что предписана кабинетным законотворчеством. Так, на Белом море еще действует практика, благодаря которой местные жители продолжают ловить рыбу традиционными орудиями на традиционно использовавшихся предыдущими поколениями тонях, даже не имея на это законодательно закрепленных прав. Рыбопромысловые участки, на которых ведется лов рыбы, как правило, закреплены за рыболовецкими колхозами (за исключением северной части Карельского побережья и Кандалакшского берега, где колхозов практически не осталось).

В 1990-е гг. поморские рыболовецкие колхозы, которые сохраняли специфические черты общинной культуры и природопользования, превратились в социально-экономический гибрид, состоящий из работающего по законам рынка предприятия и общественного объединения с равными правами и обязанностями членов, работающих для самообеспечения (Кулясов, Кулясова, 2008). Колхозы с советских времен имеют квоты на вылов трески и пикши в Баренцевом море — историческое наследие промысла поморов из многих беломорских деревень на Мурмане (Цетлин, 2000; Кулясова, Кулясов, 2008). Это является основным источником их дохода и дохода их наемных менеджеров. В 1990-е гг. колхозы были практически единственными институтами, поддерживавшими инфраструктуру удаленных беломорских поселений, при этом жители деревень, на базе которых были организованы колхозы, уже практически не работали на судах в Баренцевом море (Цетлин, 2000; Кулясова, Кулясов, 2008).

Не менее важно, что колхозы предоставляют возможность жителям деревень рыбачить на традиционно используемых тонях, входящих в состав закрепленных за этими предприятиями рыбопромысловых участков на Белом море, осуществляя как промышленный лов в счет продук-

ции колхоза, так и добычу для собственного потребления (Цетлин, 2000; полевые материалы авторов). Сегодня возможность сохранения традиционных поморских промыслов, по крайней мере, в восточном Беломорье, во многом зависит от перспектив такого социально-экономического гибрида, как рыболовецкие колхозы. А их жизнеспособность, в свою очередь, определяется наличием квот, экономикой рыбного промысла за пределами Белого моря, качеством и добросовестностью управления, осуществляемого наемными менеджерами.

Но существующая практика традиционного промысла в силу сложившегося законодательства оказывается уязвимой и в таких процессах, которые, казалось бы, должны способствовать ее сохранению. Так, в 2013 г. после многолетней бюрократической волокиты на Онежском полуострове был создан национальный парк «Онежское Поморье». При его создании одной из провозглашенных целей, помимо сохранения природных комплексов полуострова, в частности его старовозрастных лесов (в значительной степени вырубленных в южной части полуострова предприятием «Онега-лес»), было сохранение традиционного образа жизни поморского населения. В современном положении эта задача, однако, убрана, поскольку, во избежание конфликтов, территории поселений исключены из парка.

В состав парка вошла акватория Унской губы, признанной водноболотным угодьем мирового значения, которое должно быть взято под охрану в соответствии с Рамсарской конвенцией. Унская губа — это один из основных районов промысла наваги, что вели местные жители на участках рыболовецкого колхоза им. М. И. Калинина для собственного потребления и на продажу колхозом. С точки зрения современного законодательства — это промышленное прибрежное рыболовство, которое в акваториях национальных парков запрещено. Закон не делает принципиального различия между судовым ловом с использованием траулера и ведением берегового промысла, история которого в Унской губе насчитывает не одну сотню лет. Благодаря длительному и часто непростому диалогу между местными жителями и администрацией парка возникший конфликт в конце 2015 г. был близок к разрешению.

Однако этот конфликт вообще не возник, если бы в отечественном законодательстве имелось понятие, соответствующее англоязычному термину *artisan fishery*, что можно перевести как «кустарное рыболовство», «исторический береговой промысел» (тот, что ведется на исто-

рических местах, использует традиционные, исторически сложившиеся орудия и методы лова, может быть как поддерживающим, так и мелкотоварным). Если бы в государстве и обществе было понимание необходимости сохранения такого рыболовства как формы поддержания местной экономики и основы культурной традиции, у поморов не возникало бы желания записаться в коренные малочисленные народы при всем уважении к последним.

Возвращаясь к теме национальных парков и сохранения культурного ландшафта, отметим, что Л. С. Богословская много сил вложила в первоначальный проект национального парка «Берингия» на Чукотке (см. статью Б. Вдовина). Согласно первоначальной концепции, в территорию парка входили поселения (в сегодняшний парк они не включены), а традиционное природопользование и культурный ландшафт были такими же объектами охраны, как биологическое разнообразие. Людмила Сергеевна очень критически относилась к исключению территорий традиционных поселений из земель национальных парков, тем более, что закон этого прямо не требует. В некоторых национальных парках, например — Кенозерском парке в Архангельской области, деревни входят в состав территории, которая развивается, сохраняя и природное, и культурное наследие.

Исключение традиционных поселений из территорий национальных парков ведет к отчуждению от них населения. Такой подход связан с недостатками законодательства и неумением государства решать сложные социальные проблемы, требующие включения в принятие решений всех заинтересованных сторон и групп пользователей. Все попытки направлять удаленные регионы «к устойчивому развитию» без привлечения как материальных, так и духовных ресурсов самого общества окажутся, скорее всего, обреченными на провал (см. Плюснин, 2015).

Сохранение исторического культурного ландшафта

Необходимость сохранения исторического (традиционного) культурного ландшафта хорошо осознана мировым сообществом — об этом говорит включение целого ряда таких ландшафтов в Список всемирного наследия. В то же время, в силу индивидуальности и ди-

наличности ландшафта, необходимости обеспечения его воспроизводства и зависимости происходящих в нем процессов от изменения природных, экономических и социальных условий, никаких общих рецептов здесь предложить невозможно. Если рассматривать более или менее успешные случаи сохранения северного исторического морского культурного ландшафта, то обращают на себя внимание две весьма различные модели.

Первую можно назвать «гельголандской» по имени маленького острова (точнее — двух, некогда составлявших одно целое) в Северном море, ныне принадлежащего Германии, но в прошлом бывшего и датским, и британским владением. На протяжении его долгой истории традиционными занятиями местных жителей, имевших свой особый диалект, были пиратство, контрабанда и торговля, но неизменной была вовлеченность в рыбные промыслы. В конце XIX века остров, оставаясь районом традиционного рыболовства, приобрел популярность как морской курорт. Сложившийся к началу XX века культурный ландшафт включал портовые молы, ковши и берегозащитные сооружения, навигационные знаки, места сетного промысла рыбы и добычи ловушками омаров и крабов, участки выгрузки и обработки уловов. В него входил также и небольшой городок (Helgoland), вписанный в формы берегового рельефа; морская биологическая и орнитологическая станции, система сбора дождевой воды, пастбища с коровами и овцами местных пород и укрепленные пляжи острова Дюне. Во время Первой мировой войны гельголандцы были эвакуированы, но настоящей катастрофой для них обернулась Вторая мировая война, когда нацистская Германия превратила остров в мощную военную базу, которая, естественно, стала мишенью союзников. В апреле 1945 г. городок был полностью разрушен бомбардировками, а население вывезено на материк. После этого остров использовался как полигон для бомбометания британскими ВВС, и только в 1952 г. Гельголанд вернулся под контроль Германии, и на него начали возвращаться жители.

Культурный ландшафт был целенаправленно восстановлен и тщательно поддерживается, но в последние десятилетия используется, в основном, в туристических целях — хотя на острове продолжают жить люди, занимающиеся традиционными морскими промыслами и другими занятиями, держащие скот местной породы и в качестве гидов рассказывающие туристам об истории островов и островного ландшафта.

та. Рыбные промыслы по-прежнему работают, но уловы на остров не выгружаются — нынешнее законодательство требует их обязательной регистрации в пунктах портового контроля, которые есть только на материке. О традиционных гельголандских рыбаках напоминает экспозиция в музее и фотографии на стенах кафе, где подают традиционно приготовленных крабов. Таким образом, в гельголандской модели мы имеем дело с *целенаправленно воссозданным* морским культурным ландшафтом (с помощью носителей местных традиций и науки). Экономическая устойчивость общины, обитающей в этом ландшафте, и самого ландшафта обеспечивается за счет развитого массового туризма, созданной научной инфраструктуры. В последнее время появился новый вид занятости для специалистов по обслуживанию созданного поблизости в море современного морского культурного ландшафта — винд-парка, объединяющего многочисленные установки для генерирования электроэнергии за счет ветра.

Вторая модель, которую мы называем «гренландской», — это сохранение морского и берегового культурного ландшафта, созданного традиционной инуитской (морской по своей сути) культурой и включающего (на юго-западе острова) компоненты, связанные с норманнской колонизацией (X–XV вв.). Такая модель является приоритетом современной Гренландии — ассоциированного государственного образования в составе Датского королевства. Элементы традиционной культуры Гренландии, в частности природопользование, и исторический культурный ландшафт вписаны в экономическую, социальную и духовную жизнь Гренландии начала XXI столетия, и это произошло, во всяком случае, не благодаря туристической индустрии (Каае, 2002; Dzik, 2015). Проведена тщательная работа по выделению наиболее важных культурных ландшафтов с высокой концентрацией рукотворных компонентов древней и средневековой культур, которые получили статус объектов Всемирного наследия и эффективно охраняются (Arctic Council, 2013). Безусловно, способствовали этому большие размеры Гренландии, немногочисленность и удаленность многих поселений. В то же время заметную проблему для сохранения традиций морского и берегового природопользования и живого исторического культурного морского ландшафта представляет слабая мотивация молодого поколения заниматься охотой и другими видами традиционной хозяйственной деятельности, а также современное изменение климата, затрагивающее

численность, распределение и миграционные циклы промысловых видов (Dzik, 2015).

Очевидно, что ни гельголандская, ни гренландская модели в чистом виде не применимы к сохранению исторического беломорского культурного ландшафта. Гельголандская модель могла бы работать на Соловецких островах, с учетом существования здесь уникального исторического, культурного и духовного объекта — Спасо-Преображенского ставропигиального монастыря. Здесь произошло создание музея, воссоздание монастыря и, частично, деятельности, образующей островной культурный ландшафт после социальных катаклизмов XX столетия, прежде всего — репрессий сталинского периода и десятилетиями продолжавшейся разрухи. Есть надежда, что монастырь, Соловецкий музей-заповедник (Кулешова, 2015) и планируемый на Соловецком архипелаге и в его прибрежной зоне комплексный ландшафтно-морской заказник (Черенкова, 2014) станут теми институтами, которые позволят сохранить культурный ландшафт архипелага.

В целом же универсальным условием для сбережения беломорского культурного ландшафта является *поддержание традиционной морской хозяйственной деятельности* в береговых поселениях, в первую очередь — рыболовства. Гарантии для этого могло бы дать законодательное признание в качестве особого вида рыболовства исторического берегового промысла, осуществляющегося сложившимися в течение столетий методами и имеющего одновременно поддерживающий и мелкотоварный характер.

Необходимо понимать, что такое современное беломорское рыболовство и другие виды морского хозяйства в ресурсном, техническом, организационном, экономическом и социальном отношении; как они вписаны в ландшафт береговой зоны; есть ли шанс обеспечить их экономическую устойчивость; какие социальные механизмы сегодня могут обеспечивать преемственность поколений в традиционных промыслах. Сейчас мы этого толком не знаем. Поэтому необходима комплексная исследовательская и образовательная программа для оценки морского хозяйства беломорских поселений. Если такую оценку реализовать, возможно, путь к сохранению живого традиционного морского культурного ландшафта в более изолированном Восточном Беломорье окажется ближе к гренландской модели. В основу должна лечь поддержка исторического берегового рыболовства, изучение и использование тра-

диционного знания и сохранение рукотворных элементов ландшафта как культурно-исторических памятников. Туризм в этом сценарии будет иметь ограниченное значение.

Западное Беломорье с его большей транспортной доступностью, относительной близостью к центрам, исчезновением или редкостью колхозов, наличием биологических станций и другой научной инфраструктуры и превращением многих поселений в дачные поселки, как нам представляется, пойдет по другому пути. Здесь в стратегии сохранения исторического культурного ландшафта представляется неизбежной ориентация на науку, реконструкцию исторических мест, образование и туризм (Спиридонов, Богословская, Супруненко, 2010). Собственно, это сейчас и происходит, о чем свидетельствуют материалы последних лет (Природное и культурное наследие, 2014, 2015).

Слово благодарности

Эта статья — лишь малая дань памяти Людмилы Сергеевны Богословской. Мы благодарны ей за тот свет и мудрость, которым были проникнуты ее отношения с друзьями и коллегами. Людмила Сергеевна раскрыла перед нами значение традиционного знания и опыта народов Севера как незаменимой части культурного ландшафта. Многое из этого знания и опыта удалось сохранить благодаря ей. Как гражданка своей страны, руководитель Центра традиционной культуры природопользования Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, член Высшего экологического совета Государственной Думы РФ и нескольких других экспертных советов Людмила Сергеевна неустанно поднимала вопросы прав коренного и старожильческого населения на сохранение своей культуры и ее ресурсной основы. Хотя поддержка коренных народов и сохранение природы Чукотки стали главным делом ее жизни, она поддерживала постоянную связь с поморами, консультировала жителей побережий Белого моря по насущным вопросам обеспечения тех прав, которые гарантированы им Конституцией РФ. Мы уверены, что импульс, заданный Людмилой Сергеевной работе по сохранению культурного и природного наследия Беломорья, не угаснет.

Работа авторов, связанная с изучением и сохранением беломорского культурного ландшафта, в течение ряда лет поддерживалась фондом «Лайтхауз» и проектом Глобального экологического фонда / Программы развития ООН «Укрепление морских и приморских ООПТ России».

Литература

- Александров Г., Александрова Л., Горяшко А. Путешествие в Колвицу. — СПб., 2014. — 135 с.
- Алексеева Я. И., Лайус Д. Л., Крайковский А. В., Лайус Ю. А. «Лотерейный промысел»: сельдяные ловли в Белом и Баренцевом морях // «Море — наше поле»: Количественные данные о рыбных промыслах Белого и Баренцева морей / Ред. Ю. А. Лайус, Д. Л. Лайус. — СПб: Европейский университет, 2010. С. 17–79.
- Ануфриев В. В. Поморская культура в контексте русской идентичности // Культура русских поморов: Историко-культурологический анализ. — М.: Форум, 2013. С. 27–80.
- Артамонова В. С., Махров А. А., Шульман Б. С., Хаймина О. В., Лайус Д. Л., Юрцева А. О., Широков В. А., Щуров И. Л. Реакция популяции атлантического лосося (*Salmo salar*) реки Кереть на инвазию паразита // Российский журнал биологических инвазий, 2011. № 1. С. 2–14.
- Арутюнов С. Л., Крупник И. И., Членов М. А. «Китовая Аллея» (Древности островов пролива Сенявина). — М.: Наука, 1982. — 175 с.
- Базарова Э. Л. Семантика сакрального (культового) ландшафта // Культура русских поморов. — М.: Научный мир, 2005. С. 165–241.
- Базарова Э. Л., Бицадзе Н. В., Окороков А. В., Селезнева Е. Н., Черношвилов П. Ю. Культура русских поморов. — М.: Научный мир, 2005. — 397 с.
- Бернштам Т. А. Поморы: формирование группы и система хозяйства. — Л.: Наука, 1978. — 169 с.
- Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. — М.: ОГИ, 2009. — 428 с.
- Богословская Л. С. Особенности традиционного природопользования народов Российского Севера // Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь, Дальний Восток Российской Федерации. Аналитические материалы. Правовые акты. — М.: Изд. Гос. Думы, 2000. С. 14–20.
- Богословская Л. С. Группы населения Севера России, ведущие традиционный образ жизни, и защита их интересов в ФЗ «О рыболовстве...». Материалы круглого стола по традиционному рыболовству в Совете Федерации 22.11.2013.
- Богословская Л. С. Будущее Российской Арктики — система культур или сумма технологий? // Культура Арктики / Ред. У. А. Винокурова. Вып. 1. — Якутск: ИД СВФУ, 2014. С. 123–137.
- Богословская Л. С., Голбцева В. В., Шаларёв А. А. Судьба традиционных морских культур Российской Арктики // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России. Мат. Первой межд. научно-практ. конф. (СПб, 27–30.10.2010). — Калининград: Терра Балтика, 2010. С. 348–357.
- Богословская Л., Слугин И., Загребин И., Крупник И. Основы морского зверобойного промысла. — М.: Институт Наследия, 2007. — 479 с.
- Вехов В. Н. Зостера морская Белого моря. — М.: Изд-во МГУ. 1992. — 144 с.
- Думанская И. О. Статистическая модель эволюции ледяного покрова Белого моря // Система Белого моря. Т. 2. Водная толща и взаимодействующие с ней атмосфера, криосфера, речной сток и биосфера / Ред. А. П. Лисицына и И. А. Немировская. — М.: Научный мир, 2012. С. 132–156.

- Игловский С. А.* Техногенные изменения геокриологических условий Двинско-Мезенской равнины и полуострова Канин // Криосфера Земли, 2008. Т. XII. № 1. С. 24–28.
- Игнатенко В. В.* Промысловая деятельность поморов: история и современность на примере реки Кереть. — Чупа: «Бассейновый Совет Северо-Карельского побережья», 2016. — 30 с.
- Косменко М. Г.* Путеводитель «Золотой берег поморцев». По следам культуры промысловиков Поморского и Карельского берегов Белого моря. — Чупа: КРОО «Бассейновый Совет Северо-Карельского побережья», 2014. — 42 с.
- Кулешова М. Е.* Культурные ландшафты: в концепциях, конвенциях, законах и реальности // Природное и культурное наследие Белого моря: перспективы сохранения и развития. Сборник докладов Первой международной научно-практической конференции. — Чупа, 2014. С. 76–81.
- Кулешова М. Е.* Соловецкие острова — природное и культурное наследие // Природа, 2015. № 7. С. 28–41.
- Культурный ландшафт как объект наследия / Ред. Ю. А. Веденин и М. Е. Кулешова. — СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.
- Кулясова А. А., Кулясов И. П.* Трансформация традиционного природопользования поморов и поморского рыболовецкого колхоза: прошлое и настоящее // Программа сотрудничества в области устойчивого развития и экологического менеджмента СПбГУ. — СПб: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 40–45.
- Лайус Д. Л., Дмитриева З. В., Крайковский А. В., Алексеева Я. А., Филин П. А., Юрченко А. Ю., Лайус Ю. А.* «Семга-ма-тушка»: десятая рыба и монастырские промыслы // «Море — наше поле»: Количественные данные о рыбных промыслах Белого и Баренцева морей / Ред. Ю. А. Лайус, Д. Л. Лайус. — СПб: Европейский университет, 2010. С. 17–79.
- Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. — СПб: Евразия, 2005. — 650 с.
- Лобанова Н. В.* Петроглифы старой Залавруги: новые данные — новый взгляд // Археология, этнография и антропология Евразии, 2007. Вып. 1 (29). С. 127–135.
- Лобанова Н. В.* Раскопки поселений у Ивановской тони: итоги и перспективы // Сборник тезисов Второй Международной конференции «Природное и культурное наследие Белого моря. Перспективы сохранения и развития». — Чупа, 2015. С. 56–58.
- Логинов К. К.* Историко-этнографические особенности поморского села Гридино: прошлое и современность // Скальные ландшафты Карельского побережья Белого моря: природные особенности, хозяйственное освоение, меры по сохранению / Ред. А. Н. Громцев. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. С. 168–190.
- Морозов С.* Постижение Соловков. — М.: Товарищество северного мореходства, 2002. — 186 с.
- Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / Ред. Л. С. Богословская и И. И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2013. — 360 с.
- Окороков А. В.* Поморские кресты в сакральном ландшафте // Культура русских поморов. — М.: Научный мир, 2005. С. 241–248.

- Пермиловская А. Б.* Русский Север как особая территория наследия. — Архангельск: ОАО ИПП «Правда Севера», 2010. — 572 с.
- Плюснин Ю. А.* Поморы: Население побережий Белого моря в эпоху кризиса. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2003. — 143 с.
- Плюснин Ю. М.* Преобразование территорий на принципах устойчивого развития: Ограничения и риски при разработке региональных стратегий // *Материалы Второй Международной конференции «Природное и культурное наследие Белого моря. Перспективы сохранения и развития».* — Чупа, 2015. С. 110–119.
- Природное и культурное наследие Белого моря. Сборник докладов конференции 18–20.07.2014 г. — Чупа, 2015. — 164 с. <http://www.kareliacoast.org/index.php/doc1/151-doklady-konferentsii-2014-narusskom-i-anglijskom-yazykakh>
- Природное и культурное наследие Белого моря. Тезисы докладов конференции 17–19.07.2015 г. — Чупа, 2015. — 116 с. <http://www.kareliacoast.org/index.php/mat1/160-tezisy-dokladov-konferentsii-prirodnoe-i-kulturnoe-nasledie-belogo-morya-perspektivy-sokhraneniya-i-razvitiya-2015>
- Савич А. А.* Соловецкая вотчина XV–XVII в. Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси. — Пермь: Издание Общ-ва исторических, философских и социальных наук при Пермском гос. Университете, 1927. — 280 с.
- Семашко В. Ю., Черенков А. Е., Тертицкий Г. М.* 2012. Современная гнездовая численность морских и околотовных птиц на островах Онежского залива Белого моря и тенденции ее изменения // *Экология морских птиц Белого моря / Отв. ред. Г. Г. Матишов.* — Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН. С. 140–168.
- Семушин Д.* Русский Север. Пространство и время. — Архангельск: Maecenas, 2010. — 120 с.
- Спиридонов В. А., Богословская Л. С., Супруненко Ю. С.* Морские и приморские культурные ландшафты Беломорья и Чукотки как компоненты природно-культурного морского наследия России // *Проблемы изучения и сохранения морского наследия России: Мат. Первой межд. научно-практ. конф. (СПб, 27–30.10.2010).* — Калининград: Terra Балтика, 2010. С. 442–453.
- Светочев В. Н., Светочева О. Н.* Морские млекопитающие: биология, питание, запасы // *Биологические ресурсы Белого моря: изучение и использование. Исследование фауны морей.* Т. 69 (77), 2012. С. 261–286.
- Спиридонов В. А., Цетлин А. Б., Гринфельдт Ю. С., Бизина Е. В., Макарова Ю. А., Лангуева Г. А., Никифорова М. В.* Организованный и неорганизованный туризм на Северо-Карельском побережье: оценка масштабов, экологическое и социальное воздействие, перспективы регулирования // *Материалы научной конференции, посвященной 70-летию Беломорской биологической станции МГУ:* — М.: «Гриф и К», 2008. С. 360–366.
- Старков В. Ф.* Очерки истории освоения Арктики. Том 2. Россия и северо-восточный проход. — М.: Научный мир, 2001. — 114 с.
- Стасенков В. А.* Сельдь // *Биологические ресурсы Белого моря: изучение и ис-*

- пользование. Исследование фауны морей. Т. 69 (77), 2012. С. 159–164.
- Стасенков В. А., Студенов И. А., Новоселов А. П., Козьмин А. К., Пронина О. А., Семушин А. В., Стасенкова Н. И., Березина М. О., Фролов С. Б., Гончаров Ю. В., Пастухов С. В. Поморские рыбные промыслы. — Архангельск: Северный филиал ПИПРО, 2011. — 263 с.
- Теребихин Н. М. Лукоморье. Очерки религиозной географии и маринистики Северной России. — Архангельск: Изд-во Поморского гос. Университета им. М. В. Ломоносова, 1999. — 206 с.
- Ушаков И. Ф. Избранные произведения. Историко-краеведческие исследования. Т. 1. Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. — Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1998а. — 647 с.
- Ушаков И. Ф. Избранные произведения. Историко-краеведческие исследования. Т. 2. Кольский север в досоветское время. — Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1998б. — 369 с.
- Фокина Т. Л. 2012. Сколько посетителей на Соловках? <http://www.solovki-land.ru/priroda/new/346.html> Последнее обращение: ноябрь 2015 г.
- Черенкова Н. Н. Обоснование создания природного заказника «Соловецкий архипелаг». Москва — Соловки: Проект ГЭФ/ПРООН «Укрепление морских и прибрежных ООПТ России», 2014. — 68 с.
- Цетлин А. Будущее традиционного природопользования на Белом море: браконьерство или самоуправление ресурсами? // Охрана дикой природы, 2000. № 4 (19). С. 33–38.
- Шошина Е. В. Макрофиты // Биологические ресурсы Белого моря: изучение и использование. Исследование фауны морей. Т. 69 (77), 2012. С. 13–149.
- Шумкин В. Я. Древнейшее население Фенноскандии // Очерки исторической географии. — СПб, 2001. С. 17–24.
- Arctic Council. Assessment of cultural heritage monuments and sites in the Arctic. Project # P114. Final report, 2013. 91 p.
- Dzik A. J. Three kilometers and three centuries. Modernization and cultural landscape of Kulusuk Island, East Greenland // Shima: The International Journal of Research into Island Cultures, 2015. V. 9. Number 2. — P. 60–88.
- Kaas B. C. Nature and tourism in Greenland // In: Watson A. E., Alessa L., Sproull J., comps. Wilderness in the Circumpolar North: searching for compatibility in ecological, traditional, and ecotourism values; 2001 May 15–16; Anchorage, AK. Proceedings RMRS-P-26. Ogden, UT: U.S. Department of Agriculture, Forest Service, Rocky Mountain Research Station, 2002. P. 43–53.
- Krebs N. Natur- und Kulturlandschaft // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, 1923. S. 81–94.
- Knottnerus O. S. History of human settlements, cultural change and interference with the marine environment // Helgoland Marine Research. Vol. 59, 2005. P. 2–8.
- Lajus D., Titov S., Spiridonov V. Contributed chapter on Russia // The status of wild Atlantic salmon: river by river assessment. WWF Report, 2001. P. 135–141.
- Sauer C. O. The morphology of landscape // University of California Publications in geography. Vol. 2 (2), 1925. P. 19–54.
- Sauer C. O. Land and Life. A selection from the writings of Carl Ortwin Sauer. — Berkeley and Los-Angeles: University of California Press, 1963. — 435 p.

Витамин D

и здоровье северян

А. Козлов, Г. Вершубская

Посвящение

Нам посчастливилось сотрудничать с Л. С. Богословской на протяжении 15 лет. Мнения не всегда совпадали, в ряде случаев мы расходились во взглядах — но, как бывает при общении с серьёзным учёным, эти расхождения заставляли думать и помогали умнеть.

И, конечно, радость доставляло само общение.

Копенгаген. Успешно провели организационную конференцию международного проекта по проблемам питания коренных северян. Последние свободные часы, скоро в гостиницу, забрать вещи — и в аэропорт. Сидим с Л.С. в скверике Королевской библиотеки (она, и правда, королевская, окружена зданиями дворца, но пускают почему-то всех, и даже паспортов не проверяют). В центре дворика небольшой пруд, на плотике — домик для уток. Беспokoйно плавает селезень. Взволнованно обсуждаем его проблемы. Надо же, и квартира «центрее не бывает», и жилплощадь приличная, а один... Повздorили, может. Через несколько минут прилетает уточка. Селезень успокаивается. Мы тоже. Вернулась...

Анадырь. Одна из авторов этой статьи не представляет жизни без интернет-доступа. Компьютер с собой, доступ в отделении связи оплатили, надо как-то подключиться. Телефонная розетка в нашем жилье у входной двери в коридоре. Вооружившись отвёрткой и плоскогубцами, Г.Г. снимает розетку, прикручивает проводки, подключает водружённый на холодильник комп. Л.С. наблюдает, потом мрачноватым тоном произносит: «Тааак... радистка Кэт выходит на связь...». После этого примерно с год работа за компьютерами начиналась с этой фразы.

Москва. В комнате Центра традиционной культуры природопользования в Институте Наследия сидит Л.С. перед большущей картонной упаковочной коробкой. На столе рядом — стопка планшетов с гистологическими препаратами («стёклышками», на жаргоне гистологов). «Стёклышек» несколько сотен. Берёт по одному, покачивает в руке, вы-

брасывает в коробку, оттуда — глухое звяканье. Спрашиваем с ужасом: «Л.С., что Вы делаете!?!». «Да вот, моя коллекция гистологических препаратов — срезы мозговой ткани птиц и млекопитающих. По морским животным такой полной ни у кого нет. А из ИЭМЭЖ велели забрать, тут тоже держать негде. Пыталась отдать, передать — не нужно никому. Всё, в мусорную корзину». Для справки: в студенческое время нам пришлось не то чтобы освоить, а так, — познакомиться с методиками подготовки («проводки») гистологических препаратов. Так вот, на каждое «стёклышко» тратишь дней 5–10. Это — если не считать времени на вскрытие черепа моржа на чукотском галечнике.

В отличие от других питательных веществ, витамины не поставляют энергию или материал для построения клеток и тканей: они служат жизненно важными катализаторами ферментативных реакций. Специфичность этих веществ в том, что организм не способен синтезировать их самостоятельно. И хотя потребности человека в количестве получаемых витаминов очень малы (менее 200 мг в сутки), недостаток или отсутствие их в пище осложняет и даже делает невозможным освоение тех или иных территорий. Широко известны случаи гибели экипажей судов и исследовательских экспедиций от вызванной недостатком витамина С цинги.

Не менее трагичны последствия нехватки витамина D. Его дефицит приводит к нарушениям минерального обмена и усвоения кальция, что может оказывать существенное воздействие на популяционном уровне. Деформации таза при рахите, вызванном D-гиповитаминозом, приводят к сужению родового канала: в тяжёлых случаях его просвет уменьшается почти вдвое — до 56% нормального (Neer, 1975). Это затрудняет и даже делает невозможным нормальный родовой процесс. Антропологические и археологические материалы свидетельствуют, что нарушения минерального обмена в костной ткани могли быть существенным фактором, приводившим к угасанию целых популяций. Это произошло, например, в XV в., когда выраженные формы рахита, в том числе рахитически суженный таз, стали распространённой патологией у скандинавского населения первой волны поселенцев в Гренландии. Одной из причин распространения рахита в популяции гренландских колонистов стало противоречие между неизменными традициями природопользования и питания на фоне изменений экологической ситуации (обзор:

Даймонд, 2010). Упорное нежелание отказаться от малопродуктивного в условиях Гренландии скотоводства «скандинавского» типа и перехода к местным ресурсам, на фоне быстрого похолодания климата привели к тому, что ни регуляторные механизмы (ключевая роль в которых принадлежит витамину D), ни получение кальция с пищей (его поставляло ставшее дефицитным молоко) уже не могли обеспечить баланса, необходимого для нормального развития костной ткани.

Витамин D: витамин, но не только

Вещество, которое обычно обозначают как витамин D, строго говоря, не совсем верно относить к классу витаминов: при определённых условиях наш организм может это соединение синтезировать, то есть получать эндогенным путём, тогда как «истинные» витамины, как было сказано, имеют экзогенное происхождение. Учитывая это, современные исследователи предпочитают вести речь о витамин-D-эндокринном комплексе. Но при рассмотрении экологических аспектов проблемы достаточно ограничиться понятиями «витамина D экзо- и эндогенного происхождения».

Выделен витамин D в 1924 г. А. Гессом и М. Вейнштоком. В середине 1930-х гг., благодаря исследованиям А. Виндауса, стала ясна «двойственная» природа этого вещества, в частности, его способность синтезироваться в коже животных и человека. С того времени препараты витамина стали широко использоваться для профилактики и лечения рахита — наиболее распространённого заболевания, развивавшегося при D-гиповитаминозе (хотя рыбий жир как «антирахитическое средство» применяли в XIX в.)

Последние 25–30 лет принесли очередные важные открытия. Стало ясно, что роль витамина D не ограничивается регуляцией метаболизма костной ткани. Согласно современным оценкам, он обеспечивает до 3% вклада в реализацию генома человека. Недостаточность витамина ведёт к развитию широкого спектра отклонений: нарушениям углеводного и белкового обмена, снижению устойчивости к возбудителю туберкулёза, развитию аутоиммунных, сердечно-сосудистых, онкологических заболеваний (обзор: Holick, 2007). Установление этих фактов стало одной из причин повышения интереса к показателям D-витаминного статуса

представителей различных возрастных, этнических и географических групп населения.

Существенно расширить масштабы популяционных исследований удалось благодаря появлению в 2000-х гг. стандартизованных лабораторных методов анализа (обзоры: Zerwekh, 2008; Wallace et al., 2010). Важным технологическим прорывом стало обнаружение того факта, что метаболит витамина, 25-гидроксивитамин D, или 25 (ОН) D, является не только одной из промежуточных форм его обмена, но и едва ли не основным резервуаром витамина D в организме. Поскольку концентрация 25 (ОН) D в крови изменяется сравнительно медленно (период полувыведения этого вещества составляет 2–3 недели — большой срок для физиологического показателя), исследователи могут изучать витаминный статус не только отдельных индивидов, но и значительных групп населения, собирая материалы в течение нескольких дней или определенных сезонов, и оценивая их по единым критериям.

Анализ популяционных данных выявил ряд вопросов, требующих специального рассмотрения.

«Зона риска» D-гиповитаминоза –
высокие широты или что-то иное?

Традиционно к регионам повышенного риска D-гиповитаминозов относят высокоширотные регионы. Действительно, уровень ультрафиолетовой радиации в Заполярье понижен; тело северян постоянно закрыто одеждой и инсоляции подвергается только кожа лица; из-за сравнительно смуглой кожи у относящихся к монголоидной расе северян в глубокие её слои проникает менее 20% физиологически активного ультрафиолета (у светлокотных европеоидов — на треть больше: до 29%). Нет сомнений, что всё это затрудняет синтез эндогенной формы витамина D.

Но исследования показали, что проблема D-витаминного статуса северян сложнее, чем предполагалось изначально (развёрнутая библиография представлена в публикациях: Козлов и др., 2012; Kozlov et al., 2014).

У арктических оленеводов — коми-ижемцев и ненцев, как и у норвежцев и финнов, содержание 25 (ОН) D часто превышает показатели, характерные для населения южных областей Европы. Так, в конце

зимы и начале весны, после естественного сезонного снижения уровня УФ-облучения, содержание витамина D у французских сельских детей существенно ниже, чем у сверстников из приполярных и заполярных регионов Европы (в летнее время межпопуляционные различия менее выражены). С другой стороны, ряд исследований свидетельствует о невысоком содержании 25 (ОН) D у современных эскимосов и индейцев Аляски и Северной Канады, хотя в популяциях доколумбовой Северной Америки нарушения метаболизма костной ткани были редки.

Чем обусловлены эти несогласованности? Действительно ли «северность» (то есть географическая широта) играет столь важную роль в формировании D-витаминного баланса организма, как это традиционно представляют? Если концентрация 25 (ОН) D у современных коренных северян действительно невысока, то в чём причины этого снижения? Эти, казалось бы, теоретические вопросы, важны для решения прикладных медицинских задач. Если сниженное по сравнению с европейцами и евроамериканцами содержание 25 (ОН) D — специфический вариант этнической нормы, особых оснований для тревоги нет: на протяжении жизни многих поколений в высокоширотных регионах могли сформироваться определенные адаптивные комплексы. Если же сравнительно низкое содержание витамина D у современных северян — следствие «модернизационных» изменений, то это требует принятия дополнительных мер для профилактики рахита, остеопороза и других отклонений.

Рассмотрим эти вопросы, опираясь на данные о D-витаминном статусе коренного населения РФ. Информация о содержании 25 (ОН) D в сыворотке крови представителей разных возрастных и этнических групп населения северных регионов России представлена в *табл. 1* (с.350).

Судя по имеющимся данным, обитание в высокоширотных регионах само по себе не влияет негативно на D-витаминный статус популяции. И дети, и взрослые коми-зыряне по содержанию 25 (ОН) D не отличаются от представителей других групп населения европейской части РФ: коми-пермяков, удмуртов, русских (Козлов и др., 2012; Козлов и др., 2013). Средние значения концентрации 25 (ОН) D у живущих в городах якутов в Саха/Якутии и у ненцев Нарьян-Мара, как и у посёлковых ненцев, эвенов и чукчей, также находятся в пределах вариации признака у горожан-карелов и русских (Никитинская, Торопцова, 2011; Viskari et al., 2006; Vakhtyarova et al., 2006). Показатели D-витаминного статуса обследованных нами взрослых ненцев (без учёта места жительства и рода

занятий) не отличаются от характеристик обследованных в тот же сезон взрослых горожан из регионов, расположенных южнее, в пределах 57–61° с.ш. (Козлов и др., 2013). Можно заключить, что проживающие в городах и посёлках северяне РФ по содержанию 25 (ОН) D в целом не отличаются от жителей умеренной полосы России, или, во всяком случае, эти отличия малы.

Но такой фактор, как уровень естественного освещения, на содержание витамина D в сыворотке крови северян влияет. У ненцев, обследованных в зимнее время при минимальной продолжительности светового дня (от 0 до 3 часов), уровень 25 (ОН) D достоверно ниже ($p < 0,05$), чем у оленеводов-коми, у которых кровь для исследования собиралась весной, когда светлый период увеличился до 8½ часов (Kozlov et al., 2014). С нашими данными согласуются материалы Н. И. Блажеевич и др. (1983): у горожан-ненцев в зимнее время (световой день в декабре менее 1 часа) содержание 25 (ОН) D также ниже по сравнению с обследованными в марте (световой день — около 10 часов).

Правда, следует обратить внимание на важное обстоятельство. В современном мире большая часть трудовой деятельности человека протекает в закрытом помещении, вне доступа солнца. Показано, например, что даже у жителей Франции время пребывания на солнце при повседневном «городском» режиме жизни слишком мало для адекватной выработки витамина D, необходимо дополнительное поступление его с пищей (Charu et al., 1997). Поэтому корреляции уровня 25 (ОН) D с продолжительностью светлого времени суток должны расцениваться лишь как косвенное подтверждение важности фактора УФ-облучения для поддержания D-витаминного статуса северян. Тем не менее, при сравнении представителей различных групп, выборки следует ранжировать согласно продолжительности светового дня в период обследования.

Учитывая этот важный фактор, рассмотрим уровень 25 (ОН) D в группах коренных северян, различающихся по образу жизни, но обследованных при близкой продолжительности светлого времени суток.

У обследованных нами ненцев и коми во всех случаях концентрация 25 (ОН) D в сыворотке крови выше у тундровиков-олeneводо-во по сравнению с жителями посёлков и городов (табл. 1, с. 350). Выше и содержание витамина D у занятых в оленеводстве и морском зверобойном промысле ненцев малых посёлков Варандей и Варнек по сравнению с жителями г. Нарьян-Мар (Блажеевич и др., 1983).

Таблица 1.

Содержание 25-гидроксивитамина D в сыворотке крови представителей возрастных и этнических групп населения северных регионов России

(Сокращения: НАО – Ненецкий авт. округ; ЧАО – Чукотский авт. округ)

Возр. группа	Этнич. группа	Регион / нас. пункт	Сезон	25(OH)D, ммоль/л			Источ-ник
				N	M	SD	
Дети 3-18 лет	Якуты	Якутск	Февраль-март	80	35,04	19,68	*
	Коми	Корткерос, Респ. Коми	Ноябрь	58	37,9	12,2	**
	Коми-ижемцы	Ижма, Сизябск, Респ. Коми	Февраль	51	31,06	8,76	**
	Ненцы	Нарьян-Мар, НАО (интернат)	Май	95	43,75	21,93	***
	Ненцы	Нарьян-Мар, НАО (детский дом)	Июнь	14	40,0	20,84	
	Эвены	Ануйск, Кепервеем (ЧАО)	Нет данных	88	43,1	32,21	****
	Чукчи	Островное, Кепервеем (ЧАО)		136	39,9	35,75	
Русские	Билибино (ЧАО)	176		33,7	37,60		
Взрослые 18-59 лет	Коми-пермяки	Пермский край	Март	46	44,72	9,0	*****
	Коми	Сыктывкар, Респ. Коми	Ноябрь	52	47,65	12,0	*****
	Коми-ижемцы	Кочевья, НАО	Февраль	13	68,7	25,2	*****
	Ненцы	Нарьян-Мар, НАО	Зима	18	65,75	59,40	***
		Варандей, Варнек	Март	38	110	78,66	
	Ненцы	Несь, НАО	Декабрь	42	31,3	12,72	*****
		Кочевья	Декабрь	40	35,3	11,33	
Хорей-Вер, НАО		Декабрь	46	47,1	10,64		
Кочевья		Декабрь	37	50,2	11,12		

* Кривошапкина, 2004

** Козлов, Атеева, 2011

*** Блажеевич и др., 1983

**** Коман, 2006

***** Kozlov et al., 2014

А может, важны не солнце и широта,
а питание?

Итак, у коренных северян России с близким к традиционному образу жизни (оленоводы, морские зверобои), D-витаминный статус в среднем лучше, чем у жителей посёлков и городов. Эти различия могут быть обусловлены разной продолжительностью нахождения

вне помещений «поселковых» северян и «тундровиков», обследованных в одно время года. Для проверки этого предположения необходимо специальное исследование, включающее хронометраж суточной активности представителей различных групп населения. К сожалению, такими данными мы не располагаем.

Но оценить вклад специфики питания в D-витаминный статус северян реально. Согласно данным официальной статистики (Потребление., 2005), животные белки и жиры обеспечивают наибольший вклад в энергетическую стоимость пищи жителей Ненецкого АО по сравнению с населением северных внеарктических регионов, включённых в наш обзор — Республики Коми и Коми-Пермяцкого округа (таблица 2). В таблице приведены усреднённые показатели по регионам, но следует учесть различия городского и сельского населения в потреблении питательных продуктов животного происхождения, полученных как путём «натурального поступления», так и при покупке стандартных пищевых товаров. Сельские жители Российской Федерации ориентированы в основном на продукцию собственных хозяйств, и отчасти — охоты и рыбалки. Среднедушевое потребление российскими горожанами мяса «натурального» происхождения (то есть от охоты, домашнего хозяйства и пр.) в 2004 году составляло 1,9, в 2010–1,7 кг в год, тогда как у сельского населения было в 10 раз большим — соответственно, 20,7 и 16,6 кг (Потребление., 2005, 2011).

В Российской Арктике вклад местных продуктов в питание особенно велик. У живущих в посёлках Ненецкого АО ненцев продукты «натурального поступления» (оленина и рыба) обеспечивают в среднем 68%, а у оленеводов посёлка Хорей-Вер — 84% диеты (Мурашко, Даллманн, 2011).

Таблица 2.

Вклад белков, жиров и энергии животного происхождения в энергетическую ценность суточного рациона, в процентах от общего поступления энергии (2004 г.)

Регион	Нутриенты и энергия, получаемые из продуктов животного происхождения (% от общего поступления)		
	Белки	Жиры	Энергия
Ненецкий АО	62,2	63,5	30,3
Республика Коми	56,0	55,8	26,4
Коми-Пермяцкий АО	35,3	54,1	17,0

Основу питания оленеводов — чукчей, ненцев, коми — составляет продукция, получаемая при эксплуатации оленьих стад. Согласно результатам проведенного в 2003 году исследования, у коренных жителей расположенного в центральной части Чукотки с. Ваеги продукты местного происхождения, прежде всего оленина, ежедневно или 4–6 раз в неделю присутствуют в рационе примерно 80% респондентов (Kozlov, Nuvano, Vershubsky, 2007). У ненцев из посёлков НАО доля продукции оленеводства в питании составляет 30–40%, у оленеводов из пос. Хорей-Вер — порядка 70% (Мурашко, Даллманн, 2011). Это существенный вклад в витаминную обеспеченность, поскольку жир северного оленя (*Rangifer tarandus*), в отличие от жира других домашних животных, содержит значительное количество витамина D (Brustad et al., 2007; Wiklund, Johansson, 2011). Концентрация витамина в образцах печени и почек северного оленя (1,1–1,4 мкг/100 г вещества) приближается к его содержанию в подкожном жире нерпы (Kuhnlein et al., 2006). Вероятно, это обусловлено спецификой трофических цепей высокоширотных биоценозов. Основу питания оленя составляют лишайники — симбиотические организмы, состоящие из грибов и водорослей. Продуцентами растительного стерола, предшественника витамина D, являются водоросли, и олень, как потребитель-консумент, аккумулирует эргокальциферол в своих тканях (Björn, Wang, 2000). В результате человек, как консумент более высокого порядка, получает с олениной значительное количество витамина.

Помимо оленины, значительный вклад в характерную для оленеводов-коми и ненцев «арктическую диету» вносит рыба. Среднедушевое потребление рыбы населением Ненецкого АО на 30% выше, чем у жителей Республики Коми, и вдвое больше по сравнению с ее потреблением населением Коми-Пермяцкого АО (Козлов, Атеева, 2011). Продукция рыболовства покрывает 30–40% потребностей в продуктах у ненцев из посёлков НАО, и порядка 15–20% — у оленеводов из пос. Хорей-Вер (Мурашко, Даллманн, 2011). Норвежские исследователи показали, что традиционные «северные» рыбные блюда, включающие значительное количество рыбьего жира, способствуют поддержанию оптимального уровня витамина D (Brustad et al., 2003).

Подчеркнём, что потребляемая и коми, и ненцами посёлков Несь и Хорей-Вер рыба представлена преимущественно пресноводными видами, в жире которых содержание витамина D ниже, чем у морских ви-

дов рыб. Промысел морской рыбы и зверя, как дополнение к продукции оленеводства, практиковался небольшими группами прибрежных ненцев, в частности, жителями посёлков Варнек на о. Вайгач и Варандей на побережье Баренцева моря. В настоящее время этих населённых пунктов официально не существует: Варандей был закрыт в 2000 году, в Варнеке осталось только 100 человек. Однако в начале 1980-х годов, когда проводились исследования Н. И. Блажеевич и сотр. (1983), рацион прибрежных ненцев ещё включал продукты морского промысла. Видимо, это и обусловило очень высокое содержание 25 (ОН) D в указанной выборке (таблица 1).

Изменения состава пищи отражаются на D-витаминном статусе северян

Поскольку витамин D относится к классу жирорастворимых, большое значение имеют содержание в пище и состав потребляемых пищевых жиров.

Принято считать, что пища коренного населения Арктики отличается повышенным содержанием жиров (Алексеева, 1998). Это не совсем верно: высокий вклад липидов в диету характерен для морских зверобоев, тогда как продукция наземных арктических промыслов даёт не так много жира (Speth, Spielmann, 1983). Даже при близких к традиционным природопользованию и питанию, жиры поставляли оленеводам таёжно-тундровой зоны (саамам, эвенкам) 15–19% получаемой с пищей энергии, и лишь у высокоспециализированных тундровых оленеводов вклад липидов достигал 30–32% (Козлов и др., 2008; Leonard, Katzmarzyk, 1994).

Вклад жиров в энергетическую стоимость пищи у современных северян — ненцев и тундровых чукчей России, оленеводов-саамов Норвегии — близок к величинам, рекомендованным для внеарктических групп населения РФ (таблица 3). На основании приведённых в таблице данных может сложиться впечатление, что потребление жиров северянами в современном мире не уменьшилось (а может быть, даже возросло), практически сравнялось с «европейскими» нормативами, а следовательно, не должно заметно меняться и поступление жирорастворимых витаминов.

Таблица 3.**Вклад основных питательных веществ в энергетическую стоимость пищи**

Группа	Вклад основных нутриентов, в %		
	Белки	Жиры	Углеводы
Ненцы*	19	29	52
Чукчи**	14	28	58
Саамы Норвегии***	17	35	48
РФ, рекомендовано****	12	30	58

Источники:

* Ионова, Агбалян, 2005;

** Литовка, 2001;

*** Nilsen et al., 1999;

**** Нормы физиологических потребностей..., 2008.

Однако ключевую роль играет не количество, а происхождение и состав пищевых жиров. Например, у оленеводов Кольской тундры между 1926 и 2004 гг. вклад жиров в энергетическую стоимость пищи увеличился вдвое: с 16 до 34 процентов. Но при этом бедные витамином D жиры растительного происхождения стали поставлять не 1, как раньше, а 12% энергии, тогда как доля животных жиров возросла не в 12, а всего в 1,5 раза (с 15 до 22% энергетического вклада), причём в основном за счёт сливочного масла, свинины, говядины (Козлов и др., 2008). В результате доля богатых витамином D жиров сокращается. К 1990-м годам даже у морских зверобоев Чукотки на сливочное масло и жир животных ферменного содержания (в первую очередь свиное сало) при-

Дети чукчей-оленеводов в селе Ваеги (Чукотский АО) в детском саду. Такое питание, несмотря на его общую «калорийность», бедно продуктами с высоким содержанием витамина D, в первую очередь жира оленей и морских млекопитающих. Фото В.Н. Нувано

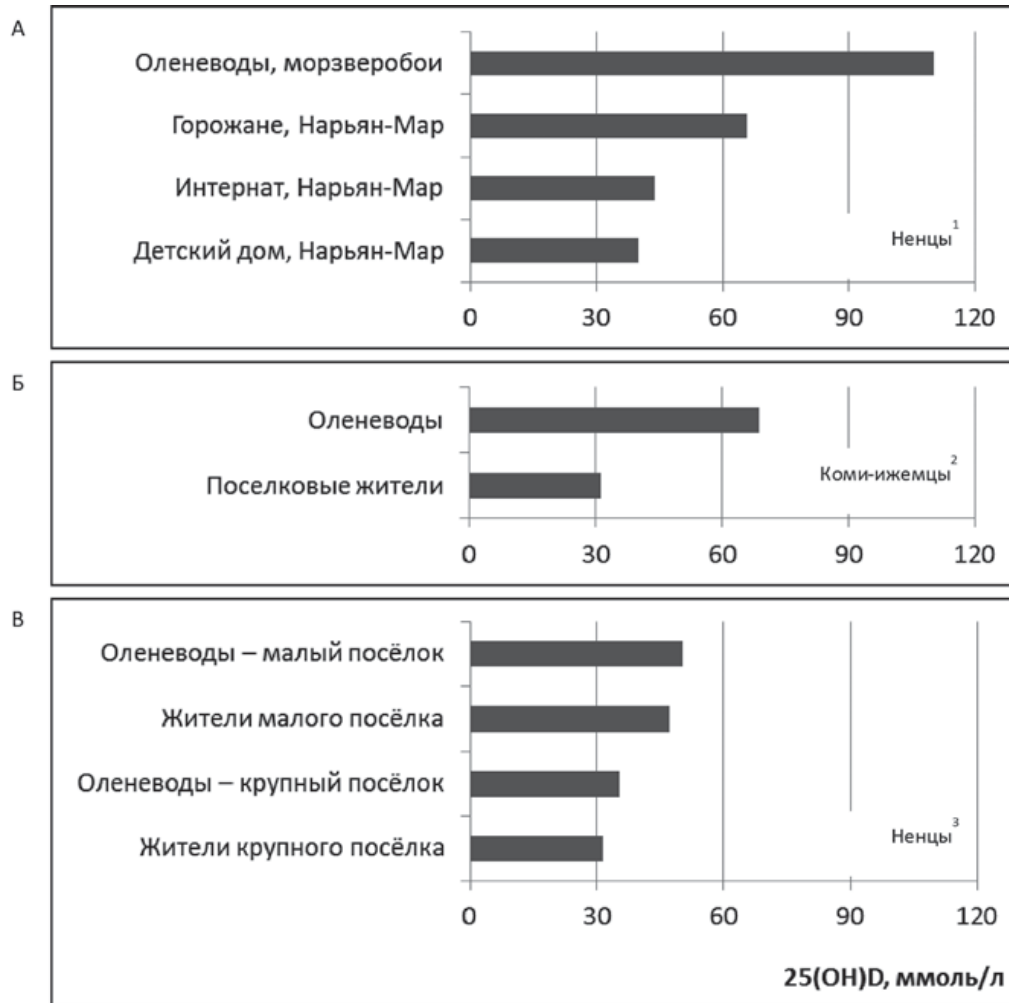
ходило 3/4 потребляемых животных липидов, тогда как на основные источники витамина, жир оленей и морских млекопитающих, — менее 24% (Шубников, 1991).

С переходом от кочевого или полукочевого образа жизни к посттрадиционному (в посёлках) и модернизированному (в городах) в питании коренных жителей Российской Арктики снижается доля местных продуктов (Козлов, 2005; Козлов и др., 2012). Занимающая их место покупная, «магазинная» пища обладает целым рядом несомненных достоинств: повседневной доступностью, возможностью длительного хранения, быстротой и легкостью в приготовлении, стабильным качеством, санитарной безопасностью. Но предназначенные для торговой сети продовольственные товары изготовлены по большей части по стандартам, не учитывающим ни конкретных потребностей групп, адаптированных к данной экологической среде, ни местных традиций обработки продуктов, ни обусловленной средой специфики баланса основных компонентов.

Существенным изменением состава пищи сопровождается процесс «модернизации». Соответственно, это ведёт и к снижению D-витаминного статуса (рисунок с. 356). Уровень сывороточного 25 (ОН) D последовательно снижается в группах оленеводов/морских зверобоев; горожан; учащихся школы-интерната; воспитанников детского дома (последние три группы обследованы в г. Нарьян-Мар). На диаграмме А («Ненцы») хорошо видно различия не только между тундровиками и жителями заполярного города, но и между группами горожан с разными типами питания. У учащихся школы-интерната, остававшихся большую часть года на стандартной школьной диете с небольшим включением местных продуктов, даже в летний период (май-июнь) содержание 25 (ОН) D было ниже, чем у обследованных после «витаминной зимы» оленеводов. То же соотношение в группе северных коми-ижемцев (диаграмма Б).

Рассматривая характеристики детских групп, следует иметь в виду, что значения 25 (ОН) D в возрастных группах от 5 до 17 лет последовательно снижаются. Соответственно, у представителей младшей возрастной группы следует ожидать более высоких показателей D-витаминного статуса. Однако, согласно представленным на диаграмме А данным Н. В. Блажеевич и сотр. (1983), у дошкольников — воспитанников детского дома концентрация витамина D снижена по сравнению с учащи-

Содержание 25(OH)D в сыворотке крови северян, различающихся по образу жизни

А – Блажевич и др., 1983; Б – Козлов, Атеева, 2011; В – Kozlov et al., 2014

мися школы-интерната. Эти данные, полученные в Ненецком АО, подтверждаются результатами исследований на Камчатке и в Якутии. При медосмотрах детей коренных северян этих регионов обнаружено, что питание в соответствии с нормативами, установленными для детских садов и школ-интернатов, оказывается для них недостаточным в отношении поступления витамина D и приводит к гиповитаминозу и рахиту (Прахин, 1987).

Диаграмма В на рисунке отражает различия в D-витаминном статусе жителей малого и большого посёлков Ненецкого АО в сравнении с членами оленеводческих бригад этих же населённых пунктов. Видно, что у жителей крупного северного села (в данном случае — с. Несь) средние показатели концентрации 25 (OH) D ниже не только по срав-

нению с показателями оленеводов, но и с показателями обследованных ненцев небольшого посёлка Хорей-Вер. Причина в том, что население малых посёлков характеризуется меньшим доходом и больше вовлечено в традиционные виды деятельности, чем живущие в районных центрах (Козлов и др., 2012). Финансово малообеспеченное оседлое население Севера обеспечивает себя продуктами преимущественно за счёт традиционных промыслов (рыбалка, охота) и продукции, поставляемой оленеводами, рыбаками и охотниками в семьи, остающиеся в населённых пунктах (Козлов, 2005; Kozlov, Nuvano, Vershubsky, 2007; Kozlov, Vershubsky, Kozlova, 2007). Следует учитывать и характерные для северян традиции «дарения» продуктов не состоящим в родстве с добытчиком малоимущим или пожилым членам общины (Крупник, 1989). Всё это сглаживает различия в диетах оленеводов и живущих в малых посёлках ненцев, что и отражается в относительном «выравнивании» D-витаминного статуса представителей этих групп.

Ситуация в других арктических регионах сходна с российской. У живущих в г. Нуук (Гренландия) взрослых гренландских эскимосов (инуитов), следующих в зимнее время «европейской» диете, недостаток витамина D обнаруживается вдвое чаще, чем у приверженцев традиционного питания — 81% по сравнению с 42% (Rejnmark et al., 2004). У детей инуитов Севера Канады снижение потребления традиционной пищи также ассоциируется с ухудшением D-витаминного статуса (Hayek et al., 2010; Johnson-Down, Egeland, 2010).

Традиционная и местная пища – средство поддержания здоровья

Итак, содержание витамина D у коренных северян снижается при переходе от традиционного к «модернизированному» образу жизни. Но действительно ли неблагоприятно для их здоровья снижение концентрации 25 (ОН) D?

Опираясь на имеющиеся данные, мы склонны считать, что это так. Уже почти полвека назад высказывалось предположение о том, что у коренных северян потребность в жирорастворимых витаминах выше, чем у жителей умеренной климатической зоны (Панин, 1978). Полученные в 1980–90-х годах материалы свидетельствовали о распростра-

нении клинических форм рахита у детей коренного населения Якутии и Камчатки после перехода на городскую («вестернизированную») диету (Прахин, 1987; Прахин, Теппер, 1990). В недавних исследованиях рахитически суженный таз диагностирован у 8–9% женщин фертильного возраста среди живущих в северных посёлках селькупов, ненок, эвенков, долганок. Это — очень высокая доля носителей патологии, редко встречающейся у современного населения внеарктических регионов России (Красовицкий, 2011).

Клинические наблюдения, в сочетании с данными о пониженном содержании 25 (ОН) D у жителей заполярных посёлков, свидетельствуют о необходимости развития профилактических мероприятий по снижению риска D-витаминной недостаточности. Следует помнить, что резкое (на протяжении жизни двух-трёх поколений) изменение жизненного уклада — период критический, и на его протяжении группа требует максимального внимания и поддержки со стороны социальных и медицинских служб (Еганян и др., 2005; Козлов и др., 2012; Ebbeson et al., 2005). Наиболее драматичен переход к новым условиям у северян, вовлечённых в процесс урбанизации. Сниженный в высоких широтах естественный уровень УФ-облучения усугубляется переносом повседневной активности в закрытые помещения (детский сад, школа, контора). Потребление богатой витамином D традиционной пищи сокращается, а витаминные добавки промышленного изготовления, судя по ряду сообщений, хуже усваиваются по сравнению с витаминами, содержащимися в натуральных продуктах.

Коренные северяне с близким к традиционному образом жизни по ряду причин сохраняют и привычный тип питания. Тем же из них, кто переходит к жизни в городах и крупных посёлках, следует повышать в повседневном рационе долю местных продуктов: оленины, рыбы (особенно морских и проходных пород), мяса морского зверя. При этом не обязательно ориентироваться на приготовление блюд по традиционным рецептам. Способы кулинарной обработки могут существенно варьировать: есть множество примеров современной финляндской, норвежской, датско-гренландской «домашней» и «высокой ресторанной» кухни, с гордостью включающей в меню традиционные арктические продукты. Как показывают исследования, эти меры ведут к заметному улучшению D-витаминного статуса населения (Brustad et al., 2003).

Свежее мясо и кожа (ман, так) серого кита готовятся для употребления в пищу, с. Новое Чаплино (Чукотский АО), сентябрь 2002 г. Фото Н.И. Калюжиной

Мясо ластоногих сушится на солнце, с. Новое Чаплино (Чукотский АО), август 2006 г. Традиционные методы заготовки продуктов на зиму до сих пор популярны в национальных поселках Севера. Фото Н.И. Калюжиной

Свежевыловленная морская рыба, с. Новое Чаплино (Чукотский АО), февраль 2006 г. Фото Н.И. Калюжиной

Благодарность

Положенные в основу этой статьи материалы получены в ходе проекта, поддержанного грантом РФФИ 15-04-02309. Авторы благодарны В.Н. Нувано и Н.И. Калюжиной за фотографии, использованные для иллюстрации данной статьи.

Литература

- Алексеева Т.И.* Адаптация человека в различных экологических нишах Земли: Биологические аспекты. — М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. — 279 с.
- Блажеевич Н.В., Спиричев В.Б., Переверзева О.Г., и др.* Особенности кальций-фосфорного обмена и обеспеченности витамином D в условиях Крайнего Севера // Вопросы питания, 1983. № 1. С. 17–22.
- Даймонд Дж.* Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. — М.: АСТ МОСКВА, 2010. — 762 с.
- Еганян Р.А., Карамнова Н.С., Гамбарян М.Г.* Особенности питания жителей Крайнего Севера России // Проф. заб. и укрепл. здоровья, 2005. № 4. С. 33–37. № 5. С. 34–41.
- Ионова И.Е., Азбалин Е.В.* Современные тенденции характера питания и липидного спектра крови жителей коренной национальности Крайнего Севера // Проф. заб. и укрепл. здоровья, 2005. № 3. С. 16–19.
- Коман И.Э.* Витаминно-минеральный статус, распространенность аллельных вариантов генов системы детоксикации ксенобиотиков и анализ заболеваемости детей Чукотского автономного округа. Дисс. ... д.м.н. — М., 2006. — 206 с.
- Кривошапкина Д.М.* Особенности фосфорно-кальциевого обмена у детей и подростков с нарушениями осанки в условиях Республики Саха (Якутия). Дисс. ... канд. мед. н. — СПб, 2004. — 127 с.
- Козлов А.И.* Пища людей. — Фрязино: Век-2, 2005. — 272 с.
- Козлов А.И., Атеева Ю.А.* Витамин D и особенности питания различных групп коми // Вестн. Моск. ун-та, сер. XXIII Антропология, 2011. № 4. С. 25–34.
- Козлов А.И., Атеева Ю.А., Вершубская Г.Г., и др.* D-витаминный статус населения Пермского края, республик Коми и Удмуртия // Вопросы питания, 2013. № 82 (2). С. 31–36.
- Козлов А.И., Вершубская Г.Г., Лисицын Д.В., и др.* Пермские и волжские финны: медицинская антропология в экологической перспективе. — Пермь: ПГПУ, ИЛ «АрктАн-С», 2009. — 160 с.
- Козлов А.И., Козлова М.А., Вершубская Г.Г., Шилов А.Б.* Здоровье коренного населения Севера РФ: на грани веков и культур. — Пермь: РИО ПГПУ, 2012. — 159 с.
- Козлов А.И., Лисицын Д.В., Козлова М.А., и др.* Кольские саамы в меняющемся мире. — М.: Институт Наследия, ИЛ «АрктАн-С», 2008. — 96 с.
- Красовицкий Р.А.* Репродуктивное здоровье и поведение женщин фин-

- но-угорской группы. Дисс... канд. мед. н. — Воронеж, 2011. — 203 с.
- Крупник И. И. Арктическая этноэкология. — М.: Наука, 1989. — 272 с.
- Литовка М. И. Отчет по теме «Обоснование потребностей коренного населения Чукотки в продукции китобойного промысла». — Анадырь, 2001. — 31 с. (рукопись).
- Мурашко О. А., Даллманн В. К. Трансформации традиционного образа жизни и питания коренного населения Ненецкого автономного округа // Вестник МГУ, сер. XXIII, Антропология, 2011. № 4. С. 2–24.
- Никитинская О. А., Торопцова Н. В. Кальций и витамин D: анализ возможных положительных и отрицательных побочных явлений при их применении // Русский медицинский журнал, 2011. № 19 (10). С. 651–655.
- Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации: Методические рекомендации 2.3.1.2432–08, 2008. — 35 с.
- Панин Л. Е. Энергетические аспекты адаптации. — Л.: Медицина, 1978. — 189 с.
- Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2004 году. — М.: ФСГС, июнь 2005. — 92 с.
- Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2010 году. — М.: ФСГС (Росстат), 2011. — 68 с.
- Прахин Е. И. Питание и здоровье детей в условиях Сибири и Севера // Сб.: Актуальные вопросы здоровья и профилактика заболеваний в детском возрасте в условиях Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока. Ч. 1. — Красноярск, 1987. С. 6–8.
- Прахин Е. И., Теннер Е. А. Медицинская антропология и вопросы питания детей коренных жителей Севера // Сб.: Современные проблемы медицинской антропологии. — Тюмень, 1990. С. 19–23.
- Шубников Е. В. Результаты экспедиции весны 1991: Предварительный отчет. Введение, выборка, методы и описательная статистика. — Новосибирск, Институт терапии СО АМН СССР, 1991. — 33 с. (рукопись).
- Bakhtiyarova S., Lesnyak O., Kyznesova N., et al. Vitamin D status among patients with hip fracture and elderly control subjects in Yekaterinburg, Russia // Osteoporosis Intern., 2006. No 17 (3). P. 441–446.
- Björn L. O., Wang T. Vitamin D in an ecological context // Int. J. Circumpolar Health, 2000. No 59 (1). P. 26–32.
- Brustad M., Edvardsen K., Wilsgaard T., et al. Seasonality of UV-radiation and vitamin D status at 69 degrees North // Photochem. Photobiol. Sci., 2007. No 8 (6): 903–908;
- Brustad M., Sandanger T., Wilsgaard T., et al. Change in plasma levels of vitamin D after consumption of cod-liver and fresh codliver oil as part of the traditional North Norwegian fish dish “mølje” // Intern. J. Circumpolar Health, 2003. No 62 (1). P. 40–53.
- Chapuy M. C., Preziosi P., Maamer M., et al. Prevalence of vitamin D insufficiency in an adult normal population // Osteoporosis Int., 1997. No 7 (5). P. 439–443.
- Ebbesson S. O.E., Adler A. I., Risica P. M., et al. Cardiovascular disease and risk factors in three Alaskan Eskimo populations: The Alaska-Siberia project // Int.

- J. Circumpol. Health, 2005. No 64 (4). P. 365–386.
- Hayek J., Egeland G., Weiler H. Vitamin D status of Inuit preschoolers reflects season and vitamin D intake // J. Nutr., 2010. No 140 (10). P. 1839–1845.
- Holick M. F. Vitamin D deficiency // N. Engl. J. Med., 2007. No 357. P. 266–281.
- Johnson-Down L., Egeland G. M. Adequate nutrient intakes are associated with traditional food consumption in Nunavut Inuit children aged 3–5 years // J. Nutr., 2010. No 140. P. 1311–1316.
- Kozlov A., Khabarova Yu., Vershubsky G., et al. Vitamin D status of northern indigenous people of Russia leading traditional and “modernized” way of life // Int. J. Circumpolar Health, 2014, 73: 26038 — <http://dx.doi.org/10.3402/ijch.v73.26038>.
- Kozlov A., Nuvano V., Vershubsky G. Changes in Soviet and post-Soviet Indigenous diets in Chukotka // Etudes/Inuit/Studies, 2007. No 31 (1–2). P. 103–119.
- Kozlov A., Vershubsky G., Kozlova M. Indigenous peoples of Northern Russia: Anthropology and health // Circumpolar Health Supplements, 2007. No 1. P. 1–184.
- Kuhnlein H. V., Barthelet V. Farren, A., Falahehi E., et al. Vitamins A, D, and E in Canadian Arctic traditional food and adult diets // J. Food Compos. Anal., 2006. No 19. P. 495–506.
- Leonard W. R., Katzmarzyk P. T. Nutritional ecology and energetics of the Evenki herders of Central Siberia // Strength in diversity: A reader in physical anthropology, 1994. P. 303–326.
- Neer R. M. The evolutionary significance of vitamin D, skin pigment and ultraviolet light // Am. J. Phys. Anthropol., 1975. No 43. P. 409–416.
- Nilsen H., Utsi E., Bonna K. H. Dietary and nutrient intake of a Sami population living in traditional reindeer herding areas of North Norway: comparisons with a group of Norwegians // Intern. J. Circumpol. Health, 1999. No 58. P. 120–133.
- Rejnmark L., Jorgensen M. E., Pedersen M. B., et al. Vitamin D insufficiency in Greenlanders on a westernized fare: ethnic differences in calcitropic hormones between Greenlanders and Danes // Calcif. Tissue Int., 2004. No 74 (3). P. 255–263.
- Speth J. D., Spielmann K. A. Energy source, protein metabolism, and hunter-gatherer subsistence strategies // J. Anthropol. Archaeol., 1983. No 2. P. 1–31.
- Viskari H., Kondrashova A., Koskela P., et al. Circulating vitamin D concentrations in two neighboring populations with markedly different incidence of type I diabetes // Diabetes Care, 2006. No 29 (6). P. 1458–1459.
- Wallace A. M., Gibson S., Hunty A. de la, et al. Measurement of 25-hydroxyvitamin D in the clinical laboratory: Current procedures, performance characteristics and limitations // Steroids, 2010. No 75 (7). P. 477–488.
- Wiklund E., Johansson L. Water-holding capacity, color stability and sensory characteristics in meat (M. longissimus dorsi) from reindeer fed two different feeds // Rangifer, 2011. No 31 (1). P. 49–59.
- Zerwekh J. E. Blood biomarkers of vitamin D status // Am. J. Clin. Nutr., 2008. No 87 (Suppl.): 1087S–1091S.

Подходы к проектированию этно-экологических территорий

О. Штеле, П. Шульгин

Пристальное внимание к проблемам коренных народов и сохранению их традиционных форм природопользования четко сформировалось в рамках мирового общественного интереса и государственной политики во второй половине XX века. Именно задачи сохранения традиционного природопользования стали четко осознаваться как главное условие сохранения традиционной культуры, образа жизни, родного языка. 1990-е годы стали периодом выработки новых теоретических концепций в этой области и в Российской Федерации. Во многом это было сопряжено со значительными политическими и общественными изменениями в России, произошедшими на рубеже 1980-х–1990-х годов, с большей свободой и возможностью выразить общественное мнение по данной проблеме, с переходом страны к широкому общемировому сотрудничеству.

Активная государственная политика освоения природных ресурсов Севера, Сибири и Дальнего Востока России стала складываться в СССР в 1930-х годах. В ней был заложен принцип тоталитарной административно-хозяйственной системы с приоритетом экономических интересов над человеческими ценностями. Для коренных народов Севера этот период стал временем принудительной культурной и социальной ассимиляции.

Именно это время связано с переселением аборигенного населения с исконных мест его проживания в связи с активной разработкой полезных ископаемых на Севере (начиная с 1930-х гг.), созданием мест заключения (ГУЛАГ) в 1930–1940-е гг., строительством военных объектов, испытаниями ядерного оружия (архипелаг Новая Земля — 1950-е гг.), а также с переселением коренных жителей из малых поселений, объявленных «неперспективными» в крупные поселки (1950–1960-е гг.). Такая политика привела к нарушению традиционного природопользования на многих северных территориях, к вырождению культурного ландшафта, а в целом — к обезлюдению ряда северных земель.

Именно в этих условиях как совершенно естественные проекты развития страны воспринимались и стремления по переброске вод северных рек на юг с образованием огромных водохранилищ, затоплением больших территорий Русского Севера и Западной Сибири, для того, чтобы обеспечить потребности промышленности и сельского хозяйства южных регионов Советского Союза (1960–1970-е гг.). Абсолютно нормальным в практике развития добывающих отраслей была ситуация отторжения огромных территорий, на которых проживали малочисленные народы (ханты, ненцы), в связи с началом индустриальных нефтяных и газовых разработок в Западной Сибири (1970-е гг.) без какой-либо компенсации или обеспечения местным жителям достойных новых условий существования.

Общественные изменения с началом перестройки в Советском Союзе не могли не коснуться этих проблем. Недаром в конце 1980-х годов необычайно остро встал вопрос защиты культуры и прав малочисленных народов и этнографических групп. Идея унификации как главная задача перспективного национального развития была отвергнута и заменена задачей сохранения и возрождения многочисленных национальных культур народов Российской Федерации, выявления всего многообразия национального и исторического наследия. Чрезвычайно возрос интерес к истории родного края, национальным корням, религиозным традициям, к семейной истории, долгое время считавшийся несущественным и не поощрявшийся официальной пропагандой (Человек и среда., 1989). Эта тенденция совпала с началом мощного и массового экологического движения, отстаивающего право на жизнь в чистой окружающей среде и полную информированность населения о рисках, связанных с действующим производством или проектируемым строительством. Не случайно одним из наиболее известных выражений, фактически лозунгом общественности и ученых, стремившихся к переменам, в те годы стало понятие «экология культуры», высказанное академиком Д. С. Лихачёвым (1983, 1999).

Термин «этнические территории» и «эколого-этнические территории» начал активно входить в научные исследования в конце 1980-х годов благодаря комплексным исследованиям историков, этнографов и биологов по изучению традиционной культуры малочисленных народов и предложениям по сохранению их культурной самобытности. Так, в 1989–1990 гг. для территорий Приморского края и Чукотки были

сформулированы предложения по созданию охраняемых территорий, на которых бы поддерживалось традиционное природопользование, традиционное хозяйство и привычный образ жизни местного населения (Система охраняемых..., 1989; Богословская, 1990).

Практически одновременно И. И. Крупником на примере арктических и субарктических охотников на морского зверя и оленеводов Российского Севера было рассмотрено и сформулировано теоретическое представление об этноэкосистемах. Основу подобных этноэкосистем составляют устойчивые этнические коллективы, связанные совместным использованием земель, общим трудом и расселением на определенной территории (Крупник, 1989). Значительную роль в продвижении этих идей сыграла научная и общественная деятельность Л. С. Богословской.

Предшествующая практика сделала ясным, что охрана и использование единичных («точечных») историко-культурных объектов и явлений не могут быть эффективными вне сохранения окружающего их исторического и природного пространства. Оно необходимо с точки зрения не только сохранности конкретного памятника или культурного феномена, а, прежде всего, с точки зрения его жизнеспособности (будь то природная система, или архитектурный комплекс, или национальное сообщество). Отсюда следует важность территориального подхода к изучению и сохранению наследия, при котором основными объектами охраны выступают именно территории — «историко-культурные территории» (Веденин, Шульгин, 1992).

Историко-культурной территорией, по определению П. М. Шульгина (Проект статуса..., 1990), может быть назван особый целостный пространственный объект, где в традиционной природной и социально-культурной среде находятся природные и историко-культурные объекты исключительной ценности и значимости. Она создается на основе комплекса памятников и территории, объективно связанной с ними в силу этнических, экономических, исторических, географических факторов. Ее уникальность определяется наличием и сочетанием комплекса мемориальных, архитектурных, археологических объектов, национальных традиций и народной хозяйственной деятельности, фольклора и обрядовой национальной культуры, природных достопримечательностей или исторических форм природопользования, представляющих исключительную ценность с точки зрения истории и культуры отдельного народа или даже мирового культурного наследия.

К этой же группе следует отнести также и «этнографические ландшафты», связанные с проживанием малочисленных народов или небольших этнографических групп (Buggey, 1999).

Подобный подход был взят в качестве одного из основных направлений деятельности Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия — нового научного российского центра, созданного в 1992 году. Руководителем института стал доктор географических наук Ю. А. Веденин, идеолог культурно-ландшафтного подхода к сохранению наследия. В своей деятельности институт стремился решать как методические, так и организационные вопросы единой политики по отношению к культурному и природному наследию. Работы института послужили обоснованием для создания новых охраняемых природных и историко-культурных территорий (национальных парков, музеев-заповедников), институт выступал инициатором разработки комплексных программ сохранения наследия для исторических городов, исторических сельских поселений и национальных территорий (Шульгин, Штеле, 1998).

Исследования Института Наследия в период его активного научного развития (1992–2012 годы) базировались на культурно-ландшафтном районировании различных регионов и выделении системы историко-культурных территорий как основных объектов для разработки и реализации проектов по сохранению историко-культурного наследия (Веденин, Шульгин, 1992; Шульгин, 2001). В качестве одного из типов таких территорий рассматривались *этно-экологические территории*, как правило, связанные с проживанием здесь малочисленных народов или этнографических групп. Координацию научных исследований по этой проблематике осуществлял Центр традиционной культуры природопользования, возглавляемый д.б.н. Л. С. Богословской.

В настоящее время в Российской Федерации сложилась ситуация, когда вопросы сохранения этнографических или этно-экологических территорий не имеют четкого законодательного регулирования и не входят прямо в компетенцию того или иного государственного органа. В то же время на практике этнографические ландшафты могли бы получить некоторую защиту в рамках природоохранного законодательства. Принятый в Российской Федерации в 1995 году федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» отличается достаточно

полной проработкой по сравнению с предыдущим российским и советским законодательством и дает возможность использования отдельных его положений для сохранения и традиционного природопользования, и культурного ландшафта в местах проживания аборигенного населения (см. статью О. Мурашко). Эти функции в некоторой степени могут выполнять национальные парки и природные парки. В частности, в их компетенцию входит задача сохранения природной среды и природных объектов, восстановления нарушенных природных и историко-культурных комплексов и объектов.

Именно в рамках функционирования особо охраняемых природных территорий Л. С. Богословской в конце 1980-х гг. было сформулировано предложение о создании эколого-этнической территории на Чукотском полуострове (см. статью Б. Вдовина). В первоначальном проекте данная территория выступала как международный национальный парк по обоим сторонам Берингова пролива, расположенный в России и США и получивший название «Берингия» (Богословская, 1990; International Park., 1989).

Ключевой задачей создания этого парка было сохранение этнической территории (в том числе и акватории), возрождение традиционного природопользования и традиционной системы расселения коренных жителей этой земли — чукчей и эскимосов — как главного фактора сохранения национальной культуры. Создание национального парка «Берингия» на территории двух государств по обе стороны Берингова пролива отвечало условиям возобновления родственных и родовых контактов между чукчами и эскимосами Чукотки (Россия) и Аляски (США), прерванными на несколько десятилетий в результате политики изоляции, проводившейся советским государством.

Этот проект, детально разработанный в начале 1990-х годов, стал одним из наиболее обоснованных проектов, формулирующих конкретные перспективы этнического развития и одновременно сохранения этнографического ландшафта. Однако его реализация на российской территории продвигалась очень медленно. Созданный в 1993 г. решением администрации Чукотского автономного округа природно-этнический парк только через 20 лет (в 2013 году) получил статус национального парка и федеральную поддержку, притом с весьма урезанной этнокультурной направленностью по сравнению с первоначальным проектом (см. статью Б. Вдовина).

Интересным региональным проектом Института Наследия, где была сделана попытка совместить задачи охраны природы с активной деятельностью по реализации задач сохранения традиционного природопользования и социально-культурного развития, следует назвать проект создания особо охраняемой природной и историко-культурной территории «Пунси» в Ханты-Мансийском автономном округе. Рассматриваемая территория расположена в южной части Нефтеюганского района в бассейне реки Большой Салым.

Предложения по созданию здесь особо охраняемой природной территории были сформулированы еще в конце 1980-х годов по инициативе биологов-болотоведов (Болота и люди., 2000). Интенсивное освоение нефтяных и газовых месторождений в Западной Сибири в предшествующие десятилетия вызвало необратимые нарушения природных комплексов, и территорий, не затронутых техногенным воздействием, оставалось все меньше. К их числу и относится рассматриваемый участок Салымо-Юганского междуречья.

Данная территория характеризуется сочетанием природных ландшафтов, типичных для подзоны средней тайги. Болотные массивы очень разнообразны по происхождению, стратиграфии торфяных отложений, структуре растительного покрова, гидрологическому режиму. Они включают типы болот, характерные для всей подзоны средней тайги, и являются репрезентативным объектом для выявления их пространственно-временных закономерностей. По выраженности процессов заболачивания эта территория является мировым феноменом.

Вместе с тем, данный проект совершенно не учитывал иное значение этого региона, связанное с его уникальными этнографическими характеристиками.

На рассматриваемой территории сохраняется традиционная культура коренного населения. Здесь существует около десяти традиционных поселений-юрт, жители которых представлены родами-фамилиями: Каюковыми и Когончиными. Исторически они относятся к юганской группе хантов и являются выходцами с Югана. Однако последние исследования позволяют сделать заключение, что к настоящему времени следует говорить о формировании здесь особой группы салымских хантов (Салымский край, 2000). Местные ханты сохранили практически все знания и навыки, связанные с традиционным образом жизни, обладают историческими технологиями и ремеслами.

В салымо-юганском междуречье сохранились традиционная система расселения хантов, облик жилых и хозяйственных построек. Сохранность этого компонента этнографического ландшафта является уникальной, что видно на примере собственно поселения-юрт Пунси. Помимо жилых и хозяйственных построек (лабазов, предназначенных для хранения продуктов, печей и пр.) в структуру поселения входят: запасные лабазы, расположенные в отдалении от основного жилища; охотничьи домики; рыболовецкие домики и запруды; искусственно сооруженные в таежном лесу загоны для оленей (оленьи огороды) вместе с небольшими домиками с дымокурами, предназначенными для их спасения от гнуса; установленные ловушки для глухарей, рыбные садки и пр. Весь этот участок, занимаемый семьей Каюковых, размером примерно 20 на 20 км, наполнен системой троп, проходящих как по твердым грядам, так и по болотистым участкам, на которых тропа поддерживается гатями. В целом система семейных угодий очень близка к схемам, приведенным в исследованиях Э. Вигета (Очерки истории., 1999). Уникальность рассмотренному участку придает комплекс построек, связанных с таежным оленеводством.

Сочетание на сравнительно небольшой территории этих двух важных особенностей — уникального природного явления и редкого социокультурного феномена — стало обоснованием придания этому региону особого охраняемого статуса. В условиях действующего законодательства сформулированным задачам сохранения и использования наследия в виде как уникальных природных систем, так и самобытной этнической группы коренного населения, мог бы соответствовать статус природного парка (созданного на основе закона об особо охраняемых природных территориях).

В качестве основной цели организации природного парка «Пунси», создаваемого в салымо-юганском междуречье, была определена охрана природных комплексов и уникального историко-культурного наследия салымских хантов. Решение этой проблемы предполагало реализацию двух основных направлений деятельности природного парка. Первое было сопряжено с выявлением природного наследия и обоснованием системы мероприятий по охране природных характеристик данного участка. Второе направление было связано с принятием мер по возрождению традиционного природопользования, сохранению традиционного образа жизни, системы расселения и архитектурных особенностей

жилища хантов этого региона и организации своеобразной ландшафтной и этнографической территории. Основные положения этого проекта были изложены в нескольких работах (Болота и люди, 2000; Shulgin, 2004, Шульгин, 2007).

Проект создания природной и этнографической территории «Пунси» до настоящего времени не реализован, хотя создание здесь природного парка предусмотрено постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 12 июля 2013 г. № 245-п «О концепции развития и функционирования системы особо охраняемых территорий Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на период до 2020 года». Одновременно следует отметить, что эта территория остается и в сфере интересов нефтедобытчиков, так как здесь находятся небольшие разведанные запасы нефти.

Еще одним региональным проектом Института Наследия стала разработка концепции Абалакского природно-исторического комплекса, на территории которого находятся места проживания и традиционного природопользования сибирских татар. Этот проект не был опубликован, поэтому остановимся на нем несколько подробнее.

Рассматриваемая территория находится в Тобольском районе Тюменской области. Её протяженность с запада на восток составляет около 40 км, с юга на север — около 45 км. Уже в 20–30 км восточнее Тобольска располагаются незначительно затронутые деятельностью человека типичные массивы болот и естественные лесные участки с коренными лесами (пихта, ель с участием лиственницы и кедра). Детальные полевые исследования, проводимые с 2005 года, выявили высокую природную ценность этих участков как типичных ландшафтов южно-таежной зоны, а также как возможных мест обитания редких представителей растительного и животного мира.

Удаленность от крупных промышленных и аграрных центров, невысокий уровень антропогенной трансформированности биоценозов позволяют считать рассматриваемую территорию эталонным участком южной тайги Прииртышья с типичными для нее флористическим и фаунистическим комплексами. Экологическую ценность представляют собой практически все относительно незатронутые антропогенным воздействием ландшафты территории. Их наличие и естественное взаимодействие является необходимым условием для функционирования биосферы, они служат местообитанием животных и обеспечивают

Расположение Абалакского природно-исторического комплекса на территории Тобольского района

сохранение видового разнообразия растительного и животного мира. На рассматриваемой территории выявлено более 100 видов, внесенных в Красную книгу Тюменской области и в Красную книгу России.

Территория восточнее Тобольска, по правобережью Иртыша, является одним из староосвоенных регионов Сибири; здесь сохранились археологические следы древних поселений, с ней связаны также важные исторические аспекты развития Сибирского ханства и события освоения Сибири русскими. В XIV–XV вв. здесь появляется тюркоязычное население, татарские городки и урочища располагались по устьям рек, впадающих в Иртыш. Именно здесь было основано городище Искер — столица Сибирского ханства. Период с конца XVI до середины XIX в. охватывает события завоевания Сибири Ермаком и развитие системы русских поселений. Наличие плодородных земель способствовало развитию в этой местности земледелия, которое получило особое распространение по реке Арэмзянке. Берег Иртыша и расположенные здесь населенные пункты с их архитектурными памятниками составляют удивительный по красоте и мощи культурный ландшафт.

Очень важно отметить, что эти земли являются местами традиционного природопользования и хозяйствования сибирских татар. В советское время сибирские татары как национальность были даже исключены из переписи населения. Но сейчас они с полным правом рассматриваются как самостоятельный этнос, с присущими ему устойчивыми признаками и свойствами, такими как язык и территория, экономическая общность, этническое самосознание, конфессиональная общность, эндогамия, а на раннем этапе — социально-политическая общность, связанная с существованием Сибирского ханства (Томилов, 1981; Валеев, 1993). Особое значение для развития культуры сибирских татар в силу их разбросанности на значительном пространстве, наряду с сохранением традиций, обычаев и искусства, имеет сохранение историко-культурной и ландшафтной среды, памятников этнографического наследия, традиционных поселений.

Поскольку, как уже сказано выше, в этом регионе тюркоязычное население проживало в поселениях, привязанных к урочищам по устьям рек, впадающих в Иртыш, религиозно-мифологические представления их обитателей были связаны с жизнью леса, лесными и речными промыслами. В период Сибирского ханства в жизни татарского населения, наряду с ремеслом и торговлей, преобладали занятия, связанные с лесом: охота, сбор грибов и ягод, ловля рыбы в озерах и старицах, в меньшей степени — коневодство и земледелие. Вторая половина XIX — начало XX века характеризуются новым этапом эволюции татарских поселений, которые испытывают влияние русских традиций домостроения. В агротехнике использовалась преимущественно четырехпольная система земледелия.

Современный этап в жизни территории характеризуется возрождением татарской культуры, одним из проявлений которого стало возобновление интереса к народным традициям и обычаям. В настоящее время наблюдается усиление почитания святых мест и могил святых в религиозной жизни татарского населения региона. Мусульманские мавзолеи, существовавшие в прошлом в районе Искера, относятся к числу наиболее ранних и сакрально значимых памятников прошлого сибирских татар. Это проявляется в реконструкции существующих гробниц, в проведении регулярных «дней поминовений» местных святых, приобретающих все более массовый характер.

Комплекс традиционного проживания сибирских татар на территории Абалакского природно-исторического комплекса включает сель-

*Жатва. Сибирские татары. Тобольский уезд. Фото конца XIX века
Из книги «Сибирские реликвии. Из собрания тобольского музея» (Тобольск, 1999)*

ские поселения Епанчина, Шамша, Байгара, которые сохранили традиционную планировку и деревянную застройку.

Татарские селения в Западной Сибири принято подразделять на следующие типы: 1) прибрежный или приречный, 2) притрактовый, 3) приозерный. Прибрежные селения по берегам Иртыша, Тобола, Туры и других рек обычно состояли из двух параллельных улиц с проулками. Эти селения часто имели дуговую форму, огибая излучину реки. Мы не располагаем ранними сведениями о планировке аула Епанчина, но несомненно, что это татарское селение, расположенное на берегу большой излучины Иртыша, относится к данному типу.

В каждом селении на самом видном месте стояла мечеть с оградой. Мечети с минаретом почти всюду в селах строились деревянные. Возле мечети обычно росли деревья: береза, сосна, а также черемуха, кусты шиповника и т.д. При этом обязательно оставлялась поляна для устройства общественных молений в теплое время года. За селом на возвышенном месте располагалось кладбище. Кладбища всегда находились в рощах, заботливо охраняемых населением. Оградки строились, в основном, из толстых бревен в виде сруба или из досок.

Пространство усадьбы сибирскими татарами называется *ишек алт*, *йорт*. Наиболее распространенной формой застройки была П-образная, по которой надворные постройки располагаются в виде буквы П по периметру двора. При такой застройке за жилым домом обычно следует крытый навес (*тубалек*), сарай, а далее идут конюшня, хлева, овчар-

ни, баня (*мунча*) и амбар (*итлек*). В амбаре хранили зерно, муку, мясо и другие продукты. В сарае — сброу, разный инвентарь и другие предметы хозяйственного обихода, а занимавшиеся ремеслом — свои инструменты, сырье и готовые изделия.

Величина постройки, строительные материалы зависели от социального положения владельца усадьбы. Так, крытые тесом навесы, сараи, амбары, возведенные из толстых бревен, высокие заборы (*койма*) вокруг усадьбы, тесовые одностворчатые и двустворчатые ворота были только у купцов и мулл. Изба бедняка соединялась с надворными постройками временным, крытым соломой навесом, устраиваемым только на зиму. Амбар часто строился из плетней в два ряда, между ними насыпалась земля. Крыша делалась плоской или двухскатной и покрывалась дерном. Усадьба ограждалась плетнем (*урмэ*) или пряслом (*цитэн*), расположенными горизонтально (обычно в три ряда) длинными жердями, концы которых закреплялись между двумя кольями таловыми перевязями. Ворота в усадьбах бедняков были решетчатые (*ель капка*).

Почти в каждом дворе имелся погреб (*погрэн*), который зимой забивался льдом на лето. На «задах» приусадебных построек в некоторых хозяйствах устраивалась баня, «черная» или «белая». Колодцы в усадьбах татар встречались редко. Воду возили в бочках, установленных на двуколках, а чаще всего ее носили женщины на коромыслах из ближайшего водоема. Кузницы, во избежание пожара, устраивались обычно на значительном удалении от жилых и хозяйственных построек (Белич, 1987, 1997).

Особенности природного ландшафта и локализации историко-культурных объектов требуют различного подхода к установлению режима охраны на различных участках Абалакского природно-исторического комплекса. Предполагается выделение трех основных функциональных зон: зона особой охраны (заповедная); рекреационная зона и зона культурного ландшафта. В пределах третьей зоны выделяется историко-культурная подзона — территории, связанные с находящимися на государственном учете и охране объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры, в том числе Абалакским монастырем, Преображенской церковью, городищем Искер и другими археологическими памятниками), с объектами наследия, которые в перспективе могут рассматриваться как памятники истории и культуры, а также с этнографическими объектами и национальными селами с проживанием сибирских татар.

*Двор татарского
жилого дома в деревне
Епанчина.
Фото А.И. Клименко*

*Жилые дома в
деревне Епанчина.
Фото А.И. Клименко.*

*Берег Иртыша.
Фото О.Е. Штеле*

Выделение этой подзоны призвано сохранить объекты культурного наследия именно в их традиционной исторической и природной среде, сохранить места обозрения архитектурных и исторических памятников, виды, которые открываются с мысов или древних городищ на долину Иртыша. Но еще более важным является то, что в рамках подобного ландшафтного подхода возможно также сохранение традиционной планировки национальных сельских поселений, мест традиционного природопользования и тем самым создание основы для возрождения национальной культуры.

Выявленные на территории Абалакского природно-исторического комплекса памятники истории и культуры и объекты этнографического наследия позволяют говорить о возможности формирования нескольких музейных структур: историко-мемориального объекта-некрополя «Ханское кладбище» на Сауксанском мысу; исторического комплекса в селе Верхние Аремзяны, в котором провел детские годы великий русский ученый Д. И. Менделеев (здание сельской церкви и церковно-приходской школы, мельничная запруда и водяная мельница, песчаный карьер бывшей стекольной фабрики); музейного комплекса традиционной культуры сибирских татар в деревне Епанчина.

Этот музейный комплекс в перспективе может стать значимым и посещаемым местом, связанным с наследием и культурой сибирских татар. Сама деревня представляет собой традиционный тип татарских юрт с типичным укладом хозяйства, сохранились сельскохозяйственные угодья и места рыбного промысла на Оби и окружающих озерах. В Епанчине провел свои детские годы и молодость основоположник татарской прозы Сибири, лауреат Государственной премии Республики Татарстан имени Г. Тукая — Якуб Камалеевич Занкиев (1917–2003). Здесь находится историко-мемориальный памятник — дом писателя. В сельской общеобразовательной школе, построенной в 1964 г. усилиями Я. К. Занкиева, проработавшего в ней 25 лет, существует историко-этнографический музей. В деревне имеется культовое сооружение — действующая пятничная мечеть. На окраине селения остались следы от ныне практически забытого культового памятника — мавзолея (*астана*) святого Мусы-шейха. На базе этих достопримечательностей возможно правдиво и образно представить историю, культуру, хозяйство и быт сибирских татар.

В настоящее время Абалакский природно-исторический комплекс функционирует только в режиме комплексного природного заказни-

*Современная улица
деревни Епанчина.
Фото А.И. Клименко*

*Окрестности
деревни Епанчина
(на переднем плане
остатки запруды).
Фото А.И. Клименко*

*Озеро Волково –
одно из мест
традиционной
рыбной ловли
сибирских татар
Тобольского района.
Фото П.М. Шульгина*

*Авторы в деревне Епанчина. На заднем плане — действующая пятничная мечеть.
Фото А.И. Клименко*

ка регионального значения (создан по постановлению Правительства Тюменской области от 11 сентября 2006 года № 206-п). В основном задачи заказника связаны с сохранением природного наследия, вопросы сохранения этнокультурного наследия в его рамках фактически не рассматриваются. Вместе с тем именно данный природно-исторический регион наиболее подходит для создания этно-экологической территории сибирских татар, которая будет способствовать сохранению уникальной истории и культуры этого самобытного народа.

В целом, анализируя данную проблему, можно сделать вывод, что идея выделения и охраны этнографического ландшафта активно выдвигается и обсуждается в российской науке уже более 25 лет. Законодательная практика пока не проявляет должного внимания к проблемам формирования этно-экологических территорий, и отсутствие должных законодательных актов значительно сдерживает реализацию уже разработанных идей и предложений. В последнее десятилетие частично удалось реализовать некоторые предложения по сохранению этнографических ландшафтов в рамках возможностей, создаваемых российским законодательством об охране природных территорий. Такая политика

активно реализуется на северных территориях в процессе формирования новых природных и национальных парков. Но при этом следует подчеркнуть, что вопросы этнографического наследия и этнокультурного развития на создаваемых особо охраняемых природных территориях остаются как бы на втором плане, в тени природоохранных задач, и не выдвигаются в число первоочередных. Вместе с тем научные и научно-практические исследования последних лет, проводимые как в рамках мирового сообщества, так и в нашей стране, показывают, что подход, сочетающий сохранение культурного наследия и культурного ландшафта с возможностями традиционного природопользования, является наиболее действенным для сохранения этнокультурного наследия малочисленных народов и этнографических групп.

Литература

- Белич И. В.* Культурные места сибирских татар как историко-этнографический источник // Роль Тобольска в освоении Сибири. — Тобольск, 1987.
- Белич И. В.* Мавзолеи мусульманских святых в районе Искера // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 1997. Вып. 1.
- Богословская Л. С.* Международный парк в Берингии. Комментарий специалиста // Полярник, август 1990, с. 3.
- Болота и люди* // Материалы международного семинара «Болота и археология». — М.: Институт Наследия, 2000.
- Валеев Ф.-Т. А.* Сибирские татары: культура и быт. — Казань, 1993.
- Веденин Ю. А., Шульгин П. М.* Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия АН, сер. геогр., 1992. № 3. С. 90–99.
- Крупник И. И.* Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов в Северной Евразии. — М.: Наука, 1989.
- Лихачёв Д. С.* Земля родная. — М.: 1983.
- Лихачёв Д. С.* Раздумья о России. — СПб: Logos, 1999.
- Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу).* — Екатеринбург, 1999.
- Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации / Ред.: Л. С. Богословская).* — М.: Изд. Государственной Думы, 2000.
- Проект статуса уникальной исторической территории // Сборник материалов I Всесоюзной конференции по сохранению и развитию уникальных исторических территорий.* — М.: Советский фонд культуры, 1990. С. 20–37.
- Салымский край.* — Екатеринбург, 2000.
- Система охраняемых природных территорий в экологической программе Приморского края / Ред.: П. А. Лер, Б. И. Лебедев.* — Владивосток: ДО АН СССР, 1989.

- Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX века. — Томск, 1981.
- Человек и среда его обитания. — Л.: Минкультуры СССР, 1989.
- Шульгин П. М. Культурный фактор в региональной политике // Экология культуры. — М., 2001.
- Шульгин П. М. Концепция культурного ландшафта и практика охраны этнографического наследия (на примере территорий российского Севера) // Мир России, 2007. № 3. С. 147–166.
- Шульгин П. М., Штеле О. Е. Институт культурного и природного наследия // Россия и современный мир, 1998. № 1. С. 154–161.
- Buggey S. An Approach to Aboriginal Culture Landscapes. — Ottawa: Historic Sites and Monuments Board of Canada, Parks Canada, 1999.
- International Park Program. Beringian Heritage. Reconnaissance Study. Denver Service Center, NPS. — Denver, Colorado, 1989.
- Shulgin P. Concepts and Practices in Ethnographic Landscape Preservation: a Russian North Perspective // Northern Ethnographic Landscapes: Perspectives from Circumpolar Nations. — Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 2004.

Часть 3.
Историческая память
Чукотки

Часть 3.

- Воспоминания об Уэлькале
Л. Сальникова (Уэлькаль)
- «Новая Земля»: к истории образования группы
уэлькальских эскимосов
И. Крупник, М. Членов (Вашингтон–Москва)
- «Всю ночь разглядываю скульптуру»:
ритуальные предметы эскимосов о. Ратманова
М. Бронштейн (Москва)
- К истории аборигенных собак Чукотки
Д. Васюков, А. Савинецкий (Москва)

Старшие охотники-наставники в Сирениках, 1984 г.

*Слева направо: Степан Каваквыргин (1930–1987), Николай Асыколян (1927–1989)
и Андрей Кукильгин (1923–1985). Фото Н. Конюхова*

Воспоминания об Уэлькале

Л. Сальникова

Моя родословная

Я, Сальникова Людмила Владимировна (эскимосское имя Аягуткак,) родилась 11 мая 1953 года в селе Уэлькаль Анадырского района Чукотского округа в эскимосской семье.

Мой дед Аяутка Владимир (эскимосское имя Аягуткак,) с женой Амл,юг,гьюк Анной (Амл,юг,гьюк) и сыном Аяутка Николаем (Умрыл,кон) приплыли на вельботе из Старого Чаплино (Ун,азик,) в 1926 или 1928 году, вместе с родственниками и другими лодками эскимосов, в поисках лучшей жизни и более благоприятной охоты на морского зверя (см. статью Крупника и Членова. – *Ред.*)

Вместе с ним приплыли семьи его сестер: старшей сестры Агыси (Агыси) и младшей сестры Анкак (Анк,ак,). Раньше или, возможно, в это же время прибыла семья его брата Айвок Петра (Айвык,ыл,а) с женой Акума Марией. Старшая сестра Агыся приплыла с мужем Ятыки и сыном Ауйе, так как остальные дети умерли в Чаплино.

Они построили земляные домики в восточной стороне мыса. Там 29 мая 1930 года Амл,юг,гьюк родила двойню: мальчика и девочку. Мальчик не выжил, а девочку назвали (Умрын,а) Мара.

Мой дед Аягуткак, был из рода Армарамкыт, а бабушка Амл,юг,гьюк была из рода Лякаг,мит. По рассказам бабушки, Аягуткак, был очень сильным физически, неоднократно вступал в единоборство с белым медведем, побеждал его и всегда возвращался с трофеем. К тому же он был искусным косторезом. Когда они еще жили в Старом Чаплино, он с охотниками ездил в гости к эскимосам на остров Святого Лаврентия (Сивук,ак,). Они там и охотились, и производили обмен товарами. Впоследствии в 1930-х гг. он работал в Анадырской фактории и на собачьей упряжке развозил товары первой необходимости (муку, сахар, чай, крупы и табак) в национальные села: Уэлькаль, Конергино, Нутепельмен и Ванкарем. В 1942 г. его не стало.

Моя бабушка – Анна Амлюк
(Амл,юг,гюк 1910–1969).
Снимок 1960-х гг.
Эта и следующие фотографии
из коллекции Уэлькальского
с/совета и личной коллекции
Л.В. Сальниковой

Моя родная бабушка Амл,юг,гюк была небольшого роста, очень строгая и требовательная. С детства она приучала меня и моих братьев и сестер к труду: ежедневно собирать дрова или плавник на берегу, таскать уголь, летом ходить с ведрами за водой на озеро, а зимой ходить за льдом. В летнее время и осенью я ходила с ней в тундру собирать дикоросы: растения и их корни, а также ягоды. Собирали щавель (*кувыхси*), родиолу розовую или золотой корень (*нунивак*), камнеломку Нельсона (*амл,юк,ирак*), корешки змеевика (*сюк,л,як*), растение с корнем (*пox,-пox,а*) и другие. Некоторые растения варили, другие ели свежими, а некоторые квасили на зиму. Бабушка Амл,юг,гюк была очень трудолюбивой. Во время Великой отечественной войны она работала пекарем в воинской части авиаторов.

Бабушка, как и все эскимосские женщины, занималась обработкой и выделкой шкур лахтака, нерпы и оленя. Затем занималась пошивом национальной одежды и обуви, а также вышивала красивые орнаменты нитками и бисером на мандарке (нерпичья шкура без ворса, отбеленная на морозе, на солнце и на ветру) для украшения эскимосских тапочек, нарядных торбасов. Это мастерство она передала своей дочери Маре, моей матери.

Моя двоюродная бабушка Агыся, сестра деда, жила вместе с нами. У нее было 8 детей: семь умерло, а восьмой – сын Ауые, погиб на войне. Она была очень талантливой рассказчицей разных жизненных историй и сказительницей. Знала множество сказок. Очень многие семьи эскимосов приглашали ее к себе домой специально, чтобы она рассказывала сказки. Кроме этого она рассказывала нам о своей прошлой жизни в Ун,азик,е, о досуге молодежи в Ун,азик,е, о том, как молодые парни и мужчины постоянно развивали физическую силу. Для этого они таскали камни на гору, постоянно увеличивая их вес. Занимались бегом и национальной борьбой. В свободное время или в праздники играли в эскимосский мяч. Мы очень ее любили, когда она вечерами рассказывала нам сказки. Она не изменила своему образу жизни: ходила в нацио-

нальной камлейке и кухлянке, носила торбаса, спала на оленьих шкурах.

Своего двоюродного деда Айвык,ыла я не помню, но его жену – бабушку Акуму, я знаю и помню, так как с детских лет постоянно общалась с ней и ее детьми. Старшего сына Искра не помню, младший сын – Айвок Владимир Петрович (Напак,) 1935 г.р., дочери: Айвок Вера Петровна (Нагуя) 1936 г.р., Айвок Майя Петровна, 1938 г. р.

Бабушка Акума также занималась обработкой и выделкой шкур, пошивом одежды и обуви, пошивом эскимосских тапочек и ковриков. Бабушка Айгуги мне рассказывала, что якобы она была одной из жен Аягуткак,а. В молодости она родила шестерых детей, но они все умерли. Она жила, то в нашей семье, то в семье Акумы. Помогала по хозяйству. Со мной она всегда гуляла, и мы с ней ходили на берег за плавником для растопки печей. Была тихой, незаметной женщиной.

Все эти женщины – мои бабушки – сыграли большую роль в моем воспитании до школьного возраста. Они научили меня любить природу, бережно относиться к ней, брать от нее столько, сколько нужно. Они научили меня разговаривать на эскимосском языке, учили самобытной культуре эскимосского народа, и я им за это очень благодарна.

Мой дядя – Аяутка Николай Владимирович 1926 г.р. юношей во время войны помогал в строительстве аэродрома в с. Уэлькаль, за что был удостоен медали «За доблестный труд в годы Великой отечественной войны 1941—1945 гг.». После войны поступил в Анадырское педагогическое училище, закончил его и получил специальность учителя начальных классов. Прошел повышение квалификации в г. Ленинграде. После работал учителем начальных классов в Уэлькальской школе. Умер в 1953 году.

Двоюродную бабушку Ан,как, младшую сестру деда, и ее мужа (его звали Николай Тайю) помню хорошо. Ее дочь от первого мужа – Вера Алексеевна Никифорова (Агнал,ъквасяк); ее отца звали Ляк,ак,. Она закончила Ленинградский педагогический институт им. Герцена. Работала учителем русского языка и литературы в Уэлькальской школе до пенсии. Вторую дочь – Светлану – помню смутно.

Дети Акумы и Айвык,ыла: дочь Новикова (Нагуя) Вера Петровна, работала кладовщиком в Уэлькальском отделении совхоза «Канчаланский», затем «Возрождение». Занималась национально-прикладным искусством также, как и ее сестра – Айвок Майя Петровна. Сын – Напак Владимир Петрович, был дизелистом.

Праздник Белого медведя в с. Уэлькаль, 1980 или 1981 г. Национальный ансамбль «Имля»

Моя мама – Аяутка Мара Владимировна (Умрын,а) родилась 29 мая 1930 г. Подростком во время войны работала няней детей начальника аэродрома, затем радисткой в ГВФ с. Уэлькаль. Позднее закончила школу колхозных кадров в Анадыре по специальности счетовод. Прошла стажировку по повышению квалификации в г. Петропавловск-Камчатский. После окончания работала счетоводом в Канчаланской тундре, позже стала работать бухгалтером-расчетчиком в Уэлькальском отделении совхоза «Канчаланский», а затем совхоза «Возрождение» до пенсии. Она была участницей эскимосского ансамбля «Имля» со дня его основания в 1957 г. Имела звание «Мастер национально-прикладного искусства». Шила и вышивала эскимосские мячи, перчатки, наголовники, эскимосские тапочки, ковры. Ее изделия находятся в районных музеях в пос. Эгвекино и Провидения. Ветеран труда СССР, многодетная мать. Имеет медаль за работу в тылу «50 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг».

М.В. Аяутка дважды ездила на Аляску в г. Ном: на Совет Старейшин в 1991 г. и с дружеским визитом в 1994 г. В составе группы участников ансамбля «Имля» ездила в г. Йелоунайф в Канаде. Даже находясь на заслуженном отдыхе, она всегда была в гуще событий, происходивших в селе. Постоянно участвовала в концертах ансамбля «Имля», с оптимизмом воспринимала все новое и радовалась успехам детей и внуков. Это говорит о том, что люди ее поколения, несмотря на трудности, с оптимизмом смотрели в будущее. Прожила она 67 лет.

Воспоминания о моем детстве

Помню я себя с трех лет и все время в окружении бабушек: Амлюг,ъюк, Аг,ыси, Айг,уги и Акумы. Видимо потому, что я была первой внучкой в их роду, они уделяли мне много внимания. В то время в Уэлькале уже стояли домики, скорее всего засыпные, которые стали строить после войны. До конца 1960-х годов стояли некоторые из домов, но уже обитые железом из бочек. Во время войны, Уэлькаль был первым пересадочным пунктом для перегона военных самолетов с Аляски на фронт; поэтому вокруг было очень много пустых железных бочек, которые коренные жители использовали для перекрытия своих земляных из дерна или засыпных домиков. В некоторых домиках первая половина дома была застелена моржовыми шкурами. Там одна сторона была покрыта оленьими шкурами для спального места, а на другой стороне стояла буржуйка из бочек, на ней варили еду и кипятили чайник. Во второй половине домика была комнатка с полом, в которой едва помещались две кровати с матрацами, одеялами и подушками и посередине стол.

Такая обстановка была практически в каждом домике эскимосов. На тот момент, это считалось благоустроенным жильем. По крайней мере, я это хорошо помню, так как в 1956 г. находилась с Аг,ысей в домике у Акумы, когда начались роды у ее старшей дочери Веры (Наг,уя). Через некоторое время родилась девочка, которую называли Аленой (Айвык,ыла), первая внучка Акумы. Мы были очень дружны, несмотря на разницу в три года. В некоторых домиках деревянные полы были уже в обеих половинах, и уже ставились каменные печки. Такая обстановка была у нас в домике. Рассказывали, что такие домики стали строить для специалистов. В частности, такой домик был поставлен для моего дяди Аяутка Николая Владимировича, после того как он отучился в Анадыре, а затем в Ленинграде на учителя начальных классов и стал преподавать в Уэлькальской школе.

Дошкольные годы

Итак, я находилась на воспитании у бабушек. Моя родная бабушка Амлюг,ъюк воспитывала меня и впоследствии моих сестер и братьев очень строго, требовала неукоснительного выполнения пору-

ченного дела, бывало и шлепала нас, но в целом была доброй и справедливой. Я ее очень уважала. В основном на ней было домашнее хозяйство: она варила и готовила все необходимое для дома, так как моя мама с отчимом все время была в разъездах по тундре на подсчете оленей. Бабушка также занималась обработкой и выделкой шкур лахтака, нерпы и оленя. Шила торбаса, эскимосские тапочки.

Так как я была старшей в семье, мне практически с 5 лет приходилось таскать дровишки, щепки для растопки печки в домике, а летом для костра около дома. Благо строительство шло вовсю, и недостатка в щепках не было. Когда заходили гости, меня хвалили, и для меня это была высшая похвала. Иногда меня мама возила с собой в оленеводческую бригаду, которая находилась в 70–80 км, в районе Алямуткина в Канчаланской тундре. Помню оленеводческие яранги, пологи меховые, очаг, на котором чумработницы варили мясо и кипятили чай. В 6 лет меня вместе с бабушкой Амлюгъюк, Агысей, Кылык и еще одной женщиной отвезли на 70 км в сторону Анадыря на летнюю рыбалку. Там они ловили белорыбицу и хариуса для отделения совхоза; пойманную рыбу еженедельно (или чаще) вывозили охотники на вельботах.

Очень хорошо помню, как бурые медведи заходили в воду, где стояли наши сетки и вытаскивали рыбу. Вместе со взрослыми я наблюдала через щель в двери домика. В августе мы уехали на вельботах домой. Когда я уже была школьницей, на каникулах я с бабушками постоянно ходила за растениями в тундру. Они учили меня, когда и как собирать дикоросы: кувыхси, амлюк, ирак, нунивак, пох, пок, а и разные коренья. Практически всей семьей мы ходили собирать нунивак, так как его требовалось много для квашения, и мы заготовливали сначала для нашей семьи, а затем для семьи Акумы. Было весело и интересно, иногда мы ходили за дикоросами и на костре варили чай.

Строительство в с. Уэлькаль

С 1956–1957 гг. в селе началось строительство домиков, общей площадью 23-24 кв. м, где была комната, кухонька, холодный коридор и кладовая, а сбоку еще пристраивали угольник. В Уэлькале было построено около 25 таких домиков, в которые переселили

*Ким Ильич
Акилькак
(1916–2004)
с внуками*

основное население, но некоторые еще продолжали жить в домиках старой постройки. Во время строительства домов в селе царила атмосфера радости. Везде были слышны смех и шутки. Молодежь проводила субботники по вывозу строительного мусора на единственной в то время машине, на которой работал водителем Ким Ильич Акилькак. Постоянно были слышны песни военных и послевоенных лет. Была построена дизельная электростанция, на которой работали Умк,ан,а – брат Л.И. Кувыны и Владимир Напак, мой двоюродный дядя. Когда они приходили на обед, то от них пахло то ли бензином, то ли керосином.

Были построены магазин, склад, детский сад, участковая больница, баня, контора, библиотека, клуб был еще старый, обитый железом. Новый клуб появился в 1966 г. В селе стояла школа, которая была построена в середине 1930-х гг., там обучали коренных жителей грамотности. Но она сгорела в конце 1950-х годов. В полутора км от села находились бывшие казармы военных. Их реконструировали под школу и интернат. С 1960 г. в Уэлькаль стали привозить детей из Анадырского района, в основном это были дети оленеводов. В середине 60-х гг. было построено четыре восьмиквартирных дома, в начале 70-х гг. – еще два восьмиквартирных дома. В 1980-е гг. построили шестиквартирный и четырехквартирный дома, а затем два больших двенадцатиквартирных. Тогда в селе проживало 500 человек.

Праздники

Ежегодно в летний период каждый эскимосский род проводил какие-то особые праздники. Мне запомнился семейный праздник «Паната». Собирались все родственники и шли в тундру задабривать духов земли, моря, неба. Все приносили самое вкусное, что подготовили к празднику. Там было отварное мясо (*нык,а*) и мясо сушеное (*ныф-курак*), юкола (*тауаля*) с жиром, галеты, печенье, конфеты и другие сладости. Сначала старейшина праздника (у нас это была Агься) разводила костер и бросала в огонь кусочки всего, что принесено для духов, а затем назывались имена тех родственников, которые покинули этот мир. После этого старейшина вставала и начинала ходить вокруг костра, призывая всех присоединиться. Таким образом, они делали несколько кругов вокруг костра. Затем старейшина останавливалась, брала в руки крыло птицы и с каждого отряхивала все плохое, темное в костер. После завершения она шептала какие-то заклинания и давала разрешение на начало трапезы. После того, как все поели и выпили несколько чайников чая, начинали меняться друг с другом вкусной едой. Иногда к нашему празднику присоединялись эскимосы из другого рода, но это только с разрешения старейшины. Существовали и общие праздники, связанные с началом охоты, с добычей первого моржа и др.

Традиционная пища уэлькальских эскимосов

Жители нашего села в 50–60-х годах прошлого века в основном придерживались традиционного питания. Это было отварное мясо мелких ластоногих (нерпы и лахтака), моржа, мясо и кожа кита (*ман,так*), оленье мясо, разные виды отварной рыбы: горбуши, наваги или трески, которые употреблялись с нерпичьим жиром. Ели замороженную рыбу (строганину) из хариуса и иногда из налима с жиром (*амлюк,ирак*), заготовленным с лета. Употребление мяса сопровождалось добавкой дикоросов, или дикоросы подавали как отдельное блюдо: например, нунивак с жиром нерпичьим или с жиром оленя. Готовилось еще множество разных блюд.

Уже в 1960 годы с отварным моржовым мясом и ластами ели соленые огурцы. Осенью часто ели отварное нерпичье мясо с морскими да-

рами, особенно с асцидиями (морской картошкой и морским огурцом). Часто в рационе использовали морскую капусту (ламинарию) с жиром. Также сушили капусту на зиму, а зимой отваривали в бульоне и ели с мясом морзверя. Осенью во время штормов выбрасывались на берег: крабы, звезды, *иманак* (головоногий моллюск) и другие морские деликатесы. Все это отваривалось.

Трапезе в семейном кругу придавалось большое значение. Хозяйка ставила традиционное деревянное блюдо продольной овальной или квадратной формы (*к,аютак*,) и начинали есть с холодных блюд (строганины из рыбы или из мяса в зимнее время), мантака, затем ели дикоросы, потом подавалось горячее мясо одного вида: моржа, лахтака, нерпы или оленя. Нарезала мясо хозяйка женским эскимосским ножом (*ул,як*,). Желаящим наливали бульон от мяса. Впоследствии (уже в 1960-е гг.) к обеда варился обязательно суп. После еды начиналось чаепитие. Чашки и кружки ставились на низком столике, который назывался по-эскимосски *сяюльг,а*. Со временем в рацион эскимосов вошли блюда русской кухни. Это первые блюда: супы, борщи, щи, рассольники; вторые блюда: жареное мясо оленя, котлеты из оленины, пельмени из оленины, солянка из капусты; различные гарниры: макароны, рис, гречка. Но, по крайней мере, до середины 1970-х гг. в Уэлькале традиционная пища эскимосов присутствовала в рационе каждый день. Сегодня современные эскимосы в своем рационе продолжают употреблять блюда, которые я перечислила выше, но уже не в том объеме, как раньше. В основном преобладают блюда русской кухни, а национальные блюда идут как второстепенные. Но в любом случае, потребность в национальной пище сохраняется.

Обряды эскимосов

В жизни эскимосов существовало множество старых обрядов и ритуалов. Например: если родственник куда-то уезжал или улетал, он обязательно должен был взять два камушка: один для той земли, куда он едет, чтобы на чужбине чувствовать себя как дома и другой для себя, чтобы вернуться обратно домой. Если в доме кто-то заболел, то тут же подметали весь дом и собранный мусор кидали в разожженный костер, или в железной банке поджигали мох с жиром. Затем члены всей семьи по очереди подходили к огню, и бабушка крылом птицы от-

ряживала человека и спереди, и сзади, начиная с головы, всю болезнь в огонь. Я помню это очень хорошо, так как бабушка проделывала это неоднократно. Когда кто-то в селе уходил из жизни, бабушка на ночь всем членам семьи намазывала графитом подошвы ступней и ладони рук, чтобы уберечь от темных сил.

Когда член семьи прилетает или приезжает издалека, проводится целый ритуал благодарения. Также разжигается огонь, вначале делается подношение из привезенных продуктов, затем опять идет очищение всех членов семьи огнем. В трудные минуты, когда нужна помощь, эскимосы обращались за помощью к своим предкам, ушедшим к праотцам, называли имена ушедших родственников. Очень маленький процент эскимосов приняли православие, в основном это молодежь. В течение тысячелетий эскимосы обращались к силам природы о помощи им в той или иной ситуации, так как верили в это.

Об эскимосах-старожилах села Уэлькаль

В начале 1960-х гг., когда я пошла в школу, в селе старожилов-мужчин было очень мало, в основном были старожилы-женщины. Эскимосские женщины носили уже европейскую одежду, но были и такие, которые продолжали носить традиционную летнюю и зимнюю одежду. Обувь была практически у всех национальная: носили и летнюю замшевую, и зимнюю из камусов оленя. В селе работала пошивочная мастерская, в которой женщины занимались обработкой и выделкой шкур лахтака, нерпы и оленьих шкур, а также пошивом одежды и обуви для охотников-морзверобоев и охотников-промысловиков. Так как старая пошивочная мастерская находилась рядом с нашим новым домиком, в который мы перешли в 1959 г., то я часто туда заходила с бабушкой. Мастерицы шили непромокаемые штаны из нерпичьих шкур, непромокаемые торбаса из лахтачьих шкур, зимние – высокие и летние – короткие, меховые носки-чижи и др.

Мужчины занимались обработкой шкур моржа для байдар, изготавливали для охоты пых-пых (поплавок из шкуры нерпы, в который закачивали воздух), резали ремни из сырых лахтачьих шкур для арканов, поставляемых оленеводам в тундру. Охотники уже пользовались вельботами с рульмоторами для охоты на морзверя. В то время в селе было

примерно 4 бригады охотников-зверобоев, в каждой бригаде было по 6–7 человек. Бригадами были опытные охотники: Ателькун Д.И., Кммо М., Тымнелин В., Алексеев Г.К. Каждое лето охотники брали учеников из числа молодежи для обучения охотничьему промыслу. Так как в селе в 1957 г. открыли звероферму для выращивания голубых песцов и черно-бурых лисиц, то охотники добывали морзверя и для зверофермы, и для нужд коренных жителей. Китов добывали мало или совсем не добывали, но позже стали добывать китов на китобойце «Звёздный» и привозить в поселок. В начале 1960-х гг. в с. Уэлькаль было 12 собачьих упряжек, на которых охотники ездили в тундру ловить песцов и развозили подкормку.

Татуировки эскимосских женщин

Эскимосские женщины, прибывшие со своими мужьями и детьми в Уэлькаль в 1920-е гг., имели на лицах и на руках татуировки. Татуировки в основном состояли из мелких и широких полосок; кроме этого на щеках у женщин были различные орнаменты из треугольников, кружков, зигзагов. У каждой женщины был свой неповторимый орнамент или узор. Все мои бабушки: Амлюгъяк, Агыся, Айгути и Акума имели на лицах и на руках татуировки. Также помню татуировки на лицах и руках у Витины (жены Кефкуна), Валвыны (жены Тынатагыны), Иклювныхак (жены Якова Тантикина), Коронаут Екатерины (второй жены Айвакова), Угуты (первой жены Айвакова), Авалик Татьяны (жены Кима Акилькака), Кутхаун Екатерины (жены Николая Кипутка), Анкак (жены Н.М. Таю Нигугъяк (жены Степана Нахсипа), Таю К. (жены Николая Легты) и других. Только Анкана (Анкаан) была без татуировки.

Все эскимосские женщины старшего поколения занимались традиционным ремеслом: обработкой и выделкой шкур, пошивом одежды и обуви. Они были искусными мастерицами. Практически все шили эскимосские тапочки, иногда красивые торбаса

*Елена Витина
(Вытын,а,
1912–1976), жена
Степана Кефкуна*

*Коронаут
Екатерина
(Куран,аун,
1909–1974)*

*Бабушка Угута (1902–1982),
старейшина из уэлькальских
первопоселенцев*

*Авалик Татьяна
(1917–1989), жена
К.И. Акилькака*

*«Ана Катя»
(Екатерина
Кутхаут, 1914–1992)*

из мандарки. Мне помнится, что старые эскимоски были все разные, но очень симпатичные, каждая была яркой личностью. Почти все женщины старшего поколения не употребляли спиртное, не курили, но только жевали табак или махорку. Скорее всего, они научились этому у эскимосов с острова Сиву, как, так как в молодости постоянного ездили к ним в гости еще из Старого Чаплина. По ним было видно, какую тяжелую жизнь они прожили; но они никогда не унывали, всегда улыбались, пели песни и танцевали. Из мужчин-стариков помню Аявъюлика, Николая Легта, Николая Таю (мужа Ан, как,), смутно С. Кевкуна. Говорили, что в период Великой Отечественной войны (в 1943–1944 гг. – *Ред.*) на Чукотку пришел грипп, который унес много жизней. Не обошел этот грипп и мой родной Уэлькаль. Особенно много он унес тогда старших мужчин.

Дети старожил

В это же время в селе уже жили и работали взрослые дети старожил: Кувина (Кувин,а) Любовь Ивановна (дочь Вал,ъвыны и Тымнетагнына), Анана (Анан,а) Павел Иванович (сын Вал,ъвыны и Тымнетагнына), Ателькун (Атыл,кун) Дмитрий Иванович (сын Умканы и Тымнетагнына), Аяутка (Умрын,а) Мара Владимировна (дочь Амлюг,ъюк и Аягуткак,), Рынана (Рын,ан,а) Анна Яковлевна, дочь Ик,лювнихак, и Тантикина), Кутына (Кутын,а) Нина Яковлевна (дочь Ик,лювнихак, и Тантикина Якова), Кипутка Римма Николаевна

Анна Яковлевна Рыбана (Рын,ан,а, 1924–1992), одна из старейших участниц ансамбля Имля

Таисия Гухувье (Гухувье, 1939–1982)

Какля Николай Митакович (1921–1971) с женой

(Рул,ътын,а) и Анана (Мыкын,а) Любовь Николаевна (дочери Кутхаун Е. и К,ипутк,ак, Н.), Айвок (Нагуя) Вера Петровна и Айвок Майя Петровна (дочери Акумы и Айвык,ыля), Напак (Напак,) Владимир Петрович (сын Акумы и Айвык,ыл,а), Рахтына (Раг,тын,а) Зинаида Александровна (дочь Куран,аун, и Агуанак,а), Тагильги (Таг,илг,и) Валентина Александровна и Гухувье (Гухувье) Таисия Александровна, дочери Куран,аун, Е. и Кельк А.), Пиляна (Пилян,а) Лидия Александровна (отец Амухак), Апкан (Тыг,ика) Валентина Михайловна (отец Апкан М.), Алексеева (Апая) Галина Николаевна, Канаева (Нын,лю) Идия Николаевна, Айвакова (Ак,ак,) Галина Дмитриевна (дочь Коронаут Е. и Айвыхпак), Матвеевко Валентина Дмитриевна (дочь Угуты и Айвыхпак), Схак (Схак,) Людмила, Какля Николай Митакович, Кммо (Тукун,а) Марта Михайловна (дочь Кммо), Умилик Яков, Тагрин (Таг,рын) Михаил Николаевич и другие. Большинство этих людей родились уже в Уэлькале в 1920-е и 1930-е гг. или приехали совсем маленькими детьми (см. статью Крупника и Членова. – *Ред.*) Это было уже следующее поколение уэлькальцев, которые выросли и строили свою жизнь в советское время.

Скажу в заключение, что все сохранившиеся в моей памяти старожилы Уэлькаля и их дети отличались доброжелательностью, скромностью, честным и уважительным отношением друг к другу, милосердием и добротой. Относились к родителям с огромным уважением, а также к престарелым жителям, не имеющим сыновей. Всегда в первую очередь относили им мясо добытого морзверя. Брали на воспитание сирот, не имеющих родителей, и воспитывали как своих детей. Этот народ – смелый, отважный и мужественный. Я горжусь, что являюсь представителем такого народа.

«Новая Земля»: к истории образования группы уэлькальских эскимосов

И. Крупник, М. Членов

Введение

Настоящая статья является продолжением ранее опубликованной работы под названием «Новая Земля. История последней миграции азиатских эскимосов, 1920–1935 гг.» (Членов, Крупник, 2012). В той первой статье мы рассказали об основных причинах переселения эскимосов из Унгазика (Старого Чаплина) и других поселков юго-восточной Чукотки в район залива Креста, а также осветили главные хронологические этапы этого процесса. Но историю образования группы уэлькальских эскимосов в 1920-е гг. можно рассказать гораздо подробнее: на уровне отдельных семей и даже конкретных людей, живших в то время. Многие детали описываемых здесь событий 90-летней давности уже стерлись из памяти современных уэлькальцев, особенно людей среднего и молодого поколений.

К счастью, мы можем восстановить историю становления уэлькальской эскимосской общины по материалам, которые мы собрали в 1970-е гг., когда еще были живы старейшины, сами приехавшие в Уэлькаль подростками или детьми (см. статью Л. Сальниковой). В 1976 г. М.А. Членов и Ю.М. Родный записали в Уэлькале рассказы о переселениях 1920-х гг. от Кима Ильича Акилькака (*Ак,ылк,ак*,* 1916–2004), Дмитрия Ивановича Ателькуна (*Атылькун*, 1919–1984), Екатерины Кутхаун (*К,утгашын*, 1914–1992), Николая Лейта (*Легта*, 1910–1976), Веры Алексеевны Никифоровой (*Аг,налък,уасяк*, 1928–1983), Зинаиды Алек-

* В тексте используются две системы написания эскимосских имен, терминов и географических названий: одна – русская, по принятой орфографии русских административных и личных документов и географических карт; другая – эскимосская, в соответствии с орфографией языка азиатских эскимосов-юпик. Последняя использует специальные знаки г, к, х, ль и др. для обозначения увулярных и глухих согласных, не имеющих аналогов в русском языке. Для удобства различения, эскимосские имена и термины при первом упоминании обозначены курсивом. В некоторых случаях, при цитировании рассказов эскимосских информантов, мы воспроизводим формы имен, употребляемые рассказчиками.

сандровны Рагтыны (*Раг, тын, а*, 1928–1985), Анны Яковлевны Рынаны (*Рын, ан, а*, 1924–1995?), Владимира Тымнелина (1924–?), Кммо (1912–?) и других. В 1975–1977 гг. И.И. Крупник записал истории о прежней жизни эскимосов в районе залива Креста от жителей поселков Новое Чаплино и Сиреники Василия Ивановича Нанок (*Нанук*, 1925–1995), Петра Напауна (*Напагун*, 1912–1983), Аринаун (*Арин, авын*, 1900–1985), Кыльпа (*Кыльпа*, 1913–1989), Веры Укыгагаут (*Укигаг, ун*, 1934–1988) и других (Крупник, 2000, с. 241–249). К сожалению, никого из них уже нет в живых (см. Посвящение).

В ходе наших работ на Чукотке в 1970–1980-е гг. мы смогли дополнить рассказы старейшин, составив подробные родословные схемы, которые уходят в прошлое до 1870-х гг. Мы собирали материалы в архивах ЗАГС, где отмечены годы рождения и смерти многих уэлькальских первопоселенцев; использовали старые похозяйственные книги поселков, записи районных учетов населения, а также другие ранние источники. Мы надеемся, что эта «восстановленная» история о событиях 90-летней давности поможет современным уэлькальцам лучше помнить своих предков и оценить героизм тех, кто, погрузив свои семьи и имущество в вельботы и байдары, отправился в дальний морской путь, чтобы найти себе «новую землю» на берегах залива Креста.

Социальные ячейки переселения:

лодка, линидж, клан и племя

Переселение в Уэлькаль в 1920-е гг. не было стихийным процессом или бегством, а происходило в соответствии с правилами и организацией тогдашнего общества азиатских эскимосов-юпик. В первой статье (Членов, Крупник, 2012) мы описали стимулы, которые толкнули некоторые семьи эскимосов к переселению в район залива Креста и города Анадыря. Чтобы понять, как в действительности происходило переселение, мы должны кратко объяснить, как было устроено эскимосское общество в те годы. Для этого нам понадобятся как минимум четыре термина: «лодка», «линидж», «клан» и «племя».

Лодкой мы будем называть судно, в котором осуществлялось переселение (все известные нам переезды в Уэлькаль были морскими).

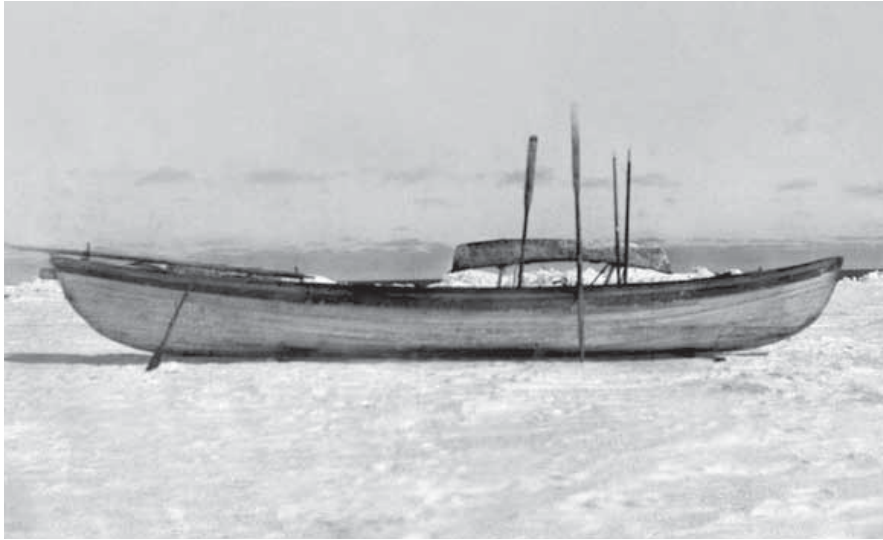
У эскимосов в те годы было несколько типов лодок; но для дальних переездов использовались три: деревянный американский вельбот (эск. – *ан,ьяг,ваак*), кожаная промысловая байдара (*ан,ьяк*), обычно на 6–8 охотников, и большая транспортная байдара (*аюк,лих,так*) для торговых путешествий. Все они двигались под парусом и веслами; в штиль лодки тащили по берегу собаки и даже люди. Быстрый переход от Унгазика (мыса Чаплина) до Анадыря обычно занимал 4-5 недель; но переселенцы двигались в лодках вместе с семьями, всем своим имуществом, включая шесты и покрышки для разборных жилищ (яранг), собаками, нартами и даже съестными припасами. Время в пути (с необходимыми остановками) для таких перегруженных лодок могло составлять полтора-два месяца.

Все лодки у эскимосов в прошлом назывались и перечислялись нашими рассказчиками по именам их «хозяев» (лодка *Силги*, лодка *К,уваарына* и др.). Обычно это был старший по возрасту мужчина в команде, который управлял лодкой и считался ее владельцем (или унаследовал это право от своего отца). «Хозяин» или капитан лодки был признанным лидером группы переселенцев.

Разные типы лодок имели свои преимущества и недостатки при переселении – разную грузоподъемность, скорость движения, маневренность и т.п. Для нас сейчас важно, что для управления нагруженным вельботом и большой торговой байдарой требовалось не менее 6-8 взрослых мужчин и юношей (желательно больше), и такие лодки обычно перевозили группы по 15-18 человек и более. Для управления про-

Спуск охотничьего вельбота на воду в Унгазике (Чаплино), весна 1929 г. Как видно, эта операция требует усилий как минимум 8 чел. Фото А.Г. Форштейна. Фонд МАЭ, И-115-136

Американский
деревянный вельбот;
на заднем плане –
кожаная промысловая
байдара-ан,ьяк, на
«сушилах» на берегу
в Унгазике (Чаплино).
Эти типы лодок
были главными
транспортными
средствами для
переселения в
Уэлькаль. Фото
А.Г. Форштейна,
весна 1929 г.
Фонд МАЭ, И-115-64

Эскимосские
охотничьи
байдары на берегу
в Сирениках. Фото
С.А. Богословского,
лето 1980 г.

Науканские эскимосы
прибыли в Ном для
торговли на большой
транспортной
байдаре с командой
из 15 (?) чел. Фото с
почтовой открытки
начала XX в.,
личная коллекция
С. Лоринга,
Смитсоновский
Институт

мысловой байдарой-*ан,ьяк*, было достаточно 3-4 мужчин и столько же женщин, которые тоже служили гребцами. Значит, промысловая байдара могла перевезти меньшую по размеру группу: от 8 до 12 человек. Поскольку мы не всегда знаем точно, на чем приезжали отдельные группы переселенцев, мы будем исходить из этих цифр при оценке численности каждой группы.

Еще одним важным фактором было обеспечение безопасности дальних морских путешествий. Даже двигаясь вдоль берега, переселенцы сталкивались с трудностями при сильном ветре, волнении, посадке и высадке на незнакомый берег. На пути в полтора-два месяца необходимо было постоянно добывать свежую пищу. Все это было проще делать, если одновременно шли *две* лодки с двумя командами. Такое партнерство было особенно важно при пересечении залива Креста шириной около 50 км, что было серьезным плаванием даже для опытных мореходов. Поэтому большинство переселений осуществлялось на *двух* лодках, или переселенцы присоединялись к своим землякам, ехавшим в том же направлении для сезонной торговли с чукчами в районе устья Анадыря (и осенью возвращавшимся в родные поселки).

Линидж (от английского слова lineage, по-русски обычно переводится как «ветвь» или «большая семья») – это группа родственников, объединенных вокруг старшего мужчины или нескольких мужчин-братьев или, чаще, потомки уже умершего старика, которые хорошо помнят о своем родстве и поддерживают друг друга. У азиатских эскимосов в прошлом основные родственные связи шли по мужской линии; следовательно, линиджи, как правило, определялись по числу входивших в них мужчин. В эскимосском языке нет слова для обозначения линиджа и часто для описания такой группы используется имя мужчины-предка с собирательным суффиксом *-кут*. Например: *Силган-кут* (потомки и родственники Сильги), *Кувын,ан-кут* (потомки умершего старика *Кувын,а*) и др.

Важно, что линиджи были (и бывают) «сильными», то есть многочисленными, с большим количеством входящих в них семей и взрослых мужчин, и «слабыми», то есть малочисленными. «Сильный» линидж может легко составить (обеспечить) команду байдары или вельбота и, соответственно, группу переселенцев в 15–20 человек. «Слабый» линидж включает мало мужчин и потому его члены были вынуждены

объединяться с другими группами или одиночными семьями для переселения. Малочисленные линиджи обычно переселялись на лодках-*ан,ьяк*, поскольку им не хватало взрослых мужчин, чтобы вытащить на берег тяжело нагруженный вельбот или торговую байдару.

Клан (от английского слова *clan*; по-русски обычно переводится словом «род», что не совсем то же) – это большое объединение людей, которые ощущают себя родственниками, но часто не могут проследить свои реальные родственные связи. Клановые имели собственные названия и часто возводили свою историю к старым, заброшенным поселкам или определенным участкам своего исторического расселения в материнском поселке, откуда начиналась миграция. В переселениях в район залива Креста приняли участие представители *четырёх* кланов: *армарамкыт*, *сяниг,мыльн,ут*, *лякаг,мит* и *сиг,унпаг,ыт* из поселка Ун,азик, (Старое Чаплино), и отдельные лица, принадлежавшие к клану *нын,лювагыт*. При этом клан *армарамкыт* уехал почти целиком; большинство членов остальных кланов остались жить в районе Старого Чаплина, а некоторые чаплинские кланы вообще не участвовали в уэлькальской миграции. В первой статье мы высказали некоторые предположения, почему так произошло (Членов, Крупник, 2012, с. 72–75); но точно объяснить причину мы уже не можем.

Племя – в XIX и начале XX века азиатские эскимосы-юпик разделялись на несколько племен со своими племенными территориями (см.: Арутюнов и др., 1982; Членов, 1973; Крупник, Членов, 1979; Членов, Крупник, 1983; Krupnik, Chlenov, 2013). Для нашей темы важно, что в переселениях в Уэлькаль и район устья р. Анадырь участвовали представители трех азиатско-эскимосских племен: *ун,азиг,мит* (по-русски «чаплинцы»), *аватмит* (по-русски «аванцы») и *сиг,иныг,мит* (по-русски «сирениковцы»). Для истории заселения Уэлькаля и побережья залива Креста главными были три фактора: что большинство переселенцев составляли чаплинцы; что аванцы и сирениковцы переселялись на своих лодках и селились своими стойбищами; и что их потомки (за исключением немногих, вступивших в брак с чаплинцами) не присоединились к жителям Уэлькаля, а переехали жить в Анадырь или вернулись в свои исторические поселки в районе бухты Провидения. В современном населении Уэлькаля никого из потомков этих людей нет.

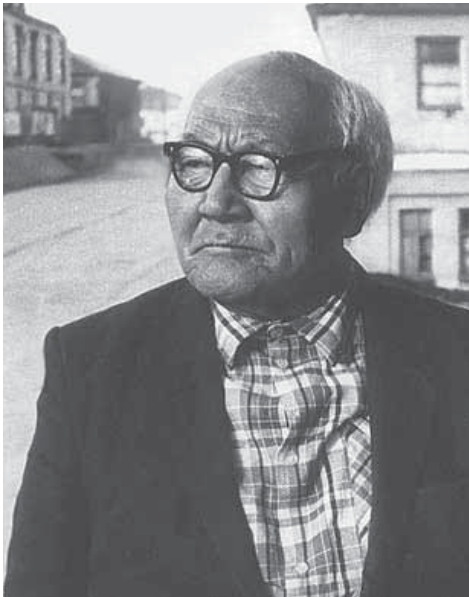
Первые «лодки»

Строго говоря, первые переселения в район залива Креста осуществили не эскимосы, а так называемые *тасигмит*, то есть говорившие по-чукотски жители поселка *Тасик*, (Чечен) на входе в бухту Ткачен. Произошло это, по всей вероятности, около 1910–1915 гг. (Крупник 2000, с. 248–249; Крупник, Chlenov, 2013):

«Старые ткаченские» (тасигмит) – это отдельные люди. Они охотники морские, настоящие береговые. Их место по-русски Чечен называли. Там раньше был большой поселок. Оттуда много людей ушли в Конергино, в залив Креста; но это, наверное, еще до меня было. Знаю, был там такой Рытаграут, его жена Сивун,а – чаплинская, лякаг,ми. Они в Конергино ушли. Еще брат у него был Апин,wa, у него сын Wари – тоже ушли в Конергино. ...Кувай еще был человек, ушел в Меечкын, там жил. От них почти никого не осталось. Только в Сирениках есть Тивлянкау Яков – он из них. Вернулся в наши места уже после войны. Наверное, единственный.»

*И.И. Ашкамакин (1911–1991),
запись 1981 г. (Крупник, 2000, с. 248–249)*

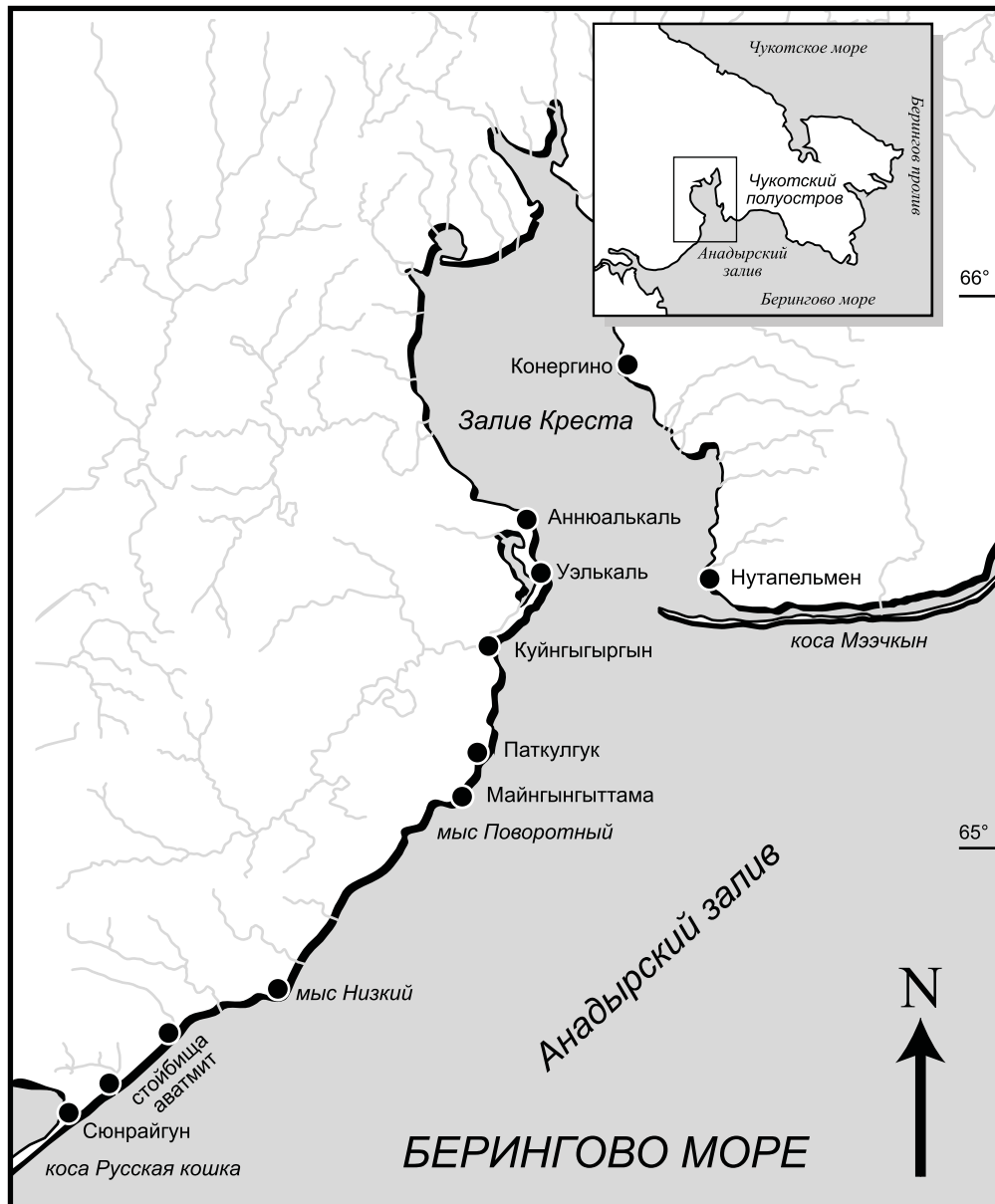
Можно предположить, что какая-то часть этих ранних переселенцев к 1920 г. оказалась среди жителей поселка Аннюалькаль или «второй Уэлькаль» (33 чел. по переписи 1926 г. – см. ниже) и вскоре присоединилась к эскимосским жителям Уэлькаля после закрытия их поселка в 1930-е гг.

И.И. Ашкамакин (Ашкамакын, 1911–1991). Фото В.И. Мостяева. Музей Берингийского наследия, Провиденция

Первыми собственно эскимосскими поселенцами на побережье между нынешним Уэлькалем и устьем Анадыря стала небольшая группа выходцев из поселка Напак,утак, к северу от Старого Чаплина, происходивших из клана сигунпагыт (Членов, Крупник, 2012, с. 78). Большинство из них были братья и сестры-подростки: Акатагин (*Ак,атагын*, ок. 1900–1940), Анашкана (*Анашкан,а*, ок. 1900–ок.1935), Паюка (*Паюк,а*, 1905–1946), Тайю (1911–1975), впоследствии

жена Николая Лейта – см. ниже), осиротевшие после смерти их отца Атыгьяки около 1915 г. Они взяли с собой свою мать по имени Кагыра (*Кагира*). К этой группе присоединился их двоюродный брат, Кыляк (*Кыляк*, 1889–1965), уже взрослый женатый мужчина. Вместе с Кыляком, его женой и, возможно, одним-двумя маленькими детьми эта группа с трудом могла составить команду промысловой байдары из одного мужчины, двух взрослых женщин, двух юношей и нескольких подрост-

Карта эскимосских и чукотских поселений и стойбищ в районе залива Креста и Анадырского лимана в 1920–1940-х гг. Составлена А. Яшиным

ков. Неудивительно, что они должны были объединиться с какими-то другими семьями. Вспоминают, что около 1919 г. они жили на мысе Гека, в месте, которое по-чукотски называлось Кансинрайгу (оконечность южной косы, отделяющей Анадырский лиман от Анадырского залива (Карта на с. 403). Вскоре к ним действительно присоединилась такая же небольшая группа эскимосов-сиг,ыныг,мит из Имтука – семьи братьев Тышки (*Тышки*, ок. 1880 – ок. 1940) и Ваката (*Вак,ата*, ок. 1885–1950). Они двинулись в путь примерно в те же годы независимо от чаплинцев. Эта объединенная группа быстро распалась: сирениковцы двинулись дальше, ближе к русскому поселку Угольные Копи, а Кыляк, Акатагин и Анашкана перебрались на северную косу Анадырского лимана, которая называется по-русски «Русская Кошка» (по-чукотски Сюнрайгун).

«Тышк,и и Вак,ата были сянликские (санлыг,мит – сирениковские – *Авт.*), я их видела еще в Имтуке. Говорили они по-сянлыкски. ...Тышк,и и Вак,ата уехали из Имтука, когда я еще жила там; поехали в Анадырь, зачем поехали – не знаю.

Жили они сначала подальше от Анадыря, сюда [к Уэлькалю] поближе. Как называлось их место, я не знаю. ...Жили они от всех отдельно, чукчей и эскимосов с ними других не было, не помню. Дочь

Кутхаун (К,утгавын, Екатерина Кутхаун, «Ана Катя», 1914–1992). Снимок 1960-х гг. из коллекции Уэлькальского с/совета

Тышк,и Тыма потом вышла замуж за Анашкан,а. Он сиг,унпак, — ун,азиг,ми, там они и поженились. Там дальше за Майн,ын,ытама жили еще эскимосы, семья Акатагына, Анашкан,а — старший брат его. Они из Чаплина приехали раньше, наверное, чем чаплинские в Уэлькаль. Тыма так и жила с Анашкан,а в другом месте поблизости, чуть дальше (мыса) Поворотного. Там она и умерла. Весь тот берег был чисто эскимосский, чукчей там совсем не было.

Моя старшая сестра Арин,тун,авын была замужем за Акатагыным, братом Анашкан,а. Они там вместе жили».

Екатерина Кутхаун, 1914–1992, Уэлькаль. Запись М.А. Членова, 1976

«Килик (Кылъяк,) чаплинский был, они в Чаплине жили с двоюродным братом. Переехали потом туда за Анадырь, в Майнопильгино. Там жили, а они чаплинские, чисто чаплинские. Там жили, а потом остались на Русской Кошке, от Анадыря недалеко. Там они хорошо жили. По-эскимосски это место называется Налъпа, не знаю, по какому это. Не назывались они налъпаг,мит. Они только двое с братом там жили. Килик и двоюродный брат его Акатагин. Акатагина сестра, родственница, Таю, жена Лейты была, умерла здесь. А потом, когда все умерли там, совхоз их сюда на вельботе перевез. Килик переехал. Он стал хозяином там, остался один и переехал. Он был не уныхкуми, а сигунпак. Килик был отцом Деминой – Тагилги; потом еще дочь, Колузатова (Таисия Гухугье), тоже от Килика. Тоже считается сигунпак. Они родились уже здесь (в Уэлькале). Еще был Апкан (Михаил Апкан, 1920–1946), сын Килика. Мать его кто, не скажу. Она там умерла (на Русской Кошке) и Апкан там родился. Еще была Паюк,а.»

*Дмитрий Атилькун, 1919–1984, Уэлькаль,
запись М.А. Членова, 1976*

Через несколько лет, очевидно, около 1922–24 гг. к небольшому стойбищу *сигунпаг,ыт* на Русской Кошке присоединились четыре эскимосские семьи из Авана – братья Сирысук (*Сыгыск,ук*, ок. 1895 – ок. 1940) и Анкана (*Ан,к,ан,а*, ок. 1890–1950), их двоюродный брат Натагми (*Натыг,ми*, ок. 1890–1940) и зять Тукуся (*Тукуся* – ок. 1900–1948), выходец из Напакутака. Это была сплоченная группа (18–20 чел.), включавшая четверых мужчин-охотников, их жен, старуху Тулихак (*Тулих,ак*), мать Анканы и Сирыскука, и не менее 8–10 детей, мальчиков и девочек (Камугак, Макуник, Нанывгак, Сухсукак и др.). Переселенцы составляли часть мощного линиджа племени аватмит, большинство членов которого остались жить в Аване. После смерти старших членов семьи в 1930–1940-е гг., молодое поколение ават-

*Аринаун (Арин,авын, 1900–1985).
Фото И.И. Крупника,
сентябрь 1977 г.,
с. Новое Чаплино*

мит в основном вернулось на родину в бухту Провидения. Некоторые дети и подростки оказались в Анадыре.

«Когда я только замуж вышла, еще молодой была, мы всей семьей поехали в Анадырь (около 1922 года). Четыре семьи наши из Авана поехали: Ан,к,ан,а с женой и детьми; Сиг,ыск,ук, – его брат с семьей; мы с мужем Тук,уся – у нас детей еще не было; и Натаг,ми с женой. Вельбот у Ан,к,ан,ы был; на этом вельботе все поехали. Место это по-нашему называлось Сюнрайгун – это коса большая около реки Анадыря [Русская Кошка]. Когда туда приехали, там одна яранга стояла – Ак,атагин жил чаплинский с семьей. Вместе стали жить: четыре яранги у нас было. Через год или два мы с мужем вернулись назад в Аван. А Ан,к,ан,а, Сиг,ыскук, и Натаг,ми там остались. Там эти старики и умерли, я их потом больше не видела. А дети некоторые молодые вернулись в Урелики уже во время войны».

*Аринаун, 1900–1985,
запись 1977, Новое Чаплино (Крупник, 2000. С. 241)*

Образование Уэлькаля

«Лодка Алекана»

Основание постоянного поселения на месте современного поселка Уэлькаль можно датировать 1923 или 1924 г., когда сюда прибыла лодка (вельбот?), которой управляли два брата из чаплинского клана сяниг,мыльн,ут – Алекан (Алик,ан, ок. 1870—1935) и Агвалик (Аг,уалик,, ок.1875–1935). Они прибыли большой группой из 4–5 семей (не менее 18–20 человек), очевидно прямо из Унгазика (Старого Чаплина):

«Наш род здесь главный был в поселке, мы первые приехали. Наш дед и его брат. Дедушку по линии папы звали Агвалик, бабушку – Асюка. У него был еще старший брат Атата, у него было еще другое имя (Алик,ан. – Авт.) Жена его была Ымынга, тоже из Чаплина приехала. Они жили в самом Унгазике; Ымынга была дочь богача Куварына. Ее родная сестра Анана (1899–1947) была вторая жена моего отца.

Атата хотел, видимо, поселиться первым, но у него (своих) детей не было. А у моего деда, его брата было много детей. В то время они были уже совсем взрослые, уже дети большие были. Вот наш отец

(Лякак/Ляк,а,к, другое имя Тукун,а) и его сестра (Ан,айя) уже женатые были. Они были первыми людьми, которые поселились здесь».

*Вера Алексеевна Никифорова, 1928–1983, Уэлькаль,
запись М.А. Членова, 1976*

Эта группа первопоселенцев Уэлькаля насчитывала пять взрослых мужчин: Алекан, Агвалик, его взрослый сын Лякак (с женами *Анан,а* и *Анк,ак*, и несколькими маленькими детьми, включая дочь *Муми*, Галина Муми, 1925–?), другой взрослый сын Мыкыли (*Мык,ыли*, 1905–1959) с женой Итинаун (1908–1943), тоже из чаплинского клана сяниг,мыльн,ут; зять Айналькун (*Айн,алькун*, 1896–1947) из чаплинского клана нын,лювагыт, женатый на Анае (*Ан,айя*), дочери Агвалика (с двумя своими детьми – Кммо и Авалик, будущей женой К.И. Акилькака), и еще трех-четырёх детей, включая мальчика-подростка *К,ипуткак*, (Николай Кипутка, 1913–1959). Всего зимой 1924 г. их насчитывалось 23 чел., из них 9 детей (Материалы по статистике..., 1925, с. 33). Члены линиджа Алекана-Агвалика стали важной социальной группой в составе будущего поселения Уэлькаль.

«Лодка Атаина»

Одновременно с лодкой Алекана-Агвалика (или на год позже?) в Уэлькаль прибыла другая лодка из чаплинского клана армарамкыт, но не из Унгазика (Чаплина), а из расположенного к северу поселка Тыфляк. Это была, напротив, небольшая группа, практически «веточка» мощного линиджа клана армарамкыт, который к тому времени поселился в Имтуке. Помимо собственно семьи Атаина (*Атагын*, ок. 1895–1950, его жена Ныхкун, дочь *Кук,ы*, Елизавета Кукки, 1911–1950, и, возможно, еще какие-то малолетние дети), в нее входили младший брат Атаина, Кута (?–?) с женой Нутанаун (*Нутан,аун*, ок. 1895–1943), взрослыми дочерьми Утхуткак и Ангыси (*Ан,иси*). Очевидно, что эта маленькая группа не могла управлять вельботом и использовала охотничью байдару.

Группа Атаина не осталась в Уэлькале, а создала свое маленькое стойбище на мысу Поворотном (по-чукотски Мейнгынгыттама), примерно в 50 км к югу от Уэлькаля.

По другим рассказам, существовала еще одна «лодка» клана армарамкыт, которая либо следовала вместе с «лодкой Атаина», либо присоединилась к его группе на мысу Поворотном (Мейнгынгыттама) через год или два. Она состояла из шести братьев, юношей и подростков,

детей человека по имени Атата (не путать с Ататой-Алеканом из клана сяниг,мыльн,ут). Участвовал ли сам Атата в переселении или умер еще в Чаплине – неясно. Скорее, его дети после смерти отца решили присоединиться к своим сородичам-армарамкыт в поисках счастья на новой родине. В эту группу входили молодые мужчины: *Игун,ыльн,ук* (ок. 1900 – ок. 1935), *Сюгрулык*, (Сутролюк, 1905 – ок. 1930), *К,ифк,ун* (Степан Кефкун, 1907–1960) и подростки *Тымк,ыльк,ун* (1909–1943), *Папалъюк* (1911 – ок. 1935) и *Укихтыкак*, (1913 – ок. 1935). К 1924–25 гг. только два старших брата могли быть уже женаты; поэтому, скорее всего, они должны были искать партнерства с другими семьями для успешного морского промысла.

«Атаин стоял на Мейнгынгыттама. Айвок тоже жил там, а Кефкун жил вместе с Атаиным. Там стояли 4 яранги: Атаин, Айвок, Илгугин (?) и Илгугынгук».

*Владимир Тымнелин, 1924–?, Уэлькаль,
запись М.А. Членова, 1976*

«Лодка Силги»

Летом 1925 г. в Уэлькаль на двух вельботах прибыла еще одна волна переселенцев из Унгазика: Силга (*Силга*, ок. 1870–1940) из клана армарамкыт и Ухкахтак (*Ух,к,аг,так*, по прозвищу Санбраун, по-английски «загорелый», ок. 1870–1943), на чьей сестре был женат Силга. Прибыв в Уэлькаль, Силга и Санбраун отдали нескольких из прибывших с ними молодых женщин в жены жителям стойбища Алекана, но не стали присоединяться к ним, а основали собственные стоянки далее на юг по побережью. Санбраун поселился в местности Куйнгыгыргын, или по-эскимосски Куйнгык, т. е. «домашний олень»; Силга же двинулся еще дальше, в местность Рыпатынгу (по-эскимосски Паткулгук), в 10 км не доезжая стойбища его родственников-армарамкыт во главе с Атаиным на м. Поворотном. С ними он стал кооперироваться на период летней охоты.

Эти две группы сильно различались по своей структуре и численности.

«Лодка Силги» состояла из членов его семьи – жены Аран (1898–1943), взрослого сына Тантикина (Яков Тантикин, ок. 1900–1947), его жены *Ик,люгныхак* (Иклювинихак Мария, 1902–1969) и малолетних детей *К,акля* (Николай Какля, 1921–1971), *К,утын,а* (Нина Кутына,

1922–?) и *Рын,ан,а* (Анна Рынана, 1924–1995), и еще двух детей Силги: *Вак,ан* (Вакан, 1910–1939) и *Сигак* (Людмила Схак, 1916–1970). Непонятно, как такая маленькая группа из двух взрослых мужчин, одного подростка и двух женщин могла управлять тяжелым вельботом. Возможно, в нее входили еще какие-то люди или же часть людей из «лодки Санбрауна» путешествовали вместе с ними.

«Моего отца звали Тантикин Яков; он был уныхкуми (другое название клана армарамкыт), мать – Иклювныхак, сянегми. Они приехали вместе с дедом, отцом отца; его звали Силга, а его жену Аран, оба уныхкумит. Дедушка и бабушка и с ними мой отец приехали сюда и жили здесь недалеко, в месте которое называется Паткульгук. Название, наверное, чукотское, но я не знаю. Там на этом месте Паткульгук жили только они одни, стояла там их землянка, которую они себе построили. Они первые сюда переехали, потом родственников звали друг за другом. Родственник поедет, потом другие за ним приезжают... Сугролюк, Кефкун и их старший брат Игунгылнгук (тоже) здесь жили. Еще сюда из наших родственников приехал Атаин, он был нам аталгун (двоюродный брат).»

*Анна Яковлевна Рынана, 1924–1995, Уэлькаль,
запись М.А. Членова, 1976*

«Я понимаю так, что они приехали вместе: Силга, Айвыхпак и Атаин. И Тантикин вместе с ними. Они, видимо, в одном вельботе приехали. Они сначала приехали сюда, потом в Майнгынгыттама переехали. Когда мы переехали, они здесь еще жили. Потом поехали туда. У них там был отдельный колхоз маленький, товарищество».

*Дмитрий Атилькун, 1919–1984, Уэлькаль,
запись М.А. Членова, 1976*

Если верить последнему сообщению, в вельботе у Силги могло быть еще двое молодых мужчин из другого линиджа клана *армарамкыт* – братья Аяк (*Аяк,а*, ок. 1900 – ок. 1935) и Айвыхпак (*Айвых,пак*, Дмитрий Айваков, 1901–1942). Их отец Напак (*Напаак*, ок. 1880 – ок. 1920) умер еще в Унгазике, и братья вместе с матерью-вдовой *Маюг,ак*, могли присоединиться к команде Силги, увеличив ее численность до 16–18 чел. Старший брат Аяк был женат на Елене Коронаут (*К,урун,ашын*, 1909–1974), которая после его смерти стала второй женой его младшего брата Айвыхпака–Айвакова. У Айвакова к этому времени уже была своя жена Угута (*Угута*, 1902–1983), которую привезли из Имтука.

Так или иначе, совместное плавание лодок Силги и Санбрауна (возможно также детей Ататы) было вызвано, помимо их родственных связей, прямой необходимостью объединить силы малочисленных родственных групп и линиджей для длительного плавания и заселения новой территории.

«Лодка Санбрауна»

Укхахтак-Санбраун, капитан и лидер своей группы, был в то время человеком средних лет (1870–1943) и происходил из клана сяниг,мыльн,ут, «хозяев» Унгазика (Старого Чаплина). Помнившие его люди характеризуют Санбрауна как человека делового, энергичного и корыстолюбивого. Санбраун происходил из маленького линиджа, сам был бездетен, хотя имел трех жен, из-за чего не мог опираться на своих взрослых детей или свойственников. Поэтому он окружил себя большим количеством приемных детей, в большинстве – девочек, которых воспитывал и выдавал замуж за мужчин из слабых семей или сирот, превращая их в своих помощников и клиентов. В «команду Санбрауна», помимо его трех жен: Тивлятваль (другое имя *Ифкаг,ут*, ок. 1890), *Нутан,аут* и *Панык,у*, входили его приемная дочь Тинуна (*Тин,ун,а*, 1909–1952) с мужем *Тин,утагын* (Пётр Тинутагин, 1902–?), их малолетний сын Нутанли (*Нутанли*), юноша Кававтагин (*Кававтагын*), подросток *Кыпруска* (Владимир Капроська, 1912–?) и его мать (?), жившая вместе с семьей Санбрауна, две девушки, Арентунаун (*Арин,тун,авын*, 1911–1945) и *К,утгавын* (Кутхаут Екатерина, 1914–1992), тоже из клана сяниг,мыльн,ут, которых Санбраун присоединил к своей группе по дороге в Имтуке, и еще некоторое количество мальчиков, девочек и женщин, которых он воспитывал в своем стойбище. По нашим подсчетам, в группе Санбрауна было не менее 15–18 человек (20 чел. по переписи 1926 г.), но только трое взрослых мужчин.

«Санбраун жил в Тыфлыке, у него и там, и в Чаплино дом был. У него двое жен было. Одну звали Нутангаут, вторую – Панык,у. Дочка Панык,у была жена Тингутагина. Женился Тингутагин на Панык,у дочке. Она Санбрауну неродная была. У него (Тингутагина. – *Авт.*) дочка здесь Исяен. У Санбрауна родных детей вообще нету. У него только приемные. Вот эта Панык,у дочка, потом Яграку, Ким Ильича сестра. Капроська тоже эскимос (с ним). У него одинокая мать. Кто она, я не знаю. Етхеут ее звали. Она жила у Санбрауна.

Почему-то у Санбрауна жила. Когда я приезжал, они жили у него, Капроська тоже жил там. Капроська считается сянегмилынгут по Санбрауну. А Яграку считается уныхкуми. Это наша».

*Дмитрий Атилькун (1919–1984), Уэлькаль,
запись М.А. Членова, 1976*

«Когда приехала сюда (в Уэлькаль), здесь стояли четыре яранги: Атата (Алекан), Агвалик, Айналькун и Силга (?). Мы сначала приехали сюда, а потом поехали на реку. Место это называется Куйныгыргын, это река так называется. Там были «куйныгмит», то есть Укхактак, Тингутагин и Кававтагин. Этот человек (Кававтагин) был тасегми, чукча, тоже приехал вместе с ними».

*Екатерина Кутхаун (1914–1992), Уэлькаль,
запись М.А. Членова, 1976*

«Лодка Ын,ак,аина»

Очевидно, в 1925 или 1926 г. (но отдельно от Силги и Санбрауна) в Уэлькаль приехала еще одна небольшая группа переселенцев-армарамкыт, которых можно условно назвать «лодкой Ын,ак,аина» по имени главы линиджа и хозяина лодки. Сам Ын,ак,аин в переезде не участвовал, потому что в 1926 г. он числился умершим в Унгазике (Чаплино). Очевидно, его взрослые дети, взяв с собой старуху-мать Рыпугун, решили двинуться на новое место на берегах залива Креста.

Главой этой небольшой группы из 10-12 человек стал старший сын Ын,ак,аина – Аягуткак, (Владимир Аягуткак, 1900–1942; см. статью Л. Сальниковой). К тому времени он уже был женат на Амлююк (Амльюгьюк, 1893–1970) и имел, по крайней мере, одного маленького сына (Николай Аягуткак, 1925–1955). Вместе с ним в путь отправились его младший брат Айвыкля (Пётр Айвок, 1914–1973) и сестры Агыся (Агися, 1896–1971), Анкак (Ан,к,ак, ок. 1900–1950), Айгуги (Айгугви, 1905 – ок. 1970) и Узивуткак (1909–1943). Не исключено, что семья последовала за старшей сестрой Нутан,авын (1895–1943), которая к тому времени уже жила в стойбище Атаина со своим мужем Кута (см. выше). В любом случае, небольшому линиджу детей Ын,ак,аина необходимо было объединяться с другими группами или для безопасности следовать в Уэлькаль вместе с другими лодками чаплинцев, едущими для торговли в Анадырь.

Группа Аягуткака сразу поселилась в Уэлькале и, несмотря на свою малочисленность, помогла связать между собой разные группы пере-

селенцев. Анкак стала второй женой Лякака, сына Агвалика из клана «хозяев»-сяниг,мыльн,ут. Айвок (*Айвык,ля,*) женился на Акуме, дочери Или из группы Тынгатагина (см. ниже). Узивуткак стала женой чукчи Тымкылькута из числа бывших обитателей Аннюалькаля («второго Уэлькаля»). Впоследствии разросшиеся семьи Аягуткака и Петра Айвока составили заметную часть в населении Уэлькаля (см. статью Л. Сальниковой).

«Лодка Амухака»

В 1926 или 1927 г. в Уэлькаль прибыла еще одна лодка армарамкыт, но не из района мыса Чаплина, а из расположенного к востоку от Сиреников поселка Имтук. Армарамкыт начали переезжать в Имтук из Чаплино еще в 1910-е гг. и вскоре составили там довольно значительную группу. Но некоторые семьи по своим причинам предпочитали двигаться дальше в поисках более удобного (или более свободного) места жительства, где они бы не чувствовали себя меньшинством. Такое место для армарамкыт к середине 1920-х гг. создано в Уэлькале и в целом на западном побережье залива Креста.

Эту небольшую группу переселенцев-армарамкыт из Имтука возглавил энергичный пожилой мужчина по имени Амухак (*Амухак*, другое имя *Тмутье/Тымуви*, 1870–1943). В нее входили, помимо жены Амухака, Апаи, его взрослый сын Агуанак (*Агванак*, 1900–1930) с женой *Куран,авын* (Куранаун) и двумя маленькими детьми: сыном *Ныпатагныном* (Нпатагин, 1923–1942) и дочерью *Раг,тын,ой* (Рагтына Зина, 1924–1985) и четыре другие дочери Амухака разного возраста: *Ныгалъук* (ок. 1905–?), *Навын,а* (Навина Вера, 1913–1947), *Пилян,а* (ок. 1920) и *Тиулян,тун,авын* (Тивлянтанаун, ?). Вероятно, в лодке с Амухаком приехала из Имтука молодая женщина Угута (1902–1983) из клана армарамкыт, которая в 1980-е гг. была признанной старейшиной уэлькальских первопоселенцев.

«Дед мой Амухак, или Тмутье, командующим был первым. ...Моего отца звали Агуанак, он жил в Сирениках (Имтуке) и Чаплине. Он первым борцом был, мой отец. Отец мой (вскоре) в Анадыре умер. Два раза он ездил туда, на второй раз поехал – я уже сидела, ходить еще не могла. Когда мой отец умер, моя мать Курангаун Елена вышла замуж за Киляка. Первая жена Амухака, которая родила Агуанака и двух его сестер, умерла еще там (в Имтуке). Кто она,

не знаю. Вторая жена его Апая. ...Амухак сразу приехал сюда жить. Силга и Санбраун уже здесь жили и Амухака к себе звали».

*Зинаида Рагтына (1928–1985), Уэлькаль,
запись М.А. Членова, 1976*

«Амухак приехал прямо сюда в Уэлькаль и жил здесь в Уэлькале. На Куйныке они не жили. Переехали сюда в 1927 г., как и наши, немного пораньше нас. Где-то в это же время. К кому он приехал, я не знаю.»

*Дмитрий Атилькун (1919–1984), Уэлькаль,
запись М.А. Членова, 1976*

«Лодка Тынгытагина»

Последним крупным переселением в Уэлькаль был приезд еще одной лодки (вельбота) клана армарамкыт под руководством Тынгатагина (*Тын,атагнын*, ок. 1890 – ок. 1940). Эта группа приехала прямо из Унгазика (Чаплино) и состояла из членов большого линиджа, семей трех братьев: Иля (1887–1925), *Аака* (Акка, ок. 1890–?) и Тынгатагина (ок. 1890–?). Старший из братьев, Иля, и мать трех братьев, *Кувын,а* умерли в один год в Чаплине (по регистрации смерти, это произошло в 1925 г.), и члены семьи решили переселиться на новое место, как часто делали эскимосы, чтобы «уберечь» себя от возможных новых смертей. Приезд группы Тынгатагина произошел летом 1927 или 1928 года.

Пожалуй, это была самая большая и сплоченная группа из всех приехавших в Уэлькаль. Помимо старших мужчин, Тынгатагина с женами *Валвын,а* и *Умк,ан,а* и Акка с женой, в нее входили дети старшего умершего брата Иля: *Наг,сипи* (Степан Нахсип, 1910–1960), *Акума* (Майя Акума, 1914–1973), *Ак,ылк,ак* (Ким Ильич Акилькак, 1916 – ок. 1990) и *Ан,кан,а* (Анкана Лена, 1919–1979). У Акки было трое своих взрослых детей: сын *Тун,уныг,так*, (Тунупихтак, 1907–1945), дочь *Кылъпа* (Кыльпа, 1913–

*Кылъпа (Кылъпа, 1913–1989, слева)
и Саникак (Саник,ак, 1916–1991).
Фото И.И. Крупника, сентябрь
1977 г., с. Новое Чаплино*

1989), впоследствии выданная обратно замуж в Чаплино, и сын *Айвылык* (Антон Айвылик, 1915–1950). У Тынгатагина от двух жен было, как минимум, пять детей: *Атылъкун* (Дмитрий Атилькун, 1919–1984), девочка *Уйгуткак*, (1922–1940), *Нанук* (Василий Иванович Нанок, 1924–1995), еще один маленький сын *Уйг,ахпак* (Уйгахпак, 1925–1947) и новорожденная дочь *Кувын,а* (Кувына Люба 1926–1988). В Уэлькале у Тынгатагина родилось еще несколько детей: *Анана* (Павел Анана, 1933–1990), *К,авак* (Кавак, 1929–1940?) и др. Четверо взрослых мужчин и дюжина женщин и подростков в команде Тынгатагина легко могли управлять большим вельботом с имуществом трех семей, собаками и маленькими детьми.

Группа Тынгатагина сразу поселилась в Уэлькале и вместе с ранее приехавшими семьями армарамкыт из групп Аягуткака и Амухака обеспечила численный перевес армарамкыт над первопоселенцами сяниг,мыльн,ут. К этому времени население Уэлькаля составляло примерно 70–80 человек из четырех родственных групп-линиджей. Но «эскимосский порядок» держался твердо и первопоселенцы-сяниг,мыльн,ут считались «хозяевами земли» в новом поселке: сначала Алекан–Атата, после его смерти – его племянник *Мыкыли* (Николай Макали, 1905–1954), потом другой племянник, Николай Кипутка (*К,ипуткак*, 1913–1959).

Кипуткак (К,ипуткак,, Николай Кипутка, 1913–1959). Снимок 1960-х гг. из коллекции Уэлькальского с/совета

В трех ближайших стойбищах к югу от Уэлькаля проживало еще около 45–50 эскимосов: Куйнигыргын/Куйник (группа Санбрауна – ок. 20 чел.), мыс Поворотный (Майнгынгыттама – группа Силги и Айвакова, около 15 чел.), Рыпатынгу (группа Атаина и детей Ататы – ок. 20 чел.) К северу находился поселок Аннюалькаль, или «второй Уэлькаль» (ок. 30 чел.), населенный приморскими чукчами, а дальше к югу располагались одиночные яранги аватмит, стойбище Кыляка-Акатагина на Русской Кошке и поселение братьев-сирениковцев Тышки и Ваката в районе Угольных Копей.

Собирание малых поселков

С образованием колхоза в Уэлькале в начале 1930-х гг. жители стойбищ на мысу Поворотном, в Рыпатынгу, чукчи из Аннюалькаля и группа Кыляка на Русской Кошке переселились в Уэлькаль, и тогда население поселка увеличилось до 120-130 человек (137 чел. в 1936 г.). К тому времени здесь образовался растущий поселок с большим числом молодежи и быстро увеличивавшимися семьями.

«Меня саму сюда (в Уэлькаль) привез Лякак, отец Агнальквасяк, для замужества (вероятно, около 1932–33 г. – *Авт.*) Сначала я жила в доме у Агуалика. Дети Силги уже жили здесь, на Майнгынгыттама уже никого не было. Когда я приехала, здесь жили Агуалик с женой, Кипуткак, Лякак был еще живой, жил с Ымынгой, еще из той семьи Мыкыли, Ытынгаун, Тагрин, Анана, Анкак, Муми и Агнальквасяк (В.А. Никифорова). Тынгатагин и Акка жили тогда уже в Уэлькале, приехали прямо из Чаплина. Каждый жил в своей яранге. С Тынгатагиным жили Ымкана, Вальвуна, Кувына, Атилькун, Нанок, Уйгахпак, Уйгуткак-девочка. Еще с ними жил Анана (Пётр Анана). С Аккой жили Анана, Тунупихтак, Айвылик, Панигак; Пыхпына жила с Тунупихтаком. У Акилькака и Нахсипа были свои дома. Акилькак жил с Авалик, дети помирали, они вдовом жили. Нахсип жил с Нигугьяк, дочкой и сыном. Все жили в ярангах, а Нахсип и Акилькак – в балках. Еще здесь жили Алекан, он же Атата и Айналькун, отец Кммо... У Айналькуна была слепая сестра Тивлянаут, жила с ними незамужняя; еще эти – Кммо, Укука, Атак. ...В то время уже приехали Айваков, Кевкун, Аягуткак, жили отдельно, у него две жены были, еще Айвыкля. Тантикин тоже уже жил здесь. Когда мы приехали, Амухак был уже в Уэлькале. Вместе с ним приехали Ифкахтыкак, Куранат, Агуанак, Пиляна, Нпатагин, который молодой погиб на фронте. Угута жила вместе с Айвыхпаком. ...Меня сюда привезли, а сестру старшую (Арентунаун) дальше за Поворотный мыс повез Акатагин. Он жил там вместе с Кыляком.»

*Екатерина Кутхаун (1914–1992), Уэлькаль,
запись М.А. Членова, 1976.*

«Когда мы росли в Уэлькале, там много народу было. Все такие большие, крепкие – мужчины и женщины. Сейчас даже таких людей не встретишь. ...Много там семей было – все чаплинские. Но во

время войны сильная эпидемия была по всей Чукотке, грипп. Тогда очень много народу умерло: в Анадыре, в Чаплине, в Уреликах и у нас там в Уэлькале.

Летом они там на моржа охотились на вельботах. ...У нас свой вельбот и команда из родственников. Тогда в Уэлькале было 5 или 6 вельботов: нашего отца (Тынгатагина. – *Авт.*), Мыкыли, Тантикина (после смерти его отца Силги. – *Авт.*); других я не помню».

Василий Нанок (1925–1975).

Запись 1977, Новое Чаплино (Крупник, 2000, с. 246)

Остальные стойбища от залива Креста до устья Анадыря сохранились почти до начала войны, а группа Санбрауна в Куйнике держалась особняком до самой его смерти во время эпидемии гриппа в 1943 г.

«Зимой 1937 г. я ездил на нартах на комсомольскую конференцию в Анадырь из Провидения. Проехали Куйнгыгыргын — там Укхактак (Санбраун) жил. Уэлькаль проехали — там все унгазигмит. Уже недалеко от Анадыря наши аванские яранги стоят. Еще все живые тогда были. Первой стояла яранга Натагми. Переночевали и поехали к Анкане, он жил 15 км дальше по берегу на юг. У Анканы переночевали и дальше к Сирыскуку поехали. Он на самой Русской Кошке стоял, еще южнее километров десять. Так они по одной яранге и жили зимой, а летом, наверное, вместе сходились... Считались они все анадырские

колхозники (то есть от анадырского колхоза), не уэлькальские. С уэлькальскими они вообще мало водились».

Пётр Напаун, 1912–1983, запись 1977, Сиреники (Крупник, 2000, с. 242)

И только события начала 1940-х гг.: эпидемия гриппа 1943 г., смерть большинства стариков из числа первых поселенцев, переселение стойбища Санбрауна в Уэлькаль и остатков стойбищ аватмит с Русской Кошки к городу Анадырю и в бухту Провидения, а также строительство военного аэродрома и размещение большой воинской части рядом с Уэлькалем для приема перегоняемых в СССР американских самолетов

Напаун (Напаг, ун, Пётр Напаун, 1912–1983). Фото И.И. Крупника, октябрь 1977 г., с. Сиреники

(Чукотка, 2007, с. 449) положили начало новой главе в истории поселка (см. статью Л. Сальниковой). Ее последним звеном стал приезд нескольких семей из клана лякаг,мит после закрытия их поселка Нутапельмен.

Нутапельмен: переселения лякаг,мит

К сожалению, мы намного меньше знаем о переселении членов чаплинского клана лякаг,мит в поселок Нутапельмен (Нутепенмен) на восточной стороне залива Креста, которое происходило в те же или чуть более поздние годы (1926–1933). Лякаг,мит, как и сяниг,мыльн,ут и армарамкыт, традиционно жили в Унгазике на южной стороне поселка. Территория расселения этих трех кланов в поселке очень пострадала от наводнений из-за сильных штормов около 1910 г., которые привели к размыву южной части мыса Чаплина (Членов, Крупник, 2012, с. 80–81). Разъехавшись из Унгазика, семьи лякаг,мит сначала пытались создать отдельные стойбища вокруг мыса Чаплина, но затем также включились в движение чаплинцев на запад. Правда, лякаг,мит предпочли не присоединяться к главному потоку, направленному на западный берег залива Креста и в сторону Анадыря, в котором доминировали сяниг,мыльн,ут и армарамкыт. Выбор их пал на чукотский поселок Нутапельмен, расположенный напротив Уэлькаля, на другой стороне залива Креста.

Как и другие эскимосские переселенцы, лякаг,мит передвигались морем, то есть в больших лодках (вельботах и байдарах), группами по 10–20 человек. Переселение лякаг,мит началось, очевидно, уже в 1926 г., поскольку перепись 1926 г. зафиксировала в Нутапельмене две семьи эскимосов общей численностью 9 человек (Поселенные итоги., 1928). Трудно сказать, были ли это первые поселенцы-лякаг,мит или другие эскимосские семьи, двигавшиеся по пути в Уэлькаль. Но в 1928 г. в Нутапельмене уже точно жили эскимосы, потому что в этом году в поселке организуется зверобойное «товарищество» под названием «Каюсесик» (по-эскимосски «взимопомощь», «товарищество»). К середине 1930-х гг., когда переселение лякаг,мит завершилось, эскимосское население в поселке Нутапельмен составляло около 40 человек.

По рассказам, записанным в 1970-е гг. и составленным нами генеалогиям клана лякаг,мит, мы можем говорить как минимум о трех лодках, в которых приехали поселенцы.

«Лодка сыновей Атан,али»

В эту команду входило 4 брата, сыновья человека по имени *Атан,али*, который умер в Чаплине (или в поселке Мейнгыгук на острове Аракамчечен) в 1925 или 1926 г. Сразу после его смерти, его взрослые сыновья: *Амкын,а* (Амкына, 1890 – ок. 1935), *Х,улъык*, (Хулик, ок. 1895–1945), *Лян,ван* (Иван Лянват, 1908–1959) и *Лег,та* (Николай Лейта, 1910–1975), вместе со своей матерью Катун (1865–1935) отправились в путь в Нутапельмен. Старшие братья Амкын,а и Х,улъык, были уже женаты и могли иметь малолетних детей; так что эта группа вполне могла составить те «две семьи эскимосов», которые зарегистрировала в Нутапельмене перепись населения 1926 г.

В течение двух-трех лет к группе сыновей Атан,али присоединились другие семьи лякаг,мит.

«Лодка Роутына и сыновей Валяты»

Роутын (Ровтын, ок. 1895 – ок. 1935) и сыновья человека по имени *Валята* (Валята), умершего в Чаплине около 1920 г. (?) происходили из разных линиджей клана лякаг,мит, но были связаны обменными брачными связями. Роутын был женат на старшей дочери Валяты по имени Альгутаг, (1900 – ок. 1940), а сын Валяты *Пытан,ан,а* (Пытанана, 1912–1946) впоследствии женился на младшей сестре Роутына. Фактически дети Валяты сделали то же, что и сыновья Атан,али: после смерти отца, взяв свою мать-вдову, погрузились в лодку и отправились в Нутапельмен. Помимо подростка Пытан,ан,а, семья включала взрослого сына Як,у (возможно, зятя Валяты), мальчика *Увыля* (Юрий Увыля, 1914–1957) и девочку (?) *Синг,ак*. Это была совсем маленькая группа; поэтому присоединение к ней взрослого женатого охотника Роутына было непременно условием их переселения. По всей видимости, они прибыли на кожаной байдаре. Эта группа быстро присоединилась к сыновьям Атан,али.

«Лодка Мумихлиги»

Мумих,ылг,и (Мумихлиги, ок. 1880 – ок. 1935) был уже пожилым человеком, когда вместе с семьей своего младшего брата *Ан,к,ак*, (Анко, ок. 1900 – ок. 1940) решил отправиться в Нутапельмен. Произошло это не раньше 1930–1931 гг., поскольку сын Ан,к,ак,а, эскимосский поэт Юрий Анко (1930–1959) еще родился в Унгазике. Вместе с Мумихлиги

и его женой К,утха в переселении участвовали их взрослые женатые сыновья: *Гиуулькут* (Гивулькут, ок. 1900 – ок. 1935) и *Аягьюлык* (Михаил Аявьюлик, 1907–1964) и дочери *Муг,ак,, Сивун,а* и *Тугайя*. Всего эта группа вместе с маленькими детьми насчитывала около 15 чел. и имела четверых взрослых мужчин для управления большим вельботом. Семья Мумихлиги составляла часть отдельного линиджа лякаг,мит и не была связана родством с группами сыновей Атан,али и Валяты.

В отличие от Уэлькаля, на побережье, освоенном лякаг,мит, уже было свое оседлое чукотское население. Здесь на косах Мээчкын и Редькин находились крупные моржовые лежбища. Поэтому Нутапельмен стал единственным эскимосским поселком, где «хозяином земли» считался чукча Тынганвыреун (Членов, Крупник, 2012, с. 80). Его же называли хранителем окрестных моржовых лежбищ. Это подтверждает факт присоединения эскимосов к местной чукотской общине. И хотя лякаг,мит по традиции не могли считать Нутапельмен «своей» землей, они быстро превратились в новую советскую элиту поселка — лидеров сельсовета и колхоза, заведующих местным отделением кооперации, школой и магазином.

К сожалению, жизнь смешанного чукотско-эскимосского поселка Нутапельмен была недолгой. Около 1941–1942 гг. Нутапельменский сельский совет был ликвидирован и местный колхоз «Каюсесик» был слит с колхозом «Возрождение» в поселке Конергино в глубине залива Креста. Поселок был закрыт и его жителям было велено переселяться в Конергино. Часть эскимосов: семьи Лейты (Николай Лейта), Увыли, Лянвана и Аявьюлика – предпочли переехать в Уэлькаль, где вошли в состав уэлькальской эскимосской общины. Часть эскимосов-нутапельменцев (семья Яку) выбрала Конергино; остальные отправились в Анадырь. Как и в Уэлькале, большая часть старшего поколения нутапельменцев погибла в эпидемию гриппа 1943 г. По-видимому, никто из нутапельменских лякаг,мит не вернулся на свою родину в Чаплино (Ун-

Юрий Анко, 1930–1959.
Фото с сайта www.anadyr.org

*Николай Лейта
(Лег,та, 1910–1976)
и его жена Клавдия
Тайю (Таю, 1911–1975)
с внуками. Снимок
1960-х гг. из коллекции
Уэлькальского
с/совета*

газик). Помимо Уэлькаля, отдельные потомки этой небольшой группы проживают сейчас в Конергино, Эгвекиноте (?) и других поселках Чукотки, в большинстве в смешанных семьях с чукчами. История короткой жизни лякаг,мит в Нутапельмене, за исключением единственного члена этой группы, летчика и эскимосского поэта Юрия Анко (1930–1959), остается практически неизвестной и, к сожалению, нигде не описана.

Посвящение

Людмила Сергеевна Богословская любила море, лодки и морские плавания. Ей не довелось посетить Уэлькаль и залив Креста на своей любимой кожаной байдаре, но она несколько раз приходила туда с моря, на борту китобойного судна «Звёздный». Она прекрасно знала береговую линию от мыса Чаплина до Анадыря, то есть весь маршрут, по которому в 1920-е гг. проследовали предки современных уэлькальцев. Л.С. любила слушать рассказы о старых поселках, давних переселениях, и всегда с уважением относилась к нашей работе по созданию письменной истории национальных общин Чукотки. Она была внимательным читателем, доброжелательным критиком, добрым советчиком и надежным партнером более 35 лет.

Мы посвящаем эту статью ее памяти, а также памяти жителей Чукотки: охотников, старейшин, учителей, знатоков местной истории, которые делились с нами своими воспоминаниями в 1970–1980-е гг. Эти люди хорошо понимали важность передачи знаний. Без их терпения

и доброжелательности не было бы родословных схем с сотнями имен, магнитофонных пленок, планов оставленных поселков, тетрадей с записями интервью. Почти всех этих людей уже нет с нами; но их знания и голоса сохранились, чтобы спустя много лет вернуться к их детям и внукам. Мы также благодарны жителям Уэлькаля – Л.В. Сальниковой и В.А. Сусыпу, а также С. Лорингу (Смитсоновский Институт) и И.А. Загребину (Музей Берингийского наследия, пос. Провидения) за фотографии, которые использованы для иллюстрации этой статьи.

Литература

- Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. Китовая аллея. Древности островов пролива Сенявина. – М.: Наука, 1982.
- Крупник И.И., сост. Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик: записи 1975–1990 гг. – М.: Институт Наследия, 2000.
- Крупник И.И., Членов М.А. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в. – 1970-е гг.) // Советская этнография, 1979. № 6. С. 19–29.
- Материалы по статистике Камчатской губернии. – Хабаровск, 1925.
- Поселенные итоги туземной переписи 1926 г. Камчатский округ. – Владивосток, 1928.
- Членов М.А. К характеристике социальной организации азиатских эскимосов // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. – Чикаго, 1973 (доклады советской делегации).
- Членов М.А., Крупник И.И. Динамика ареала азиатских эскимосов в XVIII–XIX вв. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. – Л.: Наука, 1983. С. 129–139.
- Членов М.А., Крупник И.И. «Новая земля»: История последней миграции азиатских эскимосов (1920–1935) // В сб. «Вехи на мысах. Сборник к 80-летию С.А. Арутюнова» / Отв. ред. М.М. Бронштейн, И.И. Крупник. – М.: Государственный музей Востока, 2012. С. 70–83.
- Чукотка в прошлом и настоящем / Под ред. А.М. Тарунова. – Можайск: НИИ Центр, 2007.
- Krupnik I., Chlenov M. Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. – Fairbanks: University of Alaska Press, 2013.
- Полевые записи М.А. Членова. Уэлькаль, 1976 г.

«Всю ночь разглядываю скульптуру»: ритуальные предметы эскимосов о. Ратманова

М. Бронштейн

Сотрудники Государственного музея Востока, одним из которых я являюсь, принадлежат к широкому кругу людей, кто многим обязан Л. С. Богословской. Многолетнее общение с Людмилой Сергеевной — с 1987 г. музей ведет археологические раскопки в прибрежных районах Чукотки, — ее обстоятельные ответы на наши вопросы существенно помогали нам в работе. Вопросов же к Л. С. Богословской всегда было много. Она рассказывала мне и моим коллегам об особенностях строения тела морских животных, об их повадках и маршрутах миграций через Берингов пролив, часто выступала авторитетным консультантом в наших дискуссиях о культурных традициях морских арктических зверобоев — азиатских эскимосов и береговых чукчей. Разносторонняя информация, которой щедро делилась с нами Людмила Сергеевна, имела для нас большое значение и нередко позволяла по-новому интерпретировать археологические находки. Впрочем, главное заключалось не в этом. Л. С. Богословская была примером исследователя, бесконечно преданного своему делу и бескорыстно служившего ему, примером ученого, обладавшего фантастической способностью «заражать» подобным отношением к науке других людей, в том числе далеких от исследовательской работы. Благодаря именно этим качествам Людмилы Сергеевны Музей Востока стал обладателем многочисленных художественных изделий из дерева и кости, созданных коренными жителями Чукотки.

Передавали нам эти предметы друзья Л. С. Богословской — биологи, участники ее практически ежегодных чукотских экспедиций, а также сотрудники полярных станций, летчики, пограничники. Несколько произведений старинного эскимосского искусства привезла в Москву сама Людмила Сергеевна. В настоящей статье я хочу рассказать о шести из них — о деревянных ритуальных скульптурах, обнаруженных на о. Ратманова. С 1993 г. они занимают одно из центральных мест в нашей

постоянной экспозиции, в зале «Искусство Северной Азии», и неизменно привлекают к себе внимание посетителей. В этикетках, сопровождающих экспонаты, не указано, к сожалению, имя человека, передавшего их музею, но оно хорошо известно его сотрудникам, и за скульптурами, выставленными в «большой чукотской витрине», давно закрепилось название — «коллекция Богословской».

История формирования «коллекции Богословской»

Это во многом уникальное собрание оказалось в ГМВ следующим образом. В 1986 г. Л. С. Богословской удалось побывать на о. Ратманова — территории, которая, увы, практически закрыта властями для научных исследований. О. Ратманова (Большой Диомид) находится в самой узкой, северной части Берингова пролива, и, поскольку расположенный в 4 км от него о. Крузенштерна (Малый Диомид) принадлежит уже США, попасть сюда крайне сложно. Между тем о. Ратманова чрезвычайно интересен для исследователей, в частности, для археологов и этнографов. На протяжении столетий он был местом культурных контактов коренных жителей Чукотки и Аляски, и поэтому любые артефакты с этого острова имеют особое значение. Людмила Сергеевна, разумеется, хорошо знала об этом и, увидев у пограничников случайно найденные старые деревянные изделия, уговорила их отдать находки в музей. Вернувшись в Москву, она передала привезенные с о. Ратманова предметы нам. В дарственной записке, сопровождавшей столь ценный для Музея Востока подарок, Людмила Сергеевна указала имена своих добровольных помощников на Чукотке — И. Гончарова, О. Нелепченко, С. Богоганова, А. Кибальчича, — без содействия которых скульптуры не попали бы в музейную коллекцию (Бронштейн, Широков, 2000, с. 159).

Дочь Л. С. Богословской, Екатерина Богословская, любезно предоставила мне возможность познакомиться с полевыми дневниками своей мамы. Слова, вынесенные в заголовок статьи, — «всю ночь разглядываю скульптуру» — парафраз дневниковой записи, сделанной Людмилой Сергеевной, по всей вероятности, под утро 26 августа 1986 г. Приведу более полный ее вариант: «Вечером (25.08. — М. Б.) приходит с Юга Игорь Гончаров. Идем к нему в квартиру, и он показывает и от-

Остров Ратманова (Большой Диомид) – вид из района мыса Дежнёва. Фото К. Днепровского

дает интереснейшие деревянные культовые предметы: голову, птицу, вельбот и т.д. ...Всю ночь разглядываю, а затем пакую скульптуру».

Я никогда не был на о. Ратманова, но в течение пятнадцати лет в июле и августе часто видел его на горизонте. С конца 1980-х до начала 2000-х гг. наша археологическая экспедиция вела раскопки в Эквене, неподалеку от м. Дежнёва, и от Большого Диомида нас отделяло не более 40 км. Я пишу эти строки и слышу шум моря, свист ветра, вижу уже темную, как это бывает в конце лета, чукотскую ночь. Передо мной Людмила Сергеевна. Она восторженно рассматривает старинные изделия из дерева и заботливо заворачивает их в крафт: спасен от разрушения еще один фрагмент уникальной арктической культуры...

Что представляют собой скульптуры из «коллекции Богословской»? Кем они были созданы? Когда? С какой целью? Какую новую информацию можно получить, изучая их? Какова научная значимость данной коллекции в целом? Далеко не на каждый из этих, казалось бы, несложных вопросов можно сегодня дать точный ответ.

Описание ритуальных предметов

Скульптур, как уже отмечалось, шесть и все они вырезаны из дерева. Два изображения — достоверно выполненные мужские головы, у одной из которых, большей по размеру, слегка высунут язык. Третья скульптура, «личина», представляет собой слегка уплощенное изображение лица с отчетливо проработанными чертами. Скульптура напоминает маску, но у нее нет прорезей для глаз. Четвертое произведение — человеческая фигура, лицо у которой тоже тщательно изображено, но туловище трактовано в схематичной, условной манере. Пятая скульптура изображает летящую птицу, судя по силуэту, гагару. На груди птицы помещен выполненный в технике высокого рельефа антропоморфный лик с четко обозначенными глазами и носом. Шестое произведение — модель байдары с сидящими в ней людьми; изображения последних предельно условны. Размеры скульптур разнятся. Их высота составляет от 7 до 76 см.

Сюжеты деревянных изображений из «коллекции Богословской» позволяют с большой степенью вероятности говорить об их ритуальном предназначении. (Замечу, что эта гипотеза, а также ряд других предположений о происхождении ратмановских скульптур были высказаны самой Л. С. Богословской в статье, опубликованной вскоре по-

Скульптура с о-ва Ратманова: мужская голова (большая) с высунутым языком. Дерево, резьба, инкрустация, раскраска. 21x13,5x12 см. ГМВ, инв. № 11140 III

Скульптура с о-ва Ратманова: мужская голова (малая) с «боковыми прорезями». Дерево, пирит (?), резьба, инкрустация, раскраска. 7x4x3 см. ГМВ, инв. № 12456 III

Скульптура с о-ва Ратманова: личина (маскоид). Дерево, резьба, раскраска. 20x16x7 см. ГМВ, инв. № 11141 III

сле ее возвращения с Большого Диомида в журнале «Вокруг света» (Богословская, 1988, с. 33–36).

На ритуальный характер рассматриваемых изображений указывают не только их перечисленные выше сюжетные и иконографические особенности. Так, на «гагаре» и «байдаре» есть симметрично расположенные сквозные отверстия. Они, несомненно, предназначались для того, чтобы скульптуры можно было подвесить. Из многочисленных этнографических источников известно, что в XIX — начале XX в. у народов прибрежной Чукотки существовала традиция прикреплять ритуальные предметы к потолку жилищ во время проведения праздников по случаю добычи кита.

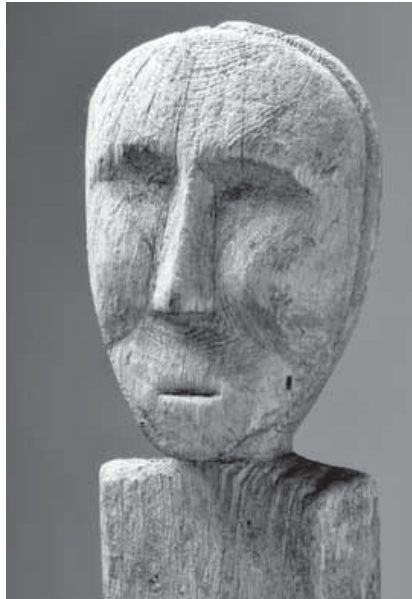
Достаточно определенный ответ можно дать и на другой ключевой вопрос о «коллекции Богословской»: об этнической принадлежности людей, создавших скульптуры. Это были, по всей вероятности, эскимосы, причем, скорее всего, те, что населяли о-ва Диомида. Тот факт, что рассматриваемые изображения изготовлены из дерева, а на о-вах Диомида и на близлежащих материковых побережьях Чукотки и Аляски древесной растительности нет, не может считаться противоречащим этой версии. На берегах Берингова пролива часто встречается «плавник» (древесина, принесенная с юга морскими течениями), который местные жители вплоть до недавнего времени использовали для изготовления самых разнообразных предметов.

Жители обоих островов, о. Ратманова и о. Крузенштерна, составляли особую эскимосскую группу, которая называлась имаклъигмит (Krupnik, Chlenov, 2013; см. ниже). Представители данной группы (в отличие от эскимосов материковой Чукотки. — *Ред.*) говорили на одном из диалектов группы инупик — эти диалекты распространены на огромной территории от Северной Аляски до Гренландии — и в культурном отношении занимали промежуточное положение между эскимосами Чукотки и Аляски.

Поскольку скульптуры, скорее всего, были созданы не ранее XIX в. (подробнее об этом в следующем разделе), то есть тогда, когда на востоке Чукотки уже жили береговые чукчи, теоретически допустимо предположение, что данные ритуальные изделия имеют отношение к ним, но эта гипотеза представляется маловероятной. Один из аргументов — стилистическое сходство скульптур о. Ратманова с произведениями искусства, найденными в ходе археологических раскопок древнеэски-

Скульптура с о-ва Ратманова: антропоморфная фигура – голова с условным туловищем. Дерево, резьба. 75,5x9,5x4,5 см. ГМВ, инв. № 11139 III

Голова «предка» (увеличено) с удлинненным стилизованным туловищем (фрагмент). Инв. № 11139 III

Скульптура с о-ва Ратманова: объемное изображение гагары с человеческой личиной на груди. Дерево, резьба. 56x38,5x7 см. ГМВ, инв. № 11142 III

Человеческое лицо на груди у изображения гагары (увеличено, фрагмент). Инв. № 11142 III

Скульптура с о-ва Ратманова: изображение байдары с 8 (10?) охотниками. Байдара. Дерево, резьба. 34x7x5 см. ГМВ, инв. № 11138 III

мосских памятников Берингоморья, прежде всего, Эквена (см. ниже, а также с другими деревянными изображениями эскимосов-инуиат северо-западной Аляски второй половины XIX в.— *Ред.*) Датируются подобные находки преимущественно I тыс. н. э, то есть временем, предшествовавшим появлению чукчей на побережьях Берингова пролива.

Говоря об эскимосском происхождении изучаемых изделий, я вместе с тем не беру на себя смелость утверждать, что они были созданы непосредственно эскимосами о. Ратманова. Скульптуры, вне всякого сомнения, использовались ими, и вероятность того, что резчики по дереву, изготовившие данные изображения, принадлежали к той эскимосской этнической общности, что населяла о-ва Диомида, безусловно, существует и может считаться достаточно высокой. Однако, по моим представлениям, нельзя исключить иное субэтническое происхождение скульптур, или, по крайней мере, некоторых из них. Местом их изготовления и первоначального бытования могли быть, например, эскимосский поселок Наукан, что находится на м. Дежнёва, или поселок эскимосов Аляски, расположенный на м. Принца Уэльского. Данные о том, что в XIX — начале XX в. население о-вов Диомида пополнялось за счет переселенцев с материковых побережий Азии и Северной Америки, в частности, из Наукана, приводятся в недавно опубликованной монографии И. И. Крупника и М. А. Членова, (Krupnik, Chlenov, 2013). К характеристике этнокультурной ситуации на побережьях северной части Берингова пролива, где, скорее всего, были созданы изучаемые скульптуры, я еще вернусь; а сейчас обратимся к другому вопросу: каков возраст рассматриваемых ритуальных предметов?

Предполагаемая датировка

Старинные изделия из дерева нередко датируют с помощью методов дендрохронологии, однако в данном случае это едва ли возможно. Нам не известен ареал, где произрастали деревья, послужившие материалом для резчиков, изготовивших скульптуры. Датировать эти изделия мы можем исключительно по косвенным данным. Известно, что последние эскимосы покинули о. Ратманова в 1948 г. Таким образом, теоретически верхней хронологической границей временного периода, когда были созданы скульптуры, могла быть середина XX в.

Однако степень повреждения их поверхностного слоя, особенно у личины, позволяет предположить, что ритуальные предметы были изготовлены ранее. Отмеченное выше сходство ратмановских скульптур с древнеэскимосскими, казалось бы, указывает на их древность, но подобный вывод тоже был бы, с моей точки зрения, неверным. Археологические находки, извлеченные из земли в процессе раскопок древних захоронений и жилищ, сохранились, главным образом, благодаря вечной мерзлоте. Скульптуры же, полученные Л. С. Богословской от пограничников, были обнаружены непосредственно на земле, на так называемой «дневной поверхности». Этот факт дает основание считать, что их использовали еще в сравнительно недавнем прошлом. Вместе с тем, трудно представить, чтобы изделия из такого материала, как дерево, могли служить жителям Крайнего Севера на протяжении столетий.

Учитывая эти соображения, рискну предположить, что возраст рассматриваемых ритуальных предметов составляет приблизительно сто — сто пятьдесят лет. Некоторые из скульптур, такие, как личина и большая мужская голова, тоже имеющие заметные повреждения поверхностного слоя, могли быть изготовлены несколько ранее. Скульптурное изображение второй мужской головы, а также антропоморфная фигура и, возможно, «гагара» созданы, вероятно, позднее, но общая датировка коллекции укладывается, с моей точки зрения, в названный хронологический период: вторая половина XIX — начало XX в. Впрочем, не исключено, что дальнейшее изучение «коллекции Богословской» внесет существенные коррективы в ее датировку.

Семантика скульптуры

Вопрос о цели, которую преследователи эскимосские резчики по дереву, создавая личину, мужские головы, гагару с антропоморфным ликом на груди, две другие скульптуры, найденные на о. Ратманова, иными словами, вопрос о семантике данных ритуальных предметов, является, безусловно, как одним из ключевых, так и одним из самых сложных. Судя по сведениям, которые Л. С. Богословская получила от пограничников, пять скульптур из шести были найдены в тайнике из камней близ поселка Имаклик. Шестая скульптура — мужская голова, меньшая по размеру, — была обнаружена в другом месте.

Означает ли это, что первые пять произведений использовались при проведении одного и того же обряда, и если «да», то какого? Или они предназначались для разных ритуалов? С чем были связаны эти ритуалы, какими действиями сопровождались? Какая связь существует между пятью скульптурами из тайника и той, что найдена отдельно от них? (На то, что такая связь была, указывает, как это будет показано ниже, очевидное сходство между обоими изображениями мужских голов). Ответа на эти вопросы у меня, к сожалению, нет, но, тем не менее, некоторыми предположениями я бы хотел поделиться с читателем.

Одна из пяти находившихся в тайнике скульптур, мужская голова, настолько правдоподобна, что создается ощущение: перед нами изображение вполне определенного, конкретного человека. На зрителя смотрит худощавый человек с четко очерченными бровями, миндалевидным разрезом глаз, слегка выступающими скулами. На щеке у него родинка или родимое пятно (или символ украшения-лабретки, см. фото 1 на с. 425 — *Ред.*) Для того чтобы передать эту особенность персонажа, резчик прибегает к технике инкрустации и использует кусочек дерева другой породы. Прибегает он и к раскраске скульптуры: тонирует лицо персонажа бурым красителем, а с помощью красителя черного цвета, по-видимому, сажи, рисует усы и небольшую бороду. Следы черного красителя остались местами и на височной части мужской головы. Цвет, таким образом, несомненно, играл важную роль в создании данного художественного образа. Не исключено, что, используя не только пластические, но и колористические изобразительные средства, эскимосский художник стремился придать скульптуре максимальную достоверность и выразительность.

От старых жителей Наукана мне приходилось слышать о вырезанных из дерева «ликах предков». Их хранили в скалах рядом с поселком и перед охотой кормили жиром. Не является ли рассматриваемое произведение изображением одного из таких эскимосских старейшин, своеобразным портретом соплеменника, портретом «предка», которого хорошо знал или о котором был наслышан мастер, создавший скульптуру?

Есть у этого ритуального предмета еще одна особенность, тоже, вероятно, обусловленная его семантикой. В торце нижней части скульптуры, на шее — глубокий прямоугольный паз. Предназначался он, несомненно, для того, чтобы голову можно было закрепить на туловище. Но почему эскимосский резчик, явно не испытывавший недостатка в крупных фраг-

ментах дерева — на побережьях Берингова пролива нетрудно найти стволы деревьев длиной в несколько метров, — создал не цельную, а разъемную скульптуру? Быть может, «голову предка» прикрепляли к различным туловищам? Не противоречит ли это предположение гипотезе о «конкретности» данного персонажа? А может быть, оно свидетельствует о том, что ритуалы, связанные с образом предка, были более сложными, и обряд не сводился только к его «кормлению», но предполагал иные действия, например, некое преобразование, перевоплощение главного героя?

К культу предков имеют, по-видимому, прямое отношение две других упомянутых выше скульптуры из «тайника» у поселка Имаклик. Одна из них — антропоморфная фигура, другая представляет собой изображение человеческого лица. Главная особенность первого произведения в том, что лицо персонажа и его туловище изображены совершенно по-разному (см. фото 1 и 2 на с. 427). Резчик по дереву, как уже отмечалось, четко обозначил надбровные дуги, прямой нос, округлые скулы, рот и подбородок, но при этом не предпринял никаких попыток придать достоверность телу изображенного им антропоморфного существа. Туловище выполнено в предельно упрощенной манере и фактически представляет собой вытянутый прямоугольник. Правда, на груди «человека» имеются два круглых сквозных отверстия, вызывающих ассоциации с сосками, однако два таких же по форме и размерам отверстия симметрично расположены в нижней части скульптуры. Можно ли, таким образом, рассматривать отверстия на груди как «анатомическую деталь», или они предназначались для крепления скульптуры либо каких-то иных механических действий с ней?

Специфика второго антропоморфного изображения, личины, заключается в следующем. Прежде всего, оно предельно правдоподобно и весьма выразительно. Неизвестный нам эскимосский художник не только старательно прорабатывает черты лица своего героя, но, придав им легкую асимметрию, достигает еще большей экспрессивности и эмоциональной окрашенности образа. Как и в случае с «головой предка», на этой скульптуре тоже видны следы бурой тонировки. Введение в скульптурную композицию «цветового компонента» заметно обогащает ее. Усиливают впечатления от личины и такие ее особенности как наклон головы и приоткрытый, слегка искривленный рот (см. фото 3 на с. 425).

К последней, весьма любопытной детали, «искривленному рту», нам еще предстоит вернуться, а сейчас обратимся к двум другим изображе-

ниям из «имакликского тайника» — к «гагаре» и «байдаре». Выше отмечалось, что на обеих скульптурах есть сквозные отверстия для того, чтобы данные ритуальные изделия могли висеть. Следовательно, перед нами предметы, изготовленные для театрализованных обрядовых действий, вероятно, для широко распространенного у эскимосов Праздника кита. Сюжет одной из скульптур — изображение байдары и восьми сидящих в ней человек (именно таким было обычно число морских зверобоев в одной лодке) — свидетельствует, на мой взгляд, в пользу подобного предположения. Быть может, резчик изобразил вполне конкретных людей, «хозяев праздника», тех, кто непосредственно добыл кита.

Сложнее истолковать семантику другой скульптуры. Она представляет собой, как уже известно читателю, изображение птицы, по видимому, гагары, на груди которой вырезана антропоморфная личина (см. фото 3 и 4 на с. 427). Гагара у многих народов Севера считается «птицей шаманов». Таким же было отношение к гагаре и у эскимосов. Фольклор морских охотников Берингова пролива позволяет также утверждать, что у них были представления о шаманах, которые могли летать. Скульптура летящей гагары с антропоморфным ликом на груди, могла, таким образом, олицетворять для жителей о. Ратманова не просто «священную птицу», а, возможно, самого «избранника духов».

Изображение мужской головы, найденное отдельно от остальных ритуальных предметов, следует, на мой взгляд, считать таким же «портретом предка», как и одну из описанных выше скульптур. Здесь также предстает перед нами образ конкретного человека с близко посаженными глазами, прямым, расширяющимся книзу носом, чуть выступающими скулами, слегка утолщенной нижней губой.

Не только элементы «портретности» сближают это изображение и голову мужчины с высунутым языком (ср. фото 1 и 2 на с. 425). Обе скульптуры тонированы бурым красителем. На шее у описываемой мужской головы, так же как у большей по размерам «головы предка», — паз, предназначенный для крепления к туловищу. Определенное сходство прослеживается также в том, что в обоих случаях резчики стремились подчеркнуть контуры лица у своих персонажей. В скульптуре с высунутым языком этот контур намечен хорошо прочитываемой, но достаточно легкой линией. В рассматриваемой же мужской голове он выделен глубокой резьбой, которая буквально отделяет собственно лицо человека от его головы. Примечательно, что такой же изобразительный прием —

подчеркивание контура лица с помощью глубоко врезанной линии — был применен при создании антропоморфной фигуры. Описываемую мужскую голову можно также сопоставить с личиной. Сближает их бурая тонировка, асимметричность черт лица, а также искривленная форма рта.

Наряду с очевидными общими чертами, которые прослеживаются в антропоморфных изображениях из «коллекции Богословской», у мужской головы, найденной отдельно от остальных предметов, есть одно существенное отличие. Глаза мужчины выполнены не из дерева, а, по-видимому, из минерала, возможно, из пирита. Крошечные вкрапления блестящего вещества серого цвета под бровями персонажа делают его облик еще более выразительным, подчеркивают значимость данного образа и придают этому небольшому по размерам изображению элементы монументальности.

Научная значимость коллекции

Среди вопросов, на которые непременно нужно ответить, изучая «коллекцию Богословской», есть, как уже говорилось, вопрос о том, какую новую информацию несут в себе шесть ритуальных предметов с о. Ратманова, какое значение для науки — этнологии и искусствознания — они имеют. Отвечая на него, нужно, прежде всего, обратиться к иконографии и стилистике ратмановских скульптур. Именно эти особенности изображений являются, с моей точки зрения, как наиболее содержательным этнографическим источником, так и убедительным свидетельством высокой художественной значимости этих произведений традиционного эскимосского искусства.

Первое, что считаю важным отметить и о чем уже мельком упоминал выше, — глубоко архаичные черты, отчетливо прочитывающиеся практически в каждом из входящих в состав «ратмановской коллекции» художественных изделий. «Головы предков», личина, антропоморфная фигура сопоставимы по многим параметрам с произведениями древнеэскимосского искусства, в том числе с теми, что были найдены Чукотской археологической экспедицией Музея Востока на сравнительно небольшом удалении от о-вов Диомида. Так, например, «портретность» ратмановской мужской головы с высунутым языком перекликается

с «портретностью» обнаруженной в Эквене скульптуры из дерева, черты лица у которой не только тщательно выполнены, но тоже явно индивидуализированы: крупный, с горбинкой нос, скошенный подбородок (рис. а на с. 437). Особого внимания заслуживает еще одна деталь, общая для обоих произведений: и ратмановская, и эквенская «головы» слегка отклонены назад — так, словно их взгляд устремлен вверх. К сказанному остается добавить, что скульптура из Эквена относится к археологической культуре ранний пунук и датируется концом I — началом II тыс. н.э. (Бронштейн и др., 2007, с. 87, 180).

Не меньше параллелей можно провести между личиной с о. Ратманова и деревянными и костяными ликами из эскимосских погребений и жилищ, относящихся как к пунуку, так и к более древним археологическим культурам Чукотки и Аляски. Ближе всех к ратмановской личине в стилистическом отношении можно считать личину из дерева, найденную тоже в Эквене и тоже относящуюся к рубежу I и II тыс. (рис. б на с. 437). Несмотря на то, что временной разрыв между этой эквенской находкой и личиной с о. Ратманова составляет почти тысячу лет (Бронштейн и др., 2007, с. 87, 180), оба изображения во многом похожи. Совпадают овал лица, форма носа, формы бровей и глаз. И в том, и в другом случае глаза, во-первых, не имеют сквозных прорезей (скульптуры нельзя было использовать как маски), во-вторых, кажутся полужакрытыми. Практически одинаковы размеры скульптур: высота одной составляет 19, другой 20 см. Между ратмановским и эквенским ликами есть определенные различия — скульптура из Эквена выполнена в несколько упрощенной, лапидарной манере, у нее отсутствует нос, — однако в целом сходство между ними представляется, с моей точки зрения, очевидным.

Среди материалов, обнаруженных в ходе раскопок Эквена, есть еще одно произведение древнеэскимосского искусства, которое я хотел бы сопоставить с личиной из коллекции Л. С. Богословской. Оно выполнено из моржового клыка и представляет собой миниатюрную объемную двулицую скульптуру (рис. в на с. 437). Лики разнятся по манере исполнения и расположены по отношению друг к другу таким образом, что скульптура воспринимается как изображение человека с маской на затылке. (Замечу, что в начале XX в. подобный обычай ношения масок был зафиксирован у шаманов Южной Сибири). У лика, который в «янусовидной» эквенской скульптуре может быть истолкован как маска, такой же искривленный рот, как у личины с о. Ратманова. Относится

данная археологическая находка к древнеберингоморской культуре и датируется серединой I тыс. н.э. (Бронштейн и др., 2007, с. 82, 176).

К той же древнеберингоморской культурной традиции принадлежит очень близкое по стилистике к эквенскому «Янусу» графическое изображение антропоморфного лица с искривленным ртом. Выполнено оно на изготовленной из моржового клыка головке гарпунного древка, которая была найдена (sic!) на Малом Диомиде, то есть в непосредственной близости от о. Ратманова (Wardwell, 1986, p. 80). Любопытно, что в конструктивном отношении эта головка гарпунного древка аналогична таким же по назначению предметам охотничьего вооружения, что были обнаружены на м. Хоуп, на северо-западном материковом побережье Аляски. На Чукотке головки гарпунного древка подобной формы практически неизвестны.

Рот с опущенными вниз углами губ, словно искривленный гримасой, есть еще как минимум у двух древнеэскимосских скульптур. Одна из них уже упоминалась выше — это деревянная голова, обнаруженная в эквенском раннепункском жилище (см. рис а на с. 437). Другая скульптура представляет собой антропоморфную, по-видимому, женскую фигурку (см. рис. г на с. 437). Она тоже была найдена в Эквене, однако, в отличие от предыдущей, изготовлена из моржовой кости и относится к древнеберингоморской культуре (Бронштейн и др., 2007, с. 82, 176).

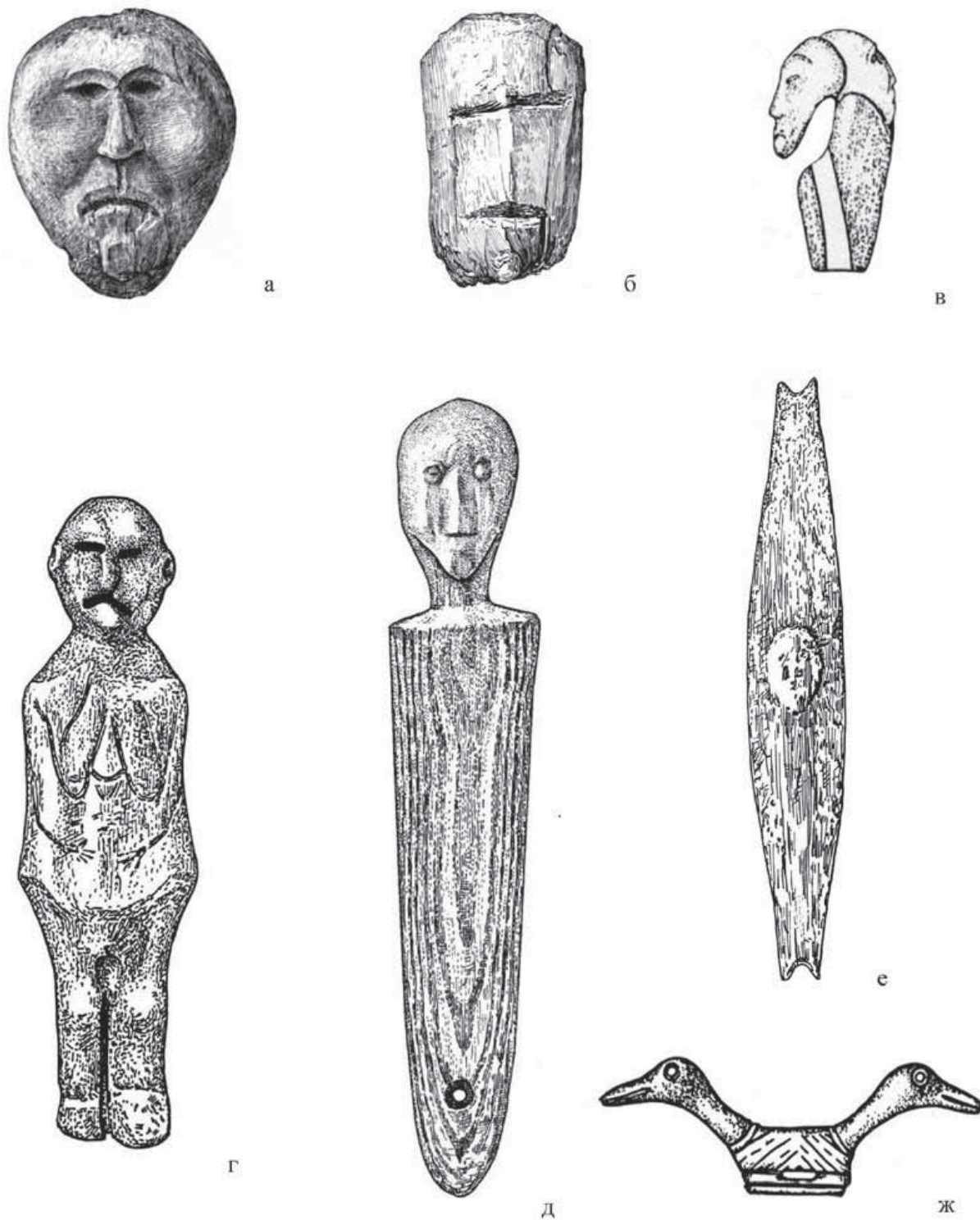
Входящую в состав «ратмановской коллекции» антропоморфную скульптуру с подробно разработанным лицом и условно трактованным, удлинненным туловищем (фото 1 и 2 на с. 427), можно сопоставить с многочисленными древнеэскимосскими фигурками I тыс. н.э., у которых лица тоже тщательно выполнены, а туловища лишены конечностей и имеют прямоугольную или конусовидную форму. Фигурки вырезаны из моржового клыка и значительно меньше по размерам, чем скульптура с о. Ратманова, но ее типологическое сходство с ними представляется несомненным. Большинство миниатюрных костяных скульптур происходят с о. Св. Лаврентия, но, по крайней мере, одна из них найдена на Чукотском п-ове, причем в Уэлене, то есть снова, как в случае с эквенскими находками, на сравнительно небольшом удалении от о. Ратманова (Bandi, 1977, p. 28–29; Бронштейн, Широков, 2008, с. 39).

Несколько лет назад в научный оборот было введено еще одно произведение древнеэскимосского искусства Чукотки, иконографическое и стилистическое сходство которого с ратмановской антропоморфной

фигурой представляется весьма и весьма существенным. В данном случае не столь велика разница в размерах и полностью совпадает материал изготовления — дерево. У скульптуры, о которой идет речь, четко проработаны черты лица и предельно условно трактовано туловище (рис. д на с. 437). Обнаружила ее тоже археологическая экспедиция Музея Востока, но не в Эквене, а в древнеэскимосском поселении Пайпельгак, приблизительно в 100 км к северо-западу от м. Дежнёва. Скульптура принадлежит к культуре бирнирк, ее возраст составляет не менее одной тысячи лет (Днепровский, 2011, с. 101).

Что касается таких ритуальных предметов из «коллекции Богословской», как «гагара» и «байдара», то найти им прямые аналоги в древнеэскимосском искусстве мне не удалось. Тем не менее, есть ряд созданных в древности произведений, которые можно в известной мере сопоставить с ними. Например, объемные изображения лодок. Они невелики по размерам и выполнены, за единичными исключениями, из клыка моржа. Местом обнаружения абсолютного большинства подобных находок является северо-восточная оконечность Чукотки. Изображались лодки всегда без сидящих в них людей; но на некоторых из них, входивших в состав погребального инвентаря, помещен антропоморфный лик (рис. е на с. 437). Любопытно, что, как правило, лики были выполнены в технике высокого рельефа — так же, как личина на груди гагары с о. Ратманова. Заслуживает внимания, с моей точки зрения, и тот факт, что располагались лики в середине лодки, в центре композиции (см., напр., Арутюнов, Сергеев, 1975, с. 119). Антропоморфная личина на груди летящей ратмановской гагары тоже занимает в композиции центральное место. Случайны ли подобные параллели? Не указывают ли они на определенное сходство в семантике произведений, имеющих столь разный облик?

Отчетливо прочитываемых изображений гагары, насколько мне известно, в искусстве древних эскимосов Чукотки и Аляски до настоящего времени не выявлено. Тем не менее, небольшая орнитоморфная скульптура из Эквенского могильника, обнаруженная Чукотской экспедицией ГМВ, возможно, воспроизводит образ именно этой птицы с ее характерными, удлинёнными клювом и шеей (рис. ж на с. 437). Выполненная из моржового клыка рассматриваемая скульптура заметно отличается от всех остальных костяных орнитоморфных скульптур, которые, как правило, достоверно изображают плывущих птиц. Птица из эквенского захоронения изображена с двумя головами, смотрящими

Находки Чукотской археологической экспедиции ГМВ в Эквене и Пайпельгаке
(середина I – начало II тыс. н.э.)

а, б, д – антропоморфные скульптуры из дерева, поселения Эквен, Пайпельгак;
в, г – антропоморфные скульптуры из моржового клыка, Эквенский могильник;
е – изображение каяка из моржового клыка, Эквенский могильник;
ж – орнитоморфная скульптура из моржового клыка, Эквенский могильник

в противоположные стороны. Основание скульптуры — иное, чем у других орнитоморфных изображений. Оно не уплощено, а имеет глубокий паз, который, по всей вероятности, был предназначен для закрепления скульптуры на каком-то специальном предмете. Еще одно заметное отличие заключается в том, что поверхность «эквенской гагары» покрыта графическим орнаментом, которого полностью лишены практически все остальные древнеэскимосские объемные орнитоморфные изображения. Особенности орнамента указывают на принадлежность данной скульптуры к археологической культуре оквик и позволяют уверенно датировать ее серединой I тыс. н.э. (Бронштейн и др., 2007, с. 81, 158).

Архаичность деревянных скульптур с о. Ратманова проявляется не только в сюжетном сходстве с памятниками далекой древности. С произведениями древнеэскимосского искусства их сближает особая, лаконичная манера изображения, умение художника, используя минимум выразительных средств, создать цельный, содержательный, запоминающийся, а нередко и по-настоящему монументальный образ.

Отмеченные черты ратмановских ритуальных изображений нельзя считать чем-то исключительным. Многие скульптурные и графические композиции, созданные эскимосами Чукотки и Аляски в XIX — начале XX в., обладают такими же характеристиками. Однако признание этого факта не умаляет научную значимость данной коллекции. Напротив, оно, скорее, придает ей большую ценность. Мы получили еще одно яркое свидетельство устойчивости эскимосских изобразительных традиций. Архаика художественных изделий, переданных Музеем Востока Л. С. Богословской, убедительно подтверждает тезис о существовании в традиционных сообществах охотников Берингова пролива особых институтов, которые способствовали передаче от поколения к поколению культурного наследия предков.

Сопоставление ритуальных предметов из «ратмановской коллекции» с ритуальными предметами древних эскимосов Чукотки и Аляски открывает «вертикальное» направление в их изучении. Не менее важным является «горизонтальный» подход: сравнительный анализ данных художественных изделий и синхронных им произведений искусства народов Северной Пацифики. Эта тема требует обстоятельного знакомства с многочисленными вещественными источниками из этнографических коллекций. Такие источники есть в российских музеях. Есть они и в зарубежных собраниях. Так, в процессе работы над статьей

я получил ценную информацию от моих коллег — куратора арктических этнографических коллекций Смитсоновского Института (г. Вашингтон) Игоря Крупника и директора музея в Номе, Аляска (Carrie McLain Memorial Museum) Эми Чан — о деревянных скульптурах, которые были созданы американскими эскимосами-инуиат уже в контактный период XVIII–XIX вв. Надеюсь, что в дальнейшем экспонаты из «коллекции Богословской» и ритуальные изделия, о которых сообщают И. Крупник и Э. Чан, станут предметом тщательного сравнительного анализа. Здесь же приведу лишь некоторые примеры их близости к другим произведениям арктического и субарктического искусства, созданным приблизительно в одно время с ними.

Из шести предметов «коллекции Богословской» больше всего параллелей с другими художественными изделиями обнаруживают изображения антропоморфных ликов. Лица с тщательно проработанными чертами можно увидеть на самых разнообразных по форме и назначению предметах, созданных эскимосами Берингова и Чукотского морей в XIX — начале XX в. Особенно много подобных изображений выявлено на Аляске. Это — амулеты, которые прикрепляли к каяку (Fitzhugh, Crowell, 1988, p. 163), украшения (Collins et al., 1973, p. 47), табакерки (Fitzhugh, 1982, p. 166), а также другие изделия из дерева или моржового клыка (Fitzhugh, 1982, p. 185–186). Лики выполнены на них в технике рельефа. Какими бы миниатюрными ни были изображения, они неизменно включают в себя четко обозначенные глаза, нос, рот. Черты лица тщательно проработаны и нередко тонированы, что придает им дополнительную выразительность.

Весьма специфичную и тоже многочисленную группу художественных изделий, в основе которых лежало изображение человеческого лица, сопоставимое по достоверной трактовке с ликами на ратмановских предметах, составляют маски. Как правило, местом их изготовления были материковые побережья Аляски, однако как минимум две маски имеют непосредственно «ратмановское происхождение». В 1885 г. они были приобретены исследователем Севера, капитаном китобойных судов Ф. К. Геком, у жителей острова и в настоящее время находятся в Приморском государственном музее им. Арсеньева во Владивостоке (Шоссонэ, 1996, с. 70).

Особый интерес из двух этих произведений представляет маска с искривленным ртом. Ее, в первую очередь, следует сопоставить с личиной

из «коллекции Богословской». Сближает эти произведения не только форма рта, но и асимметрия форм. Подобный художественный прием использовали многие эскимосы, резавшие по дереву, однако, сопоставляя лики ратмановских скульптур с аналогичными изображениями из других ареалов эскимосского мира, находишь в них любопытную отличительную черту. Асимметрия в этих произведениях не бросается в глаза, не доминирует. Ее замечаешь, лишь всмотревшись в изображения. Можно ли считать такой подход чем-то «специфически ратмановским», сказать трудно, однако представляется весьма вероятным, что у резчиков по дереву, работавших на о-вах Диомида, был свой, локальный художественный стиль, отличавший их работы от изделий, созданных на других территориях.

Одним из аргументов в пользу этой гипотезы может служить антропоморфная маска из Национального музея естественной истории, приобретенная на о-вах Диомида Э. Нельсоном в 1881 г. (фото 1 на с. 441). Она, с одной стороны, обладает заметным своеобразием (укрупненные черты, грубоватая манера исполнения), но, с другой стороны, обнаруживает очевидное сходство и с личиной, и с большой мужской головой из коллекции Музея Востока. Сходство данной маски с ратмановской личиной проявляется в узком разрезе глаз, создающем впечатление, что они полузакрыты; также у обоих ликов крупные, крючковатые носы. С «головой предка» маску из «коллекции Нельсона» сближает, в первую очередь, характер изображения рта. И в том, и в другом случае губы персонажей тщательно проработаны, рты полуоткрыты и имеют форму правильного овала.

К этой манере изображения рта обратимся еще раз чуть ниже, а сейчас я хотел бы вернуться к «искривленному рту». С этой чертой одного из эскимосских локальных стилей, имеющего, как свидетельствуют археологические находки в Эквене, многосотлетнюю историю, мы встречаемся еще в одном художественном изделии ратмановского происхождения: в антропоморфном лице на деревянной затычке для сделанного из тюленьей шкуры поплавка — «пых-пыха» (фото 2 на с. 441). Этот предмет, так же, как две упоминавшиеся выше ратмановские маски, был привезен с Большого Диомида капитаном Ф.К. Гекком и тоже является в настоящее время экспонатом Приморского государственного музея им. Арсеньева (Шоссонэ, 1996, с. 93).

Изображение на пых-пыхе интересно не только этой иконографической деталью, но и способом исполнения глаз: зрачки антропоморфно-

Деревянная маска с о-вов Диомиды. Приобретена Э. Нельсоном в 1881 г. Национальный музей естественной истории, Смитсоновский институт (Вашингтон), E641215b

Миниатюрная маска (личина) с о. Ратманова, вырезанная на затычке для поплавка из нерпичьей шкуры. Приобретена Ф.К. Геком в 1885 г. Владивосток, Приморский государственный музей им. Арсеньева, № 1132-34. Воспроизведено по Шоссонэ, 1996, 70

го лица выполнены в технике инкрустации. Тот же технический прием был использован при создании двух ритуальных предметов, переданных в наш музей Л.С. Богословской. У обеих ратмановских мужских голов глаза выполнены так же; отличия заключаются только в том, что в случае с пых-пыхом это бисер, в двух других — дерево и пирит.

Глаза, инкрустированные бисером, — отличительная черта деревянной ритуальной скульптуры, о которой мне сообщила Э. Чан. Выявленное на м. Хоуп и находящееся ныне в Музее Филда в Чикаго, это произведение традиционного эскимосского искусства может быть сопоставлено с антропоморфными изображениями из «коллекции Богословской» и по ряду других параметров. Удлиненный овал лица, прямой, слегка расширяющийся книзу нос, тщательно смоделированные скулы, узкий, четко очерченный подбородок сближают этот образ с тем, как трактованы лица у большой и малой мужских голов и у антропоморфной фигуры. Скульптура с м. Хоуп примечательна еще как минимум в одном отношении. Ее рот изображен в манере, близкой к той, что была описана выше при сравнении губ у большой «головы предка» и у тоже имеющей «ратмановские корни» антропоморфной маски из коллекции Э. Нельсона.

Очевидные параллели между ратмановскими изображениями и скульптурой, что, по всей вероятности, была создана к северу от о-вов Диомида, на северо-западном побережье Аляски, указывают на одно из важных направлений в поисках истоков локального художественного стиля, бытовавшего в позапрошлом веке на о. Ратманова. Но, как мне представляется, поиски следует вести и в направлении, в географическом отношении противоположном. Известны четыре эскимосские ритуальные маски из коллекции того же чикагского Музея Филда (Field Museum of Natural History), собранные несколько южнее о-вов Диомида, на материковом побережье Аляски, в районе Порт-Кларенс (VanStone, 1976, p. 114–115). В этих масках прослеживаются черты, позволяющие сблизить их и с антропоморфными скульптурами из «коллекции Богословской», и с другими антропоморфными изображениями, упомянутыми в настоящей статье.

В необходимости искать истоки «ратмановского стиля» не только на северном, но также на западном и юго-западном побережьях Аляски меня убеждают следующие наблюдения. Антропоморфная фигура из коллекции Музея Востока весьма близка в иконографическом и стилистическом отношении двум деревянным эскимосским скульптурам с о. Кадьяк. У них точно так же предельно геометризованы тела и так же, как на скульптуре, переданной музею Л. С. Богословской, тщательно вырезаны лица (см. Fitzhugh, Crowell, 1988, p. 135). Не меньше общих черт можно найти в ратмановской «гагаре» и в деревянной эскимосской маске с Нижнего Юкона, которой придана форма летящего топорка. В этой маске, как в скульптуре «гагары», «орнитоморфная составляющая» соединена с «антропоморфной», причем последней — изображению лица — тоже отведено в композиции центральное место (см. Fitzhugh, 1982, p. 109).

Обращение к ареалу, лежащему к югу от о-вов Диомида, может, как мне представляется, привести нас к еще одному из истоков некоторых стилистических черт, что мы наблюдаем в скульптуре эскимосов Берингова пролива. У большой мужской головы из «коллекции Богословской» есть любопытная иконографическая особенность: высунутый язык (фото 1 на с. 425). Подобных изображений нет на Чукотке и в Сибири, но они часто встречаются в искусстве народов Юго-Восточной Азии, Океании и Северо-Западной Америки. Оставляю за скобками вопрос о сходных элементах в искусстве эскимосов и мореходов тропических морей. Что касается искусства индейцев-глинkitов и родственных им

хайда, в деревянных скульптурах которых, в том числе на тотемных столбах, присутствует образ антропоморфного существа с языком, выглядывающим из-за зубов (см., напр., Collins et al., 1973, p. 230, 264; Feder, 1973, p. 110–111; Fitzhugh and Crowell, 1988, p. 108; Тлинкиты., 2007, с. 59, 198, 207, 209, 219, 223), здесь ситуация, на мой взгляд, иная. Территория расселения этих этносов — Британская Колумбия и южные районы Аляски — соседствовала с территорией расселения американских эскимосов. Учитывая это обстоятельство, позволю себе высказать одно, возможно, достаточно рискованное предположение: в иконографии «большой головы предка», найденной на о. Ратманова, могли найти отражение эскимосско-индейские культурные связи.

Косвенное подтверждение этой гипотезы, которую, разумеется, следует расценивать исключительно как «рабочую», — определенное сходство, которое, на мой взгляд, прослеживается между ратмановской «байдарой» и деревянными изображениями лодок у тлинкитов. Миниатюрные модели лодок изготавливали в XIX в. и эскимосы, и алеуты, но среди доступных мне материалов практически не оказалось изделий, которые можно было бы сопоставить с ратмановской скульптурой. Единственное исключение — модель умиака, созданная эскимосами о. Кадык. Она похожа на «байдару», но изготовлена в основном не из дерева, а из кожи (Корсун, 2010, с. 180–181). Между тем, известно как минимум два тлинкитских объемных изображения лодок с воинами или охотниками, которые по манере исполнения близки «байдаре» Л. С. Богословской (Тлинкиты., 2007, с. 40–41). Я, несомненно, далек от мысли о прямых контактах между аборигенами о. Ратманова и индейцами Южной Аляски, но определенные, возможно, достаточно слабые влияния культуры последних, могли, с моей точки зрения, достичь Берингова пролива.

Имаклик и имаклъигмит

Говоря о значении коллекции, переданной Музеем Востока Людмилой Сергеевной, не могу не коснуться еще одной важной темы. Ритуальные предметы с о. Ратманова — памятники культуры чрезвычайно интересной и, увы, практически исчезнувшей этнотерриториальной группы эскимосов Северной Пацифики. «Имаклъигмит» (имаклик-

цы) — такое название было у общины, которая населяла о. Ратманова и в еще относительно недавнем прошлом насчитывала около 100 человек (Krupnik, Chlenov, 2013, p. 34–36, 113–114). В переводе «имакльигмит» означает «жители Имаклика» — так называется на диалектах инупик остров, и так же назывался самый крупный из трех поселков, которые когда-то находились на нем.

Слово «Имаклик» имеет разные толкования. Согласно одной из версий (см. Краусс, 2004, с. 356) оно означает «Дальний». Смысл этого названия станет понятным, если принять во внимание, что эскимосское название о. Крузенштерна «Иналик» переводится на русский язык как «Ближний». Подобные имена о-вам Диоида могли дать только жители материкового побережья Аляски, для которых Малый Диомид (о. Крузенштерна) действительно был «ближним», а расположенный к западу от него, ближе к Чукотке, Большой Диомид (о. Ратманова) — «дальним».

Другой перевод слова «Имаклик» — «Окруженный водой» (Меновщиков, 1972, с. 97). Такое название острова тоже является точным. Почти 40 км отделяют его от Чукотского п-ова, около 50 км — от Аляски. Если не считать находящегося поблизости Малого Диоида, крохотного островка, площадь которого едва превышает семь квадратных километров, и необитаемой скалы Фэруэй, вокруг Имаклика — сплошная вода. Точнее, беспокойные, изобилующие сложными подводными течениями воды двух океанов, Тихого и Северного Ледовитого, на стыке которых он расположен.

Сравнительно небольшая удаленность о-вов Диоида от Чукотки и Аляски способствовала контактам имакликцев с представителями других этнотерриториальных групп. Больше того, за свою — как минимум, двухтысячелетнюю — историю (наиболее ранние из обнаруженных здесь археологических находок относятся к древнеберингоморской культуре) жители о. Ратманова, по-видимому, не раз становились посредниками в установлении и поддержании культурных связей между людьми, населявшими разные части света — Азию и Америку. Тем не менее, близость к материкам была относительной. Водные пространства, отделяющие Имаклик от чукотского берега, от берегов Аляски, несмотря на небольшие размеры, были в навигационном отношении серьезной морской преградой. Трудности создавали не только идущие в разных направлениях подводные течения, но частые штормы, туманы, а также плавучие льды, появление которых в северной части Берингова

пролива не редкость даже в разгар лета. Зимой, которая длится в этих местах не меньше восьми месяцев, пролив между Чукоткой и Аляской покрыт дрейфующим льдом, передвижение по которому на собачьих упряжках или пешком почти невозможно. Таким образом, Имаклик был одновременно как «перекрестком», так и «изолятом». Люди, населявшие его, то принимали гостей и сами навещали соседей, то надолго оставались отрезанными от мира.

Подобные природные и социокультурные факторы не могли не наложить отпечаток на духовную жизнь островитян, на их религиозные представления и изобразительное искусство. Обращаясь к данной локальной традиции, мы открываем новую грань эскимосского мира, новую страницу в культурном наследии народов Арктики, и поэтому так велика научная значимость ритуальных скульптур с о. Ратманова, вошедших в собрание Музея Востока благодаря Л. С. Богословской.

Ценность этих художественных изделий высока еще по одной причине. Выше уже говорилось о том, что этнотерриториальной группы эскимосов-имакльигмит фактически больше не существует. После установления на Чукотке советской власти жители Имаклика стали постепенно покидать родные места и перебираться на Малый Диомид. Этот процесс ускорился в годы коллективизации и в еще большей степени — накануне насильственного переселения имакликцев из ставшего «погранзоной» родного поселка в Наукан. Поселившись на Малом Диомиде, а также в Номе и других эскимосских селениях Аляски, имакликцы во многом утратили свою этнокультурную идентичность. То же произошло с несколькими ратмановскими семьями, которые в 1948 г. оказались в Наукане, а спустя десять лет разделили с науканцами, также выдворенными из своего «родового гнезда», их печальную судьбу...

Коллекция ратмановских изделий из дерева, находящаяся в Государственном музее Востока, всегда будет напоминанием о мужественных и талантливых людях, эскимосах-имакльигмит, населявших на протяжении многих столетий затерянный в океане небольшой каменистый осколок ушедшей под воду Берингии. И такой же светлой вехой останется в нашей памяти имя Людмилы Сергеевны Богословской — ученого и общественного деятеля, мужественной, талантливой, обаятельной женщины, широта профессиональных интересов которой простиралась от нейроморфологии морских млекопитающих до археологии и этнографии народов Крайнего Севера.

Литература

- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). — М., 1975.
- Богословская Л. С. Байдарочка и летящая птица // Вокруг света, 1988. № 6. С. 33–36.
- Бронштейн М. М. Произведения древнеэскимосского искусства в собрании Государственного музея Востока // Памятники культуры. Новые открытия, 2000. — М., 2001. С. 366–384.
- Бронштейн М. М., Днепровский К. А., Сухорукова Е. С. Мир арктических зверобоев: шаги в непознанное. — М.; Анадырь, 2007.
- Бронштейн М. М., Широков Ю. А. Деревянная скульптура эскимосов Берингова пролива // Научные сообщения Государственного музея Востока. Вып. XXIII. — М., 2000. С. 155–162.
- Бронштейн М. М., Широков Ю. А. Чукотская и эскимосская резная кость. Художественные изделия I — XX вв. из коллекций Государственного музея Востока. — М., 2008.
- Днепровский К. А. Работы Чукотской археологической экспедиции // Отчет Государственного музея Востока, 2010. — М., 2011. С. 101–102.
- Корсун С. Л. Эскимосы аляутиик: каталог коллекций Кунсткамеры. — СПб, 2010.
- Краусс М. Названия мест (топонимы) // Словарь языка науканских эскимосов / Сост.: Е.В. Головкин, Е.А. Добриева, С. Джейкобсон, М. Краусс. — Фэрбенкс: Центр изучения языков коренного населения Аляски, 2004. С. 319–369.
- Крупник И. И., сост. Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1975–1987 гг. — М., 2000.
- Меновицков Г. А. Местные названия на карте Чукотки. — Магадан, 1972.
- Тлинкиты: каталог коллекций Кунсткамеры. — СПб, 2007.
- Членов М. А. Экологические факторы этнической истории района Берингова пролива // Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики. — М., 1988. С. 64–75.
- Шоссоннэ В., сост. Перекрестки континентов. Культуры коренных народов Дальнего Востока и Аляски. Вашингтон — М., 1996.
- Bandi H-G. Die Kunst der Eskimos auf der St. Lorenz-Insel in Alaska. — Bern und Stuttgart, 1977.
- Collins H. B., Laguna de F., Carpenter E., Stone P. The Far North: 2000 years of American Eskimo and Indian Art. — Washington, 1973.
- Feder N. American Indian Art. — New York, 1973.
- Fitzhugh W. W., Kaplan S. A. Inua: spirit world of the Bering Sea Eskimo. — Washington, 1982.
- Fitzhugh W. W., Crowell A. Crossroads of Continents. Cultures of Siberia and Alaska. — Washington, 1988.
- Krupnik I. and Chlenov M. Yupik Transitions: change and survival at Bering Strait, 1900–1960. — Fairbanks, 2013.
- VanStone J. W. The Bruce Collection of Eskimo Material Culture from Port Clarence, Alaska // Fieldiana: Anthropology, Vol. 67. — Chicago: Field Museum of Natural History, 1976.
- Wardwell A. Ancient Eskimo Ivories of the Bering Strait. — New York, 1986.

К истории аборигенных собак Чукотки

Д. Васюков, А. Савинецкий

Введение

Невозможно писать о Людмиле Сергеевне в прошедшем времени. Ведь за более чем тридцатилетнее знакомство мы так привыкли к долгим разговорам с ней на самые различные темы. Наши тесные контакты с ней начались в конце 1980-х годов, когда мы начали изучать динамику экосистем Чукотки за последние тысячелетия и вместе с сотрудниками Музея Востока ездить на побережье Берингова пролива раскапывать древнеэскимосские поселения. Именно с этого времени мы стали постоянно тревожить её бесконечными вопросами о Чукотке, её природе, её жителях и образе их жизни, биологии морских птиц и млекопитающих. И все её советы были для нас бесценными, ведь она там провела к этому времени более 10 полевых сезонов.

Как настоящий учёный она ко всей своей работе относилась очень скрупулёзно, тщательно собирая, проверяя и перепроверя полученные данные. Несомненно, важную роль в научной жизни Людмилы Сергеевны играли аборигенные собаки Севера, в особенности, — ездовые собаки Чукотки. Ею были организованы несколько экспедиций в национальные посёлки Чукотки для проведения переписи, учёта и описания собак. Это была не просто её любознательность, а с самого начала — серьёзное научное исследование. Так, в середине 1980-х гг. она вместе с коллегами учла всех собак (всего около 2500) в 13 посёлках двух районов Чукотки — Провиденском и Чукотском. Ей удалось выяснить, какие из них использовались в качестве ездовых, сколько было упряжек и сколько их приходилось на одну семью и посёлок. Людмила Сергеевна высчитывала различные морфологические индексы собак Чукотки. На основе полученных промеров собак, изучения их рабочих качеств и поведения ею было сделано описание аборигенной породы — чукотской ездовой лайки — и разработан её стандарт. Впервые он был опубликован Российской федерацией служебного собаководства в 1993 году.

Неудивительно, что наши многочисленные находки остатков собак при раскопках древних поселений, а в особенности — два погребения собак, обнаруженных на крупнейшем известном древнеэскимосском могильнике Эквен, а затем и погребение собаки на древнем поселении Пайпельгак, вызвали её громадный интерес. Именно описанию данного материала и посвящена наша статья.

Исторические источники об аборигенных собаках Арктики

Большую часть года Арктика представляет собой крайне тяжёлую для жизни человека местность. Суровый климат, сложность и опасность охоты, дефицит строительных материалов и многое другое — всё это стало привычным для людей, которые много веков живут в таких условиях. Собаки, попав в эти края с человеком, по-видимому, весьма успешно вжились в роль его основных помощников, выполняя тяжёлую повседневную работу. Согласно этнографическим источникам, известны разные способы использования собак в Арктике (Антропова, Левин, 1961). Практически все сибирские народы имеют собак (Сарычев, 1802); даже кочевые оленные племена, использующие оленей не только для получения мяса и выделки их шкур, но и в качестве транспортного средства, держат собак для разных нужд.

*Современные
ездовые собаки Чукотки.
Фото Н.И. Калюжиной, 2007*

Собачья упряжка с нартой и снаряжением охотника для перезда на дальние расстояния. Фото Н.И. Калюжиной, 2006

Основной функцией собак на Чукотке и на значительной территории Арктики была и остаётся сегодня транспортная: собак запрягают в нарты для перевозки грузов и людей между поселениями и местами охоты (Богословская и др., 2007). Такие функции, как охрана и участие в охоте, были, как правило, второстепенными. Использование собак в качестве ездовых отмечается во всех этнографических источниках по Чукотке, Аляске, Северо-Восточной Канаде и Гренландии (Сарычев, 1802; Hooper, 1853; Nordenskiöld, 1881; Nelson, 1900; Bogoras, 1901, 1904; Расмуссен, 1958; Малори, 1973; Кук, 1987 и др.). Нагрузка, возлагаемая при этом на собак, очень различается. Так, к собаке (обычно одной) могут привязать волокушу или просто тюленью тушу (Nordenskiöld, 1881), которую она волочит к поселению. Собак использовали для транспортировки лёгких байдар по снегу к открытой воде или просто вдоль берега (Сарычев, 1811). Обычно же их впрягали в упряжки, насчитывавшие от 2 до 28 особей (Nordenskiöld, 1881), нагружая нарты или тобогганы провизией так, что на собаку могло приходиться до 40 кг груза (Миддендорф, 2004).

В зависимости от поверхности льда/снега, а также в силу региональных культурных отличий, собак запрягают разными способами (Антропова, Левин, 1961). Наиболее распространены два типа: веерный и цуговой. В первом случае собаки расположены веером, что облегчает перемещение по тонкому льду или проталинам: если провалится одна

Упряжка «цугом» – наиболее типична для современного ездового собаководства Чукотки. Село Лаврентия, апрель 2009. Фото Н.И. Калюжиной

собака, другие, а также нарты, останутся на поверхности. Когда запрягают цугом, собаки выстроены друг за другом в один или два ряда. Последний способ более выгоден, например, при прохождении торосов, когда пространство для манёвров может быть очень узким.

Кроме езды на упряжках, собак использовали и для охоты на белого медведя. При этом собаки нужны для совершения манёвра, в результате которого медведь сбивается с ног резким боковым ударом нарты, что приводит его в удобное для обстрела положение (Малори, 1973). Более популярная охота — подлёдная добыча тюленей. От собак требуется, в первую очередь, вынюхивать отдушины зверя, занесённые снегом (Bogoras, 1904; Расмуссен, 1958; Малори, 1973 и др.). Когда отдушина найдена, человек с лающими собаками ходит концентрическими кругами вокруг охотника, стерегущего лунку, приводя, таким образом, зверя в засаду (Малори, 1973). Далеко не каждая собака пригодна для этой цели. По всей видимости, специальных собак с развитым нюхом, которых держали бы именно для этой охоты, у эскимосов не было. Богораз отмечает, что отдушины выискивает собака из упряжки с наиболее развитым нюхом (Bogoras, 1904).

Сторожевые функции собакам выполнять в целом не требуется, многие этнографы отмечают, что воровства у аборигенов Арктики не существовало (Nordenskiöld, 1881; Bogoras, 1904 и др.). Тем не менее, собаки оповещают о близости медведя, который может принести серьёзный ущерб людям, находящимся внутри помещения (Малори, 1973). Не исключено, что в периоды межэтнических войн собаки также выполняли сторожевые функции, извещая жителей о приближении врага.

Использование собак в пищу, по всей видимости, зависело в большей степени от религиозных убеждений, чем от каких-либо других традиций или нехватки пищи. Богораз пишет, что эскимосы ели собак во время голода (Bogoras, 1901), а Норденшельд, — что не ели, даже если убивали в ритуальных целях (Nordenskiöld, 1881). Тем не менее, у нас есть основания полагать, что повсеместного табу на мясо собаки, видимо, не было. Некоторые археологические данные подтверждают использование эскимосами собак в пищу (Park, 1987). мех собак — очень ценный тёплый материал, использовался практически повсеместно (Hooper, 1853; Nelson, 1900; Bogoras, 1904).

Шведский географ и мореплаватель Нильс Адольф Эрик Норденшельд в ходе экспедиции 1877–1878 гг., оставил заметки о прибрежных жителях Чукотки, на чьих землях ему пришлось зимовать. Вот что он пишет про собак береговых жителей северной Чукотки: «...одинаковой породы, но мельче, чем эскимосские собаки гренландских эскимосов. Они напоминают волков — длинноногие, длинношёрстые и косматые. Уши короткие, обычно стоячие, цвета самые разные: от чёрного до белого, чёрные с белыми пятнами, от серого до жёлто-коричневого» (Nordenskiöld, 1881; *перевод авторов*). Надо сказать, что гренландские собаки до сих пор являются самыми крупными из «лайкообразных» собак и, по-видимому, по археозоологическим данным, были крупными уже 2000 лет назад (Møhl, 1986).

Этнографических описаний и каких-либо сведений о собаках у оленных чукчей меньше, чем у прибрежных жителей. Лейтенант Хупер оставил редкое описание собак оленных чукчей, с которыми ему удалось встретиться:

«[Их] собаки преимущественно маленькие, длинношёрстые и поджарые, со стоячими ушами и пушистыми хвостами; у них много черт, напоминающих волка и лису... Некоторые чукчи обладают высокими и сильными метисами — вероятно, вследствие контактов

с русскими,— с короткой шерстью и напоминающими пойнтеров. Один тип собак, который мы видели, был похож на шотландскую борзую, эти собаки были способны развивать огромную скорость и были неутомимы, но аборигенные собаки несравненно лучше переживают голод и холод, тогда как приезжие собаки просто погибают, особенно ранимыми у них являются лапы...» (Hooper, 1853)

[перевод авторов].

Прямого упоминания в тексте того, что эти «маленькие» собаки были оленегонными, нет, напротив, есть описания их использования в качестве ездовых. Заимствование короткошёрстных собак у русских кажется несколько сомнительным предположением, но наличие собак типа «шотландских борзых» совершенно очевидно указывает на контакты если не с русскими, то с какими-либо другими европейскими путешественниками. Численность собак на поселениях далеко не всегда упоминается в этнографических работах. Как писал в начале XX века врач-путешественник Фредерик Кук «...численность собак — критерий процветания эскимосов...» (Кук, 1987). Это очень меткое замечание, поскольку зависимость количества собак от добытого жителями пропитания несомненна. По разным оценкам, на одну собаку требуется около 350–500 кг еды в год (Foot, 1965; Saladin d'Anglure, 1984), а упряжка из 12 собак потребляет еды в два раза больше, чем одна семья из 4–7 человек (Vogoras, 1901). Поэтому высокая численность собак говорит о благосостоянии поселения, жители которого способны, кроме себя, прокормить и своих собак.

В ходе своих экспедиций Фредерик Кук подсчитал число собак в некоторых береговых эскимосских поселениях Гренландии:

«13 августа ... поселение, мористее мыса Робертсон ... Когда мы подошли к берегу, нам навстречу вышли 10 мужчин, 9 женщин, 1 ребёнок и 106 собак [!]. Я намеренно сосчитал *детей и собак*, потому что они *равно важны для процветания эскимосской жизни* (выделено нами.— Д.В., А.С.) ...25 августа, пос. Анноаток, мыс Инглфилд. ...Обычно в Анноатоке проживают одно-два семейства, однако на этот раз посёлок был заселён на удивление густо. Там собирались лучшие охотники, которые зимой ходили на медведя. Им повезло и летом. Огромное количество мяса сушилось на прибрежных камнях. Больше сотни собак встретило нас...»

(Кук, 1987).

Что известно о древних собаках Арктики по археологическим данным?

В отличие от этнографических данных, остеологические (костные) материалы из археологических памятников позволяют изучать собак, чью историю мы хотим узнать, напрямую. Обычно находки целых и частичных скелетов собак приурочены к местам проживания или захоронений людей. Такие стоянки древнего человека, использовавшего собак для своих целей, находят по всему миру (Morey, 2006), в том числе, и на территории России (Арутюнов, Сергеев, 1975; Диков, 1979, 1989; Питулько, 1998; Sablin, Khlopachev, 2002; Ovodov et al., 2011; Zinoviev, 2012; Чубур, 2014 и др.). Несмотря на десятилетия раскопок и археологических исследований на Чукотке, об истории собаководства в этом регионе мы всё ещё знаем крайне мало. Нехватка материала характерна как для Чукотки (Диков, 1989; Васюков, 2011), так и для других районов Арктики (Arnold, 1979; Morey, Aaris-Sørensen, 2002).

Многие считают собак неотъемлемым атрибутом культуры арктических охотников (Arnold, 1979; McGhee, 1996 и др.). В наше время, когда ещё сохраняется быт современных эскимосов Северной Гренландии и Канады, активно ездящих на собаках, может создаться впечатление, что так всегда и было. Однако данные из стоянок древних арктических охотников, в том числе палеоэскимосов, говорят об обратном. В поселении на о. Жохова (Новосибирский архипелаг), существовавшем около 8000 л.н., были найдены семь костей собак, принадлежавших, предположительно, одной или двум особям (Pitul'ko, Kasparov, 1996). При этом доля костей собаки от всех остатков (895 шт.) составляла всего 0,78%, что, по сравнению с костными остатками в более поздних памятниках, крайне мало. Известно, что до прихода эскимосов культуры туле в Гренландию и Восточную Арктику в XI–XII вв. (Friesen, Arnold, 2008), эскимосы, населявшие эти края, практически не пользовались собаками, попадавшими к ним, по всей видимости, случайным образом (Maxwell, 1985; Dumond, 1987; McGhee, 1996; Morey, Aaris-Sørensen, 2002). Остеологическая коллекция из поселения Qaja (Западная Гренландия), существовавшего 3950–2900 л.н., представлена 15.000 костных остатков, из которых только 18 принадлежат собакам (0,12%), при минимальном числе 2 особи (Møhl, 1986).

Напротив, в культурных слоях неоэскимосских археологических памятников Чукотки, Аляски, Канады и Гренландии, начиная с рубежа

новой эры, кости собак, как правило, представлены в большом количестве (Larsen, Rainey, 1948; Park, 1987; Динесман и др., 1996; Васюков, 2011 и др.).

Многие этнографы (см. выше) обращают внимание на большое число собак в тех поселениях, где они используются. Большое количество собак, очевидно, приводит к большему относительному количеству их костных остатков на поселении, являющемся предметом археологического исследования. Так что этот показатель (процент костей собак от общего количества костных остатков) является достаточно надёжным критерием при оценке использования собак древними людьми. Небольшое относительное количество костей собак в арктических поселениях древнее 2000 лет говорит о том, что, даже если собаки и играли какую-то роль в быте этих людей, она была очевидно несущественной (Morey, Aaris-Sørensen, 2002). Вероятнее всего, повсеместное распространение собак на Чукотке и Восточной Арктике сегодня — результат лишь относительно недавнего времени (Morey, Aaris-Sørensen, 2002).

Ритуальные захоронения собак — в большинстве случаев показатель того, что собака играла какую-то роль в духовной жизни людей; косвенно из этого следует вывод и об её бытовой значимости. Роли собаки в религиозной жизни морских зверобоев нельзя преувеличить: она присутствует практически в любом мифе, во многих обрядах, она охранник души, когда та по каким-либо причинам покидает тело (Богораз, 1939).

Ещё в палеолите, около 10.000 лет назад на р. Камчатке охотники, занимавшиеся рыболовством и охотой на бизонов, совершили ритуальное захоронение собаки (поселение «Ушки», Диков, 1989). На сегодняшний день это самое древнее найденное погребение собаки на Дальнем Востоке России. В Усть-Бельском могильнике на Чукотке (среднее течение р. Анадырь) Н. Н. Диковым было обнаружено погребение собаки, относящееся примерно к 1000 г. н. э. (Диков, 1989). Местоположение могильника и коллекция артефактов не позволяют отнести живших там людей к культуре морских зверобоев. Тем не менее, следовое количество орудий, присущих береговым эскимосам (наконечники гарпунов для добычи морских млекопитающих) в погребениях присутствовало, что может быть свидетельством контактов последних с жителями на р. Усть-Белая.

При раскопках жилищ и могильных ям древнеэскимосского поселения Ипиутак на северо-западе Аляски (возраст 200 лет до н. э. — 800 лет н.э.), было обнаружено большое количество костей собак (Larsen, Rainey, 1948). Примечательно, что в некоторых погребениях люди были захоронены вместе с собаками. Во всех жилищах 2% костных остатков от всех костей млекопитающих принадлежало собакам.

На Чукотке, в могилах древнеэскимосского могильника Эквен также были найдены кости собак в двух могилах (Арутюнов, Сергеев, 1975). Здесь же, но в других могилах найдены погребения собак, о которых пойдёт речь ниже.

Объект исследования

Материалом для этой статьи послужила остеологическая коллекция из трёх археологических памятников на северо-востоке Чукотки: поселений Пайпельгак, Канискак и Эквен.

Древнее поселение Пайпельгак ($66^{\circ}34'$ с.ш., $171^{\circ}06'$ з.д.) расположено на берегу Чукотского моря, в 90 км к западу от мыса Дежнёва. Раскопка

*Карта района исследования.
Кружками показаны стоянки
древних морзверобоев,
упоминаемые в тексте*

этого археологического памятника была начата в 2002 г. К. А. Днепровским (Государственный музей Востока) и продолжается до сих пор. Радиоуглеродное датирование двух помещений жилища, обнаруженных при раскопках, показало, что они просуществовали с VII по XII век н.э. В то же время археологи полагают, что всё поселение просуществовало с I в. до н. э. до XVI в. н. э. По данным остеологических исследований, процент костей собак в выборке из поселения Пайпельгак составляет примерно 12% (Васюков, 2011).

Древнее поселение Канискак (66°02' с.ш., 169°56' з.д.) расположено на обрывистом берегу Берингова пролива, на 12 км юго-западнее м. Дежнёва. С 1989–1990 гг. сотрудники ИЭМЭЖ АН СССР проводили раскопки мощного отложения кухонных остатков, представленного преимущественно костями животных (Динесман и др., 1996). В 1990–1991 гг. сотрудник Института археологии АН СССР С.В. Гусев вёл раскопку древнего жилища, непосредственно к которому примыкало отложение кухонных остатков. Послойное радиоуглеродное датирование отложения показало постепенность накопления кухонных остатков с 300-х годов до н.э. по 1600 гг. н.э. По данным остеологических исследований, доля костей собак составляет примерно 2,5% от всех костных остатков млекопитающих (Динесман и др., 1996).

Поселение Эквен (66° 01' с.ш., 170° 06' з.д.) располагается на берегу Берингова пролива, на 18 км южнее мыса Дежнёва. Археологический комплекс представлен непосредственно поселением с жилищами, простирающимися вдоль побережья на 500 м, и могильником. Поселение состоит из многочисленных землянок, одна из которых подробно изучалась Чукотской и Берингийской археологическими экспедициями в 1995–2001 гг. Поселение Эквен просуществовало довольно долгое время — от VI века до н.э. до начала XIX века н.э. (по 35 калиброванным радиоуглеродным датировкам костей китов с поселения). Исследуемая землянка (жилище № 18) относится к короткому периоду существования поселения в VI–VII вв. н.э. (Днепровский, 2001). По данным остеологических исследований, процент костей собак в выборке из поселения Эквен составляет примерно 10% от всех костных остатков млекопитающих (Savinetsky, 2002).

В ходе раскопок на Чукотке было обнаружено два ритуальных захоронения собак. Первое было найдено в 1995 г. в погребении № 329 древнеэскимосского могильника Эквен. В человеческой могиле находилось

два практически целых костяка собак, все кости которых находились в анатомическом порядке. По предположению археолога К. А. Днепровского, проводившего раскопки, человеческое тело через некоторое время после захоронения было вынута из могилы, а вместо него положены две собаки. Рядом с одной из них находился бакулюм (os penis) моржа и нижняя челюсть белого медведя. Радиоуглеродные датировки с последующей калибровкой относят это погребение к IX–XI вв. н.э. Osteометрический анализ показал, что скелет одной из собак принадлежал самцу в возрасте 6–8 лет, другой скелет — особи 8–12 месяцев. На черепе и челюстях старой собаки отсутствовали некоторые зубы. На затылочной области черепа взрослого самца были отмечены следы от режущего орудия. На костях более молодой собаки патологий и следов от режущих орудий не обнаружено.

Второе погребение было найдено в 2009 г. на древнем поселении Пайпельгак. Скелет также находился в анатомическом порядке. Череп собаки отсутствовал, однако в следующем году (2010) был обнаружен недалеко от места погребения на том же уровне. Захоронение располагалось в непосредственной близости от жилища, под деревянными брёвнами, являвшимися, вероятно, полом коридора жилища или вымосткой между помещениями. Сохранность этого захоронения была гораздо лучше обнаруженного раньше — сохранились практически весь шерстный покров, окостеневшие гортанные хрящи и остатки со-

Погребение собак на могильнике Эквен. Фото К.А. Днепровского

Погребение собаки на поселении Пайпельгак. Фото К.А. Днепровского

держимого кишечника и желудка. Рядом с хвостом собаки находился необработанный бакулум моржа и отсечённый фрагмент рога оленя. Скелет принадлежал взрослому самцу в возрасте 8–10 лет. Стоит отметить уникальность этой находки. Уровень мерзлоты поднялся из-за того, что погребение было быстро засыпано, что обусловило прекрасную сохранность шерсти собаки. До сих пор не было найдено таких крупных остатков собачьей шкуры с шерстью. Длина волоса на некоторых участках достигает 8 см. Рыжий цвет шерсти обусловлен, вероятно, локальными условиями почвы.

Датирование материала

Радиоуглеродные датировки получены в двух лабораториях: в лаборатории исторической экологии Института проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН на двух сцинтилляционных спектрометрах с динамической стабилизацией измерения активности образцов (Сулержицкий и др., 1984) и в Киевской радиоуглеродной лаборатории (НАН Украины) также сцинтилляционным методом. Датирование осуществлялось как по растительным остаткам (древесине), так и по коллагену, выделенному из костей животных. Датировка непосредственно костей собак осуществлялась только в случае захороненных собак. Для радиоуглеродных датировок коллагена из костей животных была произведена калибровка с учётом изотопного фракционирования (Mook, Waterbolk, 1985; Арсланов, 1987), значения $\delta^{13}\text{C}$ использованы из работ других авторов (Chu, 1998; Горлова, 2013). Радиоуглеродные датировки, полученные из морских животных, были откалиброваны с помощью кривой Marine13 (Reimer et al., 2013) с региональной поправкой $\Delta R=380\pm 20$ (полученной на основе среднего значения для побережья северной Пацифики (McNeely et al., 2006), другие датировки были откалиброваны по кривой IntCal13 (Reimer et al., 2013).

В силу ограниченного размера выборки остеологического материала мы прибегли к анализу данных по временным интервалам. Для этого мы отнесли имеющиеся радиоуглеродные датировки и временные отрезки к четырём периодам: 1) от 200 лет до н.э. до 400 лет н.э.; 2) от 401 г. н.э. до 700 лет н.э.; 3) от 701 г. до 1200 лет н.э., и 4) от 1201 г. до 1600 лет н.э.

Реконструкция размеров древних собак

Скелет животного как каркас тела является весьма информативной структурой. Особенности строения скелета отражают многие характеристики животного и условия окружающей среды. Размеры и пропорции тех или иных костей напрямую отражают конституцию и локомоционные адаптации животного. Это делает остеометрические исследования важным инструментом при изучении собак из археологических памятников. При раскопках древнего поселения находят, как правило, не цельные скелеты животных, а разрозненные элементы скелета. В результате естественного процесса захоронения большая часть костей ископаемого материала теряется, а остальные перемешиваются, поэтому найти и достоверно определить хотя бы два элемента скелета, как принадлежащие одной особи практически невозможно. Как правило, реальная скорость накопления культурного слоя на поселениях очень низкая (Динесман, Савинецкий, 2003; Васюков, 2012), поэтому вероятность попадания в культурный слой костей одного животного тоже низкая. Ввиду этого все кости: бедренные, локтевые и прочие — мы считали принадлежащими разным особям.

Археозоологами разработаны методики вычисления общих показателей тела собаки, таких как рост и масса, по отдельным элементам скелета. Таким образом, имея даже одну кость от целого скелета, мы можем выяснить некоторые характеристики конституции обладавшей этой костью собаки. Измерения костей проводились по стандартной методике (Von den Driesch, 1976) с точностью до 0,1 мм.

Для вычисления высоты собак в холке были использованы регрессионные формулы для разных скелетных элементов (Harcourt, 1974; Chrószcz et al., 2007). Масса собак вычислялась по экспоненциальным формулам, в переменные которых входили ширина затылочного мыщелка и максимальная толщина головки бедра (Wing, 1991). При этом мы также вводили поправки для коррекции полученных результатов.

Для сравнения с древними собаками мы использовали современные измерения собак Чукотки, сделанные Л. С. Богословской и Н. А. Носовым в 1987–1988 гг. (25 собак из с. Янракинот, 52 — из с. Лорино, 26 — из с. Уэлен и 31 — из с. Инчоун). Всего было использовано 134 индивидуальных измерений высоты в холке. Эти показатели взяты не у всех измеренных собак из этих селений, а лишь тех, которых исследо-

*Эталонная собака
современной породы
«чукотская ездовая»
(сука Сива,
возраст 7 лет).
Фото Е.С. Богословской,
2000*

ватели сочли принадлежащими к породе «чукотская ездовая» (см. Богословская и др., 2007). В то же время кости собак из археологических памятников, по которым мы высчитывали высоту в холке, не могли быть отнесены к какой-либо породе, поэтому к подобному сравнению двух выборок стоит относиться осторожно.

Использование тибиальных индексов — отношений ширин дистального и проксимального эпифизов к длине большой берцовой кости — позволяет отличить ездовую собаку от не ездовой. Если индексы большеберцовой кости собаки из древнеэскимосского археологического памятника превосходят значения $Ti1 > 0,195$, $Ti2 > 0,198$, $Ti3 > 0,13$, то эта кость с вероятностью 98,2% принадлежала ездовой собаке. При этом важно отметить, что те морфологические изменения, которые вследствие дополнительной нагрузки, возникают в голенных суставах ездовых собак, носят не наследственный характер, а являются прижизненной адаптацией.

Результаты

Ископаемый материал представлен 628 костями взрослых собак и 53 костями щенят из культурных слоёв археологических памятников Канискак (148 костей), Эквен (100 костей) и Пайпельгак (433 кости), а также тремя целыми скелетами собак из погребений на могильнике Эквен и поселении Пайпельгак.

По 272 нижним и верхним челюстям (Gipson et al., 2000; Crockford, 2009) собак из поселений Пайпельгак, Эквен и Канискак был определён индивидуальный возраст животных (табл. 1).

Таблица 1. Возрастной состав собак из древних поселений

Возраст	N (шт.)		%	Возрастная группа	N (шт.)	%
< 1 мес.	3		1,1	щенки	53	19,5
1–3 мес.	5		1,8			
3–5 мес.	22		8,1			
5–8 мес.	13		4,8			
8–12 мес.	10		3,6			
~ 1 г	27		9,9	подростки	27	9,9
1–3,5 лет	47	+72*	60,3	взрослые	185	68,0
3,5–6 лет	45					
6–8 лет	21					
8–10 лет	7	2,6	старые			
Всего	272		100		272	100

* у 72 челюстей и черепов мы могли констатировать лишь принадлежность группе *adulti* и не могли оценить стёртость зубов

По причине худшей сохранности, количество костей щенят, скорее всего, занижено: 90% всех имеющихся костей молодых собак имели погрызы — так что, вероятно, большая часть таких костей была просто сгрызена и не захоронена. Также стоит отметить, что смертность щенят выше, чем у взрослых особей, и вероятность их гибели на поселении — тоже. Несмотря на это, возрастная структура очень похожа на таковую диких псовых, в том числе, одичавших собак и волка (Смирнов, Корытин, 1985; Macpherson et al., 2000; Totton et al., 2010; Gsell et al., 2012), у которых преобладает репродуктивная возрастная группа. Стоит отметить, что старые собаки (старше 8 лет) составляют лишь 2,6%, что совершенно не удивительно в свете суровых условий Арктики.

Сравнение возрастной структуры собак в разных посёлках не показывает каких-то резких отличий, тем не менее, в поселении Канискак кости щенят составляют очень малую долю. Возможно, это вызвано особенностями этого археологического памятника, который по сути представляет собой небольшую по площади помойную кучу. Это может затруднять проведение подобных статистических учётов.

«Место» собаки в фаунистическом комплексе археологических памятников

Процесс захоронения костей собак отличается от такового промысловых животных, которых добывали эскимосы, по нескольким причинам. Во-первых, потому, что собака — домашнее животное, а не дикое. Смерть собаки, как правило, происходит от болезней, травм, неосторожности и т.п. или же приурочена к возможным ритуальным обрядам, тогда как попадание костей промысловых животных в большинстве случаев связано с добычей их человеком. Ввиду того, что собака, вероятно, играла существенную роль в религиозной жизни эскимосов, своеобразное отношение к её останкам сказывалось и на процессе захоронения. Также важным фактором является то, где умерла собака, и что это были за собаки, умиравшие на территории поселения. Вероятно, смертность собак была всё-таки выше вне поселения, и вряд ли их останки возвращали домой. Те же, что погибали на поселении, умирали вследствие стычек с другими собаками, голода и, возможно, вследствие ритуальных или иных действий со стороны морзверобоев.

Так или иначе, трупы умерших собак оказывались доступными для поедания другими животными. Вероятно также, что мясо собак употреблялось в пищу древними людьми. В исследованном нами материале следы от режущих орудий были обнаружены на 62 костях (10%), и встречались во все периоды от 200 лет до н.э. до 1050 лет н.э. на всех элементах скелета. Большая часть этих следов, так называемых «марок», вероятнее всего, связана с мясной разделкой и со снятием шкуры, но одна особенность заставляет обратить на себя внимание. На 32 нижних челюстях из более чем 200 имели место следы от орудий под суставным и на венечном отростках. Такие порезы не могли остаться ни после снятия шкуры, ни при разделке для мяса, а возникли вследствие отделения нижней челюсти от черепа, что могло быть связано с каким-то ритуальным обрядом.

В этом отношении интересны для анализа элементные спектры скелета собак на поселениях (табл. 2). Если принять, что кости собак рассредоточивались по территории поселения случайным образом, и никакие из элементов скелета не изымались из этого распределения, то соотношение элементов скелета должно было бы быть пропорционально соотношению элементов в скелете: на один череп приходилось бы

«Марки» на наружной стороне нижней челюсти.
Фото Д. Васюкова

две нижних челюсти, две плечевых кости, один атлант и т.д. (табл. 2, первый столбец «норма»). Однако, процент суммы количеств черепов и нижних челюстей (краниального скелета) в среднем в 1,6 раза больше «нормального распределения» во всех трёх поселениях. Говоря иными словами, число черепов и челюстей непропорционально больше, чем посткраниальных элементов скелета.

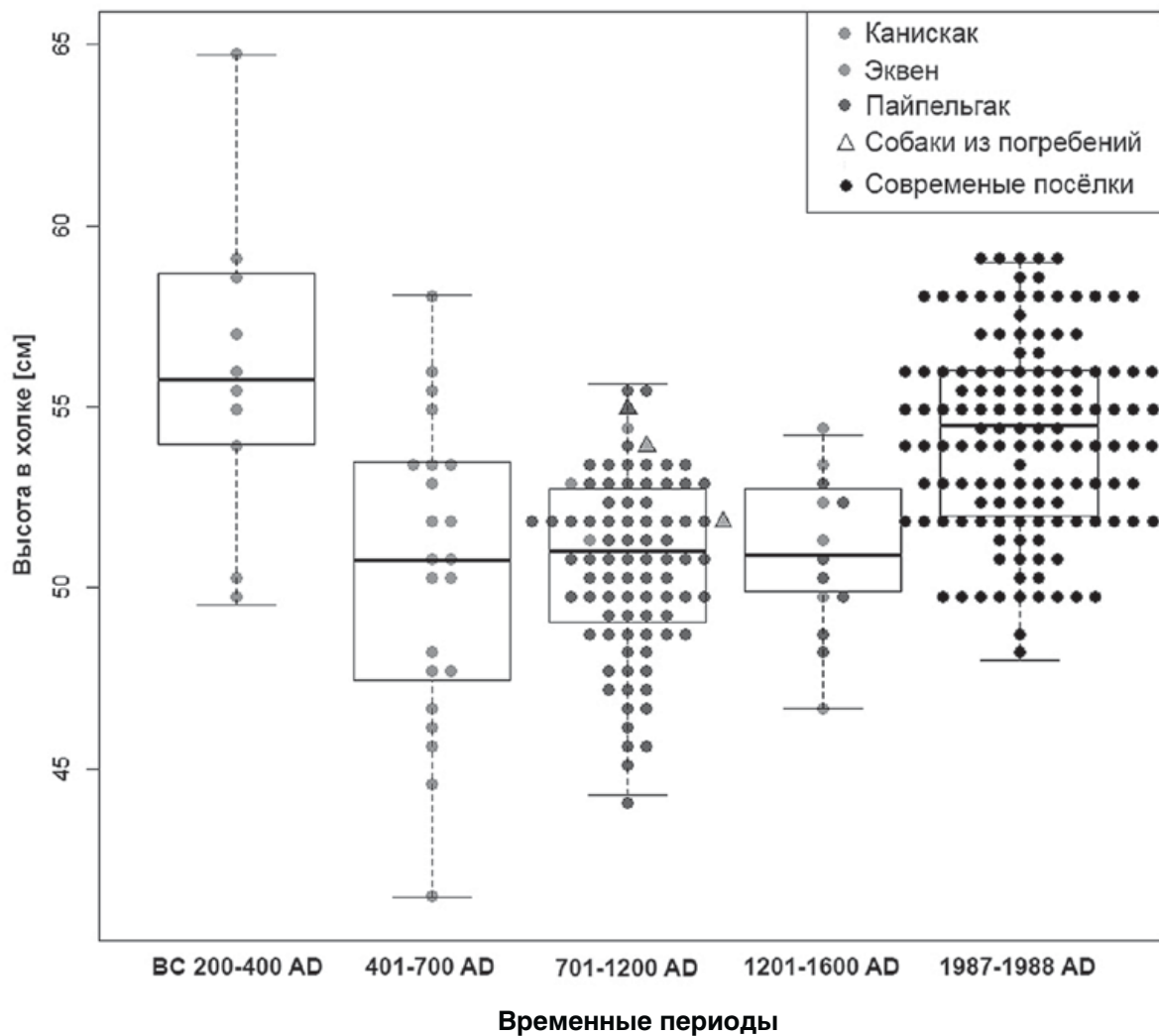
Таблица 2. Число элементов скелета взрослых собак в древних поселениях (шт.)

Элемент скелета	«Норма»	Канискак	Эквен	Пайпельгак
Cranium	1	8	1	26
Mandibular	2	15	7	56
Atlas	1	5	2	24
Epistropheus	1	2	0	15
Sacrum	1	1	0	1
Scapula	2	6	6	14
Humerus	2	7	6	24
Radius	2	3	5	24
Ulna	2	8	10	58
Pelvis	2	4	3	22
Femur	2	4	3	33
Tibia	2	8	3	36
Всего	20	71	46	333
Краниальный скелет, %	15	32	17	25

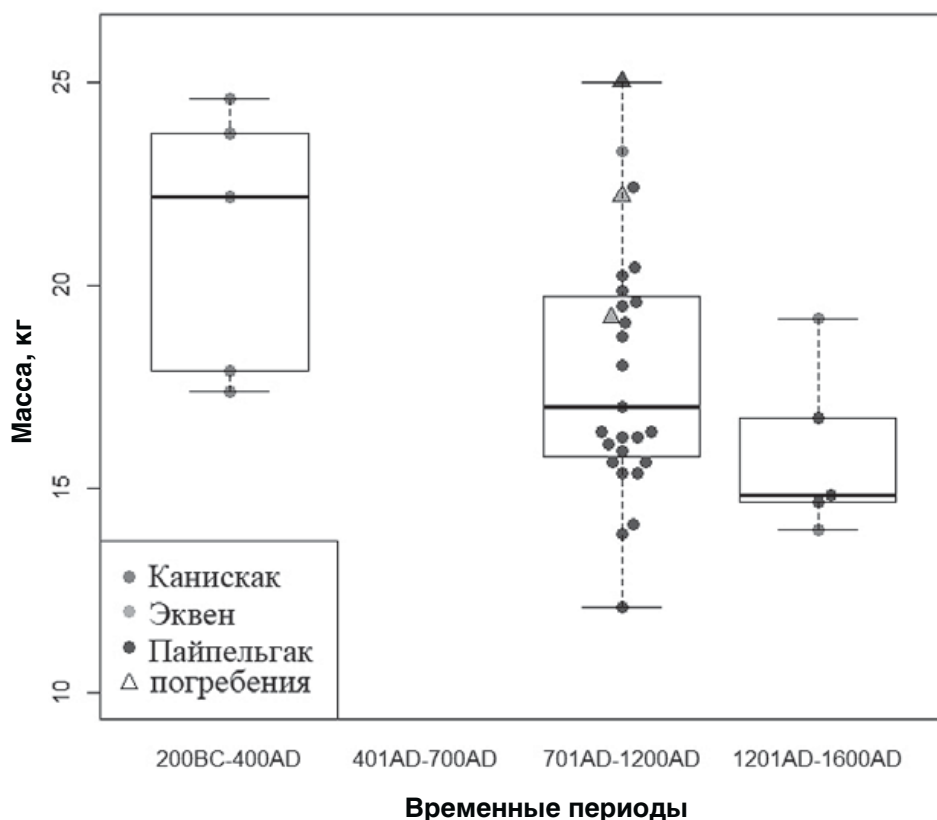
Динамика размера собак

По 130 трубчатым костям собак из слоёв известного возраста всех поселений, а также по 134 измерениям современных собак был построен скаттерплот, иллюстрирующий динамику высоты собак за последние 2200 лет. Таким же образом, но по 37 измерениям была построена аналогичная картина динамики массы собак, но без сравнения с современными собаками за отсутствием необходимых данных.

Собаки из первого периода (са. ВС 200 — са. AD 400) статистически значимо выше собак из других периодов ($p < 0,05$, критерий Уилкоксона), при этом они отличаются от современных «чукотских ездовых»

Динамика высоты в холке собак из древних поселений (Канискак, Эквен и Пайпельгак) и современных посёлков (Янрыкыннот, Лорино, Уэлен и Инчоун, по данным Л.С. Богословской)

Динамика массы собак из древних поселений (Канискак, Эквен и Пайпельгак)

собак. Скорее всего, они также были и тяжелее, но небольшое количество измеренных особей не позволяет сказать это с большой уверенностью. Во втором периоде (са. AD 401–700) собаки становятся в среднем ниже и остаются примерно такими же в последующие два периода. По предварительным генетическим данным, в третьем периоде в популяции чукотских собак происходит резкое увеличение разнообразия митохондриальных гаплотипов. Одновременно с этим нижняя граница распределения высот в холке опускается до минимального значения — 42–45 см. Эти данные указывают на то, что в этот период на Чукотке появились какие-то другие собаки из других районов. Современные «чукотские ездовые» из национальных посёлков Чукотки также статистически значимо выше собак из второго, третьего и четвёртого периодов ($p < 0,05$, критерий Уилкоксона).

Следует отметить, что собаки разных поселений Чукотки, скорее всего, представляли собой и являются сегодня одной панмиксной популяцией. Это предположение основано, прежде всего, на многочисленных свидетельствах торговых связей и культурных заимствованиях

древних жителей Чукотки, значительных перемещениях, вероятнее всего с собаками, по Берингову проливу и побережью (Larsen, Rainey, 1948; Bockstoe, 1973; Арутюнов, Сергеев, 1975; Sheppard, 2004; Gulløv, 2008 и др.). Также нельзя не упомянуть о том, что как сегодня, так и, как минимум, несколько поколений назад, морские зверобои Чукотки имели природное знание такого явления как «инбридинг». По неоднократным сообщениям, охотники старались скрещивать собак своего поселения с собаками из других поселений, избегая тем самым близкородственных скрещиваний. Среди исследованных нами поселений Пайпельгак наиболее удалён от Эквена и Канискака, но расстояние составляет всего лишь 100 км, что не являлось большим расстоянием для древних жителей. Даже если прямого общения между этими посёлками и не существовало, оно могло происходить через какие-то поселения, располагавшиеся между ними. Парное сравнение распределений высот собак из разных поселений из одинаковых временных периодов показало, что статистически значимых территориальных различий между собаками исследуемых поселений не было.

Построенная картина исторической динамики размеров (высоты) чукотских собак пока очень неполная. Однако ещё раз отметим относительно резкий переход от первого ко второму периоду, когда изначально крупные (до 65 см высотой) собаки сменяются более мелкими, среднего размера, и такой же переход от четвертого периода к современному.

Ездовые собаки в древности

В соответствии со значениями высчитанных большеберцовых индексов (Ti2, Ti3, Ti4), 18 целиковых ископаемых большеберцовых костей из слоёв известного возраста были ранжированы на принадлежавшие ездовым и не ездовым собакам (табл. 3).

Все три образца из первого и второго периодов (cal BC 200 — cal 700 AD) были определены как принадлежавшие не ездовым собакам, тогда как 11 из 15 (73%) из третьего и четвертого периодов (cal 701–1600 AD) принадлежали ездовым собакам (одна была не ездовой, три дали неясный результат). Примечательно, что все три собаки из погребений (две на Эквене и одна на Пайпельгаке) были точно идентифицированы как ездовые. Несмотря на небольшую выборку, первый

Таблица 3. Большеберцовые кости из древних поселений и результаты теста на их принадлежность ездовым собакам

Поселение	№ образца	Время	Временной период	Результат классификации
Канискак	190	cal BC 370–160	1	не ездовая
Эквен	164	cal 550–670 AD	2	не ездовая
Эквен	232	cal 550–670 AD	2	не ездовая
Эквен, погр. «А»	579, 580	cal 780–1040 AD	3	ездовая
Эквен, погр. «Б»	581	cal 780–1040 AD	3	ездовая
Пайпельгак, погр.	1070, 1072	cal 1050–1150 AD	3	ездовая
Пайпельгак	107	cal 710–1230 AD	3	ездовая
Пайпельгак	131	cal 710–1230 AD	3	не ездовая
Пайпельгак	214	cal 710–1230 AD	3	ездовая
Пайпельгак	216	cal 710–1230 AD	3	ездовая
Пайпельгак	669	cal 710–1230 AD	3	ездовая
Пайпельгак	687	cal 710–1230 AD	3	ездовая
Пайпельгак	848	cal 710–1230 AD	3	возможно ездовая
Пайпельгак	942	Бирнирк	3–4	возможно ездовая
Пайпельгак	1019	Бирнирк	3–4	ездовая
Пайпельгак	1017	Пунук	3–4	ездовая
Пайпельгак	677	Пунук	3–4	ездовая
Пайпельгак	893	cal 1430–1550 AD	4	возм. не ездовая

и второй периоды, взятые вместе, статистически значимо отличаются от объединённых третьего и четвёртого периодов ($p < 0,05$, точный тест Барнарда).

На основе имеющихся данных мы предполагаем, что ездовое собаководство не было распространено на Чукотке до начала VIII в. н.э. Вероятно, оно появилось здесь между VII и XI веками и, скорее всего, было принесено людьми из других районов.

Существуют прямое и несколько косвенных свидетельств, что ездовое собаководство уже существовало в Арктике к этому времени. Бесспорным подтверждением этого можно считать находку гравированного ножа с изображением собачьей упряжки на Усть-Полуйском

Современные чукотские собаки: чукотская ездовая (справа) и большая лохматая собака-«грузовик» (очень крупная собака, способная перевозить тяжелые грузы). Лорино, 2001 г. Фото Е. Богословской

поселении в Ямало-Ненецком округе, относящуюся к III в. н.э. (Мошинская, 1953). Косвенные свидетельства включают мелкие элементы упряжи или фрагменты полозьев нарт (напр., Pitul'ko, Kasparov, 1996).

Важнейшее событие в эскимосской истории последних 1500 лет — это миграция эскимосов культуры туле из района Берингова пролива в Канадскую Арктику. Она началась около XI–XII вв. н.э. (Friesen, Arnold, 2008). За 100–200 лет эскимосы достигли Гренландии и полностью ассимилировали или вытеснили прежнее население. Близость культурной традиции пунук, широко распространённой на Чукотке, и культуры туле предполагает, что носители культуры туле распространились из района Берингова пролива (или к северу от него) на восток (Jenness, 1940; Stanford, 1976; Gulløv, McGhee, 2006). Их столь быстрое расселение и успешное выживание, скорее всего, было результатом ряда инноваций, в том числе, вероятно, езды на собаках (Mathiassen, 1927; Jenness, 1940; Maxwell, 1985; McGhee, 1996; Morey, Aaris-Sørensen, 2002).

Заключение

Собаки, по всей видимости, играли важную роль в жизни морских зверобоев Чукотки, начиная как минимум с третьего века до н.э. В культурных слоях исследованных археологических памятников процент остатков костей собак составлял от 2% до 12% (от костей всех

*Современные чукотские
ездовые собаки (гонка
«Надежда» 2008 г.).
Фото Н. Калюжиной*

млекопитающих), что значительно больше, чем в палеоэскимосских памятниках (Møhl, 1986; Pitul'ko, Kasparov, 1996).

Анализ динамики размеров собак показал, что древние собаки Чукотки не были одинаковыми как в отдельно взятые периоды, так и на протяжении всего исследованного времени. Разброс по высоте в холке составлял около 20 см (от 42 см до 65 см). Современные «чукотские ездовые» статистически значимо выше собак, живших на Чукотке в период с 400 до 1600 гг. н.э., и не отличаются (по статистическим тестам) от собак из первого периода, однако это может быть следствием селективности выборки современных собак. Ещё раз отметим относительно крупные размеры собак в период с 200 гг. до н.э. до 400 гг. н.э., и уменьшение их в последующий период.

В это же время в популяции чукотских собак происходит увеличение разнообразия гаплотипов (преимущественно за счёт появления гаплотипов, распространённых среди азиатских собак), что говорит о появлении на Чукотке собак из других районов с какими-то новыми мигрантами, на что также указывает появление ездовых собак, предположительно отсутствовавших до VIII в. н.э.

Собаки, несомненно, имели ритуальное значение для древних морзверобоев; однако надо отметить, что все известные погребения собак (как полных скелетов, так и их фрагментов) — на Эквене (Арутюнов, Сергеев, 1975; Васюков, 2011), мысе Хоуп (Larsen, Rainey, 1948), пос. Пайпельгак (Васюков, 2011) — датируются началом второго тысячелетия н.э.

Полученные результаты, скорее всего, связаны друг с другом какими-то событиями, одновременно являвшимися и их причиной. Это могли быть миграции (не обязательно крупномасштабные, как в период культуры туле) каких-то народов из других районов на берега Чукотки. Эти люди приходили со своими собаками, вероятно, отличавшимися от эскимосских как по генотипическому разнообразию, так и внешне. Эти же или другие народы, но примерно в то же время или раньше, предположительно, привнесли ездовое собаководство в уклад морских охотников Чукотки, что, вероятно, дало возможность произойти последней крупной миграции эскимосов из района Берингова пролива в Восточную Арктику.

Благодарности

К сожалению, мы уже посмертно благодарим Людмилу Сергеевну Богословскую за её внимание к нашим исследованиям, за критику и ценные советы. Мы крайне признательны К. А. Днепровскому, начальнику археологической экспедиции на пос. Пайпельгак. Мы благодарим жителей Чукотки, с которыми нам посчастливилось познакомиться, которые проявили неподдельный интерес к нашему исследованию и участвовали в сборе материала: Владимира Дмитриевича Эйнеучейвуна, Дмитрия Владимировича Эйнеучейвуна, Владимира Владимировича Эйнеучейвуна, Владимира Владимировича Радзивилова, Василия Мартынкина, Юрия Ивановича Неньтегрэу, Николая Эттетегина, Вячеслава Андреевича Эллы, Геннадия Александровича Калпо, Льва Владимировича Рыпхыргина, Таисию Аркадьевну Семькину, Майнывыквувье, Нотакванаута, Юрия Борисовича Алейкака, Дмитрия Васильевича Каляуквуна и Тыгрынэута.

Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РФФИ № 15–04–09024 А и российских научных программ президиума РАН «Биоразнообразии природных систем» и «Биологические ресурсы России: Динамика в условиях глобальных климатических и антропогенных воздействий».

Литература

- Антропова В.В., Левин М.Г. Упряжное собаководство // Историко-этнографический атлас Сибири / Ред. М.Г. Левин и Л.П. Потапов. – М.; Л.: Из-во АН СССР, 1961. С. 55–77.
- Арсланов Х.А. Радиоуглерод: геохимия и геохронология / Ред. Ю.А. Шуколюков. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. – 300 с.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник) / Ред. Л.А. Файнберг. – М.: Наука, 1975. – 240 с.
- Богораз В.Г. Чукчи. Религия. Авторизованный перевод с английского. Часть 2. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – 195 с.
- Богословская Л., Слугин И., Загребин И., Крупник И. Основы морского зверобойного промысла: Научно-методическое пособие. – М.: Институт Наследия, 2007. – 480 с.
- Васюков Д.Д. Собаки (*Canis lupus familiaris*) из древних поселений северо-восточного побережья Чукотки / Курсовая работа. Биол. ф-т МГУ, 2011. – 82 с.
- Васюков Д.Д. Археозоологический материал из древнеэскимосского поселения Пайпельгак (северо-восточное побережье Чукотского полуострова/ Дипломная работа. Биол. ф-т МГУ, 2012. – 102 с.
- Горлова Е.Н. Динамика промысловых животных прибрежных экосистем Чукотки в позднем голоцене. Канд. дисс. – М., ИПЭЭ РАН, 2013. – 146 с.
- Горлова Е.Н., Васюков Д.Д. Три вида ластоногих в добыче морских зверобоев северо-восточного побережья Чукотки // Зоологический журнал, 2013. Т. 92. Вып. 9. С. 1064–1076.
- Диков Н.Н. Древние культуры Северо-восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности / Ред. Ж.В. Андреева. – М.: Наука, 1979. – 352 с.
- Диков Н.Н. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Ред. Н.Н. Диков. – М.: Мысль, 1989. – 492 с.
- Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Савинецкий А.Б., Хасанов Б.Ф. Вековая динамика прибрежных экосистем Северо-Востока Чукотки / Ред. Л.Г. Динесман. – М.: Аргус, 1996. – 189 с.
- Динесман Л.Г., Савинецкий А.Б. Количественный учет костей в культурных слоях древних поселений людей // Новейшие археозоологические исследования в России. К 100-летию со дня рождения В.И. Цалкина / Ред. Е.Е. Антипина и Е.Н. Черных. – М.: Языки Славянской Культуры, 2003. С. 34–56.
- Днепроvский К.А. Динамика древнеэскимосской культуры Чукотки в эпоху Бирнирка и раннего Пунука (по материалам археологического комплекса Эквен). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М.: Институт Археологии РАН, 2001. – 27 с.
- Кук Ф. Моё обретение полюса / Перевод с англ. – М.: Мысль, 1987. – 347 с.
- Малори Ж. Загадочный Туле / Пер. с франц. – М.: Мысль, 1973. – 302 с.
- Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. – СПб.: Изд-во Географ, 2004. – 922 с.
- Мошинская В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Материалы и исследования по археологии СССР, 1953. Т. 35. С. 72–107.

- Питулько В.В.* Жоховская стоянка / Ред. В.Я. Шумкин. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. – 186 с.
- Расмуссен К.* Великий санный путь / Пер. с датск. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1958. – 184 с.
- Сарычев Г.А.* Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжении восьми лет, при географической и Астрономической морской Экспедиции, бывшей под начальством Флота капитана Биллингса, с 1785 по 1793 годы. – СПб.: Тип. Шнора, 1802. Ч. 1. – 187 с. Ч. 2. – 192 с.
- Сарычев Г.А.* Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне Чёрном Орле по Северо-Восточному океану в 1791 году. – СПб.: Тип. Шнора, 1811. – 232 с.
- Смирнов В.С., Корытин Н.С.* Возрастная структура и соотношение полов // Волк. Происхождение, систематика, морфология, экология / Отв. ред. Д.И. Бибииков. – М.: Наука, 1985. С. 389–408.
- Сулержицкий Л.Д., Рябинин А.Л. Динесман Л.Г.* Динамический режим измерения активности образцов как способ повышения надёжности и точности радиоуглеродных датировок // Проблемы изучения истории современных биогеоценозов, 1984. С. 102–117.
- Чубур А.А.* Средневековые собаки Новгород-Северского князя // Современные проблемы биологической эволюции: Материалы II Международной конференции (11–14 марта 2014 г., Москва). – М., 2014. С. 203–206.
- Arnold C.D.* Possible evidence of domestic dog in a Paleoeskimo context // *Arctic*, 1979. V. 32. P. 263–265.
- Bockstoce J.* A prehistoric population change in the Bering Strait region // *Polar Record*, 1973. V. 16. P. 793–803.
- Bogoras W.* The Chukchi of Northeastern Asia // *American Anthropologist*, 1901. V. 3. P. 80–108.
- Bogoras W.* The Chukchee (Part I) // *Memoir of the American Museum of Natural History*, 1904. V. 11, P. 1–279.
- Ceci L.*, Shell Midden Deposits as Coastal Resources // *World Archaeology*, 1984. V. 16. P. 62–74.
- Chrószcz A., Janeczek M., Onar V., Staniorowski P., Pospieszny N.* The shoulder height estimation in dogs based on the internal dimension of cranial cavity using mathematical formula // *Anatomia, Histologia, Embryologia*, 2007. V. 36. P. 269–271.
- Chu P.P.* Dietary variation among the prehistoric Asiatic Eskimo. Thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of master of arts. Simon Fraser University, 1998. P. 1–80.
- Crockford S.J.* A practical guide to in situ dog remains for the field archaeologist. Victoria B.C. Canada: Pacific Identifications Inc., 2009. P. 1–146.
- Driesch A., von den.* A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites // *Peabody Museum Bulletin*, 1976. No 1. P. 1–136.
- Dumond D.E.* The Eskimos and Aleuts // *Ancient peoples and places* 87. – London: Thames and Hudson, 1977. – 180 pp.
- Foot D.C.* Exploration and resource utilization in Northwestern Arctic Alaska be-

- fore 1855 / Thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. McGill University, Montreal, 1965. – 460 pp.
- Friesen M., Arnold C.D.* The Timing of the Thule Migration: New Dates from the Western Canadian Arctic // *American Antiquity*, 2008. V. 73. P. 527–538. DOI: 10.2307/25470503.
- Gipson P.S., Ballard W.B., Nowak R.M., Mech L.D.* Accuracy and Precision of Estimating Age of Gray Wolves by Tooth Wear // *Journal of Wildlife Management*, 2000. V. 64. I. 3. P. 752–758.
- Gsell A.S., Knobel D.L., Kazwala R.R., Vounatsou P., Zinsstag J.* Domestic dog demographic structure and dynamics relevant to rabies control planning in urban areas in Africa: the case of Iringa, Tanzania // *BMC Veterinary Research*, 2012. V. 8. I. 236. – 10 p.
- Gulløv H.Ch., McGhee R.* Did Bering Strait people initiate the Thule migration? // *Alaska Journal of Anthropology*, 2006. V. 4. P. 54–63.
- Gulløv H.Ch.* The Nature of Contact between Native Greenlanders and Norse // *Journal of the North Atlantic*, 2008. V. 1. I. 1. P. 16–24.
- Hall C. F.* Arctic Researches and Life Among the Esquimaux. – New York: Harper & Brothers, 1865. – 362 p.
- Harcourt R.A.* The dog in prehistoric and early historic Britain // *Journal of Archaeological Science*, 1974. V. 1. P. 151–175.
- Hooper R.N.* Ten months among the tents of the Tuski, with incidents of an arctic boat expedition in search of sir John Franklin, as far as the Mackenzie river, and cape Bathurst. – London: John Murray, 1853. P. 1–417.
- Jenness D.* Prehistoric Culture Waves from Asia to America // *Annual Report for 1940*. Smithsonian Institution, Washington, D.C., 1940. P. 383–396.
- Larsen H., Rainey F.* Ipiutak and the Arctic whale hunting culture // *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*, 1948. V. 42. P. 1–276.
- Macpherson C.N.L., Meslin F.X., Wandeler A.I.* Dogs, Zoonoses and Public Health / NY: CABI Publishing, 2000. – 382 p.
- Mathiassen T.* Archaeology of the Central Eskimos, the Thule Culture and Its Position Within the Eskimo Culture // *Report of the Fifth Thule Expedition 1921-1924, 1927*. V. 4. Gyldendal, Copenhagen.
- Maxwell M.S.* Prehistory of the eastern Arctic. – Orlando: Academic Press, 1985.
- McGhee R.* Ancient people of the Arctic. – Vancouver: UBC Press, 1996.
- McNeely R., Dyke A.S., Southon J.* Canadian marine reservoir ages: preliminary data assessment. Geological Survey of Canada Open File 5049, 2006.
- Møhl J.* Dog remains from a Paleoeskimo settlement in West Greenland // *Arctic Anthropology*, 1986. V. 23. P. 81–89.
- Mook W.G., Waterbolk H.T.* Radiocarbon dating, Handbooks for Archaeologists, 1985. No 3. P. 1–44.
- Morey D. F., Aaris-Sørensen K.* Paleoeskimo dogs of the eastern Arctic // *Arctic*, 2002. V. 55. P. 44–56.
- Morey D.F.* Burying key evidence: the social bond between dogs and people // *Journal of Archaeological Science*, 2006. V. 33. P. 158–175.
- Nelson E.W.* The Eskimo about Bering Strait. – Washington: Government printing office, 1900. P. 1–518.

- Nordenskiöld A.E.* The Voyage of the Vega around Asia and Europe, with a historical review of previous journeys along the north coast of the Old World. – London: MacMillan, 1881. P. 1–565.
- Ovodov N.D., Crockford S.J., Kuzmin Y.V., Higham T.F.G., Hodgins G.W.L., Plicht J.* A 33,000-Year-Old Incipient Dog from the Altai Mountains of Siberia: Evidence of the Earliest Domestication Disrupted by the Last Glacial Maximum // *PLoS One*, 2011. V. 6. I. 7. P. e22821.
- Park R.W.* Dog remains from Devon Island, N.W.T.: archaeological and osteological evidence for domestic dog use in the Thule culture // *Arctic*, 1987. V. 40. P. 184–190.
- Pitul'ko V.V., Kasparov A.K.* Ancient Arctic Hunters: Material Culture and Survival Strategy // *Arctic Anthropology*, 1996. V. 33. I. 1. P. 1–36.
- Reimer P. J., Bard E., Bayliss A., Beck J. W., Blackwell P. G., Bronk Ramsey C., Grootes P. M., Guilderson T. P., Hafliðason H., Hajdas I., HattĹ C., Heaton T. J., Hoffmann D. L., Hogg A. G., Hughen K. A., Kaiser K. F., Kromer B., Manning S. W., Niu M., Reimer R. W., Richards D. A., Scott E. M., Southon J. R., Staff R. A., Turney C. S. M., & van der Plicht, J.* IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP // *Radiocarbon*, 2013. 55 (4).
- Sablin M.V., Khlopachev G.A.* The Earliest Ice Age Dogs: Evidence from Eliseevichi 1 // *Current Anthropology*, 2002. V. 43. I. 5. P. 795–799.
- Saladin d'Anglure B.* Inuit of Quebec // *Handbook of North American Indians*. V. 5. D. Damas (ed.). – Washington: Smithsonian Institution, 1984. P. 476–507.
- Savinetsky A.* Mammals and birds harvested by early Eskimos of Bering Strait // *University of Oregon Anthropological Papers*, 2002. V. 59. P. 275–305.
- Sheppard W.L.* The Significance of Dog Traction for the Analysis of Prehistoric Arctic Societies // *Alaska Journal of Anthropology*, 2004. V. 2. I. 1–2. P. 70–82.
- Stanford D.* The Walakpa Site, Alaska: Its place in the Birnirk and Thule cultures // *Smithsonian Contributions to Anthropology*, 1976. V. 20. P. 1–244.
- Totton S.C., Wandeler A.I., Zinsstag J., Bauche C.T., Ribble C.S., Rosatte R.C., McEwen S.A.* Stray dog population demographics in Jodhpur, India following a population control/rabies vaccination program // *Preventive Veterinary Medicine*, 2010. V. 97. P. 51–57.
- Zinoviev A.V.* Study of the Medieval Dogs from Novgorod, Russia (X–XIV Century) // *International Journal of Osteoarchaeology*, 2012. V. 22. P. 145–157.

Часть 4.

Права коренных народов

Часть 4.

- Законотворчество в жизни Л.С. Богословской.
Время надежд, успехов и утрат
О. Мурашко (Москва)
- Сотрудничество Л.С. Богословской с Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера
Т. Семёнова , Н. Вронский, Р. Суляндзига (Москва)

Коренные народы Российского Севера в условиях глобальных климатических изменений и воздействий промышленного освоения Севера
Л. Богословская

Село Энмелен, 2002 г. Фото Н. Калюжиной

Законотворчество в жизни Л.С. Богословской. Время надежд, успехов и утрат

О. Мурашко

Время надежд

С Людмилой Сергеевной Богословской я имела честь и счастье познакомиться в 1988 году, когда мы, группа ученых-североведов разных специальностей: этнографы, географы, медики, биологи (А.И. Пика, Б.Б. Прохоров, И.И. Крупник, Д.Д. Богоявленский, Н.Б. Вахтин и др.) — создали независимую научную группу «Тревожный Север», где обменивались мнениями и читали доклады на темы, которые в то время еще не было принято обсуждать на заседаниях в научных институтах. Вскоре, по приглашению Госкомсевера, мы стали участниками экспертной группы по подготовке научного доклада под названием «Государственная концепция политики оптимизации жизнедеятельности малочисленных народов Севера». Концепция была принята Госкомсевером, но подверглась жестокой критике в апреле 1992 г. на 6-м Съезде народных депутатов Российской Федерации. «Отдельные её положения, например стержневой лозунг «Автономия в обмен на территорию!»... представляются... чрезвычайно опасными и недопустимыми даже для обнародования», — заявил на съезде депутат от Магаданской области (Российская газета, 29 апреля 1992 г.)

Работая над «Концепцией», Людмила Сергеевна продвигала идею создания особо охраняемых этноэкологических территорий для сохранения природы и условий для развития традиционных культур коренных народов Севера. Посвятив к тому времени почти 15 лет изучению экосистем Чукотки и истории традиционного природопользования коренного населения, она уже имела детальное видение комплексного международного парка в районе Берингова пролива (см. статью Б. Вдовина). Идея подобного этноэкологического «рефугиума» (как я тогда это называла, биологический термин, образованный от английского слова *refuge* — «убежище») была близка и мне; я также пыталась обосновать создание этноэкологического рефугиума в местах

проживания ительменов и коряков на северо-западе Камчатки*. Поэтому я была несказанно рада возможности сотрудничества с Людмилой Сергеевной.

Идея создания территорий традиционного природопользования была тогда благосклонно принята Правительством РФ. В апреле 1992 г. президентом Ельциным был подписан Указ «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера», где органам исполнительной власти республик, краев и областей в составе Российской Федерации, в которых проживают малочисленные народы Севера, предписывалось «определить в местах проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера территории традиционного природопользования, которые являются неотъемлемым достоянием этих народов и не подлежат без их согласия отчуждению под промышленное или иное освоение, не связанное с традиционным хозяйствованием; передавать бесплатно олени пастбища, охотничьи рыболовные угодья для комплексного использования (оленоводства, охотничьего, рыболовного и морского зверобойного промыслов, сбора ягод, грибов, лекарственных растений и др.) родовым общинам и семьям из числа малочисленных народов Севера, связанным с традиционными отраслями и промыслами в пожизненное, наследуемое владение, либо в аренду; предоставить преимущественное право заключения договоров и получения лицензий на использование возобновляемых природных ресурсов родовым общинам, семьям, отдельным представителям малочисленных народов Севера; определить границы территорий для традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера с целью обеспечения неистощительного традиционного природопользования» (О неотложных мерах по защите, 1992).

В этих словах президентского Указа я отчетливо слышу голос Людмилы Сергеевны, эта специфическая лексика в то время принадлежала только ей.

Позже идея создания территорий традиционного природопользования была отражена в коллективной монографии «Неотрадиционализм

* Территория традиционного природопользования «Тхсаном» была создана постановлением губернатора Камчатки в 1998 г., но через 18 месяцев была упразднена постановлением следующего губернатора. О концепции, истории создания и упразднении ТТП «Тхсаном» см. Murashko, Zaporotsky, 2002.

на Российском Севере», подготовленной бывшими соавторами «Государственной концепции политики оптимизации жизнедеятельности малочисленных народов Севера» (Неотрадиционализм, 1994).

С начала 1990-х гг. Людмила Сергеевна активно включилась в разработку федерального и регионального законодательства о правовом статусе народов Севера. Более всего её интересовало правильное, научно обоснованное, закрепление понятий и норм, относящихся к обеспечению условий сохранения традиционного природопользования народов Севера, которое она считала не только основой сохранения их традиционного образа жизни, этнической самобытности, но и гарантией сохранения окружающей среды. Через несколько месяцев после того, как в Указе Президента от 22 апреля 1992 г. прозвучали слова, адресованные Правительству, о необходимости разработать Правила использования земель и природных ресурсов на территориях традиционного природопользования коренных народов Севера, в руках у Людмилы Сергеевны уже был проект закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера». К работе над этим законопроектом Людмила Сергеевна привлекла и меня, и так я попала в рабочую группу Госдумы, где над этим законом мы работали до самого его принятия в 2001 году, а потом над попытками его реализации и включения соответствующих его положений норм в законы о землепользовании и природопользовании (Федеральный закон, 2001).

Воплощение в законодательстве концепции традиционного природопользования

Людмила Сергеевна была в этом смысле очень последовательна: являясь членом Высшего экологического совета Государственной Думы РФ, она принимала участие в подготовке всех законодательных актов, касающихся природопользования.

Благодаря настойчивой просветительской работе Людмила Сергеевна оставила глубокий след в российском законодательстве — ей принадлежат некоторые формулировки норм Российского законодательства, касающиеся статуса коренных малочисленных народов и малочисленных этнических общностей.

Л.С. Богословская выступает на парламентских слушаниях в Совете Федерации, 2012 г. Фото из архива О. Мурашко

Так, при её участии в Конституцию Российской Федерации включена норма «защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей» (Конституция., 1993, ст. 72, ч. 1, п. «м»). Эта формулировка была глубоко продумана, так как Людмила Сергеевна считала, что исконная среда обитания является основой существования коренных малочисленных народов, но народов не как наций, а как локальных этнических общностей, которые могут состоять из представителей разных групп, часто расселенных дисперсно на большом пространстве, но осваивающих одни экосистемы и культурные ландшафты, являющиеся их исконной средой обитания.

Именно её определения «Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера — способ существования, основанный на историческом опыте их предков в области природопользования, социальной организации, проживания, на самобытных культуре и обычаях, религиозных верованиях» и «Традиционное природопользование — исторически сложившиеся способы освоения окружающей природной среды на основе долговременного, экологически сбалансированного пользования главным образом возобновляемыми природными ресурсами без подрыва способности к устойчивому воспроизводству и снижения разнообразия природных ресурсов» были включены в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера» Российской Федерации от 19 июня 1996 г., а государству было предписано «определение порядка закрепления за коренными малочисленными народами Севера территорий традиционного проживания, хозяйственной деятельности и природопользования» (Федеральный закон «Об основах государственного регулирования», 1996).

Она активно противостояла изменению формулировки «территории традиционного природопользования» на «земли традиционного природопользования», которую постоянно предлагали в Госдуме, так как считала, что это разрушает всю концепцию самого традиционного природопользования, которое по определению является комплексным и использует все виды земель, в которые входят земли сельскохозяйственных угодий, лесного фонда, водного фонда, резервного фонда, поселений, а также весь комплекс возобновляемых природных ресурсов на основе принципов долговременности и экстенсивности использования. Этот аргумент не раз использовался лидерами Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, когда в Госдуме они отвергали предлагаемый им вариант закона «О землях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (Суляндзига, 2000, с. 75). Термин «территории» был также важен потому, что в российском законодательстве он применялся к особо охраняемым природным территориям, разновидностью которых, по замыслу Людмилы Сергеевны и ее единомышленников, должны были стать территории традиционного природопользования (Концепция закона..., 2000, с. 48).

Эти ее формулировки затем стали основой определений понятий «традиционный образ жизни», «традиционное природопользование», «территории традиционного природопользования» в принятых позже федеральных законах «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (далее — закон «О гарантиях прав»), «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (далее — закон о ТТП), в разработке которых Людмила Сергеевна принимала активнейшее участие.

Все права коренных малочисленных народов, предоставляемые законом «О гарантиях прав...» 1999 г., основывались на его преамбуле: «Малочисленные народы, объединения малочисленных народов в целях защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов имеют право...» (Федеральный закон «О гарантиях прав...», 1999, ст. 8).

В законе о ТТП «территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее — территории традиционного природо-

пользования)» определены как «...особо охраняемые природные территории, образованные для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»; «традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее — традиционное природопользование)» — «исторически сложившиеся и обеспечивающие неистощительное природопользование способы использования объектов животного и растительного мира, других природных ресурсов коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (Статус коренных..., 2005, с. 92–93)*.

Все эти формулировки принадлежат не только «перу» Людмилы Сергеевны, но и ее умению отстаивать то, в чем она убеждена.

В Федеральный закон «О животном мире», принятый Госдумой 24.04.1995 г., благодаря её усилиям были включены ст. 48 и 49, посвященные созданию условий традиционного природопользования при пользовании объектами животного мира. Некоторым лидерам коренных народов удалось присутствовать при обсуждении этих статей, и героическая борьба Богословской за их содержание врезалась в их память навсегда. Так, бывший президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области Г. Н. Псягин, узнав из электронной информационной рассылки о смерти Л. С. Богословской, написал:

«Помню её в те времена, когда мы с Еремеем Айпиным (президент АКМНСС и ДВ РФ в 1994–1998 гг. — О. М.) и другими ак-

* Определение территорий традиционного природопользования приводится в форме до принятия изменения, изъявшего из определения слово «природные». По этому поводу В. А. Кряжков (2014) писал: «Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 5, 6), принятым без каких-либо общественных обсуждений и вопреки позициям юристов-экологов, указанные территории исключены из перечня особо охраняемых природных территорий и в настоящий момент именуется просто «особо охраняемые территории». Пока не вполне ясен весь комплекс негативных последствий данной новации, но некоторые из них просматриваются: теперь на территории традиционного природопользования не распространяются ограничения в обороте земельных участков, а проекты хозяйственной деятельности на них перестанут быть объектами государственной экологической экспертизы; снижается и степень судебной защиты таких территорий».

тивистами АНС работали (участвовали) в продвижении закона «О животном мире». Благодаря чётким, аргументированным оценкам и экспертным заключениям Людмилы Сергеевны, высокопоставленные чины начинали слышать и понимать суть статей 48 и 49 того закона».

Сейчас эти статьи остались одной из последних соломинок, на которых, после ревизии всего законодательства о земле и природных ресурсах, начавшейся с 2004 г., держатся права коренных малочисленных народов на доступ к ресурсам рыболовства, охоты, собирательства, а сами народы Севера на основе этих статей отстаивают свои права в судах. Хочу процитировать эти статьи, потому что и сейчас слышу в них взволнованный и четкий голос Людмилы Сергеевны.

В статье 48 ФЗ «О животном мире» «право на применение традиционных методов добычи объектов животного мира и продуктов их жизнедеятельности» предоставлялось «гражданам Российской Федерации, чье существование и доходы полностью или частично основаны на традиционных системах жизнеобеспечения их предков, включая охоту, рыболовство и собирательство».

В статье 49 раскрывается «Право на приоритетное пользование животным миром»:

«Коренные малочисленные народы и этнические общности, самобытная культура и образ жизни которых включают традиционные методы охраны и использования объектов животного мира, граждане, принадлежащие к этим группам населения, и их объединения имеют право на приоритетное пользование животным миром на территориях традиционного расселения и хозяйственной деятельности.

Право на приоритетное пользование животным миром включает в себя:

– предоставление первоочередного выбора промысловых угодий гражданам, принадлежащим к группам населения, указанным в части первой настоящей статьи, и их объединениям;

– льготы в отношении сроков и районов добычи объектов животного мира, полового, возрастного состава и количества добываемых объектов животного мира, а также продуктов их жизнедеятельности;

– исключительное право на добычу определенных объектов животного мира и продуктов их жизнедеятельности;

– иные виды пользования животным миром, согласованные со специально уполномоченными государственными органами Российской Федерации по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания.

Право на приоритетное пользование животным миром распространяется на граждан, принадлежащих к группам населения, указанным в части первой настоящей статьи, а также на иных граждан, постоянно проживающих на данной территории и включенных на законных основаниях в одну из групп населения, указанных в части первой настоящей статьи.

В случаях, если на одной и той же территории традиционно расселены и ведут традиционную хозяйственную деятельность две или более групп населения, как указанные в части первой настоящей статьи, так и иные, эти группы обладают правом на приоритетное пользование животным миром. Сфера применения данного права определяется на основе взаимного соглашения между указанными группами населения.

Переуступка права на приоритетное пользование животным миром гражданам и юридическим лицам, не указанным в части первой статьи 48 настоящего Федерального закона, запрещена» (ФЗ «О животном мире», 1995, ст. 49).

Но в 2010 г. законом, принятым 28.12.2010 при усиленном лоббировании Федерального агентства по рыболовству, слово «рыболовство» было изъято из статьи 48, с обещанием отразить все права коренных народов в отраслевом законе «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов». Этого не сделано до сих пор.

Этот закон о рыболовстве (№ 166-ФЗ), принятый в 2004 г., в части регулирования традиционного рыболовства коренных народов был еще одним любимым детищем Людмилы Сергеевны. Как всегда, она убедила членов рабочей группы, экспертов, депутатов, представителей Правительства и правового управления Президента (а для этого мы писали краткие обзоры о специфике традиционного рыболовства) в необходимости отдельных норм, посвященных специфическому традиционному рыболовству коренных народов. В результате в закон РФ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от

20 декабря 2004 г. были включены нормы, отражающие интересы коренных народов Севера и соответствовавшие статьям 48 и 49 закона «О животном мире».

В частности, в законе определялся особый вид рыболовства — «рыболовство в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренными народами и их общинами» (ст. 16, 25); для этого вида рыболовства определялись рыбопромысловые участки в местах их традиционного проживания и хозяйственной деятельности (ст. 18), договоры пользования на такие участки заключались без проведения конкурсов (ст. 39), определялись специальные квоты добычи, которые распределялись исполнительными органами власти субъектов (ст. 31).

Благодаря усилиям Людмилы Сергеевны приоритетное право коренных малочисленных народов на водные биологические ресурсы было включено также в ст. 11 Федерального закона от 30 ноября 1995 г. «О континентальном шельфе в Российской Федерации» (1); ст. 21 Федерального закона от 31 июля 1998 г. «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» (2); ст. 9 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» (3).

В целом, участие Людмилы Сергеевны в законотворческой работе отразилось во многих принятых до 2004 г. федеральных законах: это учет этнических интересов, компенсации при пользовании недрами в районах проживания малочисленных народов (ст. 7 Федерального закона в редакции от 7 января 1999 г. «О соглашениях о разделе продукции» (4); эксклюзивные права на пользование землями, лесным фондом, особо охраняемыми территориями, животным миром (ст. 7, 31, 68, 78, 82, 95, 97 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001 г. (5); ст. 4 Федерального закона от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды» (6); ст. 107, 124 Лесного кодекса Российской Федерации от 24 января 1997 г. (7); ст. 9, 15, 24 Федерального закона от 14 марта 1995 г. «Об особо охраняемых территориях» (8); Федеральный закон от 7 мая 2001 г. «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (9); ст. 10 Федерального закона от 24 июля 2002 г. «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (10).

Период наступления на права коренных народов

Тексты всех законов, касавшихся прав коренных малочисленных народов были собраны В. А. Кряжковым, в то время советником Конституционного суда, в сборнике «Статус коренных малочисленных народов России», подготовленном и опубликованном по заказу Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (Статус коренных..., 2005). Большинство норм, упомянутых в этом списке, в настоящее время не существует. Они исключены из ныне действующего законодательства, поэтому ссылки на эти законодательные нормы даны на публикации того времени (СЗ РФ [Свод законов РФ. — О. М.], 1995. № 49, ст. 4694; СЗ РФ, 1998. № 31, ст. 3833; СЗ РФ, 1998. № 51, ст. 6273; СЗ РФ, 1996. № 1, ст. 18; СЗ РФ, 1999. № 2, ст. 246; СЗ РФ, 2001. № 44, ст. 4147; СЗ РФ, 2002. № 2, ст. 133; СЗ РФ, 1997. № 5, ст. 610; СЗ РФ, 1995. № 12, ст. 1024; СЗ РФ, 2001. № 20, ст. 1972; СЗ РФ, 2002. № 30, ст. 3018 — приводятся по: Кряжков, 2005, с. 20–21).

Рубежом изменения правового статуса коренных народов РФ в сторону умаления их прав В. А. Кряжков (2005, с. 22) считает 2004 год, отмеченный принятием закона, названного в народе «законом о монетизации льгот», а именно, Федерального закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации». В связи с принятием этого и некоторых других федеральных законов, например, «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», были внесены изменения в общей сложности в 154 федеральных закона, в том числе, в Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ст. 119) и Федеральный закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (от 20 июля 2000 г., ст. 130). Изменения, затрагивающие права и интересы малочисленных народов, были внесены и в некоторые другие зако-

ны. Например, были признаны утратившими силу положения Лесного кодекса РФ от 29 января 1997 г. (ст. 107), гарантировавшего представителям малочисленных народов освобождение от платежей за пользование лесным фондом для собственных нужд (Кряжков, 2005, с. 22).

Дальнейшее развитие законодательства показало, что тенденция на умаление прав коренных народов сохранилась. В частности нормы, обеспечивавшие приоритетный доступ коренных народов к водным биологическим ресурсам, просуществовали всего лишь три года. За это время лишь немногие общины коренных народов Севера успели закрепить за собой рыболовные участки. Но это, видимо, не понравилось рыбному лобби. Статья 39 о внеконкурсном закреплении рыболовных участков утратила силу с 1 января 2008 г. по принятому № 333-ФЗ от 06.12.2007.

В настоящее время предоставление рыбопромысловых участков осуществляется только юридическим лицам на основе результатов конкурсов. Общины народов Севера пробуют участвовать в конкурсах, но проигрывают их из-за отсутствия финансовых средств. Участки возле самих поселений коренных народов неумолимо переходят к коммерческим фирмам, которые оттесняют коренные народы от рыбных ресурсов (Матвеев, 2011, с. 74–78). То же вскоре произошло с приоритетным правом коренных народов на рыболовство во внутренних морских водах и континентальном шельфе.

Как резюмировал В. А. Кряжков, подводя итоги Второго международного десятилетия коренных народов в 2014 году: «Можно констатировать, что российское законодательство в сфере рыболовства по содержанию и динамике изменений стремится не к отражению «аборигенной» специфики, а к унификации правил. Подтверждение тому — введение для коренных народов Севера, как и для других пользователей, конкурсов на право заключения договоров о предоставлении рыбопромысловых участков... Неясно: что означает признание традиционного рыболовства в целях обеспечения жизнедеятельности (или для удовлетворения личных потребностей) представителей коренных малочисленных народов, предполагает ли подобное вылов рыбы в таких объемах, которые бы гарантировали данным народам и лицам, относящимся к ним, право на развитие; как предоставляются рыбопромысловые участки для ведения традиционного рыболовства (по остаточному принципу, в приоритетном порядке, в местах

традиционного лова данных народов); что предполагает осуществление традиционного рыболовства без предоставления рыбопромыслового участка; каковы критерии установления квот на добычу водных биоресурсов в целях осуществления традиционного рыболовства» (Кряжков, 2014).

Федеральный закон «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов», принятый в 2009 г., также проигнорировал норму ст. 49 закона «О животном мире» о приоритетном доступе коренных народов к охотничьим ресурсам и выбору промысловых угодий. Это произошло, несмотря на высказанные Л. С. Богословской и представителями коренных народов на Рабочей группе (РГ) Комитета Госдумы по природным ресурсам, природопользованию и экологии предложения обеспечить это право коренного населения. Мы были в меньшинстве; большинство членов РГ было за уже состоявшимися арендаторами охотничьих угодий, оказавшихся как среди депутатов, так и представителей Правительства. В ст. 19 принятого закона остались лишь следующие положения: «1. Охота в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности осуществляется лицами, относящимися к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и их общинами, а также лицами, которые не относятся к указанным народам, но постоянно проживают в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и для которых охота является основой существования. 2. Охота в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности осуществляется свободно (без каких-либо разрешений) в объеме добычи охотничьих ресурсов, необходимом для удовлетворения личного потребления. 3. Продукция охоты, полученная при осуществлении охоты в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности, используется для личного потребления или реализуется организациям, осуществляющим деятельность по закупке продукции охоты» (Федеральный закон «Об охоте...», 2009). На все наши предложения отразить в законе права коренных народов на традиционные охотничьи угодья нам отвечали: «а коренные народы будут охотиться на ТТП (территориях традиционного природопользования. — О. М.)». Но все знали, что к тому времени закон о ТТП бездействовал уже 8 лет.

Таким образом, в области охоты коренных народов были намеренно созданы те же проблемы, что и в сфере рыболовства. То есть, «рыбачьте, охотьтесь без разрешений, где сможете, но только для личного потребления», представления о котором в законе не разъяснены. Результат этой политики государства очевиден: коренные народы стали на своей земле всеми гонимыми и преследуемыми браконьерами. Именно на них рыбные и охотничьи инспектора выполняют сейчас планы по составлению протоколов и задержанию, как сообщают нам из регионов коренные народы (Матвеев, 2011).

Комитет Госдумы РФ по природным ресурсам после 2004 г. превратился для Л. С. Богословской из места, где раньше «высокопоставленные чины начинали слышать и понимать» её, в место, где нас не хотели слышать, хотя и продолжали приглашать для соблюдения представительства научной общественности. И мы по-прежнему ходили на все заседания, результаты которых могли повлиять на права коренных народов. Кроме того, у нас были свои планы развития законодательства по правам коренных народов.

Так, был срочно нужен закон об оценке воздействия проектов промышленного развития на исконную среду обитания и традиционный образ жизни коренных народов. Проекты такого закона готовились начиная с 1995 г. во время принятия федерального закона об экологической экспертизе. Уже тогда Людмила Сергеевна предлагала специальные статьи в этот закон по проведению так называемой «этнологической экспертизы» или оценки воздействия на исконную среду обитания и традиционный образ жизни различных проектов промышленного освоения территорий традиционного расселения коренных народов. Эти идеи отклонили и предложили все это изложить в законе «О гарантиях прав». Термин «этнологическая экспертиза» позже вошел в закон «О гарантиях прав», как понятие, но никакого развития не получил.

После принятия закона «О гарантиях прав» в 1999 г. стали разрабатывать отдельный законопроект об этнологической экспертизе, который отвергли Госдума и Правительство. Этот законопроект постоянно дорабатывался с привлечением новых экспертов; он и сейчас, с другим названием, стоит в повестке работы Комитета Госдумы по делам национальностей.

Необходимо было также четко определить место территорий традиционного природопользования в законе «Об особо охраняемых при-

родных территориях», принятом в 1995 г. Этого тоже не удалось сделать из-за противодействия Министерства природных ресурсов и экологии РФ. Если бы территории традиционного природопользования попали в этот закон, то министерству пришлось бы ими заниматься, а оно этого не хотело и не хочет.

С 2001 г. по инициативе Правительства начали вносить кардинальные изменения в Земельный кодекс, с 2005 — в Лесной кодекс, а затем — в Водный кодекс.

Все изменения были направлены на то, чтобы превратить земли, леса, воды в объекты недвижимости, находящиеся в гражданском обороте. Нужно было постоянно участвовать в рабочих группах Госдумы и вносить предложения по соблюдению прав коренных народов в специальные разделы, статьи законопроектов. Это была изнурительная, малопродуктивная и порой унижительная работа. Новый председатель Комитета Госдумы по природным ресурсам, природопользованию и экологии (с 2004 по 2012 год) порой шел на странные уловки. Так, на рабочей группе назначалось следующее заседание и указывались номера статей законопроекта, которые будут на нем рассматриваться, а потом заседание тихо переносилось. Когда же мы приходили в назначенное время, нам говорили, что эти статьи, к которым мы подготовили свои предложения, уже «прошли». Эти методы работы с научными экспертами применялись не только по отношению к нам с Богословской, но и ко всему научному сообществу, чтобы постепенно отстранить ученых от участия в обсуждении природоресурсного законодательства. И это удалось сделать. Число известных ученых, академиков, докторов наук, в рабочих группах Госдумы к 2010 г. сильно уменьшилось. В настоящее время участников экспертных советов комитетов и рабочих групп Госдумы приглашают лишь на годовые отчетные заседания и парламентские слушания, где они оказываются, по сути, слушателями выступлений парламентариев и чиновников.

Судьба Закона о территориях традиционного природопользования

Людмила Сергеевна считала закон о территориях традиционного природопользования (ТТП) одним из самых существенных,

который должен был закрепить земли и природные ресурсы за коренными народами в местах их традиционного проживания.

Начиная с 1992 г. проект этого закона нами постоянно обсуждался и совершенствовался. В нем было предусмотрено, как нам казалось, все, что должно было сберечь традиционную культуру природопользования, самобытные формы самоуправления коренных народов, уберечь их исконную среду обитания от вторжения коммерческого и промышленного использования. В тексте был подробно описан порядок образования ТТП; предусмотрена ведущая роль коренных народов, с которыми должны были согласовываться границы ТТП, порядок их использования, изменения границ. Государственное управление на ТТП должно было осуществляться с учетом традиционных форм самоуправления народов Севера. Все это должно было происходить на основе добровольных соглашений коренных народов с органами государственной власти. Мы пропагандировали наш законопроект на различных форумах коренных народов. Полный вариант проекта федерального закона о ТТП, который мы обсуждали с лидерами коренных народов, был опубликован (Проект федерального закона о территориях., 2000).

Людмила Сергеевна считала просветительскую деятельность важной частью своей законотворческой работы. Продвигая закон о ТТП, она стала инициатором подготовки, а затем и редактором специальной книги, в которой были собраны статьи ученых, стремившихся донести до депутатов суть закона о ТТП и неотложную необходимость его принятия, а также документы и международные правовые акты на эту тему (Богословская, 2000б). В своей статье в этой книге Богословская пыталась объяснить депутатам и чиновникам важность понимания принципов традиционного природопользования коренных народов Севера. При этом она отстаивала и права совместно живущих с ними старожильческих групп населения, сохраняющих традиционный уклад жизни.

«Традиционные способы природопользования коренных народов и старожильческого населения Севера, Сибири и Дальнего Востока являются устоявшимися, исторически сложившимися компонентами современных экосистем и демонстрируют принципы долговременного, экологически сбалансированного освоения окружающей среды, основанные на использовании главным образом возобновляемых ресурсов. Для северных этносов и старожильческих групп традиционные способы природопользования были и остаются единственной формой

и условием существования их национальных культур, которые обеспечивают сохранение и воспроизводство этнической самобытности, действие механизмов культурной преемственности и стабильности этнолингвистической ситуации (негенетический путь сохранения этничности). Существование традиционных способов природопользования неразрывно связано с внутриэтнической (племенной, популяционной, этнотерриториальной) структурой народов Севера, которая оберегает их генофонды от оскудения и вырождения (генетический путь сохранения этничности). Эта структура пространственно реализуется в традиционных схемах расселения и хозяйственного использования территорий, а в социальном плане ее отражением являются общины.

Традиционные способы природопользования осуществляются как образ жизни северных этносов, а не как отрасли хозяйства. Являясь основой уникальных систем жизнеобеспечения северных этносов, они представляют собой часть общемировой культуры, древний и успешный опыт адаптации человеческих коллективов к экстремальной природной среде, принципиально иной, чем опыт европейской цивилизации последних веков» (Богословская, 2000б, с. 15).

В той же книге был опубликован и проект федерального закона о территориях традиционного природопользования, подготовленный экспертами Комитета Госдумы по природным ресурсам, природопользованию и экологии совместно с Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (Богословская 2000б, с. 56–67).

Долгое время этот законопроект отвергался Правительством и Госдумой. Но потребность в решении проблем юридического статуса земель и природных ресурсов, которыми традиционно пользовались коренные народы, была столь высока, что в некоторых субъектах Российской Федерации власти стали разрабатывать собственные законы о ТТП. Наш законопроект использовался при этом, и нередко мы участвовали в подготовке регионального закона. Примером тому служит «Концепция закона Ханты-Мансийского автономного округа "О территориях традиционного природопользования" в указанном издании Госдумы. Примечательно, что в публикации этого документа указаны его авторы и, кроме нас с Людмилой Сергеевной, среди них названы сотрудник аппарата Госдумы и сотрудник правового управления Президента. Тогда они были нашими искренними сторонниками и соавто-

рами, и мы могли публиковать эту концепцию в издании Госдумы (Концепция..., 2000, с. 44).

Принятый 7 мая 2001 г. Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» был сильно урезан правовыми управлениями всех трех ветвей законодательной власти, по сравнению с опубликованным нами вариантом. Из 35 статей в принятом законе осталось всего 16. От целой главы, посвященной правовому режиму ТТП, осталась одна статья, как и от главы, посвященной охране окружающей среды на ТТП. Главы, посвященные управлению ТТП, видам и содержанию соглашений между органами государственной власти и коренными народами, были изъяты целиком.

Но и в таком урезанном виде этот федеральный закон мог бы способствовать началу процесса создания ТТП, если бы Правительство выполняло свои полномочия, в нем прописанные, а именно: образовывало ТТП по обращениям коренных малочисленных народов, то есть производило бы необходимые землеустроительные работы, которые по существовавшим до недавнего времени нормам земельного законодательства, должны были финансироваться государством, и утверждало подготовленные обратившимися сообществами коренных народов положения о правовом режиме ТТП. С 2001 г. и по сей день Правительство Российской Федерации не создало ни одной ТТП федерального значения, несмотря на многочисленные обращения коренных народов Севера из регионов. Ответы на эти обращения были разными, но всегда отрицательными: «Правительство готовит типовое положение о ТТП» (до 2009 г.), «Правительство разрабатывает изменения в федеральный закон о ТТП» (с 2009 г. по сей день), иногда: «Органы власти региона считают образование ТТП нецелесообразным». В нескольких регионах, тем не менее, были образованы ТТП регионального значения. Но как неоднократно отмечал на форумах, посвященных проблемам коренных народов Севера, человек, до недавнего времени отвечавший в Правительстве за работу с коренными народами, эти ТТП «нелегитимны», так как границы и положения этих ТТП не утверждены Правительством, что предусмотрено законом.

Министерство, в котором работал этот чиновник (не буду называть его имя), упразднили в 2014 г. Теперь он работает в Министерстве культуры.

Эпилог

Будучи уже тяжело больной, Людмила Сергеевна в мае 2014 г. пришла на очередные парламентские слушания в Совет Федерации, посвященные теме совершенствования законодательства о территориях традиционного природопользования. Ее специально пригласили туда и предложили сделать доклад. Вспоминаю этот ее последний приход на слушания в СФ. Людмила Сергеевна была с палочкой, ходила уже с трудом. Но слова ей так и не дали, как и всем нам (В. А. Кряжкову, мне, другим приглашенным ученым), хотя накануне обращались с просьбой подготовить выступления. Сенаторы, депутаты и чиновники торопились на обед. И очень много потеряли, если бы сохранили способность «слушать и понимать».

Людмила Сергеевна в тексте своего доклада (поданного тогда совместно с М. Е. Кулешовой), обобщила весь свой опыт и предложила концепцию территорий традиционного природопользования как способа эффективного сохранения культурного и биологического разнообразия Российского Севера, совершенную по форме, глубине проработки и учету изменений, происшедших на Севере за последние 15 лет (Богословская, 2016). Будем надеяться, что голос ее будет услышан, даже теперь, когда ее больше нет среди нас.

Литература

Богословская Л. С. Особенности традиционного природопользования народов Российского Севера. О территориях традиционного природопользования // Проблемы традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». — М.: Издательство Государственной Думы, 2000а. С. 14–20.

Богословская Л. С., ред. Проблемы традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Аналитиче-

ские материалы. Правовые акты. — М.: Издательство Государственной Думы, 2000б.

Богословская Л. С. К концепции законопроекта «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов (и других малочисленных этнических общностей) Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» // «В мире коренных народов». Альманах, 2015–2016. С. 110–123.

Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

- Концепция закона Ханты-Мансийского автономного округа «О территориях традиционного природопользования» // Проблемы традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. — М.: Издательство Государственной Думы, 2000. С. 48.
- Кряжков В. А.*, ред., сост. Статус коренных малочисленных народов России. Правовые акты. Книга третья. — М., 2005.
- Кряжков В. А.* Территории традиционного природопользования как форма реализации права коренных малочисленных народов на земли // «Мир коренных народов — Живая Арктика» / Альманах Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, 2009. № 22. С. 90–98.
- Кряжков В. А.* Правовые проблемы коренных малочисленных народов в фокусе внимания ООН и Совета Федерации // В мире коренных народов, 2014. С. 13–21. www.csipn.ru/publications/zhurnal-1.
- Матвеев А. С.* Мы не должны делать жизнь северян невыносимой // «Мир коренных народов — Живая Арктика», 2011. № 26. С. 74–78. www.csipn.ru/publications/zhurnal-1/28.08.2015
- Мурашко О. А.* Коренные народы Севера России и проблемы сохранения и развития традиционного природопользования // Проблемы традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. — М.: Издательство Государственной Думы, 2000. С. 21–31.
- Неотрадиционализм на Российском Севере (этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика» / Ред.: А.И. Пика и Б.Б. Прохоров. — М., 1994.
- О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера. Указ Президента Российской Федерации от 22 апреля 1992 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992. № 18. С. 1009.
- Проект Федерального закона о территориях традиционного природопользования // Северные народы России на пути в новое тысячелетие.— М.: Ассоциация коренных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока, 2000. С. 78–96.
- Проект Федерального закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Проблемы традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. — М.: Издательство Государственной Думы, 2000. С. 56–67.
- Российская газета. 29 апреля 1992 г.
- Суляндзига П. В.* Как отстаивать свои интересы при разработке федерального законодательства // Северные народы России на пути в новое тысячелетие. — М., 2000. С. 75.
- Федеральный закон «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития

Севера» от 19 июня 1996 г. Ст. 1, 11
<http://base.garant.ru/10135411/>
28.08.2015.

Федеральный закон от 24 июля 2009 г.
№ 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении
охотничьих ресурсов и о внесении
изменений в отдельные законода-
тельные акты Российской Федера-
ции». <http://base.garant.ru/12168564/>
28.08. 2015.

Федеральный закон «О гарантиях прав
коренных малочисленных народов
Российской Федерации» от 30 апре-
ля 1999 г. [http://constitution.garant.ru/
act/right/180406/](http://constitution.garant.ru/act/right/180406/) 28.08.2015.

Федеральный закон «О животном мире»
от 24.04.1995 г. [http://base.consultant.
ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;
base=LAW; n=182887; fld=134;
dst=212,0; rnd=0.1807224196381867](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=182887; fld=134; dst=212,0; rnd=0.1807224196381867)
Проверено 28.08.2015

Федеральный закон «О рыболовстве
и сохранении водных биологиче-
ских ресурсов» от 20 декабря 2004 г.

цитируется по публикации в кн.
«Статус коренных малочисленных
народов России» / Ред.: В. А. Кряж-
ков. — М., 2005.

Федеральный закон «О рыболовстве
и сохранении водных биологиче-
ских ресурсов» от 20.12.2004 г. [http://
base.consultant.ru/cons/cgi/online.
cgi?req=doc; base=LAW; n=178907 /
28.08. 2015](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=178907 / 28.08. 2015)

Федеральный закон от 7 мая 2001 г.
№ 49-ФЗ «О территориях традици-
онного природопользования ко-
ренных малочисленных народов
Севера, Сибири и Дальнего Востока
Российской Федерации». [http://base.
garant.ru/12122856/#help](http://base.garant.ru/12122856/#help)

Murashko O. A., Zaporotsky O. N. How The
Constitution Right to Protect The Tra-
ditional Environment of Inhabitancy
and a Traditional of Life Can Be Im-
plemented / Towards a New Millenium
IWGIA Document No 107. — Copen-
hagen, 2002. Pp. 224–246.

Сотрудничество Л. С. Богословской с Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера

*Т. Семёнова, Н. Вронский,
Р. Суляндзига*

Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации была образована в 1990 г. по инициативе региональных общественных объединений коренных народов Севера, которые возникли на заре перестройки в результате самоорганизации активистов на местном и областном уровне. В это время проявили свои лучшие организационные качества национальные лидеры — те, кто быстро оценил изменившуюся социо-экономическую ситуацию и пытался предпринимать срочные меры к спасению людей в отдаленных поселках и кочевьях.

Ученые, работавшие на Севере, особенно те, кто хорошо знал положение коренных народов на местах, были также озабочены возникшими проблемами и начали объединяться для их преодоления — от снабжения продовольствием до оказания всевозможной помощи в труднодоступных поселках Севера, Сибири и Дальнего Востока. Среди них оказались люди, не только лично не равнодушные к возникшей бедственной ситуации, но и способные организовать помощь северным народам на правительственном уровне.

Последнее можно с полным правом сказать о Людмиле Сергеевне Богословской. С начала своей работы на Севере в 1970-е гг. она старалась помочь людям — на местах и в столице, где к ней постоянно обращались с запросами жители аборигенных поселков. Перестройка застала ее на Чукотке, где она многие годы плодотворно работала как биолог и стала своим человеком в среде охотников на морского зверя.

Первые годы перестройки были особенно трудны и для научных работников: эта сфера деятельности не могла быть приоритетной или прибыльной в условиях экономического кризиса, и потому гуманитарная помощь оказалась не только уместна, но и необходима для этой

категории работников. Первыми протянули руку помощи развитые страны, и материальная поддержка американского Фонда Сороса оказалась очень кстати для многих видных советских ученых. Многие из них впоследствии сформировали национальную научную элиту новых независимых государств. Доктор биологических наук, профессор Л. С. Богословская также получала гранты Фонда Сороса, помогавшие ей продолжать свою профессиональную работу на Севере. В 1990-е гг. она смогла не только продолжить свои исследования, но и начать сотрудничество с местными общественными организациями на Чукотке (например, с обществом эскимосов «Юпик» под председательством Л. Айнаны).

К моменту возникновения всероссийской Ассоциации коренных малочисленных народов Севера (АКМНС) весной 1990 года Людмила Сергеевна уже имела опыт сотрудничества с местными неправительственными организациями и вела общественную работу на Чукотке. Именно острая потребность восстановления справедливости, необходимость отстаивать права коренных жителей и открывшаяся в результате учредительного съезда АКМНС возможность перейти на более высокий уровень создали импульс к ее сотрудничеству с Ассоциацией. Отношения, однако, складывались не просто и не быстро. Но само взаимодействие с лидерами Ассоциации послужило затем стимулом для ее перехода к сотрудничеству, вместе с другими экспертами в высших законодательных органах страны, в частности в Государственной Думе РФ (см. статью О. Мурашко).

Тут надо отметить важную особенность: Людмила Сергеевна внешне была человек сдержанный и, не обладая ни громким голосом, ни представительным видом или внешними данными лидера, была очень смелой и последовательной в выражении своих взглядов. Главными ее качествами в сотрудничестве с Ассоциацией были убежденность в своей правоте и принципиальность в отстаивании своей позиции. Она не отступала и не шла на компромиссы, но старалась убедить, используя свои знания и опыт. Если этого не получалось, она переключалась на те вопросы или области, где ее позиция получала признание и поддержку, и где она могла весьма последовательно и ответственно работать, не изменяя своим убеждениям. Так началась ее многолетняя деятельность по отстаиванию прав коренных северных народов России и формированию свода законов и правительственных решений для защиты этих прав.

К своим профессиональным интересам, то есть комплексным исследованиям в рамках специальных научных проектов под эгидой АКМНС, Богословская смогла вернуться в 1998 г., когда президентом Ассоциации был выбран С. Н. Харючи из Ямало-Ненецкого автономного округа. Вице-президентом АКМНС стал П. В. Суляндзига, приглашенный работать в Москву непосредственно из Приморского края. Молодая команда, пришедшая вместе с новоизбранным лидером, смогла в короткое время начать реализацию целого ряда международных проектов. Их участники подбирались на конкурсной основе и, таким образом, в непосредственную деятельность Ассоциации были включены ученые-экологи, антропологи и специалисты других профессий.

В 1998 г. был организован первый семинар «Коренные народы и окружающая среда Российской Арктики». На нем присутствовали представители 27 региональных отделений АКМНС; все они высказались в своих выступлениях за сотрудничество с экологическими организациями в интересах устойчивого жизнеобеспечения и развития на Севере. Во время работы семинара было проведено анкетирование участников и по его результатам впервые сделан анализ их мнений и предложены рекомендации. В составлении этих документов приняла участие Л. С. Богословская. Ее безусловная и авторитетная поддержка инициативы специализированного отделения программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП/ГРИД — Арендал) позволила сразу установить добрые отношения с сотрудниками Ассоциации и в итоге открыла возможность участия Богословской в качестве консультанта по другим проектам.

На этом первом этапе в 1998–1999 гг., в рамках датско-гренландской инициативы по поддержке коренных народов севера России (Danish-Greenlandic Project for Assistance to the Indigenous Peoples of Russia — <http://ansipra.npolar.no/english/items/danish.html>) осуществлялось финансирование координирующей работы ассоциации и ее деятельности как постоянного участника (Permanent Participant) заседаний Арктического Совета. В партнерстве с другими арктическими странами, международными группами и организациями коренных народов, Ассоциация КМНС (ее аббревиатура на английском языке «РАЙПОН» — RAIPON/Russian Association of Indigenous Peoples of the North, стала ее фактическим названием как в России, так и за рубежом) смогла подготовить несколько новых проектов и добиться грантовой поддержки для их ре-

лизации в арктических регионах России. В рамках этой же деятельности АКМНС смогла представить на всемирный конкурс результаты работы своих региональных отделений по охране окружающей среды. В 1999 г. ей было присвоено звание лауреата природоохранной премии ЮНЕП среди других неправительственных организаций мира (www.global500.org — «Глобал 500»).

Успех первого экологического семинара в сотрудничестве с ГРИД-Арендал (“Indigenous Peoples and the Environment in the Russian Arctic — SIPERA”) стал основой для аналогичных ежегодных мероприятий, проходивших в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока с приглашением региональных властей, научных консультантов и представителей бизнеса. Такие семинары проходили в 1998–2003 гг. сначала на базе региональных отделений Ассоциации, а затем — информационных центров КМНС, созданных в регионах на проектной основе (Ассоциация..., 1999; Федорчук, 1999).

Развитие партнерских отношений с организацией ЮНЕП/ГРИД-Арендал было продолжено сотрудничеством по международным проектам «Здоровье и окружающая среда коренных народов Севера России», осуществленного в 2002 г., и «Интегральный подход к управлению экосистемами с целью предотвращения фрагментации природных местообитаний в Российской Арктике (ЭКОРА)» в 2003–2005 гг. Л. С. Богословская принимала участие как независимый научный эксперт от Ассоциации в обсуждении, формировании технических заданий и оценке этих проектов. В качестве модельных территорий для первого проекта были отобраны десять населенных пунктов компактного проживания коренных народов Севера: поселки Ловозеро (Мурманская обл.), Гыда (Ямало-Ненецкий АО), Тром-Аган (Ханты-Мансийский АО), Куюмба (Эвенкийский АО), Омолон (Чукотский АО), Ковран (Корякский АО), Никольское (Камчатская обл.), Богородское (Хабаровский край), Красный Яр (Приморский край) и др.

Для обработки данных о состоянии здоровья жителей этих населённых пунктов и оценке влияния факторов окружающей среды Богословская рекомендовала своего коллегу, демографа Д. Д. Богоявленского, который провел комплексный анализ и статистическую обработку материалов, представленных в 2003 г. в ЮНЕП в виде презентации и отчета. При обсуждении и оценке проекта ЭКОРА она отстаивала интересы коренных жителей Российской Арктики, включая население традици-

онных поселков. По ее мнению, жители поселков должны были быть заняты в проекте не только как респонденты, но и как участники мониторинга окружающей среды в ходе своих традиционных видов деятельности, связанных с природными наблюдениями. Первоначально в проекте ставилась лишь задача описания и оценки общей картины социально-экономических условий, влияющих на традиционное природопользование и сохранение биоразнообразия на российском Севере. Предложения ученых-экспертов, в частности Л. С. Богословской, привели к постановке Ассоциацией задачи совместного управления природными ресурсами с участием коренных народов.

Благодаря участию Л. С. Богословской и других научных консультантов проекта (К. В. Клокова, Т. Э. Петровой, А. В. Тишкова), было расширено понимание «управления экосистемами» как непрерывного и динамичного процесса принятия решений для устойчивого развития, использования и охраны территорий и их природных ресурсов. Такое понимание обеспечило высокую корреляцию с задачами и методами проекта.

В 2003–2005 гг. проект ЭКОРА выполнялся под эгидой Министерства окружающей среды и природных ресурсов в координации с другими правительственными организациями, при финансировании из Глобального экологического фонда (ГЭФ). Он стал одним из важных этапов становления партнерства Ассоциации с различными программами ООН.

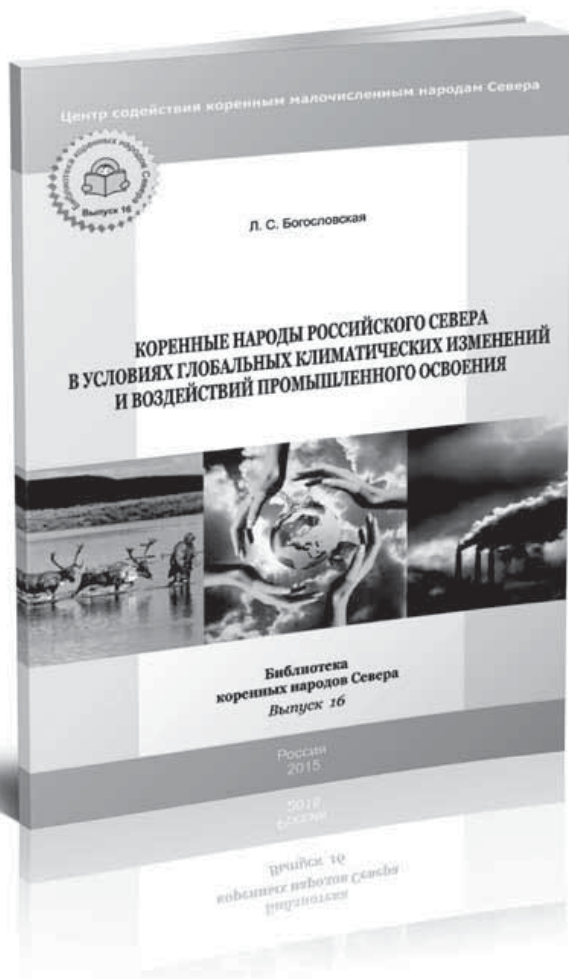
Л. С. Богословская, активно занимаясь защитой прав коренных народов, прекрасно понимала недостатки системы нормативного правового регулирования сферы традиционного природопользования и доступа к природным ресурсам, необходимым для традиционных видов деятельности (см. статью О. Мурашко). Она пыталась наладить эффективное взаимодействие в системе «государство–бизнес–общество». Этим можно объяснить ее профессиональный интерес и участие в разработке проекта «Устойчивое социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» Программы ООН по развитию (ПРООН) совместно с Ассоциацией в 2001 г. Этот проект по усилению потенциала коренных народов России, проводимый программой ООН, Правительством РФ и АКМНС, был утвержден Арктическим Советом (АС) в мае 2004 г. (www.sci.aha.ru/econ/A122c.htm).

Еще один экологический проект в рамках Арктического Совета был инициирован Ассоциацией при поддержке других постоянных участников (Циркумпольная конференция инуитов, Совет саами и Международная ассоциация алеутов). Он возник из потребности мониторинга растущего загрязнения Арктики. В проекте, который финансировался Глобальным экологическим фондом (GEF — Global Environmental Facility), изучались стойкие органические загрязняющие вещества (СОЗ) и безопасность питания коренных народов Российского Севера (Абрютина, 2003). Л. С. Богословская принимала в проекте непосредственное участие вместе со своими коллегами (А. И. Козловым, Б. А. Ревичем и др.), которых она смогла привлечь для его выполнения.

В рамках Рабочей группы АС по охране флоры и фауны в 2002 г. был поддержан проект «Святыни коренных народов Арктики», который выполнил картирование и описание традиционных святынь и сакральных мест коренных народов в России. Этот проект для Л. С. Богословской был особенно значим. В публикации по результатам проекта (Значение охраны..., 2004) ее имя стоит рядом с именами других научных консультантов; но именно она принимала наиболее активное участие во всех этапах проекта: проводила всестороннюю оценку при разработке анкет, в период сбора полевых материалов и на конечной стадии при составлении научного отчета. Реализация подобных проектов была ей особенно близка, поскольку последние 20 с лишним лет своей жизни она заведовала Центром традиционной культуры природопользования в Институте Наследия им. Д. С. Лихачёва.

Для Л. С. Богословской сотрудничество с Ассоциацией коренных народов в 1998–2004 гг. было сопряжено не только с изучением и продвижением прогрессивных методов использования коренными народами Севера окружающей среды и природных ресурсов, но и с комплексным изучением и охраной форм нематериального наследия коренных народов России.

Публикуемая ниже работа представляет собой краткое изложение последней книги Л. С. Богословской, которая была издана уже после ее кончины, осенью 2015 г. (Богословская, 2015). Она была подготовлена Людмилой Сергеевной как итоговый отчет по проекту «Коренные малочисленные народы Севера и изменение климата: от сбора данных к реальным планам адаптации», который выполнялся Центром содей-

Обложка книги Л.С. Богословской «Коренные народы Российского Севера в условиях глобальных климатических изменений и воздействия промышленного освоения» (М.: ЦС КМНС, 2015)

ствия КМНС при поддержке программы Development Marketplace Всемирного Банка в 2010–2012 гг. Нужно, однако, отметить, что идейная связь этой работы с проектом — формальная, так как и содержание её, и выводы выходят за рамки той концепции, которой придерживался проект.

Центр содействия коренным малочисленным народам Севера (ЦС КМНС) / Российский учебный центр коренных народов Севера был создан в 2001 г. в рамках канадско-российского проекта по институциональному строительству у коренных народов Севера РФ (www.csipn.ru/about#.VqecbfkrJD9), который осуществлялся АКМНС совместно с национальной организацией канадских инуитов (эскимосов) — Инуитской циркумполярной конференцией (ИСС — Канада). Л.С. Богословская была постоянным партнером центра, участником или консультантом многих его проектов.

В своей последней, сравнительно небольшой, книге Людмила Сергеевна и её соавторы (в работе использованы материалы И.И. Крупника,

Б. И. Вдовина, А. И. Козлова и др.) показали, как нам представляется, самую суть того, что называется менталитетом коренных народов Севера. Читатель получил своего рода краткую энциклопедию принципов и механизмов традиционного природопользования, которые рассматриваются в связи с традиционной адаптацией к изменению климата. Основной идейный и эмоциональный тон работы, её лейтмотив: климат на нашей планете меняется постоянно, и те аборигенные народы, которые продолжают жить в единстве с природой, самым образом жизни адаптированы к этим изменениям. Это, кроме прочего, означает, что традиционные знания коренных народов представляют собой не только ценнейшее, но и достаточное средство, препятствующее катастрофическим последствиям климатических колебаний. Угроза традиционным сообществам идёт главным образом с другой стороны — от необдуманного или неконтролируемого промышленного использования арктических ресурсов. В книге и приводимой ниже краткой сводке из оригинального доклада Богословской, написанного в 2013 г., это показано логично и убедительно. Прискорбно сознавать, что Людмила Сергеевна не увидела этой публикации. Болезнь постепенно лишала Людмилу Сергеевну физических сил, но до конца мысль её была ясной, а сердце — равнодушным.

Литература

- Абрютина Л.* Безопасность питания коренных малочисленных народов Российского Севера. 2003. <http://www.esoaccord.org/pop/2003/0109.htm>
- Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (АКМНС). Информация о втором семинаре «Коренные народы и окружающая среда Российской Арктики», март 1999. <http://ansipra.polar.no/russian/Items/SiperaR.html>
- Богословская Л. С.* Коренные народы Российского Севера в условиях глобальных климатических изменений и воздействия промышленного освоения // Библиотека коренных народов Севера, выпуск 16. — М.: ЦС КМНС. 2015. — 134 с.
- Значение охраны священных мест Арктики: исследование коренных народов Севера России. — М.: АКМНСС и ДВ, 2004, 184 с.
- Федорчук В. В.* Коренные народы и окружающая среда Российского Севера. Межрегиональный семинар. Южно-Сахалинск, 27–28 июня 1999 года. <http://www.icarp.org/ru/fedorchuk4-1.html>

Коренные народы Российского Севера в условиях глобальных климатических изменений и воздействий промышленного освоения Севера

Л. Богословская

Север (Арктика и Субарктика) все яснее осознается человечеством как один из последних регионов планеты, где доля природных сообществ, не затронутых или мало освоенных людьми, еще высока. Этот регион Земли более 30 тыс. лет назад начали осваивать народы, чьи потомки живут здесь в настоящее время. Все они принадлежат к группе народов, которые называются по-разному: аборигенные народы, Первые нации, а в России — коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Наиболее частое самоназвание таких этносов — «настоящие люди».

Традиционный образ жизни все коренные народы могут вести в ненарушенных или слабо нарушенных экосистемах, поэтому одна из главных задач их существования — поддержание уровня биологического разнообразия и продуктивности «своих» биоценозов. С этой задачей они справлялись в течение многих столетий, а в ряде случаев и тысячелетий.

Коренное население Российского Севера

Северные регионы занимают основную часть России, а арктический регион вместе с континентальным шельфом и исключительной экономической зоной составляет более 30% всей площади страны. Наша Арктика до сих пор уникальна в том смысле, что здесь многие разные по происхождению человеческие коллективы обеспечили — посредством традиционных механизмов природопользования — свое культурное разнообразие, сохранив при этом биологическое разнообразие и продуктивность полярных экосистем.

В течение многих столетий, а в ряде случаев — тысячелетий, в полярных регионах России традиционный образ жизни ведут «малочисленные этнические общности» (название приведено в соответствии с пунктом «м» части 1, статьи 72 Конституции РФ), которые представлены четырьмя группами:

1. коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ;
2. субэтноты, этнические и другие группы *карелов, коми, якутов и бурят*;
3. арктические группы *русских и карелов* Европейского (Русского) Севера (поморы);
4. *русское старожильческое* население Сибири и Дальнего Востока.

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (1-я группа) в связи с общепринятыми международными правовыми нормами имеют в России особый правовой статус, поскольку являются прямыми потомками древних сообществ охотников, рыболовов и собирателей (ст. 69 Конституции РФ и другие акты законодательства РФ). Оленеводство появилось у ряда этих народов гораздо позднее, но и занятие оленеводством включает охоту, рыболовство и собирательство в качестве своих обязательных компонентов. Все указанные виды традиционной хозяйственной деятельности — основа традиционного образа жизни и этнической самобытности народов Севера. Это проявляется не только в национальных культурах, но и в антропологических характеристиках, закрепленных на генетическом уровне (Козлов, Вершубская, 1999).

В России особым правовым статусом обладают свыше 40 коренных малочисленных народов Севера. За исключением *саами, эвенков, эскимосов и алеутов*, эти народы проживают только в нашей стране, сохраняя традиционный образ жизни своих предков.

По образу жизни, а нередко и генетически, к ним близки многие группы коренного и старожильческого населения Севера, Сибири и Дальнего Востока, чьи культуры и генофонды представляют собой уникальные сплавы культур и генофондов больших по численности европейских и азиатских этносов и коренных малочисленных народов. Это представители 2-й, 3-й и 4-й указанных выше групп населения.

Принципы традиционного природопользования

Современные коренные или аборигенные народы — потомки древних сообществ охотников и собирателей, которые считали природу не окружающей средой с набором природных ресурсов, а членом своих социумов. Японский этнолог Х. Ватанабе назвал такое явление «системой социальной солидарности с природой». Подобное отношение базируется на понимании неразрывности всего сущего, равноправного взаимодействия всех объектов природы, включая человека, постоянном их перетекании, перерождении друг в друга. Вот как говорит об этом Николай Гальгаугье, эскимосский охотник из села Сиреники на Чукотке (запись сделана в 1981 году):

«Думаю, мало мы про зверей, птиц знаем, редко кто рыбу понять может. Все они только на первый взгляд простые. Они же древнее нас. Когда людей ещё не было, а души уже были и жили в зверях разных, птицах, рыбах, паучках, даже в траве и сопках жили. Потом только часть перешла в людей, это они с нами поделились. Ведь души часто не в новых людей переходят, а возвращаются обратно, к себе домой.

Все друг в друга переходят — иного и быть не может, поэтому так красиво вокруг. Никто не исчезает, все снова в этот мир возвращаются, конечно, не сами, а только души. Ребёнок, когда родится, обязательно с ним кто-нибудь «приходит», с кем предки или родные дело имели. Бывает, с ребёнком «приходят» вместе человек и зверь — так вместе и живут в нём. Все связаны между собой. Каждый эту связь по-своему ощущает. Многое зависит от того, кто нашёл твоё тело и «пришёл» в тебя. Но и от тебя, какой ты сейчас, тоже зависит».

Структуру традиционного природопользования, его роль в сохранении биологического и культурного разнообразия нашей планеты определяют особенности традиционного образа жизни каждого народа. При большом этническом разнообразии традиционного природопользования существуют общие принципы и механизмы (Богословская, 2000), которые вкратце сводятся к следующим положениям.

1. Традиционные формы природопользования коренных народов и других малочисленных этнических общностей Севера, Сибири

и Дальнего Востока являются устоявшимися, исторически сложившимися компонентами современных экосистем и демонстрируют принципы долговременного, экологически сбалансированного освоения окружающей среды, основанного преимущественно на использовании возобновляемых ресурсов.

2. Коренные народы могут вести традиционное природопользование только в ненарушенных или слабо нарушенных экосистемах, сохраняющих исходный уровень биологического разнообразия и продуктивности.

3. Традиционные способы природопользования северных этносов — это образ их жизни, отрасль хозяйства. Как основа уникальных систем жизнеобеспечения они представляют собой часть общемировой культуры, древний и успешный опыт адаптации человеческих коллективов к экстремальной природной среде, принципиально иной, чем опыт европейской цивилизации последних веков.

4. Традиционные способы природопользования были и остаются единственной формой и условием существования национальных культур и обеспечивают сохранение и воспроизводство этнической самобытности, культурную преемственность и стабильность жизни северных народов.

Традиционные знания

Традиционные знания коренных народов Севера — особая часть культурного и духовного наследия бесписьменных народов. Эти знания являются своеобразным шифром, ключом, который открывает путь к устойчивому взаимодействию с природой и неистощительному использованию её возобновляемых компонентов в целях жизнеобеспечения и духовной практики жителей Севера.

Именно традиционные знания дают возможность бесписьменным народам передавать уникальный опыт природопользования своим потомкам в качестве наследия.

Традиционные знания большинства северных этносов дошли до наших дней с невосполними потерями — устный и наглядный («из рук в руки») способы их передачи практически исчезли к концу XX века в связи с разрушением и деградацией традиционного образа жизни

и уходом из жизни старших поколений. В настоящее время судьба уникальных знаний напрямую зависит от осознания их ценности молодыми поколениями народов Севера, а также от возможности объединения определённой части знаний, прежде всего, экологической, с достижениями современной науки.

Традиционные знания являются частью живого культурного наследия, они имеют сложную структуру, в которую входят следующие основные компоненты.

Хозяйственные календари

Такие календари представляют собой исторически закреплённые годовые циклы всех способов природопользования, которые практикует данный народ. Главной частью хозяйственных календарей были местные (локальные) охотничьи и рыболовные календари. Они, во-первых, определяли оптимальные сроки и места добычи каждого промыслового вида; во-вторых, регламентировали добычу животных по половозрастному составу; в-третьих, создавали «плавающую» промысловую нагрузку на популяции животных в зависимости от естественной динамики их численности; и, в-четвертых, вводили сезонные и временные ограничения на добычу ряда промысловых видов.

Относительно специфики разных способов охоты или рыболовства можно сказать следующее. Конечно, существуют их общие принципы, но у каждого народа в каждом его селении веками вырабатывались свои варианты промысла, которые определяются:

- годовым охотничьим/рыболовным календарём данного посёлка, существующим в устной традиции на протяжении веков. Этот календарь говорит, в какое время года, в каком месте и какими способами лучше всего добывать того или иного зверя/рыбу;
- конкретными условиями промысла (дождь, снег, льды, течения, ветры и др. особенности погоды);
- характером поведения животных в разных участках промысловой территории;
- способом ведения охоты/рыболовства (коллективно или индивидуально, с берега, кромки припая или маломерного судна, вид применяемого оружия и т.д.).

Способ охоты/рыболовства выбирается с учётом характеристик, перечисленных выше. Невозможно описать буквально все особенности и тонкости разных видов охоты/рыболовства в разных селениях — они передаются «из рук в руки»: отцы, дяди, старшие братья и старейшины обучают молодёжь всему, что знают сами. При этом главная задача — выработать у молодых промысловиков способность быстро принимать правильные решения в критических ситуациях.

Охрана мест, играющих ключевую роль в биологии промысловых видов и сохранении биологического разнообразия в конкретном районе

Строго охранялись места размножения промысловых видов животных и регулярно чистились нерестовые реки и нерестилища, лежбища и залежки морского зверя.

Соблюдались правила и время сбора стеблей, листьев и корневищ в местах произрастания ценных пищевых и лекарственных растений.

На угодьях, особо важных для поддержания численности промысловых видов, периодически устраивались «запуски», некоторые угодья вообще изымались из пользования и вводились в категорию священных земель и водоемов. Священными признавались участки ландшафтов и природные объекты, отличающиеся чем-то необычным: например, похожие на людей кекуры и останцы, скалы и деревья причудливой формы и т.д.

Самые редкие и наиболее значимые виды животных и растений вводились в категорию священных объектов.

Системы пастбищеоборота, оленеёмкости и прогноза продуктивности пастбищ

Такие системы существовали у всех оленеводческих народов и соблюдались очень строго в целях предотвращения перевыпаса и распространения болезней домашних оленей (некробактериоз

и др.). Лучшие ягельники считались национальным достоянием и при нормальных погодных условиях вообще не использовались. В случае неблагоприятных условий (гололёд, засуха, пожары) оленеводы-соседи всегда договаривались о временном выпасе своих стад на чужих пастбищах, принадлежащих иным территориальным группам своего народа или даже другим народам.

Сохранение генофонда аборигенных пород домашних животных

В настоящее время большинство аборигенных пород переживают не лучшие времена, и проблема сохранения аборигенных и местных пород домашних животных осознаётся мировым сообществом как одно из важных направлений сохранения культурного и природного наследия Земли. Общий интерес к изучению и спасению исчезающих пород домашних животных определяется следующими причинами:

- Аборигенные и местные породы являются частью биологического разнообразия Земли, т.е. входят в состав общепланетарного природного наследия.
- Аборигенные породы неразрывно связаны с древними культурными традициями народов мира. Для многих из них эти животные до сих пор являются священными, нередко определяющими особенности их духовного мира и религиозного своеобразия.
- В так называемых «напряженных» биоценозах уникальный, адаптированный в течение веков и тысячелетий генетический материал, представленный совокупностью генофонда аборигенных и местных пород, часто не может быть заменен никакими вариантами домашних пород из других регионов.

В случаях, когда генофонд длительное время сохраняется в определённой местности, он представляет естественное природное богатство, не менее ценное, чем запасы угля, нефти, золота и т.п. В нашей стране таковыми являются генофонды аборигенных и местных пород всех домашних животных, но, прежде всего, животных, созданных коренными народами.

Поддержание преемственности традиций природопользования

Важнейшие экологические знания, правила поведения в природе, производственные навыки входили в космогонические и религиозные представления народов, были мифологизированы и табуированы. Носителями этой категории знаний в первую очередь являлись шаманы и старейшины. Они же сохраняли и передавали следующим поколениям традиционные методы лечения людей и животных, а также уникальные формы психоэнергетического воздействия на людей, животных и природные процессы — так называемые камлания шаманов (Алексеев, 1993; Басилов, 1984; Кенин-Лопсан, 1987; Смоляк, 1991 и другие).

Большую роль в передаче традиций играла система воспитания, основанная и у коренных народов, и у старожильского населения на максимально раннем включении детей в трудовую деятельность семьи, а также на очень хорошей физической подготовке через специальные системы закаливания, тренировок и упражнений. Обычно к 8–10 годам мальчики и девочки знали все производственные процессы и выполняли то, что было им по силам.

Ни один коренной малочисленный народ Севера не имел письменности — передача знаний из поколения в поколение происходила устно и была обязательной составляющей живых традиций каждого народа. В связи с этим огромная нагрузка ложилась на языки: значительная часть лексики фиксировала термины и действия, связанные с охотничьим промыслом, рыболовством, оленеводством, собирательством, местными особенностями ландшафтов и погодных условий. В наше время именно люди, ведущие традиционный образ жизни, являются носителями родного языка, который, в свою очередь, не может существовать в отрыве от традиционного природопользования.

Важнейшую особенность традиционных знаний сформулировал тонкий знаток внутреннего мира аборигенов, хант Леонтий Тарагупта (1994):

«Первый наш закон — абсолютное неприятие статики. Любое название, присвоение имени — это уже статика, это уже убивает наш дух, наши знания. Вот, например, отличная идея — создание северного фонда знаний, его называют «этнографический культурный фонд знаний». Сам факт закрепления какого-то уровня знаний

в соотношении с характером духовной жизни северянина сразу делает их вчерашними. А европейская традиция, ведь, какая — потом, опираясь на эти знания, власти будут прогнозировать нашу экономику, социальное развитие, программировать наш путь мировоззренческий. А это уже — отставший момент, как оставшаяся позади железнодорожная станция. Как она может проектировать конечный путь? Она уже превратилась в статику.

Потому что духовная жизнь — она сегодняшняя и постоянно меняющаяся. Статика нашими народами вообще не признается. И вот эта красивая концепция о единстве мира и об умении слияния с природой — тоже статика. Любое имя — статика.

Этнографы уже узнали, почему существует табу на название — нельзя имя человеку дать, нельзя имя всему дать, и поэтому нельзя рисовать. Наши умеют рисовать, наши, если потренируются, через неделю портрет фотографический нарисуют. Но это нельзя. Это статика — она убивает ум. Поэтому табу рисовать, давать имена. Если имена дают, то как бы вскользь: не конкретное имя, а определяющее какое-то свойство — то есть имя качественное, не конкретное.

Самое важное для нас — не знание о единстве мира, а умение войти в это единство мира и умение выйти из него. Это наш второй закон — динамика, все подвижно. Это сознание, это процесс духовной жизни. Он идет везде».

Традиционные и научные экологические знания: возможность интеграции

Следуя положениям Всемирной организации по интеллектуальной собственности (ВОИС), *традиционные знания следует признать объектами неделимой коллективной интеллектуальной собственности каждого коренного народа.*

Сведения о традиционных экологических знаниях накапливались постепенно, сначала в трудах путешественников, затем в работах не одного поколения этнографов. Однако это были разрозненные данные, и учёные не соотносили их с сохранением природных комплексов. Гораздо большее внимание уделялось прежде сбору фольклора, материалов по религиозной и бытовой обрядности, которые к тому

же поддерживались предметами материальной культуры. О важности экологической составляющей традиционных знаний мало кто думал, и собранные знания «повисали в воздухе», поскольку не укладывались в гуманитарные концепции и диссертации науки «западного» типа (Крупник, 2013).

Тем не менее, были и глубокие этнографические исследования, в которых затрагивались вопросы природопользования и, косвенно, сохранения биологического разнообразия, основная их часть приведена в списке литературы. основополагающими в этом отношении следует считать труды М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова (1955) и И. И. Крупника (1989). Кроме того, большой вклад в это научное направление внесли также Е. А. Алексеенко (1974 и др.), Г. Н. Грачёва (1983), Н. Д. Конаков (1983, 1984, 1987), В. М. Кулемзин (1999 и др.), А. В. Смоляк (1991 и др.) и некоторые другие специалисты.

Приведём важное положение, высказанное В. М. Кулемзиным (Koulemzin, 1999):

«...речь идёт о двух типах культур народов Западной Сибири:

1. чулымских татар, селькупов и хантов, которые занимались ещё в недавнем прошлом охотой и рыболовством;
2. старожильческого русского населения, хозяйство которого основано, прежде всего, на земледелии и животноводстве.

Процесс взаимодействия этих культур, продолжающийся три столетия, был отмечен вторжением факторов, разрушительных для традиций коренных народов: массовой христианизацией, начавшейся в первой трети XVIII века, коллективизацией 30-х–40-х годов XX века, индустриализацией, вступившей в силу в 1960-е годы.

Такое вторжение всякий раз вводило в целостное развитие местной культурной системы чуждую ей концепцию примата какого-то одного из составляющих её элементов: духовного — в период христианизации или, напротив, материального — в период советизации.

<...> Анализ этнографических наблюдений позволяет понять, что разница между двумя указанными типами культур, прежде всего, обуславливается неодинаковым количеством внутренних ресурсов каждой из них, направленных на поддержание и воспроизводство целостной системы. Эти наблюдения хорошо иллюстри-

руются современными движениями в защиту природы, которые у коренных народов всегда неотделимы от требований духовного характера.

Всё это подводит нас к признанию довольно необычного факта: человек проявляет бережливое, щадящее отношение к природе только в рамках соответствующих традиций. Образно говоря, природу бережёт не человек, а традиция» (выделено ЛБ).

Многие представители естественных наук второй половины XX в. независимо друг от друга обнаружили, что биологическое разнообразие лучше всего сохраняется на территориях традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных народов, и предложили включить такие территории в региональные системы особо охраняемых территорий. Одними из первых это сделали биологи Приморского края (Богатов, Красилов, Крылов и др., 1989). В проектируемой ими системе охраняемых природных территорий они предложили новую категорию — «этнические территории»:

«...система «этнических территорий», имеющих щадящий режим природопользования и обеспечивающих сохранение национальной культуры и уклада жизни у не имеющих собственной автономии малочисленных народов и народностей в местах их исторического проживания. <...> Общая площадь «этнических территорий» равна 49340 км², что составляет 29,7% территории края» (Богатов, Красилов, Крылов и др., 1989, с. 11 и 35).

Впечатляет тридцатилетний мониторинг морских млекопитающих в регионе Берингова пролива силами коренных жителей и специалистов разного профиля (Богословская, 2003; Богословская и др., 2007). В результате мониторинга было убедительно доказано существование внутривидовой структуры в чукотско-берингоморском стаде гренландских китов, чему долго отказывались верить американские биологи. Кроме того, были открыты важные особенности биологии морских млекопитающих, не известные официальной науке. Благодаря народному мониторингу жители Чукотки намного раньше специалистов выявили воздействие потепления климата на приморские и континентальные биогеоценозы.

Проект по мониторингу морских млекопитающих был, вероятно, первым в России исследованием, одновременно поддержанным академической наукой (Институт эволюционной морфологии и экологии

животных им. А. Н. Северцова АН) и исполнительной властью (Окружной исполнительный комитет Чукотского автономного округа).

Кроме биологов, на Чукотке работали этнографы, археологи и палеоэкологи. Итоги их работ показали, что морской зверобойный промысел эскимосов и чукчей, имеющий историю свыше трех тысячелетий, не привёл и не мог привести к снижению уровня биологического разнообразия наземных и морских биоценозов в регионе Берингова пролива (Динесман и др., 1996; Krupnik, Bogoslovskaya, 1999; Савинецкий, 2000; и др.)

Сравнение традиционных и научных знаний в области сохранения биологического разнообразия и продуктивности биологических систем Севера показало следующее.

- Традиционные и научные знания равноценны в их системности, глубине и точности применительно к экосистемам, исторически освоенным народами Севера.

- Традиционные знания наиболее информативны и востребованы при изучении популяций и внутривидовых группировок, а также на уровне культурных (освоенных) ландшафтов отдельных поселений или близко расположенных посёлков.

- В отличие от кратковременных научных программ, традиционные знания не имеют начала и конца — это динамический процесс многовековой и даже тысячелетней длительности. Мониторинг одних и тех же участков экосистем ведётся непрерывно многими поколениями, сменяющимися друг друга. Знания накапливаются, постоянно уточняются и корректируются в связи с меняющимися природными условиями и передаются в доступной форме следующим поколениям.

Указанные выше свойства позволяют прийти к следующему заключению: *традиционные экологические знания представляют большую ценность для понимания микроэволюционных процессов в экосистемах Севера.*

Необходимо сказать несколько слов о способах передачи традиционных знаний. Такие знания не бесстрастны и не обезличены, как научные. Они несут на себе отпечаток личности не только самого информатора, но и тех, кто в своё время передал их ему. Эти особенности передачи знаний делают их, по сути, художественными произведениями, благодаря чему они легко запоминаются молодыми поколениями на эмоциональном уровне (Богословская и др., 2007).

Полноценная передача традиционных знаний возможна только при непосредственном и длительном взаимодействии старших и младших поколений, общающихся на родном языке, в котором основная часть лексики представлена терминами и понятиями, связанными с природой и природопользованием. Большую роль в передаче знаний играют национальные приёмы воспитания и обучения — прежде всего, семейная среда, практикующая раннее включение детей в трудовые процессы наравне со взрослыми.

В настоящее время традиционные экологические знания изучаются во многих странах. Накопленные материалы позволили внести ряд положений в основополагающие международные документы: Конвенцию о биологическом разнообразии, 1992; Нуукскую декларацию об окружающей среде и развитии в Арктике, 1993; Севильскую стратегию для биосферных резерватов, 1995; Декларацию ООН о правах коренных народов, 2007.

В 1994 г. состоялся первый международный семинар по проблемам сохранения и использования традиционных знаний аборигенных народов. Он был организован Международной конференцией инуитов (ИСС). Семинар носил ознакомительный и информационный характер и принял резолюцию, имеющую определённое значение для развития деятельности по сохранению и использованию традиционных знаний.

Влияние глобальных изменений климата
и окружающей среды на традиционный образ
жизни коренного населения Севера

***Культуры народов Севера и
«постиндустриальная» цивилизация***

Традиционные культуры и принципы социальной организации народов Севера ориентированы как на выстраивание отношений между людьми, так и на поддержание равновесия с чрезвычайно уязвимой окружающей средой. За длительный период своего существования коренные народы не раз переживали периоды потепления и похолодания (так называемые малые ледниковые периоды) и смогли приспособиться к ним. Коренные народы выработали особые стратегии природопользования, которые адаптированы к низкому уровню био-

логического разнообразия и продуктивности северных экосистем и обладают повышенной устойчивостью к резким негативным изменениям природных условий.

Во многом такой успех был достигнут благодаря следующему.

- Коренные народы традиционно существуют «внутри» экосистем, являются их частью, занимая верх трофических пирамид, подобно крупным всеядным хищникам. Этим они принципиально отличаются от западных индустриальных и постиндустриальных обществ, живущих «над природой», вне естественных трофических (пищевых) связей.

- Коренные народы связаны с природой мощными духовными отношениями, она является основой их ментальности, духовного мира, культуры и языка.

- Традиционно живущие человеческие сообщества Севера сохраняют уровень биологического разнообразия и продуктивности экосистем, необходимый для их устойчивого существования, с помощью их духовных и культурных традиций, а также адекватного этой задаче поведения всего общества и его отдельных представителей.

- Окружающие условия вынуждают северян вести исключительно общественный образ жизни и проявлять бережное отношение к природе в рамках культурной традиции, как это было определено Кулёмзиным (см. выше).

Все изменения, вносимые традиционными обществами в свою собственную социальную структуру и биоценозы Севера, происходят со скоростью основных биологических процессов и потому «спокойно воспринимаются» биоценозами и человеческими коллективами, организованными в общины.

В настоящее время каждая из четырех групп коренного населения Севера (см. выше) испытывает сильное негативное воздействие со стороны постиндустриального общества. В современной «западной» цивилизации все более и более доминирует потребительское (ресурсное и рекреационное) отношение к природе, определяемое в данный конкретный момент интересами группы лиц или отдельной личности. Под влиянием этого принципы взаимодействия народов Севера с природой подверглись и продолжают подвергаться деградации и значительным искажениям.

Современные методы индустриального освоения Севера происходят в «ненормально» короткие сроки, несовместимые с адаптивными

возможностями дикой живой природы и сообществ коренных северян, и потому оказывают поистине разрушительное действие не только на природную среду, но и на менталитет, культуру и традиции социальной организации этих групп населения.

Для традиционных сообществ Севера политические и экономические перемены, включая неадекватные управленческие решения, прямое техногенное нарушение природной среды и сокращение территорий традиционного природопользования, являются мощными культурными и социальными факторами стресса, которые деформируют и во многих случаях уничтожают как отдельных людей (рост числа суицидов), так и целые общины и даже этно-территориальные группы. Наиболее значительные разрушения наблюдаются в *культурах* коренных малочисленных народов Севера, причем процессы деградации традиционных связей с природой далеко не всегда осознаются самими народами и их защитниками.

В течение последних 60–70 лет коренные народы и другие «малочисленные этнические общности» Севера испытали негативное воздействие двух культурных разрывов между поколениями. Первый культурный разрыв пришелся на период 1940–1960-х гг. Его символы — уничтожение *традиционной системы расселения* и замена традиционной культуры воспитания интернатом. Они разрушили *общинные традиции (местные культуры) и семейное воспитание*, т.е. исконные способы преемственности живых культур.

Символом современного нам второго культурного разрыва между поколениями (с 1990-х гг.— *Ред.*) являются *рыночные отношения*; они уничтожают самые глубинные структуры духовной организации этносов. Как известно, рынок сохраняет и развивает только то, что легко воспроизвести и продать, то есть материальные атрибуты и внешние, по большей части экзотические, признаки традиционных культур, которые можно имитировать. Уникальный менталитет, особые психологические качества и связанные с ними языки коренных народов не имеют рыночной цены, не могут быть проданы и, соответственно, уничтожаются агрессивной «западной» культурой.

В результате «рынок» оказывает поистине разрушительное действие на природную среду, на физическое и психическое здоровье, менталитет и социальную организацию коренного населения высоких широт.

Традиционные способы адаптации коренного населения Севера к изменениям окружающей среды и возможность их использования в современных условиях

Высокая подвижность человеческих коллективов, способность при неблагоприятных условиях быстро менять место жительства

Это, по-видимому, главный из способов адаптации к меняющимся условиям окружающей среды (Крупник, 1989). Но при этом каждый род, каждая община, каждая этно-территориальная группа любого северного народа всегда имела «свои» земли (свой культурный ландшафт) с четкими границами. Закрепление таких земель носило скорее характер общественного договора, традиции, чем жесткой правовой нормы (Богословская, Павлов, 1999). Земли одной этно-территориальной группы аборигенов всегда «проницаемы» для других таких же групп, если последние испытывают какие-либо трудности на своей земле (Сопочина, 1998). Более того, для бедных соплеменников «чужие» земли были открыты всегда. О таком обычае, имеющем силу закона, рассказывал в 1929 г. этнографу В. П. Евладову один богатый ямальский ненец-оленевод.

«Езенда... стал рассказывать нам, что этот «хребет», та часть, по которой мы идем, принадлежит ему и получена от матери. На этом «хребте» он вырос, и тут его вотчина. Разговор о вотчинах был кстати. Мы ведь специально собирали сведения о поземельных отношениях в тундре, старых и новых обычаях, законах.

<...> Езенда рассказал, что раньше, «по-старому», каждый род имел свои определенные земли, границы между которыми не были жесткими, менялись время от времени, а внутри родовых территорий каждый хозяин, крупный или мелкий оленевод, имел свою наследственную территорию — вотчину.

— А как же бедняк, где он тогда будет пасти своих оленей? — заинтересовался я.

— Везде,— ответил Езенда.— Разве я могу запретить пасти и промыслять на моей земле. Я сильный, куда хочу, туда и пойду, а бедный идет туда, куда «терпят» его олени. Пусть бедные ходят везде, где пожелают».

Характерно, что то же самое говорил о ягелеустройстве Мый-ти Окатэтта. Он тоже считал себя не вправе запрещать кому-либо пасти оленей на «своей земле». Зачем же тогда вотчина? Я стал думать, что в основе вотчинного права у ненцев Ямала лежат какие-то экономические отношения вне потребностей оленеводства, может быть, права на охотничьи территории. Впоследствии это подтвердилось» (Евладов, 1992, с. 56–57).

Россия остается единственным приарктическим государством, не урегулировавшим законодательно свои отношения в области земле- и природопользования с коренными народами Севера. Особенности правового регулирования традиционного природопользования народов Севера неоднократно рассматривались ранее моими коллегами и мной (Богословская, 1999; Богословская, Павлов, 1999; и др.).

Необходимо помнить, что коренные народы Российского Севера никогда не вступали в какие-либо правовые отношения с государством по поводу исторически принадлежащих им земель: они не продавали свои земли, как коренные жители Аляски, не получали за них денежных компенсаций и не поручали государству или его органам власти управлять своими территориями.

Советское государство просто объявило эти земли «государственной собственностью», что дало право современной власти распоряжаться ими по своему усмотрению.

Составители Конституции РФ предвидели такую возможность и потому ввели ряд положений, которые могут быть использованы всеми гражданами страны, в том числе и этими народами. Так, в статье 9 определены две правовые нормы в отношении земли.

Часть первая гласит: «Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории».

Часть вторая рассматривает землю как объект собственности и устанавливает многообразие форм собственности на нее.

Таким образом, статья 9 Конституции РФ требует различать отношение к земле как к природному ресурсу — основе жизни и как к имуществу.

Принципиально важно, что норма о земле как природном ресурсе предшествует норме о земле как имуществе, т.е. установлен определенный приоритет, означающий, что земельные участки находятся в гражданском обороте в ином порядке, нежели другие виды имущества.

Собственность на землю и другие природные ресурсы ограничена двумя условиями: задачей сохранения окружающей среды и правами и законными интересами иных лиц, к которым относятся и коренные малочисленные народы (часть 2 статьи 36 Конституции РФ).

Особо следует подчеркнуть, что земля как объект использования и охраны и земельный участок как предмет права собственности и иных имущественных прав — разные правовые явления.

Статьи 9 и 36 Конституции имеют отношение ко всем гражданам России. Однако для коренных малочисленных народов Севера сформулирована специальная статья 69, а для всех малочисленных этнических общностей введены особые конституционные нормы, обеспечивающие сохранение их самобытности,— пункт «м» части 1 статьи 72:

«В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся: <...> м) защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей».

Можно полагать, что в свете данной конституционной нормы «исконная среда обитания» для коренных народов Севера это:

а) *земля родного селения*, которая обеспечивает кровнородственные, социальные и этнокультурные связи с сородичами, предками и будущими поколениями;

б) *земли, где захоронены предки* и где хотят быть похороненными ныне живущие;

в) *священные земли* — важнейшие эзотерические материальные объекты духовной культуры каждого коренного народа Севера;

г) *заповедные земли*, которые обеспечивают сохранение природной среды и традиций взаимоотношения людей и природы.

Перечисленные виды земель, безусловно, не являются объектами собственности и имущественных отношений в современном понимании.

Эти земли выступают здесь даже не как природный ресурс, а в качестве совершенно особого, фундаментального, компонента природного, историко-культурного и духовного наследия каждого народа, или его «исконной среды обитания».

Печальный опыт сселения и переселения маленьких национальных поселков Севера в 1940–1970-х гг. показал, что без этих земель быстро деградируют и разрушаются не только историко-культурное наследие, но и сами народы Севера как самобытные этнические общности.

д) охотничьи угодья, рыбопромысловые участки, олени пастбища, традиционные транспортные пути и маршруты кочевков, резервные земли также входят в «исконную среду обитания».

На первый взгляд, отношения коренных жителей по поводу этой категории земель ближе всего к современным имущественным отношениям. Однако принципиально важно то, что коренные народы никогда не знали собственности на землю, на промысловые угодья, как и на любые другие виды природных ресурсов. Собственностью было то, что произведено самими людьми: орудия труда, домашние олени, добытые звери, собранные растения.

Закрепление земель за родом или семьей имело, скорее, характер общественного договора, традиции, чем жесткой правовой нормы. Более того, у поморов Белого моря была важная общинная традиция — обязательная смена, ротация промысловых угодий для того, чтобы все семьи находились в равных условиях по отношению к самым лучшим землям и их природным ресурсам. Все это осуществлялось на основе договора, составляющего фундамент обычного права традиционных северных сообществ.

Еще раз подчеркнем, что обычное право коренных народов регулирует земельные отношения только в области использования и охраны земли как природного ресурса — основы жизни, что соответствует части 1 ст. 9 Конституции РФ, но не в области права собственности и иных имущественных прав. В силу этого народы Севера оказались беззащитными перед новопоселенцами-собственниками, не признающими общественный договор и нормы обычного права.

В настоящее время принцип смены места жительства (кочевание) практически невозможно применить, поскольку территории народов Севера в основном уже отняты у них под промышленное строительство, добычу полезных ископаемых, частные охотхозяйства или рыбопромысловые участки. Многие земли и воды стали непригодными для проживания из-за промышленного загрязнения. Кроме того, суверенитет ряда субъектов Федерации позволяет их властям на законных основаниях запрещать на своей территории кочевание, рыболовство и охоту представителям коренных народов из других регионов. Подобные выяснения отношений происходили, например, между Архангельской областью и выделившимся из нее Ненецким АО, а теперь случаются между хантами-оленеводами Зауралья (Яма-

ло-Ненецкий АО) и Архангельской областью, вновь объединившейся с Ненецким АО.

Взаимодополняющие стратегии природопользования народов-соседей

Наиболее яркий пример такого содружества в природопользовании — морские охотники (эскимосы и береговые чукчи) и чукчи-оленоводы Восточной Чукотки (подробнее см.: Крупник, 1989). Помимо того, что чукчи — морские охотники и чукчи-оленоводы связаны родственными узами и общим языком, между оленеводческими (чукотскими) и береговыми общинами, чукотскими и эскимосскими, существовали и до сих пор существуют традиционно крепкие отношения взаимопомощи.

Чукотский полуостров — зона рискованного оленеводства: близость моря с зимней «открытой» водой нередко оборачивается гололёдом на зимних пастбищах в прибрежной зоне. Особенно страдают участки, вытянутые вдоль морского побережья. В такие трудные годы морские охотники всегда приходят на помощь оленеводам. В свою очередь, в прошлом оленеводы буквально спасали от голодной смерти общины морских охотников в тяжелые зимы, когда по разным причинам был невозможен промысел морского зверя.

Но, кроме помощи в экстренных ситуациях, у морских охотников и оленеводов бытует традиция регулярных ежегодных взаимных обменов своей продукцией. Эти обмены были приурочены к летнему (августовскому) и ранне-осеннему (сентябрьскому) забою оленей. Для обмена береговые жители готовили *атымпат* — шкуры нерп, лахтаков, жир морзверя, сушеное мясо, белужьи жилы для ниток, лахтачью кожу для подошв, лахтачьи ремни для арканов (*чаатов*), торбаза, сшитые из нерпичьих шкур. Взамен они брали у оленеводов оленье мясо, сало, оленьи жилы, камус, готовые чижы, штаны, торбаза из оленьего камуса. На такие обмены приезжали даже эскимосы Аляски, нуждавшиеся в оленьих шкурах.

Существовал даже обычай побратимства между семьями морских охотников (независимо от национальности) и оленеводов.

Последний раз морские охотники спасали оленеводов от голодной смерти в 1990-х гг., когда основное поголовье совхозных оленей было приватизировано поселковым и районным начальством, а потом заби-

то на продажу, нередко вместе с личными оленями оленеводов. Оленеводы не только остались без оленей, но стали безработными — их сократили за ненадобность. По всей Восточной Чукотке морские охотники тогда передавали с попутчиками квашеное и свежее мясо моржей и китов, вяленую рыбу и водоросли.

Бескорыстная помощь нуждающимся

В традициях северян была обязательная помощь бедным соплеменникам, одиноким старикам и больным. Вот как это принято у морских охотников Чукотки:

«...добычу делили, одиноких стариков, сирот, бедных людей никогда не забывали. Хороший охотник кормил не только семью, но и многих, даже неродных».

(Л. Айнана, Провидения, 1985 г.)

Коренные жители помогали не только своим односельчанам, родственникам и знакомым в других поселках, но даже другим народам, о которых, возможно, и не знали прежде. Например, в «Памятной книжке Якутской области на 1867 г.» отражена благотворительная деятельность чукчей по спасению умирающих от голода колымских юкагиров.

«Чаунский чукча Лука Ваалергин, услышав, что жители Нижнеколымской части (юкагиры. — Л. Б.) весьма мало добыли рыбы и должны будут голодать, тотчас двинулся с табуном 400 оленей к Нижнеколымску, остановил его в 30 верстах и для того чтобы бедные люди не затруднялись отдаленностью его стойбища... сам поехал известить жителей, чтобы они являлись к нему за получением оленей. Народ тотчас отправился в его лагерь, кто пешком, кто на собаках» (Туголуков, 1979, с. 42–43).

Восприятие новых форм природопользования

Выше уже говорилось о том, что народы Севера легко воспринимают новые для себя формы природопользования, но активно избегают работы в индустриальном секторе. Так, под влиянием соседей, чукчей-олeneводов, часть юкагиров перешла от охоты к оленеводству. Эту форму хозяйствования восприняли от эвенов и эвенков некоторые северные группы якутов. В Западной Арктике оленеводством пока еще занимаются четыре деревни поморов Белого моря.

С появлением русского населения, прежде всего казаков, на Камчатке и южной Чукотке коренные жители освоили огородничество, особенно посадку картофеля, а позже и разведение лошадей. В свою очередь, русские старожилы Колымы и Индигирки стали одними из лучших в Арктике каюров и дрессировщиков ездовых собак, что специально отметил Р. Амундсен.

***Главная угроза для коренных северян
не потепление климата, а промышленность***

Выше перечислены четыре основных способа адаптации к изменениям природной среды, но насколько они применимы в современных условиях глобального потепления и ускоренного промышленного освоения Севера?

По нашему мнению, материалы исследований последнего десятилетия убедительно свидетельствуют, что промышленное освоение с сопутствующим ему избытком приезжего населения гораздо страшнее любого потепления. Подобное мнение высказал на семинаре ЮНЕСКО в 2013 году В. Шадрин, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера в Якутске и председатель совета старейшин юкагиров.

Второе обстоятельство, которое также намного страшнее изменения климата, — физическая и духовная деградация коренных северян, что очень точно отметил у ненцев острова Колгуев работавший там П. Глазов (2012):

«В духовно-культурной сфере с 1990-х годов происходит спад, который начался по всей стране в связи с экономическим упадком. К сожалению, на острове этот спад продолжается и сейчас. Размылись понятия общины, старейшин. Молодежь не знает своей истории, не знает о своих родовых корнях, родовых угодьях. Многие из них практически не были в тундре, а находятся все время в поселке или в близости от него. Теряются навыки охоты и оленеводства. Молодые оленеводы практически не ездят на оленьих упряжках, а все время передвигаются по тундре на буранах. Для того, чтобы ездить на оленях, необходимо иметь упряжных оленей, которых становится все меньше. Теряются навыки езды и обращения с оленями. Оленеводы должны строго соблюдать правила выпаса оленей. Сейчас стада плохо контролируются оленеводами, олени разбросаны по всей тундре.

(...) Выходит из оборота ненецкий язык. Мало кто из молодежи знает его и тем более использует. Все это типично и для всех северных поселков на Европейской части России».

Заключение

История развития северных регионов России показала следующее. С одной стороны, народы Севера не могут сохраниться как самостоятельные этносы вне своих традиционных культур, в основе которых лежит уникальный опыт их взаимодействия с природой и друг с другом. С другой стороны, в большинстве северных регионов до сих пор нет альтернативы экологически сбалансированным традиционным методам использования возобновляемых ресурсов, которые соответствуют уровню биологического разнообразия и продуктивности конкретных биоценозов и потому не разрушают природные системы.

Современное состояние традиционных сообществ Севера свидетельствует, что для этих людей наиболее угрожающим фактором воздействия являются отнюдь не изменения климата, а нарастающее влияние постиндустриальной цивилизации с её техногенным обликом и рыночными отношениями. В условиях полного бесправия, когда отсутствует правоприменительная практика даже положений Конституции РФ, коренное население просто не может использовать свои, веками наработанные способы адаптации к меняющимся условиям окружающей среды.

Сейчас коренные жители стремятся только к одному — не дать поглотить себя полностью, сохранить хотя бы основы своей этнической самобытности, языка и культурных традиций.

Приоритетное развитие традиционных способов природопользования есть неперемнное условие экологически безопасного устойчивого развития регионов Севера, поскольку лишь в этом случае можно обеспечить рациональное распределение нагрузки на возобновляемые природные ресурсы и оптимизировать этносоциальные и демографические процессы, ставя местное население в наиболее выгодное положение. Тем самым можно снизить влияние переселенцев, связанных с промышленным освоением Севера. Именно они, как правило, явля-

ются носителями опасных для северных регионов экологических, социально-экономических и культурных стереотипов.

Анализ материалов исследований последних лет, собственных и литературных данных позволяет сделать следующее заключение.

1) Промышленное освоение, особенно в условиях неконтролируемых рыночных отношений и правовой вседозволенности добывающих компаний, намного страшнее потепления климата, тем более, что ряд экспертов все больше склоняются к мнению о его временном характере.

2) В условиях лавинообразно нарастающего индустриального освоения северных территорий духовная деформация коренных северян делает их незащищенными перед приезжим населением, имеющим совсем иные жизненные ценности, и считающим свое пребывание на Севере временным, до зарабатывания нужной суммы денег.

3) Рекомендации по разработке «стратегий адаптации» народов Севера к потеплению климата являются не просто ложным, но крайне опасным шагом, уводящим северян в сторону от их действительных проблем. Это, прежде всего — разрушительное действие промышленного освоения и потеря или ослабление собственных культурных и духовных ценностей, обладание которыми только и может дать силы коренным обитателям Севера для борьбы за свою среду обитания и традиционный образ жизни.

Литература

Алексеев А.А. Забытый мир предков. — Якутск: Ситим, 1993.

Алексеев Е.А. Народные знания кетов // Социальная организация и культура народов Севера. — М.: Наука, 1974.

Алексеев Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. — Л.: Наука, 1976.

Басилов В.Н. Избранники духов. — М., 1984.

Батурова Г., Коновалов А. Тепло идет на север: Необходима разработка

и реализация стратегии адаптации к глобальным климатическим изменениям // Морские вести России, 2012. № 3. С. 1, 14.

Бобылев С.Н. Основные понятия экономики биоразнообразия. Экономическая оценка биоразнообразия // Экономика сохранения биоразнообразия. — М., 1995.

Богатов В.В., Красилов В.А., Крылов А.Г и др. Система охраняемых природных территорий в экологической программе Приморского края. Основные положения и методические

- подходы. — Владивосток: ДВО АН СССР, 1989.
- Богословская Л.С.* Особенности традиционного природопользования народов Российского Севера // Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации / Ред.: Л.С. Богословская. — М.: Изд. Государственной Думы, 2000.
- Богословская Л.С.* Киты Чукотки. — М.: Институт Наследия, 2003.
- Богословская Л.С.* Традиционные знания охотников Берингова пролива // Охрана дикой природы, 2005. № 1 (№ 31). С. 18–20.
- Богословская Л.С., Кривондасова О.Л.* Российская Арктика и экологическое право: международные и национальные аспекты // Российская Арктика: на пороге катастрофы. — М.: ЦЭПР, 1996. С. 158–162.
- Богословская Л.С., Павлов П.Н.* Коренное население Российского Севера и современное законодательство в области природопользования и охраны окружающей среды // Человек и право. — М.: «Стратегия», 1999. С. 69–74.
- Богословская Л., Слугин И., Загребин И., Крупник И.* Основы морского зверобойного промысла: Научно-методическое пособие. — М.: Институт Наследия, 2007.
- Буйволов Ю.А.* О современных особенностях климата на территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока России. Презентация. Круглый стол 11.04.2012.
- Грачёва Г.Н.* Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX — начала XX в.) — Л.: Наука, 1983.
- Динесман Л.Г., Киселёва Н.К., Савицкий А.Б., Хасанов Б.Ф.* Вековая динамика прибрежных экосистем северо-востока Чукотки. — М.: Аргус, 1996.
- Жушев А.В.* Традиционное природопользование как фактор сохранения биологического и культурного разнообразия // Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации / Ред.: Л.С. Богословская. — М.: Изд. Государственной Думы, 2000.
- Кенин-Лопсан М.Б.* Ритуальная практика и фольклор тувинских шаманов. — Новосибирск: Наука, 1987.
- Конаков Н.Д.* Коми: охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX в. — М.: Наука, 1983.
- Конаков Н.Д.* Этническая экология и традиционная культура коми // VI Международн. конгресс финно-угроведов. — Сыктывкар, 1984.
- Конаков Н.Д.* Древнекоми промысловый календарь (стиль календаря). — Сыктывкар, 1987.
- Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. — М.: Наука, 1989.
- Крупник И.И.* Пусть говорят наши старики. — М.: Институт Наследия, 2000.
- Крупник И.И.* Что можно узнать из записей местных наблюдений // Наши льды, снега и ветры: Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / Ред.: Л.С. Богословская, И.И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2013. С. 266–267.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX века: Этнографические очерки. — Томск, 1997.

- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография, 1955. № 4.
- Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации / Ред.: Л.С. Богословская. — М.: Изд. Государственной Думы, 2000.
- Савинецкий А.Б. Вековая динамика населения млекопитающих и птиц побережья и островов Берингова моря в последние тысячелетия. Автореферат докт. дисс. — М., 2000.
- Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: Этнографическая реконструкция. — М.: Наука, 1976.
- Смоляк А.В. Шаман: личность, практика, сознание. — М.: Наука, 1991.
- Bogoslovskaya L.S. Methods and Approaches to the Integration of Traditional Knowledge // AEPS/ Seminar on Integration of Indigenous Peoples Knowledge. — Reykjavik, 1994. Pp. 67–71.
- Bogoslovskaya L.S. Role of Whaling in the modern Life of Eskimos and Chukchi in Eastern Chukotka. Report to Inuit Circumpolar Conference (ICC), 1996. Preprint. — 145 pp.
- Bogoslovskaya L.S. The Bowhead Whale off Chukotka: Integration of scientific and Traditional Knowledge // Indigenous Ways to the Present. Native Whaling in the Western Arctic / A.P. McCartney, ed. — Edmonton: CCI Press, 2003. Pp. 209–254.
- Freeman M.M.R., Bogoslovskaya L.S., Caulfield R.A., Egede I., Krupnik I.I., Stevenson M.G. Inuit, Whaling, and Sustainability. — London: AltaMira Press, Walnut Creek, 1998.
- Gray A. Between the spice of life and the melting pot: Biodiversity conservation and its impact on Indigenous Peoples. IW-GIA document 70. Copenhagen, August 1991.
- Koulemzin V.M. Traditions et environnement // Siberie II. Questions siberiennes / B. Chichlo, ed. — Paris: Institut d'études slaves, 1999. Pp. 447–450.
- Krupnik I.I., Bogoslovskaya L.S. Old Records, New Stories. Ecosystem Variability and Subsistence Hunting in the Bering Strait Area // Arctic Research of U.S., 1999. V. 13. Pp. 15–24.
- Krupnik I., Vakhtin N. Indigenous Knowledge in Modern Culture: Siberian Yupik Ecological Legacy in Transition // Arctic Anthropology, 1997. 34(1). Pp. 236–252.
- Pearce D., Morgan D. The economic value of biodiversity. — London, 1994.
- Ward E. Indigenous peoples between Human Rights and Environmental Protection. Denmark, 1994.

Часть 5.
Воспоминания

Часть 5.

- Ранние годы Люды Богословской – нейроморфолога
(воспоминания коллег-биологов)
Т. Голубева, З. Зорина (Москва)
- Люда Евлампиева и её дипломная работа: воспоминания 1959 г.
И. Полетаева
- Исследования моржей на острове Аракамчечен (Чукотка)
(воспоминания о Людмиле Богословской)
Т. Лисицына (Москва)
- Удивительные миры Людмилы Богословской
Т. Ачиргина (Анадырь)
- Друг, учитель и наставник
В. Голбцева (Анадырь)
- О нашей научной «маме»
В. Нувано (Анадырь)
- Об ученом и человеке с благодарностью
В. Леонова (Анадырь)
- Верность традициям: слово о Л.С. Богословской
В. Етылин (Анадырь)
- Памяти Людмилы Сергеевны Богословской, учёного и Человека
К. Сулимов (Москва)
- Путь вдаль ведет...
Л. Аронова (Лаврентия)

*Л.С. Богословская с коллегами-биологами на о. Сахалин.
Крайний справа А. Лемберг. Фото из архива Е.С. Богословской*

Ранние годы Люды Богословской – нейроморфолога (воспоминания коллег-биологов)

Т. Голубева, З. Зорина

Люда Богословская (тогда Евлампиева) родилась в Москве в 1937 г. Ее отец, Сергей Георгиевич Евлампиев, происходил из семьи потомственного рабочего Тульского вагоностроительного завода, окончил ВХУ-ТЕМАС; много лет был на руководящей работе. Во время Великой Отечественной войны воевал, после войны преподавал рисование в школе. Люда однажды записала рассказ отца о том, как его роту спасли собаки, обученные бросаться под танки. Несомненно, этот рассказ сильно повлиял на ее выбор профессии. Мать, Стелла Генриховна Гинзбург, дочь

*Л.С. Богословская с отцом Сергеем Георгиевичем Евлампиевым, начало 1950-х гг.
Фото из архива Е.С. Богословской*

*Л.С. Богословская в 1953 г.
Фото из архива Е.С. Богословской*

раввина из Смоленска, преподавала химию. Интерес к биологии проявился у Люды в школьные годы. По словам ее дочери Екатерины Богословской, сохранились две толстые тетради, первый опыт Людиных научных наблюдений за животными: дневники «наблюдения над жизнью птиц» из Тучково (лесная школа «Белый дом», 1952 г.) и «наблюдения за жизнью енотов в неволе» 1951–53 гг., видимо из Уголка Дурова, где был кружок юных любителей животных. Посещала она также, правда не постоянно, кружок на кафедре зоологии позвоночных Биолого-почвенного факультета МГУ, где интересовалась орнитологией и познакомилась с Ларисой Барсовой. Впоследствии их связали годы дружбы и совместной работы.

В 1954 г. Люда поступила на Биолого-почвенный факультет МГУ, который закончила в 1959 г. При распределении на кафедру высшей нервной деятельности в конце первого курса, она пришла к профессору Леониду Викторовичу Крушинскому, заведующему лабораторией патфизиологии высшей нервной деятельности этой кафедры (с 1968 г. — лаборатория физиологии и генетики поведения) с вопросом, устроен ли мозг птиц так же, как мозг млекопитающих. Л. И. Крушинский тут же за руку отвел ее в комнату напротив, к профессору Григорию Израилевичу Полякову, замечательному нейрогистологу и нейроморфологу. Основным местом работы Г. И. Полякова был Институт мозга АМН, где он заведовал лабораторией структуры нейрона, а на кафедре высшей нервной деятельности Поляков читал лекции. Так Люда стала нейроморфологом. В течение многих лет ее работа была связана с Институтом мозга и очень сильными морфологами, работавшими там, что хорошо видно по ее ранним публикациям, часто вместе с сотрудниками Института мозга.

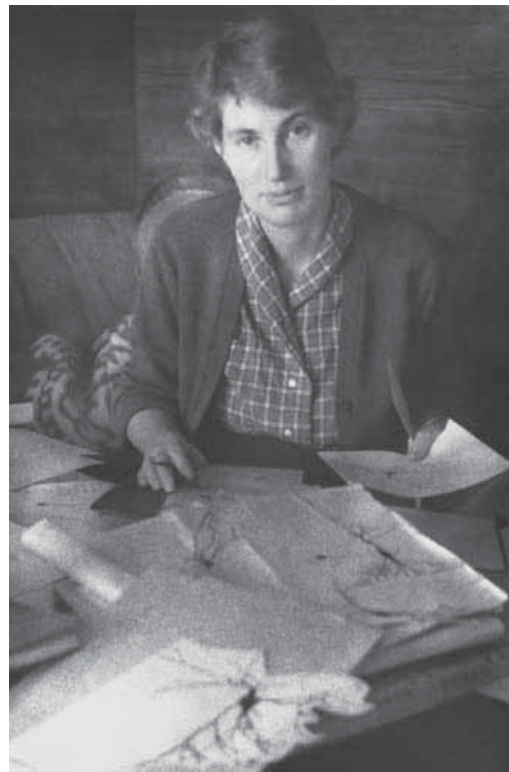
Судя по записям в трудовой книжке, годы учебы Богословская совмещала с работой в качестве старшего лаборанта в Институте эволюционной

морфологии и экологии животных АН СССР (тогда ИЭМЭЖ, ныне Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова — ИПЭЭ РАН). После окончания университета Людмила осталась работать в ИЭМЭЖ'е и четыре года была там лаборантом в лаборатории Г. Д. Смирнова. Все эти годы, как и годы учебы в аспирантуре в Институте мозга АМН (1963–1965) руководителем ее оставался Григорий Израилевич Поляков.

В 1958 г. на практике на Беломорской биостанции МГУ Люда познакомилась со своим будущим мужем, художником С. А. Богословским. Сын двух биологов — директора Болшевской биостанции МГУ, специалиста по коловраткам А. С. Богословского и преподавателя зоологии беспозвоночных Биолого-почвенного факультета МГУ Е. И. Богословской, он еще школьником в 1949 — начале 1950-х гг. проводил каникулы на Беломорской биостанции МГУ, участвуя во всех работах по ее созданию. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. Сергей Богословский имел лодку с парусом, с друзьями ходил по Ругозерской губе Белого моря и всегда был желанным гостем на биостанции. Затем в путешествиях по Белому морю принимала участие и Люда. В 1964 г. родилась дочь, Катя, и забота о дочери несколько задержала защиту диссертации.

В первые годы работы Л. С. Богословская освоила трудоемкий метод Гольджи, при этом ее особенно интересовали общие вопросы организации нервной ткани и строения нейронов. Часть работ она выполняла совместно с группой математиков лаборатории Г. И. Полякова и физиологами Института мозга. Ее привлекали возможности моделирования распространения возбуждения в нервной системе и буквально завораживали разнообразие дендритных систем нейронов и многочисленные типы связей нейронов между собой.

Кандидатскую диссертацию «Нейроны и межнейронные связи кохлеар-

Л.С. Богословская за работой со схемами нейронов дома на улице Лавочкина, 1960-е гг. Фото из архива Е.С. Богословской

ных ядер мозга млекопитающих» она защитила в 1968 г. Защита была блестящей, состоялась она на Биолого-почвенном факультете МГУ. Иллюстрирована работа была прекрасными схемами строения ядер, которые по Людиным зарисовкам сделал С. А. Богословский. Диссертация Богословской отличалась настоящим эволюционным подходом, редким в те годы. Объектами ее исследования были представители сумчатых (опоссум), насекомоядных (крот, еж), рыжая вечерница из семейства гладконосых летучих мышей, кролик из семейства зайцевых, таксон грызунообразные, кошка из хищных и приматы: макак-резус и человек. Эти объекты составляли довольно полный эволюционный ряд, необычный для физиологических исследований: в те времена физиологи и морфологи в качестве эволюционного ряда использовали обычно мышь, крысу, иногда морскую свинку (все — грызуны), кролика (зайцеобразные) и кошку (хищные).

Для выполнения исследования были использованы метод окраски по Нисслию и очень трудоемкий и капризный метод серебрения по Гольджи. Люда достигла больших успехов в работе методом Гольджи. За три года аспирантуры такой объем работы на столь большом числе видов выполнить невозможно. К моменту поступления в аспирантуру у Люды был уже большой задел, полученный при выполнении курсовой и дипломной работ и в течение четырех лет работы в ИЭМЭЖ'е (годы работы на половине ставки во время учебы в университете вряд ли могли быть использованы для сбора собственного материала, однако должны были быть хорошей практикой). Сделанные ею препараты были безукоризненны. В лаборатории Г. И. Полякова в то время сформировался замечательный коллектив. Это была единственная лаборатория в СССР и одна из немногих в мире, где работали методом Гольджи. Блестящий исследователь и теоретик, Г. И. Поляков был автором прекрасных работ по строению и онтогенезу коры мозга млекопитающих и человека и совместной монографии, которую они потом издали вместе с Людой (Богословская, Поляков, 1981). Трудно перечислить всех, кто тогда работал с Поляковым. Назовем лишь некоторые имена: специалист по коре мозга и зрительному анализатору Е. Г. Школьник-Яррос, крупнейший специалист мирового уровня по нейронам ядер подкорки Т. А. Леонтович, яркий исследователь ствола головного мозга Г. П. Жукова, физиолог Т. С. Наумова. Были в лаборатории и молодые ученые, работавшие в содружестве с физиологами института на пике увлечения кибернети-

кой и началом программирования (в конце 1980-х большинство из них уехали из России).

Л. С. Богословская и набиралась опыта у старших товарищей, и блистала среди молодых. По-видимому, она поддерживала связь со своим энергичным однокурсником, орнитологом Валерием Дмитриевичем Ильичевым, который в 1964–1966 гг. при содействии заведующего кафедрой зоологии позвоночных и декана Биологического факультета Н. П. Наумова создал сначала группу, а потом лабораторию бионики, которая занималась слухом птиц и млекопитающих. Косвенно об этом свидетельствует выбор темы ее кандидатской диссертации. Именно Люда посоветовала принять на работу Л. И. Барсову с прицелом на исследование слуховых ядер продолговатого мозга птиц. Она помогла Барсовой освоить методы Ниссля и Гольджи и стать прекрасным нейрогистологом. Люда ввела Ларису в лабораторию Полякова; благодаря этому на кафедре зоологии позвоночных Биофака МГУ Л. И. Барсова создала условия для работы методом Гольджи и получила прекрасные результаты.

По окончании аспирантуры Богословская еще три года работала младшим научным сотрудником в Институте мозга, исследуя слуховые

*Богословская за своим рабочим столом на биофаке МГУ, конец 1950-х гг.
Фото из архива Е. С. Богословской*

ядра продолговатого мозга других видов млекопитающих, а в 1968 г. перешла в Институт эволюционной морфологии и экологии животных имени А. Н. Северцова (ИЭМЭЖ), ныне — Институт проблем экологии и эволюции (ИПЭЭ РАН им. А. Н. Северцова), вероятно, в лабораторию Г. Д. Смирнова. В 1968–1979 гг. она руководила в ИЭМЭЖ'е Беломорской научной группой по изучению акустической системы и поведения детёнышей гренландского тюленя. Обычно экспедиция базировалась в селе Верхняя Золотица в Приморском районе Архангельской области, расположенном на берегу реки Зимняя Золотица, примерно в 10 км от ее устья. Частыми участниками экспедиций были сотрудники ИЭМЭЖ: гистолог А. Л. Лемберг и В. Ф. Семёнов, отличный фотограф. Из Верхней Золотицы на вертолете вместе с поморами экспедиция добиралась до ценных залежек тюленей во льдах Белого моря. В Верхней Золотице Люда познакомилась с жизнью и культурой поморов, поняла, что добывание бельков необходимо для сохранения их уклада. Воочию увидела она и варварское истребление детёнышей тюленей государственными заготовителями и разными браконьерами. В 1971 г. Богословская участвовала в экспедиции в Черноморский заповедник вместе с Л. И. Барсовой и В. А. Анисимовым с кафедры зоологии позвоночных Биофака МГУ.

В 1971 году директор ИЭМЭЖ академик В. Е. Соколов учредил новую группу (с 1974 г. — лабораторию эволюции сенсорных систем позвоночных) для изучения поведения и физиологии китообразных, куда перешла Богословская. Руководителем лаборатории стал А. Я. Супин. С этого времени спектр ее дальних экспедиций еще более расширился: Дальний Восток, остров Сахалин и остров Тюлений, Утришская биостанция на Черном море, Белое море. В результате была собрана большая коллекция материала мозга китообразных. Инициатором всех этих экспедиций был академик В. Е. Соколов; в них участвовали сотрудники разных лабораторий, ихтиологи, териологи, орнитологи, и в том числе сотрудники лаборатории экологии и управления поведением птиц, руководимой В. Д. Ильичевым. В 1973 г. Л. С. Богословская перешла в эту лабораторию. Интерес к выявлению отличий в строении мозга птиц и млекопитающих, заявленный ею на втором курсе, не угасал.

В 1977 г. в составе орнитологической группы комплексных экспедиций Люда впервые поехала на Чукотку. Затем эти поездки стали посто-

Л.С. Богословская и Л.М. Вотрогов на китобойце «Звёздный», лето 1978 г. Фото П. Блузмы

янными — сначала вместе с А. Л. Лембергом и Л. И. Барсовой, позднее с орнитологами Н. Б. Конюховым и Б. М. Звоновым из ИЭМЭЖ. В том же 1977 г. она познакомилась с капитаном китобойного судна «Звёздный» Л. М. Вотроговым и потом ходила на китобойце почти каждый год до смерти Вотрогова в 1982 г.

Докторская диссертация Богословской «Закономерности морфологического прогресса специализированных и универсальных центров головного мозга высших позвоночных» была защищена в 1986 г. по совокупности работ. Однако на этой защите чувствовалось, что приоритеты в научных интересах изменились, страсть к морфологии уходила. Уже тогда благодаря знакомству с жителями Севера проблемы их жизни стали казаться более важными, чем нейрогистологические исследования. Экспедиции на Чукотку и Европейский Север продолжались. Многие из них были тяжелыми, долговременными. В 1987 г. на острове Ратманова при исследовании птичьего базара Люда сорвалась со скалы и серьезно повредила спину. Боль в спине преследовала ее до конца жизни, временами укладывая в постель на долгие месяцы. Однако экспедиции не прекратились, и как только спина позволяла двигаться, она отправлялась на Север.

Люда по своему характеру была обозревателем, трактующим материал, генерирующим и формулирующим искрометные идеи. При этом она жестко придерживалась заданных ею же научных представлений. Прослеживается ее разочарование в том, что в связи с интеграцией разных областей знаний, морфология вливалась в науку о мозге как составная часть в комплексном исследовании. Разлад между собственными убеждениями и неумолимым развитием морфологии вел к размовкам с коллегами. Поэтому, вероятно, морфологи и другие биологи (особенно орнитологи) теряли привлекательность в Людином видении мира, тогда как сотрудники Российского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, куда она перешла в 1992 г., казались ей единомышленниками, соратниками. Она не уставала повторять, как приятно ей было там работать.

Авторы выражают признательность всем, кто помог уточнить хронологию событий и предоставил фотографии, в первую очередь, Екатерине Сергеевне Богословской, а также Виктору Дмитриевичу Анисимову, Борису Дмитриевичу Васильеву, Александру Яковлевичу Супину и Элле Моисеевне Смириной.

Люда Евлампиева и ее дипломная работа: воспоминания 1959 г.

И. Полетаева

Дипломная работа Людмилы (многие ли ее видели?) была посвящена макроморфологии мозга птиц. Я познакомилась с Людой в 1958 г., когда она была уже на 5-м курсе биофака, а я — на 3-м. Л. В. Крушинский (1911–1984), к которому я обратилась с просьбой разрешить работать в его лаборатории, по какой-то причине не смог меня взять, но направил меня в комнату напротив его кабинета — в морфологическую лабораторию кафедры ВНД (высшей нервной деятельности. — *Ред.*) Это было не официальное подразделение кафедры, а «кабинет» нейроморфологии. Постоянным сотрудником кафедры была Вера Михайловна Светухина (строгая и мало предсказуемая дама, которая вела практические занятия по морфологии мозга); еще на полставки там работал Григорий Израилевич Поляков — замечательный морфолог, который читал нам лекции по эволюции центральной нервной системы, запомнившиеся потом на долгие годы. Постоянно от 9 до 16 часов в день в кабинете работала Полина Сергеевна Ярочкина, лаборант с «золотыми» руками. Понимающие люди ценили ее за чрезвычайно квалифицированное (возможно, интуитивное) умение делать окраску срезов мозга разными методами.

Мне было велено освоить метод Ниссля и провести морфологический контроль удаления участков мозга у кур (поведение которых тестировали в лаборатории Л. В. Крушинского). И вот в этом кабинете я и встретила Люду. Я была очень стеснительной и боялась ее спросить, о чем ее дипломная работа. Однако встречались мы с ней довольно часто, и мне очень понравилось, что у нее очень широкие научные интересы. Первое, что она велела мне сделать — это прочитать книгу Сент-Дьерди по миграции энергии (в свете того, что на 3-м курсе над нами висел зачет по физхимии). Она сказала, что это должен знать каждый. Прочитала! И оценила и книжку, и Люду.

Приходила к нам в комнату ее подруга Лара Барсова, которая помогала Люде с латинскими названиями птиц. С Ларой мы тоже подружились и виделись потом чаще, чем с Людой, потому что она работала на кафедре зоологии позвоночных, этажом выше.

Разговаривали мы с Людой много (и много сплетничали); но я так и не поняла «про что» был ее диплом. Работала она и на микротоме, к которому другим студентам прикасаться не разрешали. У нее было много бесед с Григорием Израилевичем, и я думала, что ее тема — цито-архитектоника. Но, видимо, речь у них шла о большой текущей работе, которая оформилась много позже, а диплом был посвящен сравнению размеров отделов мозга на зафиксированном «макро-материале» — измерениям на десятках мозгов птиц разных видов и разных отрядов. Я подозреваю, что если найти эту рукопись, то опубликовать ее можно и сейчас. Меня поразило большое число использованных видов и изумительные рисунки, которые были в приложении к диплому.

В те времена на защиту дипломов студенты младших курсов почему-то не ходили, и потому про саму защиту я ничего сказать не могу. При обсуждении Людиного диплома для вынесения оценки Светухина почему-то требовала поставить ей «4»! Боюсь, что это была чистая научная ревность. Но Люде поставили отличную оценку, а всю эту историю рассказал мне потом Крушинский, который Люду и «отстоял». Людины воспоминания о Л. В. Крушинском, очень живо и интересно написанные, были включены в одну из книг памяти Л. В., которые были подготовлены и изданы нашими стараниями. Наша дружба сохранялась с тех лет, и мне было очень радостно сознавать ее ко мне теплое отношение.

Основные публикации Л. С. Богословской по нейроморфологии и высшей нервной деятельности (1965–1996)

- Богословская Л. С.* Нейронное строение дорсального и вентрального слуховых ядер кошки // Структура и функции нервной системы. — М.: Ин-т мозга АМН СССР, 1965. С. 16–19.
- Богословская Л. С.* Типы связей между отростками и телом одного нейрона // Материалы XXIII Всесоюзной научной сессии НТОРиЭ им. А. С. Попова. Секция бионики. — М., 1967. С. 19–21.
- Наумова Т. С., Богословская Л. С., Попова Н. С.* Полисенсорное взаимодействие на уровне стволовых реле анализаторов и их роль в формировании целостных реакций организма // Зрительный и слуховой анализаторы. — М.: Медицина, 1969. С. 112–118.
- Богословская Л. С.* Структурные принципы нейронных сетей кохлеарного комплекса // Кибернетические аспекты в изучении работы мозга. — М.: Наука, 1970. С. 164–170.

Книги Л.С. Богословской по нейроморфологии – «Слуховая система млекопитающих» (Л.С. Богословская, Г.Н. Солнцева, 1979), «Пути морфологического прогресса нервных центров у высших позвоночных» (Л.С. Богословская, Г.И. Поляков, 1981), «Слуховые центры продолговатого мозга наземных позвоночных» (Л.И. Барсова, Л.С. Богословская, Б.Д. Васильев, 1985).

Богословская Л.С., Любинский И.А., Позин Н.В., Пуцилло В.В., Шмелев Л.А., Шура-Бура Т.М. Роль вარიозности и ветвлений дендритов в переработке информации нейроном // Дендриты. — М.: Ин-т мозга АМН СССР, 1971. С. 40–43.

Богословская Л.С. К нейронной организации стриатума птиц // Материалы Всесоюзного симпозиума «Аналитические системы и ориентационное поведение птиц». — М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 52–53.

Богословская Л.С. Материалы по морфологии конечного мозга птиц // Материалы Всесоюзного симпозиума «Аналитические системы и ориентационное поведение птиц». — М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 53–55.

Авксентьева Л.И., Богословская Л.С. Анатомия головного мозга белого медведя // Экология и морфология белого медведя. — М.: Наука, 1973. С. 107–113.

Богословская Л.С., Любинский И.А., Позин Н.В., Пуцилло Е.В., Шмелев Л.А., Шура-Бура Т.Н. Распространение возбуждения по волокну с локальными неоднородностями (результаты моделирования) // Биофизика, 1973. Т. 18. № 5. С. 886–890.

Богословская Л.С., Гаазе-Рапопорт М.Г., Жукова Г.П., Школьник-Яррос Б.Г. О некоторых особенностях структур ЦНС, обеспечивающих их универсальность и специализацию // Проблемы бионики / Отв. ред.: М.Г. Гаазе-Рапопорт и Н.В. Кокшайский. — М.: Наука, 1973. С. 287–299.

Ильичев В.Д., Богословская Л.С., Барсова Л.И. Нейронная организация и гомология слуховых центров птиц // Доклады АН СССР, 1974. Т. 218. № 5. С. 1249–1252.

Ильичев В.Д., Богословская Л.С., Барсова Л.И. Центральные отделы слуховой системы птиц. 2. Адаптивные особенности слуховых ядер продол-

- говатого мозга сов // Зоол. журнал, 1974. Т. 63. Вып. 9. С. 1352–1361.
- Богословская Л. С.* Особенности нейронной структуры первичных акустических центров дельфина // Морфология, физиология и акустика морских млекопитающих. — М.: Наука, 1974. С. 19–26.
- Богословская Л. С., Крушинская Е. Л.* Количественные соотношения ядер полосатого тела мозга птиц // Зоол. журнал, 1975. Т. 64. № 7. С. 1110–1112.
- Ильичев В. Д., Богословская Л. С., Барсова Л. И.* Центральные отделы слуховой системы птиц. 3. Нейронное строение слуховых ядер продолговатого мозга сов // Зоол. журнал, 1976. Т. 65. № 1. С. 89–102.
- Богословская Л. С., Поляков Г. И., Шмелев Л. А.* Информационные процессы в дендритных структурах // Материалы II Международной конференции «Бионика-78». — М.; Л., 1978. Т. I. С. 12–14.
- Богословская Л. С.* Морфология головного мозга зубра и бизона // Зубр: Морфология, систематика, эволюция, экология / Отв. ред. акад. В. Е. Соколов. — М.: Наука, 1979. С. 334–366.
- Богословская Л. С.* Морфология начальных звеньев центрального слухового пути зубра // Зубр: Морфология, систематика, эволюция, экология / Отв. ред. акад. В. Е. Соколов. — М.: Наука, 1979. С. 367–388.
- Богословская Л. С., Лемберг А. Л.* К морфологии головного мозга серого кита // Материалы Всесоюзного совещания «Состояние и перспективы развития морфологии». — М.: Наука, 1979. С. 238–239.
- Богословская Л. С., Солнцева Г. Н.* Слуховая система млекопитающих. — М.: Наука, 1979. — 239 с.
- Богословская Л. С., Крушинская Е. Л.* Анатомия головного мозга и цитоархитектоника больших полушарий пингвинов // Сенсорные системы и головной мозг птиц. — М.: Наука, 1980. С. 180–195.
- Богословская Л. С., Поляков Г. И.* Пути морфологического прогресса нервных центров у высших позвоночных. — М.: Наука, 1981. — 159 с.
- Богословская Л. С.* Проблемы гомологии нервных центров птиц и млекопитающих // Тезисы XVIII Международного орнитологического конгресса. — М.: Наука, 1982. С. 87–88.
- Барсова Л. И., Богословская Л. С., Васильев Б. Д.* Слуховые центры продолговатого мозга наземных позвоночных. — М.: Наука: 1985. — 199 с.
- Богословская Л. С.* Закономерности морфологического процесса специализированных и универсальных центров головного мозга высших позвоночных. Автореферат диссертации доктора биологических наук. — М.: Институт экологии и эволюционной морфологии животных, 1986.
- Воронов Л. Н., Богословская Л. С., Маркова Е. Г.* Сравнительное изучение морфологии конечного мозга врановых птиц в связи с их пищевой специализацией // Зоологический журнал, 1994. Т. 73. № 10. С. 82–89.
- Воронов Л. Н., Богословская Л. С., Маркова Е. Г.* Морфологическое развитие конечного мозга птенцов серой вороны *Corvus cornix* // Зоологический журнал, 1996. Т. 75, № 12. С. 1828–1841.

Исследования моржей на острове Аракамчечен (Чукотка) (воспоминания о Людмиле Богословской)

Т. Лисицына

Среди своих многообразных увлечений и профессиональных задач Людмила Богословская была, прежде всего, специалистом по изучению морфологии мозга морских млекопитающих. А моими интересами с 1971 года были поведение, звуковая сигнализация и социальная структура лежбищ ластоногих. Таким образом, наши интересы «пересекались» на морских млекопитающих, что в некоторых случаях приводило нас к работе в одних и тех же местах, например на Чукотке. До Чукотки мне удалось побывать на о. Тюленьем, Курильских о-вах, несколько раз на Командорских о-вах, Камчатке — местах обитания северных морских котиков, сивучей и других тюленей. Когда была возможность, примыкала к какой-нибудь попутной зоологической экспедиции, или же ехала вдвоём с помощником, либо сама возглавляла небольшую экспедицию. В те советские времена всё было скромно, но дорогу всегда оплачивал институт, аппаратура тоже была «казённая», хотя, конечно, всё надо было выбивать и добывать!

В 1977 г. я работала на о. Аракамчечен в научном отряде Людмилы Богословской. Упустить редкий шанс поехать на Чукотку было невозможно. Почему остров Аракамчечен — всем понятно: на нём расположено древнейшее лежбище моржей, а у меня ещё не было наблюдений за этими замечательными животными. К счастью, удалось оформить за счет института сотрудника Биофака МГУ, художника-анималиста Вадима Смирин^{*}, который собирал в это время материалы для своего «Атла-

^{*} Владимир (Вадим) Моисеевич Смирин (1932–1989) – зоолог позвоночных, териолог и выдающийся художник-анималист, автор тысяч рисунков и набросков животных, преимущественно млекопитающих. В начале 1970-х гг. приступил к созданию «Атласа млекопитающих Советского Союза», в который планировал включить оригинальные, сделанные на основе собственных зарисовок с натуры, цветные изображения всех видов фауны. После смерти В.М. Смирин остался более 4 тысяч листов с зарисовками животных, включая более 300 листов с изображениями зверей для задуманного им атласа (см.: www.biodiversity.ru/publications/odp/archive/27/st03.html)

са млекопитающих». Том по морским млекопитающим с его рисунками вышел в 2010 г., уже после смерти Вадима Моисеевича.

В нашей совместной экспедиции на о. Аракамчечен в 1977 г. были также сотрудник Люды из ИЭМЭЖа Андрей Лемберг, прекрасный гистолог, специалист по изготовлению микросрезов, и наш общий товарищ и мой одноклассник по Московскому университету Федор Андреев (к сожалению, его тоже давно нет с нами). Федор был специалистом по зрению морских млекопитающих с кафедры зоологии позвоночных Биофака МГУ. Он был очень заинтересован в морфологическом материале — глазах моржей. Задачей Люды и её помощников (Лемберга и Андреева) в тот год было добыть моржа для исследования его мозга, а Феде нужны были еще и глаза. Работа кропотливая: вовремя и правильно зафиксировать, сохранить до Москвы и т.д.

В нашей команде на острове в тот год был еще биолог Аркадий Кибальчич* — специалист по экологии моржей. Он работал, как и я, автономно, но когда надо — подключался. Мы жили в общем лагере в палатках возле лежбища, а Люда оставалась в поселке Янракинот, иногда приходила к нам на вельботе из поселка или связывалась по рации. В палатке, ближе к тригонометрическому пункту над самым лежбищем жили тогда два охотинспектора. Один из них — Александр Сомов (ныне научный сотрудник Института рыбного хозяйства и океанографии, ВНИРО в Москве. — *Ред.*); второй — Олег Ермаков

В одной команде с Людмилой на острове Аракамчечен мне пришлось работать только в 1977 г. Про дальнейшие её поездки туда не знаю. Лагерь на острове был палаточный, временный, и его увозили каждый раз осенью, после окончания сезона работ. Позже мне удалось побывать на острове дважды, но уже в составе киногруппы, а затем с сотрудником МГУ и моим мужем, доктором А.А. Никольским. Интересовало нас лежбище моржей.

Лично я изучала детали социального поведения моржей, делала звукозаписи и фотографии. Это требует ежедневного тщательного наблюдения на лежбище. Аркадий Кибальчич продолжал свои исследования

* Аркадий Анатольевич Кибальчич – зоолог, в прошлом сотрудник лаборатории морских млекопитающих ВНИРО (Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии), специалист по моржу. Кандидат биологических наук; диссертация «Биология размножения и естественные запасы тихоокеанского моржа» (1984).

*Аракамченское
моржовое лежбище.
Фото Н. Перова, 1978 г.*

*Андрей Лемберг и
Людмила Богословская
на о. Аракамчен,
лето 1978 г.
Фото Н. Перова*

*Сеанс связи по рации
с китобойцем
«Звёздный». Остров
Аракамчен,
лето 1978 г.
Фото П. Блазны*

экологии моржей. В. М. Смирин всю светлую часть суток их рисовал. Таким образом, мы буквально жили на лежбище.

Всех нас поддерживал (тогдашний) директор нашего института В. Е. Соколов (его тоже очень интересовали морские млекопитающие), и экспедиция была плановая от ИЭМЭЖ им. А. Н. Северцова АН СССР. Несмотря на то, что группа наша не имела общей задачи, все мы так или иначе стремились к единой цели — увидеть и исследовать уникального морского зверя — моржа. В результате каждый из нас получил отличный материал по экологии, поведению и звуковой сигнализации моржей, структуре и динамике лежбища, морфологии их мозга.

Люда работала в посёлке Янракыннот, пока мы были на о. Аракамчечен и «держала руку на пульсе». Полагаю, что у нее были еще старые, не закрытые темы по мозгу морских млекопитающих и птиц, которых она, видимо, изучала в окрестностях пос. Янракыннот. Она удивительно легко сходилась с местными жителями; очень горевала, когда кто-то из них уходил; вела себя с ними дружески и с большим уважением. Каждый раз по приезду в Москву сообщала мне, что они меня помнят и спрашивают, когда я опять приеду. Люда обычно использовала свои связи с местными охотниками, особенно когда нужен был их вельбот, в том числе, когда снимали нас с острова. В намеченный день она за нами приехала. И вот мы отчалили: шестеро — наша команда и 4–5 человек из бригады вельбота. Небо хмурое, серое, чукотское, на море волна, хочется есть. Аркадий достал копченую колбасу, хлеб, сделал бутерброд и протянул его начальнику — Людмиле. А она немедленно передала бутерброд ближайшему охотнику из бригады вельботчиков. Так сначала угостили работающих (команду), а потом перепало и нам, пассажирам. Постепенно разгулялся шторм. Решили переночевать в пустующем балке на конце острова. Все мужчины вместе вытащили вельбот, подложив под днище плоские китовые кости. Сняли и двигатель чтобы просушить его у печки. Потом все вместе грелись в домике у печки и пили горячий чай.

Добирались мы на остров разными путями, например на гидрологическом судне. А снимались на вельботе, собственности янракыннотского совхоза. У нас не было своего транспорта, так как в наши планы не входило посещение соседних островов. Лежбище моржей формировалось только на о. Аракамчечен.

Капитана Вотрогова, который водил китобоец «Звёздный» (Л. М. Вотрогов, 1929–1982) я в тот год не видела, только слышала про него, в ос-

Охотничья бригада Константина Кымыёчкина (в центре) из Янракыннота в гостях в научном лагере на острове Аракамчечен, лето 1980 г. Л.С. Богословская крайняя справа, рядом с ней ее дочь Катя; Андрей Лемберг в центре (рядом с Кымыёчкиным). Фото С. А. Богословского

новном от Люды. Она восторженно отзывалась о нём как о человеке и о его необыкновенном знании китов. Думаю, что Люда была решающим фактором его приобщения к науке, помимо его природной любознательности и великолепной наблюдательности за поведением животных. Очень жаль, что он так внезапно ушел.

Несомненно, работа Люды на Чукотке значительно повлияла на её дальнейший путь в науке. В этом, конечно, проявилась ее напористость, ее вечное стремление: «Хочу всё знать!»

Из морских млекопитающих Людмила предпочитала китообразных. Она неплохо знала их поведение. Что касается ластоногих, то она знала их меньше и не раз просила меня рассказать о них в её рабочей группе, так как сама тоже интересовалась ими, но нельзя же объять необъятное. Все ее работы по миграциям и субпопуляционной структуре касались только китов. А вот защитником местной фауны и местных жителей Людмила была непревзойденным и очень смелым.

Всем нам, кто общался или сотрудничал с Людмилой Богословской, очень повезло. Она заражала нас своим оптимизмом, твердостью своих научных и общественных позиций, доброжелательностью и постоянной готовностью помочь.

Удивительные миры Людмилы Богословской

Т. Ачиргина

Людмила Сергеевна Богословская была таким отважным, сильным, жизнерадостным человеком, что светло и легко писать о ней. Лет 30–35 была я дружна с нею — выполняла ее просьбы, следовала ее советам, чем могла — помогала. Помогала и она мне, радовалась, когда нам вместе удавалось достичь чего-то очень важного.

В 1990-м году она была с нами, когда эскимосские активисты организовывали общество «Юпик», первое этническое общественное формирование коренных жителей Чукотки перестроечного периода. Позвала она нас участвовать в создании парка «Берингия» в 1991–1992 гг. — вновь я встала рядом с нею и с ее друзьями-учеными. Порою

*Делегаты и гости 1-го съезда эскимосов Чукотки, пос. Провидения, август 1990 г.
Фото из личного архива И.И. Крупника*

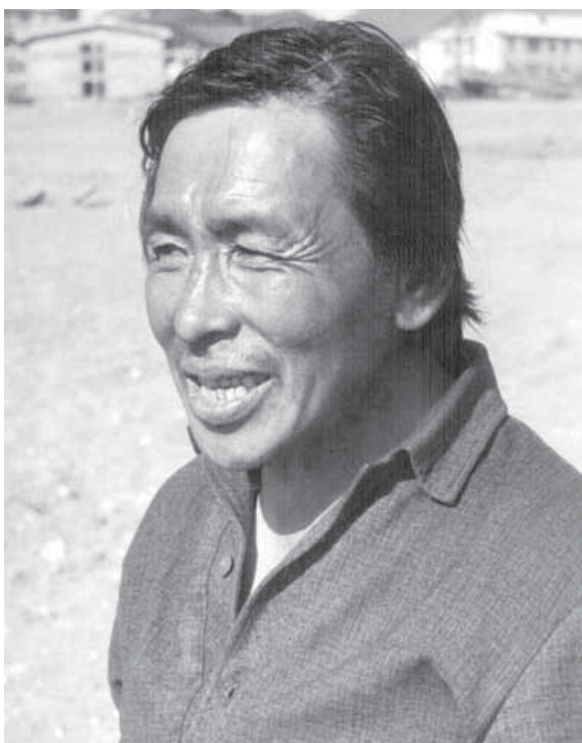
мой вклад был скромным, порою — более значительным, но в любом случае я гордилась тем, что входила в дела «самой Богословской» и ее коллег!

Север для Людмилы Сергеевны был домом родным: Ханты-Мансийск ли это или Чукотка, Шпицберген или архипелаг Северная Земля. Служение щедрым на расстояния высоким широтам было ее призванием, и Людмила Сергеевна много лет самоотверженно изучала удивительный мир многоликой природы, породившей и вскормившей нас, коренных северян. Она познавала ее, выявляла закономерности ее развития, определяла и отстаивала принципы неистощительного использования. Она настойчиво предостерегала от бед, которые могли грозить биологическому разнообразию Севера, устойчивости жизни и культуры северных народов.

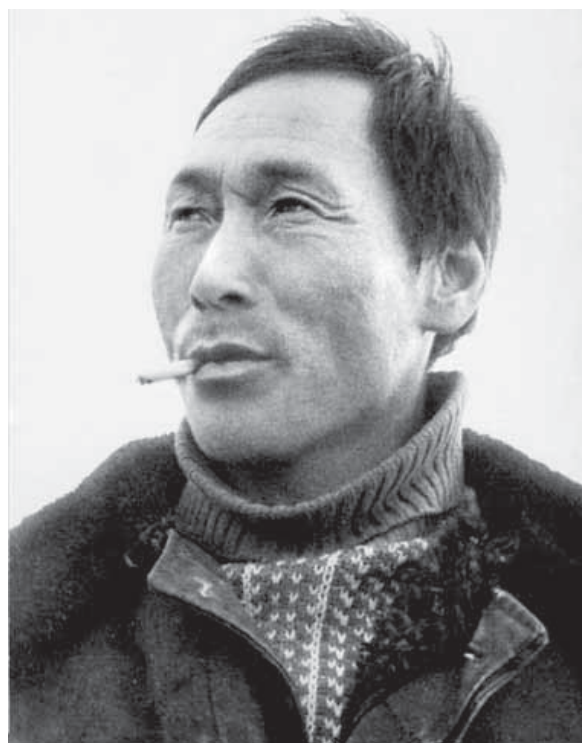
Для одного из моих журналистских материалов Людмила Сергеевна однажды поведала мне свою биографию. Так я узнала, что родилась она в Москве в 1937 году, в 1959 г. окончила биолого-почвенный факультет Московского государственного университета. Потом занялась изучением северной морской биоты. С 1977 по 1991 г. возглавляла Чукотскую зоологическую экспедицию Института эволюционной морфологии и экологии животных Академии наук СССР. Затем руководила Центром традиционной культуры природопользования в Институте культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва.

Значительно научное наследие Людмилы Сергеевны: она была автором более 150 научных публикаций, в том числе нескольких монографий. Настоящим политическим и культурным событием становились выходы в свет всех новых книг и сборников Л. С. Богословской, издаваемых ею самостоятельно или в соавторстве с ее коллегами и посвященных природе, традиционной культуре коренных народов Арктики и Субарктики, их народным знаниям и опыту природопользования.

Рассказывая о своих помощниках и коллегах, Богословская демонстрировала нам редкое теперь качество — умение быть благодарной всем, кто формировал ее как ученого, помогал в научных экспедициях, делился передаваемыми веками из поколения в поколение знаниями. «Каждый год, — писала она, — откладывает в памяти охотника свои особенности погоды, поведения зверей, их распределения в бухтах и море. Отсюда и происходит системность знаний коренных жителей, которая связывает ветры, течения, льды и животных в единое целое. При этом

*Николай Каваугье (1935-1995),
с. Сиреники, 1980 г. Фото С.А. Богословского*

*Андрей Анкалин (1941-1992), охотник из села
Сиреники, июль 1981 г. Фото С.А. Богословского*

традиционные знания коренных жителей не имеют начала и конца — это вечный процесс».

Мы так гордились дружбой и сотрудничеством с Людмилой Сергеевной и ее друзьями! Благодаря ей и вместе с ней в нашу жизнь вошли капитан китобойца «Звёздный», настоящий «морской волк» и прирожденный ученый Леонард Вотрогов, кинолог Николай Носов, этнологи и антропологи Михаил Членов, Игорь Крупник, Михаил Бронштейн, Петер Швайцер, археологи Кирилл Днепровский и Сергей Гусев, метеоролог и эколог Борис Вдовин... Их были десятки — ученых, которые, как и Людмила Сергеевна, увлеченно посвятили свою жизнь и исследования нашему любимому Северу и, повторю, стали друзьями и нам.

А как она умела ценить моих друзей и сородичей из среды коренных жителей Чукотки и дружить с ними! Это были великие морзверобои, отлично знавшие морскую лоцию, каждую уголок родного побережья, повадки моржей, китов, нерп и лахтаков. Свою книгу «Киты Чукотки» Людмила Сергеевна посвятила своим «учителям» — капитану Л. М. Вотрогову и морским охотникам Чукотки. Она писала о двух Николаях — Гальгаугье и Каваугье, о Тимофее Панаугье, Андрее Анкалине, Петре Тыпыхка-

Сергей Нанухтак (1938–ок. 1995), охотник из села Сиреники, 1985 г. Фото Н.Б. Конюхова

Тимофей Панаугье, с. Сиреники, лето 1980 г. Фото С.А. Богословского

ке, Викторе Миенкове, Сергее Нанухтаке и многих других с уважением и любовью и рассказывала обо всех с некоторой экзальтацией. Простительной, конечно: ведь воспоминания о прошлом, прекрасном и добром, не могут не вызывать чувства восхищения, любви и ностальгии.

В августе 2014 года, слушая в Москве воспоминания Людмилы Сергеевны о друзьях-охотниках и их многодневных совместных плаваниях вдоль побережья Чукотки от Энурмино до Энмелена, я едва-едва удержалась от слез — настолько вовлек меня ее рассказ, интонации, светящиеся глаза в тот добрый и прекрасный мир 1980-х годов. Вместе мы шли в байдаре, управляемой дорогими ее сердцу сирениковскими охотниками, потом за Скалой-Старухой подходили к берегу для традиционного короткого привала у охотизбушки. Небольшая кухня, где мы расположились почаёвничать в московской квартире Людмилы Сергеевны, словно бы заполнилась десятками наших общих дорогих знакомых. Повеяло родными запахами, зазвучали голоса и смех — как было не растрогаться! И погорячели у меня глаза, вот-вот хлынут с трудом удерживаемые слезы общего понимания, восхищения и любви — уже к самой Людмиле Сергеевне.

Я очень ценю надпись, которую она сделала мне на книге «Киты Чукотки»: «Дорогой Тане — с любовью и благодарностью за многолетнюю помощь». На международной конференции «Дни Берингии–2004» я со смущением, но и гордостью шла за этим подарком к трибуне, на которой стояла Людмила Сергеевна. На другой книжке — научно-методическом пособии «Основы морского зверобойного промысла», рукой моего друга написано: «Дорогой Татьяне Ачиргиной — с огромной благодарностью за многие годы сотрудничества. Богословская». Надо лишний раз говорить: такие дарственные надписи с оценкой твоей роли в научной и творческой деятельности столь значимого человека, как Людмила Богословская, придают силы и по-настоящему окрыляют.

Свои книги Людмила Сергеевна писала живым языком; они окрашены большой симпатией к людям, к морю и морским животным. Удивительный мир, в который она звала своих читателей, особенно молодых, был полон неподдельной красоты и волнующих воображение секретов. Людмила Сергеевна передавала нам свою увлеченность, с которой она раскрывала прошлое нашей планеты, уловки природы, особенности жизни морских глубин.

Хорошо зная особенности культуры моих сородичей и земляков, понимая их менталитет, Л. С. Богословская была высококвалифицированным экспертом Государственной Думы РФ. Как принципиально она отстаивала наши интересы, редактируя проекты законов, имевших отношение к природе и коренному населению Севера. С какой страстью и гражданской отвагой она занималась этим делом! Так что ее удивительным миром были и эти жизненно необходимые нам и стране законы — призванные сберечь природу, помочь людям жить и хозяйствовать на принципах устойчивого развития, сохранить биологическое разнообразие.

Я пишу эти воспоминания о нашем дорогом друге — и на меня веет ветром дальних странствий, воздухом моря, настоящим на соли, йоде, водорослях. Я чувствую зов морских глубин, раскрытию тайн которых посвятила свою жизнь Людмила Богословская. Меня волнует близость загадочной жизни планеты Океан и древней берингоморской цивилизации, созданной на стыке моря и суши моими предками. Погрузиться в этот удивительный мир — большое счастье. Им одарила нас Людмила Сергеевна Богословская.

Друг, учитель и наставник

В. Голбцева

Мое заочное знакомство с Людмилой Сергеевной Богословской началось с одной фотографии, увиденной в 2004 г. в Анадыре. Произошло это в чукотской общественной организации «Чычеткин вэтгав» («Родное слово»), вскоре после того, как меня избрали ее исполнительным секретарем. Так началась моя активная городская общественная деятельность. Работая над историей возникновения нашей организации, я стала собирать фотографии, выяснять, кто запечатлен на них, когда сделана фотография и т.д. Так шаг за шагом проявлялась в деталях история создания «Чычеткин вэтгав» и ее плодотворная работа по сохранению и популяризации чукотского языка и культуры нашего народа.

На фотографиях можно было увидеть чукотских писателей, художников, поэтов, опытных морзвербоев и оленеводов. Среди множества фотографий есть одна, где среди членов организации скромно стоит Людмила Сергеевна. Кто-то из пришедших на встречу с Людмилой Сергеевной сделал эту групповую фотографию. Это было мое первое визуальное знакомство с ней.

Второе мое знакомство с Людмилой Сергеевной тоже было заочным (виртуальным). Оно произошло в 2006 г., когда я перешла работать в Лабораторию комплексного изучения Чукотки. Для своей научной работы взяла тему «Культура приморских жителей Чукотки». Вскоре

Встреча в Анадыре членов Совета общественной организации «Чычеткин вэтгав» с доктором биологических наук Л.С. Богословской (крайняя слева), 2004 г. Фото из архива организации «Чычеткин вэтгав»

мне предложили участвовать в международном проекте СИКУ («морской лед»), который начинался в рамках научной программы Международного полярного года 2007–2008. Проект получил название СИКУ от аббревиатуры своего английского названия *SIKU — Sea Ice Knowledge and Use* («Знание и использование морского льда»). Одновременно *сику* (*siku*) — самый общий термин для морского льда в языках эскимосов от Чукотки до Гренландии (Богословская, Крупник, 2013).

Координатором российской части проекта СИКУ стала доктор биологических наук, специалист по морским млекопитающим и традиционным приморским культурам Российской Арктики, руководитель Центра традиционной культуры природопользования Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия Людмила Сергеевна Богословская.

Так с конца 2006 г. началась моя непрерывная переписка по интернету с Людмилой Сергеевной. С первых дней переписки свои письма я всегда начинала со слова-приветствия на чукотском языке «Етти — Здравствуйте» и заканчивала тоже по-чукотски: «А’тав — До свидания». В письмах обсуждали вопросы, связанные с планом работы над проектом. Людмила Сергеевна писала много и подробно: как я должна вести опрос информантов, какие вопросы задавать, как составить план работы для командировки, советовала, какие книги я обязана прочитать как научный работник (ведь по профессии я была учителем начальных классов). Все, что мне советовала Людмила Сергеевна, я выполняла сразу, не откладывая в долгий ящик.

В моем личном архиве сохранились ее письма, которые я перечитываю и нахожу ответы на свои вопросы. Несколько писем, написанных в разные годы и адресованных мне, хочу поместить в этих воспоминаниях о Людмиле Сергеевне — человеку, преданном Чукотке и её людям.

8 ноября 2008, 18:41

Здравствуйте, Вика.

<...> Сейчас я ищу источники финансирования Вашей работы в Уэлене. Кое-что с И. И. Крупником мы уже придумали, но это в будущем. А сейчас у меня появилась возможность включить собранные Вами материалы по ветрам и льдам в мой отчёт по программе РАН об изменении климата и получить 8–9 тыс. руб., чтобы послать охотникам и Вашей маме.

Я буду ссылаться как на материалы, уже опубликованные (см. выше), так и на сданные в печать. Отчёт останется в рукописном виде, но на него можно будет ссылаться как на рукопись или принт.

Деньги за отчёт получу в первой половине декабря и после согласования с Вами, кому сколько, сразу разошлю по адресам.

Если Вы согласны, то сообщите, пожалуйста, точную ссылку на название готовящегося сборника Филиала, а название нашей статьи совместно с Вдовиным, я уточню и пошлю Вам. Она выйдет скорее, чем сборник.

И ещё, в случае Вашего согласия пришлите, пожалуйста, отдельными файлами в JPG иллюстрации к статье, прежде всего, карту ветров Богораза и карту ветров Уэлена, составленную Вами совместно с охотниками (укажите их пофамильно). В отчёте я помещу портреты всех вас (те фото, которые Вы мне присылали).

С уважением, L. Bogoslovskaya

24 декабря 2008 г.

Здравствуйте, Вика.

Очень приятно, что Татьяне Александровне (Печетегиной.— Ред.) и Вам понравилось поздравление, которое оформила моя дочь.

Наблюдения за октябрь получила. Посылаю набросок рукописи, составленный из материалов разных авторов (они указаны в конце Введения). Посмотрите там, как я структурировала Ваш ледовый словарь.

Относительно книги по Уэлену напишу позже, нужно продумать структуру. Совершенно уверена, что такая книга необходима, причём как на русском, так и на чукотском языках. Да и не только по Уэлену.

Думаю, что иллюстрации к видам льдов могла бы сделать Татьяна Александровна при консультациях Армаыргына. Её рисунки были бы намного содержательней...

Дозвониться до Вашей мамы не смогла — её, вероятно, долго не было дома.

Передайте ей, пожалуйста, что на присланной Вами фотографии она выглядит очень хорошо и молодо.

С уважением, L. Bogoslovskaya

11 января 2009, 15:29

Здравствуйте, Вика.

Безумно жаль Нинеля (Владимир Нинель, охотник, 1954–2009. — Ред.), я видела его в Уэлене еще мальчиком. Мои самые искренние соболезнования его близким. Очень жаль и Володю Элюча, я неплохо знала его, однажды мы вместе с ним путешествовали на китобойце «Звёздный», потом переписывались.

Был он тогда, в конце 1970-х — в 80-е годы веселым и озорным парнем.

Сегодня в Анадырь вылетает Иван Васильевич Слугин, которому я передала книги для Вас с мамой и Армаыргына. Эти книги я пробовала послать почтой, но перед самым Новым годом мне позвонили из нашего почтового отделения и сообщили, что уйдут они на Чукотку неизвестно когда, поскольку авиарейсы задерживаются из-за погоды.

Иван Васильевич позвонит Вам по Вашему домашнему телефону, когда доберется до Анадыря.

С уважением,

L. Bogoslovskaya

2 апреля 2011 г.

Здравствуйте, Вика.

Посылаю нашу общую статью, которую всё-таки успела написать и отправить.

Теперь приступаем к созданию книги по программе SIKU, в которой мы с Крупником хотим опубликовать все Ваши материалы и материалы Владика по снегу.

Сейчас провожу инвентаризацию всего написанного и снятого на Чукотке, завтра созвонимся с Крупником, чтобы уяснить общую картину того, что есть и чего не хватает.

В книге будем публиковать рассказы Вашей мамы и других людей, помнящих старую жизнь. Хорошо бы Вы записали от мамы еще что-то, связанное со снегом, льдами, работой собак на льдах.

Может быть, есть какие-то новые истории интересные в аспекте программы SIKU.

Самый тёплый привет всем,

Л.С.

11 мая 2011 г.

Вика, вот предисловие Крупника...

<...> Вы можете сделать тезисы под названием «Морские ландшафты зверобоев Уэлена». Уверена, что море так же, как суша и лёд, разделено охотниками на участки, имеющие свои названия. По ледовым ландшафтам приведите общее число терминов и их деление на типы с примерами (возьмите из нашей общей статьи).

Тезисы быстро перешлите мне, чтобы я поправила стилистику.

Жду и надеюсь,

Л.С.

После писем по интернету поздно вечером в моем доме раздавался телефонный звонок, и начиналось наше непосредственное общение — живое, голосовое. Постепенно я привыкла к поздним звонкам Людмилы Сергеевны из Москвы, и мы могли подолгу обсуждать вопросы по научной работе, иногда час, а то и два. Снова и снова Людмила Сергеевна объясняла и повторяла всю методику научной работы, поясняла, какие книги надо прочитать, с кем встретиться или познакомиться, как я должна собирать материал на чукотском языке, на что особенно обратить внимание при опросе информанта.

Людмила Сергеевна не уставала повторять, что сбор традиционных знаний очень важен для нас самих, для будущего Чукотки, что пока живы еще опытные морские охотники, надо обязательно записывать их традиционные знания о морской охоте, морских льдах и течениях, ветрах и снегах, записывать их собственные наблюдения за природой, за изменением климата, их рассказы об охоте на морских млекопитающих.

Во время телефонных разговоров с Л.С. меня удивляло и сейчас удивляет её огромное уважение к людям, с кем ей довелось работать на Чукотке. Были это преимущественно коренные жители Чукотки — простые морские охотники и оленеводы. Она всегда вспоминала о них с восхищением и благодарностью, и только в превосходной форме, удивлялась их исключительному знанию морского пространства, умению ориентироваться в море и тундре, их веселому нраву, жизнелюбию и умению выйти из самых сложных, подчас смертельно опасных для жизни, ситуаций.

Поэтому, даже несмотря на то, что мы были знакомы только по переписке и телефонным переговорам, я с большим интересом начала ра-

Вместе с Людмилой Сергеевной мы работаем над ледовым словарем чукчей Уэлена. Анадырь, 2008 г. Фото В. Нувано

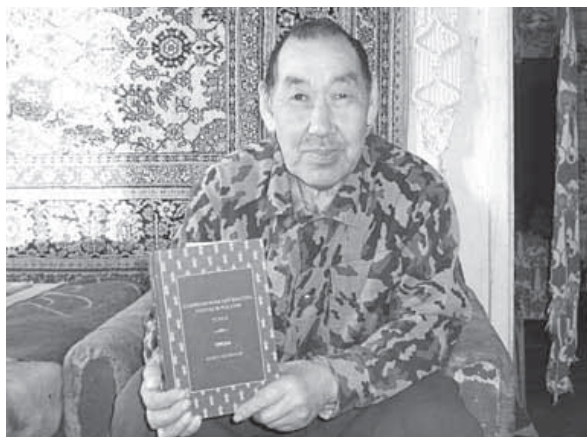
Я и мой учитель Л.С. Богословская. Анадырь, весна 2011 г. Фото В. Нувано

ботать с Людмилой Сергеевной. Всё, что было собрано во время моих полевых работ в селе Уэлен Чукотского района, отправлялось Л.С. на проверку. На следующее утро я получала большое письмо с подробным комментарием и описание того, над чем ещё предстоит мне работать, чтобы все было по-научному.

Наступила весна 2008 года, а вместе с нею — и мое первое настоящее, реальное знакомство с Богословской. Людмила Сергеевна прилетела в Анадырь и пришла к нам в лабораторию на улице Энергетиков. Заглянула к нам в кабинет, поздоровалась и спросила, где она может увидеть Н.И. Вуквукай. Я ей сказала, что она на втором этаже. Через несколько минут Людмила Сергеевна постучалась в дверь нашего кабинета и в шуточной форме с доброй улыбкой на лице сказала: «Ах, вот где работает наша Виктория!». Так впервые мы встретились и увидели друг друга. Наша совместная научная работа стала ещё интереснее, плодотворнее и качественнее.

Итогом совместной научной деятельности стала целая серия научных статей и докладов (Богословская, Голбцева 2007, 2010; Богословская, Вдовин, Голбцева, 2008; Богословская, Голбцева, Шаларёв, 2011; Голбцева, Нувано, Богословская, 2011).

Именно благодаря настойчивым рекомендациям Людмилы Сергеевны, я стала в обязательном порядке записывать рассказы уэленцев на чукотском языке с последующим переводом на русский. Воспоминания Армаыргына, старейшего уэленского морского охотника, и Та-

Арматыргын с книгой «Современная литература народов России», в которой опубликован его рассказ-воспоминание. Уэлен, Чукотский район, 2009 г. Фото В. Голбцевой

Первая встреча Татьяны Александровны Печетегиной и Людмилы Сергеевны Богословской в Анадыре весной 2011 г. Фото В. Голбцевой

тьяны Печетегиной, гравера, Заслуженного художника РСФСР, были опубликованы в книге-пособии «Основы морского зверобойного промысла» (Богословская и др., 2007). Кроме того, они вошли в четвертую заключительную книгу антологии «Современная литература народов России», а также в коллективную монографию, созданную по проекту СИКУ научной программы Международного полярного года.

В конце своего короткого воспоминания о дорогом мне человеке — Друзе, Учителе, Наставнике — Людмиле Сергеевне Богословской хочу сказать, что мне очень повезло встретить её и работать с ней на одном дыхании. Мы с полуслова понимали друг друга. Такие люди встречаются очень редко!

В нашем кабинете висит её портрет в черно-белом варианте. Людмила Сергеевна смотрит на нас своими добрыми глазами и с улыбкой на лице. Такой я её запомнила на всю жизнь...

Людмила Сергеевна Богословская в Анадыре с книгой «Тропой Богораза», 2009 г. Фото В. Голбцевой

Литература

- Богословская Л. С., сост., ред. НАДЕЖДА — гонка по краю земли. — М.: Институт Наследия, 2011. 112 с.
- Богословская Л. С., Вдовин Б. И., Голбцева В. В. Изменение климата в регионе Берингова пролива. Интеграция научных и традиционных знаний (SIKU, МПГ# 166) // Экологическое планирование и управление, 2008. № 3 (8–9). С. 36–48.
- Богословская Л. С., Голбцева В. В. Традиционные основы навигации и техники безопасности // Л. Богословская, И. Слугин, И. Загребин, И. Крупник Основы морского зверобойного промысла: Научно-методическое пособие. — М.; Анадырь: Институт Наследия, 2007. С. 338–341.
- Богословская Л. С., Голбцева В. В. Традиционные морские культуры Российской Арктики // Тез. Первой междунар. конф. «Проблемы изучения и сохранения морского наследия России». — Калининград: Терра Балтика, 2010. С. 244–245.
- Богословская Л. С., Голбцева В. В., Шаларёв А. А. Судьба традиционных морских культур Российской Арктики // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России: Мат. Первой междунар. научно-практ. конф. (СПб., 27–30.10.2010 г.) — Калининград: Терра Балтика, 2011. С. 348–357.
- Богословская Л. С., И. И. Крупник И. И., сост., ред. Наши льды, снега и ветры: Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки. — Москва: Институт Наследия, 2013. — 360 с.
- Богословская Л. С., Слугин И. В., Загребин И. А., Крупник И. И. Основы морского зверобойного промысла: Научно-методическое пособие. — М.: Институт Наследия, 2007. — 480 с.
- Голбцева В. В., Богословская Л. С. Сезонная динамика ледовых условий в Уэлене // Наши льды, снега и ветры: Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки. — Москва: Институт Наследия, 2013. С. 158–160.
- Голбцева В., Нувано В., Богословская Л. Сохранение культурного и языкового разнообразия эскимосов и чукчей // II Международная конференция «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве» (Якутск 12–14 июля 2011). — Якутск 2013. С. 362–368.
- Современная литература народов России. Т. 6. Проза. Книга четвертая. — М.: Независимое издательство «Пик», 2007. — 480 с.

О нашей научной «маме»

В. Нувано

...На столе — фотографии. В их строго определенном беспорядке мы разбираемся прекрасно. Мы — это я и Людмила Сергеевна, доктор Богословская. Мы сидим в квартире в городе Анадыре уже часа полтора или два. Время летит незаметно. Я, что называется, раскрепостился, и, перебирая фотографии, сделанные когда-то в ваежской тундре, все рассказываю и рассказываю о своей малой родине и ее людях. Моя собеседница живо на все реагирует и, кажется мне, готова слушать еще не менее двух-трех часов. Сегодня я очень скучаю по таким встречам и беседам — им уже больше не повториться.

А началось мое общение с Людмилой Сергеевной в 2002 г., когда я поступил соискателем в аспирантуру Российского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва. Соискателей с Чукотки (нас двое) определили в Центр традиционной культуры природопользования этого института, которым руководила Л. С. Богословская. Она и стала моим научным руководителем.

Л.С. Богословская и В. Нувано в Анадыре, 2009 г. Фото В.В. Голбцевой

*Владислав Нувано в ваежской тундре.
Фото 1980-х гг. из архива В. Нувано*

Я родом из оленеводческой семьи, сам до 24 лет пастушил. И хотя Людмила Сергеевна была специалистом по морским млекопитающим, у нас сразу же сложились теплые, дружественные отношения. Иначе и не могло быть, потому что она была таким человеком — коммуникабельным, добрым, по-молодому пытливым, всегда готовым прийти на помощь. Свой отпечаток в общении с нами наложили и те сорок лет, что она провела в экспедициях на Чукотке.

Она часто вспоминала Провиденский район и даже говорила, что, может быть, уедет туда жить. Я помню рассказы о дорогих ее сердцу охотниках — морзверобоях. Однажды, рассказывала, долго не пускали ее на борт байдары. Но как-то она — всегда упорная во имя дела — сама все-таки села в байдару и никто не смог уже высадить ее на берег. Зато после этого случая все морзверобои ее зауважали и даже полюбили по-человечески.

Любя, как Людмила Сергеевна говорила, «моих эскимосов», она рассказала мне смешную историю о том, как группа эскимосов с Чукотки потерялась в московском метрополитене. Нашли их спустя некоторое время, грустно сидящими на перронной лавке другой станции. Они не смогли сориентироваться в «каменных сопках», то есть в скоплениях городских многоэтажек, и вновь спустились в метро.

Но были у доктора Богословской и иные истории. Так, она всегда вспоминала о случаях, когда охотники в абсолютном тумане точно причаливали к тому берегу, куда плыли — настолько хорошо ориентировались эти люди в окружающем их родном и привычном мире. Вспоминаю и такой случай, поведавший мне Людмилой Сергеевной — о пожилom, возможно неграмотном, чукче-оленеводе, каком-то делегате. Его тоже

потеряли, а потом нашли уже гуляющим по Москве. Когда спросили, где его вещи, то оказалось, что он уже устроился в гостинице. «Просто не побоялся «каменных сопок»!», — заключила Людмила Сергеевна и рассмеялась своим прекрасным смехом.

Легко, как к своим, мы, соискатели с Чукотки, влились в небольшой коллектив ее Центра традиционной культуры природопользования. Людмила Сергеевна помогала нам до конца своих дней. Буквально за неделю до смерти она позвонила мне и рассказала о планах наших совместных работ. По ее задумке, мне предстояло сравнивать коми-ижемское и чукотское оленеводство.

Все годы нашего знакомства Людмила Сергеевна толкала нас писать, правила наши статьи и говорила, что надо работать над ними самостоятельно. Об одном нашем сборнике хочу вспомнить особо. Долгое время намерения нашей лаборатории этно-социальных проблем Чукотского филиала СВКНИИ ДВО РАН не осуществлялись: собранные нами материалы для этого сборника многие годы лежали в папках. И только когда за дело взялись Людмила Сергеевна и Игорь Ильич Крупник, получился прекрасный сборник, который так и назвали, как он задумывался, но только лучше — возвышенно и благородно: «Тропюю Богораза».

При подготовке сборника мы подолгу разговаривали с Людмилой Сергеевной по телефону, переписывались по электронной почте, а когда встречались в Москве или в Анадыре у Татьяны Ачиргиной, то подробно говорили о культуре чукчей-олeneводоов, о моих предках. Иногда я рассказывал наши легенды — о «сотворении мира», о Н'аргынен — «все сущее» или «окружающий мир». Людмила Сергеевна эти легенды сравнивала с греческой мифологией.

В Москве наше общение в большинстве своем происходило в квартире Богословской, точнее — на ее кухне. Во время наших долгих бесед за чаем туда заходили добрые и ласковые чукотские ездовые собаки — Оч и Ама. Мне, незнакомому человеку, они клали головы на колени, как это часто делают наши собаки в тундре. Людмила Сергеевна в шутку, по-доброму ругала их, и они послушно выходили. А три уже довольно больших щенка носились по квартире. Их тоже поругивали, опять же не всерьез.

Иногда Людмила Сергеевна рассказывала о войне: об отце — командире Красной Армии, о том, как они отступали в первые дни войны. Узнал я от нее и о том, что мне, чукче, крепко-накрепко связанному

В. Нувано в родных краях. Фото 2000-х гг. из архива В. Нувано

с животными, с оленем, было совсем непонятно. Когда обстановка на фронте изменилась и наша армия уже наступала, калмыцкие отряды, которые служили вермахту, уничтожали верблюдов и лучших лошадей. Уничтожали прямо в домах, где размещались сами. «А для чего? Как это можно?!», недоумевал я. «Не желали оставлять победителям», — пояснила Людмила Сергеевна.

Бывая в гостях у Людмилы Сергеевны, я познакомился с ее дочкой Катей, ее внуком Андреем, которого я называл «Хай-тек». Этим встречам уже тоже не повториться.

...А потом наступил апрель 2015 года. Со дня кончины Л. С. Богословской прошло уже два месяца. Наш Сектор комплексного исследования Чукотки СВКНИИ ДВО РАН посетили иностранные гости, ученые из Молдавии, Польши, Дании. Встречу открыла Виктория Голбцева. Начав рассказ о совместной работе с Людмилой Сергеевной, она не смогла удержаться от слез. А после взял слово я и, уверенный, что, провожая близких, ваежский чукча никогда не заплачет, вдруг почувствовал, что и у меня слезы стали близко у глаз.

Наши иностранные гости, увидев представленные нами книги (а были это сборники «Тропюю Богораза» и «Наши льды, снега и ветры», в составлении и редакции которых участвовала Л. С. Богословская), очень захотели получить экземпляры. Первую книгу мы им подали, а вот лишних томиков второй книги у нас не нашлось. Пришлось извиниться — ведь наши зарубежные коллеги-ученые были искренне

восхищены ею. Мы пообещали постараться разыскать для них понравившуюся им книгу, обменялись адресами, решили, что и в будущем сохраним наши контакты.

Вот так и после своего ухода Людмила Сергеевна продолжала крепить наши связи с научным сообществом. Добавлю, что еще при жизни она познакомила меня с такими замечательными людьми, как Игорь Ильич Крупник, Андрей Козлов, Галина Вершубская, Светлана Боринская. Когда у меня принимали аспирантские экзамены руководители Института Наследия — его тогдашний директор Ю. А. Веденин, ученый секретарь О. Е. Штеле, Ю. Л. Мазуров и сама Людмила Сергеевна, я чувствовал самую добрую обстановку. Помню, что и после экзамена мы не расстались сразу, а некоторое время все заинтересованно разговаривали. Потом Ю. Л. Мазуров подарил мне свою книгу. А объединила нас опять же доктор Богословская.

Я считаю Людмилу Сергеевну нашей научной мамой.

Вновь вспоминаются наши встречи. Шутливо комментируя общение, Людмила Сергеевна говорила: «Чукча не пишет, чукча разговаривает». Однако теперь в память о Людмиле Сергеевне я обещаю много писать. Писать статьи о своем народе, об оленеводах, о традиционной культуре родного Севера, служению которому отдала жизнь доктор Богословская. Наша научная мама.

Об ученом и человеке с благодарностью

В. Леонова

Каких бы высоких званий не имел ученый, характер общения с ним определяется по тому, каким он является человеком. При первом же знакомстве с Людмилой Сергеевной Богословской, я увидела открытого, восторгающегося Чукоткой человека и одновременно — влюбленного в северян, собак, абсолютно всех птиц и зверей исследователя. Общение с ней всегда было радостно, увлекательно. Отношение доктора биологических наук, заведующей Центром традиционной культуры природопользования Института Наследия ко мне, человеку не ученому, носило характер бесконечного терпения, желания помочь, поддержать, в чем только возможно. Что она и делала всегда, когда я к ней обращалась, а в последнее время — даже несмотря на ухудшившееся состояние здоровья.

При подготовке моей книги «Наукан и науканцы» в 2013 г. Людмила Сергеевна нашла время и силы для того чтобы внимательно прочи-

*В.Г. Леонова со своей книгой
«Наукан и науканцы», 2014 г.
Фото М. Гермашова*

тать всю объемистую рукопись, сделать существенные замечания для ее улучшения и написать подробную рецензию. Само наличие такой рецензии за ее подписью вызывает у меня прилив гордости, а положительная оценка идеи книги, данная Людмилой Сергеевной, заставила испытать чувство воспарения над землей. Особенно трогают ее теплые слова о моих родных науканцах: «Что поражает в воспоминаниях этих людей? Прежде всего, их необыкновенная стойкость, приверженность своей культуре и языку, уважение друг к другу. Хорошо представляя судьбы остальных эскимосских сообществ, рецензент может уверенно сказать — ни одно из них не может сравниться с науканца-

*Л.С. Богословская и
науканка Елизавета
Алихановна Добриева,
одна из авторов
словаря науканского
языка и участница
многих проектов по
сохранению знаний и
языка своего народа.
Лаврентия,
апрель 2009 г. Фото
Н.И. Калюжиной*

ми в верности своим традициям, памяти предков и замечательных соплеменников. Именно такое впечатление возникает и после прочтения книги В. Г. Леоновой».

Широта ее восхищенного научного взгляда, направленного к Северу, природе и человеку в ней, была безгранична. Это видно из ее научных работ, которые вводят читателя в мир Севера как мир единой экосистемы. Благодаря большой увлеченности Людмилы Богословской, ее любви к объекту своего исследования — традиционной культуре морских охотников, было написано уникальное научно-методическое пособие «Основы морского зверобойного промысла» (2007). Для нее, доктора наук, морской охотник — не просто источник информации, предоставляющий поле для исследований, а равноправный партнер, соавтор научного знания. Этот колоссальный труд, выполненный под руководством Людмилы Сергеевны, пронизан трепетным чувством к эскимосским охотникам и старейшинам, портреты которых помещены на первых страницах книги (Николай Гальгаугье, Андрей Анкалин, Тимофей Панаугье, Людмила Айнана).

Рассказы и высказывания коренных жителей Чукотки о промысле и условиях его ведения — не просто дань уважения к ним в книге. Это способ зафиксировать их достижения, показать их открытия, сделанные до начала собственно научных исследований, как актуальные и достойные использования в современном мире. Эта книга бесценна, она востребована на Чукотке охотниками — коренными жителями, старожилыми, приезжими, так как дает глубокие знания в цельной си-

стеме, открывает опасный, но увлекательный мир профессии морского охотника. Трудно переоценить значение этого пособия для образовательных учреждений, учителей и, главное, для школьников и будущих охотников.

Людмиле Сергеевне и ее коллегам удалось органично соединить современные научные данные и многовековые традиционные знания, которые все больше утрачиваются. Книга служит делу передачи накопленного опыта, правил, способов ведения промысла и, что наиболее важно, особому отношению к окружающему миру, отношению, основанному на почитании, заботе, сохранении его для будущего.

В своих книгах и статьях Людмила Сергеевна учит видеть величие и изящество, хрупкость и ранимость северной природы, учит относиться к ней с трепетом, показывает, что все в ней важно, каждая мелочь имеет значение. В таких книгах, как «Тропой Богораза», «Киты Чукотки», чувствуется беспокойная душа Людмилы Сергеевны. Она как будто ведет за руку и без усталости говорит: «Оглянитесь, всмотритесь, вдумайтесь, увидите, какие красоты кругом, сколько мудрости в природе, каким осторожным и дальновидным должен быть человек в ней».

Вызывает восхищение такое качество Людмилы Сергеевны, как преданность и служение избранному делу — изучению и популяризации культурных традиций эскимосов. О чаплинском охотнике Айвангу она могла говорить часами. В статье «Шесть тетрадей Айвангу» она вспоминает, как была потрясена уникальными стилистическими особенностями языка автора. «Теперь никто уж так не может писать, ни по-русски, ни по-эскимосски!» — восхищалась она. Рассказы Айвангу, проиллюстрированные факсимиле страниц из его тетрадей, с предваряющими теплыми комментариями об авторе и его жизни, написанными Л. С. Богословской, стали достоянием широкого круга читателей. Для Людмилы Сергеевны важно было бережно сохранить первоизданный текст как источник сведений о языке чаплинских эскимосов, их истории и быте.

Не перечислишь всего, что сделано для нас, коренных жителей Чукотки, в частности эскимосов, этой самоотверженной женщиной. Ее образ тонкого наблюдателя, романтического, светлого человека невозможно забыть.

Созданное ею наследие служит людям.

Верность традициям (слово о Л. С. Богословской)

В. Етылин

Слова о *верности традициям*, вынесенные в заголовок статьи, в отношении Л. С. Богословской приведены не для красоты слога, а чтобы точно передать смысл и направление ее служения науке на Чукотке. В науке, которая сегодня называется ёмким словом «североведение», она оставила свой неповторимый след. За период своей научной карьеры она увлекалась многими научными направлениями; но все же главным, магистральным для нее было изучение культуры и традиционных знаний коренных народов Чукотки. На это было направлено больше всего её энергии и времени.

Людмила Сергеевна считала, что традиционные знания эскимосов и прибрежных чукчей — такие как постройка байдары, распределение течений, движение льдов на море, поведение животных — это часть культурного наследия, которую нужно беречь, изучать и пропагандировать, а не просто набор старых правил и навыков. Она всегда искала научные ответы на вопросы о том, почему охотники считали именно так, почему они в это верили и почему передавали из поколения в поколение.

Большой отрезок жизненного пути и научной деятельности Богословской был связан с работой на китобойном судне «Звёздный», которое добывало серых китов и обеспечивало ими национальные хозяйства Чукотки. Изучение аборигенного китобойного промысла стало одним из основных направлений ее научной деятельности. Это сделало ее одним из ведущих специалистов по морским млекопитающим и позволило создать и опубликовать очень ценные учебные и методические пособия для зверобоев Чукотки («Киты Чукотки», «Основы морского зверобойного промысла» и др.).

Одним из наиболее интересных дел, имеющих большую практическую пользу для коренного населения Чукотки, особенно для молодежи, была работа, проведенная Л. С. Богословской с участием морзверобоев Провиденского и Чукотского районов по описанию древних поселений и стоя-

нок коренных жителей Чукотки. Эта работа позволила получить исчерпывающую картину принципов и динамики расселения коренных народов в последние три века на побережье Берингова и Чукотского морей.

Собранные материалы позволили Людмиле Сергеевне вывести очень интересные закономерности в том, по каким принципам размещались поселения коренных жителей, почему они выбирали именно такие места для своих стоянок. Оказалось, что их выбор основывался, прежде всего, на рациональном, бережном, щадящем использовании природных ресурсов, особенно зверей и птиц, пусть даже в отдельных случаях арктическому человеку приходилось жертвовать своими удобствами. Порой поселения располагались вдали от источников пресной воды, топлива для очага; но приоритет всегда отдавался фактору меньшего беспокойства для зверей, птиц и другой живности вокруг поселений.

В частности, мне лично очень импонирует её описание значения так называемой «сирениковской полыньи» (вдоль южного побережья Чукотского п-ова. — *Ред.*), как и ее идея о так называемых естественных «нервных сплетениях» природы, о которых хорошо знали коренные народы Севера. Поэтому они никогда не поселялись вблизи, а тем более прямо на этих местах, поскольку понимали, что это создаст дополнительную нагрузку на экосистему и вызовет уход зверя с привычных мест. То, что потом натворили при перемещении традиционных селений на новые стационарные места в советские годы, конечно, шло в нарушение экологических знаний и традиций коренных народов. В результате зверь вынужден был покидать такие места, и сейчас мы удивляемся, почему охотникам так далеко приходится промышлять от районов своего жительства.

Значительную часть своего пути в науке Людмила Сергеевна посвятила работе в Совете по морским млекопитающим Академии наук. Этот Совет считался в СССР и теперь считается в России основным экспертным и координирующим органом по морским млекопитающим. Как член Совета и признанный специалист по морским животным Богословская помогала определять пути научных исследований и помогала молодым ученым вести работу и интерпретировать результаты своих наблюдений.

Л. С. Богословская была постоянным и очень авторитетным автором журнала «Северные просторы», который многие называли в 1980–90-е гг. «настойной книгой северян». В этом журнале она публиковала свои научно-популярные статьи и материалы по традиционным знани-

ям коренных народов Севера, давала консультации и оценки для редакции при подготовке материалов к изданию.

Людмила Сергеевна всегда отличалась глубоким интересом к музейному делу. Она с увлечением консультировала Музей Берингийского наследия в поселке Провидения, Чукотский окружной музей «Наследие Чукотки» в городе Анадыре. Однажды она провела меня по небольшому музею в Институте культурного и природного наследия в Москве, в котором она возглавляла Центр традиционной культуры природопользования, и поразила своим рассказом о многообразии и продуманности коллекций института, собранных самими учеными в Арктике во время своих научных экспедиций.

Кстати, как я слышал, к её работе в Институте культурного и природного наследия Министерства культуры РФ у коллег-биологов было неоднозначное отношение. Разумеется, для биологов «Институт Наследия» был не очень престижным заведением. Но Богословская выбрала именно этот институт для последних двадцати лет своей научной деятельности, так как считала себя активной частью российской арктической культуры и твердо следовала своему решению.

Ещё одной стороной плодотворной научной деятельности Людмилы Сергеевны как ученого и просто неравнодушного человека было её увлечение полярным собаководством, северными ездовыми и оленегонными собаками. Она очень беспокоилась о сохранении этой части традиционной культуры коренных народов Севера. Она собирала по всему Северу оставшихся лучших собак этих пород, добилась восстановления и кинологического признания пород чукотской ездовой и ненецкой оленегонной лайки, выведенных северными жителями. Как человек неравнодушный, эту страсть к арктическим собакам она передала своей дочери, и это стало для неё профессиональным увлечением. Сейчас собачьими гонками занимается много людей не только на Чукотке, но и в Подмосковье, и в других регионах России.

Самым любимым национальным селом Богословской на Чукотке было село Сиреники. Туда она всегда с удовольствием ездила и имела там много друзей. Сирениковские охотники — Тимофей Панаугье, Пётр Тыпыхкак, Андрей Анкалин и многие другие — стали не только верными помощниками и информантами в её многочисленных экспедициях по побережью Чукотки. По сути, они были соавторами многочисленных научных статей ученого о природе и животном мире нашего края.

Л.С. Богословская у финиша гонки «Надежда». Справа от Л.С. Богословской – жительница с. Тавайваам Валентина Соболюкова. Анадырь, апрель 2011 г. Фото В. Голбцевой

Л.С. Богословская много лет была членом научно-координационного совета Чукотской ассоциации зверобоев традиционной охоты (ЧАЗТО) — самостоятельной и энергичной организации промысловиков Восточной Чукотки. Она пользовалась большим авторитетом среди коренного населения и промысловиков Чукотки и Аляски, интересовалась традиционными промысловыми знаниями, консультировала и выступала экспертом Международной китобойной комиссии и других международных организаций.

Конечно, её увлеченность Севером не ограничивалась Чукоткой. Она помогала и многим другим регионам, особенно в их законотворческой деятельности по защите прав коренных народов Севера. В частности она очень помогла окружным думам Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов, других регионов в разработке ими законов о территориях традиционного природопользования и биоресурсах. Как консультант Государственной Думы РФ она работала при подготовке федеральных законов о морских ресурсах, лесном фонде РФ и других законов, связанных с использованием биоресурсов.

Воспоминания о Л. С. Богословской как человеку, глубоко неравнодушном и общественно и политически активном, связаны у меня с двумя очень неординарными событиями в её жизни. Первое — это расстрел Белого дома в Москве в октябре 1993 г., где заседал Верховный Совет РФ. Я знал о её отношении к этим событиям и слышал её нелестные оценки тогдашней исполнительной власти. Второе событие — гибель осенью 1995 г. группы ученых вместе с местными жителями на байдаре на пути из Сиреников в Провидения. Надо было видеть её неподдельное беспокойство, тревогу за судьбу коллег, горячее желание помочь семьям погибших в их горе.

Память о Л. С. Богословской будет жить в наших сердцах.

Памяти Людмилы Сергеевны Богословской, учёного и Человека

К. Сулимов

В течение почти тридцати лет, начиная с 1960-х гг., Людмила Сергеевна была сотрудником Института эволюционной морфологии и экологии животных им. А. Н. Северцова. Будучи специалистом по высшей нервной деятельности млекопитающих и птиц, она ежегодно проводила многие месяцы в полевых выездах и экспедициях. Ее маршруты были весьма разнообразны: Средняя Азия, Кавказ, Закарпатье, Болгария, Русский Север, Дальний Восток, побережье Северного Ледовитого океана, Центральная и Восточная Сибирь, Урал и, конечно, ее любимая Чукотка. Во всех своих поездках, помимо непосредственной работы, Людмила Сергеевна как биолог с очень широким кругозором всегда обращала внимание на особенности быта местного населения, способы ведения хозяйства. Занимаясь много лет мониторингом морских млекопитающих и птиц побережий и акваторий наших северных морей, она не обошла вниманием и местные популяции ездовых собак — как аборигенных, так и привозных пород.

В 1980-е гг. Л. С. Богословская и Николай Носов, ветеринарный врач из Москвы, совместно с другими специалистами-кинологами (И. Фрадин, В. Беленький) на протяжении нескольких лет собирали биометрические параметры аборигенных собак Чукотки. Они обмерили практически все рабочее поголовье во всех посёлках Чукотского п-ова, от Энмелена до

Л. С. Богословская с западно-сибирской лайкой Ларисы Барсовой. 1970 г., фото В. Анисимова

Л.С. Богословская с чукотской ездовой по кличке Оч-Оч, привезённой ею с Чукотки. 2009 г., Москва

Л. С. Богословская берёт пробы ДНК у чукотской ездовой. 2004 г., Чукотка. Фото из архива Е.С. Богословской

Нешкана. Эти промеры, а также характеристики рабочих качеств собак и описания, сделанные каюрами, легли в основу стандарта породы «чукотская ездовая», зарегистрированной в 1999 г. Российской кинологической федерацией.

В последние годы жизни Богословская уделяла большое внимание аборигенным молоссам (догообразные собаки, мастифы.— *Ред.*), распространенным в бывших азиатских республиках СССР и в сопредельных с Монголией регионах, в плане возможной разработки стандартов их пород. Её уход из жизни, к сожалению, прервал изучение бурят-монгольских молоссов, их связей с ездовыми собаками Чукотки, которые Богословская прослеживала по их окрасу и конституции. Был собран значительный генетический материал от обеих пород для установления причин такого сходства; но рабочая связь с генетиками прервалась из-за кончины главного автора исследования.

Богословскую также интересовала история появления южных молоссов на Севере ранее середины XX века, когда догов, среднеазиатских и кавказских овчарок, как и собак других южных пород стали завозить на Север в качестве ездовых собак через хозяйственные службы ГЛАВ-СЕВМОРПУТИ. Помимо документальных свидетельств, об этом говорят их генетические «следы» (примесь в местных популяциях.— *Ред.*), оставшиеся по побережью и на островах Северного Ледовитого океана. Людмила Сергеевна, напротив, связывала влияние молоссов на се-

верную ездовую лайку с древними переселениями сибирских народов. Она считала, что люди ранней самодийской культуры могли привести с собой собак-молоссов на Север в ходе своей миграции с исторической родины. Об этом свидетельствует исчезнувший в Южной Сибири, но возродившийся в декоративном облике за рубежом наш знаменитый «самоед», признанный во всём мире красивейшим псом.

Как это было на самом деле, возможно, удастся уточнить благодаря новым генетическим данным (особенно по материалам ДНК); но идея об исторических связях пород аборигенных собак с древними переселениями народов находит своё подтверждение. Выявление родственных связей пород часто позволяет восстанавливать их исчезающие звенья, которые представляют высокую репродуктивную ценность. В частности, прослеживаются связи северной оленегонной лайки с пастушескими собаками угро-финских народов, особенно таких «переходных» по-

Гонка «Надежда», 2007 г. Фото Н. Калюжиной

род, как мелкие овчарки Венгрии и кончая мелкой охотничьей лайкой Республики Мари-Эл, к великому сожалению, уже исчезнувшей. Эти лайки существуют исторически в окружении более крупных промысловых отродий, подобных медвежьей карело-финской лайке (КФМЛ).

Но если КФМЛ (не путать её с типичной псевдопородой, отродьем финского шпица, так называемой «карело-финской» лайкой) не могла как-либо повлиять на лапландскую оленегонную лайку, то другое мелкое отродье финского шпица, марийская лайка, оказавшись в ареале «русско-европейской лайки» с экстерьером КФМЛ, присвоенным ей в 1950-е гг., попала под истребление и теперь уже не упоминается среди современных пород.

Будучи широко эрудированным биологом, Людмила Сергеевна, как никто, могла переходить от фундаментальных проблем кинологии к её научно-прикладным аспектам. Хорошо зная возможности ненецкой оленегонной лайки, она с энтузиазмом поддержала её использование в криминалистической одорологии, включая поиск наркотических и взрывчатых веществ, а также в судебно-одорологической экспертизе. Когда у автора этих строк возникли проблемы с использованием в судебно-одорологической экспертизе шакало-псовых бастардов (так называемых «собак Сулимова», или шалаек, гибридов ненецкой оленегонной лайки и европейского шакала.— *Ред.*), Людмила Сергеевна смело выступила в поддержку такой практики, несмотря на противодействие со стороны оппонирующего большинства.

Особая отзывчивость и реальное заступничество, отличавшие Людмилу Сергеевну, навсегда останутся в памяти о ней как учёном и Человеке.

Путь вдаль ведёт...

Л. Аронова

«Путь вдаль ведёт. Он добр и прям — дар человека человеку».

Татьяна Ачиргина

В этот приятный голос мы влюбились сразу. В него нельзя было не влюбиться. Как мы потом узнали, к нашей радости, это оказалось взаимно. Этот голос принадлежал Людмиле Сергеевне Богословской. Тысячи километров между Москвой и Чукоткой разделяли нас, и только телефон, как мост, соединял. Мой муж Владимир Васильевич Аронов по долгу своей службы занимался много лет подготовкой гонок на собачьих упряжках «Надежда» и гонки в честь Кнуда Расмуссена. А Людмила Сергеевна была занята подготовкой книги «Надежда — гонка по краю земли».

Она звонила очень часто к нам домой и кое-что узнавала или уточняла: фамилии каюров на фотографиях, протоколы соревнований и многое другое. Это было заочное знакомство по телефону.

И вот однажды, через несколько лет, мы возвращались на Чукотку из отпуска. В аэропорту Домодедово прошли регистрацию и, ожидая приглашения на рейс, поднялись на второй этаж в зал ожидания. Пассажиры и провожающие, разговоры, суета, волнение. Никто никого не замечает, все заняты предстоящим полетом. И вот среди этого людского шума муж услышал знакомый голос:

— Слушай, это же голос Людмилы Сергеевны Богословской...

Я оглянулась и увидела двух сидящих неподалеку женщин. Они о чем-то громко спорили:

— Ну, так подойди, узнай, спроси!

— Неудобно как-то...

Теперь уже и я узнала до боли знакомый голос.

— Это же голос из телефонной трубки! — воскликнула я.

— Да, это точно Богословская из Москвы! — уверенно сказал мой муж.

Я встала с кресла и подошла к женщинам.

— Извините, пожалуйста, Вы не Людмила Сергеевна? — спросила я.

Л.С. Богословская (в центре) на встрече с читателями в районной библиотеке пос. Лаврентия, апрель 2009 г. Фото из архива Л.Н. Ароновой

— Да, я Людмила Сергеевна! — ответила одна из них.

— А мы вас знаем. Мы с Чукотки, из Лаврентия, а вот и мой муж.

Людмила Сергеевна сразу заулыбалась, и когда подошел мой муж, они обнялись.

— Владимир Васильевич, я Вас именно таким и представляла: большим и с бородой. Как настоящий полярник!

Потом до самой посадки на рейс они продолжали говорить о собачках, о каюрах, о Чукотке, а я сидела рядом и думала: «Надо же, вот так встреча!»

Эта встреча запомнится нам навсегда. Теперь мы уже общались по телефону как старые знакомые. Я вела с Людмилой Сергеевной Богословской переписку по Интернету. Какие чудесные письма приходили от нее. Они были переполнены любовью к Чукотке. Она всей душой болела за морских охотников, что уходят в море на байдарках и вельботах. За каюров, что участвуют в гонках «Надежда». Потому что она знала лично всех этих людей или была знакома еще с 1970-х годов с их отцами.

В один из ее приездов в Лаврентия в 2009 году, мы пригласили Людмилу Сергеевну в районную библиотеку, где она рассказала о себе, чем

занимается, и о парке Берингия. Мы узнали, что Людмила Сергеевна Богословская работала по всей Арктике: от Шпицбергена, Белого моря и Новой Земли до Берингова пролива. Чукотка была для нее как первая настоящая любовь! Под ее руководством и при непосредственном участии впервые были нанесены на карту миграционные пути и места концентрации китов, лежбища ластоногих, колонии морских птиц, а также древние селения на побережье Восточной Чукотки между бухтой Руддера и Колючинской губой.

Какую нужно иметь смелость, чтобы на байдаре вместе с морскими охотниками выходить в море, обследовать побережье Чукотского полуострова. Непредсказуемая погода, а еще Тихий океан — совсем не тихий, и Ледовитый океан, где в любое время может быть неожиданный выход льдов. Выходить в экспедицию на одиночной байдаре от Провидения, вдоль побережья на север до поселка Энурмино... Отважная женщина! Богословская — автор 150 научных публикаций. Доктор биологических наук, руководитель Центра традиционной культуры природопользования Российского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Как много сделано ею для Чукотки, для нас всех, живущих на этой северной земле!

Мы общались по телефону часто и подолгу. Это благодаря Людмиле Сергеевне я начала писать маленькие рассказы. Она не однажды мне писала: «Лидия Николаевна, вам нужно обязательно писать. Пишите!» Когда я отправила ей на память альманах со своим первым напечатанным рассказом, она позвонила из Москвы, уже больная, но столько

На встрече с читателями в районной библиотеке пос. Лаврентия (апрель 2009 г.) Л.С. Богословская беседует с Иваном Васильевичем Вуквуном. Фото Н.И. Калюжиной

*В библиотеке
Лаврентия морским
охотникам вручают
книги «Киты
Чукотки», октябрь
2015 года.*

*Сидят слева направо:
Михаил Зеленский,
Райхлин Виктор,
Миронов Владимир
Стоят: Олег Добриев,
Евгений Эйнеучейвун,
Алексей Эжены*

было искреннего восхищения в ее словах. Сколько от нее шло добра, света и тепла. Она была соткана из лучей солнца.

Незадолго до смерти Людмила Сергеевна написала мне письмо: «Чувствую себя намного лучше. Мечтаю побывать на Чукотке еще раз». Это было её последнее письмо. Так неожиданно она оставила всех нас...

Октябрь 2015 г... В районной библиотеке поселка Лаврентия собрались люди на вечер презентации книги Людмилы Сергеевны Богословской «Киты Чукотки». В этот вечер она была с нами. Она вернулась на Чукотку. Книги, созданные Людмилой Сергеевной: «Тропюю Богораза», «Киты Чукотки», «Наши льды, снега и ветры», «Основы морского зверобойного промысла», «Надежда — гонка по краю земли», есть здесь почти в каждой семье.

Читаю надписи на наших: «Дорогим и любимым, с самыми теплыми пожеланиями...»; «С любовью и уважением...»; «С уважением и благодарностью за всё хорошее. Богословская».

Вот такой она останется навсегда в наших сердцах. Помним и любим. Ароновы

Публикации

Публикации

- Вместе с эскимосами по следам эскимосов (1988)
Л. Богословская
- Права коренных народов на земли (территории)
как основу своего существования и этнической самобытности (2009)
Л. Богословская
- Основные публикации Л.С. Богословской по Чукотке,
Российскому Северу и проблемам Арктики (1979–2015)

*Л.С. Богословская с сирениковскими охотниками во время плавания в старый поселок Кургу.
Фото И. Крупника, октябрь 1979 г.*

Вместе с эскимосами по следам ЭСКИМОСОВ

Л. Богословская

От редактора:

Этот текст был найден в архиве Л. С. Богословской ее дочерью Екатериной Богословской весной 2015 г. По всей видимости, он готовился к печати в конце 1980-х гг. как популярная статья, вероятно для журнала «Северные просторы», и был затем опубликован в сильно измененном виде в журнале «Вокруг света» (Богословская, 1989) под названием «Охотники Берингова пролива». В журнальной публикации некоторые детали были добавлены, но многие сцены, особенно из плавания 1981 г. были сокращены. Частично эти материалы печатались также в книге «Киты Чукотки» (Богословская, 2003, с. 29–34), где кратко описаны экспедиции 1981, 1985 и 1987 гг., в основном с точки зрения их научных результатов. Настоящая статья дает гораздо более полное видение этих экспедиций с личной — человеческой и философской, стороны и построена на дневниках и полевых записях Л. С. Богословской.

Экспедиция 1981 года

Подготовка экспедиции

Береговая линия Чукотского полуострова молода — по разным оценкам ей всего 10–40 тыс. лет. Море и теперь продолжает непрерывно и очень быстро наступать на сушу, и очертания берегов постоянно меняются. Вот почему остатки большинства древних эскимосских селений буквально висят над водой и разрушаются штормами. Уже рухнуло в море древнее селище на мысе Кыгынин, хорошо, что в 1945 г. его успел осмотреть археолог С. И. Руденко. Наполовину разрушены Кивак, Ун,азик (Старое Чаплино), Яндогай. Прибой продвигается все ближе к остаткам старых поселков Сиреники, Сиклюк, Ныхсирак и др.

Но еще высятся по берегам могучие холмы, поросшие высокой и необычно зеленой для Чукотки травой. Черная земля перемешана в них с нерпичьими, моржовыми и китовыми костями, остатками уса gren-

ландских китов. Огромные столбы из нижних челюстей тех же китов, когда-то установленные морскими охотниками возле своих жилищ, и теперь хорошо заметны издалека. В таких местах люди постоянно находят костяные вещи различных эпох, которые море равнодушно перемешивает. На Кивак местные жители и туристы запросто ездят из Провидения, чтобы «собрать коллекцию». И заезжие любители, помогая морю, разрывают землю, жадно хватают и утаивают предметы из морской кости, бесценные для истории коренного населения Чукотки. Чаще всего находят наконечники поворотных гарпунов, самые прекрасные среди них — древнеберингоморские, почти двухтысячелетней давности.

Поворотный гарпун — один из «трех китов», на которых основана морская зверобойная культура эскимосов. Два другие: надутая нерпичья шкура-поплавок и байдара, кожаная лодка с каркасом на эластичных ременных связях.

Эти три изобретения древних охотников определили всю историю эскимосов Берингова моря. Очень условно в течение нашей эры ее можно разделить на древнеберингоморский период (первые четыре-пять веков), период пунук (до 1000 г.) и период туле (до контакта с европейцами). В начале последнего периода эскимосы начинают свое великое странствие на восток. Из района Берингова пролива вдоль арктического побережья Северной Америки и Гренландии они шли на собачьих упряжках и своих байдарах, точно таких же, как и современные. Легкие и маневренные эскимосские байдары пережили суда викингов, русские ладьи и кочи, знаменитые кожаные лодки ирландцев, описанные Тимом Севериным.

Именно на байдаре остановилась и я, когда выбирала маломерное судно для изучения фауны побережья Чукотского полуострова. В значительной степени мой выбор определило мнение двух профессиональных моряков, капитана китобойного судна «Звёздный» Л. М. Вотрогова и капитана порта Провидения В. А. Беломестнова. Хорошо знающие особенности навигации в этих местах, они высоко ценили мореходные качества эскимосской байдары, созданной для плавания в высоких широтах. В. А. Беломестнов не только разрешил нам пройти на ней из Берингова в Чукотское море, но и позволил сделать заход в порт Провидения, признав тем самым байдару морским судном.

Итак — байдара! Но мы, трое зоологов Института А. Н. Северцова АН СССР, не столь самоуверенны, чтобы идти без ее подлинных хо-

зяев, эскимосов. Да и наша цель — изучение жизни птиц и млекопитающих в прибрежных водах Чукотского полуострова может быть достигнута лишь с помощью морских охотников. За годы работы на Чукотке мы убедились, что они — великолепные натуралисты, превосходящие нас в умении наблюдать животных, спокойные и надежные спутники во всех морских предприятиях. Еще зимой 1981 г. мы получили согласие одного из лучших охотников из поселка Сиреники, Андрея Анкалина. Он — капитан байдары, мотористом пойдет его старший брат Николай Гальгаугье, первым стрелком — Виктор Миенков.

Параллельно с нашей готовятся к поездке сотрудники Института этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН. — *Ред.*): Игорь Крупник, Михаил (Мика) Членов и художник Сергей Богословский. Мысль о соединении в одну экспедицию двух, казалось бы, далеких по своим задачам научных групп родилась вполне естественно. И нас, и этнографов волнует судьба традиционного морского промысла на Чукотке, как и его будущее. Ведь в нем все корни быта, языка и культуры эскимосов и морских чукчей. Хочется нам совместно заглянуть и в прошлое: по остаткам китовых черепов в старых поселках узнать, где добывали гренландских, а где серых китов, оценить интенсивность охоты в разные периоды, восстановить пути миграции гренландских китов, почти исчезнувших в результате хищничества американских китобоев конца прошлого — начала нынешнего веков. Надеемся мы также узнать и о легендарных *масигмит*, людях из Масика, древнего поселка, что когда-то был расположен на побережье Мечигменского залива. Эскимосы Чаплина смутно помнят предание о переселении к ним части жителей

Андрей Анкалин (1941–1994), знаменитый сирениковский охотник-бригадир. Фото Н. Конюхова, 1984 г.

Владимир Тагитуткак
(слева) на Китовой аллее
делится воспоминаниями
с Игорем Крупником,
июль 1981 г.

Фото С. А. Богословского

из Масика (см. Арутюнов, Крупник, Членов, 1982, с. 163–165; Членов, Крупник, 1984. — *Ред.*)

Этнографы решают в итоге идти на вельботе, он более грузоподъемен и просторен. Они выбирают чаплинскую команду из пяти человек во главе с Евгением Паулиным. Кроме того, собирается в путешествие с нами старший охотник поселка Новое Чаплино Владимир Тагитуткак (1922–1999; см. статью М. Членова. — *Ред.*). Следовательно, в их вельботе будет девять человек. Договариваемся, что встретимся на острове Ыттыгран, в районе знаменитого культового сооружения эскимосов — «Китовой аллеи». В 1976 г. Китовую аллею открыл М. А. Членов. Этнографы несколько сезонов работали на ней, но осталось еще много неизученного. Интересно узнать об этом памятнике от Тагитуткака — он сам родом из пос. Сиклюк, который существовал рядом с «Китовой аллеей» до 1950 г. Еще мальчишкой Тагитуткак играл среди пятиметровых столбов-челюстей, взбирался на огромные, шириной до 3 м, черепа гренландских китов, вкопанные правильными группами вдоль береговой линии, и, конечно, не предполагал, что это необычное сооружение станет предметом оживленной научной дискуссии археологов и этнографов.

Из поселка Новое Чаплино до острова Ыттыгран, как говорится, рукой подать, чаплинские охотники постоянно промышляют нерпу и моржей в водах пролива Сенявина. Это их охотничья акватория, и они прекрасно знают ее. Нам же предстоит идти из поселка Сиреники

*Вкопанные в гальку черепа
гренландских китов на
Китовой аллее, июль 1981 г.
Фото С. А. Богословского*

до мыса Чаплина, без карты и практически вслепую — согласно современным теперь положениям по морпромыслу, сирениковские бригады плавают в сторону Берингова пролива только до мыса Лесовского у входа в бухту Провидения. Как говорили нам, последний поход байдары на север был около пятидесяти лет назад. Члены же нашей команды заметно младше этих лет. Хотя мне много раз довелось проходить от острова Ыттыгран до Сиреников на китобойце «Звёздный», я отдаю себе отчет, как по-разному выглядит берег с многометровой высоты мостика современного судна и с байдары, борта которой при полной загрузке выступают над водой всего на пятнадцать-двадцать сантиметров. Остается полагаться на мореходное искусство нашего капитана Андрея Анкалина и саму байдару.

В отделе Севера Минсельхоза РСФСР и в Магаданском областном сельхозуправлении нам дали соответствующие бумаги на использование совхозных промысловых судов, но дело с байдарой по ряду причин затянулось. Этнографы уже работали себе на Ыттыгране (в июле 1981 г. — *Ред.*), а мы все никак не могли выйти в море. Сначала предполагалось, что на байдаре пойдут Саша Голубцов и я, а орнитолог Боря Звонов останется изучать птичьи базары в окрестностях Сиреников. Он раньше нас приехал в этот поселок, но, наконец, и нам удалось попасть туда на вездеходе после нескольких неудачных попыток высадиться с моря.

Сиреники. Выход в море

Дует южак. Берег нерабочий — накат. Боря лежит пластом с тяжелойшей ангиной, температура под 40. Ждем сутки, накат немного стихает. Решаем уходить к вечеру и против всех медицинских правил взять с собой Борю, которому очень тоскливо оставаться одному. Уже темнеет, когда мы начинаем загружать байдару. Вроде бы берем только самое-самое необходимое, а посреди байдары растет гора вещей. Их надо правильно распределить, чтобы избежать крена и перегрузки на детали каркаса. Все морзверобои собираются проводить нас. Приходит радист Александр Иванович Теущаков и в последний раз проверяет наш «Карат». Обещает держать с нами радиосвязь. Наконец все готово, и собравшиеся на берегу помогают столкнуть байдару в воду.

На веслах быстро преодолеваем полосу прибойя, Гальгаугье ставит в колодец руль-мотор, и наша байдара бежит в сторону бухты Провидения, к мысу Столетия. Продолжаем укладку и перекладку вещей так, чтобы

Капитан экспедиционной байдары Андрей Анкалин на руле. Впереди – Л.С. Богословская и Б.М. Звонов, июль 1981. Фото А. Голубцова

Анкалину было удобно управлять байдарой. Ловко и согласованно работают эскимосы. В море они почти не разговаривают, за много лет каждый досконально изучил свою роль на байдаре, знает, что, как и когда ему делать и что в это же время делают остальные. Морские охотники чувствуют друг друга спиной, по взгляду и жесту товарища знают, когда надо помочь ему, и все беспрекословно подчиняются рулевому.

Рулевой, или бригадир — самый опытный и знающий человек на байдаре или вельботе. Он определяет место охоты, полностью ведет ее, но всегда согласует свои действия с первым стрелком, который одновременно является и впередсмотрящим. После рулевого — это второе лицо в команде.

Непосредственно за ним сидит второй стрелок, потом матрос и перед рулевым — моторист, единственный из всех лицом к рулевому, который показывает жестами, убавить или прибавить ход. Хотя заработки у членов команды одинаковые, но матрос — это самое начало трудной морской науки. Обычно на эту должность берут молодых, только начинающих охотиться ребят. Некоторое время спустя, когда он хорошо покажет себя, ему доверяют сесть за мотор. Потом он может стать вторым стрелком и постепенно дорасти до рулевого. На моих глазах с носа на корму перешли охотники Николай Каваугье, Николай Ранумай, Николай Прохоров и сами стали капитанами.

Прежде команда байдары состояла из близких родственников или даже членов одной семьи. Такова сейчас бригада Тыпыхкака (Петра Тыпыхкака. — *Ред.*), состоящая из его сыновей. На корме за рулем — отец, первым стрелком — старший сын Александр, вторым стрелком и мотористом — младшие сыновья, Михаил и Дмитрий. Понятно, как высока спаянность и ответственность друг за друга в такой команде. Еще сравнительно недавно охотники старались брать сыновей и племянников в море как можно раньше, чтобы обучать их сложному морскому делу в том возрасте, когда дети схватывают все на лету. Анкалин рассказывал мне, что убил своего первого моржа, когда учился во втором классе. «Конечно, взрослые подыграли мне, но и я старался изо всех сил. А уж как горд был на подходе к берегу», — рассказывал он.

Пока все это проносится у меня в голове, наша байдара уже прошла мимо заброшенного селения Имтук и одноименной, очень рыбной лагуны. Дальше — древнее селище на мысу Агыхлик. Погода начинает портиться. Волнение увеличивается, небо затягивается тучами. Начинается шторм с дождем. Анкалин приказывает всем, кроме впередсмотрящего Миенкова, спрятаться под брезент, особенно заботится о больном Боре. Сам буквально впивается в руль и каменеет на корме. Несмотря на брезент, мало-помалу мы промокаем. Очень хочется спать, ведь сейчас глубокая ночь. Клюем носами, ощущаем струйки воды, бегущие по спине и засыпаем. Последняя мысль: чем теперь заболит Боря?

Новое Чаплино

Будят нас крики чаек, толчки Анкалина. Открываю глаза. Байдара лежит в дрейфе возле незнакомого берега, на котором очень знакомый маяк, точно такой, как на хорошо известном мне мысе Кы-

гынин. Анкалин спрашивает меня, где мы. Я не знаю. Кругом полосы тумана, но вот он постепенно рассеивается, и мы видим, что напротив нас тоже берег. Значит, добрались до входа в бухту Ткачен. Да, действительно, вот и старый поселок Чечен, где никто уже не живет. Туман отступает, открывая нам горло бухты. Гальгаугье заводит мотор, сумев сохранить свечи сухими, и мы ранним утром подходим к Новому Чаплино. На берегу, кроме пограничников, никого.

Проверка документов, и нас выпускают на берег. Разгружаем байдару и вытаскиваем ее для просушки обшивки. Пока возимся, начинают подходить чаплинцы. Большинство из молодых видит байдару в первый раз (в Чаплино байдары перестали строить в 1950-е гг. — *Ред.*) Трогают, щупают, рассматривают нас, удивляются, откуда мы взялись в такую рань; у морзверобоев не приняты морские переходы ночью. Наши эскимосы здесь — свои люди. В Чаплине проживает самая большая группа азиатских эскимосов, около 400 человек. Всего же их на Чукотке немногим больше 1700. Значит, все друг друга знают, все, так или иначе, состоят в родстве. Подходит управляющий чаплинским отделением совхоза «Заря коммунизма» Анатолий Кузменов, с которым я знакома еще по работе в Янракиноте (в 1970-е гг. — *Ред.*), где находится центральная усадьба совхоза. Обдумываем, как разместиться и обсушиться. Кузменов приглашает Борю, Сашу и меня к себе. Анкалин, Гальгаугье и Витя Миенков расходятся по родственникам и знакомым.

Мы пришли в Новое Чаплино в пятницу. Назавтра суббота — день раздачи водки. Наши спутники, не будучи жителями этого поселка, каким-то образом умудрились получить по бутылке. Вот и светлое воскресенье: практически весь поселок не стоит на ногах. Чувствуем, что срочно, в любом виде, надо уходить отсюда. Иначе наша команда пустит здесь алкоголические корни, которые будет трудно оборвать. Пьяный Анкалин убеждает нас обождать — байдаре хорошо бы подсохнуть еще сутки. Он поздно, перед самым походом, сменил моржовые шкуры обшивки, они не успели как следует высохнуть и теперь быстро размягчаются в воде, особенно на кормовом конце.

В отличие от ирландских кожаных лодок раннего средневековья, байдара обтянута недублеными моржовыми шкурами, которые сравнительно быстро набирают воду. Поэтому эскимосы, совершая дальние переезды, всегда привязаны к берегам, где периодически просушивают обшивку своих байдар, вытаскивая их на берег. Ирландцы же покрыва-

Лагерь экспедиции во время похода на байдаре 1985 г. Перевернутая байдарка сушится на подставках из бочек. Слева направо: капитан Тимофей Панаугье, моторист Сергей Нанухтак, первый стрелок Виктор Миенков; крайняя справа – Л.С. Богословская. Фото Б. Звонова

ли свои кожаные лодки продубленными бычьими шкурами в несколько слоев, что и позволяло им на таких лодках достичь Исландии и, возможно, даже раньше викингов побывать в Гренландии и Северной Америке.

Трогаю мягкую, как студень, шкуру покрышки и решаю, что до Ыттыграна доберемся, а там уже будем сушить. Начинаем грузиться.

Проводить нас приходят несколько старых чаплинцев, среди них наш будущий спутник по путешествию Владимир Тагитуткак. Все отговаривают от выхода в беспокойное море, предупреждают относительно трудности огибания мыса Чаплина, рассказывают про особенности течения возле него. Старики и Кузменов, учитывая ветер, советуют обождать до понедельника или перевезти нашу байдару на грузовике в Ингахпак, стоянку охотников Чаплина, расположенную в Сенявинском проливе напротив острова Ыттыгран.

Но мы уже заканчиваем сборы. И вот тут-то Анкалин с хитрящей улыбочкой достает бутылку шампанского, открывает, и три великих мореплавателя по очереди быстро приникают к ней. Все происходит мгновенно, и никто из нас не успевает выхватить бутылку.

Бутылка, пустая, летит в сторону, мы быстро спускаем байдару, провозжающие машут руками. Гальгаугье заводит мотор, и мы устремляем-

ся на выход из бухты Ткачен. Ветер задувает все сильнее. Я поглядываю на обрывистые берега и на нашу осоловелую команду, решаю, выкидываться ли на берег или продолжать идти дальше. Эскимосы пока держатся, и мы проходим два удобных для высадки пляжа. Начинаются скалистые обрывы, ветер крепчает, а наши моряки один за другим засыпают. Первым отключается вперёдсмотрящий Витя Миенков, за ним Гальгаугье, но мотор у него продолжает работать ровно. Ничего не скажешь — дело свое он знает. За все время путешествия, лишь однажды была критическая ситуация, но и то по вине «Вихря», мотора речного, который умные дяди в Москве пихнули в полярные моря на суда, не рассчитанные под него.

Начинает засыпать Анкалин. Мы с Борей сидим на банке перед ним, поэтому стаскиваем его с кормы, и румпель переходит в руки Бори. Саша, сидящий на месте второго стрелка, утихомиривает Миенкова, желающего в пьяном сне шагнуть через нос байдары. Гальгаугье по временам открывает глаза и прислушивается к мотору. Итак, Боря на руле, Гальгаугье в грезах на моторе, Саша укладывает спящего Миенкова поудобнее. Я одной рукой придерживаю Анкалина, другой вычерпываю воду.

Сулой

На подходе к мысу Сиволкут на выходе из бухты Ткачен попадаем в полосу обычного для Чукотки небольшого локального шторма в 5–6 баллов, но для байдары достаточного. Берега — сплошные скалы. Боря на руле байдары впервые, а управлять ею непросто. Ветер с моря, и нас начинает прижимать к берегу и волной захлестывать через нос и правый борт. Я уже не могу справиться с водой одна, и Саша, помогая мне, берет ведро. Ребята очень спокойны, делают все быстро и на пределе своих возможностей. Я почти уверена, что это конец, если не произойдет чудо.

Почуввав рысканье байдары, просыпается Гальгаугье, моментально трезвеет, оценивает ситуацию, и с риском для всех они с Борей меняются местами. Гальгаугье удается несколько успокоить кренящуюся то на один, то на другой борт байдару. Однако он не может полностью совладать с ней и решает будить Анкалина — берега скоро можно будет коснуться рукой. Вместе трясем Анкалина. Он открывает глаза и пугается. Быстро садится за руль, начинает кричать, что здесь страшно и надо идти домой, в Сиреники. Это значит разворот почти на 180°, следова-

тельно, хоть на мгновение, но байдара станет бортом к ветру, который ее тут же перевернет. Даже я понимаю это, но Анкалин, как капризный ребенок, хочет одного: поворота к дому. А он-то и будет нашим концом.

Пытаюсь втолковать Анкалину про опасность поворота. Что-то кричит ему об этом Боря, но наш капитан закусил удила и начинает переключать руль. Хватаю его за руки, умоляю, ругаюсь. Он мгновенно свирепеет, выдергивает румпель и бьет меня по голове. Успеваю прикрыть лицо. Слава богу, очки целы, хотя, кажется, треснули. Правая рука немеет. Анкалин вновь заносит румпель для удара. Байдара, совершенно неуправляемая, уже под самым берегом и черпает воду то одним, то другим бортом. Саша отчерпывает, не разгибаясь.

Тут уж не только я решаю, что нам конец. Гальгаугье выпрямляется и резким внушительным голосом старшего брата что-то коротко и повелительно говорит Анкалину. Тот сразу успокаивается, вкладывает румпель и совершенно мастерски отводит байдару от берега. Успел. Всем ясно — мы спасены. На байдаре затишье. Приходим в себя после напряженных минут. А Витя Миенков все так же сладко спит, не подозревая, что был на волосок от гибели.

Вдруг совершенно неожиданно кончаются береговые скалистые обрывы и бушующая возле них штормовая полоса, — мы выскакиваем на спокойную воду. Уже виден впереди длинный песчаный пляж, о котором мы так мечтали несколько минут назад. На последних крупных камнях стоят дети и радостно кричат нам. Откуда они? Оказывается, это пионеры из лагеря на Чаплинских горячих ключах. Анкалин совершенно отмяк и говорит: «Наверное, моя племянница дядю своего видит». Приосанивается и с шиком проводит байдару мимо камней. От криков детей и наших переговоров, а может оттого, что перестало качать, просыпается Витя и, застенчиво улыбаясь, спрашивает, где мы. Объясняем ему. Он, похоже, не жалеет, что проспал драматический момент и, пользуясь затишьем, зажигает примус, желая попоить нас чайком.

Бесконечный низкий песчаный берег. Где-то здесь родилась Айнана (Л. И. Айнана. — *Ред.*), где-то здесь на новый, 1978-й год, погиб замечательный охотник Семен Иена, родившийся на Сиклюке, но переехавший, как и все, с Ыттыграна в Новое Чаплино. Погиб глупо: его срочно послали на тракторе что-то отвезти. Он отказывался, как чувствовал. Лёд был слабый, и трактор провалился. Выскочить Семен и его напарник-тракторист не успели, ушли под лёд.

На моей памяти не было ни одного несчастного случая на охоте. Все ЧП, как говорят моряки, происходят, когда вельботы или байдары посылают не по назначению, перегружают, ставят на них такие моторы, как «Вихрь», забывая переделать под него колодец. Именно так погибли в 1979 г. девять человек на январьинотском вельботе, который вел Андрей Аксау. Спасся только один, Леонид Кутылин. Он единственный был одет в национальную одежду из оленьих шкур, которая и держала его на воде, и согревала. Леонид пробыл в воде с одиннадцати вечера до пяти часов утра, потом до двух дня простоял на перевернутом вельботе, держа труп последнего погибшего, бригадира Аксау. В половине третьего дня его в тумане разыскал китобоец «Звёздный» и снял, еле живого с вельбота.

Наша критическая ситуация возникла из-за непонимания Анкалиным своей ответственности. Он никак не мог уразуметь, почему я говорю, куда плыть и что делать — ведь он главный, он капитан. Втолковать, что я определяю маршрут и сроки передвижения, а он обеспечивает навигацию, по-видимому не удалось, и он полностью расслабился. Но мне — хорошая наука. Впредь его надо строго контролировать.

Совершенно незаметно огибаем мыс Чаплина. Вот оно, морское умение Анкалина! Идем под самым берегом к мысу Мертенса, откуда повернем к острову Ыттыгран. В полной мере оцениваем удивительные качества байдары, ее способность буквально проползать по мелководью. Еще раз убеждаемся в правильности выбора для биологических работ байдары, а не тяжелого и тихоходного вельбота.

Экспедиция 1985. Возвращение в Сиреники

Едва обогнув мыс Чукотский, мы сразу увидели, как белым огнем летит вдоль берега накат. Наш капитан, Тимофей Панаугье засомневался, сможем ли мы высадиться в Сирениках. На подходе к бухте Провидения сомнения его возросли, а за мысом Столетия, оценив силу приливной волны, он твердо уверился — высадка будет на грани возможного. Бензин, между тем, таял, расходуясь на толкотню волн от наката и зарождающегося шторма.

Возле мыса Уляхпен, откуда до дома рукой подать, стрелок и впередсмотрящий Виктор Миенков разобрал приготовленные на моржа

*Тимофей Панаугье
(в центре) на руле
экспедиционной
байдары, лето 1985 г.
Рядом Л.С. Богословская,
справа – орнитолог
Н.Б. Конюхов.
Фото Б. Звонова*

*Мальчишки на берегу
в Сирениках
«принимают»
приходящую с моря
охотничью байдару,
лето 1979 г.
Фото Н. Перова*

гарпуны, потом выстрелил из карабина в сторону скал, вспугнув множество птиц. Я догадалась, а Витя после подтвердил — это способ известить людей в Сирениках, что кто-то идет к ним с моря и нуждается в помощи. Раньше, когда байдары и вельботы бегали с грузом в порт Провидения и обратно, так всегда делали на подходе к дому, если предстояла трудная высадка.

Показался прямой, весь в белой пене берег — Сиреники. Этот поселок, единственный на Чукотском полуострове, не имеет ни лагуны, ни берегового изгиба, где можно было бы пристать при беспокойном море. Потому-то и сохранились здесь древние морские лодки эскимосов, легкие кожаные байдары с деревянным каркасом, собранным

на ременных связях. Только на них можно выйти на охоту летом во время долгих южных накатов и зимой, в забитое дрейфующим льдом море.

На берегу никого, кроме двух ребятишек, но Тима отдает приказ готовиться к высадке и тщательно укрыть от воды все вещи. Он уже принял решение «выкидываться на моторе»: удерживая байдару поперек прибойной волны на кормовом якорь и носовом конце, мы пойдём на моторе «до упора» и выдернем его из колодца на последней волне, выносящей нас на берег. Успех такой высадки во многом зависит от помощи с берега.

Лицо Тимы становится отрешенным — он один отвечает сейчас за жизнь пятерых и должен с честью привести байдару домой. Обычно говорящий тихо и застенчиво, он властно и громко отдает распоряжения. Моторист Сергей Нанухтак бросит якорь, Витя — носовой конец на берег, Коля Конюхов, наш орнитолог, поможет Нанухтаку выдернуть мотор, а мое дело — сберечь документы и полевые дневники от воды, если нас накроет волной или перевернет. Торопливо натягиваем один полиэтиленовый пакет за другим, я — на бумаги, Коля — на свою драгоценную оптику. Охотники невозмутимы, работают четко и слаженно, переговариваясь только по-эскимосски.

Нас оглушают пушечные удары наката, кидающего на берег тысячетонные валы из воды и камней. Каждый такой удар чередуется с шипением отбегающих волн, утаскивающих с собой на глубину песок, гальку и только что брошенные камни. Ребятишки заметили нас, один бежит в поселок, другой — к воде, принять конец. Видим, от поселка спешат на помощь две фигурки взрослых. Успеют ли? Бензина практически нет.

Конец, привязанный к пых-пыху, надутой нерпичьей шкуре-поплавку, летит на берег прямо под ноги Николая Ранумая и Розы, верной жены Тимофея Панаугье, которая всегда чувствует приход мужа с моря. Подбегают еще люди, хватают конец, с силой упираются в песок, не давая вздымающейся прибойной волне перевернуть байдару. Нанухтак и Коля рывком вытаскивают мотор, успевая предупредить чирканье лопастей винта о гальку. Но якорь, брошенный мгновением раньше, не зацепил грунт, нашу лодку продолжает нести на берег, и, как ни стараются принявшие конец, они не успевают выбрать и натянуть его. Поразительно ловко, не выпуская румпеля, Тимофей поддергивает якорь, тот входит в грунт и притормаживает наш полет.

Отраженная берегом волна высоко задрала нос байдары, но люди, успев выбрать слабинку, вцепились в конец намертво, да и Витя уже прыгнул в кипящую воду и всей тяжестью повис на носу, стараясь удерживать байдару от поворота бортом к волне. Прыгают Нанухтак и Коля, крича нам: Прыгайте! Прыгайте!

Мы с Тимой, обитатели кормы, быстро выскакиваем из байдары, пока одна волна, перестукивая камнями, отхлынула, а другая с ревом надвигается, подхватив те же камни. Тима еще успевает схватить и сунуть кому-то мешок и бухту троса. Мы бежим, волна догоняет нас на излете, швыряет камни, но слава богу, мимо головы, Тима смеется.

— Хитрая! За пазуху мне залезла.

Разгрузка байдары начинается, едва ее киль коснется дна, а встречающие смогут схватить и удержать борта. Первым передают на берег мотор — самое ценное и самое тяжелое, что есть на байдаре. Увертываясь от воды и грохочущих камней, мужчины, женщины, подростки перекидывают из рук в руки бензиновые канистры, бачки от мотора, рюкзаки, свертки. По мере того, как байдара становится легче, ее подтаскивают и подтаскивают к берегу. Когда тяжелые вещи вынуты, все, вцепившись в борта и подложив под нос пых-пых, выполняющий роль катка, под команду «У-уп!» выдергивают байдару из воды, используя помощь больших волн, подползающих под лодку.

Волочить тяжело груженую байдару по гальке нельзя — ее обшивка из «расколотой» моржовой кожи толщиной всего три-пять миллиметров может порваться об острые камни. На берегу вынимают мелочь и, повернув байдару набок, тщательно выколачивают маленьким веслом обшивку, чтобы ее не протерли случайно попавшие под шпангоуты песок и галька. Потом охотники поднимают байдару на плечи и несут на сушилу — недубленая кожа обшивки промокла и раскисла. Теперь обшивка должна основательно высохнуть, чтобы при ударе рукой или веслом зазвенеть, как бубен. Тогда снова можно идти в море!

На берегу собрался весь поселок. Помогая себе костылем, прискакал на одной ноге Андрей Анкалин, хозяин байдары, доверивший ее на время нашего похода Тимофею Панаугье. Анкалин был капитаном в нашем первом плавании 1981 года и из-за сломанной ноги не смог участвовать в этом путешествии.

Все поздравляют нас с благополучным возвращением, сообщают, где кого застали наши выстрелы, радуются тому, что байдара из Сирени-

Высушенную байдару охотники переносят на плечах прямо к воде. Сиреники, лето 1979 г. Фото Н. Перова

ков впервые за много-много лет вновь побывала в Беринговом проливе, у мысов Дежнёва и Сердце-Камень, интересуются, как ее встречали в других поселках. Панаугье, Миенкова и Нанухтака окружают родные и уводят домой, мы с Колей идем в гостиницу. Отдыхаем два дня, а потом вновь продолжаем маршрут. Идем на северо-запад от Сиреников, вдоль южного побережья Чукотского полуострова, картируем птичьи базары, изучаем распределение серых китов и моржей.

Великие охотники Арктики

— Байдару когда сделали, то потом улучшали, гонясь за акмалигак, по-вашему, конюгой-крошкой. Построили — и не догнали. Разобрали, переделали — опять не догнали. Снова разобрали. И так много раз, пока не смогли догнать эту маленькую птичку.

Неторопливо рассказывает Тима Панаугье легенду, объясняющую совершенство эскимосской байдары. Затем разговор естественно переходит на ветер — мы пережидаем на мысе Халюскина «плохой» ветер. Эскимосы верят, что ветром можно управлять, однако главное, не испортить «хороший» ветер неправильными действиями. Еще совсем недавно его выпрашивали, заговаривали. Но прежде, чем произнести заговор, надо было сменить свой «грязный» рот на чистый, который, как писала Е. С. Рубцова, знаток эскимосского фольклора, по просьбе заговаривающего дает ему Небесная старуха. Вот какой заговор для смены рта записала Рубцова у чаплинских эскимосов.

«Мой рот этот, который принимает разную пищу, выплюнул я туда, на середину течения. На свой плевок когда я посмотрел, несет его течение, как пену морскую. Может быть, у меня еще осталось, опять выплевываю я туда, на середину тундры. На свой плевок когда я посмотрел, вихрем несет его. Там у старухи верхнего неба попросил я на время ее чистый рот. С удовольствием на время дала. Все, что исходит от моего рта, взятого у старухи, все выполняют».

Вспоминаю, как в 1979 году впервые попала в Сиреники, и охотники не хотели брать меня в море, потому что могу принести «плохой» ветер, ведь я — человек, их морю не известный, да еще женщина. Две недели приходила на берег, и две недели охотники, завидев меня, разбирали уже приготовленные к спуску байдары и говорили, что погоды нет. Выходили в море только тогда, когда я, потеряв всякую надежду, возвращалась с берега домой. Больше всего боялся меня Тимофей Панаугье, прославленный бригадир морзверобоев (так зовут на Чукотке морских охотников). Тогда, припомнив, что то же самое целый месяц проделывали со мной охотники чукотского поселка Янракиннот в 1977 году, я решила, как и там, выступить в роли предсказательницы:

— Моржей добудут только две байдары: байдара Панаугье и та, которая возьмет меня!

Рискнул Алексей Ухтыкак, один из самых старших и опытных охотников, но первый стрелок его бригады Николай Каваугье тут же выскочил из байдары, сославшись на внезапный очень сильный приступ радикулита. Место Каваугье нехотя занял второй стрелок, Виктор Татыга, и все пять байдар вышли в море. На мое счастье, как и когда-то в Янракинноте, предсказание в точности сбылось, и я перестала быть «неприкасаемой».

Ветры, течения, льды, туманы, шторма, приливы и отливы, все это и есть жизнь эскимосов, а самая ее сердцевина — морские звери, птицы, рыбы. Весь быт, культура, язык эскимосов пронизаны пониманием своей неразрывной связи с природой и охотой. Люди Берингова пролива — величайшие в мире охотники на китов, моржей и тюленей. Они знают, что добытый зверь, побыв у человека, опять уходит в море. Ведь зверя не убивают, он приходит в гости к тому, кто первым его увидел. Погостит, даст мясо свое съесть и снова уйдет. Поэтому он должен иметь целые кости, а мясо на них нарастит сам. Сколько я ни наблюдала, разделка морского зверя всегда производится по естественным членениям,

суставам. Костей никто не рубит, а головы еще совсем недавно складывали в священные кучи или выкладывали их кольцами или прямыми рядами.

Самые великие «гости» — гренландский кит и белый медведь. По представлениям эскимосов и береговых чукчей, не каждому дано убить кита, а только тому, кого любит море (морская старуха). Удачливый охотник на китов пользовался огромной известностью и почетом. Таким, рассказывают, был старик Панаугье, отец Тимы. Охотник, убивший кита, старался принять и проводить гостя как можно лучше. Не угодишь киту — он больше не придет; понравится ему встреча — опять навестит твой дом. Обряды встречи и проводов кита были различными не только у разных эскимосских племен, но даже у разных семей. На азиатском берегу самым сложным и длительным был праздник кита у науканских эскимосов, живших возле мыса Дежнёва.

Сиреники, Аван, Кивак, Унгазик (Старое Чаплино), Наукан много сотен лет назад были основаны эскимосами в тех местах, где близко к берегу пролегали миграционные пути, пути жизни китов и моржей, а, значит, и людей. Сейчас только поселок Сиреники остался единственным древним (более двух тысяч лет!) и живым поселком; жители остальных были переселены в 1940–50-е годы волевым порядком. Приезжее начальство считало, что лучше эскимосов знает, где им жить и что делать. Вот и пропадают триста науканцев в многоквартирных домах в райцентре Лаврентия, а остальные разбрелись по всей Чукотке. Еще стоят неподалеку от памятника-маяка Дежнёву шестиметровые челюсти гренландских китов, бывшие когда-то опорами для байдарных сушил Наукана. Еще видны тропинки, по которым смелые охотники несли добычу в свои дома. Еще живы старики, помнящие все тонкости охоты в самом горле Берингова пролива, но уходят они один за другим и некому передать секреты древней охоты. А их дети в большинстве уже не охотятся, а покупают в магазине мороженую говядину, тушенку. Они постепенно забывают вкус бульона с морской капустой; где соберешь ее — в закрытой бухте Лаврентия или на берегу лимана в Анадыре?

Эскимос рождался, чтобы ходить в море и многое помнить. Мы давно уже полагаемся на книги и записи. Морские люди Русского Севера, поморы, вели семейные лоции, передавая их от отца к сыну. На протяжении веков каждое поколение заносило туда особенности навигации своего времени, свой трудный морской опыт. До нас дошли поморские

Сушила для байдар из вкопанных челюстей гренландских китов в покинутом поселке Наукан, лето 1981 г. Фото С. А. Богословского

лоции XVIII–XX веков. У эскимосов не было письменности, их лоции передавались изустно, в подробных рассказах отцов, дедов, бывалых людей поселка во время охоты и на берегу.

Прежде любое приметное место имело свое имя, каждая сопка, большой камень, распадок, мысок. Морской охотник знал до тысячи таких названий, точно помня, в каком порядке все это располагается вдоль береговой линии по обе стороны родного поселка. Он ясно представлял себе даже тот берег, который никогда в жизни не видел — старики много раз во всех подробностях описывали его.

Устные лоции эскимосов я по достоинству смогла оценить во время наших маршрутов на байдаре. Именно так, по рассказам стариков, в 1985 году Тимофей Панаугье провел байдару от Сиреников до мыса Сердце-Камень. У нас была морская карта, но он только раз взглянул на нее в самом начале пути, а ориентировался по тому, что помнил от деда и отца, и тщательно расспрашивал стариков в каждом поселке, куда мы приходили. В 1987 году таким же способом вел байдару старейшина сирениковских морзверобоев Пётр Тыпыхкак. Он даже поставил своеобразный рекорд; впервые за много десятилетий байдары оторвалась от берега, прошла морем около 80 км напрямик из бухты Пуутын до острова Ратманова и обогнула его кругом. Пока мы шли, Тыпыхкак все поглядывал на Уэленские сопки — старый охотник из Наукана, Николай Асыколян, предупредил его еще в Сирениках, что если над сопками будет облако, к острову лучше не идти.

Тыпыхкак поразил нас на обратном пути. Когда мы уходили с острова Ратманова, весь Берингов пролив и оба его берега, советский и аме-

риканский, погрузились в плотный тяжелый туман. Видимость не далее 20–30 м, старенький шлюпочный компас безбожно врет. Направление на бухту Пуутын взмахом руки указал старпом пограничного сторожевика, и Тыпыхкак повел байдару. После пяти часов напряженного хода (боялись быть раздавленными каким-либо судном) байдара сквозь клубящийся туман вошла точно в горло бухты.

Но охотнику недостаточно хорошо ориентироваться в море, помнить характер течения возле каждого мыса, особенно поворотного, закономерности смены приливов и отливов, знать, как в разных местах дует ветер, как найти дорогу в тумане. Охотник должен прекрасно разбираться в повадках морских животных, уметь предугадать их поведение во время охоты — ведь голодный «проходной» морж возле Сиреников ведет себя совсем иначе, чем его сытый собрат вблизи Аракамчеченского лежбища. Каждый год откладывает в памяти охотника свои особенности погоды, поведения зверей, их распределения в море и бухтах. По всем этим признакам охотник складывает промысловую картину года; она поможет принять правильное решение, если условия в какой-то степени повторятся. Наблюдательность и память, сила и ловкость, выносливость и смекалка и еще знания, знания и знания нужны тому, кто собирается в море на промысел.

Во время охоты в байдаре говорят только по-эскимосски: в русском языке нет нужных охотничьих терминов, им дольше и сложнее объяснить, где что происходит. Вот несколько примеров, собранных Е. С. Рубцовой:

- акылюграк* — морж, плывущий без определенного направления;
- аргугак* — морж, плывущий в западном или южном направлении;
- аругак* — морж в море в неподвижном состоянии во время еды;
- манилгук* — стадо моржей, плывущее к берегу;
- путукак* — морж, плывущий или спящий на воде так, что голова в воде, а над водой только спина;
- сяма* — там (у моря; внизу, на юге);
- сямани* — там (далеко в море);
- пагантук* — там (в стороне от моря; наверху);
- пама* — там (сверху, наверху);
- мана* — это, этот (находящийся здесь, в окружающей местности);
- тана* — это, этот (находящийся вблизи говорящего);
- уна* — вот это, вот этот (находящийся совсем близко, под рукой).

Эскимосские охотники Сиреников, лето 1979 г. На руле — Степан Каваквыргин, первый стрелок (на носу справа) Николай Ранумая, второй стрелок — Тифомей Гаймисин, моторист — Иосиф Инмугыё. Фото Н. Перова

Но, пожалуй, лучше всего об этом сказал мне как-то Николай Прохоров:

— Очень трудно на охоте с молодыми, выросшими не в семье, а в интернате, и не знающими эскимосского языка. У нас вся охота по-эскимосски идет. Я, как только в байдару прыгаю, сразу думаю по-эскимосски. По-русски трудно думать о нашей охоте.

Охота доставляет эскимосам, как и другим охотничьим народам, самое большое удовлетворение, она и есть их настоящая жизнь. Эти люди живут не для того, чтобы «производить» и «покорять природу», а для того, чтобы быть самими собой, сохранить свои обычаи, свой взгляд на мир, свою общинную спаянность — редкие по нынешним временам качества.

Рекомендуемая литература

- Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. Китовая аллея. Древности островов пролива Сенявина. — М.: Наука, 1982.
- Богословская Л. С. Охотники Берингова пролива // Вокруг света, 1989. № 6. С. 36–42.
- Богословская Л. С. Киты Чукотки: Посobie для морских охотников // Наследие Берингии. Вып. 1. — Москва–Провиденция–Анадырь: Институт Наследия, 2003.
- Рубцова Е. С. Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект). Часть 1. — М.; Л.: Издательство Академии наук, 1954.
- Рубцова Е. С. Эскимосско-русский словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1971.
- Членов М. А., Крупник И. И. По следам древних культур Чукотки // Природа, 1984. № 6. С. 86–97.

Права коренных народов Севера на земли (территории) как основу своего существования и этнической самобытности

Л. Богословская

*Л.С. Богословская на конференции
«Дни Берингии-2008» в г. Фэрбенкс,
Аляска, октябрь 2008 г.
Фото: Н. Калюжиной*

Эта неопубликованная статья Л.С. Богословской была обнаружена в ее компьютере в папке «2009 г.» с датой «12 ноября 2009 г.», когда она, скорее всего, и была написана (закончена). По воспоминаниям О.А. Мурашко, статья была подготовлена в качестве «материалов» для заседаний Совета Федерации, которые раздаются участникам накануне парламентских слушаний. Обычно это – набор статистических данных, обращений от организаций, других подготовительных документов, а также статей по теме, заказанных экспертам. Причиной обсуждения, к которому была написана статья, стала инициатива Минрегионов РФ в 2009 г., предложившего снять с территорий традиционного природопользования коренных народов Севера статус «особо охраняемых природных территорий» (ООПТ, см. статью О. Мурашко). Статья публикуется здесь в полном объеме, вместе с очень необычным приложением, подготовленным Людмилой Сергеевной.

Введение

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока России представляют собой сохранившиеся до наших дней древние сообщества охотников, рыболовов и собирателей. Оленеводство появилось у ряда народов гораздо позднее, но и оно включает охоту, рыболовство и собирательство в качестве своих обязательных компонентов.

Все перечисленные виды традиционной хозяйственной деятельности – основа традиционного образа жизни народов Севера, их этнической самобытности, которая проявляется не только в национальных культурах, но и в антропологических характеристиках, закрепленных на генетическом уровне (Козлов, Вершубская, 1999; и др.).

Традиционный образ жизни коренные народы могут вести только в ненарушенных или слабо нарушенных экосистемах, поэтому одна из главных задач их существования – поддержание уровня биологического разнообразия и продуктивности «своих» биоценозов. С этой задачей они успешно справлялись в течение многих столетий, а в ряде случаев и тысячелетий. В России эту особенность традиционного природопользования впервые осознанно зафиксировали дальневосточные специалисты. В проектируемой системе охраняемых природных территорий Приморского края они выделили «этнические территории»:

«...система «этнических территорий», имеющих щадящий режим природопользования и обеспечивающих сохранение национальной культуры и уклада жизни у не имеющих собственной автономии малочисленных народов и народностей в местах их исторического проживания». «Общая площадь «этнических территорий» равна 49 340 км², что составляет 29,7% территории края» (Система..., 1989. С. 11 и 35).

Для сохранения северных этносов, как и всех аборигенных народов нашей планеты, мировое сообщество признает за ними особые права на земли (территории) и биологические ресурсы; именно в отношении них справедливо выражение «нет земли – нет народа».

Международные нормы и принципы

Международные юридические нормы и принципы наделяют коренные народы особыми правами на земли и возобновляемые

природные ресурсы как на материальную основу их жизнеобеспечения, традиционных культур и духовных ценностей. В этом плане не имеет значения наличие или отсутствие у народов юридического подтверждения права собственности на землю. Достижения коренных народов в создании особых форм природопользования, сохраняющих целостность экосистем и уровень биологического разнообразия, являются существенным вкладом в стратегию устойчивого развития современного общества (Конвенция о биологическом разнообразии, 1992; Севильская стратегия, 1995; и др.).

Обобщенно этот тезис провозглашен в принципе 22 Рио-де-Жанейрской декларации ООН по окружающей среде и развитию (1992):

«Коренное население и его общины, а также другие местные общины призваны играть жизненно важную роль в рациональном использовании и улучшении окружающей среды в силу их знаний и традиционной практики. Государства должны признавать и должным образом поддерживать их самобытность, культуру и интересы и обеспечивать их эффективное участие в достижении устойчивого развития».

Наиболее детально и последовательно положения об особых правах на земли изложены в Конвенции о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (Конвенция № 169 Международной организации труда, 1989) и Декларации ООН о правах коренных народов (2007). Декларацию поддержали 143 государства, 4 государства – США, Канада, Австралия и Новая Зеландия – проголосовали против ее одобрения, 11 стран, в том числе Россия, воздержались.

Российские конституционные нормы
о земле и «защите исконной среды
обитания и традиционного образа жизни
малочисленных этнических общностей»

В отличие от аборигенных народов зарубежных стран коренные народы Севера в период СССР и во время формирования современной России не вступали в политико-правовые отношения с государственной властью по поводу исторически принадлежащих им земель. В советское время негласно признавались особые территориальные пра-

ва этих народов, и, хотя они не были закреплены конституционно, в 1926 г. на всей территории Севера, Сибири и Дальнего Востока РСФСР были образованы национальные районы («районы освоения»). В 1930 г. созданы 8 национальных округов и 8 национальных районов; в 1980 г. оставлены только семь округов, переименованных в автономные округа: Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Эвенкийский, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Чукотский, Корякский.

В 1990-е гг. автономные округа стали субъектами Федерации; затем часть из них была вновь введена в состав прежних административно-территориальных образований, что позволило государству ликвидировать Эвенкийский АО и Таймырский АО. Сейчас коренные жители требуют восстановления Таймырского АО (Инф. бюллетень АКМНСС и ДВ РФ, 05.11.08).

Основные проблемы, возникающие в наши дни у коренных народов Севера при взаимоотношениях с органами государственной власти России по поводу исторически принадлежащих им земель (территорий), уже анализировались автором и его коллегами ранее (Богословская, Павлов, 1999; Богословская и др., 2000; и др.). Ниже приведены юридические основания для справедливого решения этого вопроса.

1. В статье 9 Конституции РФ определены две правовые нормы в отношении земли.

Часть первая гласит: «Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». Часть вторая рассматривает землю как объект собственности и устанавливает многообразие форм собственности на нее.

Следовательно, статья 9 требует различать отношение к земле как к природному ресурсу – основе жизни и как к имуществу.

Принципиально важно, что норма о земле как природном ресурсе предшествует норме о земле как имуществе, т.е. установлен определенный приоритет, означающий, что земельные участки находятся в гражданском обороте в ином порядке, нежели другие виды имущества.

Это положение закреплено в части 2 статьи 36, в которой собственность на землю и другие природные ресурсы ограничена двумя условиями: задачей сохранения окружающей среды и правами и законными интересами иных лиц, к которым относятся и коренные малочисленные народы.

Особо следует подчеркнуть, что *земля как объект использования и охраны и земельный участок как предмет права собственности и иных имущественных прав – разные правовые явления.*

Если статьи 9 и 36 Конституции имеют отношение ко всем гражданам России, то для определенных групп населения введены специальные конституционные нормы, обеспечивающие сохранение их самобытности.

2. Статья 69 Конституции РФ гласит:

«Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации».

На основании данной статьи наше государство должно признавать все принципы и нормы международных правовых актов даже в тех случаях, когда они не ратифицированы или не подписаны органами федеральной власти, т.е. это должно иметь место в отношении Конвенции № 169 МОТ и тем более – Декларации ООН о правах коренных народов.

3. Пункт «м» части 1 статьи 72 Конституции РФ:

«В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся:

м) защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей».

Можно полагать, что в свете данной конституционной нормы «исконная среда обитания» для коренных народов Севера это:

а) *земля родного селения*, которая обеспечивает кровнородственные, социальные и этнокультурные связи с сородичами, предками и будущими поколениями как возможность осуществления процессов генетической и культурной преемственности во всей их полноте;

б) *земли, где захоронены предки* и где рассчитывают быть похороненными ныне живущие;

в) *священные земли* — важнейшие материальные эзотерические объекты духовной культуры каждого из коренных малочисленных народов;

г) *заповедные земли*, которые обеспечивают сохранение природной среды и традиций взаимоотношения людей и природы.

Виды земель, перечисленные в пунктах а), б), в), г), безусловно, не являются объектами собственности и имущественных отношений в современном понимании.

Более того, земля выступает здесь даже не как природный ресурс, а в качестве совершенно особого фундаментального компонента природного, историко-культурного и духовного наследия каждого народа, или его «исконной среды обитания».

Печальный опыт сселения и переселения маленьких национальных поселков Севера в 1940-х – 70-х годах показал, что без этих видов земель быстро деградируют и разрушаются не только природное и историко-культурное наследие народов Севера, но и сами эти народы как самобытные этнические общности.

д) Охотничьи угодья, рыбопромысловые участки, олени пастбища, традиционные транспортные пути и маршруты кочевков, резервные земли также входят в «исконную среду обитания».

На первый взгляд, отношения коренных северян по поводу этой категории земель ближе всего к современным имущественным отношениям. Однако принципиально важно то, что коренные малочисленные (аборигенные) народы никогда не знали частной собственности на землю, промысловые угодья, как и на любые другие виды природных ресурсов. Собственностью являлось только то, что произведено и добыто самими людьми – орудия труда, домашние олени, промысловые звери, собранные растения.

Закрепление земель за родом или семьей имело скорее характер общественного договора, традиции, чем жесткой правовой нормы. Земли одной этнотерриториальной группы аборигенов всегда «проницаемы» для других таких же групп, если последние испытывают трудности в природопользовании на своей земле (Сопочина, 1998).

Территориальные отношения между разными группами коренных народов традиционно осуществляются на основе договора, составляющего фундамент обычного права северных этносов.

4. Пункт 3 статьи 68 Конституции РФ:

«Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития».

Родной язык – базовый компонент традиционного образа жизни, обеспечивающий у бесписьменных народов живую связь между поколениями, передачу «из уст в уста» традиционных знаний, обычаев и обрядов от поколения к поколению. Без него невозможно в полной мере овладеть всем массивом традиционных знаний, включающим обширнейшую профессиональную лексику.

По мере развития системы Федерального законодательства РФ права коренных малочисленных народов на земли (территории) всё более и более урезаются (Постников и др., 2007). Так, при внесении дополнений и изменений в Земельный кодекс РФ из статьи 20 исключено право этих народов, лиц из числа коренных малочисленных народов и их объединений на безвозмездное бессрочное пользование землями (земельными участками) любых категорий для целей традиционного природопользования и ведения традиционного образа жизни.

В то же время эти нормы присутствуют в ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» и ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», но в реальной жизни для органов государственной и муниципальной власти эти законы, как и приведенные выше статьи Конституции РФ, не существуют.

Пункт 7 статьи 1 Земельного кодекса закрепляет принцип платности земли, согласно которому любое использование земли осуществляется за плату, за исключением случаев, установленных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

Кроме урезания конституционных прав коренных народов, в наше время практикуется и прямой захват оленьих пастбищ и традиционных охотничьих угодий вместе с проживающими на них представителями коренных народов, которых просто не информируют о том, что их земли выставлены на аукционы (Инф. бюллетень АКМНСС и ДВ РФ от 02.12.08; и др.).

Таким образом, конституционные права коренных народов на исконную среду обитания, прежде всего, на исторически принадлежащие им земли (территории), с каждым годом становятся всё прозрачней. Обычное право коренных народов регулирует земельные отношения только в области использования и охраны земли как природного ресурса – основы жизни, что соответствует части 1 статьи 9 Конституции РФ, но не в области права собственности и иных имущественных прав. В силу этого народы Севера оказались беззащитными перед новопоселенцами-собственниками, не признающими общественный договор и нормы обычного права.

Права коренных малочисленных народов Севера на историко-культурное наследие как часть территориальных прав

Коренные народы живут на территориях, имеющих не только природную, но и большую культурную ценность, обычно связанную с происхождением и историей этносов. В пределах таких территорий находятся:

- а) археологические и исторические памятники разных эпох и народов;
- б) места захоронения предков современных жителей;
- в) священные земли и объекты природы, обеспечивающие духовные и религиозные потребности народов Севера.

Все вышеперечисленное принято называть *культурными ресурсами* территорий, они являются составной частью более широкого понятия – *культурное наследие*, куда входят также живые культурные традиции, включающие в себя традиционные знания народов. Особыми объектами культурного и одновременно природного наследия являются культурные ландшафты и аборигенные домашние животные. Этих животных следует рассматривать как существенный вклад коренных народов в биологическое разнообразие северных экосистем, имеющих обедненный видовой состав наземных млекопитающих. Многие государства мира объявили аборигенных домашних животных национальным достоянием и строго регламентируют их вывоз за границу.

В международной практике на объекты своего культурного наследия коренное население имеет особые права. Сейчас в большинстве стран без разрешения коренных жителей нельзя проводить изучение памятников истории этих народов, прежде всего, вскрывать захоронения предков, посещать священные места и собирать оставленные там предметы – это общепринятая международная этическая норма взаимоотношения ученых и коренных жителей. Опыт зарубежных стран и некоторых российских регионов убедительно показывает, что без активного и заинтересованного участия местного населения, прежде всего, коренных народов, невозможно обеспечить охрану, изучение и использование культурного наследия, в том числе сохранение живых культурных традиций. Необходимо также подчеркнуть, что поддержание традиционного природопользования является залогом сохранения как биологического, так и культурного разнообразия (Жушев, 2000).

Зарубежная практика соблюдения прав коренных народов Севера на земли и природные ресурсы и возможности ее применения в России

В мировой практике известно несколько вариантов удовлетворения территориальных претензий аборигенных народов, которые можно свести к двум – «скандинавскому» и «североамериканскому».

«Скандинавский» вариант складывался в течение столетий взаимодействия государства-патрона и покровительствуемых им саами, оленеводов и рыболовов. Территории, прежде всего – олени пастбища и рыбные реки, выделялись государством только тем, кто занимался традиционным хозяйствованием или мог им заняться по своему особому статусу – происхождению от предков-олeneводов и рыболовов.

«Североамериканский» вариант сложился в течение 30-50 последних лет на базе основных законов США и Канады и благодаря коллективным усилиям многих эскимосских и индейских племен Аляски и Канады.

На Аляске государство и народы выступают равноправными партнерами, которые взаимодействуют напрямую – на основе федерального закона 1971 г. «Акт об урегулировании претензий аборигенов» (ANCSA). В него были внесены существенные изменения и дополнения в 1976 и 1987 годах. По нему землей наделялись специально созданные этнотерриториальные корпорации (12 корпораций и особая территория федерального подчинения – «Самоуправление Северного Склона») при отказе коренных жителей от прав на все земли Аляски и выплате им за это солидной денежной компенсации.

В Канаде процесс разрешения территориальных споров между государством и племенами коренных жителей пошел по пути развития согласительных-договорных процедур, в которых участвовали власти Северо-Западных Территорий и федеральное правительство, с одной стороны, и земельные комитеты коренных жителей, с другой.

Опыт показал, что путь согласительных-договорных процедур, применяемых в Канаде, позволяет государству и коренным жителям гораздо ближе подходить друг к другу и гораздо эффективнее решать кон-

фликты шаг за шагом. Именно канадский вариант выбрали аборигены и государственные власти Австралии, приступившие к решению территориальных споров позже США и Канады.

В России самые острые проблемы возникают у коренных народов при взаимодействии с промышленными компаниями, осваивающими минеральные ресурсы. Примером этому является многолетнее противостояние коренных народов и нефтегазовых компаний в Ямало-Ненецком АО, Ханты-Мансийском АО и Сахалинской обл.

У государственных органов власти нет стремления к урегулированию этих конфликтных ситуаций на законодательном уровне, поэтому как кому повезет – какой из народов окажется более напористым и стойким, тот сможет больше вытребовать от компаний. Американские, канадские, норвежские и другие зарубежные компании, сдерживаемые у себя на родине обширным законодательством в области охраны окружающей среды и прав коренных народов, в России сначала пытаются осуществлять все производственные процессы самыми дешевыми и экологически опасными методами. Затем, по мере нарастания сопротивления со стороны коренных народов и экологических организаций, они понемногу отступают, но при ослаблении реакции всегда готовы вернуться к первоначальным планам.

Наиболее частым способом, который используют органы власти совместно с промышленными компаниями, является специально создаваемая неинформированность коренных жителей и прямая их дезинформация о предстоящем освоении запасов минеральных ресурсов. Характерный пример – разведка урановых месторождений вблизи эскимосского села Новое Чаплино в Чукотском АО.

Можно констатировать, что Россия, имевшая веками накопленный опыт взаимодействия государства и коренных народов, в том числе такой великолепный нормативно-правовой документ как «Устав об управлении инородцев» М.М. Сперанского (1822), к сожалению, лишилась преемственности в развитии своих правовых институтов в области охраны образа жизни коренных народов. Современные органы государственной и муниципальной власти формально признают особые права этой группы народов, но в действительности все более и более удаляются от выполнения норм Конституции РФ и федеральных законов.

Заключение

Север (Арктика и Субарктика) все яснее осознается мировым сообществом как один из последних регионов планеты, где доля природных сообществ, не затронутых или мало освоенных человеком, еще высока. Общеизвестна необходимость пространственного разделения территорий с интенсивным промышленным и сельскохозяйственным производством, с одной стороны, и территорий с обширными нетронутыми или слабо трансформированными экосистемами, с другой стороны.

Решение этой проблемы в России возможно в рамках Паневропейской стратегии по сохранению биологического и ландшафтного разнообразия и других международных правовых актов, обеспечивающих создание и функционирование «экологических сетей». При этом для Российского Севера наиболее адекватными его современной социальной ситуации являются *формы особо охраняемых природных территорий (ООПТ), совмещающие охрану биологического разнообразия с соблюдением интересов и прав коренного населения*. В нашей стране такими формами ООПТ являются территории традиционного природопользования, для которых до сих пор не принят весь пакет нормативно-правовых документов, а также национальные парки и биосферные резерваты (в России – заповедники).

«Люди должны считаться частью биосферных резерватов. Люди являются существенно необходимым компонентом ландшафта, и их деятельность имеет основополагающий характер для его долгосрочного сохранения и надлежащего использования. Люди и их деятельность не исключаются из биосферного резервата; скорее они поощряются к участию в управлении им, и это обеспечивает более широкое социальное одобрение мероприятий по охране природы» (МКС программы «Человек и биосфера», 1984. С. 37. Цит. по Соколов и др., 1988).

При формировании современных правовых инструментов для удовлетворения законных требований народов Севера о сохранении своих прав на исторически принадлежащие им земли (территории) необходимо учитывать следующие положения.

1. Федеральное законодательство России построено по отраслевому принципу и в силу этого не может обеспечить полноценную защиту прав и интересов коренных народов Севера, которые всегда являются комплексными.

Обычное право этих народов основано на (1) целостном (неделимом) понимании мира и (2) договорных способах решения конфликтных ситуаций. Поэтому извлечение для правовой охраны того или иного явления/процесса из единого целого, каковым является традиционный образ жизни, невозможно без ущерба для сути дела. В определенной мере решить эту непростую этносоциальную и юридическую проблему помогло бы введение в современное законодательство ряда норм обычного права коренных народов.

В качестве примера упомянем специфику обычного права коренных народов Севера в отношении использования земель (территорий) и возобновляемых природных ресурсов.

Обширные территории традиционного расселения и хозяйственной деятельности всегда находились в коллективном ведении и распадалась на отдельные промысловые угодья и пастбища, которые на договорных отношениях закреплялись за разными пользователями (общинами, родами, семьями, артелями). В то же время различные виды ресурсов на одном угодье сезонно использовались (и используются) несколькими пользователями одновременно (например, оленеводами, рыболовами, охотниками и собирателями). Спорные ситуации разрешались на основе договоренности сторон.

2. Современная планетарная значимость территорий традиционного расселения и хозяйственной деятельности коренных (аборигенных) народов.

Эти участки ноосферы представляют особую ценность как последние регионы древних видов человеческой деятельности, сохранение которых необходимо как для поддержания многообразия форм и путей развития человечества (культурного разнообразия), так и биологического разнообразия нашей планеты. Соответствующие обязательства в отношении прав коренных народов и местных общин приняла на себя Россия, подписав в 1992 г. и ратифицировав в 1995 г. «Конвенцию по биологическому разнообразию» (ст. 8.j).

3. Группы малочисленных коренных народов Севера, практикующие традиционное природопользование, сохраняют биологическое разнообразие и в силу этого имеют общие интересы с природоохранными организациями.

Возможное и необходимое сотрудничество двух сторон может быть основано на взаимных интересах, поскольку традиционное природо-

пользование успешно существует лишь в относительно не нарушенных экосистемах. Это означает, что определенная группа законов может быть комплексной – направленной и на сохранение окружающей среды, и на защиту «исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей», к которым принадлежат коренные народы Севера.

Положения, рассмотренные выше, позволяют рекомендовать выделение нормативно-правовых документов по защите интересов коренных малочисленных народов Севера в отдельную область права и национального законодательства РФ. Для того чтобы развивать эту область, нужно провести инвентаризацию и систематизацию всех имеющихся материалов, относящихся к следующим проблемам:

- а) исторические права коренных народов Севера на занимаемые ими земли (территории);
- б) способы и формы традиционного природопользования;
- в) традиционные знания и опыт северных этносов в области сохранения биологического разнообразия и продуктивности освоенных ими биоценозов.

Литература

- Богословская Л.С.* Принципы традиционного природопользования коренного и старожильческого населения Севера // Красная книга народов. – М., 1999. Ч. 2. С. 66–72.
- Богословская Л.С., Кривондасова О.Л., Павлов П.Н., Мурашко О.А., Покровская И.В.* Концепция закона Ханты-Мансийского АО «О территориях традиционного природопользования // Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь, и Дальний Восток Российской Федерации / Ред.: Л.С. Богословская. – М.: Издание Государственной Думы РФ, 2000. С. 44–55.
- Богословская Л.С., Павлов П.Н.* Коренное население Российского Севера и современное законодательство в области природопользования и охраны окружающей среды // Человек и право. – М.: «Стратегия», 1999. С. 69–74.
- Высочайше утвержденный Устав об управлении инородцев. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXXVIII. 1822–1825 // Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации. Аналитические материалы, правовые акты / Ред.: Л.С. Богословская. – М.: Издание Государственной Думы РФ, 2000. С. 190–212.
- Декларация о правах коренных народов (ООН, 2007). – М.: Центр правовых ресурсов, 2007. 52 с.

- Жушев А.В.* Традиционное природопользование как фактор сохранения биологического и культурного разнообразия // Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации. Аналитические материалы, правовые акты / Ред.: Л.С. Богословская. – М.: Издание Государственной Думы РФ, 2000. С. 9–13.
- Информационный бюллетень АКМНСС и ДВ РФ от 05.11.08. www.raipon.org
- Информационный бюллетень АКМНСС и ДВ РФ от 02.12.08. www.raipon.org
- Козлов А.И., Вершубская Г.Г.* Медицинская антропология коренного населения Севера России. – М.: МНЭПУ, 1999. – 288 с.
- Конвенция о биологическом разнообразии (Встреча на высшем уровне по проблемам планеты Земля, 1992). Преамбула, ст. 8, 10.
- Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах № 169 (Международная организация труда, 1989).
- Международный координационный совет Программы «Человек и биосфера» (МАВ). Восьмая сессия. Заключительный доклад. – Париж, 1984. С. 37.
- Постников А.Е., Андриченко Л.В., Бандорин Л.Е.* Анализ федерального законодательства Российской Федерации о правах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на предмет соответствия международным стандартам. – М.: АКМНСС и ДВ РФ, 2007. 132 с.
- Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (Встреча на высшем уровне по проблемам планеты Земля, 1992). Принципы 1, 22, 23.
- Севильская стратегия для биосферных заповедников (ЮНЕСКО, Второй конгресс биосферных резерватов, 1995) // *Заповедное дело*. – М.: Комиссия по заповедному делу РАН, 1996. Вып. 1. С. 94–109.
- Система охраняемых природных территорий в Экологической программе Приморского края. – Владивосток: Биолого-почвенный институт ДВО АН СССР, 1989. Препринт. – 40 с.
- Соколов В.Е., Пузаченко Ю.Г., Гунин П.Д., Зыков К.Д.* Биосферные заповедники: цели и проблемы // *Природа*, 1988. № 1. С. 34–46.
- Сопочина А.С.* О чем думают в общине «Ханто». Мысли вслух. Стойбище Сопочиных, Сургутский район. – Сургут: ИИЦ Сургутского Гос. университета, 1998. – 15 с.

Приложение

Международные акты, систематически нарушаемые в отношении прав коренных малочисленных народов Севера РФ на земли (территории) и природные ресурсы

КОНВЕНЦИЯ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕНОЦИДА И НАКАЗАНИИ ЗА НЕГО

Принята и предложена для подписания, ратификации и присоединения резолюцией 260 А(III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г.

Вступила в силу 12 января 1961 г.

Ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР 18 марта 1954 г.

Извлечение

Статья II.

В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, как таковую:

с) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее.

Статья III.

Наказуемы следующие деяния:

- а) геноцид;
- д) покушение на совершение геноцида;
- е) соучастие в геноциде.

ДЕКЛАРАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ ДЛЯ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ВЛАСТЬЮ

*Принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН
без голосования 29 ноября 1985 г.*

Извлечение

В. Жертвы злоупотребления властью

18. Под термином «жертвы» понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, еще не представляющего собой нарушения национальных уголовных законов, но являющегося нарушением международно признанных норм, касающихся прав человека.

Основные публикации Л.С. Богословской по Чукотке, Российскому Северу и проблемам Арктики (1979–2015)

Монографии, коллективные труды, альбомы и тематические сборники

- Богословская Л.С. (отв. ред., авт.). Проблемы экологии полярных областей. — М.: Наука, 1991. Вып. 2. — 126 с.
- Freeman M., Bogoslovskaya L.S, Caulfield R., Egede I., Krupnik I., Stevenson M. Inuit, Whaling, and Sustainability. — Walnut Creek, AltaMira Press, 1998. — 208 pp.
- Богословская Л.С. (сост., ред., авт.). Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации. — М.: Изд. Гос. Думы РФ, 2000. — 224 с.
- Богословская Л.С. Киты Чукотки. Пособие для морских охотников. — М.; PROVIDENCIA; Анадырь: Институт Наследия, 2003. — 324 с.
- Богословская Л., Слугин И., Загребин И., Крупник И. (сост., ред., авт.). Основы морского зверобойного промысла: Научно-методическое пособие. — М.: Институт Наследия, 2007. — 480 с.
- Богословская Л.С., Кривощёков В.С., Крупник И.И. (сост., ред., авт.). Тропюю Богораза. Научные и литературные материалы. — М.: Институт Наследия, 2008. — 354 с.
- Богословская Л.С. (сост., ред., авт.). НАДЕЖДА — гонка по краю земли. О великой арктической гонке, каюрах Чукотки и их верных друзьях, ездовых собаках. — М.; Анадырь: Институт Наследия, 2011. — 112 с.
- Богословская Л.С., Крупник И.И. (сост., ред., авт.). Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки. — М.: Институт Наследия, 2013. — 360 с.
- Богословская Л.С. Коренные народы Российского Севера в условиях глобальных климатических изменений и воздействия промышленного освоения // Библиотека коренных народов Севера. Вып. 16. — М.: ЦС КМНС, 2015. — 134 с.
- Bogoslovskaya L.V. (comp., ed.). Nadezhda — Race on the Edge of Land / Translation by V. Beregovoi and P. Aleinikov. — Moscow and Anadyr: Russian Heritage Insitute, 2015. — 124 p.

Важнейшие научные и научно-популярные статьи

1979

- Богословская Л.С., Лемберг А.А. Морфология головного мозга серых китов // Материалы всесоюзной конференции «Состояние и перспективы развития морфологии: материалы к всесоюз. совещ.» — М., 1979. С. 238–239.
- Богословская Л.С., Членов М.А., Юрцев Б.А. Острова пролива Сенявина — уникальный природно-куль-

турный комплекс // Природа, 1979. № 9. С. 91–97.

1980

Богословская Л.С., Вотрогов Л.М. Рекомендации по морскому зверобойному промыслу на Чукотке // Комплексное экономическое и социальное развитие Магаданской области в ближайшей и долгосрочной перспективе: Тезисы докладов. — Магадан, 1980. С. 111–113.

Богословская Л.С., Вотрогов Л.М., Крупник И.И. О возможности возобновления местного промысла гренландского кита на Чукотке // Комплексное экономическое и социальное развитие Магаданской области в ближайшей и долгосрочной перспективе: Тезисы докладов. — Магадан, 1980. С. 114–116.

Votrogov L.M. and L.S.Bogoslovskaya. Gray Whales off the Chukotka Peninsula // Report of Intern. Whal. Commn. 30, SC/31/Doc 55, 1980. Pp. 435–437.

1981

Богословская Л.С., Вотрогов Л.М. Массовые зимовки птиц и китов в полыньях Берингова моря // Природа, 1981. № 11. С. 42–43.

Bogoslovskaya L.S., Votrogov L.M., and T.N. Semenova. Feeding habits of the Gray Whales off Chukotka // Report of Intern. Whal. Commn. 31, 1981. Pp. 507–510/

1982

Bogoslovskaya L.S., Votrogov L.M., Krupnik I.I. The Bowhead Whale of Chukotka: Migrations and Aboriginal Whaling // Report of Intern. Whal. Commn. 32, 1982. Pp. 391–399.

Bogoslovskaya L.S., Votrogov L.M., Semenova T.N. Distribution and feeding of gray whales off Chukotka in the summer and autumn of 1980 // Report of Intern. Whal. Commn. 32, 1982. Pp. 385–389.

1983

Krupnik, I.I., Bogoslovskaya, L.S., Votrogov, L.M. Gray Whaling off the Chukotka Peninsula: Past and Present Status // Report of Intern. Whal. Commn. 33, 1983. Pp. 557–561.

1984

Богословская Л.С., Вотрогов Л.М., Крупник И.И. Гренландский кит в водах Чукотки. История и современное состояние популяции // Морские млекопитающие. — М.: Наука, 1984. С. 191–212.

Yablokov A.V. and L.S.Bogoslovskaya. A review of Russian research on the biology and commercial whaling of the gray whale // The Gray Whale (*Eschrichtius robustus*) / Eds.: M.L. Jones, S.L. Swartz and S. Leatherwood. — Orlando, FL: Academic Press, 1984. Pp. 465–485.

1988

Богословская Л.С. Байдарочка и летящая птица // Вокруг света, 1988. № 6. С. 33–36.

1989

Богословская Л.С. Охотники Берингова пролива // Вокруг света, 1989. № 6. С. 36–42.

1990

Богословская Л. Международный парк в Берингии. Комментарий специа-

листа // Полярник, август 1990, с. 3. Провидения.

1991

Богословская Л.С., Калякин В.Н., Крупник И.И., Лебедев В.В., Пика А.И. Традиционное природопользование в жизни народов Арктики // Проблемы экологии полярных областей / Отв. ред. Л.С. Богословская. Вып. 2. — М.: Наука. С. 83–88.

1993

Bogoslovskaya L.S. 1993. List of the villages of the Chukotka Peninsula (2000 B.P. to present) // Beringian Notes, NPS, Alaska Region. V. 2. № 2. Pp. 2–11.

1994

[Богословская Л.С.]. Традиционное природопользование и хозяйство народов Севера // Неотрадиционализм на российском Севере / Отв. ред. А.И. Пика и Б.Б. Прохоров. — М.: Институт народно-хозяйственного прогнозирования, 1994. С. 95–116.

Bogoslovskaya L.S. Methods and approaches to the integration of Traditional Knowledge // Int. Sem. Integration of Indigenous Peoples Knowledge. — Reykjavik, 1994. Pp. 67–71.

1995

Богословская Л.С. Гренландские киты в морях Российской Арктики // Международная конференция по изучению и охране морских млекопитающих. — М., 1995. С.17.

1996

Богословская Л.С. Серый кит // Природа, 1996. № 12. С. 46–60.

Богословская Л.С., Кривондасова О.Л. Российская Арктика и экологиче-

ское право: международные и национальные аспекты // Российская Арктика на пороге катастрофы. — М.: Центр экологической политики России, 1996. С. 158–164.

1997

Bogoslovskaya L., Ainana L., Krupnik I., Mymrin N. The feasibility Study for the Quota of aboriginal Bowhead Whaling in Chukotka in 1998–2002 // Report of Intern. Whal. Commn. IWC/49, 1997. AS 1. Pp. 22.

Bogoslovskaya L, Aleinikov P, Safronov S. Nutritive value of Gray Whaling products // Role of Gray Whaling in the formation of the modern lifestyle of the indigenous population of Chukotka: Scientific Report for the International Whaling Commission, 1997 (Suppl. 3). Pp. 53–69.

1998

Konyukhov N.B., Bogoslovskaya L.B., Zvonov B.M., Van Pelt T.I. Seabirds of the Chukotka Peninsula. Russia // Arctic, 1998. V. 51. № 4. Pp. 315–329.

1999

Богословская Л.С. О ездовых собаках и не только о них // Друг, 1999. № 6. С. 6–10.

Богословская Л.С. Принципы традиционного природопользования коренного и старожильческого населения Севера // Красная книга народов. — М.: Федерация мира и согласия, 1999. Ч. 2. С. 66–72.

Богословская Л.С., Кривондасова О.Л., Павлов П.Н., Мурашко О.А., Покровская И.В. Концепция проекта закона Ханты-Мансийского АО «О территориях традиционного приро-

допользования» // Живая Арктика, 1999. № 1 (11). С. 17–21.

Богословская Л.С., Павлов П.Н. Коренное население Российского Севера и современное законодательство в области природопользования и охраны окружающей среды // Человек и право. — М.: ИЭА РАН, 1999. С. 69–74.

Krupnik I., Bogoslovskaya L. Old Records, New Stories. Ecosystem Variability and Subsistence Hunting in the Bering Strait Area // Arctic Research U.S., 1999. V. 13. Pp. 15–24.

2000

Богословская Л.С. Особенности традиционного природопользования народов Российского Севера // Проблемы традиционного природопользования: Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации. — М.: Изд. Гос. Думы РФ, 2000. С. 14–20.

Богословская Л.С., Кривондасова О.Л., Павлов П.Н., Мурашко О.А., Покровская И.В. Проект Федерального закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов и иных малочисленных этнических общностей Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Проблемы традиционного природопользования: Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации. — М.: Изд. Гос. Думы РФ, 2000. С. 56–65.

Богословская Л.С., Крупник И.И. Аборигенный промысел белухи на Дальнем Востоке // Морские млекопитающие Голарктики 2000. — Архангельск, 2000. С. 34–40.

2002

Богословская Л.С. Распределение и численность калифорнийских серых китов в водах России // Морские млекопитающие Голарктики 2002 / Ред. В.М. Белькович. — М., 2002. С. 41–42.

Богословская Л.С. Структура чукотско-берингоморского стада гренландских китов // Морские млекопитающие Голарктики 2002 / Ред. В.М. Белькович. — М., 2002. С. 39–41.

2003

Bogoslovskaya L.S. The Bowhead Whale off Chukotka: Integration of Scientific and Traditional Knowledge // Indigenous Ways to the Present. Native Whaling in the Western Arctic / Ed.: A.P. McCartney. — Edmonton: CCI Press, Studies in Whaling, 2003. Pp. 209–254.

2004

Богословская Л.С. Дай мне зиму и собачью упряжку, а остальное возьми себе // Северные просторы, 2004. № 1–2. С. 130–136.

Богословская Л.С. Подводные пахари // Северные просторы, 2004. № 1–2. С. 26–31.

Богословская Л.С., Веденин Ю.А. Российская «Берингия»: национальные и международные аспекты // «Дни Берингии». Межд. конф. 18–21.09. 2003. — М.: «Советский спорт», 2004. С. 10–22.

[Л.Б.] Они дают нам спокойствие // Северные просторы, 2004. № 1–2. С. 101–103.

[Л.Б.] Уважаемый вкусный и полезный кит! // Северные просторы, 2004. № 1–2. С. 98–100.

Шесть тетрадей Айвангу. Предисловие и публикация Л.С. Богословской // Северные просторы, 2004. № 1–2. С. 46–49.

Bogoslovskaya, L Dog Sledge in Northern Eurasia // Encyclopedia of the Arctic / Ed.: M. Nuttall. — N.Y. and London, 2005, V. 1, Pp 501–502.

2006

Богословская Л.С. Ездовые собаки народов Берингии // Берингия — мост дружбы / Отв. ред. Л.А. Николаев. — Томск: Изд-во ТГПУ, 2006. С. 22–26.

Богословская Л.С. Традиционные поселения и культовые памятники морских охотников Чукотского полуострова // Берингия — мост дружбы / Отв. ред. Л.А. Николаев. — Томск: Изд-во ТГПУ, 2006. С. 27–30.

Богословская Л.С. Чукотская ездовая // Вестник РКФ, 2006. № 4 (57). С. 24–26.

2007

Крупник И.И., Богословская Л.С. Изменение климата и народы Арктики. Проект СИКУ в Берингии // Экологическое планирование и управление, 2007. № 4(5). С. 77–84.

2008

Айнана Л., Богословская Л.С. Традиционная пища азиатских эскимосов и приморских чукчей. Чаплинские эскимосы // Тропую Богораза / Сост., ред.: Л.С. Богословская, В.С. Кривощёков, И.И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2008. С. 175–177.

Богословская Л.С., Андреева Е.Н. Влияние глобальных изменений климата на биоту и условия жизни коренных народов Восточной Чукотки // Бюлл.

МПГ 2007–2008. Вып. 20, С. 5–7.

Богословская Л.С., Вдовин Б.И., Голбцева В.В. Изменения климата в регионе Берингова пролива. Традиционные и научные знания // Экологическое планирование и управление, 2008. № 3–4 (8–9). С. 36–48.

Богословская Л.С., Крупник И.И. Традиционный морской промысел Чукотки на рубеже веков: Смена поколений // Тропую Богораза / Сост., ред.: Л.С. Богословская, В.С. Кривощёков, И.И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2008. С. 166–174.

Богословская Л.С., Крупник И.И., Вдовин Б.И. Коренные народы Российской Берингии // Тропую Богораза / Сост., ред.: Л.С. Богословская, В.С. Кривощёков, И.И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2008. С. 207–217.

Крупник И.И., Богословская Л.С. Международный Полярный Год 2007–2008. Проект СИКУ на Аляске и Чукотке // Берингия — мост дружбы. — Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. С. 205–213.

Теин Т., Леонтьев В.В., Богословская Л.С. Традиционная пища азиатских эскимосов и приморских чукчей. Наканские эскимосы и чукчи Уэлена: использование продукции китобойного промысла // Тропую Богораза / Сост., ред.: Л.С. Богословская, В.С. Кривощёков, И.И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2008. С. 177–178.

2009

Богословская Л.С. Традиционные знания народов Севера: проблемы сохранения, передачи и интеграции с научными знаниями // Берингия —

мост дружбы. Материалы Международной научно-практической конференции. — Томск: ТГПУ, 2009. С. 6–11 (англ. вариант — с. 12–17).

Богословская Л.С., Кондратьев К.С. Гонки на собачьих упряжках — один из путей сохранения материальной культуры ездового собаководства коренных народов Камчатки и Чукотки, российской части «Берингии» // Берингия — мост дружбы. Материалы Международной научно-практической конференции. — Томск: ТГПУ, 2009. С. 240–243 (англ. вариант — с. 244–247).

Bogoslovskaya L.S. 2009. Contribution of Russian Specialists to the Study of Bering Strait Region // Alaska Park Science. Park Science in the Arctic, 2009. V. 8. Iss. 2. Pp. 85–89.

2010

Богословская Л.С., Голбцева В.В. // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России: Тезисы докладов первой Международной научно-практической конф. (СПб, 27–30.10.2010). — Калининград: Терра Балтика, 2010. С. 244–245.

Богословская Л.С., Голбцева В.В., Шаларёв А.А. 2010. Судьба традиционных морских культур Российской Арктики // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России: Материалы первой Международной научно-практической конф. (СПб, 27–30.10.2010). — Калининград: Терра Балтика, 2010. С. 348–357.

Спиридонов В.А., Богословская Л.С., Супруненко Ю.С. Морские и приморские культурные ландшафты Беломорья и Чукотки как компоненты природно-культурного морского

наследия России // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России. Материалы первой межд. научно-практ. конф. (СПб, 27–30.10.2010). — Калининград: Терра Балтика, 2010. С. 442–453.

2011

Богословская Л.С. Права поморов на исторически занимаемые территории и традиционно используемые природные ресурсы // Беломорье: нить времён: Материалы Форума 25–26.09.2010. — Петрозаводск: VERSO, 2011. С. 122–129.

2012

Богословская Л.С., Супруненко Ю.С., Спиридонов В.А. Краеведение и локальные культуры народов Севера // Балагуровские чтения: материалы краеведческой конференции (Беломорск, 22 октября 2012). — Беломорск: Центр поморской культуры, 2012. С. 16–21.

2013

Голбцева В.В., Нувано В.Н., Богословская Л.С. Роль современных технических средств в сохранении культурного и языкового разнообразия коренных народов Чукотки // Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве: Сборник материалов II Международной конференции (Якутск, 12–14 июля 2011 г.) / Сост.: Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. — М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2013. С. 362–368.

[Bogoslovskaya L., Vdovin B., Krupnik I.] Case study: The ice culture of the Bering Strait and coastal Chukchi Peninsula //

Life Linked to Ice. A Guide to sea-ice-associated biodiversity in this time of rapid change / CAFF Assessment series. No.10. Akureyri, 2013. P. 63.

2014

Богословская Л.С. Будущее российской Арктики — система культур или сумма технологий? // Культура Арктики / Ред.: У.А. Винокурова. — Якутск: ИД СВФУ, 2014. Вып. 1. С. 123–137.

Препринты, отчеты

Вольфсон А.Г., Соловечук Л.Л., Леонтьев В.В., Богословская Л.С. Роль промысла серого кита в формировании современного образа жизни коренных народов Чукотского автономного округа // Доклад для Международной китобойной комиссии. — Магадан: ИБПС ДВО АН СССР, 1985. Препринт. — 263 с.

Богословская Л.С., Красилов В.А. (научные руководители). Техничко-экономическое обоснование создания комплекса особо охраняемых территорий и акваторий в районе Берингова пролива. — СПб: Ленгипрогор Госкомархстроя РСФСР, 1991. Препринт. — 273 с.

Айнана Л., Мымрин Н., Богословская Л. Роль общества эскимосов Чукотки в развитии традиционного природопользования коренных жителей Чукотки. Результаты береговых наблюдений 1994 года распределения гренландских китов (*Balaena mysticetus*) в прибрежных водах юго-восточной части Чукотского полуострова (Россия) в 1994 году. Отчет подготовлен для Department of Wildlife Management North Slope Borough, Box 69 Barrow, Alaska USA,

март 1995 г. — 254 с. (на русском и английском языках).

Bogoslovskaya L.S. Role of Whaling in the modern Life of Eskimos and Chukchi in Eastern Chukotka. Report to ICC (Inuit Circumpolar Conference), 1996. Preprint. — 145 pp.

Айнана Л., Мымрин Н., Ветер О., Богословская Л. Роль общества эскимосов Чукотки в развитии традиционного природопользования коренных жителей Чукотки. Результаты береговых наблюдений 1995 года распределения гренландских китов (*Balaena mysticetus*) в прибрежных водах юго-восточной части Чукотского полуострова (Россия) в 1995 году. Отчет подготовлен для Department of Wildlife Management North Slope Borough, март, 1997а. — 220 с. (на русском и английском языках).

Айнана Л., Мымрин Н., Богословская Л., Ветер О. Роль общества эскимосов Чукотки в развитии традиционного природопользования коренных жителей Чукотки. Результаты береговых наблюдений 1996 года распределения гренландских китов (*Balaena mysticetus*) в прибрежных водах юго-восточной части Чукотского полуострова (Россия) в 1996 году. Отчет подготовлен для Department of Wildlife Management North Slope Borough, март, 1997б. — 240 с. (на русском и английском языках).

Богословская Л.С., Кривондасова О.Л., Павлов П.Н. Проекта закона Ханты-Мансийского АО «О территориях традиционного природопользования». — М., 1998. — 23 с.

Krupnik I., Bogoslovskaya L. Ecosystem Variability and Anthropogenic

- Hunting Pressure in the Bering Strait Area // Project Report under the Grant from NOAA-CIFAR, 1998. — 171 pp.
- Богословская Л.С., Вдовин Б.И. О создании национального парка в регионе Берингова пролива в качестве российской части международного парка «Берингия» // Препринт к Парламентским слушаниям по организации российской части международного парка «Берингия». — М., 2005. — 4 с.
- Богословская Л.С. 2008. Традиционные знания коренных народов Севера России в области сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия. Аналитический обзор состояния проблемы. Доклад для Министерства природных ресурсов РФ. Препринт, 2008. — 36 с.
- Богословская Л.С. (с участием А. Апалю, Р. Армаыргына, Б.И. Вдовина, В.В. Голбцевой, Е.А. Добриевой, И.А. Загребина, С. Кавры, И.И. Крупника). Изменения климата в регионе Берингова пролива: Интеграция традиционных и научных знаний. Материалы 1999, 2006–2008 гг. — М.: Институт Наследия, 2008. — 72 с.
- Богословская Л.С. Коренные народы Российского Севера в условиях глобальных климатических изменений и воздействий промышленного освоения. Отчет по проекту «Коренные малочисленные народы Севера и изменение климата: от сбора данных к реальным планам адаптации». — М., 2013. — 46 с.
- Богословская Л.С., Вронский Н.В., Князева С.Ю., Крупник И.И., Мурашко О.А. Коренные народы Крайнего Севера: традиционные знания, культура и окружающая среда. Адаптация к изменениям климата: традиционные знания коренных народов Арктики и Крайнего Севера. — М., 2013. Отчет Российского отделения ЮНЕСКО, 17 с. http://ru.iite.unesco.org/courses/climate_change/module.html#/1/65/
- Богословская Л.С., Крупник И.И. Морские зверобой Чукотки. Адаптация к изменениям климата: традиционные знания коренных народов Арктики и Крайнего Севера. — М., 2013. Отчет Российского отделения ЮНЕСКО, 53 с. http://ru.iite.unesco.org/courses/climate_change/module.html#/1/65/

Коротко об авторах

Апалю Артур Вячеславович — профессиональный морской охотник, проживает в с. Янракиннот Провиденского р-на Чукотского АО. Работает инспектором национального парка «Берингия» (с 1999 г.); наблюдает обширный участок от пролива Сенявина до Мечигменской губы, включая прилегающую тундру. Является одним из лучших знатоков края. Работал наблюдателем в международных программах по мониторингу китов и тихоокеанского моржа. Участник проекта СИКУ по программе Международного полярного года 2007–2008; автор словаря ледовых терминов чукчей Янракиннота.

Аронова Лидия Николаевна — метеоролог. Родилась и выросла в Ставропольском крае. Закончила Туапсинский морской гидрометеорологический техникум (1976). После окончания три года работала авиационным метеорологом в пос. Чумикан на берегу Охотского моря. С мая 1980 г. живёт в посёлке Лаврентия на Чукотке, работает на районной авиаметеорологической станции. С 1995 г. — начальник авиаметеорологической станции в пос. Лаврентия.

Ачиргина Татьяна Юрьевна — журналист, общественный деятель, писательница. Родилась в с. Марково; окончила Уральский университет, факультет журналистики (1965). Работала на радио, публиковалась в центральной и местной прессе, поэтических альманахах и сборниках; книга стихов «Белоночь» (1982). Живет в Анадыре. Активный участник национального движения коренных народов Чукотки. Создатель и многолетний руководитель организации эскимосов Чукотки «Инуитский приполярный совет Чукотка»; член правления «Инуитского приполярного совета. Председатель эскимосского национально-культурного центра «Киягнык» (жизнь) (1996–2010).

Богословская Людмила Сергеевна (1937–2015, г. Москва) — доктор биологических наук; специалист по экологии морских млекопитающих и традиционным культурам Российской Арктики. Окончила

МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1993–2015 гг. возглавляла Центр изучения традиционной культуры природопользования Российского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (г. Москва). Более 40 лет проработала в Арктике. Автор многих книг и статей по нейроморфологии, животному миру и культурам эскимосов и чукчей.

Боровик Александр Григорьевич — родился в эскимосском селе Наукан (1954), вырос в пос. Провидения. Работал шофером, вездеходчиком Провиденской районной охотинспекции. С 1999 г. старший государственный инспектор парка «Берингия» по участку юго-восточной Чукотки, от острова Аракамчечен до лагуны Имтук. Участник проекта «СИКУ» по программе Международного полярного года; опытный наблюдатель за изменениями окружающей среды и прекрасный фотограф. Живет в пос. Провидения.

Бронштейн Михаил Мокович — специалист по древним культурам и изобразительному искусству народов Сибири и Арктики. Кандидат исторических наук (1991), главный научный сотрудник отдела Кавказа, Средней Азии и Сибири Государственного музея Востока (Москва), хранитель музейной коллекции «Искусство Северной Азии».

В 1970-х–1980-х гг. проводил этнографические исследования на Таймыре, в Якутии, на Чукотке; в 1987–2002 гг. участник международной археологической экспедиции, проводившей раскопки древнеэскимосских памятников в районе мыса Дежнёва.

Васюков Дмитрий Дмитриевич — биолог, археозоолог. Окончил Биологический факультет МГУ (2012). Будучи школьником, попал в лабораторию исторической экологии Института проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, где работает в настоящее время. В студенческие годы начал исследовать древних собак Арктики. Участвовал в двух археологических экспедициях на северо-востоке Чукотки. Позже расширил ареал исследования древних собак, работал на археологических памятниках в Египте, Эфиопии и на Алеутских островах.

Вахтин Николай Борисович — лингвист-северовед, доктор филологических наук (1992), профессор факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Занимался эскимосскими, алеутским, юкагирским языками, автор грамматик, словарей и учебников по этим языкам. Специализировался по социолингвистике, изучал языковые ситуации на Крайнем Севере; автор работ по социолингвистике, культурной антропологии Севера, истории североведения. В настоящее

время руководит программой по социальным исследованиям Арктики в Европейском университете в Санкт-Петербурге.

Вдовин Борис Иннокентьевич — закончил Ленинградский гидрометеорологический институт; работал инженером-синоптиком, сотрудником Главной геофизической обсерватории им. А. И. Воейкова, института Ленгипрогор, Российского института культурного и природного наследия. В 1990–1992 гг. возглавлял работу по Техничко-экономическому обоснованию российской части международного парка «Берингия». Директор регионального природно-этнического парка «Берингия» в 2003–2006 гг. Участник проекта «СИКУ» по программе Международного полярного года; автор статей об исторических изменениях климата Чукотки.

Веденин Юрий Александрович — географ, специалист по рекреационной географии, географии искусства, теоретическим и прикладным вопросам охраны и использования культурного и природного наследия. Закончил Московский лесотехнический институт (1960), доктор географических наук (1982). Работал в Институте географии АН СССР; в 1992 г. создал и до 2013 г. возглавлял Российский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва. Заместитель председателя Союза краеведов России; председатель правления Общества изучения русской усадьбы.

Вершубская Галина Григорьевна — биолог, медицинский антрополог. Сотрудник лаборатории антропоэкологии НИИ и музея антропологии МГУ (Москва). Член Европейской антропологической ассоциации (ЕАА). Области научных интересов: медицинская и биологическая статистика, экология человека, медицинская антропология, влияние «модернизационного стресса» на здоровье. Автор (соавтор с А. И. Козловым) серии книг и статей о здоровье коренных жителей Севера. Работала в Восточной и Западной Сибири, на Дальнем Востоке, Чукотке, Кольском п-ове.

Вронский Никита Викторович — координатор проектов межрегиональной общественной организации «Центр содействия коренным малочисленным народам Севера». Закончил Биолого-почвенный факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1972), кандидат биологических наук. Область профессиональной деятельности: исследование животного мира и перспектив развития системы охраняемых природных территорий в Арктике и Субарктике,

поддержка общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России в современных условиях.

Голбцева Виктория Викторовна — научный сотрудник лаборатории истории и экономики СВКНИИ ДВО РАН. Родилась и выросла в с. Уэлен; окончила Магаданский педагогический институт по специальности учитель начальных классов; работала преподавателем чукотского языка в Уэленской школе. Занимается изучением народных экологических знаний; автор статей о культуре и традициях уэленских чукчей. Участвует в общественном движении по сохранению чукотского языка и культурного наследия; участник проекта СИКУ.

Голубева Татьяна Борисовна — орнитолог, физиолог, гистолог, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры зоологии позвоночных Биофака МГУ имени М. В. Ломоносова. Занимается развитием слуха и зрения птиц, формированием раннего поведения эндотермных животных (птиц и млекопитающих). Работала в экспедициях на Белом море и на Чукотке. Совместно с Л. И. Барсовой, В. Д. Анисимовым, Ларисой Ивановной и Людмилой Тулюкак не раз бывала в покинутом поселке Наукан на мысе Дежнёва.

Етылин Владимир Михайлович — общественный и политический деятель. Родился в селе Омолон. Окончил Приморский сельскохозяйственный институт и Хабаровскую высшую партийную школу. Был на советской и партийной работе; избирался депутатом Чукотской Думы. Был депутатом Государственной Думы РФ третьего созыва. В 1990-е гг. работал заведующим лабораторией традиционного природопользования Научно-исследовательского центра «Чукотка» Дальневосточного отделения РАН. Был среди учредителей Союза оленеводов России, Содружества общин КМНС и других федеральных и региональных общественных организаций народов Севера.

Загребин Игорь Александрович — сотрудник Музея берингийского наследия в пос. Провидения (с 1994 г.). Окончил Московский государственный педагогический институт по специальности учитель географии и английского языка. На Чукотке с 1982 г.; работал учителем географии, директором школы в с. Новое Чаплино, сотрудником природно-этнического парка «Берингия» (с 1998 г., в 2011–2013 гг. — директор парка). В 1990–2000-х гг. участвовал в международных проектах по мониторингу морских млекопитающих Чукотки и в проекте СИКУ.

Зорина Зоя Александровна — биолог, специалист по высшей нервной деятельности, доктор биологических наук (1993). Профессор, зав. лабораторией физиологии и генетики поведения кафедры ВНД биологического факультета МГУ, заслуженный научный сотрудник МГУ. Окончила биолого-почвенный факультет МГУ имени М. В. Ломоносова (1963). Специализируется в области изучения мозга и поведения птиц; автор (соавтор) пяти монографий по генетике поведения, этологии и мышлению животных.

Калюжина Наталья Ивановна — сотрудник национального парка «Берингия» (пос. Провидения). Закончила Тамбовский педагогический институт по специальности учитель английского языка. На Чукотке с 1985 г.; работала учителем в школе села Энмелен, учителем, завучем, директором школы села Новое Чаплино, сотрудником Провиденского краеведческого музея, директором регионального природно-этнического парка «Берингия» (2006–2011). Участник проекта СИКУ по программе Международного полярного года 2007–2008.

Козлов Андрей Игоревич — медицинский антрополог, специалист по экологии человека, здоровью и питанию жителей Севера. Окончил Пермский медицинский институт (1977). Доктор биологических наук (2004), кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник лаборатории антропоэкологии НИИ и музея антропологии МГУ (Москва). Член Европейской антропологической ассоциации (ЕАА), Международной сети исследователей здоровья в приполярных регионах (INCHR). Руководитель научных проектов в рамках Международного полярного года (2007–2008), Международного арктического научного комитета (2003–2005). Автор 150 научных публикаций.

Кочнев Анатолий Анатольевич — биолог, специалист по крупным млекопитающим (белый медведь, морж, тюлени), кандидат биологических наук. Вся профессиональная деятельность с 1980-х гг. связана с Чукоткой. Работал в инспекции «Охотскрыбвода», государственном заповеднике «Остров Врангеля», Чукотском филиале ТИНРО, национальном парке «Берингия». Проводил длительные наблюдения за моржами и белыми медведями на о. Врангеля и северном побережье Чукотки. В настоящее время — научный сотрудник лаборатории экологии млекопитающих Института биологических проблем Севера ДВО РАН. Живет в Анадыре.

Крупник Игорь Ильич — этнограф, эколог, специалист по традиционным культурам народов Севера, куратор арктических коллекций

Национального музея естественной истории Смитсоновского Института (г. Вашингтон, США). Выпускник географического факультета МГУ, доктор биологических наук (1990), кандидат исторических наук (1977). Автор и составитель многих книг, каталогов и сборников по природопользованию и сохранению культурного наследия жителей Севера, в том числе совместно с Л. С. Богословской. Инициатор и главный координатор проекта СИКУ в 2007–2010 гг.

Кулешова Марина Евгеньевна — исследователь культурных ландшафтов и особо охраняемых территорий России. Закончила Географический факультет МГУ (1983), кандидат географических наук (1989). Автор более 130 публикаций, соавтор книг «Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию» (2013), «Культурный ландшафт как объект наследия» (2004), автор пособия «Рекомендации по сохранению культурных ландшафтов в национальных парках» (1999). Сотрудник Института Наследия им. Д. С. Лихачёва (с 1992 г.), заведует Отделом культурного ландшафта и традиционного природопользования.

Леонова Валентина Григорьевна — педагог, лингвист, автор учебных пособий по преподаванию национальных языков Чукотки. Родилась в с. Нунымо. Окончила Магаданский педагогический институт по специальности учитель русского языка и литературы. В 1990-е гг. записала серию рассказов на науканском языке от своих соплеменников о жизни в Наукане, перевела на русский язык и выпустила в виде книги «Память о Наукане» (2014). Живет в Анадыре, работает в Чукотском институте развития образования и повышения квалификации.

Лисицына Татьяна Юрьевна — биолог, специалист по морским млекопитающим. Училась в Тимирязевской академии, закончила Биологический факультет МГУ, кафедру зоологии позвоночных. С 1970-х гг. и по настоящее время сотрудник Института проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова. Кандидат биологических наук (1976), диссертация о звуковой сигнализации в поведении северных морских котиков и сивучей. Основные интересы — поведение и экология ластоногих. Участник многих экспедиций на Чукотке, Камчатке, Сахалине и Курильских островах.

Мурашко Ольга Ануфриевна — этнограф, закончила кафедру этнографии МГУ (1973). Работает в НИИ и Музее антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ; занимается изучением социальной, экономической,

демографической и культурной адаптации аборигенных групп Севера России. Полевые исследования в Якутии, Бурятии, Хакасии, на Камчатке, в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах. С 1990 г. сотрудничает с неправительственными организациями народов Севера, член Международной рабочей группы по делам коренных народов (IWGIA) и общественных экспертных советов Государственной Думы и Совета Федерации РФ.

Мымрин Николай Иванович — биолог-охотовед, специалист по морским млекопитающим и традиционным экологическим знаниям народов Чукотки. Закончил Кировский сельскохозяйственный институт, кандидат биологических наук (2000, диссертация «Динамика природных ресурсов и аборигенный промысел на юго-востоке Чукотского полуострова»). Работал в инспекции рыбоохраны на Командорских островах. На Чукотке с 1982 г.; работал в службах по контролю за морскими млекопитающими в п. Провидения. Участник международных программ по наблюдениям коренных жителей Чукотки и Аляски за морскими млекопитающими.

Нувано Владислав Николаевич — родился и вырос в с. Ваеги, Чукотского АО. С детства занимался оленеводством, работал пастухом в бригаде своего отца, известного оленевода Николая Нувано. Свободно владеет чукотским языком, знаток оленеводческой практики и традиций южных чукчей. Научный сотрудник Лаборатории истории и экономики СВКНИИ ДВО РАН в г. Анадырь. Автор многих статей по традициям и культуре чукчей-оленеводов, участник проекта СИКУ в 2006–2010 гг.

Полтаева Инга Игоревна — биолог, физиолог, специалист по высшей нервной деятельности, генетике поведения и нейрогенетике. Окончила биолого-почвенный факультет МГУ имени М. В. Ломоносова (1961). Доктор биологических наук (1999), ведущий научный сотрудник лаборатории физиологии и генетики поведения кафедры ВНД биологического факультета МГУ. Автор (соавтор) многих книг и статей по поведению, строению мозга и нарушениям нервной деятельности у грызунов.

Савинецкий Аркадий Борисович — биолог, археозоолог. Закончил кафедру зоологии позвоночных Биологического факультета МГУ (1982). По окончании университета работал в ИЭМЭЖ им. А. Н. Северцова (ныне Институт проблем экологии и эволюции РАН). Доктор биологических наук (2000), заведующий лабораторией исторической эко-

логии. Основная область интересов — история современных экосистем в голоцене. Проводил исследования на Ямале, Чукотке, Командорских островах, Северном Кавказе, Русской равнине, пустыне Негев (Израиль), Алеутских островах, в Эфиопии, Монголии, Египте.

Сальникова Людмила Владимировна (эскимосское имя Аягутк,ак,) — родилась в с. Уэлькаль, Чукотского АО. Училась в ЛГПИ им. Герцена на художественно-графическом факультете. Работала заводом на Уэлькальской звероферме; секретарем исполкома Уэлькальского сельского совета (с 1981 г.), председателем исполкома Уэлькальского сельского совета (с 1990 г.), главой администрации с. Уэлькаль. Член национального ансамбля «Имля», председатель отделения Ассоциации коренных малочисленных народов Чукотки в с. Уэлькаль. Участвовала во всероссийских и международных съездах организаций коренных народов Арктики.

Семёнова Тамара Юрьевна — старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, географ. Окончила МГУ им. Ломоносова (1975). Сфера научных интересов: охрана окружающей среды, устойчивое развитие, культурное и природное наследие, комплексные арктические исследования, международные отношения. Участвовала в исследованиях по российским и международным грантам от Академии наук Финляндии, Британского совета, Бирмингемского университета, Национального научного фонда США, Норвежского агентства по наследию, ЮНЕСКО.

Спиридонов Василий Альбертович — старший научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, д.б.н. Научные интересы в области морской экологии, биогеографии (особенно полярных областей), изучения истории рыболовства и морского природопользования. С 1998 г. регулярно проводит исследования на Белом море, включая проекты с участием местного населения в управлении природопользованием в прибрежной зоне. В 1999–2011 гг. был создателем и координатором морской программы Всемирного фонда дикой природы (WWF) России.

Сулимов Клим Тимофеевич — биолог, специалист в области кинологии и одорологии, автор породы «собака Сулимова». Окончил Московский пушно-меховой институт; кандидат биологических наук (1995), ведущий научный сотрудник Института культурного и природного на-

следования (Москва). Много лет работал в экспертных подразделениях Министерства внутренних дел СССР, затем России. С 1970-х гг. вел работы по скрещиванию ненецкой оленегонной лайки и европейского шакала для выведения новой служебной породы с экстраординарным нюхом («собака Сулимова»).

Суляндзига Родион Васильевич — директор межрегиональной общественной организации «Центр содействия коренным малочисленным народам Севера». Родился в селе Красный Яр, Приморского края; окончил Хабаровский государственный педагогический институт (1990 г.), кандидат социологических наук (2006). Лидер коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. Активный участник международного движения коренных народов. Область профессиональной деятельности: создание и реализация программ по правовым, социально-экономическим и культурным аспектам развития сообществ коренных малочисленных народов.

Супруненко Юлия Сергеевна — выпускница биолого-химического факультета Московского государственного педагогического университета. Работала в морском отделе Всемирного фонда дикой природы (WWF) России — координатором проектов на Белом море. Сейчас совмещает работу по сохранению биоразнообразия и устойчивого природопользования на побережье Белого моря, организует научно-практические конференции, пишет диссертацию по традиционным знаниям и культуре поморов и воспитывает маленького сына — помора. Проживает в поселке Чула (Республика Карелия) на берегу Чупской губы Белого моря.

Членов Михаил Анатольевич — этнограф, востоковед, гебраист, этноисторик, специалист по системам родства. Закончил Институт восточных языков (1965), кандидат исторических наук (1969). Сотрудник Института этнографии АН СССР (1969–1995); участник и руководитель этнографических экспедиций в Арктике, Сибири, Средней Азии и Закавказье. На Чукотке работал в 1971–1990 гг.; автор (соавтор с И. И. Крупником) многих статей по истории, социальной организации и культуре азиатских эскимосов; соавтор книги «Китовая аллея» (1982).

Штеле Ольга Евгеньевна — экономико-географ, специалист в области охраны культурного и природного наследия, региональных программ комплексного развития культуры. Закончила Ленинградский государственный педагогический институт (1975), кандидат геогра-

фических наук (1988). В 1994–2013 гг. — ученый секретарь Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва. В настоящее время — ведущий научный сотрудник отдела комплексных региональных программ социально-культурного развития Института социальной политики и социально-экономических программ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Шульгин Павел Матвеевич — экономико-географ, специалист в области культурного и природного наследия, экономики культуры и туризма. Закончил Географический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (1975), кандидат экономических наук (1982). В 1992–2013 гг. — заместитель директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва. В настоящее время заведует отделом комплексных региональных программ социально-культурного развития Института социальной политики и социально-экономических программ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Ятта Юрий Владимирович (эскимосское имя Уйгапак) — родился в с. Новое Чаплино (1961), профессиональный охотник с 20 лет. Учился в Провиденском сельскохозяйственном профессиональном училище по специальности охотник-судоводитель. Бригадир территориальной семейной общины морских зверобоев с. Новое Чаплино. Опытный мореход, знаток местных эскимосских названий приметных мест, мысов, гор, течений, ветров. Наставник молодых охотников; хорошо владеет родным эскимосским языком.

Яценко Оксана Евгеньевна — заместитель директора по экологическому просвещению и туризму национального парка «Берингия» в пос. Провидения (с 2013 г.). Окончила Ставропольский государственный педагогический институт. На Чукотке с 2004 г.; работала учителем английского языка в школах с. Новое Чаплино и пос. Провидения. В 2013 г. получила магистерскую степень по антропологии в Университете штата Аляска. Круг интересов включает этнические фестивали, аборигенный морской промысел, арктический туризм и формы управления в Арктике.

Summary:

Those who face the sea.

In memory of Lyudmila Bogoslovskaya

This book celebrates the life and legacy, academic, public, and personal, of Lyudmila S. Bogoslovskaya (03.18.1937–02.18.2015), Russian biologist and specialist in Native cultures and seascapes of Chukotka, the easternmost section of the Russian Arctic. Shortly after Bogoslovskaya's passing, her academic colleagues, friends, and partners in northern communities joined forces for a commemorative publication. The book is a collection of 33 original research papers and personal essays organized in five thematic sections, plus two unpublished writings of Bogoslovskaya, and a list of her published works (1979–2015) on Chukotka, northern indigenous peoples, and Arctic animals and ecosystems.

*Lyudmila Bogoslovskaya, 1937–2015.
Photo: Nikolai Perov (1980)*

Lyudmila Bogoslovskaya was born in Moscow and graduated in 1959 from the School (Faculty) of Biology, University of Moscow, with a major in neurophysiology. Her mentor was prominent Russian neurophysiologist, Grigorii I. Polyakov (1903–1982), with whom she co-authored several papers and a major book in 1981. For several years, she was a rising ‘biology star,’ a talented student of neuroscience, with her Ph.D. on brain functions in small terrestrial mammals from the renowned Russian Institute of Brain Research (1968).

Her transition to a new field, after two books and several articles in neurophysiology and brain morphology, began in the late 1970s. Bogoslovskaya led

a small team of biologists to eastern Chukotka to conduct field observations of behavioral patterns of whales, walrus, and colonial birds. At that time, she worked as a senior researcher at the N.I. Severtsov Institute of Ecology and Animal Morphology of the Soviet Academy of Sciences in Moscow, now Institute of the Problems of Ecology and Evolution of the Russian Academy of Sciences. Bogoslovskaya's trajectory from a neuroscientist to one of the leading world experts on the Pacific bowhead and gray whales, and, later, to the prime public speaker in Russia in defense of the Bering Strait ecosystems and its aboriginal peoples was unparalleled in today's disciplinary-organized academic life. Since 1993 and until her last days, she was the Head of the Center for the Studies of Traditional Subsistence Practices at the Russian Cultural and Natural Heritage Institute in Moscow.

Bogoslovskaya quickly fell in love with the wildlife of the Bering Strait area and with its Native people, the Siberian Yupik and Coastal Chukchi, their cultures, subsistence hunting economies, and traditional knowledge systems. Aboriginal maritime hunting had existed along the Russian side of Bering Strait and the adjacent shores of the Bering and Chukchi Seas for more than 2500 years. It was the staple of indigenous life that once supported more than 4000 people in hundreds of coastal villages and camps at the time, when Russian and later Soviet administration was established in the area in the early 1900s.

In the 1940s and 1950s, the Soviet authorities started a massive program of economic "modernization" of local coastal economies. They introduced state control and Native subsistence catch planning, closed smaller villages and moved people to larger modernized settlements, and initiated a slew of new economic activities, such as commercial fox-farming, whaling by a state-owned whaling ship, and development of village infrastructure, education, and health services. During these decades, and particularly in the 1970s and 1980s, aboriginal shore-based hunting was viewed by the appointed Soviet administrators as an antiquated (if not "primitive") occupation. It struggled under myriad official regulations and at the same time was doomed to expire in course of the Communist-led path to economic and social progress, unworthy of investment and attention.

Such was the situation that Bogoslovskaya encountered when she became engaged in the field of research on Chukotka and its people, and she quickly transformed it. In 1981, she organized a joint biological and ethno-historical survey of ancient sites, bird colonies, walrus haulouts, and whale feeding areas over some 170 km (100 mi) of the Chukotka shoreline. It was conducted by

two research teams from the Moscow-based Institute of Ecology and Institute of Ethnography, using two Yupik hunting boats with local crews from the communities of Sireniki and Novoe Chaplino. She eagerly embraced this type of fieldwork that put her in close touch with indigenous hunters and their ecological and spiritual knowledge. She soon followed with a series of daring skin boat surveys of the entire coastline of the Chukchi Peninsula (some 650 km, or 400 miles) in 1985 and 1987, including Big Diomedede Island. That experience contributed to her unparalleled expertise on Chukotka coastal and marine life, but also to her intimate understanding of hunters' knowledge and appreciation for Native cultures. Altogether, between 1977 and 2011, she made more than 30 trips to the area, also several visits to Alaska, including to Anchorage, Barrow, Fairbanks, and small rural communities.

Bogoslovskaya was poised, energetic, forceful, and remarkably successful in many of her initiatives. Since her first field years in Chukotka, she argued for the protection of rich marine and terrestrial ecosystems of the area, also of its ancient sites, cultural monuments, and subsistence practices of the local people. In 1990–1992, she played a critical role in a Russian-American initiative to establish an international Beringia Park in the Bering Strait area endorsed in 1990 by then-U.S. President George H. W. Bush and Soviet President Mikhail Gorbachev. She served as the lead science expert for its Russian portion, the “nature-ethnic” Beringia Park established in 1993 (and transformed into the federal National Park in 2013).

Bogoslovskaya was mostly known to her Western colleagues as the prime Russian specialist on the Arctic cetaceans and on Chukotka aboriginal subsistence whaling. Starting in 1980, she contributed several papers to the annual *Reports of the International Whaling Commission* on Chukotka whales and subsistence whaling, co-authored with Russian whaling captain Leonard M. Votrogov (1929–1982), ethnologist Igor Krupnik, and biologist Tatyana Semenova. In 1982, together with Votrogov and Krupnik, she made her first published appeal to the International Whaling Commission (IWC) to re-establish aboriginal subsistence whaling for bowhead and gray whales in Chukotka that the Soviet Government banned in the 1960s. Aboriginal whaling in Chukotka was resumed after the fall of the Soviet Union in 1991, and it was recognized by the IWC in 1997, with an annual quota for Chukotka Native hunters. Bogoslovskaya was, again, the lead science expert for the 1997 Russian quota application. She was one of the contributing authors to the international collection, *Inuit, Whaling and Sustainability* (1998) and she wrote a chapter on

collaboration between biologists and Chukotka Native hunters for the volume on aboriginal whaling, *Indigenous Ways to the Present* (2003).

Yet Bogoslovskaya also expanded her activities into many other domains. In 1985 and 1987, she conducted a survey of coastal seabird colonies on the Russian side of the Bering Strait that produced the first maps and counts of bird populations for several species. In the late 1980s, she initiated the first census of aboriginal sled dogs and active dog teams in all rural communities in Chukotka. Together with her Russian partners, she officially registered a breed of aboriginal husky dog that she named the “Chukchi sled dog” (*Chukotskaya ezdovaya*). Starting in 1991, she was the leading voice for a revival of Native dog-races in Chukotka, for which she produced a beautifully illustrated catalog of sled dogs, Native mushers, and traditional dog-training practices called *Nadezhda* (Hope): *A Race along the Edge of the Land* (2011; English translation 2015). Besides this catalog, she produced three other Russian collections for local Chukotka readers: *Whales of Chukotka* (2003), a co-authored source-book, *Maritime Hunting Culture of Chukotka. Traditions and Modern Practices* (2007, translated by the U.S. National Park Service in 2016), and another co-edited volume with a poetic title, *Along the Path of [Waldemar] Bogoras: Scholarly and Literary Materials* (2008).

Bogoslovskaya’s last international project was a study of ecological knowledge and observations of Chukotka aboriginal people of the changes in sea ice and weather, under the impact of rapid climate warming. She designed that multi-year study (together with Igor Krupnik) for the International Polar Year 2007–2008, as a Russian contribution to the *SIKU* (Sea Ice Knowledge and Use) project. A beautifully illustrated Russian book named *Our Ice, Snow, and Winds* (2013) that she co-edited with Krupnik, combined observations of Chukotka indigenous monitors, Elders’ stories, dictionaries of ice and snow nomenclatures in Native languages, and other elements of people’s knowledge collected by contributors from several local communities. She worked tirelessly to produce these books as testaments to the richness of aboriginal cultures in Chukotka, in spite of decades of forced acculturation and neglect by various political regimes.

Bogoslovskaya’s remarkable life trajectory from a lab-based neuroscientist to a field marine biologist, to an activist for environment and heritage preservation, to a champion of indigenous rights and cultures was admired by her many partners in Russian research institutions, environment and heritage protection agencies, among Chukotka cultural activists, and in local commu-

nities. This is why, shortly after her passing in 2015, some 40 contributors responded to the call and produced over 30 papers and personal memoirs that constitute the present collection to honor her legacy. The production was coordinated by a small editorial team of Yupik political activist Tatyana Achirgina (ICC-Chukotka, Anadyr), Ekaterina Bogoslovskaya (Lyudmila's daughter, Moscow), museum curator Michael Bronshtein (Russian Oriental Museum, Moscow), anthropologist Igor Krupnik (Smithsonian Institution, Washington, DC, USA), and heritage specialist Marina Kuleshova (Russian Institute of Cultural and Natural Heritage, Moscow), under the general editorship of Krupnik.

The book opens with a general overview of Bogoslovskaya's life and career written by *Igor Krupnik*. The first volume section titled *Indigenous Knowledge* includes 10 papers: a survey of local knowledge on 'monster' polar bears (by *Anatolii Kochnev*); two essays on Bogoslovskaya's role in bringing Chukotka indigenous hunters into international programs that monitored bowhead whales and other marine mammals (by *Nikolai Mymrin* and *Igor Zagrebin*); three studies of Chukotka people's knowledge of birds, as reflected in their Native languages (by *Arthur Apalu* and co-authors, *Igor Krupnik*, and *Nikolai Vakhtin*); two papers on people's knowledge of sea ice (by *Victoria Golbtseva*, and *Natalya Kalyuzhina* and co-authors); a pilot study of contemporary knowledge of the young cohort of Chukotka Native hunters (by *Oksana Yashchenko*); and an inventory of aboriginal place names in the Senyavin Strait area in southeastern Chukotka (by *Michael Chlenov*).

The second section of the book titled *Protection of Cultural and Natural Heritage* features six papers written by Bogoslovskaya's colleagues in this field. It comprises two papers on general issues of cultural and heritage preservation (by *Yurii Vedenin* and *Marina Kuleshova*); two papers exploring Bogoslovskaya's leadership in establishing the 'Beringia' Park on the Russian side of Bering Strait (by *Boris Vdovin*) and her role in protecting cultural landscapes of the Russian settlers ('Pomors') along the White Sea shores (by *Vasilii Spiridonov* and *Yuliia Suprunenko*). The section concludes with a paper by *Andrei Kozlov* and *Galina Vershubskaya* on the role of traditional Arctic diet in fighting Vitamin D deficiency among indigenous residents of the North and another paper on the planning for 'ethno-ecological areas' in Siberia and the Russian Arctic (by *Olga Shtele* and *Pavel Shulgin*).

The third section, *Documenting Chukotka's Historical Memory*, covers various aspects of historical research in Chukotka. It includes four diverse papers – two exploring oral tradition, genealogies, and collection of personal memories

(by *Lyudmila Salnikova*, *Igor Krupnik* and *Michael Chlenov*), one describing Bogoslovskaya's ethnographic collection from Big Diomedes Island (by *Michael Bronshtein*), and the last one analyzing ancient remains of Chukotka sled dogs excavated at historical sites (by *Dmitrii Vasyukov* and *Arkadii Savinetsky*).

The fourth section, *Indigenous People's Rights*, is made of two contributions – on Bogoslovskaya's legislative activities in the 1990s and 2000s (by *Olga Murashko*) and about her collaboration with the Russian Association of the Indigenous Peoples of the North, RAIPON (by *Tamara Semenova*, *Nikita Vronsky*, and *Rodion Sulyandziga*). The latter paper features extensive summary of Bogoslovskaya's 60-page report on the status of Russia's indigenous peoples under the impact of industrial development and climate change. It was written in 2013 for the Center for Support of Indigenous Peoples of the Russian North.

The fifth section, *Personal Memories*, comprises nine short personal essays. They cover: early professional years of Bogoslovskaya (written by her peers from the School of Biology, *Tatyana Golubeva*, *Zoya Zorina*, and *Inga Poletayeva*); her first field trip to the Arakamchechen Island in Chukotka in 1977 (by *Tatyana Lisitsyna*); her relations with Chukotka indigenous people (by *Tatyana Achirgina* and *Vladimir Etylin*) and, specifically, with her Native students and local disciples (by *Victoria Golbtseva*, *Vladislav Nuvano*, and *Valentina Leonova*); her role in studies of the aboriginal dog populations in Russia (by *Klim Sulimov*), and her uniquely supportive way of communication with the Chukotka residents (by *Lydia Aronova*).

The last section, *Publications*, features two unpublished papers by *Bogoslovskaya*: one written in 1988 about her boat trips with Yupik hunters in the 1980s and the other produced in 2009 on Indigenous people's rights to their traditional lands as a source of their internal strength and ethnic distinctiveness. The volume concludes with the List of Bogoslovskaya's publications on Chukotka and the Russian Arctic (1979–2015), and short bios of 39 volume contributors.

TABLE OF CONTENTS

Editor's Preface	8
The Culture will protect the Nature: Along the trails of Lyudmila Bogoslovskaya. <i>Igor Krupnik (Washington, DC)</i>	11
Part One: INDIGENOUS KNOWLEDGE	39
Monster polar bears in oral tradition of Chukotka indigenous peoples <i>Anatolii Kochnev (Anadyr)</i>	41
Working with Chukotka indigenous monitors: Some ideas and observations. <i>Nikolai Mymrin (Vyatka)</i>	68
A model for partnership among Nations and People. <i>Igor Zagrebin (Provideniya)</i>	87
Modern Chukchi and Yupik names for birds in the Senyavin Strait and Tkachen Bay area <i>Arthur Apalu, Aleksandr Borovik, Yurii Yatta, and Natalya Kalyuzhina (Yanrakynnot–Provideniya–New Chaplino)</i>	107
On Birds, People, and Indigenous knowledge. 'Birds' section in the "Dictionary of Traditional subsistence terminology of the Chaplinski Yupik language." <i>Igor Krupnik (Washington, DC)</i>	120
The birds of Sireniki of 1984 (A sketch to a memoir) <i>Nikolai Vakhtin (St. Petersburg)</i>	150
Seasonal changes in local natural and cultural icescapes off the community of Uelen. <i>Victoria Golbtseva (Anadyr)</i>	165
Multi-year ice cracks off southeastern Chukotka (Observations on traditional use of icescapes) <i>Natalya Kalyuzhina, Aleksandr Borovik, and Arthur Apalu (Provideniya–Yanrakynnot)</i>	175
"Look and follow me": Young cohort of Chukchi and Yupik maritime hunters in the communities of Lorino and Sireniki in the 2010s <i>Oksana Yashchenko (Provideniya)</i>	191
Yupik place names in the Senyavin Strait area (southeastern Chukotka) <i>Michael Chlenov (Moscow)</i>	214

Part Two: PROTECTION OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE	249
On certain contradictions in the field of heritage preservation: Approaches to conflict resolution in contemporary cultural landscapes	251
<i>Yurii Vedenin (Moscow)</i>	
A ‘Nature-Culture Heritage Continuum’ and paths to its local preservation	272
<i>Marina Kuleshova (Moscow)</i>	
Lyudmila Bogoslovskaya as a science leader in the planning for the “Beringia” Park, 1990–1991.	298
<i>Boris Vdovin (St. Petersburg)</i>	
Traditional land-use of the Pomors, as a factor in the preservation of the White Sea cultural landscapes.	317
<i>Vasilii Spiridonov and Yuliia Suprunenko (Moscow)</i>	
Vitamin D and the health of Northern residents	344
<i>Andrei Kozlov and Galina Vershubskaya (Perm)</i>	
Approaches to the planning for protected Ethno-Ecological Areas.	363
<i>Olga Shteleva and Pavel Shulgin (Moscow)</i>	
 Part Three: DOCUMENTING CHUKOTKA’S HISTORICAL MEMORY. . . .	 381
My early memories from Uwellkal	383
<i>Lyudmila Salnikova (Uwellkal)</i>	
A “New Land”: History of the formation of the Uwellkal Yupik Eskimo community	396
<i>Igor Krupnik and Michael Chlenov (Washington, DC–Moscow)</i>	
“I keep looking at them all night long”: Eskimo ritual objects from Ratmanov (Big Diomedes) Island	422
<i>Michael Bronshtein (Moscow)</i>	
On the history of aboriginal dogs in Chukotka	447
<i>Dmitrii Vasyukov and Arkadii Savinetsky (Moscow)</i>	
 Part Four: INDIGENOUS PEOPLES’ RIGHTS.	 475
Legislative work of Lyudmila Bogoslovskaya: The time of hope, achievements, and losses	477
<i>Olga Murashko (Moscow)</i>	
Lyudmila Bogoslovskaya’s collaboration with the Russian Association of the Indigenous Peoples of the North (RAIPON)	497
<i>Tamara Semenova, Nikita Vronsky, and Rodion Sulyandziga (Moscow)</i>	

Part Five: PERSONAL MEMOIRS	531
Early career of Lyudmila Bogoslovskaya, neuromorphologist (memoirs of her biology colleagues)	533
<i>Tatyana Golubeva, Zoya Zorina (Moscow)</i>	
Lyuda Evlampieva and her honors thesis: memoirs of 1959.	541
<i>Inga Poletaeva (Moscow)</i>	
Memoirs from study of walruses on Arakamchechen Island, 1977.	545
<i>Tatyana Lisitsyna (Moscow)</i>	
Amazing worlds of Lyudmila Bogoslovskaya	550
<i>Tatyana Achirgina (Anadyr)</i>	
A friend, an instructor, and a mentor	555
<i>Victoria Golbtseva (Anadyr)</i>	
About our ‘academic Mom’	563
<i>Vladislav Nuvano (Anadyr)</i>	
About a ‘Learned Person,’ with gratitude	568
<i>Valentina Leonova (Anadyr)</i>	
Allegiance to traditions: A tribute to Lyudmila Bogoslovskaya	571
<i>Vladimir Etylin (Anadyr)</i>	
In memory of Lyudmila Bogoslovskaya — a scholar and a Person	575
<i>Klim Sulimov (Moscow)</i>	
A trail leads far away...	579
<i>Lydia Aronova (Lavrentiya)</i>	
PUBLICATIONS	583
Together with the Eskimos on the trail of Eskimos (1988)	585
<i>Lyudmila Bogoslovskaya</i>	
Indigenous land rights as the basis of their existence and ethnic distinctiveness (2009).	606
<i>Lyudmila Bogoslovskaya</i>	
List of Lyudmila Bogoslovskaya’s major publications on Chukotka and the Russian Arctic (1979–2015)	621
Volume Contributors	629
English Summary	639
Table of Contents.	645

Наследие Берингии. Выпуск 3

Лицом к морю

Памяти Людмилы Богословской

Составитель и отв. редактор
доктор биологических наук И.И. Крупник

Редактирование, корректура
Юлия Виниченко

Компьютерная вёрстка
Павел Аликулов

Оформление переплета
Екатерина Богословская

Подписано в печать 05.12.2016.
Формат 70×90^{1/16}. Бумага офсетная №1.
Гарнитура Minion Pro. Печать офсетная.
Тираж 250 экз.

Отпечатано в типографии «Август Борг»
Тел.: +7 (495) 787-06-77
107497, Москва, Амурская ул. д. 5, стр. 2
www.augustborg.ru